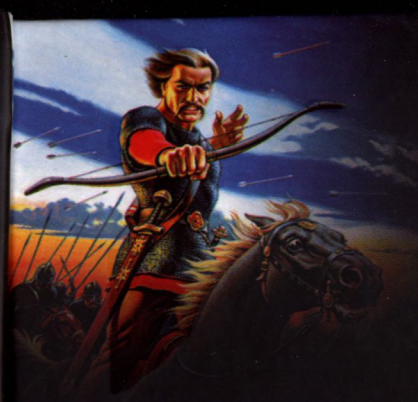
Александр
МАЗИН



ВАРЯГ

ВАРЯГ · МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ!

Александр
МАЗИН

ВАРЯГ

ВАРЯГ · МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ!

Александр МАЗИН

ВАРЯГ

ВАРЯГ · МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Астрель-СПб»
МОСКВА Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М13

Компьютерный дизайн *С.В. Шумилина*

Мазин, А.
М13 Варяг: Варяг. Место для битвы / А. Мазин. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. — 614, [1] с.

ISBN 978-5-17-044422-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0842-6 (ООО «Астрель-СПб»)

Десятый век. Становление Руси. Время легенд. Время героев.

Это не фантастика. Это подлинный мир Истории. Мир жестокий, чужой и завораживающе прекрасный. Таким увидели бы его вы, если бы смогли заглянуть в прошлое.

Серега Духарев не собирался заглядывать в прошлое. Но однажды он проснулся там, в десятом веке, в мире, где у чужака только два варианта будущего: раб или покойник. Но Серега Духарев счел, что оба варианта его не устраивают. Он выбрал третий путь, Путь воина.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 04.05.07. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 4724090

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д. 003857.05.06 от 05.05.2006 г.

© А. Мазин, 2007
© ООО Астрель-СПб, 2007

ВАРЯГ

Часть первая

КУЛАК КАК ОРУДИЕ ВЫЖИВАНИЯ

Глава первая,

в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки

«Эх, сейчас бы кружечку пива,— подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз.— Всего одну кружечку, и — как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту, цвирканье птичек...

«Мать моя...— подумал Серега.— Чего это они расчирикались среди зимы? И почему спине неуютно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все,— подумал он обреченно.— Крыша тю-тю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Серега с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? — подумал Серега.— Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? — подумал Серега.— Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере — без бутылки пива. А лучше — двух.

Последним воспоминанием Сереги была поездка в Москву. С друганами Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Серегу с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может, это Вовка? Вовка — еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

— Эй! — гаркнул Серега.— Хорош дурить!

Единственный результат — возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

— Я пить хочу! — громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: — И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густющий малинник. В самой середке малинника шуровал какой-то мужик.

— Здорово! — крикнул, подходя, Духарев.— Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова остолбенел. То есть он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул — только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

— Во! — сказал он больше для самоуспокоения.— Человек — это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и почапал дальше. Направление выбрал — чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

— Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! — громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию.— Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах — черным и красным — широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загородили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» — подумал он.

— Хау-ду-ю-ду, мужики! — сказал он.— Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

— Не пойдет,— покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем, в чем, а «насчет подраться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

— Ну-ка! — гаркнул Духарев, шагнув вперед.— С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул — и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным маваши, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне термоядерная бомба, и он выпал из странной действительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

— И зачем дрался, дурачок? — спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зацем дрался, дурацок?» — но безусловно русская.

— Денег нет,— продолжал между тем разочарованный панк.— Одежка дрянь,— он пренебрежительно дернул линялую джинсину,— обувка — дрянь,— пинок кожаным сапожком по десантной бутсе Сереги,— оружья нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

— На, дурачок! — На живот Духарева упала монетка. И уже своим: — Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с монеткой на пузе. И чувствовал он себя без всякого преувеличения как обосранный.

Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку — металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из

бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекладиной, вроде виселицы. На другой — нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо. Бивали его и сильней. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

Глава вторая,

в которой почти ничего не происходит, зато у Духарева появляется ощущение, что у кого-то поехал шифер: или у него самого, или у всего окружающего мироздания

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородатых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набычился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через двадцать остановилась.

— Эй, паря! — окликнули его.— Куда ноги несут?

— Никуда! — буркнул Духарев, тоже останавливаясь.— Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

— Давай к нам!

Духарев помотал головой.

— Не бойся, дурень! — крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого — желтая. Вот и все различие.— Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусила дальше.

— Тя как кличут? — спросил рыжебородый.

— Сергей.

— Диковинное имя. Ты че, хузарин?

— Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескает! — вмешался желтобородый.

— Ну, всяко бывает,— отозвался рыжий.— Я вот Голомята. А умник этот — Терщок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

— Ничей,— Серега энергично работал челюстями.

— А где ж такие лбы растут? — ехидно осведомился Трещок.— Ты, часом, не дедки Водяного внук?

— Нет,— кратко ответил Духарев.

— А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

— А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

— Попадались,— сказал Трещок.— То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

— Что смешного? — буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

— Нас не трогают,— пояснил Трещок.— Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

— Токо Горазд все одно девку не отдаст,— сказал Голомята.— Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника — ни в жисть.

— Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был,— поведал Трещок.— Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! — отстраненно подумал Духарев.— А может, и не поехала? Может, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

— Че-т, одежка на тебе чудная, Серегей,— желтобородый Трещок пощупал духаревскую рубаху.— Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

— Нет,— буркнул Серега.

— А все ж, откель сам будешь, паря? — Желтобородого снедало любопытство.

— Издалека,— отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое — и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрей пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще какого-нибудь Перши.

Серега попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодилось меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепушке — и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.

Дорога вильнула и вывернулась на опушку. Теперь слева зеленел луг, а пониже, за камышами, блестела речка. На речке чернели лодочки. Мирная такая картинка.

Впереди Серега увидел высокий черный забор. Из-за забора поднимался дымок и доносился мерный звон. Будто кто-то лупил ломиком по рельсе. Телега миновала черные ворота, подпрыгнула на досках, перекрывших небольшой ручей, и покатилась дальше.

Спутники Духарева перестали болтать. Трещок задремал, а Голомята кривым ножом выстругивал лошадку, занимался, так сказать, народным промыслом. Живая лошадка бежала сама по себе.

Спустя некоторое время впереди открылся холм, а на холме — городок. Поселок сельского типа: деревянные домики с

черными крышами, на макушке холма — дома покрупней. Что-то типа монастыря, только почему-то без крестов. Еще Серегу прикололо, что вокруг поселка — высоченный забор. Опасливо живут староверы.

— Слышь, Голомята, а речка ваша как называется?

Мужик отложил лошадку, ответил обстоятельно:

— Речка наша Сулейкой зовется. А впадает в Двину, что к граду Полоцку течет. Бывал?

Серега помотал головой.

— Откуда ж ты идешь, паря? — удивился Голомята.— Лицом ты вроде наш, из кривичей, а говор мне незнакомый.— И добавил с важностью: — Дивно это мне, бывалому...

Пока Голомята неспешно рассуждал о местных диалектах, Духарев безуспешно пытался соединить реальность с невозможностью. В географии Серега спецом не был, но где течет река Двина, знал прекрасно. И где город Полоцк стоит — тоже знал. Он еще мог поверить, что в какой-нибудь дикой Сибири есть места, не тронутые цивилизацией. Но не по эту сторону Уральских гор! Ни машин, ни линий электропередач...

Серега потрогал затылок. Шишка. Вполне реальная и довольно болезненная. Какой там сон! Значит, шифер все-таки поехал?

Повозка подкатилась к воротам. У ворот голый лохматый парень точил топор.

— Здорово! — крикнул ему Голомята.

— Здорово,— флегматично ответил парень.

Качок. Даже не качок — боец. Мускулатура у парня — не накачанное мясо, а реальная железная мышца. Как у покойника Брюса Ли.

Голомята покопался в сумке, выудил монетку, бросил парню. Тот поймал.

— Как съездили? — спросил он.

— Не в убытке.

— А это кто с вами?

Серега не сразу понял, что речь — о нем.

— По дороге прибился. Его Перша ободрал.

Парень отложил топор, встал.

— Ох доиграется Перша! — посулил он, оглядел Духарева, констатировал: — А ниче парниша! Здоровый. Не пропадет. Кличут как?

— Серегей! — вместо Духарева ответил Голомята.

— Ишь ты! — удивился парень.— Чего умеешь, Серегей?

— Зубы выбивать,— мрачно ответил Духарев.

Парень ему не понравился. Наглый, как тамбовский бычок.

Парень, впрочем, не обиделся. Или намека не понял.

— Коли так, Голомята, вези его наверх. Может, сгодится в княжьи люди?

— Дело,— согласился Голомята.— Свезу.

И хлестнул лошаденку.

Трещок так и не проснулся.

Дорога шла узкая, между заборов. По обе стороны — деревянные тротуары. Лошаденка топала не спеша, гоняла хвостом мух. Все вокруг было такое настоящее... слишком настоящее для самого крутого глюка...

Серега почесал стриженую макушку, поскрипел мозгами... и принял все как есть. Ничему не удивляться, не возмущаться. И не борзеть. По крайней мере, пока ситуация не прояснится. А пока рассматривать ее как приближенную к боевой. Провоевал Духарев совсем немного, но успел усвоить накрепко: главное — выжить. Те, кто удивляется, возмущается и умничает, возвращаются домой за казенный счет, под номером «200». Не борзеть. Однако и клювом не щелкать.

Глава третья,

в которой выясняется, кто крут, а кто — не очень

Улочка виляла, как уклейка, но упорно карабкалась вверх, пока не добралась до местного рынка.

Тут было шумно, толкался разный местный народ, и выглядел этот народ настолько чуждо для глаз питерского парня Сереги Духарева, что тот совсем растерялся.

— Слазь,— скомандовал Голомята.— Тебе туда! — Он махнул рукой вправо, где между домами видно было пустое пространство. А за ним — высокий забор.

— Спасибо,— Серега соскочил с телеги.

— Удачи, паря! Не робей!

Трещок так и не проснулся.

Духарев пошел в указанную сторону и минут через пять оказался у архитектурного ансамбля, который украшал вершину холма.

Первым внимание привлекал могучий забор: ряд толстых, тесно пригнанных, заостренных сверху кольев, обмазанных какой-то сизой дрянью. Кое-где над частоколом возвышались деревянные же башенки, а в одном месте ограда вытягивалась кишкой и сходилась к воротам. Над воротами тоже возвышались башенки, а сами ворота выглядели весьма солидно: высокие, окованные железом. Под старину. Впрочем, тут все было — под старину. А и в самом деле — может, это какой богатенький новорус в историю балуется? Была вроде такая мода?

Створки были приоткрыты, поэтому Духарев решил, что можно войти без стука.

По ту сторону ворот оказался довольно узкий коридор, мощенный булыжником. Камни мостовой были подогнаны очень тщательно, а вот забор изнутри выглядел совсем непрезентабельно: какие-то лесенки, балки... Как будто его еще не достроили.

Никем не остановленный, Духарев миновал узкий проход и оказался на просторном, тоже мощеном дворе, с колодцем и несколькими строениями. Жемчужиной этого деревянного зодчества, вне всяких сомнений, можно было назвать особнячок в два этажа с башенками и красной крышей. Симпатичный особнячок, стильный. За особнячком высилась каланча высотой метров десять, с крохотными окошками. Предположение насчет играющего в «историю» новоруса еще более укрепилось.

По двору задумчиво бродила свинья, и явно маялся от безделья белоголовый парень лет двадцати, прикинутый, по местной моде, в ярко-синие сапожки, которые время от времени ласково поглаживал. Видно, нравилась ему собственная обувка.

На Серегу парень глянул, но вскользь. Без малейшего интереса. Свинья же Духареву вообще внимания не уделила.

Пока он топтался у входа и размышлял о том, что предпринять, за спиной раздалась ругань, чья-то рука довольно бесцеремонно отпихнула Духарева в сторону, и мимо протопали

трое. Вернее, двое — в куртках с нашитыми железками, при мечах — проволокли третьего, босого, в длинной серой рубахе и перепачканных в грязи штанах с завязочками внизу.

Белоголовый парень встрепенулся.

— Поймали? — обрадовался он.

И пронзительно свистнул.

Свинья, безуспешно пытавшаяся выворотить одну из булыжин, укоризненно поглядела на белоголового.

Резные красные двери особнячка распахнулись, и на крыльцо вывалило сразу человек десять. Духарев с легкостью выделил главного: коренастого мужика лет под сорок, с вислыми усищами и стрижкой «а-ля запорожский казак». Только прикинут мужик был не в пример лучше, чем братва на известной картине Репина.

— Ага,— буркнул «запорожец».— Этот?

— Он, батька, не сумлевайся! — заверил один из тех, кто приволок босоногого.

— Мужики его, слышь, прям с бабы стащили! Ну а тут и мы!

— Ага.— «Запорожец» подумал немного.— Что ж ты, злодей, чужих баб топчешь? — спросил он.

Мужик не ответил.

Вислоусый махнул рукой. Двое тут же заломили мужику руки так, что он рухнул на колени. Белоголовый закинул руку за спину и вдруг выдернул из-за плеча длинный меч. Встал над мужиком, откинул тому волосы с шеи и с короткого замаха играючи отсек склоненную голову. Отрубленная голова мячиком покатилась по булыжнику, встала на ровный обрубок шеи и остановилась. Фонтан крови, бивший из обезглавленного, иссяк. А в животе Духарева образовалась противная холодная пустота. Гипотеза о богатом любителе старины растаяла, как мороженое на горячем асфальте.

Белоголовый вытер меч о рубаху убитого, оглядел придирчиво сапоги: не брызнуло ли? Кивнул удовлетворенно — чистые! — и отправил меч обратно за спину, в ножны.

Вислоусый обратил внимание на Духарева.

— Кто таков? — спросил он.

Серега расправил плечи. Шире, чем у него, здесь плеч не было.

— На работу возьмешь? — спросил он. «Запорожец» нахмурил брови, не понял.

— Драться за тебя хочу,— пояснил Духарев.— Как эти.— Он кивнул на мужиков с оружием.

— В гридни? — Вислоусый нахмурился еще больше.— А где ж зброя твоя?

— Нет у меня зброи! — нагло заявил Серега.— Без нее возьмешь?

Как ни странно, его дерзость «запорожцу» понравилась.

— Ничего,— помягчел он.— Всяко бывает. Ладно... Мороз!

— Чего, Скольд? — спросил белоголовый.

— Проверь молодца.

Белоголовый пригладил бесцветные усики, усмехнулся, поискал глазами, нашел какой-то шест, легко переломил пополам, одну половинку бросил Сереге, своей помахал в воздухе:

— Давай, братко!

Давай так давай. Духарев махнул обломком, целя белоголовому по ногам...

Оп-па!

Жердина как-то непонятно вырвалась из рук, а белоголовый, оказавшись рядом, больно ткнул Серегу палкой в живот. Духарев разъярился и пробил белоголовому между глаз, однако тот, ловкач, ухитрился нырнуть... и тут-то его ждало духаревское колено! Зубы белоголового звонко лязкнули, но в следующее мгновение Серега оторвался от земли, полетел через голову белоголового и грянулся оземь всеми своими килограммами. Нет, упал он грамотно, только руку немного ушиб. Тут же вскочил на ноги, перекатом... И услышал, как гогочут парни. Над ним, кстати, гогочут. Белоголовый, ухмыляясь, встряхнул палкой и изобразил, будто меч в ножны вкладывает. Остальные заржали еще громче. Обидно, однако.

— Нет, паря,— сказал с усмешкой «запорожец» Скольд.— Не возьму я тя в гридни. Иди-ка ты лучше к скоморохам, на торгу народ веселить.

Повернулся и пошел в особнячок. Остальные — за ним.

Останки казненного уже куда-то уволокли. Как и голову. Скособоченный дедок посыпал кровавую лужу песочком, а красный песок лопаткой собирал в корзину.

Серега Духарев вздохнул, повернулся и вышел вон. Спасибо, хоть голову на плечах оставили!

Глава четвертая,

в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз

Поскольку идти было некуда и в желудке бурчало, опечаленный Серега отправился на рынок. Из местной валюты у него имелся «сувенирный» грошик. Да еще несколько российских рублей мелочью завалялось в карманах. Может, какой-нибудь местный валютчик... Нет, вряд ли.

«Хорошо хоть лето,— подумал Духарев.— Тепло».

И едва не вступил в теплую навозную кучу. Выругался. Проходившая мимо женщина звонко рассмеялась. Духарев глянул на нее мрачно, и она засмеялась еще громче. Крепкая бабенка, щеки — как яблоки, грудь... хм-м... в общем, не маленькая. Тут Духарев вспомнил, как срубили голову мужику, и быстренько отвернулся. Может, за разглядывание чужих женщин тоже полагается что-то нехорошее?

Рынок был самый натуральный. Местный народец торговал всякой всячиной. Жратвой, барахлом, живностью.

Серега двинул между рядов. Торгаши им особо не интересовались. Он уже понял, что по местным понятиям вид у него не шибко крутой. Безденежный вид, одним словом.

— Молодец добрый, красивый, скушай калачик!

Тетка, поперек себя шире, в высокой, обшитой бисером шапке и металлических висюльках на непомерной груди, протягивала ему витую булку.

Серега сглотнул слюну. Угощение сердобольных попутчиков уже давно переварилось.

— Сколько? — спросил он.

— Грошик, молодец! Ах какой калачик! Нынче они мне особо удались!

Серега порылся в кармане, нашарил российский рупь:

— Пойдет?

Тетка оглядела монету.

— Это где ж такие красивые чеканят? — удивилась она.— Конечно, сгодится, молодец! Кушай на здоровье! — Тетка сунула Сереге калач и потопала вперевалочку, но быстро-быстро.

— «Переплатил»,— подумал Серега и вгрызся в булку.

Булка оказалась пресноватой, хотя вполне съедобной. На вид и запах лучше, чем на вкус.

Серега брел между рядами, приглядываясь. Торговали тряпьем, довольно тусклым, какими-то железками. А вот кожа была хороша! И меха. Похоже, сплошь натуральные. В холщовых мешках возились поросята. Мемекала привязанная к колышку коза.

Целый ряд занимали торговцы овощами. Капуста, репка, морковь.

«А картоха где?» — подумал Серега.

Может, неурожай у них тут? Сомнительно.

Морды у всех — что у торгашей, что у покупателей — как на подбор: гладкие, румяные, народ почти сплошь блондинистый. И ни одной «кавказской» физиономии.

«Куда ж я все-таки попал?» — опять вылезла загнанная было в подкорку мысль.

«Цыть!» — прикрикнул на нее Серега, и мысль убралась обратно в подсознание.

— А ну кто смелый да не боязливый! — раздался звонкий крик.— А ну кто — попытать силушку богатырскую!

Серега обернулся на голос, подошел поближе.

На свободном месте образовался кружок из любопытствующих аборигенов.

Посреди кружка топтался босой детина в серой подпоясанной шнуром рубахе с засученными рукавами. Чуть подальше стояла палатка, а у палатки колотил в бубен тощий парнишка. Он и кричал.

Детина топтался в пыли, тряс связанными в хвост волосами, густой бородищей, охлопывал себя по бедрам. Шея детины наводила на мысль об африканских буйволах. Толстая и грязная.

— Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! — надрывался тощий парнишка.— Выходи, не боись, силушке молодецкой удивись!

Серега присмотрелся к «силачку». Детина был примерно его веса, чуток поприземистей. Зато лапы — как совковые лопаты.

Местный народец обступил борцовский пятачок, но Серега, с высоты своего роста, мог без проблем озирать окрестности. Среди зрителей обнаружилось несколько вполне привлека-

тельных девичьих мордашек. Особенно одна Духареву приглянулась: черненькая, шейка тоненькая, глазенки — как спелые турецкие сливы. Этакий темный ирис среди местных пышных георгинов.

Зазывала опять разразился воплями. Голос у него был зычный и довольно противный.

Еще утром Серега, из лихости, может, и вылез бы на пятачок, похвалился удалью. Но здешние крутые ребята успели научить его скромности. Если этот бычара окажется так же ловок, как белоголовый Мороз, Духареву опять придется жрать пыль. По новой опозориться не хотелось. Тем более на виду у черноглазки.

Между тем на утоптанный пятачок выбрался соискатель, крепкий мужик в черной рубахе. Отстегнул пояс с ножом, стащил сапоги, закатал рукава, плюнул на ладони...

Сошлись. Без особой ловкости: сгребли друг дружку, потискали, детина изловчился, напрягся, сдавил противника, хакнул и шваркнул оземь. Мужик в черной рубахе плюхнулся всей спиной, как опрокинутая тумбочка, но поднялся сам, кряхтя, застегнул пояс, забрал сапоги и свалил. Застеснялся, должно быть.

Победитель, бахвалясь, напрягал мускулы, тряс волосатыми кулачищами.

Серега с удовольствием разглядывал черноволосую малышку и подумывал — как бы это поделикатней с ней познакомиться.

Зазывале надоело драть глотку. Теперь он просто выстукивал марш на донышке призового котелка и обменивался репликами с публикой.

Минут через десять появился еще претендент на призовой фонд. Помоложе. Проделал ту же операцию: скинул ремень, сапоги, поплевал на ладошки. Но сгрести себя не дал, увернулся и смачно треснул Сычка по роже. Тот в долгу не остался, размахнулся и влепил парню кулачищем в грудь. Парень охнул, но не умер и даже не упал, а с молодецким возгласом заехал детине по уху. Сычок даже не качнулся, только ухо порозовело. Кулачищем размером с боксерскую перчатку звезданул претендента в лоб, и на этом поединок практически закончился. Претендент «поплыл», Сычок сцапал противника за грудки, поднял и шваркнул оземь в уже виденной Духаревым манере.

Два-ноль.

Могуч, спору нет. Но в общем-то ничего особенного. Хорошо держит удар, кое-какие навыки уличной драки, но движется абсолютно неграмотно, атакует бесхитростно, как молодой бычок.

«А! — залихватски подумал Духарев.— Была не была!»

Поймал взгляд черноглазки, подмигнул и полез в круг.

Зрители одобрительно заворчали.

Ремень Серега снимать не стал. Чтоб джинсы не потерять. Просто разулся, прошелся по теплой земле.

Сычок глядел на него с любопытством.

— Ну, давай! — кивнул ему Серега.— Поехали!

Тот медлить не стал, сразу полез хватать. Серега смахнул его руки, зашел сзади, врезал пяткой под колено. Детина тут же плюхнулся на задницу.

«Ну это же совсем другое дело!» — подумал Духарев.

Детина встал. Он был удивлен. Снова попытался сграбастать Духарева. Тот перехватил руку и швырнул местного удальца через бедро. Тут же отметил, что упал его соперник совсем не так, как давешние кандидаты в чемпионы. Не мерзлой тушкой, а грамотно, упруго.

Третий заход. Противник применил хитрость, сделал вид, что собирается схватить, а сам левой рукой попытался заехать Духареву по роже. Счас! Разбежался! Из-под такого замаха Серега ползком уйти успеет! Нырок — и очень конкретный прямой в челюсть. Ай, молодец!

Детина принял удар с крестьянской простотой, но устоял. Правда, глазки затуманились.

Серега гуманно дал противнику чуток отдышаться, а когда тот отвел кулачище в могучем замахе, Духарев пробил серией: в нос, в солнечное сплетение и в челюсть. Иппон! Детина закатил глазки и рухнул.

Кто-то из зрителей одобрительно вякнул, но большинство — молчали.

«Что-то не так?» — насторожился Духарев, наткнулся взглядом на знакомую рожу: один из тех стражников, что приволокли мужика.

Вояка поймал Серегин взгляд, усмехнулся, повернулся и пошел прочь.

У Духарева отлегло от сердца.

Детина завозился на земле, встал. Из носа его текла кровь.

Серега вспомнил про приз и подошел к тощему пареньку.

— Котел оставь себе,— сказал он.— А деньги я возьму.

— Обойдешься! — сердито буркнул парень.— Денежки в откуп пойдут.

— Какой еще откуп? — удивился и рассердился Духарев.

Детина подошел, встал рядом. На Духарева он глядел с интересом бультерьера, обнаружившего новую разновидность кошки.

— За кровь! — отрезал парнишка и показал на разбитый нос детины.

— Ну ни хрена себе! — рявкнул Серега, чуя, что его кидают.

Кидалова Серега не любил. Очень не любил! Просто зверел сразу...

— Ну-ка, гони бабки, козел! — гаркнул он.— Живо! Пока башку не оторвал!

Детина шумно вздохнул. Паренек сунул руку за пазуху...

Беньк! Что-то хряснуло по многострадальной духаревской головушке, и Серега выпал в осадок.

Глава пятая,

в которой говорится о местных законах, судопроизводстве, правах граждан и бесправии всех остальных

Свет сочился из щелястой стены. В свете плясали пылинки. Серега лежал на чем-то твердом, и мягкая ручка ласково ворошила его волосы.

— Б-блин!

Ничего себе — ласково! Больно, однако!

— Терпи, молодец, терпи! Попечет — перестанет! — проговорил нежный голосок.— И головой не верти, мешаешь.

Серега скосил глаза. Она. Та самая. Черноглазая.

— Привет,— сказал Духарев.— Меня Серегой зовут.

Немножко иначе он представлял себе их знакомство.

— Лежи тихо, Серегой,— попросила девушка.

— Лежи, не дергайся,— вступил мальчишеский ломкий тенор.— Ранка пустяшная. Пожалел тебя Чифаня.

— Угу,— буркнул Духарев.— Я б его тоже пожалел. Раза три по почкам.

— Все,— сказала девушка, и Серега сел. Потрогал голову. На макушке — липкая тряпочка. Серега понюхал испачканные пальцы.

— Это что?

— Мед,— ответила девушка.

Или девочка.

Такая лапушка! Шейка нежная, пальчики тонкие, ресницы — веера, кожа бархатная, губки... Нет слов!

Под его взглядом девочка смутилась, отчего понравилась Духареву еще больше.

Серега огляделся. Так себе сарайчик. Пол земляной, присыпанный сеном, на веревках — пучки трав. Духарев снова посмотрел на девушку, решил: ей лет шестнадцать, не больше. А пацан — еще моложе. Нахальный такой пацан, вихрастый, в веснушках. Волосы цвета соломы, еще светлей, чем у Духарева, на девушку абсолютно не похож.

— Спасибо, милая, за заботу! — поблагодарил Серега.— Как тебя, красавица, зовут?

Девушка еще больше смутилась.

— Сладислава.

Пацан хихикнул.

— Сладой ее кличут,— сообщил он и снова хихикнул.— А меня — Мышом. А ты, значит, Серегой?

— Сергей! — Духарев подчеркнул ударение на последнем слоге.

— Ну, я и говорю, Серегей,— кивнул пацан.— А сестренку мою не дразни. Она хорошая.

Духарев не очень понял, что мальчишка имеет в виду, но спорить не стал.

— Говоришь, пожалел меня твой Чифаня? Вместо денег по башке саданул! Чем это он, кстати?

— Да вот этим же! — Парнишка извлек местное оружие.

Духарев пригляделся. Нехитрая штука. Шар сантиметров пяти в диаметре с грубой железной петлей. Сквозь петлю продет ремешок. Просто, но эффективно.

— Чего уставился? Битки не видел?

— Представь, не видел! — заявил Духарев.

— И откуда ж ты такой дурной взялся? — вздохнул мальчишка.— Битки не видел, ножик твой... токо рыбу чистить.

— Дался вам мой ножик! — сердито буркнул Духарев.— А взялся я оттуда же, откуда все, понял? А Чифаню твоего я еще поймаю.

— А чего его ловить? — удивился пацан.— Он завсегда здесь, на торжке. Токо ты с ним лучше не ссорься. Он тебе худого не сделал.

— Да ну?

— А че? Откуп за кровь взять — его право. Да и плата — малая. Скольд мог и больше присудить. А стукнул тебя — тоже по праву. Тихонько, чтоб не зашибить. А мог бы и до смерти. Ты ж, как я вижу, одинец. Родичей нет, головничество спрашивать некому. Был бы ты княжий человек, тутошний свободный или хотя холоп чей, Скольд бы за тебя виру князю назначил. А ты — чужой. Так выходит — пришиб бы тя Чифаня — и остался по Правде чист!

— Хорошая у вас правда! — усмехнулся Духарев.

— Хорошая,— кивнул пацан.

— А если бы, скажем, я его убил?

— Платил бы виру и головное, до двадцати гривен серебра — сколько посадник скажет. Или князь, если по случаю заедет. Но лучше б тебе не платить, а сразу из городка бежать. У Чифани родня сильная, кожемяки.— Мальчишка покачал головой.— Прибьют. А отобьешься — опять платить.

— А им, значит, можно?

— А им — чего? Они твою кровь за кровь родича невозбранно брать могут. В своем праве.

— А если у меня денег нет?

— Продадут в холопы. Или в яму — пока не заплатишь.

— М-да,— только и мог сказать Серега.

Закончики здесь еще те!

— Ты — чужак безродный, так? — развивал тему пацан.

— Выходит, что так,— согласился Духарев.

— Не купец, не воин, не ведун, не волох...— перечислял парнишка.

— Нет.

— Значит, ты никто, Серегей, и звать тя никак. И цена тебе — грошик дырявый.

— Зачем тогда подобрали меня? — желчно осведомился Духарев.

— Да вот она попросила,— пацан кивнул на сестру.— Не то на что ты нам сдался?

— Глупый ты! — сердито бросила девушка.— Не чужой он нам! Я это еще на Торжке поняла. Сердцем. А теперь точно знаю, что брат он нам. И не болтай!

Теперь настала Серегина очередь удивляться.

— И откуда же ты это знаешь? — спросил он, улыбаясь ласково.

Вместо ответа девушка сунула руку под вырез рубашки и вытянула маленький крестик на тонкой золотой цепочке. И вихрастый Мыш тоже полез за пазуху и вытащил такой же желтый крестик.

Серега открыл рот... и закрыл. Как бы чего сдуру не ляпнуть!

— Ты наш брат во Христе,— торжественно произнесла девушка.— Господь же велел братьям в беде помогать!

И добавила что-то по-гречески. Что по-гречески, Духарев догадался только потому, что прошлым летом провел пару приятных недель на греческом побережье.

— Матушка наша во младенчестве крещена, и батюшка наш крещеный...— девушка вздохнула,— был. И нас крестил. Еще в Доростоле.

Глава шестая,

в которой Серега Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом

— Батька наш — из булгар, а мамка наша родами померла,— сообщил Мыш.

— Он ее не помнит,— сказала Слада.— Маленький был. А теперь вот мы и вовсе вдвоем, и иной родни у нас нет. И братьев-христиан здесь тоже нет. Только в Киеве.

— Той зимой варяг с князем приезжал. На полюдье,— сказал Мыш.— Тож христианской веры. Но ты — не варяг. И не нурман. Слышь, Серегей, а давай мы с тобой побрата-

емся? — Пацан необычайно оживился.— Тебя ж так и так убьют...

— Это почему же? — возмутился Духарев.

— Да обычаю не знаешь! — отмахнулся Мыш.— И бестолковый. Тебе без разницы, а мне за тя виру дадут!

— Так сестра твоя говорит: мы и так братья.

— Не-е! Это мы по-христиански — братья. А по Правде — чужие. Ну, побратаемся? Я с Чифаней погутарю — он видаком будет и Сычку скажет. Сычок, коэшно, дурень, да глаза и у него есть. По рукам?

Духарев усмехнулся:

— По рукам. Беги за своим Чифаней.

— Прямо сразу? — удивился пацан.— А и верно! Чего нам тянуть? Вдруг тя седни и убьют! — И пулей вылетел на улицу.

— Шальной,— улыбнулась Слада.— А ты, Серегей, правильно решил. Мыш — он хороший. И слову верный, хоть и малец еще.

— А может, я не из-за него, а из-за тебя? — улыбнулся Духарев.— Может, я такой красивой девушки, как ты, еще не встречал?

Ресницы Слады вдруг задрожали.

— Не дразни меня, Серегей,— проговорила она отвернувшись.— Нехорошо это. Стыдно тебе!

«А что я такого сказал? — изумился Духарев.— Может, по здешним правилам девушек хвалить нельзя?»

Следующие полчаса прошли в грустном молчании.

От нечего делать Духарев разглядывал сарайчик. Ничего особенного, если не считать отсутствия железных деталек. Гвозди, штырьки, крючки — все сплошь деревянное. Рядом, прислоненное к стене, стояло какое-то приспособление, вроде доски с «сережками» на изогнутой ручке, «хвост» которой был отломан. На доске с большим тщанием были вырезаны фигурки: всадник, странное животное вроде верблюда, но с человеческой головой, башенка... Целая картинка, одним словом.

— Это чего? — поинтересовался Серега.

— Прялка,— с удивлением ответила Слада. Поглядела на Духарева, который вертел «прялку», пытаясь сообразить, как это можно использовать.— Сломанная.

В сарайчик вихрем ворвался Мыш.

— Договорился! — крикнул он.— Пошли! — И, ухватив Серегу за рукав, потянул наружу.

Сарайчик располагался на краю рынка. В ряду таких же скромных строений.

За дверью ждал тощий парень, съездивший Духарева по чайнику. Над парнем нависал переминавшийся с ноги на ногу квадратный грабастый Сычок.

Солнце уже висело над самыми верхушками деревьев по ту сторону реки. Вечер. Рынок опустел.

— Двинулись! — нетерпеливо потребовал Мыш и чуть ли не бегом устремился вниз по деревянному тротуару.

Духарев вопросительно взглянул на Чифаню.

— Мы на тебя обиды не держим,— сказал тот.— Не бойся.

«Однако!» — подумал Духарев, но спорить не стал, двинулся за Мышом. Чифаня не отставал. Замыкал шествие Сычок, под ногами которого доски тротуара жалобно поскрипывали. Нет, ошибся Серега, этот здоровяк его килограммов на пятнадцать потяжелей будет.

Компания вышла из городка через уже знакомые Духареву ворота. Сейчас при них сидел уже другой сторож: бородатый улыбчивый дядя лет сорока. Сторож поздоровался с Чифаней и Сычком, видно, не прочь был поболтать, но Чифаня отмахнулся: мол, спешим.

Шли не очень долго. Сначала — мимо зеленеющих полей, потом — лесом, на горку. Поднялись по утоптанной тропинке, затем по каменистому склону, вдоль ручейка — до плоского камня с загадочными значками. Из-под камня выбивался родник, который наполнял выложенную камешками ямку. Над ямкой толклись мошки. Вода, вытекавшая из ямки, и давала начало ручью.

Серегины спутники остановились. Зачерпнули ладонями воду, выпили. Серега — тоже. Вода попахивала сероводородом, но пить можно.

Поднялись повыше. На взгорке, широко раскинув крученые ветви, стоял дуб. Вокруг дуба имелась невысокая оградка из черных камней, а внутри, сбоку от могучего ствола,— врытый в землю столб с грубо вырезанной мордой. Рот истукана был в темно-коричневых потеках.

Мыш остановился. На веснушчатой физиономии — невероятная торжественность. Вынул из-за пазухи деревянную

посудину типа миски. Ручки у посудины были резные — повернутые друг к другу лосиные головы, сделанные, надо отметить, с большим искусством. Мыш вручил посудину Сычку. Тот соскочил с обрывчика, зачерпнул воды, ловко, как обезьяна, вскарабкался обратно и поставил чашку на землю.

Чифаня извлек здоровенный тесак, передал Мышу.

Тот засучил рукав.

— На! — Он протянул тесак Сереге.

Духарев, сообразив, аккуратно чиркнул по тощему предплечью мальчишки, тоже засучил рукав и передал нож. Через несколько секунд вода в чашке замутилась от смешавшейся крови.

Мыш поднял чашу, сделал глоток, протянул Духареву. Тот тоже отпил. Делов-то, еще и не такое пивали. Мыш выплеснул остаток на утоптанную землю. Жидкость моментально впиталась в песчаную почву.

Серега бросил взгляд на Чифаню... и неожиданно осознал, что это совсем не детская игра, а нечто действительно важное. И что этот малец, с которым он познакомился час назад, чья белобрысая макушка не дотягивает до Серегиного плеча, в глазах вполне взрослых Чифани и Сычка *действительно* стал Серегиным братом.

Повинуясь наитию, Духарев расстегнул рубашку, стянул через голову золотую цепочку и протянул пацану.

Тот на миг замешкался, потом сообразил, снял собственный крест и передал Сереге. Затем потянулся к нему, а когда Духарев наклонился, пацан обнял его и прошептал ему на ухо:

— Имя мне — Момчил.

— А мое — Дух.

Ничего лучше собственной кликухи Сереге в голову не пришло.

Духарев разомкнул объятия, поглядел на пацаненка и понял, что ему хорошо. Братьев у него раньше не было. И не думал, что когда-нибудь будут.

— Славно! — громко и торжественно произнес Чифаня.

Духарев ощутил, что отношение парня к нему тоже изменилось. Потеплело.

— Славно! — пробасил Сычок.— Айда мед пить!

Глава седьмая,

где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство

Парусиновый навес над головами. Толстые чурбаки вместо стульев. Вместо столов — еще более толстые чурбаки, на которые уложены широченные доски. Степенные мужики с деревянными кружками глянули на вновь пришедших, кто-то поздоровался. Сереге обстановка сразу напомнила знакомый пивняк в Питере.

«Интересно, какое здесь пиво? — подумал Духарев.— И где представительницы прекрасного пола? Или у них — как в Азии?»

— Садись,— сказал Мыш.— Я сейчас.

Серега опустился на чурбак. Рядом плюхнулся Сычок. Чифаня отошел к другой компании.

Серега приглядывался к местным жителям. Внешность у аборигенов разнообразием не отличалась: коренастые, волосатые, скуластые. Правда, у одних — патлы до плеч, а другие, например трое мужиков в обшитых бляхами куртках, стрижены покороче, скобкой. Но бородаты все поголовно.

Серега потрогал подбородок: щетинка еще только пробивалась. Его бритая морда в здешнюю моду явно не вписывается.

Вернулся Мыш, приволок бурдюк литров на шесть и четыре кружки, вырезанные каждая из цельного куска дерева. Ручки у кружек, изукрашенные по здешнему обычаю резьбой — переплетающимися змейками.

Мыш наполнил кружки, позвал Чифаню. Сычок алчно облапил свою кружку, но не пил, ждал, преданно глядя на Чифаню.

— За вас, братья! — строго сказал Чифаня, плеснул чуток на земляной пол, после чего с достоинством выпил.

Остальные медлить не стали. Сычок, как и Чифаня, тоже плеснул на землю, а Мыш — нет. И Серега — не стал.

«Надо будет спросить, что за обычай такой»,— подумал он.

Это было не пиво. Сладковатое пойло, пряное от трав, слабенькое, как джин-тоник.

— Чифаня, я кушать хочу! — заявил Сычок, теребя рыжеватую бороду.

Чифаня вытащил кожаный мешочек, вытряс на стол содержимое: кусочки светлого металла, вероятно серебра, монетки разные, даже парочка золотых. Чифаня выбрал из серебряных кусочков самый маленький, дал Сычку:

— Отдай Белке. Пусть накидает каши, сколько не жалко.

Кашу Сычок притащил в большущем котелке, литров на пять. У Сереги немедленно забурчало в животе. Трое его приятелей достали ложки... У Духарева ложки, ясное дело, не было.

— Удивительный ты человек, Серегей,— вздохнул Чифаня.— Даже ложки у тя нет.

— Я ему вырежу,— с готовностью заявил Мыш.— А пока моей поест.

Чифаня пожал плечами и зачерпнул кашу.

Каша напоминала перловку. Соли маловато, зато много сала. В первый раз за сегодняшний день Серега наелся от пуза.

Стемнело. На дворе кто-то разжег костер. Налетели комары. Никто, кроме Духарева, не обращал на них внимания. Бурдюк опустел, и Чифаня отправил Сычка за новой порцией.

Чифаня и Мыш обсуждали какого-то Шубку. Шубка этот зимой намеревался идти на некие Черные Мхи. Охотиться, как понял Духарев. Чифаня думал пойти с ним, но опасался. Все знают: два года тому на Черных Мхах лесная нечисть побила охотничью ватажку. Мыш же утверждал, что побила ватажников не нечисть, а лихие людишки. Мехов, добытых в зимнике, не нашли, а нечисти меха — без надобности. Она сама мохнатая.

Чифаня возражал: Мыш по-людски рассуждает, а нелюдь потому и нелюдь, что понять ее невозможно.

О нелюди и нечисти друзья говорили так, как Серегины питерские кореша под водочку толковали, скажем, об американцах. Дескать, по-русски не понимают, потому хрен поймешь, чего им надо. Одно ясно — ничего хорошего не жди.

Под навесом появилась новая компания. Человек десять, и тоже одни мужики. Возглавлял ее рослый, немного огрузневший мужчина со шрамом на лбу, коротко стриженными волосами и лопатообразной бородой. На поясе у него красовался не нож, как у большинства здешних, а настоящий меч с самоцветом на оголовье. Золотая цепь на шее в полкило весом, золотые браслеты. Местная крутизна, одним словом. Остальные

перед ним явно лебезили. В одном из этих, лебезящих, Серега опознал знакомого — Голомяту. Голомята тоже узнал Духарева, помахал рукой.

Новая компания заняла целый стол, а через некоторое время от нее отделился парнишка, подошел к Духареву:

— Слышь, чужак, тебя Горазд зовет.

Серега вопросительно поглядел на Мыша, а тот в свою очередь — на Чифаню. Чифаня же пожал тощими плечами; мол, иди или не иди — дело твое.

Духарев решил подойти. Хоть позвали его, мягко говоря, неуважительно, но Голомята обошелся с Духаревым по-человечески. Нехорошо после этого его хозяину отказывать.

Сергей остановился в паре шагов от стола, который был явно побогаче, чем тот, за которым он сидел. И блюдами, и напитками.

Горазд — густая борода, челка с проседью, плечи минимум на пятьдесят четвертый размер — повернулся к Духареву, но не поднялся, остался сидеть, упершись ладонями в широко расставленные колени. Шаровары у Горазда, похоже, были из натурального шелка, красные, того же цвета, что и камень в оголовье положенного на лавку меча. Золотая цепь грузно свисала с купцовой шеи. Мощная цепка — машину буксировать можно.

— Сам откуда? — спросил купец.

Голос — бас. Сочный, глубокий.

— Издалека,— уклончиво ответил Духарев.

Лицо у Горазда — жесткое, глаза темно-серые, цвета апрельской Невы. Серега мог их хорошо разглядеть, потому что посреди стола горела толстая белая свеча.

Купец молчал, и тусовка его тоже. Духарев чувствовал: для Горазда он — вещь. Сейчас вещь оценят и либо купят, либо отпихнут пинком, как перестоялый гриб. И все же была в купце некая привлекательность. Харизма. Серега осознал, что ходить под началом такого сильного человека ему было бы лестно.

— Что, побил тебя Скольдов оплечник? — произнес купец.

Духарев счел за лучшее промолчать.

— То-то,— удовлетворился его молчанием купец.— Служить ко мне пойдешь?

— А что делать? — спросил Духарев.

— Да все! — весело отвечал Горазд.— Что скажу — делать. Ты тута чужой, чего нам с тобой рядиться? Иди по-хорошему, зря обижать не стану. Не такой я хозяин! Хоть у кого спроси!

— Да, да! — оживились его шестерки.— Горазд — хорош! Горазд — добрый хозяин! Горазд...

— Без ряду не ходи! — пискнул появившийся сбоку Мыш.

— Кыш, землеройка! — добродушно проговорил Горазд.

— Не иди к нему в холопы, Серегей! — звонко крикнул Мыш.— Не иди!

— Да я в холопы и не собираюсь! — Духарев даже удивился.— Разве он меня в холопы зовет?

— А куда ж еще! — возмутился Мыш.— Служить без ряду — значит, в полные холопы! А-а-а! Да ты ж наших законов не разумеешь!

— Ну-ка уберите этого пискуна,— распорядился Горазд.— Да надавайте по шеям, чтоб в большой разговор не лез.

Однако команду купца его подручным выполнить не удалось. Духарев перехватил двоих сунувшихся, бить не стал; одного оттолкнул так, что тот впилился спиной в столб, второму захватил кисть на болевой.

— Уй-уй-уй! — завопил подручный, и на выручку ему сунулись сразу четверо.

— Ша! — рыкнул Горазд, и купцовы люди остановились, а тот, кому Духарев руку выкрутил, перестал орать, только морщился.

— Отпусти его,— приказал купец, и Духарев подчинился.

— Много себе позволяешь, чужак,— проворчал Горазд.— Захочу — так тебя возьму.

— Не возьмешь! — запальчиво выкрикнул Мыш.— Он брат мне!

— Не свисти! — усмехнулся Горазд.— Голомята! Чужак те че о брате говорил?

— Не-а! — потряс лохматой бородой Голомята.

— Не брат!

Это сказал подошедший Чифаня.

«Предатель!» — подумал Духарев, но поторопился с выводами.

— Не родный брат, побратим! — продолжал Чифаня.— Я тому видок! Мыш по отчине — из княжьих людей, вольный. И Се-

регея ты под себя взять не сможешь, коли он против. А не то — пусть Скольд рассудит!

— Во! Пусть Скольд! — поддержал Чифаню Сычок. И встал рядом с Духаревым. За их спинами маленький Мыш совсем потерялся.

— Обойдемся без Скольда,— буркнул купец.

Серега видел: Горазд раздосадован. И еще он видел, что народ в «закусочной» притих: все внимательно слушают их спор. Купец глянул из-под насупленных бровей, потом скосил глаза на лежащий на лавке меч.

«Схватит — я ему врежу! — подумал Духарев.— И будь что будет!»

Горазд меч не тронул.

— Ладно,— проворчал он.— Припомнится.

Мыш потянул Серегу за рукав: пошли.

Духарев зуб дал бы: не будь вокруг других людей, Горазд так просто не сдался бы. Показал бы силу.

— Нехорошо вышло,— сказал Чифаня, когда они вернулись за свой стол.— Горазд на обиду памятливый.

— Да чего он тебе сделает! — запальчиво крикнул Мыш.

— Мне — ничего. А вам с Серегеем — может. Пошли спать, что ли?

Глава восьмая,

в которой Серега Духарев размышляет о мистическом

В соломе шуршало, в стенах скреблось и поскрипывало. Зудели комары. Снаружи, где-то на реке, орали лягушки. Ночь. Летняя ночь. Обычная летняя ночь. Только вот Серега отчетливо помнил, что его предыдущая ночь была зимней. И мелкий снег вихрился перед лобовым стеклом, неприятно снижая видимость. И никаких комаров.

Серега загадал: «Вот сейчас мигну — и снова окажусь в салоне Вовчиковой тачки!»

Не получилось. Все та же темная избенка, комары и лягухи. Спит на лавке, завернувшись в холстину, славная девочка Слада. Посапывает на соломенном тюфяке Мыш. А Сереге не

спится, хотя день у него был длинный-предлинный и запутанный, как чужой сон. Ну, уже не совсем чужой. И точно не сон.

«А может, лежу я сейчас в дурдоме на коечке...» — мечтательно подумал он.

Был у Сереги школьный кореш, тоже Серега, и прикалывался на всякой мистике. И гнал всякие телеги типа, что все, что мы видим,— лабуда и дым. К примеру, идет навстречу девчушка на каблучках, с загорелым животиком, а вовсе это не животик, да и не девчушка, а просто *нечто*, на которое навесили ярлычок: клевая девочка. И по этому ярлычку ты собираешь всю картинку. А как это все на самом деле, видят только грудные младенцы. Потому что их еще не приучили «собирать картинки». И ежели этот «способ сборки» поменять, то вполне окажется, что не город вокруг, а красная пустыня, а ты не двуногое прямоходящее и пивопьющее, а какой-нибудь хвостатый ящер о шести головах.

По молодости Серега эти темы слушал с интересом. Не то чтобы верил, но... любопытно. Но экспериментировать не тянуло. И правильно. Вон тезка экспериментировал — и доигрался. То ли кислоты пережрал, то ли грибочков, но шифер у него съехал капитально, вторая группа инвалидности. Тем не менее в идеи одноклассника духаревская тема укладывалась. А возможен был и совсем простой вариант: никакой такой «прежней жизни» у Сереги не было, а просто здешние молодцы дали ему крепко по башке, и память у Духарева отшибло, да и навеялось ему, что жил он когда-то в Питере, учился в универе, бегал на лыжах... Или, к примеру, вселился в Духарева нехороший бес... В общем, идей было много, но все — «кислотные».

«Буду-ка я лучше спать»,— сказал себе Серега.

И уснул.

Глава девятая,

в которой не происходит ничего существенного

Проснулся Серега оттого, что Мыш пощекотал ему пятку.

— Ну здоров ты спать! — заявил названый брат.— Солнышко уж без малого на самую маковку забралось.

Серега сел, пощупал затылок; нормалек. Почти не больно.

И тут же дернулся: прямо по его ноге ползла змея!

Тьфу ты, пропасть! Обычный уж!

Серега смахнул его на пол.

— Эй, ты что! Не обижай! — сердито проговорил Мыш.

Подхватил ужа и отнес к миске с молоком. Как кошку.

— А Слада где? — спросил Духарев.

— Да в лавке, где ж ей быть,— пожал плечами Мыш и похвастался: — А я по рыбку ходил. Во! — Паренек махнул связкой окуньков и лещей.— Будет на жаренку!

— А искупаться в вашей речке можно? — осторожно спросил Духарев.

— Да почему ж нельзя? — удивился Мыш.— Пошли!

В воде отражались синее небо и зеленая листва. Мыш быстренько скинул с себя все, кувыркнулся в траве, вызвав переполох в племени кузнечиков, вскочил...

— Ух ты! — воскликнул он, восхищенно взирая на Духарева.

Серега решил было, что причина восторга — его атлетическая фигура, но оказалось, что фигура ни при чем. Предмет, потрясший воображение названого брата,— Серегины ярко-алые трусы-плавки с вышитым орлом на кармашке.

Мыш с огромным уважением пощупал тонкую ткань.

— Это кто ж те спрял такое? — поинтересовался он.

— Да я откуда знаю? — ответил Духарев.— В фришопе купил. Здесь глубоко? — Он кивнул на текущую двумя метрами ниже воду.

Вместо ответа Мыш разбежался и сиганул вниз.

— Давай! — заорал он снизу.

Серега отошел на пяток шагов, разогнался, взметнулся вверх ласточкой, описал идеальную дугу и чисто, как нож, вошел в теплую воду. Песчаное дно ударило по подставленным рукам, течение мягко потянуло за собой. Серега вынырнул и пошел поперек струи мощным кролем, наслаждаясь собственной силой, скользящей вдоль кожи водой и тем, что Мыш наверняка глазеет на него и, очень может быть, восхищается им самим, а не турецкими плавками.

Оказалось, что наблюдает за ним не только названый брат. Когда Серега достиг противоположного берега, до которого было всего ничего, меньше сотни метров, то обнаружил деревянные мостки, а на мостках — трех аборигенок, занимавшихся постирушками.

Ради Серегиного заплыва они сделали перерыв и глядели теперь с любопытством на его стриженую голову.

Аборигенки были — как куклы барби. Не по внешнему виду, а по сходству между собой: пшеничноволосые, скуластые, веснушчатые и фигуристые. Одна, видимо, побойчее, выпрямилась, не озаботившись, впрочем, освободить подол юбки, завязанный узлом намного выше колен.

— Ай да молодец! — воскликнула она, подбоченясь.— Я б такого потискала в дажьбожью ночь!

Икры у аборигенки были загорелые, а ляжки белые, как молоко.

Серега приветливо махнул рукой, повернулся и обратно поплыл уже не кролем, а баттерфляем. Что, по его мнению, смотрелось еще круче и при духаревской ширине плеч на противоположный пол действовало, как прямое попадание в БТР: взрыв, огонь и полная гибель. Не то чтобы ему очень хотелось понравиться этим сочным бабенкам: с точки зрения Духарева, Слада была куда симпатичней; но Серега любил произвести впечатление.

Метрах в двадцати от своего берега Серега нырнул, а вынырнул уже прямо под Мышом, подхватил мальчишку за ноги и подкинул вверх.

— Ну ты, Серегей, ну ты плавать! — фыркая и отплевываясь, крикнул названый братишка.

Серега достиг берега и вытянулся на теплом песочке. Мыш плюхнулся рядышком.

— Слышь, Серегей,— спросил он.— А ты, часом, не нурман?

— С чего ты взял? — удивился Духарев.

— У нас так не плавают.

— Как — так?

— Да как ты. Нурманы, сказывают, у тюленей плавать учатся. Сказывают, нурман может полный день плыть, да не в такой воде, а в ихнем море. А там вода хол-ло-одна!

— Нет,— покачал головой Серега.— В холодной я не могу.

Он вскочил на ноги и быстро и гибко раскрутился в атакующей связке, тройном развороте с хлесткими ударами рук и ног, а закончил высоким прыжковым «ван-даммовским» уромаваши, малоэффективным в реальном бою с равным противником, но весьма зрелищным.

— Это у тебя че за танец? — поинтересовался Мыш.

— Это не танец,— слегка обиделся Духарев.— Это боевое искусство!

— Чаво?

— Боевое. Искусство! — Серега ребром ладони срубил древесный сучок.

Но эта демонстрация резкости на Мыша не произвела впечатления.

— В бою зброя нужна,— авторитетно заявил он.— Кулачком шелом не прошибешь.

Духарев спорить не стал. Он знал, что были воины, способные пробить «пустой» рукой и доспех, и грудную клетку. Но Серега, неплохо бившийся и на татами, и на улице, вполне мог перебить противнику ключицу ударом сюто, а вот срубить, как Ояма, рог у быка даже и пробовать не стал бы. Так что в отношении Духарева Мыш был абсолютно прав. Ну и ладно! Танец так танец!

Глава десятая,

где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея

Прошло три дня. Будучи под неусыпным присмотром Мыша, Серега, полный лох в местных понятиях, тем не менее успешно избегал неприятностей. И знакомился со своей новой средой обитания. Главным образом, с той частью этой среды, где обитал Серегин названый братишка.

Первым делом Духарева ознакомили с «недвижимостью», которой владели его новые родственники: одноэтажной избенкой с примыкающим сарайчиком, хлевом емкостью примерно в полторы коровы и двором шагов десять в поперечнике. В хлеву обитали две козы. Еще в собственности новой Серегиной семьи оказалась лавка на рынке, который у аборигенов именовался Торжком. Кстати, сам поселок тоже именовался Торжком, вернее Малым Торжком, потому что был еще и Большой — на Двине, немного повыше места, где в нее впадала здешняя речка Сулейка. Имелись у Мыша со Сладой и земельные владения за пределами городка — огород примерно в пять соток.

Возможно, Мыш рассчитывал, что его новоприобретенный братец будет полезен в хозяйственных делах, но тут парнишку ожидало разочарование. Не то чтобы у Духарева руки из задницы росли. Мог он и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара, но только в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным. А уж к земледелию Духарев был абсолютно не годен: ни мотыгой, ни тяпкой не владел совершенно, равно как и не способен был даже отличить сорняк от петрушки. И, соответственно, был абсолютно бесполезен в сборе целебных растений.

Поверить в то, что такой здоровенный облом, как Серега, по жизни ни хрена не умеет, Мышу было трудно, поэтому пацан на время от Духарева отступился, но продолжал размышлять, куда бы приспособить двухсаженного братца, чтобы хоть жрачку свою окупал. Не то чтобы Мышу было жаль кормить брата, но в его белобрысой головке как-то не укладывалось понятие безделья. Духарев тоже размышлял над тем, куда приложить мускулистые руки, но отыскать неквалифицированную работу было непросто. Пару раз Серега помог приезжим купцам перекидать мешки, но профессия грузчика здесь считалась неподобающей для свободного человека и оплачивалась довольно скудно. Свободному человеку полагалось пахать, ремесленничать, торговать или воевать. Ничего из этого списка популярных профессий Духареву не подходило. В ученики же его наверняка никто не взял бы. Хорош ученик — на голову выше мастера!

Основной доход Слады и Мыша проистекал от продажи всяческих лекарственных трав и кореньев, а также мелких лекарских услуг, оказываемых Сладой населению. Когда умер их отец, Торжок остался без настоящего лекаря. Был знахарь-коновал, лечивший равно людей и скотину, была бабка-повитуха. Зашить рану или вправить сустав, в принципе, мог любой Скольдов гридень. Серьезную медицинскую помощь — вроде лечения трахомы или грыжи — мог оказать какой-нибудь волох, жрец местного бога с тем же именем. Волохи время от времени навещали Торжок. Но в их отсутствие больного приходилось доставлять на Волохово капище, до которого пешком два дня идти.

К Сладе больные обращались не очень охотно. Во-первых, чужая. В Торжке родни нет. Во-вторых, девка. Была бы замужняя да рожалая, доверяли бы больше,— поведал Сереге Мыш.

— Только кто ж ее замуж возьмет, безродную? Была бы еще красива, тогда другое дело. А так...— Мыш разочарованно махнул рукой и еще энергичнее заработал ножом.

Духарев, который почти с восхищением наблюдал, как из липовой чурочки рождается ложка, только головой покачал, в очередной раз услышав о том, что Мыш считает сестру дурнушкой.

Клочок серой тряпки, флажком вьющийся на ветру, напомнил Духареву одну детскую забаву.

— Мыш, ты змея когда-нибудь пускал?

— Куда? — спросил Мыш.

— В воздух.

— Ах вот ты про какого! — пробормотал парнишка.— Ты, Серегей, это... Ну, мы, ясно, христиане, но про Горюныча лучше не болтай. Накличешь!

Духарев засмеялся:

— Не боись, пацан! Сейчас я тебе покажу.

Клок старой тряпки, шесть прутьев, конопляная бечевка. Стянуть, укрепить, выгнуть «спинку», чтоб лучше ловился ветер...

Мыш, не забывая стругать, с любопытством наблюдал.

Готово! В довершение Духарев угольком нарисовал на ткани круглый глаз, сильным движением метнул поделку вверх, дернул бечевку, и змей, трепыхнувшись пару раз, поймал ветер и начал уверенно карабкаться ввысь.

Мыш глядел с открытым ртом. Недоделанная ложка валялась на земле.

Серега свободной рукой хлопнул мальчишку по плечу:

— Держи!

Змей трепетал на ветру метрах в десяти. Духарев еще немножко стравил бечевку.

— Держи, говорю!

Мыш не очень уверенно перехватил поводок... И едва не упустил.

— Ой! — пискнул он.— Чуть не улетел!

— Не улетит,— успокоил Духарев.— Если отпустишь — он свалится.

Мыш дергал бечеву — змей наверху приплясывал, ныряя носом и снова поднимаясь. Мыш даже повизгивал от восторга.

— А как его обратно достать? — крикнул он.

— Сейчас,— Серега перехватил бечеву, выбрал ее, подхватил потерявшую опору игрушку.

— Серегей, слышь, а давай Чифане покажем? — с надеждой предложил Мыш.

— Давай покажем, почему бы и нет?

Глава одиннадцатая,

в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами

На рынке текла обычная рыночная жизнь. Серега уже знал, что большая часть продавцов и покупателей — не торжковские. Земледельцы из окрестных огнищ, отвоеванных у леса клочков земли, промысловики. Торговля шла вяло. Мыш ему уже объяснил, что главный торг бывает ранней весной, когда составляются караваны на юг, а речка Сулейка мало что не запружена свежесработанными челнами. Или осенью, после сбора урожая, когда всего много и возвращаются с заморскими товарами широкие купеческие лодьи. Хотя, говорил Мыш, лучшие купцы, те, что ходят «гостями» под княжьей рукой в дальние края, не ждут, когда вскроются реки, а тянутся через болотистые леса, зимниками, к югу, в Киев. Когда князь киевский пойдет торговать булгарам да ромеям собранную зимой дань, «гости» пристроятся к нему. А княжит нынче в Киеве Игорь, сказал Мыш. Но это не такой сильный князь, каким был князь Олег. И Скольд, торжковский наместник, так говорит, хотя по смерти Олега новому князю клятву давал. А Скольд — муж великий, потому что это с ним отец Мыша в Торжок пришел.

За пару дней необычные одежки местного народа Сереге примелькались, и ему уже не казалось, что он — на маскараде. А вот на него люди поглядывали. Не из-за одежды. Одежка у него была — аккурат по меркам здешних нищих. Или рабов-холопов. Всякий тутошний знал, как должно одеваться уважающему себя человеку. По прикиду определяли социальный

статус и меру достатка. Мыш уже не раз намекал, что готов раскошелиться на приличную одежду для названого брата. Серега отказывался. Он считал, что не к лицу ему принимать подарки у юной девушки и мальчишки. Тем более что отдариться ему пока нечем. Так и ходил «оборванцем». Правда, когда «оборванец» в сажень ростом да почти полсажени в плечах — его особо не дразнят.

— Ай люд честной! Кто тут молодец удалой! Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! — зычно провозгласил Чифаня.— Выходи, не боись, силушке молодецкой удивись!

Сегодня вокруг снова толпился народ. Вчера Сычок с Чифаней оказались вне общественного интереса. Публику сманили два бродячих скомороха. Но попозже скоморохов зазвали в Детинец и так там напоили, что поутру скоморохам не то что плясать — ходить не хотелось.

— А вот кто смелый-небоязливый! Выходи смеряться силой! — гаркнул Чифаня, и тут же какой-то мужичок из пришлых, подбадриваемый зрителями, полез распоясываться да разуваться.

Сычок повозился с ним немного, хотя (Серега это видел) мог бы скрутить и кинуть на счет раз. Силища у Сычка была невероятная. Но Сычок очень редко боролся в полную силу. Ему Чифаня не разрешал. Во-первых, чтоб не зашиб кого. А во-вторых — не отпугнул возможных соперников.

— Во! — Мыш толкнул Духарева локтем.— Хабар идет!

К ним приближалась компания из полудюжины мужчин. Возглавлял ее средних лет — бородища до пояса — купчина. А среди его людей выделялся пузатый, пудов на восемь, бугай, чья бородища уже была расчесана надвое и аккуратно подвязана. Рожа у пузатого была абсолютно дебильная.

— Древляни! — азартно проговорил Мыш.— Счас в заклад бороться станут!

Это была основа Чифаниного бизнеса. Когда какой-нибудь богатей выставлял своего борца против Сычка.

«Надо бы ему идею тотализатора предложить»,— подумал Духарев.

Сговорились. Древлянин выложил три витые серебряные гривны. Чифаня — столько же по весу, но слитками.

Сошлись...

И Серега мгновенно определил, что Сычку этого кабана не завалить при всей своей немереной силище. Обхватить его Сычок просто не мог; такую, с позволения сказать, талию вдвоем не обнять. Подсечь или кинуть противника, который килограммов на пятьдесят тяжелее тебя, можно, но трудно. В данном случае у Сычка явно не хватало квалификации. Сычок попробовал кулачную технику: врезал борову в грудь, затем в живот и, увидев, что противник оба удара совершенно проигнорировал, влепил древлянину в лоб. На лбу осталось красное пятно. Больше — никакого результата. А потом толстяк врезал сам, с размаху, да попал прямо в солнечное сплетение, поскольку Сычок не потрудился ни сблокировать, ни уклониться. Серега увидел, как набрякло болью и удивлением лицо Чифаниного ставленника. А толстяк широко размахнулся, даже слегка подпрыгнул — и достал Сычка в висок.

Иппон!

В толпе заорали. Чифаня возмущенно закричал. Купец тоже завопил, но противоположное по значению. Толстяк глупо ухмылялся и ждал. Когда Сычок поднялся на колено, древлянский борец попросту хряснул его по макушке, и Сычок рухнул.

Духарев подался вперед: он так и не познакомился с местными правилами, и если по этим правилам толстяк может добивать проигравшего, то Серега ему этого не позволит. По крайней мере, постарается. Сычок встал с Серегой рядом, когда возник конфликт с Гораздом. Поэтому Духареву насрать, что там у них за правила. Калечить кореша он не даст!

К счастью, толстяк больше бить не стал: прохаживался, выпятив бочкообразную грудь.

Серега протолкался к самой площадке. Мыш вцепился в ремень названого брата, чтобы не оттерли.

Чифаня и древлянин орали друг на друга. Суть сводилась к тому, считать ли удар в висок запрещенным или нет. Купец кричал: раз не сговаривались, значит — нет.

Чифаня орал: эдак и по детородным органам, выходит, можно бить, если не сговаривались?

Голос у Чифани был звонкий. У купца — раскатистый бас. Язык у обоих подвешен будь здоров. Хороший дуэт, одним словом. Толпа вокруг густела.

Поорав минут пять, спорщики сошлись на том, что поединок следует повторить. Сычок к этому времени поднялся, но

глаза у него были мутные. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этого бойца следует снять с соревнований. Тем не менее Сычок собирался драться.

Духарев положил ладонь на Чифанино плечо.

— Чего? — недовольно спросил тот.

— Прекращай. Он проиграет,— уверенно сказал Серега.

Чифаня замотал головой.

— Тогда давай я встану.

Чифаня сначала презрительно скривился, потом — вспомнил.

— Ну что ж, давай,— согласился он.

Серега начал разуваться, а Чифаня отошел проинформировать противника о замене.

Противник не согласился. Вернее, согласился, но потребовал удвоить ставку. Причем в одностороннем порядке, мол, Чифанин борец уже проиграл. Еще пять минут крика — и ставки удвоили обе стороны.

— Что мне нельзя с ним делать? — быстро спросил Серега у Мыша.

— Как это — нельзя? — опешил тот.

— Ну, нос ему разбивать нельзя, это я уже знаю. Что еще?

— А-а-а... Руку или ногу ломать нельзя. За это — три гривны. Пальцы ломать можно. Зубы выбивать нельзя. Тоже три гривны. Но это ты не боись, как выйдет. На кону — больше. За бороду не хватай. За причинное место. Еще плевать в лицо нельзя. Песок в глаза сыпать...

Чифаня, сговорившись, подошел, заглянул снизу в Серегины глаза.

— Смотри! — сказал.— Не сдюжишь — будешь мне три гривны должен.

— Я тебе и так должен,— усмехнулся Духарев.— Не боись, братан! Я его завалю.

Толстяка смена противника нисколько не смутила, равно как и то, что Серега был на полголовы выше. Семенящим шажком древлянин подобрался к Духареву и, подпрыгнув, попытался врезать Сереге по морде. Должно быть, у толстяка это был коронный номер.

Но Духарева целостность собственной физиономии весьма заботила, поэтому от летящего кулака он уклонился и мощно пробил в могучее пузо. Ощущение было такое, словно кулак

угодил в боксерский мешок, обернутый ватой. Толстяк слегка покачнулся и вцепился в Серегин рукав. Духарев блоком смахнул захват, но рукав при этом порвался.

«Вот сука!» — озлобился Сергей, откачнулся назад, пропуская перед собой еще один молодецкий мах, и влепил, уже совсем не стесняясь, в полный контакт, с «волной», прямо в «солнышко». Раздался чмокающий звук. Рот толстяка открылся буквой «о». Есть попадание! Несмотря на могучее сложение борца-сумоиста, по-сумоистски держать удар «кабана» не учили. Дать возможность противнику отдышаться было бы гуманно, но Духарев никогда не считал себя гуманистом. В лоб бить можно — и Серега пробил в лоб. Как по деревяшке. И звук такой же. Деревяшки Серега ломал кулаком. Кость оказалась крепче, но глаза толстяка сошлись к переносице, и «кабан», покачнувшись туда-сюда, рухнул пятаком в пыль.

— Все,— удовлетворенно произнес Серега.— Снимай шкуру, пока теплая.

Глава двенадцатая,

где оказывается, что Серега Духарев заработал на хлеб с маслом, а Чифаня понятия не имеет о том, что такое тотализатор

— Твое,— Чифаня вручил Сереге три гривны, три широких обруча из серебряной проволоки.

— Да не надо мне...— пробормотал Духарев, но Чифаня даже и спорить не стал. Повернулся и пошел.

— Ну и что теперь с этим делать? — спросил Серега у Мыша.

Спросил, в общем, риторически, но оказалось, что у Мыша есть вполне конкретные мысли по использованию выигрыша.

— Одну на шею повесь,— распорядился он.— Пусть видят: ты человек свободный и не побирушка. Вторую дай сюда, это нам на хозяйство. А на третью пойдем тебе сапожки справим. Это ж срам один, что у тебя на ногах.

Сапожки из серого сафьяна скроили у Сереги на глазах, по мерке. Были сапожки совершенно одинаковые, что на левую, что на правую. Двое подмастерьев тут же принялись дырявить и стягивать выкройки кожаными ремешками, промазывая швы

белым вонючим клеем. Сапожник забрал у Сереги обруч-гривну, выдав взамен пригоршню серебра: монет и обрезков, по весу, в три четверти гривны. Еще две четверти Серега будет должен отдать при получении обувки. Ни расписок, ни квитанций Духареву не выдали. Все — на честном слове.

Среди монет одна особенно заинтересовала Серегу, поскольку надпись на ней была сделана арабской вязью. Духарев показал монетку Мышу, но тот, повертев ее в руках, не заинтересовался. Серебро как серебро.

— Пошли, может, Чифаню поищем? — предложил Сергей.

— А чего искать? — удивился Мыш.— Они домой пошли. Полдничать.

Кожевенный квартал удивил Духарева нездешней силы вонищей. Словно в родной Дерптский переулок вернулся. Мыш тоже сморщил нос, процедил:

— Кожемяки...

Родной дом Чифани стоял за крепким забором. Солидные дубовые ворота им не отперли, только махонькую калиточку. Во дворе воняло еще пуще, чем на улице. Тощий парень в ошейнике наподобие собачьего спросил:

— Чего надоть?

— Чифаню позови! — скомандовал Мыш.

Парень нехотя повернулся и поплелся к дому. Мыш догнал его и довольно сильно пнул под зад. Парень, к удивлению Сереги, вместо того чтобы повернуться и отвесить сопляку затрещину, припустил рысцой.

— Червяк ленивый! — буркнул Мыш.

— А что это у него на шее за украшение? — спросил Духарев.

— Ярмо холопское, что ж еще? — проворчал недовольный Мыш.

— Это если бы я к Горазду в холопы попал, на меня такое же надели бы? — осведомился Серега.

— Не, не такое. Железное. Ты ж не рожденный холоп, можешь и откупиться.

Два мохнатых пса с рычанием тянули в разные стороны обгрызенную рыбину. Наконец запас прочности у рыбины иссяк, и псы покатились в разные стороны — каждый со своим куском. Клычищи у псов были очень солидные. Оставалось наде-

яться, что собачки не заинтересуются посторонними, проникшими на их территорию.

Мыш достал нож и недоделанную ложку.

Наконец появились Чифаня с Сычком, работа была завершена, а ложка вручена Сереге. Торжественно. Еще один шажок в духаревской адаптации. Вероятно, здесь человек без ложки — все равно что новорус — без спутниковой «трубки».

— А вы не спешили! — заметил Духарев.

— А что, в твоем роду пристойно уйти с общей трапезы? — укоризненно произнес Чифаня.

— У меня в роду не принято, чтоб голодный гость во дворе топтался! — парировал Духарев.

— Гость ты иль нет — не мне решать,— возразил Чифаня.

Серега поймал укоризненный взгляд Мыша и решил тему больше не развивать.

— Пошли куда-нибудь, где перекусить можно. И поговорить заодно.

Постоялый двор под городскими воротами отличался от того, где у Сереги вышел конфликт с Гораздом. Длинный зал с низким закопченным потолком, длинный стол — во всю длину помещения.

Запах чего-то кислого смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Народу было много, но места на лавках пока хватало.

— Будь здрав! — Молодой парень с только пробивающимися усами приветственно махнул рукой. Не Чифане или Мышу, что характерно, а Сереге.

— И тебе того же! — откликнулся Духарев.

Парень — из тех, что были с древлянским купцом.

Разместились. Мыш сбегал к печи, приволок горшок с кашей и кувшин со сладеньким пойлом.

— Слушай, а там мужики случайно не пиво пьют? — спросил Духарев.

— Какие мужики? — удивился Мыш.

— Да вон те!

— Ты что, умом тронулся? — воскликнул названый братишка.— Свободных людей мужиками назвать!

— А что плохого? — удивился Духарев.

— А то! Это ж все равно как за бороду дернуть!

— А в этом что плохого? — снова удивился Серега.

Мыш только головой покрутил от такого непонимания жизни.

— Погоди,— вмешался Чифаня.— У них же в роду совсем другие обычаи.

— Назвать свободного мужа мужиком,— произнес он, поворачиваясь к Духареву,— это, ясное дело, лучше, чем бабой, но слово все равно стыдное. На него не только свободный, даже закуп может обидеться.

— Да что в нем плохого? — никак не мог врубиться Серега.

— Ну...— Чифаня пошевелил пальцами.— Мужик — это почти как муж, только... это... маленький. Понял?

— Вроде бы,— кивнул Духарев.— А с бородой что?

— А с бородой, Серегей, я те так скажу: чужую вовсе не трогай, а ежели твою кто тронет — бей как умеешь. Хоть кровь пусти. Никто с тебя виры не стребует. Понял?

— Вполне,— подтвердил Сергей.— А теперь скажи мне: вон те мужи, они случайно не пиво пьют?

— Пиво,— подтвердил Чифаня.

— А здесь его подают?

— Да ну его! — вмешался Мыш.— Горечь одна!

— Вон там,— показал Чифаня,— бочонок. Скажи хозяину — он те нальет. Токо нам не бери. Мы его не любим.

Пиво, впрочем, оказалось очень даже ничего. Вкусное. Под него и каша веселей пошла. Мыш с Серегой умяли ее в две минуты, а Сычок с Чифаней тем временем оприходовали бурдючок.

— Эй, ты ложку так не клади! — заметил Мыш.— Нынче богов кормить не время!

Серега безропотно забрал инструмент, облизал и спрятал в карман. Это действие ни у кого нареканий не вызвало.

— Поел? — спросил Чифаня.

— Вполне.

— Тогда говори, зачем звал?

— Скажу,— согласился Духарев.— Но сначала ты мне расскажешь, почему вы с Сычком борьбой развлекаетесь. Вы же не скоморошьего племени, верно?

— Верно,— Чифаня вздохнул.— Тут вишь какое дело... Не способен я к родовому ремеслу. Здоровьем не вышел. А в дармовых нахлебниках жить не хочу. Я и придумал. Старшие мне Сычка вот отдали. Он — из Нового города, там на кулачках драться да бороться выучился. Да и силушка при нем. Бывает,

конечно, и его побьют, как вот сегодня. Да редко. А чтоб случайный какой смерд Сычка заломал — такого не было! — гордо завершил Чифаня.

— Значит, не для удовольствия ваша борьба, а для заработка? — еще раз уточнил Духарев.

— Ясно, для заработка.

— Тогда слушай, как этот заработок увеличить,— заявил Серега и изложил невинным торжковцам систему ставок.

Вначале Чифаня усомнился: чего это вдруг народ начнет об заклад биться не за своих, а непонятно за кого. Или, к примеру, если и так ясно, кто победит. Духарев объяснял терпеливо, что человек по природе своей азартен, что спорить можно не только на победу, а на то, что кто-то из борцов устоит на ногах какое-то определенное время. Кроме того, если минимальная ставка — куна и если десять ставят на Сычка, например, а двое против, то ставящие против могут проиграть всего лишь куну, а выиграть целых пять.

— А какая моя выгода? — усомнился Сычок.

— А такая, что из каждых десяти поставленных кун — одна твоя. За труды.

В общем, говорили они долго, приговорили еще пару кувшинчиков с медом и изрядное количество пива. Последнее — исключительно Духарев. Договорились. Чифаня обещал подыскать второго борца и договориться с местным рыночным людом, чтобы делали ставки для разгона. А Мыш — организовать рекламу силами местной молодежи.

Уже изрядно окосевшие, друзья выбрались на свежий воздух, облегчились... и тут Мыш вспомнил о змее. Надо же, совсем забыл, для чего они с Серегой Чифаню искали!

Игрушку собрали. Серега дал Мышу конец веревки: беги! Мыш вприпрыжку поскакал к воротам, Духарев подкинул змея, и тот взмыл в воздух. Сычок загоготал от восторга, а у Чифани даже челюсть отвисла. Змей забрался повыше, его подхватил верховой ветер, бечева натянулась струной.

Мыш промчался через ворота, прибежал обратно. Он был счастлив.

— Занятно,— сказали у Сереги за спиной.

Духарев оглянулся и увидел гридня, который побил его в Детинце. Белоголового.

— Сам придумал? — спросил белоголовый.

Духарев покачал головой.

Гридень свистнул, поманил Мыша:

— Покажи-ка.

Мыш осторожно опустил змея. Белоголовый зажал его между ладонями, оглядел.

— Понятно,— сказал он.— Полезная вещь. Если в яркий цвет покрасить — не хуже дыма будет,— задумчиво проговорил он.— Добро! — вернул змея Мышу и зашагал прочь.

— Ни здрасте, ни до свиданья! — сердито сказал Серега.

— Да ты что! — воскликнул Мыш.— Это ж Мороз! Он же двух нурманов зарубил! Ему ж сам Скольд...

— Ладно, проехали,— буркнул Серега.— Со змеем побаловались, что теперь?

— Может, еще медком побалуемся? — с надеждой спросил Сычок.

Глава тринадцатая,

в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок

Чифаня сработал по высшему разряду. Во-первых, нашел Сычку достойного противника — Ишку-угра, холопа со двора Жердяя, старшины гончарного конца. Во-вторых, раззадорил самого Жердяя, и тот самолично явился на рынок вместе со своими родичами и челядью. В-третьих, Чифаня дал несколько кун Мышу, а тот, в свою очередь, раздал малышне, чтобы те кричали на своих и чужих дворах про будущий кулачный поединок... Короче, когда солнце коснулось верхушек деревьев, и, стало быть, наступил назначенный для схватки час, чуть ли не пол-Торжка уже теснилось на рыночной площади. Наиболее шустрые залезли на крыши лавочек, прилавки, навесы над рядами. В результате один навес, не выдержав, рухнул. Никто, к счастью, не покалечился.

Почетные места — на принесенных лавках — были отданы старшине Жердяю и деду Чифани, костлявому высокому старику с желтой бородой, глазами философа и молодым именем — Любим. На почетное место усадили также старшин

кузнецов и плотников и богатого огнищанина с того берега реки.

Дед Чифани и старшина гончаров, как водится, заложились. Каждый — на своего борца. Когда Чифаня предложил всему честному люду сделать ставки, его сначала не поняли. Чифаня разъяснил смысл предложения еще два раза, а затем по знаку Мыша несколько подговоренных заранее парней полезли вперед с деньгами. Их ставки были оговорены и пропла-чены. Деньги принял Духарев и громогласно объявил расклад: на Сычка — одна куна, на Ишку — три. Публика не въехала. Чифаня растолковал: ежели победит Сычок, тот, кто ставит на него куну,— получит три, а ежели Яшка, то поставивший на него получит треть своей ставки. Но десятую долю победителю в любом случае придется отдать организаторам турнира.

Кто-то заорал: несправедливо! Почему это за Сычка — втрое, а за Ишку, считай, ничего? Но кто-то более расторопный уже полез ставить на Сычка. Через полчаса ругани и столпотворения Духарев, делавший пометки на берестяном листке, огласил новые результаты. Одиннадцать против одного на Сычка. Теперь заорали ставившие на бойца кожевников. Жердяй и Чифанин дед, с удовольствием поглядывавшие на растущую кучку серебра (старшине гончаров тоже была обещана доля), при первых же признаках беспорядка дали знак, и плечистые родичи сомкнулись вокруг организаторов представления. Наиболее рьяных возмутителей угомонила рыночная охрана, Скольдовы отроки. Опытный Духарев уговорил Чифаню отстегнуть им заранее и посулить дать еще в случае успеха предприятия. Чифаня, у которого глотка была натренирована ежедневной практикой, вскоре сумел переорать крикунов и еще раз растолковал простое правило. Поставленные на кон деньги будут поделены между всеми, кто ставил на победителя. В соответствии с личными ставками. Разобрались. Серега опять начал принимать деньги, причем обнаружил, что среди тех, кто ставил теперь на Ишку, оказалось немало уже поставивших на Сычка.

«Какой славный народ!» — подумал Духарев, торопливо царапая бересту. Просто записать ставку и имя оказалось недостаточно. Одних только Малов в списке оказалось шестеро. Приходилось вносить особые приметы; «рыжий», «рыжий маленький», «рыжий, маленький, без половины уха»...

— А я и не знал, что ты грамоте учен! — с уважением проговорил Мыш.

Духарев глянул на брата удивленно: взялся бы он иначе принимать ставки у тучи незнакомого народа!

В общем, когда подготовительная часть закончилась, солнце уже скрылось за лесом.

Начали.

Широкий белобрысый Сычок против такого же широкого чернявого Ишки.

Сегодня днем Серега попытался втолковать обоим: не торопитесь. Дайте людям полюбоваться зрелищем. Идея, понятная любому здешнему скомороху. Но у этих двух дурачков все наставления вылетели из головы, едва они встали друг против друга. Налетели, сцепились и стали давить друг из друга масло. Какое там зрелище — одно медвежье пыхтение. Публика орала. Каждый считал своим долгом подбодрить своего борца. Сычок изловчился, присел, подхватил угра под колено и бросил. Вернее, угр упал, а Сычок свалился на него. Побарахтались в пыли, встали. Разочарованный исходом силовой борьбы Сычок перешел к кулачной: размахнулся — аж позвоночник скрипнул — и влепил Ишке в скулу. Звук — будто резиновой дубинкой по деревяшке. Угр ухнул, схватил Сычка за рубаху и влепил ему башкой в подбородок. Подпрыгивавший рядом с Духаревым Мыш в азарте шлепнул Серегу по спине. Духарев восторга названого брата не разделял. С его точки зрения, это не борьба, а позор один. Уж Сычок мог бы работать поинтереснее. Опыт есть, да и Серега успел показать ему пару-тройку приемов.

Бац-шмяк... Угр ухитрился вцепиться Сычку в шею и теперь просто и незамысловато душил противника. Впрочем, душить Сычка была не такая уж и простая работенка. С его-то шеищей. Руки у угра были длиннее, чем у Сычка, зато у последнего длиннее были ноги, и Сычок принялся лупить пяткой по голени противника. Ишке это не понравилось, он отвлекся, и Сычку удалось оторвать его пальцы от собственного горла. Р-раз... И он наконец применил то, что ему показывал Серега: передняя подножка с одновременным толчком в грудь. Угр полетел на спину, Сычок подпрыгнул и приземлился пятками Ишке на живот. Пробил. Угр раззявил рот — зубов у него был явный дефицит — и безуспешно пытался вдохнуть. Вряд ли этому

способствовало то, что Сычок уселся ему на грудь и, оскалившись, сдавил глотку угра железными пальцами кожемяки.

Пятки Ишки забарабанили по земле...

Духарев вскочил с места и бросился выручать угра...

Но раньше него поспел Чифанин дед.

— Сычок, кабанье семя! А НУ ОТПУСТИ ЕГО! — взревел Любим, на миг перекрыв вой и ор толпы.

От хозяйского голоса увлекшийся победитель аж подпрыгнул, колобком скатился с угра, выпрямился и уставился на старшину взглядом нашкодившего пса.

Глава четырнадцатая,

в которой в очередной раз доказывается, что напиться можно чем угодно, даже слабым домашним пивом. Главное — выпить побольше

Серегу Духарева пригласили к чужому столу. Его и Мыша. Старейшина Любим лично снизошел. Без поклона, правда, как только что звал гончарного старшину, но уважительно. Как сообщил позже Чифаня, Духарев поразил деда быстротой, с которой просчитал и распределил выигрыши между полусотней счастливцев. А ведь кое-кто не поленился и перепроверить Серегины расчеты по местной системе. Быстро, сказал тоже! Серега, пока считал, изматерился про себя. Ему бы паршивенький китайский калькулятор! Но деда Любима, выходит, он и без калькулятора очаровал. Вероятно, изрядная куча серебра тоже способствовала очарованию. Богатый город — Малый Торжок. И народ разошелся воодушевленный. Выигравшие — прибылью, проигравшие — надеждой на отыгрыш. Было объявлено, что через три дня состоится следующий чемпионат. И участвовать в нем будут уже не двое, а четверо. Третий борец будет от кузнецов, а четвертым сам вызвался пришлый — молодой купец Тишка. Последняя кандидатура вызвала у Духарева сомнения, но Чифаня и Сычок уверили его, что недостаток веса кандидата вполне компенсируется происхождением (новгородец) и профессией. Купец, по здешним понятиям, всегда воин. Иной купец княжьего отрока стоит. А то и грид-

ня. Участие же представителя высших сословий поднимает престиж чемпионата.

В общем, все довольны — и отлично. Пошли ужинать.

Ужинать? Ха! Вечерняя трапеза в доме Любима — это что-то! Длиннющий стол, за которым уместилось человек сорок. Мужчин. Женщинам полагалось прислуживать, а есть — когда мужчины наедятся. Впрочем, засидевшихся можно и поторопить.

Кушали из одной миски — на двоих. Чинно. Перед каждой переменой Любим особой ложкой отстегивал пайку «предкам» — кидал в открытую печь, где горел огонь. В «столовой» было жарко, дымно и поначалу относительно тихо. Ели молча. Даже не ели — вкушали. Это уже потом, наевшись и подвыпив, кожемяки оживились и загалдели.

Серегу дед Любим посадил поближе, рассчитывая потом расспросить. Любознательный оказался дедушка. И властный. Домочадцев своих держал в ежовых рукавицах. Сыновья, здоровенные, с проседью уже мужики, отцу в рот смотрели. О прочих и говорить нечего.

Конечно, правды деду Серега рассказывать не стал. Правду он и Мышу рассказать не решился. Наплел про затерянное в горах племя, про страны заморские... В общем, в лучших традициях отечественной фантастики. Потом уж и сам не помнил, что врал. Кто-то шепнул Любиму, что гость неравнодушен к пиву, и приставленная к Сереге девчонка без устали подливала в его кружку. Скорее всего, дед Духареву не поверил: паратройка заданных старшиной вопросов показала, что старик в местной географии разбирается неплохо, а «странник» Серегей — ни в зуб ногой.

Короче, отужинав, взяли с собой пива да меда и удалой компанией потащились на реку. Городские ворота оказались закрыты, но за кувшинчик пива сторожевой отрок отпер им калиточку и пообещал впустить обратно — еще за один кувшинчик.

— Во! — заявил Чифаня, когда они отошли подальше.— Сразу видать, что Скольда в кремле нету!

Домой братья вернулись затемно, пьяные и веселые. Серега порывался петь песни типа «Вновь по выжженной земле иду, гермошлем защелкнув на ходу, мой „фантом“...» и так далее. Братан Мыш тянул тоже что-то неподобающее про «милку за-

дасту да титясту». Ввалились в избу, что-то перевернули, запалили свечу, разбудили Сладу. Серега спьяну полез к ней обниматься. Девушка вывернулась молча и яростно. От этого молчаливого отпора Духарев сразу отрезвел, пробормотал:

— Прости, Сладушка, дурака пьяного! Я ж... Ничего плохого, слово!

Девушка только глазами сверкнула, так же молча загасила свечу. Серега услышал, как она улеглась: скрип досок, шуршание, шорох одеяла. Духарев постоял в темноте, покачался с носка на пятку... Слада, сонная, сердитая, желанная до невозможности, стояла у него перед глазами... «Ну ты, урод, даже и не думай!» — приказал он сам себе, вышел во двор и сунул голову в бочку с водой. Следом за ним выполз Мыш и принялся блевать в компостную яму. «Не дело это, такому мальцу пить!» — сердито подумал Духарев. И вспомнил, как лет восемь назад в одной деревушке к их столу подошла восьмилетняя девчонка и попросила портвейна. Серега ужаснулся было, но его местная подруга, девчонкина сестра, сказала: «Налей!» Он, на автомате, налил, девчонка выхлестала залпом двести граммов дрянного портвешка и ушла играть в куклы. И не блевала, это точно.

«Куда ж это я все-таки угодил?» — подумал Серега.

Этот вопрос он задавал себе каждый вечер. Но утром — никогда. Серега Духарев воевал совсем немного, однако, пока воевал, успел усвоить очень многое. Например: живи, пока живется, и, если можешь, получай от этого удовольствие. Хотя бы от того, что — живой. Иначе — абзац.

«Куда же я все-таки угодил?» — спросил себя Серега и поплелся в сарай, на сеновал. Спать.

Глава пятнадцатая,

в которой внешний вид Сереги Духарева наконец-то приводится в соответствие со здешними нормами

Денег, заработанных вчера, новой семье Сереги хватило бы на годовой прокорм. Так подсчитал Мыш. И еще оставалось. Вот с этим «оставалось» они отправились на рынок. Спустя час Серега перестал выглядеть оборванцем. По местным мер-

кам. Ему купили удобные свободные штаны со шнурочком и крючками, на которые можно было повесить, к примеру, кошель. Это, видно, для того, чтобы постороннему человеку удобней было его снять, ведь из кармана тащить — не всегда сподручно. Да и не додумались до карманов местные портняжки. Мыш, впрочем, объяснил брату: понимающие люди носят кошель не снаружи, а изнутри, в штанах. За веревочкой-гашником. Толково. Жаль — доставать неудобно. Еще Сереге купили рубаху с замысловатой красной вышивкой. Вышивка, как выяснилось, не просто украшение, а оберег, которому предназначено защищать Серегу от стрелы и огня. А вот от борца да кулачного бойца нужен особый оберег, заявил торговец, который, как выяснилось, присутствовал и на вчерашнем ристалище (проиграл половину нурманской марки), и в первый день, когда Серега побил Сычка. Особый оберег у торговца, ясное дело, имелся. И стоил пустячок. Полгривны. Учитывая, что гривна и марка были примерно в одном весе — граммов двести серебра, торговец, вероятно, решил компенсировать вчерашний проигрыш. Не вышло.

— Вот мой оберег! — заявил Духарев, показав кулак.

Кулак у Сереги был поменьше, чем, например, у Сычка. Но зато пользоваться им Духарев умел не в пример лучше. Торговец это знал и больше не настаивал.

Вышли из лавочки вполне довольные. Особенно Мыш, который торговался отчаянно и на каждой вещи ухитрялся скинуть самое малое треть стоимости.

С рынка отправились за город, к кузнецу. Мыш заявил, что дешевле купить прямо в кузне, чем на торжке. Тем более кузнец, или, как говорил Мыш,— коваль,— дружил когда-то с Мышовым отцом.

Кузнечный двор был тот, мимо которого Серега проезжал в первый день с Гораздовыми приказчиками. Кузнец, мускулистый мужик в прожженном фартуке, особого восторга не выразил. Флегматично кивнул, выбрал заготовку, махнул Духареву, чтоб стал к мехам. Серега сначала не понял, как с этой штуковиной обращаться, помог Мыш. Заготовку раскалили, затем принялись обстукивать молотами: мастер — средним, а подмастерье, широкогрудый и длиннорукий, как горилла,— насаженной на рукоять чушкой в полпуда весом. Грохот, искры... Ничего интересного. Серега вышел во двор, где еще двое

подмастерьев подковывали коня. Один держал ногу, второй загонял гвозди прямо в живое копыто. Серега раньше никогда не видел, как подковывают лошадей, на миг представил, как ему самому в кость вбивают железный гвоздище... Но коню, похоже, было не больно. Хозяин держал животное за узду и успокаивающе охлопывал.

Лязг молотков стих. Кузнец вышел во двор, вынес, держа в клещах, новенький нож, сунул в бочку с водой, подождал, вытянул, оглядел, кивнул удовлетворенно.

Через полчаса Сереге был вручен уже насаженный на рукоять, вполне приличный нож длиной сантиметров тридцать. У основания клинка имелось крохотное клеймо — кружок с рожками.

Серега махнул пару раз обновкой — вроде нормально. Держать удобно. Работать ножом Духарева учили. Не так чтобы очень, но порезать жилы не очень крутому противнику он мог бы. И попасть в столб с десяти шагов — тоже. Столб имелся. Серега метнул. Попал, не опозорился.

Мыш расплатился, и они отправились обратно в городок. Нож Духарев нес в руке.

— Ножны Чифаня даст,— заявил Мыш.

Прожив на новом месте почти неделю, Духарев уже неплохо ориентировался. Правда, только на левом берегу. На правом, в выселках, он еще не бывал. Только когда плавал от берега к берегу.

Малый Торжок занимал стратегически удобную позицию. На холме. В этом был наверняка еще один плюс. Во время весенних разливов Сулейка не подмывала городских стен.

Городок был сплошь деревянный — от внешних стен до детинца-кремля. В стене — двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за пятнадцать. А состоял он именно из «концов». По ремеслам. А концы, в свою очередь,— из дворов, тоже огороженных и по сути — крепостей, только маленьких.

Большой крепостью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок. Вместить-то мог, но пришлось бы тесниться. Впрочем, это мало кого смущало. Жить захочешь — потеснишься! Общественные припасы тоже хранились в кремле. На случай осады — и у княжьего наместника под присмотром!

Городские площади — вечевая и рыночная — располагались в непосредственной близости от кремля. И это Серега тоже оценил: ежели кто вознамерится штурмовать деревянные стены, то укрыться от разных острых предметов, коими наверняка начнут швыряться защитники, штурмующему будет довольно трудно.

Кроме дворов ремесленных имелись еще дворы купеческие. Например, двор Горазда располагался вплотную к рынку. Солидный двор. Тын — не ниже городских стен. Были еще дворы гостевые и одинцовые. Вроде того, что у новых Чифаниных родичей.

Вообще-то пришлые селились отдельно. На выселках. Чтобы поставить или купить двор внутри стен, требовалось одобрение городского старшины и разрешение наместника. Последний мог обойтись и без народного одобрения, но тогда пришелец селился уже в самом Детинце.

Законы и порядки Малого Торжка Серега выведывал очень настырно и старался хорошенько запомнить. Незнание «понятий» не освобождает от ответственности, но зато способствует освобождению от имущества, свободы и жизни.

Поспрошав прохожих (здесь все знали всех), Мыш отыскал Чифаню с неразлучным Сычком, и все четверо отправились в Любимову лавку. Чифаня собственноручно подобрал чехол для ножа и повесил его на Серегин пояс: единственную, если не считать плавок, вещь, оставшуюся у него из прежней жизни.

— Дар! — солидно сказал Чифаня.

Лавочник-закуп, торговавший кожевенным товаром, не возражал. Чифаня был — из старших родовичей и мог распоряжаться родовым имуществом. Во всяком случае, на уровне чехла для ножа.

Разобравшись с вооружением, в складчину купили копченой свинины, лепех, огурчиков, квасу (Сычок намекал на что-нибудь покрепче, но ему не вняли) — и отправились на реку. Серега ощущал себя будто в отпуске. Для полного удовольствия не хватало только девочек.

Чтобы утрясти обед, Духарев слегка погонял Сычка, обучая разным приемчикам. Мозгов у Сычка было немного, но с остальным дела обстояли неплохо. А уж удар он держал — загляденье. И это — без всякой техники, исключительно на здоровье.

«Я из него сделаю чемпиона! — твердо решил Духарев.— По крайней мере — местного масштаба».

Глава шестнадцатая,

в которой Серега Духарев лично участвует в собственном шоу, а чуть позже делает два полезных вывода

Ишку-угра Сычок опять завалил. И кузнеца, этакую человекообразную машину с немереной мускулатурой,— тоже. Подбил ногу выученным у Сереги приемом, уселся сверху и взял на болевой. Кузнец взвыл и запросил пощады. Не будь у кузнеца такой могучей мышцы, не умеющий соразмерять силу Сычок вообще порвал бы сопернику связки. Третий противник, из купцов, по предложению Духарева сначала боролся с Ишкой и управился с ним на удивление легко. Раз-два — и угр уже воткнулся мордой в землю. С Сычком купчина провозился дольше, но потом исхитрился и кинул Сычка через себя. Классически — с упором стопы в живот. Картинка была замечательная: Сычок был килограммов на двадцать тяжелее худощавого и подвижного купчины. Кинул, перевернулся проворно и наступил пяткой на Сычково горло. Наступил и убрал ногу. Но оспаривать его победу никто не стал. Видно же, что пожалел лежачего.

Народ был в восторге. Эта публика, в отличие от публики древнеримской, а также — и от многих Серегиных соотечественников, кровожадностью не отличалась.

Духарев отсчитал победителю премиальные.

— Устал? — спросил он.

— Есть маленько,— признал купчина.

Красивый малый: глаза синие, волосы темно-русые, а борода — светлая.

— А завтра со мной бороться будешь?

— Гривна,— ни секунды не помедлил купчина.— А повалю тебя — две.

— По рукам! — согласился Духарев.

И оповестил Чифаню, чтоб тот, в свою очередь, оповестил народ.

Вообще-то Духарев не рассчитывал, что их шоу будет неизменно собирать аншлаг. И был приятно удивлен, когда и по третьему разу набежала изрядная толпа. Нет, конечно, далеко

не все ставили значительные суммы, да и вообще ставили не все. Многие просто пришли поглядеть зрелище.

«Мы у них теперь будем вместо вечернего сериала»,— подумал Духарев.

На этот раз ставки собирал сам Чифаня. Он же дал команду начинать.

Купчина атаковать не торопился. Правильная тактика. Серега был для него темной лошадкой.

Серега попробовал его «развести»: имитировал атаку и тут же подался назад, провоцируя на нападение,— но купчина не «развелся».

Пришлось атаковать по-настоящему, хотя и сам Духарев немного осторожничал. Повредить противнику организм сверх необходимого — не самый лучший вариант.

Купчина из-под атаки ушел. Очень грамотно и четко. Духарев не мог не восхититься: ни одного лишнего движения, уклоны ровно настолько, насколько требуется. Ни сантиметром больше. А вот контратака у купчины явно хромала. Резкие, но легко видимые удары по ногам, захваты слабые, удары проносные, расхлябанные. Великолепный бросок, которым купчина метнул через себя Сычка, с Серегой не прошел бы никогда. Тот просто не позволил бы себя схватить. Лягался купчина сильно и больно. Но почему-то целил всегда по ногам, так что предугадать его движения было несложно.

Убедившись, что держать удары противника — сущие пустяки, Духарев обнаглел, плюнул на защиту, оберегая только голову и все, что ниже пояса,— начал финтить и в конце концов достал купчину длинным, пробитым из-под руки май-гери. В последний момент противник попытался блокировать летящую в живот Серегину ногу, но блок, быстрый и резкий, почему-то пошел сбоку, Серега влепил прямо в «солнышко», и поединок закончился.

Только позже, анализируя весьма интересный поединок, Духарев понял, почему техника противника выглядела одновременно и искусной, и ограниченной. Словно бы чего-то ей не хватало. В общем, Серега понял, чего ей не хватало. Оружия. Будь у купчины даже не меч, а банальная палка — и финальный удар Духарева принес бы ему не победу, а разбитую голень.

«Ну, будь у него палка, я бы тоже иначе работал!» — успокоил себя Серега.

— Эй! — толкнул Духарева Сычок.— Ты че пригорюнился? Айда мед пить!

— Я — пиво,— машинально отозвался Серега.

— Пей что душа желает! — радостно заявил Сычок.— Куны есть!

— С вами алкоголиком станешь,— усмехнулся Духарев.

— Алкоголяк — это кто? — заинтересовался Сычок.

— На тебя похож! — ответил Духарев.

— Да будет тебе! — Сычок самодовольно ухмыльнулся.— Ты тоже на морду красен!

Духарев не сразу сообразил, что красивый и красный — для Сычка синонимы.

В общем, они отправились на полюбившийся постоялый двор и опять напились.

Но до этого Серега успел сделать два полезных вывода. Первый: до настоящего, по здешним меркам, бойца ему далеко, но в кулачных боях, именно из-за привычки народа к оружию, у Духарева преимущество. Это как с обученным солдатом, который на татами раз за разом пропускает удар в печень. Потому что привык: правый бок прикрыт прикладом автомата. Второй: в тех случаях, когда противник Сычку не по зубам, Сереге имеет смысл выходить самому. Два полезных вывода и одна идея: а кто, собственно, сказал, что противник должен быть один? Пусть их будет двое. Или больше. Серега любил и умел работать с группой. А зрелище от этого только выиграет.

Глава семнадцатая,

в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-что из классики

Слада ухватом вынула из печи горшок. Вкусный запах тушенного с овощами мяса достиг Серегиного носа и вызвал неудержимое слюноотделение. Солнце, воздух и вода вызывают здоровый аппетит и кардинально снимают синдром абстиненции, в просторечии именуемый похмельем.

Слада поставила на стол три деревянные миски. Дома они с Мышом не соблюдали здешнее правило: женщины едят после мужчин. И пищу в огонь — божкам — не бросали.

— Кирие элейсон...— нестройно затянули Мыш со Сладой.

— Отче наш, иже еси...— по-русски вторил им Серега единственную молитву, которую помнил.

Помолившись, принялись за еду.

— Вкусно! — похвалил Серега.

— На здоровье,— Слада держалась с Сергеем очень вежливо, но какой-то кусочек теплоты, который возник между ними вначале, пропал.

Духареву от этого было грустно. Девушка ему очень нравилась, может, даже больше, чем просто нравилась. Но он совершенно не знал, как к ней подойти, как сказать, чтобы поняла: она Сереге очень даже небезразлична. Раньше у Духарева никогда таких проблем не было. Ну, по крайней мере, с тех пор, как сошли со щек подростковые прыщи. Когда какой-нибудь там Горазд называл Серегу чужаком, тот воспринимал это спокойно, потому что при этом чужаком себя вовсе не чувствовал. А вот со Сладой... Это было — как пропасть. Хуже, чем другой язык. Это как если ты киваешь головой в знак согласия, а для другого кивок означает «нет». Серега помнил еще с занятий по психологии, что у каждого народа своя «дистанция близости». Одни чувствуют себя неуютно, если собеседник оказывается на расстоянии полутора метров, а другие — ближе вытянутой руки.

Едва Серега приближался к Сладе ближе этих самых полутора метров, как она тут же отходила назад. И что с этим делать, Духарев понятия не имел.

— Слада, а ты свой-то язык помнишь? — спросил он.

— Как это — свой? — влез Мыш.

— Болгарский.

— Булгарский,— поправил Мыш.

— Пускай,— не стал спорить Духарев.— Так вы можете говорить по-булгарски или уже забыли?

Мыш засмеялся, а Слада спокойно ответила:

— Мы и говорим по-булгарски.

Мыш поглядел на Духарева и захихикал.

Серега подобрал отвисшую челюсть.

— А я на каком языке говорю? — спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

— На нашем, ясное дело! — ответил Мыш.— Ну, говор у тебя нездешний, ну так и у нас нездешний, дык когда мурома какой-нито говорить начинает, так его и совсем не поймешь. А ты... К нам нурманы Князевы той зимой прибегали, так у них выговор похожий, но ты лучше говоришь. Видно, что смалу по-нашему болтать выучился. А по-нурмански можешь?

— Нет,— покачал головой Серега.

— А еще по какому-нибудь?

— It was many and many a years ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabe Lee; —
Than to love and be loved by me... [1] —

прочитал Духарев.

Почему именно это стихотворение пришло ему на ум, Серега не смог бы ответить. Пришло, и все тут.

— Это ты по-каковски? — заинтересовался Мыш.

— По-английски.

— А как это по-нашему будет?

— С тех пор пролетели года и года.
У моря, где край земли,
Вы, может быть, девушку знали тогда
По имени Аннабель Ли,—
Друг другу сердца отдав навсегда,
Мы расстаться на миг не могли... [2]

— А дальше? — жадно спросила Слада.

Серега хотел сказать, что не помнит: читать стихи вслух он не любил. Но лишь глянул в сияющие глазенки и продолжил:

— Мы были как дети, она и я,
У моря, где край земли,
В то давнее, давнее время, когда
Жила здесь Аннабель Ли,—
И ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли.

[1] Edgar Allan Poe. Annabel Lee.
[2] Перевод А. Оленича-Гнененко.

И вот почему из тучи тогда,
У моря, где край земли,
Ветер холодный смертью дохнул
На прекрасную Аннабель Ли.
И богатый сородич пришел за ней,
И ее схоронили вдали.
В пышной гробнице ее схоронил,
У моря, где край земли.
Да! Ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли —
И вот (все это знали тогда
У моря, где край земли)
Ветер дунул из туч ночных,
Сгубил мою Аннабель Ли.

Но самые мудрые никогда
Любить так, как мы, не могли,
Сильнее любить не могли.
И ангелы неба не смели тогда,
И демоны недр земли
Разделить, разлучить душу мою
И душу Аннабель Ли.

Сиянье луны навевает мне сны
О прекрасной Аннабель Ли.
Если всходит звезда, в ней мерцает всегда
Взор прекрасной Аннабель Ли.
Бьет ночной прибой — и я рядом с тобой,
С моею душой и женой дорогой,—
Там, в гробнице, где край земли,
Там, у моря, где край земли!

В глазах Слады блестели слезы.

«Не зря все-таки я в универе учился!» — подумал Духарев.

— А мы раньше тож у моря жили! — заявил Мыш.— Ну, не я то есть, а батька наш. Слышь, Серегей, а ты про витязей истории знаешь?

— Знаю,— кивнул Духарев.

— Расскажи!

— Не сейчас, вечером,— сказал Серега.

Слада встала и начала убирать со стола. На Сергея она по-прежнему старалась не смотреть, но сейчас это его уже не огорчало. Теперь-то он знал, как растопить лед.

Глава восемнадцатая,

в которой у Слады появляется жених, а Серега Духарев совершенно неожиданно для себя принимает жизненно важное решение

Мир, в который инкарнировался, переместился или... ну, в общем, как-то угодил Серега, понемногу обретал знакомые черты. Исторические.

Где-то на севере стоял Новгород — родной город Сычка. Где-то на юге — стольный град Киев, в котором мазу держал некий Игорь, который, говорили, княжил послабже, чем его предшественник Олег. В Киеве бывали многие, в частности Слада и Мыш. Мыш, правда, по младости лет почти ничего не помнил, а Слада утверждала, что город хороший, красивый, побольше самого Полоцка, не говоря уже о Малом Торжке. И земли на юге добрые, родят хорошо, если с дождями задержек нет. Одно плохо: степняки время от времени наезжают: дани требуют, а то и просто жгут, режут да в полон тащат. Но это дело обычное. Вон две осени тому нурманы, что шли вниз, от волока, пристали в Торжке, да и решили, волчья порода, поживиться. Хорошо, Скольд с дружиной в кремле сидел, а нурманов было всего полтора десятка. Только грабить по дворам начали, Скольд со своими и ударил. Ну и народ, конечно, помог. Побили нурманов. А нурманы, кстати, в Киев шли, отметил Мыш, Игорю киевскому служить.

Олег, Игорь, Киевская Русь... Знакомые слова. Правда, из истории Серега мало что помнил. То есть помнил, что есть такое «Слово о полку Игореве», где вроде этого, а может, и не этого Игоря побили хазары... Или не хазары. Нет, хазары, это про Олега. Чего-то там «...сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...». А потом его еще змея укусила. «Злая гадюка кусила его, и принял он смерть от коня своего». Интересно, правда это или байка?

— Мыш, а Олег, который в Киеве княжил, как он умер, не знаешь?

— Как же не знаю! — самодовольно отозвался Мыш.— Стрелой его побили. В поле.

Понятно. Либо история про коня и змею — из фантазии летописцев, либо это не тот Олег и, соответственно, не тот Игорь, а значит, знаниям Духарева о здешнем будущем — грош цена. Хотя им и так и так грош цена. Ничего он не помнит. 1242 год. Ледовое побоище вроде? Новгород, Александр Невский. Святой. Литпамятники. «Слово о полку Игореве». Это, может, и в тему, но от знаменитого «Слова» в памяти — одно название. А Игоря, кажется, древляне убили. Или не Игоря? А Владимир Русь крестил. Тысячу лет назад. То есть еще не крестил. Значит, тысячный год еще впереди.

«Вот и определились с хронологией,— мысленно усмехнулся Духарев.— Что тут поделаешь? Раз не гожусь в пророки, буду осваивать другую специальность».

С другой специальностью, то есть с квалифицированным мордобитием на радость кредитоспособной публике, все обстояло замечательно. Новый Торжок был бойким местом. Вниз по Сулейке, от волока в Двину, постоянно шли лодьи. А по дорогам, тоже сходящимся к Торжку, торопясь использовать сухое время года, ползли возы с добычей лесовиков, со всем тем, что не успели отправить до весны, когда здешняя земля превращалась в сплошную непроходимую топь. Часть добычи скупали торжковские купцы, часть — пришлые. Учтенная доля отходила князю. За этим присматривали Скольдовы приказные. Лесодобытчики закупали снаряжение на зиму. Но в любом случае в руках торжковских оставалась немалая толика серебра: азиатских дирхемов, ромейских монет с профилями императоров, рубленых славянских кун, витых гривен, резанов — совсем крохотных огрызков всего лишь по несколько граммов весом. К некоторому удивлению Духарева, выяснилось, что ни молодой, только что вокняжившийся полоцкий князь Роговолт, ни киевский Игорь монет не чеканили. Серебро все брали по весу. Еще учитывали качество. Те, кто в этом разбирался. Золото было в ходу только у самых знатных. Расплачиваться золотом, скажем, за наконечники для стрел или лисьи шкурки никому в голову не приходило. И на кон тоже ставили в основном серебро, иногда — ценные вещи по цене, что, впрочем, Серегу, Чифаню

и остальных вполне устраивало. Кстати, наживались они в основном на пришлых. Торговые гости, скажем, из Плескова ставили своего борца и, соответственно, ставили тоже на него. Если пришлый борец оказывался Сычку не по силам (такое случалось все реже, но все-таки случалось), ставки удваивались, и в круг выходил Духарев. Серега же, вполне изучивший здешнюю народную манеру: «Дави сильней, бей размашистей, авось попадешь!» — «делал» соперников играючи. Именно играючи, то есть давал возможность противнику помахать кулачищами и даже создать иллюзию близкой победы. И заваливал соперника быстро и аккуратно. Эффектные броски и прочее он оставлял Сычку. Такая «экономная» техника частично скрывала Серегины возможности и создавала у зрителя ощущение, что победа Духарева — случайна. А значит, можно рискнуть и поставить против него еще раз, особенно если против Сереги выступали двое или трое одновременно. Труднее всего было, когда против Духарева становился не какой-нибудь кузнечный подмастерье, с пудовыми кулачищами, а соблазнившийся вой [1] из торговой дружины или даже сам купец, обиженный тем, что его ставленника вываляли в пыли. Эти ребятки бились совсем по-другому, но и их было заваливать не так уж трудно. Привычка к оружию делала их ущербными в рукопашной. Некоторые даже настаивали, чтобы им разрешили пользоваться дубинкой или шестом. Дескать, это ж не меч, а так, пустяковина. Вот в том же Новгороде, когда концы стенка на стенку идут, дубинка или там кистень деревянный не возбраняются. Новгородец Сычок готов был пойти на уступки, но Духарев был тверд. Никаких предметов. И установка себя оправдывала. За все это время Серега не только ни одной травмы не получил, но и даже мало-мальски сильного удара не пропустил. Главное — не дать себя схватить. Какой-нибудь кожемяка с пальцами, как клещи, запросто мог кусок мяса из бока вырвать.

Дела шли хорошо. Бочонок в семейном подполе понемногу наполнялся серебришком. Слада ходила торговать в свою лавочку в самоцветных бусах, которые стоили дороже всех трав и зелий в лавочке, вместе взятых.

Серега бы и золотом Мышову сестренку украсил, но Мыш отсоветовал. Не по званию ей золото носить.

[1] Вой — воин не княжьей дружины, ополченец или купеческий охранник.

Вследствие ли бус или еще по какой причине, но у Слады вдруг объявился жених. И не кто-нибудь, а старый приятель Сереги Трещок. Причем с девушкой Гораздов подручник даже разговаривать не стал, а заявился к «старшему в роду», то есть Духареву.

Наслышанный о Серегиных вкусах, Трещок приволок бочонок, который они на пару с Духаревым в процессе разговора и приговорили. Набравшийся Трещок, у которого и по трезвяни язык был что помело, бесхитростно выложил свои расчеты. Рассчитывал же он взять с родичей Слады хорошее приданое, поскольку «сами ж видите; девка что ни лицом, ни телом не вышла», а он, Трещок,— мужчина видный. Может, и родит от него девка что-нибудь приличное. Тут Трещок самодовольно погладил бороду и приосанился. У Сереги появилось большое желание взять «видного мужчину» за бороденку и выкинуть за ворота. Но Духарев сдержался, решил дальше послушать. И очень скоро узнал, что внешность да худородность невесты жениха, конечно, смущают, но он готов с этим смириться, поскольку работница Слада не ленивая, да и лекарка. А для мужских утех и рожания крепких отпрысков у Трещка ведомая, то бишь главная жена имеется. Так что пусть Серегей не думает, что Трещок такой глупый. Ну, сколько Духарев отстегнет, чтобы с ним, Трещком, правильным купецким пацаном, породниться?

Наивная самоуверенность Трещка обескураживала. Духарев даже слегка растерялся. Трещок продолжал трещать, а Серега думал, как бы его, убогого, выставить, не зашибив.

Надумал.

— Значит,— произнес он,— ты думаешь, что мне с тобой породниться — честь?

— А то! — гордо подтвердил Трещок.

— А я думаю: это тебе со мной породниться — великая честь!

— Чаво? — От удивления Трещок даже протрезвел немного.

— Того! — отрезал Духарев.— Приданого я не дам. Хочешь Сладу в жены взять да мне родичем стать — плати пятьдесят гривен. Тогда бери.

Дар речи Трещок сумел восстановить только через пару минут. Наверное, это был рекорд молчания для бодрствующего Трещка.

— Ты это... ума лишился? — тихо спросил Гораздов подручный.

Серега пожал плечами:

— Я сказал — ты слышал.

— Ага... Слышал.

Трещок подобрал с лавки шапку, поглядел на Духарева с жалостью, как на душевнобольного:

— Бывай здоров, Серегей!

И ушел.

— Эх ты! — в сердцах бросил Духареву Мыш, который подслушивал под окном.— Зачем справного жениха прогнал? Кто ж ее, непригожу да безродну, теперя замуж возьмет?

— Я,— сказал Сергей.

Глава девятнадцатая,

в которой Сереге Духареву неоднократно предлагается связать себя брачными узами, Чифаня приобретает транспортное средство, а в заключение ставится под сомнение славянское происхождение Духарева

— Я,— еще раз, спокойнее, повторил Духарев.— Или вашим законом это не дозволено?

— По Правде? Нет, по Правде можно. Токо глупо это.

— Почему — глупо?

— Смыслу нет,— Мыш поглядел на названого брата снизу вверх, но — покровительственно.— Ты ж так и так наш родич. Вот ежели бы она была не сестра, а жена моя, а меня убили,— тогда ты б ее взял. По чести. А так — чего? Хошь жениться? — Мыш оживился.— Так я те вмиг невесту найду! Хошь — из Чифаниных сестер кого сговорим? Любиму ты по сердцу. Ну, по рукам?

— Ты лучше заткнись, Мыш,— тоскливо проговорил Духарев.— А то ведь не удержусь, врежу тебе пониже спины!

— Нет, ну ты дурной, что ли? — Мыш постучал себя по лбу.— Ну на что тебе на Сладке жениться?

— По-твоему, я хуже этого рыжего хвастуна? — набычился Духарев.

— Не, не хуже!

— Так в чем же дело? Или она — не твоя сестра?

— Сестра,— согласился Мыш.— Но ты-то — мой побратим!

Заявлено было так, словно этим все сказано.

— Все! — отрезал Серега.— Я решил. А ты... В общем. Сладе пока не говори,— заключил он.— Сам скажу, когда... когда... В общем, когда надо будет.

— Нет, правду сказал Трещок: ты точно ума лишился! — объявил Мыш.— Или его у тя и не было, ума-то? — И отскочил раньше, чем Духарев вознамерился отвесить ему подзатыльник.

Чифаня купил коня. Верхового. За две гривны. Просто так. Это считалось роскошью. Купить коня не для рабочей надобности, а для удовольствия. Конечно, собственные лошади были у многих. У огнищан. У купцов. У гридней. Хотя гридни коней покупали редко. Брали жеребенка подходящих кровей и приучали. К себе, к бою. К такому коню чужому человеку и подойти было рискованно: забьет.

Чифаня приобрел себе обычного серого в яблоках небольшого коника со смешным, обрезанным почти под луковицу хвостом. Кличка у животного была Шалун. Но продавец уверял, что конек необычайно спокойный.

И тут Серега обнаружил довольно странную вещь: отсутствие стремян. Серега, конечно, на крутого лошадника не тянул: так, катался пару раз в Сосновке для развлечения, но отсутствия стремян не заметить не мог. Все остальное: седло, уздечка, подпруга — имелось. А стремян не было. При том, что у других наездников Духарев стремена видел. Правда, далеко не у всех.

Чтобы усесться в седло, Чифане пришлось использовать помощь Сычка. Всадник из Чифани был — так себе. Сидел в седле примерно как... сам Духарев. Но вид у Любимова внука был гордый донельзя. Тем не менее он разрешил и друзьям прокатиться.

Мыш воспользовался приглашением немедленно, однако, оказавшись в седле, проявил, скажем так, осторожность. Проехался шагом от одних городских ворот до других и обратно и не без облегчения слез. Серега, хотя и вспрыгнул в седло без посторонней помощи, тоже в галоп пускать конька не стал. И дал себе зарок: поучиться при возможности верховой езде. Конь, конечно, не автомобиль, но тоже средство передвижения. Для начинающего Шалун был конем идеальным. Послушным, спокойным. Любимый аллюр у него был: пощипывать травку.

Из четверых приятелей лучшим наездником оказался Сычок.

Обмывать приобретение отправились не на постоялый двор, а к Белке. Ее заведение имело то преимущество, что располагалось на открытом воздухе, а следовательно, хозяин мог, не вставая из-за стола, созерцать у коновязи свое четвероногое приобретение.

Белка, рыжая бабища — минимум пятьдесят восьмой размер по кормовым обводам,— лично подплыла осведомиться, довольны ли гости. При этом поглядывала на Серегу так многозначительно, что у Духарева возникли самые серьезные опасения на свой счет.

— А Белка-т на нашего Серегея глаз положила! — отметил Чифаня, когда хозяйка отплыла по хозяйственным надобностям.

— Ты давай, Серегей, не теряйся! — деловито сказал Сычок.— Баба справна, все при ей. Вдова, да не нища. Слы, Мыш, а давай мы его женим!

— А ты у него самого спроси! — фыркнул Мыш.— Хочет он женихаться к Белке?

— А чево? — удивился новгородец.— Серегей! Ты глянь, какая баба! — Сычок, раскинув руки, обозначил Белкины габариты.— Ну не молодушка, зато пива твоего любимого у ней — хоть залейся. Ну и нам, конешно, чего-нибудь перепадет. Женись, Серегей! Тут и думать нечего!

— Вот сам и женись! — отрезал Сергей.— На бочке с медом твоим любимым!

— Да она ж за меня не пойдет! — совершенно серьезно возразил Сычок.— Я ж Любимов закуп.

— Так откупись,— посоветовал Духарев.— Занять?

— Да есть у меня! — отмахнулся Сычок.— Че я, дурной, откупаться? Меня ж Любим враз со двора погонит. Так, Чифаня?

— Это точно,— согласился Любимов внук.

— А тебе она не откажет,— продолжал напирать новгородец, которому идея халявной выпивки понравилась необычайно.— Ты парень видный!

Тут он был прав. Теперь Серегу уже никто не счел бы голытьбой. Прикинут он даже получше Чифани, ростом и плечами и раньше был не обижен, да и лицом, по местным меркам, вполне стал пригож, когда оброс светлой бородкой и сменил питерский синевато-зеленоватый цвет физиономии на здоровый торжковский румянец.

Сычок между тем продолжал описывать несравненные преимущества женитьбы на хозяйке харчевни. Когда он по третьему кругу принялся восхвалять достоинства здешних подвалов, Серега не выдержал.

— Все! Достал! — зарычал он.— Еще слово — и в глаз, понял?

Сычок моментально заткнулся, поглядев опасливо на Серегин сжатый кулак.

С кулаком этим Сычок был знаком достаточно близко и продолжать знакомство в условиях приятного отдыха совершенно не желал.

Через некоторое время к ним за стол подсела компания Чифаниных приятелей во главе с пушным добытчиком Шубкой. Шубка активно сколачивал ватажку, чтобы, как только подморозит, двинуться в некие Черные Мхи — на охотничий промысел. Собственно, ватажку он уже почти собрал. Осталась мелочь — раздобыть денег на припасы и снаряжение. Будущие ватажники — парни бравые, но, увы, в основном пришлые, безденежные. Сейчас половина этих парней трудилась на Чифанина деда — за кормежку и мелкую — не разбогатеешь — поденную плату. Промысловый инвентарь тоже можно было взять у Чифанина деда, в кредит, но — за третью долю. А третью долю Шубке и остальным было жалко. Вот ежели бы сам Чифаня с ними пошел, глядишь, Любим сделал бы скидку. По мере уменьшения количества меда планы ватажки становились все грандиознее.

Чифаня слушал и помалкивал. Присматривался.

Через некоторое время Духарев и Чифаня отошли от стола по естественной надобности, а на обратном пути Серега спросил приятеля:

— Чифань, помнишь, как ты меня в тот первый день ошарашил?

— Биткой, что ли? Ну, помню.

— Она у тебя с собой?

— Она всегда со мной.

— А врежь-ка мне еще раз!

— Что, всерьез? — удивился Чифаня.

— Ага!

Чифаня молча сунул руку за пазуху, кистень свистнул... и шарик оказался в ладони Духарева. Как он и предполагал, это оказалось совсем не трудно. Не сложней, чем поймать на лету теннисный мяч.

— А еще?

Чифаня крутнул шар на цепочке, выбросил руку... И Духарев опять поймал битку. На этот раз он заметил, что Любимов внук его щадит: придерживает руку.

— Да не жалей ты меня! — воскликнул он сердито.

— Ага, не жалей! А зашибу — виру кто будет платить?

Чифаня огляделся. На лавке, рядом с одним из его приятелей, лежала войлочная шапка, вроде тех, что надевали под шлемы здешние ратники.

— На-ка, надень! — потребовал Чифаня.

Серега нахлобучил войлочный колпак.

Чифаня отошел на шаг, размахнулся и ударил. Длинно, с вывертом... И с тем же результатом.

Минут десять Чифаня так и эдак пытался достать Духарева, но попал только один раз, по ребрам. Больно, но вполне терпимо.

— Все,— заявил он. И сунул кистень за пазуху.

Серега повернулся к столу... и обнаружил, что вся компания глядит на них, пооткрывав рты.

— Слышь, Серегей,— проговорил Сычок.— А ты, часом, не нурман?

Глава двадцатая

Без названия, но зато с эпиграфом

Маленький человечек
На узком карнизе башни.

Он засыпает вечером.
Видит во сне нестрашное.

А раз бояться нечего,
Можно и покапризничать...

Маленький человечек
Спит на узком карнизе.

Автор

Сереге снился Дом. То есть не его комнатуха в коммуналке на Дербах с видом на трамвайные пути. Просто Питер. Ма-

ленькая кафешка на Рижском проспекте, в которой они планомерно и систематически надирались с бывшим мастером спорта по биатлону, а теперь солдатом удачи Пашей Влакисом. Паша был старше Сереги на три года, и особой дружбы между ними не водилось. Больше того, Серегу уже выперли из универа, и армия ждала его, широко распахнув гноящиеся «горячими точками» объятия. Следовательно, будущий салабон Серега Духарев и профессиональный наемник Паша Влакис могли этак через полгодика сойтись по разные стороны «передка» в терпеливой снайперской дуэли. И победа в этой дуэли наверняка принадлежала бы Паше, а не Сереге, поскольку Паша стал профи еще в Молдове, а стрелял всегда лучше, чем Духарев.

Об этом не говорили. О войне сначала вообще не говорили, потому что Паша сразу заявил: не будем. Но после литровой бутыли «Смирнова» разговор все-таки сполз на острую тему.

— Главное — не выеживайся! — Влакис глядел на Серегу налившимися кровью глазами. Он был пьянее Духарева, но заметно это было лишь по легкому прибалтийскому акценту, прорезавшемуся в его речи.— Сиди тише, зарывайся глубже. Вперед не лезь. *Никогда.* Тебе платят бабки за кровь.

Влакис забыл, что Духареву никто платить не собирается. Серегину кровь государство получит на халяву.

— Тебе платят бабки — вот и все. Какой-то козел наваривает грины на крови и платит тебе, чтобы ты жрал говнище вместо него. И ты жрешь. Потому что тебе платят. Но если ты при этом громко чмокаешь и просишь добавки, то ты — полный... Короче, давай! За жизнь! Чтобы она, сука, нас не динамила! — Они выпили, закусили горелыми котлетками — им было все равно, чем закусывать,— и Влакис продолжал: — Там, бля, так: чемпионов нет. Чемпионы в Думе заседают. А кто в броне жарится, тот всегда в ауте, понял? Попал в говно — не чирикай, понял?

— Понял,— сказал Серега.

— Молодец,— похвалил Паша.— Ты, главное, не выеживайся. И вперед не лезь. Назад тоже не лезь. В середке держись. Но не в куче. Один. По одному «градом» утюжить не будут. То есть первое — выжить! Понял?

— А второе?

— Выжить!

— А третье?

— Выжить! Не сдохнуть! И первое, и сто, бля, девяностое! Выпьем!

Выпили.

— Слушай, Паша, а на хрена тебе все это надо? — спросил Духарев.— Ты что, иначе не можешь деньги зарабатывать?

— Могу! — Влакис энергично кивнул.— Не, не могу! Не в смысле бабок! По фиг, дым! Это, блин... Короче, Серый, живем раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди все горело, а сзади, то есть позади,— все рыдало! А ты идешь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! Потому что вокруг все дымится и кишки на проволоке, но не ты горишь, и кишки — не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и все у тебя трясется, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь — и такой кайф, понял! Не, Серый, ты не поймешь! Короче, выпьем!

Как ни странно, но Серега понял. Не то чтобы въехал, но башкой уразумел. И выводы сделал. Свои. Нет, кайфа от сидения в говне или от чужих кишок на колючке он ловить не научился. Но принцип понял. Будешь страдать: как же это я так залетел? Как же это: меня — и убить хотят? Угодил в болото — не хлопай крыльями. Но и клювом не щелкай. Тогда выберешься. И грязь отмоешь. И если пуля не в башке застряла, а только по затылку чиркнула, то это тоже пруха. Но еще лучше башку под пули вовсе не подставлять. Все же человек, а не Змей Горыныч. Одна она у человека, башка-то!

Почему Сереге приснился Паша Влакис, которого он и не видел с тех пор ни разу? Кто ж это знает? Но проснулся Серега до петухов. Сна не было.

Серега вышел во двор, постоял, поглядел на белые игольчатые звезды, подышал чистым воздухом. Двор, забор, за забором — чужой странный город. За городом — река. На реке рыба плещет и лягушки квакают. Река — настоящая, это точно. Да и город, наверное, тоже настоящий. Наверное...

Серега медленно пересек двор, открыл калитку. За калиткой не было ничего. Пустая тьма...

Серега постоял немного, держась за столб, затем осторожно закрыл калитку, повернулся и пошел в дом.

Досыпать.

Глава двадцать первая,

из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка

Серега взял у Мыша холстину и вытер взмокшую грудь. Зрители понемногу расходились. Те, кто ставил на Духарева, толпились вокруг Чифани. Таких было много: Серега стал признанным лидером. Против него закладывались только пришлые да еще такие, кто надеялся за грош получить гривну.

Круглощекая босоногая бабенка в кике [1] с «рожками» протянула ему кувшинчик с квасом. Серега опростал его в три глотка.

— Спасибо, родная!

Бабенка загадочно улыбнулась, взяла его за руку и потянула за собой. Серега противиться не стал: ему было любопытно.

Любознательность Духарева была удовлетворена очень скоро. Бабенка увлекла его в какой-то сарайчик, сняла головной убор, под которым оказалась белая коса толщиной почти с Серегино запястье. Бабенка нежно улыбнулась и завалилась на спину, на сено, задирая юбки. Моды на нижнее белье в Торжке не водилось.

— А голову мне не отрубят? — осведомился Духарев.

— Дурачок! — Бабенка облизнулась.— Все видели, как я те испить дала! Ну давай же, давай!

Серега поглядел на раскинутые округлые ножки с грязными пятками, подумал: наверное, не стоит...

«Стоит, стоит! — не согласился Серегин организм.— Еще как стоит!»

Бабенка расшнуровала лиф, чтобы Духарев мог убедиться, что и сверху у нее тоже кругло, бело и аппетитно.

Процесс снятия штанов никогда не занимал у Сереги много времени.

— Ах! — воскликнула сочная блондиночка, увидав алые плавки.

— Ох! — выдохнула бабенка, когда он эти плавки снял.

---

[1] Головной убор замужней женщины.

Дальнейшее протекало в молчании, если не считать длинного глухого стона, испущенного инициативной красоткой, когда Серега проскочил первый этап дистанции.

Стоило ему привстать, как красавица проворно вышуршалась из-под него, сладенько потянулась, подтерлась подолом и принялась зашнуровываться.

— Эй! — удивился Серега.— Ты что, спешишь?

— А чего? — в свою очередь удивилась пышечка.

— А повторить?

Блондиночка нахмурила лобик, потом сообразила, расплылась в улыбке, снова расшнуровала лиф и завалилась на спинку.

— Нет уж,— заявил Серега.— Вариант банкир-секретарша мы уже отработали. Давай теперь подойдем к делу ответственно.

Бабенка явно ничего не поняла, но, когда Серега взялся извлекать ее из одежек, противиться не стала. Одежду Духарев аккуратно разложил на соломе, чтоб не так колко было, хотя на этой самой одежде было столько плохо обработанного металла, что на подстилку она годилась с большой натяжкой. На шейке у блондиночки обнаружились аж три шнурка и тяжелая серебряная гривна. Гривну Сереге удалось снять, а при попытке освободить ее от прочих украшений: стилизованного медного петушка, мешочка с неизвестным содержимым и золотого полумесяца с мизинец длиной — бабенка выразила бурный протест. Серега настаивать не стал, разложил милку на рабочем месте и принялся обрабатывать по всем правилам.

Блондиночка сначала похихикивала, но очень скоро хихиканье сменилось вздохами, постаныванием и прочими более подобающими процессу звуками. Несмотря на явную новизну ощущений, нежная красотка завелась быстро и круто и активно попыталась перейти к основной части шоу. Но Духарев торопить события не позволил и приступил к кульминации, только когда гладкокожая любительница приятных ощущений начала рычать и повизгивать. Но и в финальной фазе Серега любил разнообразие, а потому, когда, после дюжины описанных классиками эротической литературы позиций, он наконец совершил то, ради чего природа и наделила мужчин и женщин сексуальностью, блондиночка совершенно охрипла.

Духарев, впрочем, тоже изрядно устал, повалился на солому и подумал, что было бы совсем недурно выкурить сигарет-

ку. Вообще-то Серега не курил, но была у него невинная привычка: потрахавшись, выпить бутылочку светлого пивка и подымить стрельнутой у подружки какой-нибудь «кэмэл-лайт».

Пока Духарев мечтал, блондиночка немного оклемалась и принялась со всей тщательностью вылизывать ему живот... и ниже. Причем именно вылизывать, а не... нечто большее. Серега не протестовал. В конце концов, он заслужил.

Одевала его блондиночка тоже собственноручно. Красные плавки попыталась заначить, но Серега не позволил. Где он другие возьмет?

Расставались они очень мило. Красотка, густо краснея, потупившись и с разными нежными словами типа «мой бычок», Духарев — сдержанно, поглаживая мягкую спинку.

Смущение красотки закончилось, когда она отперла дверь сарайчика и обнаружила добрую дюжину малолеток, не успевших отлипнуть от щелей в стенках.

«А я-то решил, что она выдохлась»,— подумал Серега, не без восхищения наблюдая, как бабенка, взбивая пыль, размахивая подвернувшейся хворостиной, мчится за улепетывающей со всех ног любознательной молодежью.

«Делу время, потехе час»,— подумал Духарев и отправился разыскивать Мыша, чтобы предложить названому братцу пообедать.

По пути Серега вспомнил о Сладе, о том, что городок маленький и велика вероятность, что о Серегиных «подвигах» могут рассказать и Мышовой сестренке. Почему-то от этой мысли замечательное настроение у Духарева стало чуточку менее замечательным.

Глава двадцать вторая,

в которой подтверждается старое правило: если дела идут хорошо — жди неприятностей, если дела идут очень хорошо — жди больших неприятностей

Лафа кончилась. В город вернулся Скольд.
От Чифани примчался заполошенный пацаненок.
«Княжий наместник зовет!»

Пошли.

Чифаня, один, без Сычка, ждал у Детинцовых врат.

— Что стряслось? — спросил Духарев.

— Посыл ко мне прибежал от Скольда,— мрачно сообщил Чифаня.— Желает, мол, наместник, чтоб явились пред его очи устроители неподобающих игрищ.

— И что теперь? — глуповато спросил Серега.

— Поглядим,— буркнул Чифаня, отводя глаза.— Может, и обойдется...

«Боится,— подумал Серега.— Мог бы сказать: во что ты меня втянул? Не скажет. Гордый».

Деревянные стены Детинца уже примелькались Духареву, стали такими же знакомыми, как месяц назад — площадь перед метро «Балтийская». А вот внутри он с того, первого, раза больше не бывал.

Ворота, так же как и в тот раз, были приотворены. Их никто не охранял, в отличие от городских. Понятно почему. Большой вражеский отряд незаметно не подберется, а малого Скольдовой дружине бояться стыдно.

Ворота не охранялись, но на крылечке сидел незнакомый гридень: зрелый мужик с обвязанной серебряной нитью косой. Раз с косой — значит, с юга. Северяне кос не плели, а варяги и вовсе стриглись коротко, чтоб шлем носить сподручнее да живность всякая не заводилась.

— Кто такие? — не потрудившись встать, спросил гридень.

Друзья назвались.

Гридень кивнул, поднялся, свистнул.

Появился отрок. Молодой. Лет шестнадцати, но уже опоясанный мечом.

— Этих двоих — к батьке,— распорядился гридень. И Мышу: — А ты куда? За тебя никто не говорил.

— Я — с ними! — пискнул было Мыш, но гридень поймал его за шкирку.— Сказано — стой! А вы че ждете? Пинка под зад?

Серега удержался от того, чтобы выразить свое мнение о Скольдовом воине вслух. И так ясно, что подарков им дарить не станут. И не стоит прямо с порога нарываться на скандал. Тем более что оперативность, с которой княжий наместник осуществлял наказание виновных, Духарев видел собственными глазами.

Отрок, в отличие от южанина, Чифане был знаком. Поэтому он рискнул спросить:

— *Сам* — как?

— Увидишь! — посулил отрок.

По его физиономии чувствовалось: приятного зрелища Чифане ждать не стоит.

Увидев, куда их привели, Чифаня, судя по всему, окончательно пал духом.

Длинный зал, хорошо освещенный, с высоченными стрельчатыми окнами. Свежий ветерок невозбранно гулял по обширному помещению. Летом это было приятно, а зимой, наверное, не очень.

«О чем я думаю! — одернул себя Духарев.— Да нас, похоже, сейчас судить будут!»

Собравшиеся в зале действительно напоминали трибунал.

Скольд, князев наместник, в блестящей броне, восседающий на высоком кресле. По правую руку от него — аскетического вида старик с гладкой белой бородой, увешанный всякими фенечками и прибамбасами, с посохом, в колоритной шапке с желтыми оленьими рогами — тяжелый, должно быть, головной уборчик. Дед — наверняка жрец кого-то из местных богов. Скорее всего, Волоха. По левую руку от Скольда расположился городской старшина, тоже дедушка, заслуженный, из «гостей». «Гостями» же здесь называли купцов, что ходили дальше прочих. В Царьград, например. Очень важный дедушка и очень сердитый. Серега не ко времени вспомнил, как слыхал от Мыша: дедушка этот трижды, через домочадцев, ставил на проигравших и влетел, вероятно, на приличные бабки.

«Надо было ему презент сделать!» — подумал Серега, но эта мысль явно припозднилась. Поздно пить боржом, когда почки отвалились.

Среди прочих важных персон Духарев углядел знакомого огнищанина, старшину деревянных дел мастеров (этот глядел с сочувствием) и... старого приятеля Горазда.

— Слыхал я,— начал наместник,— затеяли вы люд честной обирать по ромейскому обычаю?

— Почему по ромейскому? — удивился Духарев.

— Молчи! — прошипел Чифаня.

Наместник вроде и не услышал реплики.

— Людей обирать да в игры играть, что лишь в священных местах да во славу великих пращуров играть положено,— продолжал Скольд.— А дело это худое и большую беду кличет. Признаете вину свою?

— Да,— тихо проговорил Чифаня.

— Нет! — громогласно заявил Сергей.

— Чужак, он и есть чужак! — фыркнул Горазд.— Его это умысел! И богов отчих наших он хулил...

— Это как же, интересно, я их хулил? — возмутился Духарев столь явным поклепом.

— Да всеми деяниями своими непотребными! — усмехнулся Горазд.

— В огонь кощуна! — грохнул посохом длиннобородый.

Ни хрена себе! Он что, всерьез?

Серега покосился на Чифаню. Тот стоял бледный и несчастный.

— Кто еще слово молвит? — грозно вопросил Скольд.

— Я! — произнес старейшина плотников.

Серега глянул на него с надеждой. Напрасно.

— Чужаку — смерть,— сухо сказал старейшина.— А за Любимова внука я так скажу. Соблазнил его чужак, потому негоже убивать парня. И Любима обидим: то ж родич его. Наказать нужно. Дюжину плетей дать — и ладно.

— Дюжину? — скривился городской старшина.

— Да не сдюжит он боле! — настаивал «деревянный» мастер.— Вишь — хлипкий! К работе родовичей не годный. Потому и к дурному пристал.

— Верно,— поддержал плотника огнищанин, которого Серега пару раз видел на Любимовом подворье.— Дюжины хватит. А чужака Перуну отдать!

— Пускай,— согласился городской старшина.— Но хищенное обкраденным возвернуть следует.

— Сначала — вира князю! — строго произнес Скольд.

«Да это же они наше имущество делят!» — сообразил Серега.

— Чужака Перуну отдать не годится! — возразил Горазд.— Он — не добыча воинская и не рода нашего. Чужак, я слыхал, белому богу поклоняется. Так? — Он обращался не к Духареву, а к Чифане.

— Так,— упавшим голосом подтвердил тот.

— Вот! Сей дар не утолит Перуна, а осквернит! — объявил Горазд.

— Огонь все очистит! — бухнул посохом фенькастый жрец.— В огонь кощуна!

«Ах ты пердун рогатый!» — подумал Серега. Поглядел на окна. Выскочить можно... Если стрела не догонит. А если не догонит — то дальше что? Куда бежать? И к кому? И где гарантия, что эти не решат на Мыше со Сладой отыграться? За родича.

— Что Перуну угодно — мне решать, волох! — осадил дедушку Скольд.— Говори дальше, Горазд.

— Я вскорости в Киев на лодьях побегу,— сказал купец.— Чужака возьму и вместе с прочей челядью продам. Они за своих единоверцев добрый выкуп дают. А не дадут — так продам, но это вряд ли. Ихний он. Там в те ж игры играют. Остах, ты к ромеям ходил: правду я говорю?

— Правду,— неохотно согласился городской старшина.

— А я говорю — в огонь кощуна! Иль кровь ему на священном месте отворить! — закричал жрец, вскакивая.— Накличешь беду, воин!

— Может, себе его возьмешь? — спокойно спросил Скольд.

— Мой господин крови не радуется.— Дед тут же успокоился и сел на место.

— Это мы знаем,— сказал один из княжьих воев.— Твой господин иное любит, да мы слыхали, чужак и в этом не промах.

Присутствующие заухмылялись. Напряжение в зале чуточку спало.

Серега, который все это время лихорадочно думал, как вывернуться из ситуации, кажется, отыскал лазейку.

«Была не была! — подумал он.— Терять мне нечего. Сожгут, зарежут или в рабство продадут. Хрен редьки не слаще!»

— А можно мне сказать? — крикнул он.

— Твоя вина установлена! — отрезал Скольд.

— А я не о моей вине говорить хочу!

— О чьей же?

— О твоей! — дерзко бросил Духарев.

В зале на несколько мгновений стало совсем тихо.

— Что ты сказал? — грозно сдвинув брови, осведомился наместник.

— Ты слышал! — с вызовом заявил Сергей.— Дашь мне говорить или как?

И как в их первую встречу, уловил в глазах воина нечто вроде одобрения: любил Скольд отвагу.

Горазд шевельнулся, порываясь что-то сказать, но не рискнул.

— Говори! — сурово произнес наместник.

— Помнишь ли ты, грозный в битве любимец великого Перуна, как я к тебе пришел однажды проситься в гридни? — спросил Серега.

«Грозный в битве» и прочее пришло ему на ум только потому, что он понятия не имел, как следует обращаться к военному вождю. А уж про Перуна он ввернул, чтобы опровергнуть Гораздово обвинение в богохульстве.

— Помню,— кивнул наместник, не догадываясь, куда клонит Духарев.— Только какой из тебя гридень! Смех один!

— А что ты мне сказал, бесстрашный сеятель вражьих погостов, помнишь?

— Ну речет! — вполголоса произнес один из княжьих воев другому.— Чистый нурман!

— Что я тебе сказал? — нахмурился Скольд, пытаясь вспомнить, что он такое наговорил чужаку. Нет, не вспомнить. Только ему и дел, что разговоры свои со всякими бродягами запоминать!

— А сказал ты мне так, гроза недобрых гостей...— Духарев сделал торжественную паузу: — «Иди-ка ты лучше на торгу народ веселить!» Не помнишь?

— А-а-а...— Лоб Скольда разгладился: он тоже вспомнил.— Да, я так сказал.

— И от слов своих не отказываешься?

— Я от своих слов не отрекаюсь, чужак! — Наместник снова грозно сдвинул брови.— Дальше говори, если есть что сказать.

— А я все сказал,— Серега изобразил крайнюю наивность.— Ты велел — я и пошел. На торг. Народ веселить.

Купец Горазд задрал бородищу и стукнул себя по колену: до него дошло.

До Скольда дошло мгновением позже, а Серега тем же невинным голосом продолжал:

— Вот я и веселил, как умел. А что кому-то не шибко весело было, так и это нормально. Веселых-то все равно больше. Можно хоть у народа спросить?

— Выходит, это я тебе велел непотребные игрища затевать? — осведомился Скольд.

— Выходит, ты,— ответил на чисто риторический вопрос Серега.— А уж если я что не так сделал — моя вина, это признаю! И виру заплачу, какую скажешь, без базара, то есть сколько назначишь — столько и заплачу!

Он очень надеялся, что сумма не окажется запредельной.

В зале повисла напряженная тишина. Серега гордо выпрямился. Собственная логика показалась ему безупречной. И не ему одному.

— Заплатишь,— грозно произнес наместник.— И немало. А теперь ступай отсюда! — Скольд наклонил голову, но Духареву показалось, что губы Скольда, спрятанные густыми усами, кривятся в улыбке. Нет, классный мужик этот Скольд!

— Выдр, убери его с глаз моих! — бросил наместник.

— Ступай! — Отрок подтолкнул Серегу.— Слыхал, чего велено?

А виру наместник назначил, точно, немалую. Ободрал как липку. Чифане еще и у деда занять пришлось. Вот такие дела.

Глава двадцать третья,

в которой друзья строят планы на будущее

В общем, бизнесмен из Сереги не вышел. Ни там, ни здесь.

Кучка резаного серебра, пара-тройка заморских монет, одежка да нож в дареном чехле.

Вечером, как обычно, друзья собрались на постоялом дворе.

— Эх-хо! — горевал Чифаня.— Скоро ж летние Дажьбоговы празднества! Народу съедется — тьма.

— Брось,— махнул рукой Мыш.— На празднике княжьи гридни биться будут да волохи чудеса чудесничать. Куда уж нам!

— Не скажи, Мышка! — возражал Чифаня.— На воев заклад не поставишь, а мы...

— Сычок, а как ты, новгородец, к Любиму в закупы угодил? — спросил Духарев.

— Как, как... Обычно! — Сычок отхлебнул меду, закусил румяным крендельком.— Подрядился купчине одному служить. Приехали сюда, расторговались. Я долю свою взял... Ну и погулял маленько... До заморозков. Че делать? Пошел к Любиму и продался. А Любим меня к Чифане приставил. Грит, внук у него умом востр, да телом слаб. Гляди, чтоб не обидели. Ну я и гляжу.

— По своим не скучаешь? — спросил Духарев. Он знал, как трепетно местный люд относится к родичам.

— Скучаю, как не скучать,— согласился Сычок.

— А по дому?

— А че по нем скучать? — удивился Сычок.— Я — пятый сын. Век буду под старшими ходить да спину гнуть со света до ночи. Вот кабы меня Любим к чанам приставил — может, и скучал бы, что не на свою кровь тружусь. А так... Мне моя жисть нравится!

— А дальше — что? — не унимался Духарев.— Теперь, когда Скольд нам на торгу бороться запретил, что теперь делать станешь?

— То пусть Чифаня думает! — отмахнулся Сычок.— Он умный. Небось уже и надумал чего-нибудь.

Сычок оказался прав. Чифаня надумал. Податься из городка. Сразу после Дажьбоговых празднеств. Конь у них есть. Повозку, с верхом, он уже на своем подворье присмотрел. Ломаную, но починить можно. Если отправиться пока дороги сухие, на прокорм да зимовку заработать можно. Скоморохи ж зарабатывают. Если Мыш с Серегой захотят — пускай присоединяются.

— Хотим! — тут же заявил Мыш.

— А Слада как же? — спросил Духарев.

— Так мы ж вернемся! — сказал он.— Побродяжничаем малость, а к урожаю — домой. Так, Чифаня?

— Можно и так. Поглядим,— солидно ответил Любимов внук.

— Это дело верное! — с энтузиазмом произнес Мыш.— Всяко лучше, чем с Шубкой на Черные Мхи идти!

Серега вышел во двор, по надобности, заодно поглядел на небо. Солнышко уже спряталось.

Вернувшись под крышу, он быстренько дохлебал пиво и встал.

— Счастливо, братки, я вас покидаю! — сообщил он.— У меня тут дельце одно.

— Знаем, знаем! Дельце с тельцем! Гы-гы-гы! — сострил Сычок.

Шутка, впрочем, была не его — Чифанина. Но Чифаня пошутил однажды, а Сычок уже раз десять.

Серега вернулся домой с первой звездой. Мыш был уже дома. После того как княжий наместник «закрыл» их «фирму», кореша не оставались за столом до полночи.

Брат и сестра сидели в дворике. Мыш — просто так, а Слада плела лечебный браслетик из собачьей шерсти. Темнота ей не мешала.

— Как потетешкался? — с ухмылочкой осведомился Мыш.

Серега пихнул его в бок: болтай меньше.

Духарев еще не сделал Сладе официального, так сказать, предложения. И его отношения с юной девушкой были совершенно целомудренны: они даже не поцеловались ни разу. И все-таки...

— Мыш говорит: вы на заработки собрались? — спросила Слада.

— Есть такая идея,— без особой охоты подтвердил Духарев.— После ваших праздников.

— Это не наши праздники! — строго и важно поправила Слада.— Это буйство еллинское, дикое, христианам неподобающее.

— Ха! — воскликнул Мыш.— Это ромеям нельзя, а нам можно! Ты сама как, будешь травы в Сварожью ночь собирать?

— Так то травы,— смутилась Слада.— Про травы в книге ничего не написано.

— В какой книге? — заинтересовался Духарев.

— Мудрого святого Прокопия всеобщем лечебнике,— ответила Слада и повторила то же самое по-гречески, чего Серега, разумеется, не понял.

— У тебя есть эта книга?

— Нет,— огорченно ответила Слада.— Мы ее продали. Но я наизусть все помню, так что это ничего. А про травы там ничего не сказано. Зато про жертвы кровавые да игры похотливые — сказано: великий грех. А пастыря, чтоб исповедовал да прощение от Господа Христа даровал,— нет.

— А я слыхал: в Киеве храм Господень строить будут! — вмешался Мыш.— Князь дозволяет.

— А сам князь — не христианин? — заинтересовался Духарев.

— Да ты че! — воскликнул Мыш.— Князь же воевода, первый Перунов жрец! Как ему христианином быть можно?

— А гридню можно?

— Среди княжьих варягов, из тех, что ромеям служили, многие — истинной веры! — вмешалась Слада.

— Значит, гридню можно! — сделал вывод Мыш.— Да тебе что, Серегей? Ты ж гриднем не будешь?

— Это почему? — слегка обиделся Духарев, который еще не оставил надежды примкнуть к воинскому сословию.

— Потому. А вот я мог бы, кабы меня Скольд в детские взял. Будь батька наш — из дружины, он бы меня точно взял. А ты, Серегей, уже не годишься. Старый. Поздно тебе ратному делу учиться. А я бы...

— Пошли спать! — решительно заявила Слада.— Мне до свету вставать. И тебя, Мыш, тоже подниму. Пойдешь репу полоть.

— Ну...— протянул Мыш, которому такая перспектива радости не доставила.

До сих пор он отлынивал от сельскохозяйственных работ под предлогом занятости. Но после запрета «тотализатора» оправдываться стало нечем.

Серегу тоже с утра ждала работа. Такая же неквалифицированная, как прополка. Чифаня «подписал» его и Сычка на строительные работы. Плотник из Духарева был никакой, зато спина здоровая, а бревна таскать можно и без специальной квалификации.

Глава двадцать четвертая

Канун Дажьбогова праздника

— А кто найдет папоротников цвет, тому все тайное откроется: клады, схоронки, дива лесные. А сам он невидим станет для людей и духов и даже самой Морены-Смерти...— Мыш за-

катил глаза и всей своей веснушчатой мордашкой изобразил ужас и восхищение.— А цветет он, папоротник то есть, единожды в тыщу лет и токо одну ночь. Такую, как седнишняя.

Мыш и Серега сидели на берегу Сулейки с удочками. А в соседней роще вовсю кипела подготовка к празднику. Практически все население Малого Торжка, исключая разве младенцев да совсем ветхих старцев, готовилось к трехсуточному непрерывному веселью.

За три дня до этого Скольд собрал всех вольных мужчин, способных носить оружие, и увел вместе с дружиной на Перунов холм.

Духарева, как иноверца, не пригласили, чем он был, честно говоря, огорчен. Перуновы игры почитались тайными, сокрытыми от женщин и чужих. Вообще по старине полагалось, что каждый род творит их самостоятельно от прочих. Но в последнее время эта традиция претерпела изменения. Хотя бы потому, что первый воин Торжка и, следовательно, первый Перунов жрец был пришлым варягом, а не коренным кривичем. По Перуновой Правде любой мог оспорить право Скольда, скрестив с варягом оружие пред его, Перуна, идолом. Кровь проигравшего считалась жертвенной, но ни один из торжковских исконных родовичей, даже совсем глупый и самонадеянный, не был самонадеян и глуп настолько, чтобы не знать совершенно точно, чьей именно кровью вымажут после поединка усы и губы идола. Только среди Скольдовых гридней были достойные противники княжьему наместнику. Но гридень никогда не пойдет против «батьки».

В общем, пришлый варяг Скольд успешно насаждал принятую на юге традицию: за несколько дней до Дажьбоговых празднеств устраивал для будущего возможного ополчения военные сборы. Поселяне-кривичи относились к этому «новшеству» с большим неодобрением, поскольку предпочли бы вместо этого работать на своих полях. Вероятность же нападения врагов в полоцком княжестве была существенно ниже, чем на киевских землях, где до Великого Поля — рукой подать. Но «район» здешний был «промышленный», а не сельскохозяйственный, и Скольд мог не прислушиваться к недовольному ворчанию огнищан.

Зато к нему прислушивался Духарев и поэтому был неплохо осведомлен о том, что происходит на «тайных Перуновых

играх». Однако ж пойти к наместнику и попросить разрешения присоединиться к местным «партизанам»[1] не рискнул. Потому что именно этого требовал волох на княжьем суде. А Скольд вполне мог внять просьбе христианина и взять его с собой... вместо одного из пяти рабов, которых назначили в жертву языческому богу. К роли же великомученика Духарев пока не считал себя готовым.

Перьевой поплавок заплясал, и Серега проворно подсек и вытащил из воды рыбешку с мизинец длиной.

Мыш издевательски захихикал.

Серега отцепил малька и выкинул обратно.

— Это не рыбалка, а позор один,— сказал он.— Пошли лучше туда! — Он махнул в сторону рощи.

— Иди,— отозвался Мыш. И добавил завистливо: — Тебе можно! Тебе Сладка ничего не сделает. А мне за еллински забавы голову оторвет.

— И ночью тоже будешь дома сидеть? — спросил Духарев.

— Не, ночью Слада уйдет травы собирать, я и сбегу. Буду папоротников цвет искать! — Мыш оживился.— Я уж и овражек один присмотрел! А то айда со мной! А то че я один, что ли, бессмертным стану?

— Спасибо, я лучше в другой раз. Ты лучше со мной каким-нибудь кладом поделишься,— Серега изо всех сил старался не улыбаться.

— Ну, ясное дело, поделюсь,— деловито ответил Мыш.— Токо сначала надо дом поправить, крышу перестелить. А еще я лодью купить хочу. Ты как, Серегей, не против? Купим лодью, будем гостями к ромеям плавать. Годится?

— Отличная идея,— согласился Духарев.— Удочку тебе оставить?

— Оставь.

В рощу Духарев не пошел, а пошел он в город. Ворота были открыты, более того, воин-привратник, обычно располагавшийся поблизости, на сей раз отсутствовал. И сам городок опустел. Непривычно голые рыночные ряды, безлюдные тротуары, улочки, отданные в безраздельное пользование свиньям и курам.

[1] «Партизаны» — отслужившие, призванные на военные сборы (совр. жаргон).

Серега миновал лавку гончарного старшины Жердяя. Двери в лавке — нараспашку, внутри — никого. Заходи и бери, что нравится. Но в Торжке воров не водилось. Почему-то. Точнее, Серега никогда не слыхал о том, чтобы кого-то наказывали за воровство. В городе. За пределами городских стен тебя могли обобрать запросто. Сумеешь доказать, что ограбили, и указать обидчика — с него взыщут по полной программе: украденное, моральную компенсацию, штраф в пользу князя... Еще и спину плетьми отрихтуют. Так что молодцы типа встреченного Серегой в первый здешний день Перши Лебеды в городе не показывались. В лесу же, если разбойнички особо не зарывались и не свирепствовали, их не трогали. Серега подозревал: Скольдовым ребятишкам попросту лень шариться по здешним болотам. Захотели бы — нашли.

На соседнем дворе опять лаялись. Жили там два женатых брата-близнеца. Бондари. Пришлые с юга. Жены у обоих — тоже как близнецы: толстые, рыжие и горластые. Но люди хорошие.

Серега распахнул калитку, подумал: надо бы собаку завести. Как-то это неправильно: двор без собаки.

Духарев подошел к колодцу, вытянул ведро, попил. Подумал немного, стянул рубаху и опростал ведро на голову. К луже тут же сбежались куры: купаться.

Слада была дома. Натягивала веревочки в сарае: для трав.

— День добрый, Серегей!

Духарев поморгал, привыкая к сумраку после яркого солнца.

Слада спрыгнула с лесенки, потащила ее к противоположной стене. Конец бечевки она держала в зубах.

— Погоди! — Серега присел на корточки.— Становись мне на плечи.

Слада подумала немного, скинула башмачки и вскарабкалась на предложенную «подставку». Серега медленно выпрямился.

— Как там наверху? — поинтересовался он.

— Хорошо!

С вестибулярным аппаратом у девочки явно все в порядке.

— Привязала! — крикнула она сверху, и Серега плавно двинулся к противоположной стене, придерживая Сладу за лодыжки, чувствуя мышцами, как она балансирует, удерживая равновесие.

— Нравится?

— Ага!

Сереге тоже нравилось ощущать, как упираются в плечи эти смуглые маленькие ножки, нравилось чувствовать тяжесть... Хотя какая там тяжесть! Килограммов сорок пять от силы.

В сарае вкусно пахло сеном.

— Все! — звонко крикнула Слада.— Ой! — Серега присел слишком резко, девушка потеряла равновесие, но Духарев ее не уронил. Его ладони скользнули по ногам девушки, он обнял ее бедра, удержал...

М-да. Несколько смущенный, Духарев поставил ее на землю. Нижнее белье здесь еще не придумали.

Слада поглядела на него снизу, запрокинув голову. Кажется, она рассердилась.

— Ты нарочно, да? — выкрикнула она.

— Вообще-то нет,— Серега усмехнулся. Сердитая, она нравилась ему ничуть не меньше.— А даже если и нарочно, что с того?

— А то, что я тебе не эти... К которым ты бегаешь! Которые только и думают... Я...

Серега присел на корточки. Теперь уже он смотрел на нее снизу вверх.

— Я тебе...— по инерции повторила Слада.

— А я знаю,— спокойно и серьезно произнес Духарев.

Он подхватил ее на руки, отнес в угол, под окошко, где было сложено прошлогоднее сено, посадил на вязанки.

— Ничего ты не знаешь! — заявила Слада.— Ты думаешь, отец наш был — просто лекарь, да?

— Мне не важно, кто был твой отец.— Сережа взял ее ножку — меньше его ладони — поцеловал, щекоча усами.— Мне важно, что ты — моя царевна!

Слада молчала, но не пыталась освободиться.

Сергей ласкал ее ножки, целовал светлые, почти не загоревшие коленки.

— Ты — самая лучшая! Самая красивая!

Он заглянул ей в глаза.

— Ты правда так думаешь? — прошептала Слада.

— Да!

— А все говорят, что я уродка. Черная, тощая...

— Они дураки!

— Папа тоже говорил, что я красивая... Больше никто.

— И я.

— И ты. Ты тоже красивый. Только очень большой. И странный. К тебе привыкнуть надо.

— Ты привыкнешь.

— Да. Ты не думай, что я сержусь на тебя из-за этих... К которым ты вечерами ходишь...

— Знаешь, малышка, мужчине иногда надо...

— Знаю,— Слада оттолкнула его руку, соскочила вниз, развязала шнурок, на котором держались Серегины штаны...

Духарев настолько опешил от неожиданности, что с полминуты стоял столбом.

— Эй! — наконец воскликнул Сергей, пораженный ее уверенными действиями.— Эй! Кто это тебя научил?

От его окрика Слада вздрогнула, быстро убрала руки, даже спрятала их за спину.

— Это нельзя, да? — Девушка глядела на него испуганными огромными глазами.

Наверное, что-то такое отразилось на физиономии Духарева, потому что Слада вдруг попятилась и остановилась, только упершись спиной в стену.

— Прости меня, Серегей,— прошептала она.— Я не знала...

Духарев увидел, как щеки ее покрываются румянцем.

Испуганная, совершенно невинная мордашка.

Серега подтянул штаны.

— Разве я сказал: нельзя,— негромко произнес он.— Я спросил: кто тебя научил?

— Шорох,— Слада опустила глаза.

Однако!

— Что еще за Шорох?

— Я за ним ходила,— чуть слышно проговорила девушка.— Он в отроках у Скольда был, потом к купцам нанялся, а тех нурманы побили. Шороху руки и ноги посекли да на дороге бросили. Его купцы витебские подобрали и домой привезли. Я за ним ходила, раны у него плохо заживали, особенно шуйцы [1] культяшка.

— А что с ним теперь? — зачем-то спросил Духарев.

— Умер. От огневицы. Три лета тому.

---

[1] Шуйца — левая рука.

— Да...— только и сказал Серега.

Мог ли он осуждать калеку за то, что тот использовал малолетку для того, что в УК РСФСР квалифицировано как развратные действия?

Да какие, на хрен, развратные действия! Духарев представил себя без рук, без ног...

Серега шагнул вперед, осторожно опустил ладони на хрупкие плечи.

«Что за ночь! — подумал он.— Что это будет за ночь — после такого дня! А-а! Гори все синим пламенем!»

— Сладка! — сказал он.— Выходи за меня замуж!

Глава двадцать пятая

Плохая ночь

Это было круто! Они бились на кургане, при свете костров, высоких — в человеческий рост. Голые по пояс, босые, без шлемов, без щитов, зато у каждого — по два меча. Лучшие клинки Скольда: Мороз, Ольдар, Жорх и Полич, южанин, скрутивший косу в узел, чтоб не мешала.

Это было круто! Курган над рекой. Внизу — безмолвная толпа, а наверху — огромный, как Ростральная колонна, черный идол на фоне неба. И высокое пламя, ровно рвущееся вверх, а между его языками — красные быстрые блестящие тела и еще более быстрые и блистающие — клинки.

Треск пламени, чистый звон металла, шелест рвущегося воздуха, глухие удары ног — по утоптанной земле. Запах дыма, людей, воды и земли. Открытые рты, тяжелое дыхание...

Кто-то из бьющихся закричал тонко и пронзительно:

— И-и-и!..

Пламя взметнулось выше.

Общая дрожь прошла по толпе. Волна жара.

Серега обнял прижавшихся к нему Мыша и Сладу, почувствовал, как их колотит. Вдохнул медленно и еще медленнее выдохнул. Дикое возбуждение сотен людей, скованное, не находящее выхода, физически осязаемое... Толпа, балансирующая на грани безумия...

Духарев изо всех сил старался обособиться. Не чувствовать, а наблюдать. Следить за поединщиками наверху, изучать их технику... Уму непостижимо, как эти парни ухитряются не развалить друг друга пополам! Это походило на дикую пляску... или на показательные выступления. Но каждый прыжок лишь на миг опережал шелестящий полет клинка.

В стоячем ночном воздухе плыл запах сотен человеческих напряженных тел.

Серега выдохнул через стиснутые зубы. Он наконец понял, чего хочет. Быть там, на кургане, над рекой, над людьми, между жарких, пожирающих сучья костров. Чтобы волнами прокатывалась по телу Сила и трепетал отблеск пламени на острие клинка и на блестящей от пота коже...

Такое острое, нестерпимое желание невозможного...

Серега так сжал челюсти, что слезы навернулись на глаза.

— Серегей...— Прохладная ладошка Слады легла на его запястье.— Давай уйдем, Серегей.

— Уйдем,— согласился Духарев и стал протискиваться назад. Впрочем, они стояли с самого края.— Мыш?

— Я остаюсь! — заявил его малолетний побратим.

И полез на дерево, где уже сидели несколько мальчишек. Серега и Слада пошли по тропе вдоль реки. Звуки языческого праздника остались позади, постепенно затихли. Лишь однажды над рекой прозвенел высокий пронзительный крик. Слада перекрестилась и забормотала молитву. Сереге тоже стало как-то неприятно. Он вдруг осознал, что это не его ночь и не его праздник.

— Давай искупаемся? — предложил он.

Слада быстро замотала головой и даже сошла с тропы, словно он собирался столкнуть ее в речку.

— Тогда я сам,— Духарев дернул завязки рубахи. Темная теплая вода, подсвеченная луной, манила его... Как женщина.

— Нет! — Слада вцепилась ему в руку.

— Да что с тобой? — воскликнул Сергей, не делая, впрочем, попытки освободиться.— Вспотел я! Сполоснуться хочу!

Нет, вовсе не поэтому Духареву так хотелось в воду, но Серега намеренно назвал самую обыденную причину.

— Нет! — Слада изо всех силенок тянула его прочь от берега.— Сейчас нельзя, Серегей! Там... Опасно!

— Ладно, ладно...— Духарев позволил увлечь себя подальше от реки. Когда ее уже нельзя было разглядеть между ство-

лами, Слада немного успокоилась, остановилась. Серега уселся на пенек, притянул ее к себе, попытался заглянуть в лицо девушки. Не смог. Он вообще-то отлично видел ночью, но в лесу было намного темнее, чем у реки. Лунный свет не проникал сквозь плотные кроны.

— Что ты дрожишь, Сладушка? — прошептал он.

— Плохая ночь...

— Что ты! — Сергей, преодолев слабое сопротивление девушки, усадил ее на колени.— Чудная ночь! Сладкая, как ты!

Притянув ее к себе, маленькую, горячую, трепещущую, как испуганная птичка, он целовал ее губы, щеки, глаза, жилку на тонкой шейке...

— Серегей, не надо, не надо...— шептала девушка, отталкивая его руки, отворачивая лицо.

— Сладушка, Слада... Хорошая моя... Ну что ты боишься? Я же люблю тебя, глупышка...

Сергей поставил ее на ноги, встал на колени, развязал тесемки юбки...

Слада больше не протестовала, перебирала пальчиками его отросшие волосы...

Бедра у нее были узкие, как у девочки-подростка, а талия такая тоненькая, что двумя пальцами можно обхватить.

Расстегнутый Серегин пояс тяжело упал на землю.

Крохотные сосочки, как ягодки, отвердели под его языком. Мягко-мягко Сергей опустил девушку на траву...

Внезапно расслабленные ее руки с силой уперлись Сереге в грудь.

Духарев мгновенно остановился. Нет, не потому, что не смог бы преодолеть сопротивление, а потому, что сразу почувствовал, что это уже не то «нет», которое означает — «да». Как всякий опытный мужчина, он умел улавливать эту разницу и никогда, даже совсем пьяный, не преступал границы между настойчивостью и насилием.

— Сереге-ей! — голос девушки сорвался. В нем был настоящий страх.

Духарев мгновенно развернулся, увидел темную, широкую, как капот грузовика, фигуру, нависшую над ними...

Рука автоматически нашарила пояс, нащупала рукоять ножа.

— Что надо? — хрипло произнес Духарев.

Поза, на корточках, не выглядела угрожающей, но из нее он мог атаковать так же стремительно, как из любой высокой стойки.

— Мне... Ее...

Голос был гулкий, как из бочки. Страшный.

Темная фигура качнулась вперед.

Духарев распрямился пружиной, врезал с левой в пах...

И за миг до того, как костяшки его пальцев соприкоснулись с врагом, осознал, что бьет не туда. Потому что в сложении противника была чудовищная неправильность. Потому что, будучи раза в полтора шире Духарева и длиною торса ничуть Сереге не уступая, враг был значительно ниже ростом.

Кулак Духарева врезался в живот противника. Ощущение было такое, слово Серега ударил в макивару. А враг даже не покачнулся. Духарев уловил движение снизу, к горлу, отклонился назад... Недостаточно. Невероятно длинная клешня все равно достала его. Духарев успел прижать подбородок к груди, уберечь горло. Шершавые пальцы ударили его в подбородок, обхватили... и сомкнулись на шее!

Инстинктивный ужас пробился сквозь панцирь холодного бойцовского опыта. Но не ослабил, а просто отпустил тормоза. Мощно, от бедра, Серега ударил правой, ножом — в непробиваемый живот и ощутил, как клинок, преодолевая сопротивление, погружается в плотное тело. Клещи на шее ослабли, Духарев невероятным усилием, одновременно разворачиваясь, привычно уходя от возможного удара в пах, выдернул нож и — раз-два — полоснул изнутри по длинным ручищам, вывернулся, отпрыгнул вбок, ни на секунду не забывая, что за спиной у него — Слада.

Приземистая туша врага медленно разворачивалась к нему. Духарев замер в низкой стойке, высоко держа нож, уравнивая дыхание... Дыхание... Серега слышал себя, слышал, как неровно, нервно дышит Слада... Его враг не дышал!

Блин! Только сейчас Духарев осознал, что запаха крови он тоже не чует. А ведь брюхо у врага пробито, а из располосованных вен кровь должна так и хлестать!

Слада что-то проговорила по-гречески. Громко и отчетливо. Ее светлокожая фигурка как будто светилась в темноте.

Тварь так же неторопливо повернулась к ней.

Серега таращился во мрак, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, кроме неясного силуэта.

Силуэт сместился, шагнул к Сладе. Это движение привело Духарева в такую ярость, что он, не думая, ринулся вперед. Прыжок, мощный ки-ай [1], короткий полет... И промах.

Серега промахнулся, приземлился, заскользил по траве, удерживая равновесие... А враг уже убегал, громко топоча, с хрустом ломая кустарник. Всего несколько секунд — и топот и хруст растворились в ночной тишине.

Духарев потрогал лезвие ножа. Сухое. Не слабо.

Серега, переводя дыхание, подошел к Сладе. Отвел ладошки, которыми она зажала уши.

— Ты права, маленькая,— сказал он.— Это плохая ночь. Давай одеваться, детка. Кстати, кто это был?

— Нежить,— чуть слышно проговорила Слада.— Пойдем домой, Серегей, хорошо?

— О чем речь,— напряжение понемногу отпускало Духарева, уходило, сменяясь радостным чувством победы.— Нет, ты слышала, как он ломанул? — со смешком спросил Духарев.

— Он крика испугался...— проговорила Слада, обматывая и завязывая юбку.— Ты так кричал... Как волох!

— Я могу,— самодовольно заявил Духарев.

Внутри него шевельнулась мыслишка, что все могло кончиться совсем скверно...

Но не кончилось же! И Серега прогнал зазорную мыслишку прочь. Но выводы сделал.

«Дурак ты, Дух! — сказал он сам себе.— Разомлел, как будто в каком-нибудь Репине за пансионатом на лужайке. А здесь, блин, медведи по лесам гуляют, и такие вот йети, и еще черт-те что! Хорошо хоть, дурак, Сладку послушался — купаться не полез. А то оторвал бы яйца какой-нибудь местный водяной!»

И опять прихлынуло неприятное чувство, что он здесь — чужой. И совсем не так крут, как хочет казаться. И в понятиях местных не разбирается, и вообще...

«Ничего,— успокоил он себя.— Какие наши годы! Прорвемся!»

Он застегнул пояс, и они пошли обратно. Сначала — к реке, потом по тропке вдоль берега.

На кургане догорали костры. С его верхушки сорвалось огненное колесо, покатилось вниз, подпрыгивая, разбрасывая ис-

[1] Ки-ай — мощный крик, выплеск силы, который сопровождает удар.

кры. Рядом с колесом прыгали и верещали крохотные человечьи фигурки. Колесо сорвалось с берега и ухнуло в реку. Фигурки с плеском и смехом посыпались следом. Эти совсем не боялись. Наверное, для них это была хорошая ночь. Замечательная!

Курган они обогнули стороной. И священную рощу, где стояли идолы, тоже обошли по краю. Пару раз на них выбегали голые веселые люди с факелами, кричали что-то жизнерадостно и исчезали между деревьями. Каждый раз Слада крестилась и бормотала молитву. Ей было страшно.

Обойдя рощу, они снова спустились к берегу и у самой воды наткнулись на огромный шевелящийся ком из переплетенных мужских и женских тел. Серега приостановился, но Слада решительно потянула его прочь.

В городе не было никого. Даже собак.

В молчании Серега и Слада поднялись вверх, к дому. У калитки Слада отпустила Серегину руку, отошла в сторону и присела над канавкой. Серега тоже сделал пару шагов и развязал гашник. С точки зрения отправления надобностей, здешняя женская одежда была удобнее, чем мужская.

Спать пошли не в дом, а на сеновал.

Сладина головка уютно лежала на Серегиной руке.

— Слад, слушай... А как Мыш? Его никто не обидит?

— Нет,— сонно ответила девушка.— Он — с мальчишками.

— Ничего себе защита! — Серега вспомнил, как сдавили шею клешни урода.

— Их пращуры оберегут,— пробормотала Слада.— А Мыш — с ними. Спи, Серегей, спи...

Глава двадцать шестая,

в которой Серега Духарев изготовляет страшное оружие, перенятое японскими ниндзя у китайцев, а теми — у дикарей Суматры, или — наоборот, но очень скоро убеждается, что, к сожалению, в существующих условиях оно оказывается не более эффективным, чем ТТ без патронов

Трубка получилась хоть куда. Серега тщательно удалил перегородки, отполировал стебель изнутри. Стрелку изготовил

из стальной иглы, насаженной на деревянный цилиндрик. Цилиндрик для плотности обмотал шерстяной ниткой. Набрал воздуху, прицелился... Бум! Прямо в точку!

После получасовой практики Серега наловчился попадать в мишень сантиметрового диаметра с расстояния в двадцать шагов четыре раза из пяти. Очень довольный, отправился на поиски Мыша. Похвастаться.

Мыша он нашел в лавке. Слада припахала его растирать какие-то зернышки. Сама она занималась изготовлением «бактерицидного лейкопластыря по-малоторжковски»: натирала мазью льняные лоскутки и развешивала внутри кожаной коробки, чтобы уберечь от мух.

Увидев Серегу, Мыш оживился и отложил ступку.

— Это у тебя чего?

Духарев показал: всадил три стрелки в донышко деревянной тарелки.

— Дай попробовать! — потребовал Мыш.

Попробовал.

— Мыш, ты что, закончил? — поинтересовалась Слада.

Ее брат погрустнел, вернул трубку.

— Чифаня был,— сообщил он.— Сказал: через три дня уходим. Слышь, Серегей...— Он опять оживился, отложил ступку.— А давай во Фришоп пойдем!

— *Куда?!*

— Во Фришоп,— деловито повторил Мыш.— Ну, где ты твои эти, красные, купил.

— Хорошая у тебя память,— усмехнулся Духарев.— Только ничего не выйдет. Нет больше фришопа.

— Пожгли, что ли? Кто?

— Таможенники.

— Не слыхал. Должно быть, далеко отсель?

— Ох далеко! — Серега подмигнул.— Сладушка, а скажи мне, у тебя яда какого-нибудь быстродействующего нет?

— Зачем тебе?

— А вот для этого,— Серега показал на стрелку.— Чтобы попал — и наповал.

— Нет.

Серегина идея Сладе явно пришлась не по душе.

— Я слыхал, меряне ядом стрелы мажут! — сообщил Мыш.

— А какое-нибудь снотворное? — не отставал Духарев.— Быстродействующее?

— Снотворное? Сонное зелье, что ли? — Слада задумалась, но додумать не успела, потому что в лавку заглянул мужичок в шитой красным рубахе.

Физиономия — как блин. Мерянин. Легок на помине.

— Девка-знахарка тута? — поинтересовался он.

— А тебе чего? — спросил Мыш.— И сам — кто будешь?

— Дык на Пнищах кабан огнищанина погрыз,— сказал мужик.— Я закуп евойный.— Глянул на Сладу: — Ты, что ль, знахарка будешь?

— Я,— кивнула Слада.

— Пойдешь? Иль мне до волохов идтить?

— Сильно погрыз? — деловито спросила Слада.

— Жилу порвал. Пойдешь?

— Пойду,— сказала Слада.

— Ну тады бывай.

— Эй! — крикнул Мыш.— А не проводишь?

— На что? — махнул мужичок.— Дойдет. Ить, дорога утоптана.

— Пускай идет,— сказал Духарев.— Я провожу. Далеко эти Пнищи?

— Да не,— ответил Мыш.— Шесть верст от развилки. Идите. А я в лавке посижу. Трубу мне свою оставишь?

— Оставлю,— Серега поднялся.

Слада быстро собрала свою лекарскую суму.

— Огнищанин — эт добре! — заметил Мыш.— Кун десять даст. А то и целую гривну.

Тут он был прав: огнищанин — не простой пахарь. Для Слады такое приглашение — удача. Ну не все же ей чирьи лечить!

Глава двадцать седьмая,

в которой спокойная полоса в жизни Сереги Духарева заканчивается большими неприятностями

До развилки дошли быстро. Слада молчала, обдумывала, должно быть, будущую работу. Серега тоже был болтать не настроен. Шагал, по сторонам поглядывал.

Идти было легко. Теплый ветер обдувал лицо и шею. Воздух был так вкусен и легок, что от этой чистой легкости просто летать хотелось.

Последние дни погода была замечательная. Солнышко светило вовсю. Надо полагать, Дажьбог остался доволен своими почитателями.

Утомленный трехсуточной праздничной каруселью, весь Малый Торжок лежал в лежку. И гости города, и его постоянные обитатели. Слада и Духарев были, вероятно, единственными взрослыми жителями городка, способными к прямохождению после Дажьбоговых игрищ. В лавку то и дело прибегала посланная старшими ребятня: за укрепляющими снадобьями. Трехдневное отсутствие покупателей окупилось сторицей. Впрочем, и эти, праздничные, дни «семейство» Сереги не бездельничало. С раннего утра Слада с Мышом отправлялись в лес. На заготовки. Но возвращались всегда до темноты. Сереге же нашлось мужское дело. Косить и возить сено для коз. Телегу и лошадь дали соседи. Лошадь, преклонных лет гнедая кобыла, в управлении оказалась проста, как трамвай. Нагрузил телегу, скомандовал: «Домой!» — и ложись на сено да спи. Через час проснешься у соседских ворот.

В общем, Серега мог бы сказать, что жизнь его наладилась. Правда, он мог бы назвать такую жизнь скучноватой. Если бы не Слада.

Сбоку от дороги лежало сломанное ветром дерево. На стволе сидел мужчина. Лица не разглядеть, но и издали видно, как блестит на солнце начищенная броня. Духарев не сбавил шага, только быстро глянул на Сладу и встретил ее вопросительный взгляд. Девушка тоже заметила мужчину и ждала, какое решение примет Духарев.

Серега решил продолжать путь. Через полсотни шагов он разглядел, что мужчина — не один. На обочине, на корточках, сидели двое. А еще через сотню шагов Серега признал сидевшего: Горазд.

Нехорошее чувство шевельнулось внутри, но Духарев не хотел выглядеть трусом. Ни в глазах купца, ни тем более в глазах Слады. Наверное, это было глупо.

— Здорово, чужак,— Горазд поднялся, заступая дорогу.— Далеко собрался?

По обе стороны от него встали двое бойцов. Тоже в бронях, но вместо боевого оружия — дубинки. Морды у обоих деловито-сосредоточенные.

Серега быстро оглянулся. Так и есть: сзади выступили из чащи еще четверо.

«Уважают»,— без особой гордости подумал Духарев.

Он уже понял, что сделал глупость.

Наклонившись к Сладиному ушку, шепнул:

— Скажу «назад» — беги в город. Поняла?

«Только бы не спорила!»

Но девушка была не так воспитана, чтобы спорить с мужчиной, старшим. Она просто кивнула.

— Здорово, купец,— Духарев шагнул вперед, отметив боковым зрением, как поползли следом тени тех, кто позади.

Солнце светило Сереге в спину, и это было хорошо.

— Ну, говори, что надо,— буркнул Духарев.

Горазд не отступил.

— Больно ты дерзок, чужак,— спокойно сказал он.— Но я тя обломаю. Берите его. И девку тож.

— Ах ты козел сраный! — зарычал Духарев, бросившись вперед. Молодцы по бокам Горазда вскинули дубинки, а те, что сзади, бросились к Сереге... Но это был лишь обманный маневр.

Духарев стремительно развернулся, приседая... и один из нападавших, подшибленный, полетел на обочину, второго Серега подсек под колено, и тот плюхнулся на задницу. Двое других быстро затормозили и завертели дубинками...

— А ну назад! — заревел Духарев во всю мочь. У него на поясе висел кинжал, но поначалу Серега о нем просто забыл.

Слада сорвалась с места и помчалась по дороге. Один из нападавших бросился было за ней, но его остановил окрик Горазда.

Двое сбитых Духаревым с ног поднялись. Один прихрамывал, второй потирал ягодицы. Серега подхватил оброненную одним из них дубинку.

— Драться хочешь? — почти мирно спросил Горазд.— Ну, давай драться. Дай-ка мне...— Он забрал дубинку у одного из своих.— Ну? Дерись!

Серега, которому терять было нечего, широко размахнулся и нацелился подшибить купцу голень, поскольку бить по голо-

ве, прикрытой шлемом, или по защищенному железом туловищу Духарев полагал бессмысленным.

Дубинка свистнула. Горазд поймал ее своей на полпути — и орудие едва не вырвалось из Серегиной ладони. Тут же последовал ответный удар, Серега отшатнулся — и конец Гораздовой дубинки свистнул в сантиметре от Серегиной груди. А купец тут же прыгнул вверх, едва не угодив Духареву в пах. Серега успел выбросить вниз ладонь. Больно, однако!

Горазд, с виду неповоротливый, оказался куда как проворен. Дубинка так и свистела. Серега уже и не пробовал размахивать собственной. И за кинжал хвататься тоже не рисковал. Вдруг противник решит пустить в ход меч? Короткий клинок играет против длинного только в умелых руках. То есть не в Серегиных. Поэтому Духарев просто прижал палку к предплечью, чтобы в крайнем случае можно было поставить блок, не рискуя сломать руку. Но в основном Серега не отбивал, а уклонялся. Через две минуты он уже дышал, как паровоз, схлопотал один раз по бедру, другой раз по ребрам и, больнее всего, по голени при неудачной попытке лягнуть противника в пах. Этого Духареву было достаточно, чтобы понять: ловить нечего. Надо делать ноги. Оставалось только надеяться, что за это время Слада успела отбежать подальше.

— Хватай! — крикнул Духарев и метнул свою дубинку в лицо Горазду.

А сам повернулся, отшвырнул плечом зазевавшегося парня и припустил со всех ног.

Горазд смахнул брошенную палку небрежным движением собственной и сделал знак одному из своих. Тот перехватил дубинку наподобие копья, откинулся назад — и с силой метнул вслед Духареву.

Удар пришелся в левую лопатку и швырнул Серегу на дорогу. Духарев не воткнулся физиономией в твердую землю только потому, что успел, на рефлексе, выбросить вперед руки. Оглушенный, он тем не менее ухитрился довольно быстро вскочить на ноги, получил еще один удар, по шее, затем под колено — и свалился опять. На него тут же навалились, растянули, сунули жердь в рукава рубахи, прикрутили Серегины руки к палке, спутали ноги, затем подхватили и привели в вертикальное положение. Процесс «стреноживания» занял меньше минуты. Чувствовалось, у ребят хорошая практика.

— Так-то, чужак! — Горазд похлопал Серегу по животу.— Это те не на кулачках биться!

Сказано было без малейшего гнева, просто с удовлетворением от хорошо выполненной работы.

Глава двадцать восьмая,

в которой выясняется, что прилежный холоп ложится спать сытым

— Я тя ромеям продам,— говорит Горазд.

Купец сидит на краю телеги, свесив ноги. Броню он снял, кожаную поддевку и рубаху тоже. Жарища! Солнце палит вовсю. Душный болотный дух: справа — заболоченный берег озера, слева — лиственный лес. Старый.

Горазд почесывает грудь. Тупые ногти скрипят по жесткому волосу. Сложение у купца богатырское. На животе, правда, порядочный слой сала, но плечи и руки — сплошные переплетения мышц и жил. Пожалуй, на чемпионате по армрестлингу у Горазда были бы серьезные шансы на победу.

— Ромеи таких любят. Здоровых. Будешь в ихнем цирке бороться.

— Не буду! — мрачно заявляет Серега.

Руки его связаны за спиной, на ногах — веревка полуметровой длины. Нормального шага не сделать, приходится семенить. И семенить быстро, поскольку еще одна веревка одним концом привязана к телеге, а другим — к Серегиной шее. Отстанешь или споткнешься — и потащит по дороге волоком. Петля не затяжная, но приятного мало. Серега уже попробовал. Конечно, его подняли, поставили на ноги, но не сразу. Дали, так сказать, ощутить все прелести кандидата в висельники. Спина болит, нога болит, бок... И пить хочется. Серега облизывает сухие губы...

— Будешь,— говорит Горазд.— Ты упрямый, но не дурак. Тебе же лучше. А то посадят на галеру — там и сдохнешь. Или в рудники. А так, может, и выкупишься. Тем боле ты с ромеями одному богу кланяешься. Слушай, что я говорю, чужак, и не спорь. Я тебе добра желаю.

Добряк нашелся!

— Пожалел волк кобылу,— бурчит Духарев.— Пошел ты!

— Напрасно серчаешь,— возражает купец.— Какое мне уважение от богов будет, если со мной всякий чужак да пришлый, навроде булгарова отродья, прекословить начнет? Тебя продам, да и булгарят тож продам. За девку степняки гривен пять дать могут.— Купец говорил неторопливо, рассудительно.— Пять, а то и поболе, поелику девка в болестях людских понимает. А что чернява да худа, так у них свои бабы такие ж.

Серега угрюмо молчал.

— Мы — кривичи,— разглагольствовал Горазд.— Это наша земля от пращуров. А всякие там варяги, меряни да древляни здеся корню не имеют.

— Ты это Скольду скажи,— проворчал Духарев.— Или этому, который в Полоцке. Роговолду.

Горазд пожал плечами.

— Князь Игорь со своей русью придет да уйдет,— заявил он.— А Роговолд полоцкий вообще из-за моря пришел, да тож как пришел, так и уйдет. А мы, кривичи, всегда будем.

Серега вступать в дискуссии по национальному вопросу не стал. У него были более насущные проблемы: водички бы попить. Да отлить. Да смыться, если получится.

На следующий день Духарев решил: надо менять тактику. Если за ним будут приглядывать так же качественно, как этой ночью, ни за что ему не удрать. Поэтому весь следующий день он демонстрировал упадок духа, с Гораздом больше не спорил, а к вечеру стал даже и поддакивать. И немедленно получил послабление: утром с его ног сняли веревки. Хотя, может быть, дело было не в поведении Духарева, а в том, что Горазд решил поспешить. В этот день Серега отшагал в общей сложности километров сорок. А к вечеру караван из четырех телег, шести всадников, одного разговорчивого купца и одного неразговорчивого кандидата в галерники выехал на речной берег. Река была настоящая, не чета Сулейке. Гораздов поезд уже поджидали. В песчаной бухточке стояли два суденышка, каждое — метров по пятнадцать в длину. Гораздовы лодьи.

Серегу развязали и заставили перетаскивать груз с подвод на корабли. Духарев упрямиться не стал, работал усердно, не отставая от Гораздовых парней. Попытки удрать он тоже не

сделал, поскольку место было открытое, а на удобном бугорочке разместился наблюдатель, в руках у которого имелся лук, а тул со стрелами был расстегнут. Духарев совсем недавно имел возможность убедиться, что такой вот стрелок способен снять бегущего зайца. Серега же был намного крупнее самого крупного зайца, а бегал значительно медленнее.

Весь груз был переправлен к заходу солнца. Поужинали лепешками и жареной олениной. В еде Духарева не ограничивали, а расщедрившийся Горазд охотно угощал Серегу пивом. Духарев заглотал литра три и даже слегка опьянел. Но сделал вид, что не слегка, а в полный рост окосел.

После ужина пустые телеги и лошадей отправили обратно в сопровождении четырех Гораздовых удальцов, остальные погрузились на корабли, отчалили от берега и встали на якорь посреди реки.

Духареву связали руки, уложили на корме и оставили в покое, решив: куда он денется посреди реки, пьяный и связанный?

Ночь выдалась безлунная, удачная ночь, одним словом. Хмель из Серегиной головы выветрился мгновенно. Да и что ему несколько литров слабенького домашнего пива?

На носу лодьи маячил силуэт караульного. Очень скоро сторож, тоже приложившийся к пиву, начал клевать носом. Но Серега не спешил. Дождался, пока совсем стемнело, встал, на корточках проследовал на корму и очень аккуратно перевалился через борт. Плеск разбудил дремавшего караульщика. Разбудил — но не обеспокоил. Подумаешь — рыба играет! А Духарев вынырнул, перевернулся на спину и тихонько поплыл к противоположному берегу. Спустя минут двадцать он выбрался на бережок, перетер веревки об острый камушек, вскарабкался наверх, оставляя, вполне сознательно, заметные следы. Стянул с себя сапоги, мокрую одежку, отжал, свернул в тючок, перевязал гашником от штанов, пропустил ремень через подвязанные рукава, приспособил на спину... А затем по кривому деревцу сполз обратно к реке, ухватился за длинную ветку и снова оказался в воде. С развязанными руками да без сапог плыть в тепленькой водичке — чистое удовольствие. Серега плыл почти час, стараясь держаться ближе к середине, где течение сильнее. Подустав, свернул к берегу, углядел темнеющую ветку и вылез из воды, не касаясь ногами песка.

Обнаружив пропажу раба, Горазд наверняка огорчится и захочет вернуть «собственность», а среди купцовых парней наверняка найдется пара-тройка хороших следопытов. Духарев вовсе не собирался облегчать им жизнь. Теперь его и с собачками не вдруг отыщешь.

Темень в лесу была абсолютная, и разумней было бы подождать рассвета, но тут на Духарева с невероятной силой наехали оголодавшие комары. Пришлось натянуть на себя мокрое и двинуться дальше. Впрочем, через некоторое время Сергей наткнулся на светлую тропку, и идти сразу стало веселее. Он даже припустил рысцой и согрелся.

Тропка оказалась так себе. Очень скоро под ногами зачавкало. Выбирая между комарами и болотом, Серега однозначно выбрал комаров, поэтому вернулся назад, вскарабкался на дерево потолще, кое-как привязался к ветке и задремал. Вокруг ухал, шуршал и звенел незнакомый лес, но Духарева это не пугало. Зверья он не боялся. Лето, жрачки у всех — от пуза. Ни один самый отмороженный хищник не станет при таком раскладе связываться с человеком. А комары... Бывало и похуже.

Мысль, пришедшая Сереге перед сном, вопреки обыкновению, была не «Как же я сюда попал?», а «Как там мои?» Чем обернется сегодняшний эпизод для Мыша со Сладой? Отважный Мыш несомненно пойдет к Скольду требовать справедливости. Но чем он докажет вину Горазда? Только показаниями Слады. А если Скольд сочтет ее свидетельство недостаточным? Тогда жалоба, по местным законам, автоматически превращается в навет, и доказать свою правоту можно только с оружием в руках: пусть боги укажут правого и сильнейшего. Именно с оружием, а не на кулачках. А кто из тех, кто по-настоящему умеет рубиться, встанет за пришлого Мыша против думного советчика Горазда?

«Только тронь их, кабан толстый, и я тебе печенку вырежу!» — посулил он мысленно купцу.

К сожалению, Серега отлично понимал: даже услышь его Горазд — вряд ли испугается. Грозить расправой купцу, который запросто нашинкует Духарева на дольки,— пустая похвальба.

«Господи! — взмолился Духарев.— Если уж Ты не дал мне прихватить с собой „калаш“, научи меня биться по-здешнему. А я уж постараюсь Тебя не подвести! Помоги, Господи, а за базар я отвечу. Ты знаешь!»

Трудно сказать, дошла ли до Бога эта странная молитва, вознесенная в ночном лесу человеком, прикорнувшим в развилке ветвей. Но это было последнее, что думал Духарев, перед тем как уснуть.

Глава двадцать девятая,

из которой можно узнать, что «свободный» — еще не значит «сытый»

Утро принесло Духареву ноющую боль в отлежанных частях организма. Его нынешняя постель была далека от идеала.

Серега отвязался, кряхтя, сполз на землю, облегчился и одновременно прикинул свои возможности.

Возможности были невелики. То есть примерно такие же, как в первый день его пребывания в этом прикольном мире.

Правда, у него было немного денег: кошель слуги Горазда отобрали, но потайной карман в штанах не обнаружили. Одежка у Сереги теперь — местная, значит, слово «чужак» уже не вышито большими буквами на заднем кармане его джинсов... А нацарапано маленькими буковками на лбу. Не трудно догадаться, что для здешнего люда всякий незнакомец — чужак. А следовательно — или опасность, или добыча.

Надо пробираться обратно в Торжок. Теоретически городок должен быть где-то в пределах досягаемости. Теоретически. А практически Серега даже не знал, в каком направлении двигаться. И куда, например, текла река, по которой он плыл ночью. К Торжку или наоборот? Куда идти и чем питаться по дороге — неясно. Ножа нет, спичек нет, нет карты, компаса, рыболовных крючков... В общем, ничего нет, а кушать уже хочется. И пить тоже.

Узкая тропка убегала, петляя, между деревьев. Где-то позади осталась река... И молодцы Горазда, которые, зуб дать, вовсю ищут беглеца. Нет, назад идти пока не стоит.

Восходящее солнце угадывалось справа, слева энергично трудился дятел. Серега отыскал подходящую ветку, отломил, ободрал, получилась дубинка. Или посох. Теперь — в путь.

Болото он обошел. Заморил червячка черникой и сыроежками. Повстречал лису и ежика. Предпочел бы Колобка. К полудню опять наткнулся на болото. Может, то же самое. Опять перекусил черникой. Встретил гадюку. Змея, конечно, тоже еда, но Серега еще не настолько изголодался, чтобы есть гадюку. Да еще сырую. От змей, лягушек, улиток, червей и прочей экзотической пищи он пока воздержится. Сырьем Духарев слопал бы, скажем, утиные яйца. Но хотя утки ему попадались, даже с крохотными утятами, ни одна из них почему-то не пригласила Серегу в гости, а сам найти гнездо он был не в состоянии.

К болоту Серега выходил еще дважды, хотя каждый раз поворачивал на сто восемьдесят градусов и кругами точно не шел, поскольку направление по общеизвестным приметам держал точно. К вечеру Духареву подфартило: он нашел скелет. Правда, без закопанного под ним клада, зато с ржавым ножом, застрявшим в позвоночнике. Неплохой удар был у убийцы: нож пробил насквозь толстый грудной позвонок и вышел на пару сантиметров наружу. Кроме ножа при покойнике имелись клочки истлевшей одежды и обгрызенная зверьми кожаная сумка. Мысленно извинившись перед усопшим, Серега раздавил позвонок каблуком и забрал нож.

Еще через час Духарев набрел на ручеек с хорошей водой и песчаным дном. Водой поужинал, а песочком вычистил найденный нож, вполне приличную штуковину с двадцатисантиметровым клинком, кое-где иззубренным, но вполне годным к эксплуатации, если подточить о камушек. Ручеек впадал в небольшое озерцо с заболоченными берегами. В озере плавали утки.

Последние светлые часы Духарев истратил на изготовление лука. Тетивой послужил шнур от штанов, которые, чтобы не спадали, пришлось завязать сбоку узлом. Стрелы Серега изготовил из сухих тростинок, которые расщепил спереди, а в расщепах закрепил пластинки кремня. Лег спать удовлетворенный. Пустоту в желудке питала надежда на завтрашнюю охоту.

С охотой вышел облом. Глупые утки подпускали совсем близко. Серега даже два раза ухитрился попасть, но его импровизированные стрелы не причиняли птицам существенного

ущерба. Так, вышибали пару перьев. Поскольку взрослые птицы оказались неуязвимы, Духарев попробовал подстрелить утят. Но те представляли собой слишком маленькие мишени для такого стрелометателя, как Серега. Раньше, чем кончился запас стрел, порвалась «тетива». Серега обругал ее нехорошими словами, связал и вернул на законное место: поддерживать штаны. А «лук» выбросил и попытался охотиться совсем по-первобытному — камнями. Вот тут его ждал успех. Духарев подбил селезня. Правда, не потому, что был очень метким, а потому, что селезень был полный дурак и, в отличие от уток, предыдущие неудачные броски игнорировал.

Оглушенного селезня Серега с немалым трудом вытащил из воды, свернул ему шею, частично ощипал и попробовал съесть. Для его зубов это оказалось крайне трудной задачей, хотя вообще-то для коренного питерца зубы у Сереги были вполне приличные. Ощущение было такое, словно жуешь подметку, армированную толстой леской. Хотя Духарев допускал, что качественная подметка все-таки жестче. Теоретически. Питаться подметками ему как-то не доводилось.

Селезневу ногу он все-таки доел. Вечером. Остальное на следующее утро пришлось выбросить: мясо стало ощутимо попахивать. Выбросить и вернуться к прежней ягодно-грибной диете.

А еще через день Серега вышел к дубу.

Часть вторая

ПОДХОДЯЩИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЛИНКА

Глава первая

Священный дуб и его обитатели

Дуб был невероятно огромен. Метров шесть или семь в диаметре. Мощные перекрученные корни на полметра выпирали из земли. Вместо нижних ветвей из неохватного ствола торчали обломанные сучья. С них бородищами свисал серый мох.

Серега присел на корень.

«Да уж,— подумал он.— Теперь я точно заблудился».

И вдруг увидел в стволе, в буграх и желваках коры, удивительно ровную щель. Серега невольно проследил ее взглядом и обнаружил, что примерно на высоте полутора метров щель загибается на девяносто градусов. И внизу, что характерно, тоже.

Заинтригованный Духарев встал, вытащил нож и сунул его в щель.

Такого кощунства не позволил бы себе никто: ни кривич, ни мерянин, ни даже самый отмороженный клявшийся Одином нурман. Запустить железо в тело священного дуба!

Но Серега понятия не имел, что дуб — священный.

Поэтому он не только запихнул нож, но и поковырял внутри... просто так. И кусок дуба отвалился!

То есть не совсем отвалился, а откинулся вбок и повис на ремнях, обнаружив за собой пустоту.

Как поступил бы в таком случае любой абориген? Правильно! Дунул бы от сомнительного места со всех ног. Самый жадный и бесстрашный и то попятился бы: вдруг выскочит из ствола неуловимое для глаза лесное лихо и вырвет глотку? Серега

о такой, вполне реальной, возможности даже не подозревал, поэтому не побежал и даже не попятился, а с большим интересом заглянул в дупло.

Сначала он не разглядел ничего, но потом...

Е-мое! Вот это апартаменты!

За толстой живой стенкой обнаружилась целая комната. Стол, стулья (вернее, чурбаки, прикрытые сверху мохнатыми шкурами), полукруглый стеллаж, глиняные горшки, ларь...

На «стенах» тоже висели шкуры. Серега откинул одну, пощупал: под шкурой — сухая глина. Серега наклонился и шагнул внутрь.

Сверху сочился свет. Вроде потолок?

Потолок, да не совсем! Ничего себе! Квартирка-то многоэтажная!

Серега полез вверх по приставной лестнице.

На «втором этаже» оказалась «спальня». Здесь было уже совсем светло, потому что в стволе присутствовало «окно».

Вдоль стены — широкая лежанка. А на лежанке — живой горностай. Очень красивый и очень сердитый. Увидав незваного гостя, горностай противно заверещал.

— Да ладно тебе! — сказал ему Духарев.— Не нужна мне твоя шубка!

И заметил на полу глиняную чашку с кусочками сырого мяса.

— Твое? — спросил он горностая.— А хозяин где?

Зверек глядел на него черными глазами-бусинками. На вопрос, само собой, не ответил.

«Окно» было естественным. Дупло сантиметров тридцать в поперечнике. Это снаружи, внутри — шире. Тактически «окно» располагалось очень удачно: подходы к «дому» просматривались прекрасно. Учитывая толщину стен и относительную слабость местного оружия, выковырять засевшего в дубе стрелка очень непросто. Разве что огнем...

На полу лежала пыльная медвежья шкура. Метрах в трех над головой густо висели связки шкурок. Горностаевых среди них Духарев не разглядел. Еще одной примечательной деталью был повешенный над лежанкой меч. Серега снял его, вытянул из кожаных ножен узкий почти метровый клинок, отточенный с обеих сторон, но только до середины. Ближе к рукояти клинок был намеренно затуплен, а у самого эфеса украшен свирепыми зубцами. Клевая вещь.

Серега вздохнул, сунул меч в ножны и повесил на место. Во-первых, чужое, во-вторых, даже дубинкой Духареву было сподручней орудовать, чем длинным боевым клинком. Рубиться на мечах — все равно что из тяжелого револьвера навскидку бить. Это только кажется, что просто: навел да нажал на спуск. А на деле: из шести выстрелов пять — в «молоко», а шестой — в ворону на дереве. Это если в мишень стрелять. А если в вооруженного противника, так, скорее всего, и на спуск нажать не успеешь, а твои мозги уже в стенку полетят. В общем, повесил Серега дорогую вещь на прежнее место и...

— А вот это ты верно решил,— проскрипел за спиной голос.— Поворотись-ка, паря, да погляди на меня.

Духарев послушно обернулся.

Перед ним стоял совершенно седой старик, одетый, несмотря на лето, в теплую меховую одежку. На плече старика сидел горностай, другой, не тот, что расположился на кровати, а в руках деда наличествовал взведенный заряженный арбалет, именуемый здешним народом — самострел. И этот самый самострел был очень красноречиво направлен Сереге в живот.

— Зачем пришел, дурень? — спросил старик.

Слова он выговаривал не очень внятно: через коричневое от загара лицо пролегла страшная борозда: серый рубец от уха, голой полосой протянувшийся через бороду, к подбородку. За разорванной губой проглядывала пустота: зубов в этом месте не было. Серега скосил глаза вниз и увидел, что одной ступни у деда нет и опирается он коленом на деревянную раскоряку. Как он сумел без ноги, беззвучно, подняться наверх и застать Серегу врасплох? Уму непостижимо! Серега прикинул, сумеет ли в броске перехватить самострел. Решил: рискованно. Слишком тесно. А старик, скорей всего, только *выглядит* немощным.

Дед качнул перехваченной кожаным ремешком головой.

— Даже и не помышляй! — угадал он Серегины прикидки.— Так чего тебе надо, репка-сурепка? Зачем ко мне влез?

Наконечник, который глядел Духареву в район пупка, был двойной, зазубренный. Такой вынуть можно только с потрохами вместе. Вынутые потроха Серега видел. Это было неприятное зрелище, хотя потроха были не его, а совсем другого человека. И все, чего хотел тот человек,— десять кубов обез-

боливающего в вену. Или — ножом по горлу. Только побыстрее.

Вряд ли собственные внутренности понравятся Сереге больше, чем чужие. А обезболивающего тут нет. И искусственного сердца с почками. А как работают местные хирурги, он уже видел. Строго по анекдоту.

Доктор: «Ампутация левой ноги!»

Фельдшер топориком — тюк!

Доктор: «Ампутация правой руки!»

Тюк!

Доктор: «Ампутация левой руки!»

Тюк!

«Я сказал — левой!»

Тюк!

«Я сказал — руки!»

Тюк!

Вот и у дедушки с местной медициной явно были проблемки!

— Что, язык проглотил? — сердито рявкнул ему старик.— Пошто священное место испоганил?

— Я ничего не трогал,— осторожно проговорил Духарев. Раздвоенный наконечник действовал на Серегу гипнотизирующе.— Не крал и не поганил... Дверь надо запирать! — буркнул он.

— Чего-о? — Старик задрал лохматую бровь.

— А того! — Серега фыркнул и уселся на пол. Да пошел этот дед!.. Захочет стрельнуть — все равно стрельнет.

Старик не выстрелил, тоже уселся, на край лежанки. Глядел на Духарева стылыми немигающими глазами. Молчал. Горностай у него на плече завернулся в пушистый хвост и тоже таращился на Серегу. Второй — тоже.

— Заблудился я,— сказал Духарев.— Что ж теперь, меня убивать? Ну не лесной я человек!

— Что не лесной — это я вижу.— Дед усмехнулся.

Усмешка у него была... Как у старого рваного волчары. От такой усмешки мужские семенные органы сразу хотят в животе спрятаться.

— А вот кто ты есть — не вижу. А должен бы.

— Почему? — заинтересовался Духарев.

— Потому что ведун,— ответил дед неожиданно мягко.

— Ведун — это как?

— Так! — Старик покачал головой и опустил самострел.— Грех тебя убивать, убогого! — пояснил он.

Серега не шевельнулся. Он нутром чуял: и без самострела старик смертельно опасен.

— А может, ты и не убогий,— рассуждал дед.— Морда у тебя вроде тутошняя, но токо — на простой погляд. А внутри, вовсе чужинская. То ли ты ума лишенный, то ли — духом схваченный. А может, ты сам — дух? — Старик пытливо глядел на Серегу.

— Звали меня и Духом,— сказал Сергей.

Хрен знает, может, к духам дедушка более снисходителен?

— Не врешь,— констатировал старик.— Звали. Токо ты не дух. И не кромешник... А похож! — Дед мелко захихикал, и сразу стало заметно, что лет ему — не меньше шестидесяти.

— Можно я уйду? — попросил Серега.— Я тебе плохого не сделал? Твоего не взял. Я, можно сказать, твой гость!

— У-ху-ху! — развеселился старик.— Какой ты гость, репка-сурепка? А взял бы вот хоть его...— Кивок на меч.— Стал бы я с тобой лясы точить? Со злодеями у меня разговору нет. Со злодеями вот он беседует! — Старик похлопал по самострелу.— Ну-тко амулет свой покажь!

Серега нехотя (кто его знает, как здешние ведуны к христианам относятся?) вытянул наружу крестик.

Пронесло. Хвататься за самострел дед не стал.

— Видал такие,— кивнул он.— У ромеев. Но ты не ромей, по говору слышу. И не булгарин.

— Да я вообще не отсюда! — честно признался Духарев.

— Звать тебя как?

— Сергей.

— Сергей...— Старик, первый из здешних, произнес его имя правильно, несмотря на порванный рот и отсутствие зубов.— Сергей...— будто попробовал на вкус.— Потому и ко мне влез, не испужался...— Дед не спрашивал, рассуждал сам с собой.

Старик посидел с полминуты молча, хмурясь и шевеля бровями, потом глянул своими стылыми, цвета грязного льда глазами на тоже притихшего Серегу.

— Вот что, Сергей-Не-Отсюда, поживи-ко ты у меня!

— Да я...— замялся Духарев.

— Боишься, что ли? — задрал бровь дед.

— Боюсь! — не стал кривить душой Духарев. Что толку, если этот одноногий дедушка и так видит его насквозь?

— А вот он — нет,— усмехнулся старик, погладив горностая.

Как ни странно, но этот аргумент для Духарева оказался решающим. И он остался.

Глава вторая

Что такое «ведун»

Деда звали Рёрех. Почти как знаменитого художника. Был дед — из варягов, да вдобавок ведун. Не колдун, не волхжрец, а именно ведун. То есть умел абсолютно безошибочно определять, когда человек говорит правду, а когда лапшу на уши вешает. Одноногий детектор лжи, одним словом. Еще старик умел предугадывать чужие действия, но об этом Серега узнал позже. Свои особые способности старик относил за счет отсутствия конечности. Идея была проста. Ежели тебе что-то оттяпали, то это что-то оказывается в «том» мире, «за кромкой», как выражался ведун. И, соответственно, бывший хозяин потерянной части тела приобретал связь с потусторонним миром и получал возможность скачивать оттуда кое-какую информацию. А поскольку в том мире все вещи выглядят в своем истинном виде, то ведун мог интуитивно отличать истину от параши. По крайней мере так это понял Духарев. А чем он сам приглянулся ведуну, тот выложил Сереге прямо и незамысловато.

— Я б тя убил,— добродушно сообщил он,— да кто знает, чего из тя выйдет?

И пояснил:

— Ты, паря, вроде как живой, а вроде как немножко чужеватый. Мертвечинкой от тебя попахивает.

— Да я просто не мылся давно! — подавляя некоторую внутреннюю дрожь, попытался отшутиться Духарев.

— А нет! — Дедок поднял узловатый палец.— Того запаха не смоешь. Или у тя живой запах, и тады любой мертвец тя за поприще учует. Или ты — оттудова,— старик потыкал пальцем

через плечо.— Тады тя всяк чуйный, ведун ли, волох, да хоть знахарь толковый завсегда узнает и, коли силы хватит, обратно за кромку спихнет, потому как неча мертвякам по белому свету шастать! — Старик решительно рубанул ладонью и продолжал: — А коли ты и живой, и мертвый, как я, к примеру, то тя и туда не загнать, и оттуда не вытянуть.

— А убить — можно? — живо заинтересовался Духарев.

— Можно,— кивнул ведун.— Меня, к примеру, ежели по вые секануть,— Рёрех похлопал по морщинистой коричневой шее,— так и помру. И ты помрешь, ежели те стрелу в печенку загнать. Да чуется мне, что по той стреле оттуда к нам такое пролезть может, что на моей культяпке не ускакать.

— Врешь ты все, дед! — не слишком вежливо заявил Духарев. Было у него стойкое ощущение, что дедок над ним попросту издевается.— Ты скажи лучше, это твой меч там, в дубе, висит или подарил кто?

— Мой,— подтвердил Рёрех, пошевелив палкой в костре.— А тебе что за дело, репка-сурепка?

— Хороший меч.

— Хороший,— согласился варяг.

— И пользоваться им ты, наверное, тоже умеешь? — О варягах Серега знал не много, но достаточно, чтобы понять: эти ребята — местная воинская элита.

— Умею,— не стал оспаривать старик.— Токо это дело прошлое.

Всем своим видом старик показывал, что обсуждать эту тему не намерен. Но Духарев так просто отступать не собирался.

— Нет, я, конечно, понимаю, что ты уже не молодой,— с напускным сочувствием проговорил он.— Сила ушла, опять же...

Варяг глядел на него с интересом, ожидая, до чего Серега может договориться. Развлекался варяг, одним словом.

— Я, конечно, понимаю, что как настоящий воин ты уже биться не можешь...

— Это почему? — поднял дед мохнатую бровь.

— Ну я ж говорю: старый, ноги нет...

«Ох я сейчас дотреплюсь! — подумал он.— Мало не покажется!»

— Ноги нет, верно,— согласился ведун.— И старый, тоже верно.— Варяг ухмыльнулся. Ухмылка не сделала его симпа-

тичнее.— Верно, старый. Так и меч тож не новый... Ну, может, еще что хочешь сказать?

— Хочу,— признал Духарев.— Слушай, дедушка, то есть Рёрех! — поправился Духарев.— Ежели у тебя найдется немного свободного времени, ну, как-нибудь на днях... Поучи меня биться, а? Я б тебе отслужил... как-нибудь.

Ведун поглядел на него, прищурился.

Серега даже взмок от волнения.

— Вижу,— сказал варяг.— Хочешь. Да сможешь ли?

— Смогу! Смогу! — горячо произнес Духарев.— Землю рыть буду! Все, что скажешь... Ты только попробуй!

Старик задумался.

Серега ждал напряженно, не сводя с него глаз. Чувствовал: вот его шанс! Может, последний...

— Добро,— наконец произнес Рёрех.— Попробуем. Завтра.

Глава третья

Проблемы обработки железа, изготовленного сыродутной плавкой

— Это жердина,— сказал дед.— Ею можно болото щупать, плот толкать, а можно и по башке дать. Потому как она, жердина, своего ума не имеет. Понятно?

— Вполне,— кивнул Духарев.

Они стояли на солнечной полянке примерно в километре от священного дуба. В руках варяга наличествовала упомянутая выше жердина. В руках Духарева имелась точно такая же: трехметровый упругий шест, затупленный с обоих концов.

— Тады вдарь меня! — потребовал дед.

Серега перехватил палку поудобнее, примерился и ударил, но не просто, а с вывертом. Одним концом показал, другим, снизу, хлестанул по дедову протезу.

Клац!

Деревяшка по деревяшке. Но не по протезу, а по дедовой жердине, которую варяг, не хитря, просто воткнул в землю.

— Во! — сказал он.— Можно треснуть, а можно в выгребной яме поковырять. Вроде как ты сейчас. Ну, чего стал? Бей!

Следующие несколько минут Духарев с воодушевлением изображал ветряную мельницу, а старик — столб с большим количеством жестких выступов. И сколько Серега ни махал крыльями, натыкался он исключительно на эти выступы. Все ладони отбил, запыхался...

— Притомился? — сочувственно спросил Рёрех.— Экий ты неуклюжий, паря. Никак те до меня, старого да слабого, не достать. Совсем руки с ногами перепутал!

— Да мне эта оглобля только мешает! — в сердцах воскликнул Духарев.

— Попробуй без нее,— предложил старик.

Серега положил шест на траву. И сразу почувствовал себя увереннее. Все же он — матерый, битый рукопашник. А тут — замшелый дедушка, без ноги к тому же. Не зашибить бы только...

Серега медленно двинулся по дуге, находясь вне досягаемости дедова шеста. Мягко, уверенно, чувствуя на этот раз и дистанцию, и противника. И как только дед, поворачиваясь вслед за ним, перенес тяжесть со здоровой ноги на протез, Серега рванулся вперед, но не дуром попер, а с полным контролем, уловил быстрое движение шеста сбоку, нырнул...

Дыхание у него восстановилось минуты через полторы.

Непонятно каким образом дедова палка поменяла направление, обогнула выброшенную в блоке руку и воткнулась Духареву в живот. Да не просто воткнулась, а поддела Серегу, оторвала его весьма увесистое тело от земли... Тому, кто никогда не повисал в воздухе, упираясь диафрагмой в затупленную, но тем не менее довольно острую и твердую палку, трудно представить всю глубину ощущений того, кто на этой палке повисал!

— Вот так оно и выходит, репка-сурепка! — Кривая тень варяга упала на Серегину побагровевшую физиономию.— А кабы я тя копьецом саданул, а?

— Замаялся бы его из меня вытаскивать...— прохрипел Духарев и сел, осторожно вдыхая воздух и борясь с подступившей к горлу тошнотой.

— То верно,— в голосе Рёреха прозвучало одобрение.— Тока у меня удар, вишь, на броню поставлен. Сквозь броню дальше хребта не вошло б. Крутнул да вытащил. Поднимайся, репка-сурепка. Да дальше слушай.

Серега с кряхтением выпрямился, потер брюхо. Синяк точно будет. Да в первый раз, что ли?

— Ты, репка-сурепка, матерьял не самый поганый,— сказал дед.— Дышишь правильно, ногами землю чуешь, тулово держишь как надо... Ты уже не руда — крица [1]. Но ковать тя еще и ковать. А теперь слушай меня. Вот жердина. Она дурная. А зброя — умная. Зброе волю дать надобно. Слушать ее, чуять. Когда за ней тянуться, когда к себе тянуть. Она — как рука твоя, только сильнее. Ну-ка руками подвигай, помаши!

Серега послушно «подвигал» руками. В технике «вин-чун». С «тенью».

— Ай молодец! — Варяг даже засмеялся, так ему понравилось.— Молодец! А теперь гляди!

Варяг шагнул назад и завертел шестом. Кисти его так и мелькали. Но еще быстрее мелькал шест. Так быстро, что у внешнего наблюдателя, то есть Духарева, возникало полное ощущение, что это не руки крутят шест, а шест сам, совершенно самостоятельно вертится и катается по телу варяга, таская за собой его руки, которые и тянутся за ним как будто нехотя. Серега помнил, как бились на кургане Скольдовы гридни. Это было потрясающе. Но то, что Духарев видел сейчас, на самом деле было еще круче. Потому что делал это не молодой крепкий парень, а разменявший седьмой десяток дедушка. Потому что каждое движение варяга было предельно *экономно*. Потому что это была высшая, высочайшая школа мастерства. Серега достаточно долго и достаточно серьезно занимался боевыми искусствами, чтобы *увидеть* именно это, а не просто безногого старика, ловко вертящего палку. В общем, Духарев въехал. И варяг въехал, что Серега въехал. И варягу это понравилось. Но...

Но дальше умственного понимания дело не пошло. Шест в руках Духарева упорно оставался «жердиной». Рёрех гонял его несколько дней. И так и эдак. И хвалил, и лупил. И давал вместо шеста настоящее копье-сулицу. Даже меч собирался дать, но в последний момент передумал, не без основания опасаясь, что косорукий ученик отрубит себе что-нибудь жизненно важное.

---

[1] Крица — слиток «сырого» железа, выплавленный из «болотной» руды по технологии описываемого времени.

Серега прекрасно понимал, что от него требуется. Но объяснить это своему телу не мог. Его тело было приучено к тому, что руки свободны. Эту свободу не очень стеснял кастет или нож. Но тяжелая длинная палка кардинально меняла все. Вместо того чтобы стать «продолжением» руки, она становилась довеском, ломающим безукоризненный баланс духаревского тела. Может, Серегиным кистям и предплечьям не хватало силы, может быть, ему было не перешагнуть через барьер привычки... Короче, несколько дней упорных усилий не принесли Духареву ничего, кроме кровавых мозолей на ладонях. На ладони плевать. Огрубеют. За дело обидно!

Глава четвертая

Лесная «учебка»

Пропитание Рёрех добывал охотой. Бил птицу, зверя. Из своего арбалета-самострела стрелой с широким наконечником-срезом попадал в утку за восемьдесят шагов. А из лука, тяжелого, с «рогами» из самых настоящих лакированных рогов,— и того лучше. Всаживал на одном дыхании восемь стрел в соломенную мишень шагов за сто. Сереге стрелять пока не давал. Единственное, чему научил: натягивать на лук толстую вощеную тетиву. Это оказалось не таким уж легким упражнением. Освобожденный от тетивы лук выгибался наружу, «рога» выворачивались из рук. С Духарева семь потов сошло, пока он научился хитрым приемом «укрощать» непокорный инструмент. Это Духарев, который играючи жал от груди сотку! Стрелять из лука наставник Сереге пока не позволял. Из самострела — пожалуйста. А лук ему разрешалось только держать да оттягивать тетиву к уху. Еще то развлечение, потому что тянуть приходилось так, что мышцы хрустели. Тут не то что удержать и прицелиться, натянуть и то проблемно. Рёрех, впрочем, при стрельбе натянутым лук и не держал. Выдернул стрелу из тула, наложил — отпустил, выдернул следующую. Ф-фыр-р-ф-фыр-р... Щелк! Щелк! И стрелы уже летят, чуть ли не гуськом, да не просто летят, а еще и попадают куда надо. И стрелы какие! Идеально пря-

мые, с ровными одинаковыми перышками, вставленными под одинаковым углом, чтобы придать летящей стреле вращение, помеченные для удобства в соответствии с наконечником. А уж сам лук! Не оружие, а скрипка Страдивари! Каждый изгиб идеален, каждый узор! Отпущенная тетива гудит сочным басом. Кайф!

Серега понимал, почему варяг охотится с самострелом. Бить уток из такого чуда — все равно что на беккеровском рояле «чижика-пыжика» барабанить.

Стрелять из самострела Серега научился довольно ловко. Биатлонист все-таки. Как только наловчился угадывать превышение и правильно давать поправку на ветер, стал попадать не многим хуже дедушки варяга. И селезней больше не бил. Зубов у дедушки осталось не так уж много. Часть выбили, часть сама выпала. Перышки у уточки не такие яркие, как у самца, зато мясо нежней.

В общем, кормил его старик доброй мужской едой — дичью. Да с травками, корешками, ягодками. Иной раз — ухой с тетеревом баловал или поросеночком с грибами. Готовил дедушка на костре так, как иная хозяйка на плите не сделает. Хотя и продукты сплошь натуральные. Никакой химии. Мясо — парное, мед — лесной, земляника — прямо с полянки. Вот только с хлебом была некоторая напряженка. Вместо хлеба дедушка время от времени замачивал в котелке сырое зерно, а через пару дней они это зерно кушали большими ложками. Ничего, под запеченного поросенка нормально всасывалось.

Короче, кормил Рёрех Серегу — от пуза. Но и гонял с утра до ночи. Учил сразу всему. Как по лесу ходить, как стрелу вырезать, чтоб наконечник не попортить, и как этот самый наконечник должен быть насажен на легкое древко. Учил ползти и по деревьям лазать. Вот уж никогда не думал Духарев, что залезть на березку — целая наука. Оказалось: да, наука. Влезть тихо и быстро, затаиться, чтобы снизу не разглядеть. Или наоборот, того, кто наверху затаился, вскарабкавшись тихонечко, тихонечко же и зарезать. Болоту учил. В краю, где болот больше, чем сухого места,— очень полезная наука. Учил огонь добыть кремнем или теркой-лучком. Это же позор, сказал варяг, в сухую погоду мужчине сырого селезня жрать. Тут же и выяснилось, что старик обнаружил Серегу значительно раньше,

чем тот залез в дуб. Это как раз было дело нехитрое. Духарев наследил и нашумел как истинный горожанин. Как испуганная корова в антикварном салоне.

Единственное, чему варяг не стал учить Серегу,— плавать.

Глянул разок — и кивнул. Годится. Показал только, как из тростника дыхательную трубку делать.

В общем, обучение шло активно и разнообразно. Но система ощущалась. Очевидно, Духарев был не первым, кого старый варяг натаскивал в «жнецы полей смерти». Не первым и не десятым. И Серега честно старался. Во-первых, потому что учиться умел и любил, во-вторых, потому что очень хотелось перестать быть лохом, которого любой разбойник может в пыли вывалять. Крутым хотелось стать. Чтобы чувство собственного достоинства находилось в равновесии с возможностями это достоинство отстоять. Стараться-то Серега старался, да выходило не очень. Кое в чем он тупил. И в это «кое-что», что особенно обидно, входило самое главное: работа с оружием.

Следует признать, что Серегиному наставнику тоже была огорчительна ученикова «тупость». Но старый варяг попусту огорчаться не привык, а привык устранять причины огорчения. Радикально. Поэтому одним прекрасным утром он нацепил на конец своей деревяшки плетенный из прутьев щиток, нагрузил Серегу здоровом мешком с припасами, и они отправились в путь.

Глава пятая

Сильное место

Шли три дня. В основном по болоту. Этакий марш-бросок с полной выкладкой. Рёрех впереди, шлепая привязанной к костылю плетенкой. Было непривычно видеть старика без неизменного горностая на плече. Но оба зверька остались дома. Почему остались, варяг, разумеется, Сереге не объяснил. Тот, впрочем, и не спрашивал. Время от времени старик щупал топь череном рогатины. У Сереги была точно такая же рогатина, но он нес ее на плече. Чтобы не ухнуть в трясину, ему было достаточно идти след в след варягу. Шли с восхода до заката, и бы-

стро. Особенно если учесть «рельеф местности». На третий день у старика разболелись поясница и суставы. Пришлось устроить дневку на болотном островке. Полечиться. Лечился дед просто. Сварил какой-то травы. Поймал гадюку, нацедил из нее яду. Добавил яд в отвар. Не весь. Малость оставил для ученика. Добрая душа. Велел Сереге снять рубаху и царапнул сучком Серегину спину. «В правильных местах», как он изволил выразиться. «Продезинфицировал» царапины гадючьим ядом, садист старый! Ощущения были — в полный рост. Но никакого снисхождения к Серегиным страданиям проявлено не было. «Обработав» ученика, варяг снял рубаху, подставил солнышку густо исчерченную шрамами спину и велел втирать в нее загустевший отвар. К вечеру Рёреху стало намного лучше. А Сереге — совсем худо. Спина и руки распухли, температура прыгнула, пошли какие-то глюки на военную тему: то мертвый чечен с оскаленной черной рожей, то двое ребят из его отделения, которых в первый день накрыло гранатой... После «войны» поперло всякое говно из «прежней» жизни. Пьяные бомжи вперемешку с толстомордыми политиками, еще какие-то бляди... В редкие минуты яви, разлепив глаза, Серега видел Рёреха, полуголого, поскольку в варягову меховую одежку был завернут Духарев, совавшего в зубы Сереге чашку с горячей жидкостью. Духарев пил — и снова проваливался в бред, и в бреду думал: может, это и есть явь? Может, он валяется в какой-нибудь питерской вонючей луже, пьяный, избитый, невменяемый, а Рёрех и весь этот древнерусский цирк — его предсмертный глюк...

А утром все прошло. То есть не «древнерусский цирк», а горячка. Проснулся Серега с вполне нормальной температурой и приличным самочувствием. Слабость, конечно, была, и спина болела, но это мелочи.

Рядышком, на войлоке, спал варяг. На его спине, в ее холмах и распадках, паслись стада комаров. Серега поломал комарам кайф, накрыв варяга курткой.

Зря. Рёрех сразу проснулся и скомандовал: развести костер и заняться завтраком.

После завтрака старик отдыхал, а Серега работал: метал топорики в сухую ольху. С одной руки, с двух, со спины, лежа... Из всех положений попадал одинаково редко. Запыхался и взмок, поскольку за топориками приходилось бегать.

Часика через два варяг позволил ему передохнуть, попить кипятку с брусничными листьями.

Спина уже почти не болела.

— Рёрех, ты зачем меня ядом травил? — решился спросить Духарев.

— Обратно пойдем — еще раз смажем,— флегматично ответил старый палач. Минуты через две добавил: — Второй раз легче будет.

— Я счастлив! — желчно отозвался Духарев.— А без первого мне еще легче было бы, кстати.

— Не легче,— покачал головой варяг.— Воин боли не боится, железа не боится, воды и земли не боится. И отравы тоже. Привыкнуть должен.

— Угу,— пробормотал Серега.

Это, выходит, ему иммунитет к яду прививали. Спасибо, что не к отрубанию головы!

Еще через три дня вышли к речке. Сварганили небольшой плотик — не для себя, для вещей, переплыли на другой берег. Сухой, что приятно. На берегу и заночевали. А утром наконец пришли к цели.

— Это сильное место,— чтобы сесть на землю, Рёрех опер-ся на древко сулицы. Не похоже, чтобы «сильное место» прибавило ему сил. Угонял дедушку форсированный марш-бросок.

— В каком смысле — сильное? — Духарев оглядел заросшую клевером поляну. Ничего примечательного, кроме почерневшего от времени столба, врытого в холмик метровой высоты. И столбик, и пригорок совершенно терялись в тени великолепного, не менее семи охватов, высоченного дуба. Ну, дубов и там, откуда они пришли, хватало. И потолще найти можно.

Рёрех прислонился спиной к стволу, вытянул покалеченную ногу, а здоровую поджал под себя.

— Сильное. Ты почувствуешь. Попробуй.

— Ладно,— легко согласился Духарев.

Он аккуратно положил на траву рогатину, снял обувь, вышел на середину полянки, остановился. Трава еще не просохла от росы. Солнышко грело щеку, деловито гудели шмели.

Серега согнул ноги в коленях, вытянул руки, прикрыл глаза и сосредоточил мысли в нижней половине живота.

Никаких дополнительных ощущений не возникло, но стоять было легко и приятно. Серега чувствовал, что может так простоять подольше, чем в своей комнате на Дербах. И даже дольше, чем в зале.

Духарев медленно вдохнул носом, выдохнул еще медленнее через сжатые зубы. Длинный вдох, короткий выдох — активность, короткий вдох, длинный выдох — самопогружение. Серега «почувствовал» землю ногами. Огромный теплый шар — под собой. Упругий шар, к которому «липнут» стопы. Серега сосредоточился на этом ощущении и медленно вдохнул «из земли», представляя...

Представить он ничего не успел. Земля под ним дернулась, как живая волосатая спина, колени разогнулись, и Серега оказался вдруг лежащим на траве. Он совсем не ушибся, но вставать почему-то не хотелось. Все было — в кайф. Здоровенный шмель опустился ему на щеку, мазнул лапками и тут же взлетел.

Дребезжащее хихиканье вытолкнуло Духарева из расслабухи.

Серега мгновенно подскочил, уставился на старого вояку.

— Как ты это сделал? — сердито спросил Духарев.

— Я? — Варяг фыркнул.— Я-то при чем? Сказано же: сильное место.

— И что оно еще может? — озадаченно спросил Серега.

— Оно — не может. Оно — поможет! — отозвался Рёрех, слегка раздраженный Серегиной непонятливостью.— Ты не стой, делай чего-нибудь!

Серега спорить не стал, подхватил рогатину, завертел ею, как показывал старик. Рогатина слушалась не в пример лучше, чем обычно. Как будто ожила. Так и вертелась сама по себе, Серега ее только пальцами придерживал. Но через несколько минут это ему все равно наскучило. Хотелось самому прыгать и вертеться.

Духарев положил рогатину в траву, разбежался, выпрыгнул повыше и пробил аж три йоко, третий — с лихим «ки-ай», переполошившим птичью братию. Классно получалось. Серега попрыгал еще, пронзая и разрывая воздух мощными прыжковыми ударами. Ноги были — как на пружинках. Разбежавшись, Духарев прошелся колесом, ни с того ни с сего вдруг крутанул сальто вперед. Надо же! Никогда не получалось! Ка-

кой из него, почти двухметрового дылды, гимнаст? А ведь может! Серега попробовал крутануть сальто назад. И это вышло. И еще раз. И еще.

— Дед! — крикнул он в восторге.— А мне нравится, дед!

— Это не штука,— ехидно отозвался варяг.— Главное — чтоб ты, дурная голова, *тут* понравился!

— Это как? — не понял Серега.

— А ты подумай,— посоветовал Рёрех.— Может, и сообразишь. А пока не сообразишь, отсель не уйдешь. Хоть три дни думай, хоть все десять.

— Ну ты шутишь! — Духарев усмехнулся.— А пить-есть что я, по-твоему, буду?

— Росу попьешь,— старик ухмылялся во весь дырявый рот.— Роса от хворей шибко помогает. А оголодаешь, клевер пощиплешь. Он сладкий.

И тут до Сереги дошло, что дед не шутит, а говорит на полном серьезе.

«Соображал» Духарев аж до полудня. И после полудня. И еще полночи соображал, и от таких мыслительных усилий не на шутку утомился и уснул, где сидел: на пригорке под столбом.

А когда проснулся утречком, то спокойненько отправился к ручью: водички попить. Серега «въехал».

Глава шестая,

где сначала говорится о богах и прочих высоких материях, а потом Сереге предоставляется возможность вываляться в грязи

— Вот небо,— сказал Рёрех.— Там Перун гневный и Дажьбог светлоокий. Там Стрибог рождает ветра и дождь со снегом. Там великие воины скачут на крылатых конях.

А вот земля. В земле Мокошь живет, корни гладит. Корни питает. Женская сила — от земли. И мужская сила — от земли. Все живое живет на земле, кормится от земли, а тянется к небу. Землю и небо вода вяжет. Вода — жизнь. Через воду земля силу пьет. И отдает — тоже через воду. Земля водой от ог-

ня бережется, но огнем из земли крепость вытягивается. Вот гляди,— варяг потянул к себе рогатину.— Вот дерево,— он погладил черен,— живая крепость, легкая. А вот железко,— Рёрех щелкнул по наконечнику, отозвавшемуся тусклым звоном.— Мертвая крепость. А вместе — жизнь.

— Не понял,— проговорил Духарев.— Им же убивают.

— Что врагу смерть, то тебе жизнь,— варяг поглядел на него снисходительно, как на ребенка.— Воину нужна сила. Сила от земли. Воину нужна доблесть. Доблесть от неба. Попроси Мокошь дать силу — и она даст. Не поделишься силой с Перуном, и Перун отнимет все. Без доблести сила обратно в землю уходит. А Перун кровь любит.

— Это я уже знаю,— буркнул Духарев.

Он ничего не имел против «сильных мест», но насчет Перуна и прочих имел вполне твердое мнение. Единственное, какое следует иметь православному христианину. Даже такому плохонькому, как Духарев.

— Связанному горло перерезать — невелика доблесть,— сказал он.

Варяг захихикал.

— Молодец,— похвалил он.— Правильно понимаешь, даром что кривич с лица. Глупый человек вырезает из живого дерева мертвую рожу, мажет ей губы рабьей кровью и думает: вот я молниерукому угодил! Потому что дурак! — гаркнул Рёрех.— Доблесть — к доблести. Храбрость — к храбрости. Храбрый воин врага рушит, вражьей кровью умывается, битвой дышит — и храбрее становится. И доблесть его — Перунова пища. И Перунов дар. Это как из малого желудя могучий дуб вырастает. Но чтоб дуб вырос, земля нужна. Сила земная, от Мокоши.— Варяг помолчал минуту. Серега ждал.

— Силе я тебя научу,— наконец продолжил Рёрех.— Без силы от храбрости проку нет. Зарежут тя и не заметят, что храбр. Доблести же — не научишь. Это ты сам должен. И говорить мы о том боле не станем. Все.

— А о чем станем? — поинтересовался Серега.

— А вообще седни говорить ни о чем не станем. Иди-ка гадюку мне излови.

— Опять поясница болит? — озаботился Духарев.

— Не болит,— варяг неприятно усмехнулся.— У меня не болит. А у тебя — будет.

Несмотря на мрачный прогноз, худшие ожидания Духарева не подтвердились. Второй сеанс «иммунизации» прошел значительно легче, чем первый. Без бреда и почти без жара.

На обратном пути варяг решил научить Духарева «болоту». Система обучения у Рёреха была, как всегда, проста и эффективна. Он просто махнул рукой, указывая направление, и велел Сереге идти первым. Минуты через полторы варяг уже выуживал Духарева из трясины. Выудил.

В этот день они прошли не много. Зато Серега раз тридцать окунался в вонючую жижу.

На второй день варяг предупредил, что больше вытаскивать не будет. И нарушил обещание только один раз. Первый. И то не сразу, а когда Серегу уже по ноздри в трясину затянуло.

В этот день они прошли еще меньше.

На третий день варяг снизошел до объяснений. Суть их сводилась к тому, что иная кочка только *выглядит* кочкой. И что если опора выдерживает нажим черена, то это еще не значит, что она выдержит такую оглоблю, как Духарев...

Короче, обратно они шли не три, а полных семь дней. Причем три из этих семи дней почти непрерывно лил дождь. Зато на седьмой день Духарев уже топал довольно бойко и не провалился ни разу. Правда, с полудня они шли уже не по болоту, а по твердой, хотя и довольно мокрой земле.

Глава седьмая,

в которой Серега Духарев узнает много интересного, например: почему старый варяг поселился в дубовом дупле

Вечера были самой приятной частью суток. Даже если ночью планировался не сон, а очередная тренировка, сразу после заката Рёрех и Сергей уходили на озеро, на песчаный мыс, где почти всегда дул ветерок, сносивший комаров. Серега высекал искру, разводил костер — он научился это делать в считанные минуты — жарил мясо или варил похлебку. Ужинали вчетвером: два человека и два горностая. Затем разговари-

вали. Вернее, старик говорил, а Духарев слушал. Иногда спрашивал — и варяг отвечал. Иногда.

Однажды к числу слушателей присоединилась русалка. То есть не то чтобы присоединилась, а выглянула из воды неподалеку. Рёрех, пользуясь воинской «азбукой для глухонемых», которую в свое время заставил вызубрить ученика, обратил Серегино внимание на «гостью», и Духарев несколько раз, исподтишка, на нее поглядывал. Разглядел, надо сказать, совсем немного; темную груду похожих на водоросли волос, синевато-белые пятнышки глаз... Но даже это немногое на некоторое время отвадило Духарева от ночных заплывов. Потом, правда, всезнающий Рёрех объяснил ему, что русалки боятся людей куда больше, чем люди — русалок. За исключением нескольких ночей в году. А иные водные обитатели, которых действительно следует опасаться, плевать хотели на какого-то там Серегу Духарева. Опять же никакая нежить не рискнет покуситься на человека, которому благоволят боги. Варяг, правда, уточнил, что по поводу Белого Христа, которому поклоняется Серега, ничего определенного сказать он не может, но ежели, например, человеку покровительствует тот же Волох, то ни леший, ни водяной, ни иная лесная нежить покуситься на человека не посмеет. Что же до здешнего божественного пантеона, то разобраться в нем оказалось не просто, но кое-что Духарев все-таки просек. Например, что есть — небо, а есть — Небеса. И есть свет, в частности свет солнца, которым «заведует» бог по имени Хоре. А есть Свет, с которым все более сложно, поскольку распоряжаются им коллегиально Стрибог, Дажьбог, Род и Перун. Причем первый, судя по всему,— и есть этот Свет, а последний, по мнению Рёреха, среди прочих единственный, с кем следует реально считаться, поскольку Перун-молниерукий и есть Небесный Воин, а следовательно, рангом повыше остальных. Но и с остальными ссориться не стоит. Серьезные ребята. Да и с мелкими племенными божками тоже препираться не стоит без должной причины. Особенно если пребываешь на их территории. Но это не значит, что уважающему себя воину пристало прогибаться перед каким-нибудь Радегастом. Да воину вообще прогибаться не пристало! Даже и перед самим Перуном. Не любит Перун согнутые выи. Перерубленные — другое дело!

Вообще мир, в котором жил Рёрех, а теперь, естественно, и Духарев, был густо населен всевозможными невозможными существами. К большинству из них варяг относился примерно так же, как домашняя хозяйка — к тараканам. То есть: гонять надо, но все равно обратно придут.

Серега до попадания сюда относился ко всякой мистике с обычным скептицизмом здорового неглупого мужика. Но кое-какие события, в частности тварюга, с которой он схватился в Дажьбогову ночь, существенно повлияли на его мировоззрение. К силам же, о каких толковал варяг, Серега относился практично. Примерно как к своей оставшейся в Питере потрепанной «восьмерке»: капризна, прожорлива, склонна ломаться и портить воздух, но ведь ездит же!

Короче говоря, русалки с лешими стояли в самом конце списка опасностей, угрожавших человеку в этом славном мире.

Духарев не спрашивал, как варяг потерял ногу. Он полагал, что вспоминать об этом тому не очень-то приятно. Еще Серега обратил внимание на то, что подошва уцелевшей ноги варяга покрыта сплошными рубцами. И как-то, в простоте душевной, поинтересовался, откуда они взялись. И варяг, тоже попросту, объяснил, откуда берутся такие рубцы.

Рёрех и его (!) дружина как-то взяли на щит один городок. Не здесь, далеко на Дунае. Штурм обошелся дорого, поскольку городок был крепкий. Но взяли. И добыча того стоила. Правда, десятую долю пришлось отдать киевскому князю. Тому, которого Олегом звали. Но это справедливо. Олег был сильный князь, мог и все забрать, а взял только десятую долю, а у тех, кто к нему в дружину пошел бы, вообще ничего, сказал, не возьмет. Но никто не перешел.

А когда возвращались, уже здесь, на Двине, налетел на них плесковский воевода. Тот, что нынешней киевской княжне Ольге был ближний родич, а у Олега-князя в большом почете был, и потому закон для воеводы не писан. Услыхал он, видно, что Рёрех с ватажкой большую добычу домой везут, и решил поживиться.

Рёреховских побили. Их было меньше, да каждый второй ранен, а у плесковского воеводы в дружине — три руки нурманов. Нурманы же биться всегда горазды, а когда золотом

пахнет — в особенности. Без нурманов воевода напасть бы не рискнул. Рёрехова дружина — матерая. Все в железных бронях, ромейских, в бою взятых, щиты крепкие, мечи да секиры — лучшего железа. Из пятнадцати нурманов только шесть уцелели. А плесковских — половина. А Рёреховы, кто остались,— все полегли. Зато он сам и с ним еще четверо сумели уйти на большой лодье. Вместе с добычей. Ушли-то они ушли — по ночному времени. Да понимали — не надолго. В три пары рук — двое из-за ран грести не могли — от погони лодью не уведешь. Рёрех решил так: добычу спрятать, чтоб врагу не досталась, а дружинникам разойтись на четыре стороны. Сам же он остался в лодье, повел ее под парусом вниз по Двине, потянув за собой погоню.

Рёреха, конечно, догнали. Хотел он в реку прыгнуть — в доспехах враз на дно ушел бы. Не прыгнул. Решил в бою смерть принять.

Но погибнуть с мечом в руке варягу не дали. Подошли с двух бортов, набросили сети, взяли живым. И нурманам отдали, чтоб те вызнали: где добыча спрятана? Нурманы же пытать умеют...

Тут старик прервал рассказ для того, чтобы обратить внимание ученика на важность этого самого искусства: языки развязывать. И примерно полчаса разъяснял, как, где и чем следует жечь и резать, чтобы добиться максимального эффекта, и какие увечья наиболее результативно ломают упорство пытуемого. Особо предупредил о нежелательности нанесения ран, «несовместимых с жизнью», а равно — о необходимости наладить психологический контакт с допрашиваемым. Иной раз страх действует надежней боли. Главное же — завоевать доверие пытуемого. Измученный человек подобен ребенку, то есть склонен искать защиты и поддержки. Даже у палача. Если время позволяет, сломать можно почти любого, авторитетно заявил варяг. Даже того, кто боли не боится, а радуется. Или пытуемый все расскажет — или умом тронется.

Говорил старик с большим знанием дела, и чувствовалась за его словами богатая практика. Духарева никто не рискнул бы назвать особо чувствительным, но не один раз в течение этого занимательного урока к его горлу подступала тошнота.

После вводной лекции по палаческому делу Рёрех вернулся к собственной истории. Выяснилось, что у нурманов времени было не очень много. Кроме того, палачи были молоды и получали удовольствие от самого процесса. И наконец, последнее: опять-таки по молодости, нурманы не могли себе представить, что человек с сожженными до костей подошвами способен ходить. А Рёрех смог.

Нурманы допрашивали его посменно. Двое пытают, остальные другими делами занимаются. Рёрех дождался ночи, он убил тех двоих, что его пытали. Причем сделал это так, что никого в лагере не побеспокоил. Правда, «работали» с варягом не в самом лагере, а на отшибе. Чтобы вопли пытуемого не мешали здоровому сну воинов.

Прикончив палачей, варяг доковылял до лагеря, зарезал часового, украл коня и ускакал, оставив плесковского воеводу с носом. У воеводы были хорошие псы-следопыты, но под утро зарядил дождь, смывший следы.

Примерно в полдень следующего дня варяг слез с коня, чтобы попить,— и потерял сознание. Когда очнулся — коня не было, и Рёрех решил, что пришло его время умирать. Ходить он уже не мог, даже ползти не мог. Лежал на берегу ручья и говорил с богами, которые подошли совсем близко. И наверно боги решили, что варягу еще рано умирать. Поэтому боги привели к Рёреху не волка, а волоха.

К этому времени душа варяга уже стояла на кромке и глядела в Ирий.

Волох вернул душу обратно. Правда, Та Сторона взяла с Рёреха выкуп. Та нога, которой варяг заступил за кромку, почернела и стала ногой мертвеца. Волох отрезал ее и отдал миру мертвых. После этого Рёрех выздоровел, а волох, который жил в священном дубе, научил варяга ведовству и ушел, оставив Рёреха хранить священное место. А перед этим сказал, что открывается это место лишь тому, кто не от сего мира. Например, такому, каким был сам Рёрех, когда умирал у ручья. Сначала старик надеялся, что Духарев — именно таков и он сможет передать ему свою участь и уйти к людям, потому что даже мудрому трудно жить без людей. Но теперь старик видит, что Духарев — не тот, кто станет хранителем. По крайней мере — сейчас не тот. И это ему, Рёреху, весьма огорчительно.

На этой «оптимистической» ноте варяг завершил беседу, велел ученику залить костер и отправляться спать, потому что завтра его, ученика, ждет трудный день. А он, Рёрех, позаботится, чтобы этот день был не просто трудным, а *очень* трудным.

Глава восьмая

О скрадывании

— Ты по траве ходишь, а не в траве,— недовольно проговорил Рёрех.— Даже я на своей култышке лучше хожу.

— Я стараюсь! — возразил Духарев.— Мне кажется, у меня уже лучше получается, разве нет?

— В скрадывании не бывает лучше, хуже,— проворчал варяг.— Вот скрадываешь ты оленька. Не услыхал, не унюхал — он твой. Услыхал: шасть — и нет его. И без разницы: листом ли старым ты зашуршал или в било грохнул. Олешка-то — нету! Или другой случай. Увидал тебя чудин. И шапка ему твоя понравилась. И подобрался к тебе чудин, стрелку наложил — и фыр-р! — полетела твоя смерть! — Рёрех резко взмахнул рукой. Горностай на плече варяга недовольно зашипел.— Цыть,— сказал ему старик.

— Услыхал ты чудина,— продолжал урок Рёрех,— пропала его стрела. И сам он пропал. Не услыхал: носить чудину твою шапку. Вон в траве кто бежит? — внезапно спросил варяг.

Серега поглядел в указанном направлении, но никакого движения не заметил. О чем и сообщил.

— Ты б еще почесался сперва, а потом башку повернул,— недовольно бросил старик.— Бурундучок это был. А была б мышка, или ящерка, или змея — я б знал, что то ящерка, мышка иль змея. Хоть в траве не видно. Глаз на траву глядит, только траву и видит. А умное сердце воина видит, что под травой. Сердце слышит, когда выпь крикнула, а когда враг врагу выпьим криком знак подал. Или когда змея шуршит-ползет, а когда — чудин. Понял, репка-сурепка?

— Понять-то понял,— буркнул Духарев.— Да что толку? Вспомни, как ты меня оружие чувствовать учил. Пока на ту полянку не привел — все без толку. А понимать я тебя понимал

прекрасно. Вот я иду...— Серега сделал несколько шагов, ставя ногу, как учил варяг, стараясь не ступать, а притрагиваться к земле подошвами. На его взгляд, получалось совсем неплохо, но Рёрех скривился:

— По мертвой глине ходишь, а не по живой земле. Ох, показал бы я тебе, кабы не деревяшка моя... Хотя, погоди! Пошли!

Он прытко захромал по тропе. Духарев — следом.

Шагов через триста варяг показал: стой! На буковой ветке сидела тетерка. Рёрех осторожно снял горностая с плеча, поднял, показал ему птицу. Затем так же осторожно опустил зверька на землю. Мохнатое длинное тельце скрылось в траве, вынырнуло у соседнего дерева. Горностай стремительно взбежал по стволу, меховой струйкой протек по горизонтальной ветке, прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапками... Тетерка оглушительно хлопнула крыльями, сорвалась... Поздно! Комок из бьющихся перьев и шелковистого меха рухнул в траву. Рёрех не спеша двинулся к месту падения. Когда он подошел, тетерка уже не трепыхалась. Горностай оторвал от ее горла окровавленную мордочку и победно заверещал. Хвастался.

— Ну? — спросил варяг.— Уразумел?

К сожалению, Сергей не мог ответить ему утвердительно.

Ничего, научится. Палкой, мечом и копьем он уже орудовал неплохо. Это и Рёрех признавал. И ножи кидал, и топорики, даже с обеих рук. Правда, при двойных бросках один, как правило, выходил «в молоко». Вогнать два топорика в столб так, чтобы между ними остался просвет шириной точно в ладонь, как это умел Рёрех, Сереге пока не светило. Значит, надо тренироваться.

Вечерами у Духарева теперь был дополнительный урок: изготовление разных приспособлений для отработки силы удара. В основном, грубых щитов, ростовых и поменьше. Щит подвешивался на глубоко врытый в землю столб. Иногда варяг головешкой малевал на щите контур человека и точно указывал, в какое место должно воткнуться копье.

Бились они и друг с другом. Серега натягивал толстую стеганую куртку и шлем, подбитый войлоком. Пользоваться щитом в поединке ему Рёрех обычно не разрешал, хотя сам всегда брал небольшой овальный щит. Впрочем, орудовать щитом,

большим и малым, уводить, отражать удары, бить краем при необходимости Серега уже умел. Вообще, Рёрех Духарева хвалил: молодец, стараешься, растешь. Но в поединках со стариком Серега неизменно проигрывал. Если иногда Духареву и удавалось достать учителя, то лишь потому, что на протезе особо не попрыгаешь. А вот Сереге прыгать приходилось постоянно. А что бывает, когда человек интенсивно бегает и прыгает летним днем в зимнем прикиде?

Правильно! Семь потов с него сходит. И весь завязавшийся в сытой жизни жирок. И приобретается идеальная боевая форма.

В свое время Духарев восхитился, глянув на торс гридня, охранявшего торжковские ворота. Теперь у него самого торс был не хуже, если не лучше. И сальто крутануть он мог не только на «силовой» полянке, но и на обычной лужайке.

Тем не менее Серега понимал: до уровня настоящего воина, такого, как калека-варяг, ему еще учиться и учиться. А лето между тем уже заканчивалось.

Глава девятая

Посетители

На жесткой старой шкуре были разложены рядком стрелы. Отдельно — Рёрехов лук со спущенной тетивой. Тот, что похуже.

— Натяни,— велел варяг.

Духарев упер один из концов в землю, ухватился, поднапрягся и набросил петлю. Перехватил за середину. Напряженный, лук даже стал как будто легче. Серега поднял его на вытянутой руке, зацепил тетиву, медленно оттянул к уху, чувствуя, как приятно, мощно твердеют мускулы, словно в них перетекает упругая сила лука. Напряг — подержал (тридцать медленных вдохов-выдохов) — отпустил плавно. Повторил то же, но уже с роговым кольцом на большом пальце правой и перчаткой на левой руке. Спустил тетиву, звонко щелкнувшую по толстой коже. Положил лук на шкуру. Руки не дрожали.

— Назови,— потребовал Рёрех, и Серега послушно перечислил части оружия:

— Рукоять, спинка, живот, плечи...

Наставник кивнул. Взял с рогожки одну стрелу, с граненым узким наконечником.

— Бронебойная,— тут же сказал Духарев.— Против панциря, против доспеха пластинчатого, литого...

Варяг взял следующую, длинную, почти метровую, с наконечником острым и круглым...

— Бронебойная, против кольчужного плетения! — отбарабанил Духарев.— Наконечник черешковой крепки.

— Назови.

— Черешком крепят или прочно, на клей, или мягко, чтоб при тяге за древко древко выходило, а наконечник оставался в ране. Берестой обертывают для легкости полета.

— А эта бороздка — зачем?

— Для яда. Зазубрина же служит для затруднения вымания,— Духарев повторял слово в слово, память у него была хорошая.

— Зачем?

— Чтобы кровью яд не вымыло.

Рёрех взял следующую.

— Срез,— тут же доложил Духарев.— Против бездоспешного, против зверя, против лошади всадника, только лошадь бить — позор.

Именно так говорил варяг, и сейчас он удовлетворенно кивнул, отложил срез, стрелу с широким плоским наконечником, взял другую, двурогую, ту самую, какая была у него в самострелe, когда они с Духаревым в первый раз увидали друг друга.

— Охотничья,— сообщил Серега.— Для водоплавающей птицы...

Контрольная длилась почти час. Варяг дотошно выспрашивал каждую детальку. Почему одна стрела короче, другая длиннее. Как подобрать перья для хвостовика, какой стрелой бить и куда. Для чего иные стрелы делают со свистулькой, как сделать стрелу зажигательную и такую, чтобы горела, обозначая свой полет. Потом опять вернулись к луку. Серега спускал пустую тетиву, имитируя выстрел на дальность, выстрел бесшумный, выстрел с упреждением сильного ветра...

Наставник был удовлетворен.

— Добро,— сказал он.— Завтра возьмем стрелы, что ты сам делал. Будем учиться, как их в дело пускать.— И добавил, понизив голос: — А сейчас замри и слушай.

Серега послушно замер... И буквально в то же мгновение отчетливо услышал дыхание. Двух... нет, трех человек. Примерно в двадцати шагах от них в темноте прятались какие-то люди. Серега в изумлении уставился на варяга. Тот медленно опустил и поднял веки.

Серега подумал, что они у костра — как на ладони. Но варяг ничего не предпринимал, поэтому Духарев тоже решил от действий воздержаться.

Прошло несколько минут. Засада безмолвствовала. То есть звуки оттуда доносились: вздохи, посапывание, скрип кожи, похрустывание, как будто стоящий человек перенес тяжесть с носка на пятку. Духарев даже удивился, насколько он теперь чуткий. Чуткий-то — чуткий, а подкравшихся прохлопал.

— Ну! — неожиданно громко и резко произнес варяг.— Выходите или убирайтесь. Или этим пощупать?

В правой руке старика обнаружился метательный топорик. Собственно, как сообразил Духарев, топорик уже давно был в руке варяга, только это как-то... не афишировалось.

За кустами кашлянули, задышали чаще, потом отчетливо захрустел валежник, и на полянку выбрались точно трое: заросшие до глаз мужики в кожаных шапках, таких же штанах, с короткими охотничьими луками. Не кривичи. На меряй похожи. Встали по ту сторону костра, переминаясь с ноги на ногу. Духарев, отрабатывая выученное, держал в поле зрения всех троих сразу, фиксировал положение рук, прикидывал, как перехватить, если кто попробует схватиться за нож...

— Так пришли или дело есть? — строго спросил варяг.

— Дело,— сказал один из троих, и по его голосу Серега определил: трусит. И тут же заметил, что остальные тоже боятся, хотя изо всех сил стараются не подать виду.

— Присядьте,— негромко произнес варяг, и все трое разом опустились на землю и замерли, скрестив ноги.

— Дай им пить,— приказал варяг, и Серега подхватил котелок.

Трое, как по команде, извлекли деревянные чашки.

Духарев налил в эти чашки, довольно, кстати, грязные, остывшего травяного чайку.

И увидел, как ночные гости расслабились, глаза утратили настороженное выражение. Угостили хоть водой — значит, убивать не станут. Сразу, по крайней мере. Соображают ребятишки. Хотя на их месте Духарев от варяга в кустах таиться бы не стал. С деда сталось бы: метнул бы копьецо в эти кусты на всякий случай, и, можно не сомневаться, кое-кому резко бы поплохело.

— Ну? — повелительно произнес варяг.

— Ты, это, ведун, верно-ть?

— Говори.

— Мы, это...

И тут другой мужик вдруг быстро залопотал на языке, которого Духарев не понимал. Остальные шумно запротестовали. На том же языке.

— Цыть! — рявкнул Рёрех грозно, и дискуссия прекратилась.

— Говорить будешь ты, репка-сурепка! — Варяг ткнул пальцем в первого.— А ты, Сергей, возьми дубинку: ежели кто еще рот откроет — хряпни по макушке. Ну, слушаю!

— Князь к нам приходил. Игорь киевский. Дань брал. Шкурки брал, воск. Мы дали.

— Дали и дали,— кивнул Рёрех.— Он — князь.

— Дык мы ж Новгороду даем! — воскликнул бородач.

— Так не давали бы.

— Да как же не дать? — удивился бородач.— У киевлян щиты крепки, мечи вострые! Побьют!

— Так новгородским скажите.

— Сказали ж!

— И что же?

— Бают: не давайте. У вас, бают, кусты густы, луки туги, стрелки вострые, ядом мазаны. Бейте, грят, киевлян, как белок бьете.

— Ну и бейте.

— Дык боязно.

— Тогда дайте.

— Мы ж новгородским даем.

— Так не давайте.

«Какой разнообразный и содержательный разговор получается»,— подумал Духарев.

— Дык побьют.

— Ну, ну...— Варяг повернулся к Сереге: — Что скажешь?

— Да ясно все,— буркнул Духарев.— Если они Новгороду платят, значит, Новгород с Киевом должен разбираться. А если — Киеву, то Киев — с Новгородом. Пусть между собой решают, кто кому платить должен.

— Во-во! — оживились бородачи.— Верно!

— Верно-то верно,— Рёрех поскреб шрам.— Да не будут они меж собой решать. Ссориться им не с руки. А эти вот...— он кивнул на пришельцев,— и два раза могут дать, не помрут. Можете?

— Ну, можем,— мрачно ответил бородач.

— А все ж это не совсем по справедливости,— задумчиво проговорил варяг.— Ладно! Сколь от вас до Белоозера? Далеко?

— Не близко. Лесами дней шесть бежать.

— А сюда сколько шли?

— Тож шесть дней.

— Так до меня же дальше!

— Да мы ж водой шли! — сказал бородач с удивлением, оттого что ведун не понимает такую простую вещь.

— А до Белоозера водой нельзя?

— Когда как.

— Понятно. Значит, слушай меня, репка-сурепка. Пойдете на Белоозеро. Там городок стоит. Городок тот держит Ольбард-князь. Обскажете ему свои беды. Обещайте честно и щедро дань ему слать — он вас под себя возьмет.

— Ага...— Бородач поскрипел мозгами, осмысляя.— А, это... Выходит, еще и этому Ольбарду давать?

— Не еще ему, а только ему! — поправил варяг.

— Не-е! — мужик замахал руками.— Все они одинаковы! Меха берут, а как помочь — их нету! Бона...

— Сергей, тресни его по маковке,— приказал Рёрех.

Духарев замахнулся — мужик испуганно прикрыл голову.

— Ольбард поможет,— сказал варяг.— Скажете: я вас прислал. Рёрех-ведун.

— А Киев с Новгородом его послушают? — спросил бородач, опасливо покосившись на палку в руках Духарева.

— Послушают. Его проще послушать. Дружина целей будет. Подарки где?

— Да в лодке,— сказал бородач.

В глазах у него проступила легкая печаль оттого, что халява не прокатила.

— Так несите сюда! — велел Рёрех.— Или мне на деревяшке за ними скакать?

Бородачи молча поднялись и канули в темноте.

— Варенье у них доброе,— мечтательно проговорил Рёрех.— Клюковка, орешки с медом...

— Слушай,— неуверенно проговорил Духарев.— А ты уверен, что этот Ольбард не обдерет их, как остальные? Ему-то какой смысл с Киевом и Новгородом ссориться?

— Потому что я попросил,— варяг шевельнул костлявыми плечами.

— А вдруг он тебя не послушается?

— Послушается.

— Уверен?

— Ясное дело. Он же мой племянник.

Глава десятая,

в которой Серега прогуливается по лесу и размышляет о том о сем

Серега бежал по лесу. Это был очередной урок, который задал ему Рёрех. Просто бежать по лесу. Просто бежать по лесу ночью, в полной темноте. Просто бежать по лесу в полной темноте до маленького, метров сто в поперечнике, озерца, обойти его кругом (притом что один конец озерца упирается в болото), а затем вернуться обратно к дубу. Всего-то километров семь в один конец. Пустяковое дело.

— Пустяковое дело,— сказал Рёрех.— Вот кабы тя леший устерег да кружить начал, так нет тут лешего.

— Почему? — механически поинтересовался Духарев.

— Да прогнал его волох. Поссорились они.

— Понятно,— пробормотал Серега.

Ну ясно же тебе сказали: обычное дело! Ну поссорились леший с волохом, и волох лешего прогнал. Ну нормальные разборки. Повторяем для тупых: волох, реально, лешего покруче

будет, вот и прогнал. А без лешего по ночному лесу шастать — ну просто нечего делать. То есть даже смешно об этом говорить. Семь кэмэ в одну сторону, почетный круг через болото, и семь кэмэ обратно. Пустяки, в общем. Любому волку или там медведю дошкольного возраста, лет четырех-пяти то есть от роду,— как два пальца. А Серега Духарев, он, блин, три курса универа прошел, причем два раза. Ему это ваще — лег-ко!

В общем, бежал Серега прямо и зигзагами и думал о приятном. Например, о том, что месяц, хоть и узенький да между крон почти не проглядывающий, но все-таки светит. А зайдет, так звезды же останутся. Хорошо ведь, когда небо чистое. Вона — Большая Медведица, именуемая по-здешнему Лосихой. А вона — Малая, которую Рёрех Олененком зовет. А были бы тучи да дождик, так вообще ни хрена видно не было бы. И не слышно тоже ни хрена, кроме грома и шуршания капель. Хотя и в дожде приятное найти можно. Молния, например. Молния очень ярко светит. Потом, правда, уже совсем ни хрена не разглядишь, пока глаза опять к темноте не привыкнут.

Вот такие мысли возникали у бегущего Сереги Духарева, пока ноги его приминали опавшую листву, обнося своего хозяина вокруг стволов, по тропке, которая не столько виделась, сколько чувствовалась, угадывалась подошвами.

Правду сказать, урок был не такой уж трудный. Ходил Серега к тому озеру и с дедом, и сам один разок был. На болотистом конце куликов бил. Куликов там много.

В общем, ничего особенного. А если заплутает, так спать ляжет. А утром по собственному следу — обратно. А след Серега предусмотрительно оставлял заметный. Где веточку обломит, где носком старую листву взрыхлит. Бояться нечего. Кого бояться, зверей? Так на что у Духарева сулица на руке лежит? Ежели рысь какая прыгнет — пусть пеняет на себя. Одну рысь Серега уже убил. Правда, днем. Волков не убивал, но волки — звери умные, с человеком связываться не станут. И медведь. Рёрех обещал: как снег выпадет — пойдут мишку брать. Мишка, сказал варяг, зверь полезный. Жир, шкура, мясо, все в дело идет от мишки-то.

В отличие от других лесовиков, Рёрех мишку мишкой звать не боялся. Иногда величал еще бером, но это было не прозвище вроде «хозяина» или «медведя», а просто другой диалект. Коли услышит зверь да придет — пусть на себя опять-таки пеняет. Рёрех — ведун. Его врасплох не возьмешь. А интересно,

он, Серега, может стать ведуном или нет? Если, как утверждает варяг, какая-то Серегина часть осталась вне этого мира, может, Серега тоже ведун? Интересно, какая это часть? И как там ей живется? А может, где-то в сумрачном Питере такой же Серега Духарев потягивает пивко с корешами или коктейльчик с пузырики в каком-нибудь клубе с накрашенной девчушкой и ловит законный кайф, пока его неудачливый двойник упирается, чешет по лесу хрен знает куда...

«А ведь тебе это нравится! — сказал себе Серега.— Тебе ведь это по кайфу, мужик! Вот так вот бежать с настоящим копьем на согнутой руке по настоящему лесу! И ни хрена не бояться, потому что знаешь, что точно не пропадешь. Потому что это круче, намного круче, чем сосать пузырьки через соломку и прикидывать, сколько бабок останется к утру в тощем лопатнике. Потому что если я, Серега Духарев, не обломаюсь (а вот хрен я обломаюсь!) и вытяну из деда всю его дедову науку, то буду я в этом мире — король. Буду свежее мясо жрать и воду пить, хрустальную от чистоты, и даже к меду их дрянному привыкну, наверное, потому что не бывает, чтоб все — из шоколада. И девчонки у меня будут самые лучшие, а друзья — самые верные. И если я и уступлю кому, то не какому-нибудь засаленному хмырю с натыренными баксами, а тому, кто по-настоящему круче. Вроде того же Рёреха».

Вот о чем думал Серега, когда бежал по ночному лесу. Ему было — по кайфу. И он больше не задавал себе вопрос: «Почему я здесь? И зачем?»

Не задавал. Но вопрос — остался.

Глава одиннадцатая,

в которой Серега Духарев осваивает очередную воинскую игрушку

Рёрех порылся в ларе и извлек из него внушительных размеров топор с серповидным лезвием.

— Нурманская секира,— сказал он.— Неси на лужайку.

Рукоять у секиры была длинная, в двух местах обмотанная шершавой кожей. Лезвие широкое, с заостренным и вытяну-

тым верхним концом. По нижнему краю был сделан глубокий вырез, вероятно, для облегчения оружия.

На лужайке дед отобрал секиру. Помахал ею в воздухе.

— С мечом видишь разницу? — спросил он.

— Замах другой,— тут же ответил Духарев.

— Молодец,— похвалил варяг.— Секира с плеча рубит. В одну руку. В две руки. Колет так...— Рёрех перехватил рукоять и ударил верхним, заостренным концом почти как копьем.— Щит на столб зацепи.

Серега поспешно закрепил на столбе один из изготовленных вчера «щитов».

Секира в руках варяга описала дугу. Верхний край полумесяца с хрустом прорубил ребро щита. Рывок к себе — и щит слетел со столба под ноги Рёреха. Варяг наступил на него деревяшкой, дернул, освобождая оружие.

— Секира рубит все,— сказал он.— Ежели умеючи. Секира — сокрушитель мечей. Ни один меч не вынесет ее прямого удара. Запомни это. Клинок — только против древка. Секиру можно принять на щит. Добрый щит выдержит. Раза три-четыре. Не больше, если рубить умеючи. Или меньше, если не умеючи — отбивать. Повесь-ка новый!

Духарев поспешно зацепил еще одну свою поделку.

— Рубят так,— показал варяг.— Или так. А если хочешь достать врага через щит — то так.

На втором ударе духаревское творение плотницкого искусства рассыпалось, и он повесил следующее, а Рёрех продолжил:

— Если ударить всей силой сюда, в середку, напротив руки, да не лезом, а обушком, то иной раз рука от боли немеет и щита удержать не может. Без щита против секиры устоять трудно. Но можно. Ты — быстрый и шустрый. Ты сможешь, если умеючи. Лови! — Он неожиданно бросил секиру в Духарева. Как копье. И она продырявила бы Серегу не хуже копья, если б тот не уклонился и не перехватил ее за рукоять, поймав, как ловил копья. Только секира была существенно тяжелее.

Рёрех взял щит. Не из тех, что мастерил Духарев, а лучший из трех, сделанных самим варягом, обитый грубой кожей, со стальным ободом вдоль края и стальным же выпуклым диском в середине.

— Руби! — велел он.

Серега рубанул старательно, но по краю не попал. Старик резко вывернул щит и отшиб секиру в сторону с такой силой, что она увлекла за собой Духарева, полностью открыв для встречного удара.

Варяг поморщился.

— Еще бей! — скомандовал он.— Хват пошире, а то мотает тебя, как девкину косу.

Минут десять Духарев сосредоточенно рубил, а варяг — парировал.

Потом они поменялись. Вернее, дед взял секиру, а Серега другой щит, потяжелее и без стальной оторочки. Первый же удар, снизу, подбросил Серегин щит вверх, и его край впился в Серегину челюсть.

Очухался он уже без щита, сидя посреди полянки.

Серега помотал головой. Глупого вопроса «Что это было?» он не задал. И так ясно. Пощупал челюсть: рассечена, борода слиплась от крови. Но зубы — на месте. Правильно варяг ему щита с железной окантовкой не дал.

— Может, тебе под зад утиных яичек подложить? — раздался насмешливый скрипучий голос Рёреха.— Глядишь, птенчиков высидишь!

Духарев вздохнул тяжко и поднялся.

Безжалостный варяг немедленно повторил коварный удар, но Серега уже не попался. Некоторое время они кружились по полянке. Рёрех рубил, Духарев отбивал. Потом варяг ударил по ногам. Духарев, вместо того чтобы отбить, чисто рефлекторно подпрыгнул — и оказался на травке. На обратном движении варяг ухитрился подцепить его под колено нижним вырезом секиры.

После этого они опять поменялись.

Духарев постепенно осваивался, приспосабливался к новому оружию. Оно даже стало ему нравиться... Но меч все равно лучше!

Глава двенадцатая

«Мы идем в Смоленск!»

Когда листья на кленах тронуло багрянцем, Рёрех решил отправиться в город Смоленск. Вернее, на смоленскую ярмарку.

Духарев узнал об этом, когда, вернувшись к вечеру с подстреленным поросенком, обнаружил, что дед сбрил бороду и патлы. Теперь с подбородка его, вместо седой с прожелтью ботвы, свешивались до груди толстые усищи, такие же седые, естественно. А от спутанной гривы остался казацкий чуб примерно такой же толщины, что и усы. Серега вспомнил «запорожца» Скольда и решил: усищи и оседелец — что-то типа местной стрижки для крутых. Очень довольный, варяг поглядывал на себя в серебряное зеркало (Духарев понятия не имел, что у дедушки вообще имеется зеркало) и самодовольно ухмылялся. Должно быть, полагал себя писаным красавцем. С точки зрения Духарева Рёрехову внешность могли исправить только очень хороший хирург-косметолог и большие темные очки. Но ни хирурга, ни очков в здешних лесах не смог бы добыть даже лучший из охотников.

Впрочем, и добытый Духаревым кабанчик удостоился благосклонного взгляда.

— Прожарь мясцо хорошенько да посоли,— распорядился дед.— С собой возьмем.

— Куда опять? — обреченно спросил Духарев.

Дальний поход с наставником — последнее, о чем Серега стал бы мечтать. Зловредный варяг непременно приготовлял для таких случаев какую-нибудь особенную пакость. Последний такой вояж Серега проделал в свежесодранной лосиной шкуре. То есть свежесодранной она была только сначала, а потом ее не назвал бы свежей даже самый непривередливый любитель тухлятины.

— В Смоленск пойдем,— сообщил Рёрех.— Коней покупать будем.

— Коней? — недоверчиво спросил Духарев.— А зачем нам кони?

— Ездят на них,— ухмыльнулся варяг.— Садятся на спину и едут. Не знал?

Серега тяжко вздохнул и отправился разводить костер. Он ничего не имел против верховой езды, но мог догадываться, во что превратит это занятие изощренный ум старика. Достаточно вспомнить, как дедушка ухитрялся извратить обычный бег трусцой. А ведь бегал Серега куда лучше, чем держался в седле.

Отправились на рассвете. Старик нес на плечах блестящую от жира кольчугу, за спиной — меч в ножнах и тщательно упа-

кованный лук. «Расконсервация» и перевод лука в режим «походного хранения» заняла у Сереги часа четыре. Разумеется, под неусыпным присмотром хозяина лука. При этом в туповатое (по мнению наставника) сознание ученика в сотый раз вкладывалась мысль, что лук — оружие нежное и хрупкое. И внимания требует несравненно большего, чем, например, меч. И ежели мастер-лучник может истратить целый год на изготовление этого великолепного инструмента для порчи человеческих организмов, то ленивый или неумелый парень вроде Духарева может испоганить сие совершенное оружие значительно быстрее. А лук, даже на самую малость потерявший форму или упругость, станет пригоден исключительно для охоты на зайцев. И то, если заяц подпустит к себе на пятьдесят шагов. В то время как из этого шедевра добрый стрелок без проблем попадет в грудь врага на расстоянии «перестрела», то есть двух—двух с половиной сотен метров, и стрела эту грудь продырявит. Если, конечно, не встретит препятствия в виде не менее доброго панциря. Однако обычную кольчугу хорошая стрела с нужным наконечником пробьет и на таком расстоянии. Духарев, который полагал и точный выстрел из карабина на такую дистанцию — удачным, мог бы усомниться в словах наставника. Если бы наставник в заключение не решил испробовать лук, избрав в качестве мишени рыжую белку на противоположном берегу озера.

Через озеро (почти двести метров шириной) Серега перебирался вплавь. Рыжую белку он нашел легко, а вот стрелу, пробившую зверька навылет, искал почти полчаса и обнаружил метрах в сорока от мертвой белки.

Стрелу Рёрех отправил в колчан, белку отдал горностаям, а Духарева обругал: почему так долго копался?

Итак, дед нес на себе кольчугу и оружие, а Серега — все остальное. Килограммов сорок пять. Правда, всего три перехода. Потом ученик с наставником пришли в какое-то село, где старик купил лодочку типа байдарки, только из коры. Остойчивостью лодочка могла уверенно соревноваться с яхтой, к которой вместо киля приделали большой кусок пенопласта. Дно лодочки можно было пробить пальцем, зато веса в ней было — всего ничего.

Почетная обязанность грести, естественно, досталась Духареву. Время от времени Рёрех разнообразил эту монотон-

ную работу полезными советами и сожалениями по поводу того, что из этой лодочки никак нельзя сделать ни драккар, ни боевую лодью, ни даже южный насад, пригодный, по мнению варяга, лишь для плавания по спокойным речкам. Воин же, который не умеет сутки напролет ворочать настоящее корабельное весло, не воин, а недоразумение. Вроде вот Сереги Духарева.

А Серега Духарев в это время, выбиваясь из сил, гнал хлипкий и вертлявый челнок против течения.

Зато еще через пару дней они, сушей, перебрались через водораздел и спустились к одному из притоков Днепра.

Теперь течение играло на их стороне, а старик несколько раз, не доверяя ученику, на порожистых участках самолично брался за второе весло. В общем, правильно не доверял: Серега бы их точно выкупал.

Глава тринадцатая

Ярмарка

В собственно Смоленск они не пошли.

— Нечего там делать! — заявил варяг.

По некоторым элементам варягова недовольного бурчания по поводу «спесивых нурманов» Серега сделал вывод, что в городе у Рёреха есть знакомые, которых он предпочел бы не видеть.

Так что Духарев лишь издали полюбовался на белые стены города и поплелся вслед за варягом к заставленному шатрами полю. На ярмарку.

Торжковский рынок отдыхал в сравнении с этим буйством свободного предпринимательства. Если бы не Рёрех, Серега в этой толпе просто потерялся бы. Или дал кому-нибудь по морде, поскольку каждый лоточник норовил схватить за рукав, а от воплей зазывал просто в ушах звенело. Вот уж точно — навязчивая реклама!

Правда, за рукав хватали только Духарева. Варяга тронуть никто не смел. От него попросту шарахались. Длинноусый, чу-

батый, бритоголовый, в блестящей кольчуге, с мрачным прищуром и изуродованной рожей, Рёрех внушал такое уважение, что ему тут же уступали дорогу даже оружные воины.

Лошадьми торговали на южной окраине ярмарки. Покупателей здесь было существенно меньше. У загородок с годовалыми жеребятами стояли несколько отроков и гридень с пегими усами, взглянувший на Рёреха с интересом.

У Серегина наставника гридень интереса не вызвал. Жеребята тоже. Он уверенно проследовал дальше, приглядываясь, приценяваясь, даже принюхиваясь, пока не остановился перед мужиком, продававшим двух не слишком крупных лошадок светло-серой масти с подрезанными хвостами.

В лошадях Серега разбирался достаточно, чтобы уверенно отличить жеребца от кобылы. Поэтому интерес Духарева сосредоточился на лошаднике. Раньше подобных ему Сергей не встречал. Здесь. В Питере-то подобные попадались на каждом шагу. Лицо «кавказской национальности». Черные волосы, черные, щеткой, усищи под горбатым носом.

Рёрех коротко поздоровался с продавцом. Не по-русски. Тот ответил. Тоже по-своему.

Внимание варяга переключилось на лошадей, и им он уделил значительно больше времени: щупал, охлопывал, изучал зубы.

Остался доволен.

— Сколь хочешь за пару? — спросил он.

— Хорошие кони,— сказал черноусый.— Овсом вскормлены.

— Вижу.

— К седлу приучены, послушны, не норовисты... Девять гривен.

У Духарева отпала челюсть. Нормальная цена на взрослую лошадь колебалась от одной до трех гривен серебром. А эти даже ростом поменьше, чем прочие.

— Без изъяну коньки! — сказал черноусый.

Рёрех молчал.

Черноусый хотел еще что-то сообщить, но передумал. Ждал.

— Кобыла не пуглива? — наконец спросил варяг.

— Есть немного,— ответил лошадник, преисполняясь еще большим уважением к покупателю.

Варяг подошел к жеребчику.

— Подсади,— сказал он.

Черноусый помог ему взобраться на неоседланного коня.

Рёрех взял поводья.

— Побудь с ним,— велел он Духареву, шевельнул коленями, щелкнул языком — и конь с места взял ровной рысью.

— Ой молодец! — похвалил черноусый.

По-русски он говорил без акцента.

— Хочешь? — он кивнул на кобылу.

Духарев покачал головой.

Рёрех вернулся минут через десять. Неловко сполз на здоровую ногу, дал коню купленную, видно, по пути морковку и похромал к кобыле.

Ее пробовал тоже минут десять, вернувшись, спросил черноусого:

— С седлом продаешь?

— Нет,— качнул головой тот.

Варяг повернулся к Сереге.

— Дай ему семь гривен,— сказал он.

Черноусый открыл было рот... и закрыл.

Сергей вручил торговцу деньги, тот передал Духареву лошадей.

— Не много дал? — позже спросил он варяга.— Вон хоть те и покрупнее, а стоят дешевле.

Рёрех фыркнул, но тем не менее снизошел до объяснения.

— Те,— сказал он,— хоть и крупнее, да на подножном корму и сене росли. А наших хузарин зерном подкармливал, потому и ценит дороже. Зато им четырех лет нет, а уже в полной силе. И выезжены. А что мелки, так им корму меньше надо, а повыносливей крупных будут. Я эту породу знаю.

Поехали покупать седла. То есть варяг ехал на кобыле, а жеребчика Духарев вел на поводу и по указанию Рёреха угощал морковкой. К себе приучал.

У седельника они провели почти час. Варяг придирчиво изучал товар и наконец выбрал два седла. Довольно потертых.

— На новом, необмятом ляги сотрешь,— сказал он ученику.

Кроме седел, купили еще большие перекидные сумки и охапку разных ремней с пряжками и без. Ремни старик сунул в одну из сумок. Туда же спрятал и стремена.

— Они те токо посадку испортят,— буркнул он. Сделав что планировалось, Рёрех немедленно двинулся в обратный путь. Задержался только, чтобы поесть.

Серега был огорчен. Он уже Бог знает сколько времени не видел людей... И женщин. Пока жил в лесу, об этом как-то не думалось. Да и до женщин ли, когда тебя вумат затрахал одноногий свирепый дедок? Но стоило глазу увидеть знакомые выпуклости и изгибы...

Варяг, сучок корявый, Серегиным намекам не внял.

«У самого небось с этим делом уже лет двадцать — никаких проблем!» — злобно размышлял Духарев.

В трактире им принесли кучу всякой снеди — в дорогу. Еще подали горячей похлебки, горшок тушеных овощей. Серега умял все. Соскучился он по овощам. В лесу все мясо да мясо.

За длинным столом они сидели, считай, одни, ни слева, ни справа никто не подсаживался. Словно вокруг варяга была обозначена черта, за которую заступать не смели.

Уезжали верхом, по хорошей дороге, поначалу довольно оживленной. Однажды им навстречу попался отряд из дюжины воинов. Молодые, крепкие парни, кто — с бородой, кто брит, шли налегке, сгрузив поклажу, в том числе и брони, на нескольких вьючных лошадей, которых вели в поводу двое мужчин невоинственного вида. Рабы. Один из воинов, что нес на плече здоровенный боевой топор, неожиданно шагнул в сторону и заступил дорогу Рёреху. Серега напрягся, а варяг и бровью не повел. И даже не подумал придержать кобылку. Парень оглушительно свистнул, хузарская лошадка, испугавшись, едва не вскинулась на дыбы, но Рёрех осадил ее, прикрикнул...

— Хаг! — сердито рявкнул на свистуна другой воин.

Свистун захохотал, отпрыгнул в сторону. Тот, кто кричал, подскочил к нему, грубо схватил за руку и показал на Рёрехову деревяшку.

Свистун сразу перестал ржать, приложил кулак к груди и наклонил голову. Рёрех тоже чуть заметно кивнул. Духарев расслабился.

— Это кто? — спросил он, когда они разминулись.

— Нурманы,— буркнул Рёрех.

Глава четырнадцатая

Лошадь — друг человека

Своего жеребчика Серега назвал Пеплом. По масти. И ладили они просто прекрасно. Не без помощи варяга, разумеется. Держаться в седле Духарев научился довольно быстро. Даже и без стремян. Но оказалось, что для всадника умение не вывалиться из седла — необходимое, но не главное. Задачей номер один было поддержание четвероногого друга в рабочем состоянии. Для этого коня надо было регулярно кормить, поить, чистить, не перегружать сверх меры, а меру эту можно было определить только опытом. Конь мог заболеть, повредить ногу или спину, сожрать что-нибудь не то. Сообщить об этом хозяину животное, естественно, не могло и в этом было сродни автомобилю. Вот только заменить поврежденную деталь было невозможно. Да и жаль животину: ей же больно. Таковы были азы всадницкой науки. Кроме этого, воин, намеревавшийся биться в седле, должен был научиться с седла же рубить и колоть, отбиваться и уворачиваться, стрелять на скаку из лука (желательно попадая в цель), перепрыгивать через препятствия и не ломать при этом костей — ни своих, ни животного. Еще нужно было уметь пересекать водные преграды, мгновенно останавливаться (но так, чтобы лошади не было больно), мгновенно бросать коня вскачь, разворачиваться... Короче, много чего было нужно, чтобы в дороге или после окончания боя конь остался цел и не сменил хозяина. Все это требовало нешуточного упорства. Пепел оказался коньком понятливым... Если ему понятно объяснять. Варяг умел. И учил Серегу, попутно школя собственную кобылку. Очень скоро Серега понял, почему варяг взял себе эту лошадку, а ему отдал Пепла. Жеребец был значительно толковее и спокойнее. Уже через несколько недель он стал понимать и выполнять голосовые команды и никогда не устраивал сцен, вроде битья задом и попыток укусить хозяина. Кобылка же — пыталась. Но с варягом такие номера не проходили. Зато Пепел был добряк, что для начинающего всадника — плюс, а для боевого коня — минус. Однако к зиме, под мудрым руководством варяга, уда-

лось внушить жеребцу кое-какие понятия о том, когда и кого можно и даже должно ошарашить копытом по макушке. Впрочем, если у Духарева и возникала мысль, что после приобретения лошадей занятия его сведутся к одной верховой езде, то он быстро убедился в ее ошибочности. Уроки, преподаваемые варягом, были интенсивны и разнообразны. И их в равной мере нельзя было назвать ни приятными, ни спокойными. Единственное исключение — строительство конюшни.

Глава пятнадцатая,

в которой Серега Духарев заглядывает в омут и обнаруживает у себя дар ясновидения

— Пей! — Рёрех протянул Духареву деревянную фляжку.

Серега понюхал... М-да! Оставалось надеяться, что вкус лучше запаха. Духарев зажмурился и, стараясь не дышать, втянул содержимое фляжки. Вкус был не лучше. Хуже. Вяжущее, как неспелая хурма, и жгучее, как чилийский перец. Серегу аж передернуло.

— Это что, гнилой мухомор или настойка бледной поганки? — кривясь, сострил Духарев.

— Нет,— совершенно серьезно ответил варяг.— Это другие грибы. Не *плевать*! — рыкнул он грозно, увидев, что Серега собирается сплюнуть.— Давай полезай на ветку, сядь туда, в развилку, и смотри в воду.

— А чего там?

— Омут. Лезь!

Серега вспрыгнул на толстую ветку, пробежал по ней, наслаждаясь собственной ловкостью, до развилки, сел верхом.

— Не так! — рявкнул варяг.— Скрести ноги!

Духарев послушно поменял позу. Под ним была ровная черная вода с зелеными рисками ила.

— Просто сидеть и смотреть? — спросил Серега.

— Да. И думай о том, кто думает о тебе. Это все.

Не оборачиваясь, Духарев следил, как уходит варяг. Слушал, как мнет траву деревяшка, как поскрипывает кожа. По

звуку он чувствовал расстояние и направление так хорошо, что мог бы навскидку, с разворота послать стрелу... От которой наставник, впрочем, увернулся бы.

Во рту и горле все онемело. Экую дрянь он выпил, честное слово!

Серега поглядел вниз. Черная, как смола, вода, гладкая. Без единой рябинки. Над ухом раздалось ликующее зудение комара. Скоро слетится целая орава. На прощальный осенний пир. Серега не обращал на комаров внимания. Его всерьез прикололо, что лесные звуки как будто стали намного отчетливей. Ну точно! Это началось, когда уходил Рёрех, только Духареву тогда это показалось естественным. Оказывается, не совсем. Раньше такого не было. Чтобы он различал каждый насекомий цвирк, шелест каждого куста... Нет, такого с ним точно не было. То ли он вдруг страшно окрутел, то ли дело в варяговом зелье. Последнее более вероятно.

«Кто же обо мне думает? — подумал Духарев.— Родители? (Надо же, вспомнил!) Нет, родители — это вряд ли. Папаша думает только о марках и конкурентах-филателистах, а мать шляется со своими онанистами-евангелистами и учит, как Бога любить. По-американски. Нет, хорошо, что Серега — поздний ребенок, и нет у него младших сестер-братьев, с такими-то родителями. Хотя, в сущности, их ли это вина? Не поперли бы папку с работы, и не превратилось бы хобби в призвание. И не дал бы он маме в это говно влезть...»

«Можно подумать, ты — замечательный сын...» — сказал он сам себе самокритично.

«Так кто же обо мне думает?» — вернул себя Духарев к теме занятия.

Тут же понял — кто. И попытался увидеть в черном зеркале. Сначала, конечно, не увидел ничего. А потом поверхность воды вроде как поплыла вверх («Или это я падаю?» — успел подумать Серега.), встала у ног, под самой развилкой, и он увидел. Четко. Как на экране монитора. Сразу обоих. Сладу и Мыша. В лавочке. Серега подумал, что надо бы удивиться, но почему-то не удивился. Только смотрел, как Мыш, сосредоточенно, высунув кончик языка, шьет что-то кожаное, а Слада перебирает крупу на струганом столе и, кажется, что-то напевает. Но звука не было. У Сладиных босых ног вертелся пятни-

стый щен размером с крупную крысу и примерно такого же вида и цвета.

«Надо же,— подумал Духарев.— Где они такого ублюдка нашли?»

У Сереги запершило в горле. То ли от нежности, то ли от дедова зелья. Захотелось сгрести обоих, расцеловать Сладу, потискать Мыша... Захотелось спрыгнуть с ветки... туда. Только Серега не мог. Ног не чувствовал. И еще вертелась где-то на задворках сознания мыслишка, что *туда* прыгать — *нельзя*.

Слада закончила с крупой, щенок напрудил на пол, и его выгнали.

«Слада, Сладушка!» — мысленно позвал Серега. Он ужасно захотел, чтобы она повернулась, захотел заглянуть ей в глаза... И она повернулась к нему. Или он сам как-то ухитрился... Ее нежное лицо вдруг стало совсем близко, черные загнутые ресницы почти касались Серегиных бровей, он видел каждый волосок...

Но Слада-то его не видела.

Внутри Духарева что-то оборвалось... И Мыш со Сладой пропали. Вместо них появился завернутый в меха мужик примерно Серегиных лет, который лежал на спине, на какой-то деревянной решетке. Кожа у лежащего была очень бледная — до подбородка. От подбородка до переносицы — загорелая до черноты, а выше — снова бледная. Этого человека Духарев точно видел в первый раз в жизни. Мгновением позже лежащего заслонила чья-то спина, а еще через секунду хозяин этой спины обернулся... и встретился взглядом с Духаревым. В какой-то миг Сереге показалось, что этот человек тоже его видит. Наверное, так и было, потому что тот мотнул головой, словно отгоняя наваждение...

Серегина голова моталась из стороны в сторону, потому что Рёрех методично лупил его по морде: слева, справа, слева, справа...

— Х-хорош...— выдавил Духарев, и поднятая для очередной оплеухи ладонь замерла.

Серега лежал на песочке, варяг стоял над ним на коленях, и физиономия у него была, мягко говоря, озабоченная. Это у Рёреха, который даже из трясины вытаскивал Серегу в последний момент и с ехидной усмешечкой.

— Ты чего? — удивленно спросил Духарев.

Но тревога уже сошла с лица варяга.

— Выкарабкался, значит,— проворчал он обычным голосом.— Сядь, чего разлегся!

Серега сел и сразу почувствовал, как накатила слабость. И голова заболела.

— Видишь как? — спросил Рёрех.

— Мутно,— ответил Серега.

— В глазах не двоится? Тени видишь?

— А чего бы мне их не видеть? — удивился Духарев.

— Где видишь?

— Да вот! — Серега, крайне удивленный, показал на собственную тень на песке.

— Я про *другие* тени спрашиваю! — рявкнул варяг.— Видишь — нет?

Серега потер лоб. Соображалось плохо — башка буквально раскалывалась.

— Нет,— проговорил он.— Других теней не вижу, только обыкновенные.

— Ага,— сказано было таким тоном, что не понять: хорошо или плохо то, что Духарев не видит этих самых «других теней».

— В седле усидишь? — спросил Рёрех.

— А может, я тут останусь? — пробормотал Духарев.

Мысль о том, как отзовется на тряску его несчастная голова, не принесла радости. Оно, конечно, воин должен стойко переносить боль, но совсем не обязательно при этом быть мазохистом.

Вместо ответа варяг взял Серегу за бородку, запрокинул ему голову, заглянул в зрачки.

— Нет,— отрезал он.— Здесь не останешься.

Ухватил Духарева ладонью за затылок и вдавил железный палец Сереге в лоб. Чуть повыше бровей. Боль, только что бывшая просто нестерпимой, превысила всякие пределы — Серега не удержался, застонал. Но вырваться и не пытался. И правильно. Достигнув максимума, боль внезапно исчезла. Совсем. Обратилась в звенящую пустоту.

— Как ты это сделал? — восхитился Духарев.— Научи!

Варяг отрицательно покачал головой.

— Вставай и пошли,— сказал он.— Не знаю, как ты, репка-сурепка, а я проголодался.

Глава шестнадцатая

Туманные тропы предназначения

Этот же эксперимент они повторили еще два раза. Недель через шесть, на том же самом месте, но уже ночью, безлунной и безветренной. Серега сидел и глядел, а Рёрех стоял над ним, держа в руке факел. А третий, последний раз — уже зимой и опять там же, над омутом, но на сей раз Духареву пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорубить лед, и сидел он уже не на ветке, а на толстом войлоке.

Слады и Мыша он больше не видел. Один раз, совсем недолго, видел того незнакомого человека, уже не завернутого в меха, а нормально (по-местному) одетого, с заметным усилием ворочающего большое и, вероятно, тяжелое весло. Еще Серега видел какую-то молодую женщину, очень сердитую и тоже незнакомую. Прочие образы были совсем смутными, особенно — по третьему разу. Хотя именно к третьему «глядению» Рёрех поставил Сереге совершенно конкретную задачу. Думать, за каким таким хреном он, Духарев, явился сюда из мира духов или из какого там он мира явился...

Нельзя сказать, что Сереге ответ на этот вопрос был безразличен. Сам он уже раз триста задавал его себе. Особенно когда от перегрузки или еще по какой причине не мог сразу заснуть. Иногда Духареву представлялось некое инфернальное существо, выдергивающее его, Серегу, из катящейся по трассе машины и зашвыривающее в сей дивный мир. Дабы он, Духарев, изменил его к лучшему: наказывал зло, освобождал царевен и творил добрые дела. Правда, образы, возникавшие у Сереги в сознании, больше напоминали всякие фантастические фильмы, а могущественное существо подозрительно смахивало на дедушку варяга. Ах, мечты, мечты... Нельзя сказать, что неведение относительно своего «великого предназначения» очень огорчало Серегу. Где-то в глубине души Духарев был уверен, что рано или поздно все и так станет известно и торопить события — чревато. Потому что единственное действительно неоспоримое доказательство существования посмертного бытия человек может получить только в одном случае. Более того, всякий человек получит его наверняка. Когда по-

мрет. Экспериментировать же в этой области Духареву как-то не хотелось.

Пожалуй, Рёреха вопрос о предназначении Духарева волновал значительно сильнее, чем самого Духарева. Потому что варягу страшно надоело жить в лесу и хранить священное место, как велел ему когда-то волох. Дедушка все еще лелеял надежду, что Духарев — тот самый кадр, которому можно будет передать бессрочную вахту. То, что Серега — крещеный и, следовательно, не очень-то близок по духу местным божествам, конечно, смущало. Но с другой стороны, Духарев проявлял недюжинные способности во всех науках, в коих натаскивал его варяг. А науки эти, издревле, от варяговых пращуров, да и не только варяговых, но и прочих славянских, что полян, что ильмян,— считались вотчинами исконных местных богов, в особенности же — воинственного и кровожадного Перуна. О Христе же варяг имел понятие самое поверхностное и считал его почему-то покровителем богатства. Логика его была проста. Кто поклоняется Перуну — тот здоров насчет подраться. А кто поклоняется Христу, у того карманы полны злата. Вот те же ромеи: грабят их, грабят, а богатства их все прибывают. Потому что христиане. Спорить с ним Духарев даже и не пытался. Ему ли, символ собственной веры помнившему через слово, наставлять закоренелого язычника. Пусть лучше язычник Серегу научит грибную шляпку копьем подхватывать. В галопе.

Язычник учил. Честно. А когда понял, что Духарев воинскую науку освоил вполне прилично, а можно ли его брать в ведуны — своими силами не выяснить, Рёрех решил прибегнуть к помощи специалистов. Но это случилось позже.

Глава семнадцатая

Медвежья охота

Мишку они выследили еще осенью, до снега. Выслеживали аккуратно. Не потому, что боялись. Не медведица с медвежатами, чай, а здоровенный лесной хозяин. Такой зря рисковать не станет, предпочтет убраться с человечьей дороги. Вот то-то

и оно. Уйдет — и ищи его потом. А так — вот он. Хороший мишка. Жирный. Такой как осенью заляжет — так до самой весны проспит.

По указанию наставника Серега наблюдал за зверем очень внимательно. Как ест, как двигается, как купается. Днем наблюдал, а вечером слушал варяговы байки про варяжских воинов, что у могучего мишки воинскому делу учились. А иные даже сами медведем перекидывались при необходимости. Сила зверя, помноженная на человеческий ум и отвагу (сам-то мишка трусоват), вершили чудеса. Тем более что такого оборотня сталь не берет, а только особое, с наговором, оружие.

Серега в байки насчет оборотней не очень-то верил, тем более что Рёрех честно признался, что таких, перекидывающихся, сам он не видел, а только байки слыхал. А вот к «звериной» технике относился серьезно. Еще с «той», цивилизованной жизни. «Школа богомола», «школа обезьяны»...

Один из варяговых горностаев взобрался на Серегино плечо. Только так их Духарев и различал: один признал нового человека, второй — нет.

Несмотря на немалый рост, Духарев предпочел бы «школу горностая» «школе медведя». Рядом со стремительным, обтекаемым, как пуля, зверьком Топтыгин выглядел неуклюжим увальнем.

Медведь перестал есть обычную пищу, зато жрал траву, какую-то глину... в общем, малосъедобные вещи. Постился по-своему, по-медвежьи.

— Скоро заляжет,— определил Рёрех. И точно. Мишка еще несколько дней пошатался по лесу, помечая территорию, а потом забрался в берлогу под вывороченной старой березой и больше не объявлялся.

— Всегда тут спит,— заметил варяг.

— Зачем тогда мы его пасли? — осведомился Серега, который предпочел бы не за мишкой ходить, а лишний раз с мечом или копьем поработать.

— Надо — вот и пасли,— отрезал варяг.— Больше сюда не ходи. Пускай спит до времени.

За мишкой пошли после третьего снега. Точнее сказать, после зарядившего на целую неделю снегопада. Пошли на лыжах,

коротких и широких, подбитых снизу остистым мехом. На голове у Духарева красовался шлем, похожий на строительную каску: формой и натянутыми изнутри кожаными ремешками. Правда, в отличие от каски, шлем был довольно тяжелый, да еще «украшенный» прицепленной к краям кольчужной бармицей. На плечах у Сереги, под курткой из лосиной шкуры, наличествовал пластинчатый панцирь. Вообще-то его полагалось надеть не под, а поверх куртки, но он и так еле налез. Вооружен был Духарев крепкой рогатиной с упором и узким топором на длинной рукояти. Серега предпочел бы меч, но Рёрех велел взять топор. Что ж, ему виднее. Сам варяг ничего, кроме лука, не взял.

— Может, добуду кого,— заметил он.— А мишка твой. Сам и завалишь.

Если бы Серега не знал точно, где медвежья берлога, так и не нашел бы. «Вентиляционная» дырка в снегу оказалась прикрыта молоденькой елочкой. Заметить слабый парок, выходящий из отверстия, было практически невозможно.

— И что теперь? — спросил Духарев.

— Палку подлинней сруби да пошуруй внутри,— сказал Рёрех.— Вот он и вылезет.

Серега послушно вырубил шест, сунул его в сугроб и принялся шуровать.

Из берлоги раздалось недовольное ворчание. Серега выпустил шест и поспешно схватил воткнутую в снег рогатину.

— Еще шебурши! — недовольно буркнул стоящий поодаль Рёрех.— Это он во сне бурчит.

Серега снова взялся за палку.

Рычание стало громче...

— Счас полезет! — крикнул варяг.

Когда его наставник сказал «полезет», Серега именно так себе это и представил: из сугроба медленно вылезает недовольный мишка. Представление это было правильно только в одном. Мишка действительно оказался недоволен. А точнее сказать: очень недоволен! Просто в бешенстве. И то, что произошло в следующий миг, меньше всего соответствовало ленивому слову «полезет».

Сугроб внезапно взорвался. Как будто гранату внизу рванули. И в этом снежном гейзере как-то сразу материализовался стоящий на задних лапах здоровенный медведь.

Мгновение назад его и в помине не было — и вот он уже здесь и летит на Серегу, размахивая лапищами. А лапищи эти машут уже над Серегиной головой. Удивительно, что Духарев успел отбросить шест и схватить рогатину. Но он успел — и дальше, на рефлексе, всадил ее в мохнатую мишкину тушу...

Тр-ресь! — рогатина с хрустом переломилась, Серега полетел в сторону, а мишка пронесся мимо, с шумом упал на четыре лапы, развернулся со скоростью фигуриста, снова встал на задние лапы и, ревя, попер на глупого человечишку.

Серега, однако, успел вскочить на ноги и даже высвободить из петли топор.

Первый удар он нанес мишке прямо в морду... И мишка смахнул этот удар небрежным движением лапы, а второй лапой треснул Духарева по голове. Серега успел присесть, и медвежьи когти, лязгнув, вскользь проехались по шлему. Духарев отпрыгнул вбок, пропуская зверя мимо, и, широко размахнувшись, двумя руками всадил топор в бурую свалявшуюся шерсть медвежьей спины. Он услышал громкий хруст и тут же — рев такой силы, что захотелось присесть и заткнуть уши руками. Но он этого не сделал, а выпустил рукоять безнадежно застрявшего топора и шарахнулся в сторону. Медведь на мгновение потерял его из виду, и этого мгновения хватило, чтобы Серега успел вынуть из чехла нож.

А зверь уже снова шел на него, прорываясь сквозь мягкий белый снег, обильно пачкая его кровью, но не проявляя ровно никаких признаков слабости.

Духарев отступал, сжимая в руке нож, но сама мысль о том, что эдакую махину можно остановить двадцатисантиметровым ножиком, казалась столь же забавной, как попытка детской лопаткой остановить самосвал.

Внезапно, сквозь медвежий рев, до Серегиного слуха донесся громкий шлепок — и он увидел, как шкура на мишкиной груди лопнула и из длинного меха сам собой вылез красный цветок.

Медведь рыкнул как-то по-особому, удивленно, повалился на бок, и Духарев увидел варяга, сжимающего лук с наложенной стрелой.

Не опуская лука, Рёрех прохромал по окровавленной траншее в снегу — к медвежьей туше, остановился в трех шагах, оглядел ее и вернул стрелу в колчан.

— Готов,— удовлетворенно сообщил он.— Как он тебе, Сергей? Хорош?

— Нет слов,— подавляя дрожь, ответил Духарев.

Снял шлем и поглядел на оставшиеся на металле следы когтей.

— Сам цел? — спросил варяг.

— Вроде бы...

Удивительно, но царапины остались только на шлеме. Серегу зверь не задел ни разу.

— Тогда давай живо за лошадками,— распорядился Рёрех, вынимая из единственного сапога кривой нож.— А я пока мишкой займусь.

Глава восемнадцатая

Стрельба по живым мишеням

Неожиданно ударил мороз. Да такой, что у деревьев стволы трещали, градусов тридцать. Что особенно поразило Серегу, так это то, как быстро, едва ли не за одну ночь их лошадки от ушей до копыт обросли мохнатой шерстью. Люди на такое были не способны, поэтому время занятий на свежем воздухе пришлось ограничить, а тренировки с луком и вовсе отложить. Внутри священного дуба, на гранитном камне с естественным углублением посередине, теперь все время горел костерок, над которым, следуя указаниям варяга, Серега установил некое подобие шатра. Материалом для шатра послужила ткань, вымазанная глиной. Конус заканчивался толстой кишкой из той же ткани, выставленной в дупло на «втором этаже». Такая отопительная система, с точки зрения Духарева, была довольно-таки пожароопасна, и дыму от нее было изрядно, но грела нормально. К ночи камень прилично нагревался, а в углублении накапливался изрядный слой углей, на которых можно было и котелок вскипятить, и медвежатину поджарить. Как-то раз варяг развлек ученика фокусом: зачерпнул этих, еще красных углей голой рукой и с полминуты пересыпал с ладони на ладонь. Затем объяснил, как он это делает и что чувствует, а потом предложил Духареву сделать то же самое. Серега отка-

зался. Он видел, что на руках Рёреха не осталось ожогов. Он понимал все объяснения. Теоретически. Практически же — опасался.

— Как же тебе тогда ноги сожгли? — поинтересовался Духарев.

Рёрех только головой покачал, словно удивляясь скудоумию своего ученика, который не видит разницы между дружеским хлопком и ударом секиры по хребтине.

Спали они наверху, где воздух был почище и угарный газ не скапливался.

Морозы стояли четыре дня, потом потеплело, и варяг повел Серегу на расстрел.

Натурально.

Поставил Духарева посреди заснеженной полянки в тридцати шагах от себя и принялся лупить стрелами. Хорошо хоть тупыми, без наконечников. Бил, конечно, не в полную силу, но даже сквозь куртку мало не казалось. Серега сначала пытался, аки японский ниндзя, эти стрелы ловить. Но стрелы не копья. Проворный варяг ухитрялся выпускать их пачками, штуки по три в секунду, и поймать Серега успевал от силы одну. Остальные, будь на них жала и бей варяг в полную силу, продырявили бы Духарева, как шампур — цыпленка. Так что хватать стрелы ручками Серега бросил, а просто отмахивался рукавицами, как медведь — от пчел. Так и развлекались. А когда колчан варяга пустел, расстреливаемый получал передышку, то есть бегал туда-сюда, собирая стрелы. Как только у Сереги наметился прогресс, Рёрех тут же усложнил задачу. Обмотал концы стрел меховыми обрезками и стал бить в полную силу. Вот тут Сереге жить стало непросто. Теперь он уже не столько отбивал, сколько уворачивался. Но одна из трех стрел непременно ставила Духареву новый синяк. Садист-наставник был доволен. И после обеда, в виде поощрения, разрешил Сереге использовать меч. Вот это было совсем другое дело! Полчаса — и весь учебный арсенал варяга был приведен в негодность. Для последнего испытания варяг не пожалел двух настоящих, боевых стрел. И наконечники не защитил. Серега отбил обе!

Рёрех был очень доволен. Духарев был доволен еще больше. Он чувствовал, что его тело превратилось в послушный и эффективный механизм, наделенный к тому же самостоятельной

волей. Нет, слово «механизм» здесь было не совсем уместно. Скорее, тело стало подобно обученному коню, которому нужно только скомандовать «вперед» и слегка хлопнуть пятками. А уж конь сам разберется, с какой ноги шагнуть и куда ее поставить.

На следующий день Серега с Рёрехом играли в прятки. То есть варяг прятался, а Серега должен был его выследить, обнаружить и не дать себя застрелить. Казалось бы, элементарная задача, учитывая выпавший снежок и неполное количество ног у прячущегося. Но из дюжины попыток Духарев сумел благополучно закончить только две. И то потому, что успевал отреагировать на скрип тетивы и нырнуть в сугроб.

Глава девятнадцатая

В пути

В день, когда Серега и Рёрех отправились на капище, тоже снегу навалило — по грудь. Но день выбрал варяг, руководствуясь собственными соображениями.

— Погода устоится. К празднику поспеем.

О каком празднике шла речь, уточнять не стал. А уж насчет погоды он никогда не ошибался. В синоптиках ему бы цены не было.

Лошадки фыркали паром. Нелегко им идти по глубокому и рыхлому снегу. На лыжах Серега за день прошел бы столько, сколько они отмерили за три. Один прошел бы, без Рёреха. Но без Рёреха волохи, может, и разговаривать с Духаревым не станут. Да и хрен бы Серега по собственной инициативе поперся за сто верст к этим колдунам. Не доверял им Серега. Очень хорошо помнил, как в Скольдовом кремле такой вот сивобородый придурок с оленьими рогами на башке орал, стуча по полу палкой:

«В огонь кощуна!»

Духарева то есть.

Но в Серегину башку, еще в соплячьи годы, было прочно вбито:

Пункт первый. «Сэнсэй всегда прав».

Пункт второй. «Сэнсэй никогда не ошибается».

Пункт третий. «Если сэнсэй ошибается, смотри пункт первый».

Кто научил Серегу мечом орудовать? Рёрех.

Выходит, кто такой Рёрех? Сэнсэй.

Сказал Рёрех: идем к волохам? Сказал.

Не согласен? Смотри пункт первый.

Пепел шел первым, прокладывая путь. Время от времени Духарев давал ему передышку: вставал на лыжи и бежал впереди. Заодно к следам приглядывался. Следов было много; больше всего птичьих и заячьих. Попадались, впрочем, и лисьи. И волчьи. Может, кто-то из тех волков отметился, что уже вторые сутки за ними тащатся. Наглые зверюги до невозможности. Вчера, когда поднимались на холм, Серега их видел. И даже хотел стрелой угостить, чтоб не наглели. Варяг не позволил. И в результате эти твари всю ночь вертелись поблизости и лошадей нервировали. А с рассветом пропали.

— Лось! — внезапно произнес Рёрех, останавливая кобылку.

Глубокий след шел поперек их пути.

Пепел тоже остановился. Духарев соскочил в сугроб.

Варяг с седла рассматривал след, потом снял с головы шапку, почесал затылок и изрек:

— Сергей, сбегай возьми его.

Вот те раз — тещины блинки! Сэнсэй сказал! Иди и возьми. Не с полки пирожок, а животину под тонну весом. Которая мало того что прет по снегу, как «Буран», так еще копытом волчью башку с удара проламывает.

— У нас же есть мясо, дед! — запротестовал Духарев.

— У нас, может, и есть, да до капища уже близко, и негоже к волохам без подарка идти,— наставительно изрек варяг.

— Да я за ним неделю гнаться буду,— тоскливо, понимая, что уже не отвертеться, проговорил Серега.— И то не факт, что догоню. А догоню, как я буду такую тушу тащить? На горбу.

— На волокушке,— спокойно ответил Рёрех.— Не шуми. Ты его быстро возьмешь, он молодой и устал.

— Откуда ты знаешь?

— На след погляди.

Серега поглядел. Ну ямы и ямы.

— След малый, и вишь, как копыто ставит,— Рёрех, наклонившись с седла, показал острием рогатины.— Вишь?

Серега смотрел. Но не видел. Наука чтения следов давалась ему не в пример труднее, чем фехтовальная техника.

— Ладно,— буркнул он и принялся отвязывать лыжи.

Верхами по снегу за лосем гоняться бессмысленно.

Экипировавшись, Духарев закинул повод на дедово седло.

— Бей охотницким срезом,— наставительно произнес варяг.— В шею бей. Жилу порвешь — не уйдет.— Как будто Духарев раньше лосей не бил.

— Понял, не дурак,— проворчал Серега, толкнулся и побежал, легко подминая снег.

Одна приятная новость: до места базирования волохов уже недалеко. Хотя, если вдуматься, куда спешить? Здоровая и интересная жизнь, нормальные мужские развлечения. Что бы он сейчас в Питере делал? Гонял в чужой тачке по слякоти, считал бабки, шмыгал носом, перемогая очередной вирус... Ну, еще сидел бы с корешами в кафе и водку кушал. Да предложи он Димке или Вовану с луком на лося поохотиться, они от восторга икру черную метать начнут. Нет, нечего Духареву на судьбу пенять! Вот только без девочек скучновато. Еще месяц-другой — и Серега дедову горностаиху трахнет, честное слово!

Глава двадцатая

Лось

Сэнсэй, как всегда, оказался прав. И часа не прошло, как Духарев углядел между стволами темно-серый бок.

Серега воткнул в землю рогатину, очень осторожно стянул налуч. Тетиву он поставил загодя. Откинув крышечку с колчана, Духарев по перу определил ту стрелу, которая с широким наконечником без зазубрин: охотничий срез. Вытянул, наложил. Ветерок холодил Сереге в правую щеку, поэтому он принял влево, тихонько, по дуге, заходя с подветренной стороны.

Лось, точно, оказался небольшой, безрогий. Рылся в снегу, выщипывал из-под сугроба свой лосиный хавчик.

Серега подобрался к нему шагов на тридцать, пристроился за деревом, выпрямился...

Над головой заорала сорока.

«Ах ты падла!» — подумал Духарев.

Лосек вскинул горбоносую морду, понюхал, ушами пошевелил, поглядел в Серегину сторону... Серега приник к стволу...

Не углядел его зверюга, снова уткнулся в снег. Духарев медленно натянул тетиву...

Щелчок! Тетива мощно хлестнула по рукавице и загудела. Лось подпрыгнул... И чуточку припоздал. Стрела успела раньше. Вошла на ладонь ниже того места, куда целил Духарев, но вошла вроде хорошо. В горло.

Лось захрапел и большими прыжками кинулся прочь. Серега — за ним. Лосиная кровь ярко выделялась на снегу, так что даже такому хреновому следопыту, как Духарев, потерять след было мудрено.

Метров через пятьсот Серега увидел свою стрелу. Может, сама выпала, может, сохатый копытом сковырнул. Стрела была попорчена, но наконечник, весь в алой крови, целый. Духарев стрелу подобрал.

Между тем прыжки зверя становились короче, а крови, до земли проплавлявшей снег,— больше.

И пятнадцати минут не прошло, как Серега снова увидел зверя.

Лось лежал на снегу, голову еще держал, но она упорно клонилась книзу. Вокруг лежки все алело от крови.

Серега, не сбавляя шага, двинулся к зверю. Лось вскинул голову... и вскочил!

За те пару секунд, когда разъяренный сохатый летел на него, Духарев успел остро пожалеть о том, что оставил рогатину. А меч свой, в ножнах, к седлу притороченный, он вообще как наяву увидел. Громадная зверюга неслась на Серегу с каким-то утробным ревом... Духарев отпрыгнул (на лыжах!) в сторону, шарахнулся за дерево. Лось живым снарядом пронесся мимо... и уткнулся оскаленной мордой в сугроб.

Когда Серега, очень осторожно, подошел к нему, лось был еще жив. Но глаз его уже подернулся смертной мутью.

— Извини, бродяга,— сказал Духарев, ощущая смутную вину.— Так надо.

Чиркнул ножом по мохнатому горлу. Свистящий звук, лось дернулся и затих. Теперь он не выглядел огромным.

Серега вынул топорик, поискал взглядом что-нибудь хвойное, не нашел. Пришлось вязать волокушу из голых веток. Взгромоздив на нее тушу, Серега впрягся и пустился в обратный путь по собственной лыжне. По дороге подобрал рогатину.

Уже начало темнеть, когда навстречу ему выехал Рёрех.

Заночевали, где встретились.

Серега свалил два сухих дерева, варяг ловко расщепил их клиньями, уложил углом, комлями в костер. Лошадей привязали внутри, насыпали в мешки зерна. Сами поужинали лосиным языком и печенкой. Печенку, по требованию Рёреха, съели сырой.

Взошла луна. С луной опять пришли волки. На запах крови. Серые, поджарые, тонконогие, с виду совсем не страшные, но в действительности куда более опасные, чем какой-нибудь огромный домашний ньюф. Лошади забеспокоились, но привязаны они были качественно. Рёрех прикрикнул на них строго. Волки крутились совсем близко, нагло глядели на огонь. Огня они не боялись, боялись людей. Серега вытянул из налуча лук, но только наложил стрелу, как самый наглый зверь, усевшийся буквально в двадцати шагах, тут же вскочил и серой тенью метнулся прочь.

— Пустое,— проворчал старый вояка.— Они не полезут. Вишь, брюхи набиты.

С точки зрения Сереги, «брюхи» у волков были довольно тощие, но деду виднее.

Рёрех сгреб костровые угли в сторону. Кинул на теплое место старую медвежью шкуру.

— Давай спать,— распорядился он.— Если что — лошади разбудят.

Сереге сначала было стремно спать, когда совсем рядом тусуется волчья стая, но усталость взяла свое: уснул. Проснулся от холода — огонь уполз дальше по сухим стволам. Волки ушли. Духарев встал, еще раз сгреб уже почти остывшие угли, перетащил шкуру вместе с дедом, улегся рядом и спал до самого света.

Утром, позавтракав, смастерили из пары запасных лыж сани, привязали к ним лосиную тушу. Тащить ее пришлось Пеп-

лу. Сам Духарев, чтобы облегчить коню жизнь, пошел рядом. Так было даже приятнее, чем стирать ляжки в седле.

«Надо бы у дедушки стремена попросить»,— в который раз подумал Духарев.

Себе. Варягу стремена были без надобности. Он и с искалеченной ногой сжимал конские бока будто клещами. Серега так не мог. Старый вояка рассказывал: когда он еще маленьким был, отец давал ему круглую чурку, которую надо было держать между коленями. Сначала деревяшку, потом камень. После такой тренировки можно было без всяких стремян и конем управлять, и стрелять из лука на всем скаку. Правда, драться на мечах соплеменники Рёреха, он сам это признавал, предпочитали, стоя на собственных ногах.

Глава двадцать первая

Волохова обитель

К Волохову капищу добрались к полудню следующего дня.

На заросшем лесом холме стоял кругом невысокий тын. На тыне, желтыми «украшениями»,— черепа. Медвежьи, волчьи, человечьи, «демократично», вперемежку.

Старый вояка сполз с седла, толкнулся в ворота.

Ответом ему было злобное рычание. Не собачье, медвежье.

— Эгей! — гаркнул варяг.— Гостей привечать будем или как?

Мишка за тыном заревел еще свирепее.

— Не слышат,— заметил Духарев.

Он с большим интересом наблюдал, как исполненный сознания собственной важности варяг выйдет из ситуации.

Варяг из ситуации вышел достойно. Вскарабкался обратно в седло, откашлялся, приставил ладони к губам... и испустил леденящий душу вой такой силы, что конь под Духаревым шарахнулся, а варягова лошадка аж присела от ужаса.

На медведя по ту сторону забора могучий звук тоже, вероятно, произвел впечатление. Потому что рычать мишка больше не осмеливался.

Варяг глотнул из фляжки — промочил горло.

Ворота с натужным скрипом приоткрылись. За воротами обнаружился придурковатого вида парень, босой, в ветхой дерюжке, и скрюченная бабка с клюкой, плотно упакованная в меха.

Въехали. Парень запер ворота. Вокруг всадников завертелись кудлатые крупные псы. Собственно, их больше занимали не всадники, а лосиная туша. Варяг наехал на них. Один из обиженных его грубостью псов попытался цапнуть варягову кобылку, но схлопотал от ее наездника древком по морде и с визгом удрал. Остальных разогнала бабка, орудующая своей палкой с нестарческой лихостью.

— Никак сам Рёрех-ведун пожаловал! — проскрипела она.

Из огромной конуры выглянул мишка. Закосолапил к ним, гремя цепью. Серега взялся было за рогатину, но прикинул, что длины цепи до них не хватит, и успокоился.

— Где все? — спросил варяг, спешиваясь.

Духарев последовал его примеру.

— Дык праздник! — удивилась бабка.— Где народ — там и волохи. На требище. Здеся токо я, старая, да вон дурень. А это кто с тобой?

— Ученик.

— Ой как! И никак из кривичей? — Бабка прищурилась... И вдруг свирепо замахнулась клюкой: — Сгинь! Сгинь! Кыш отселя, злая сила!

Серега еле успел увернуться — едва палкой по голове не схлопотал.

— Взбесилась, ведьма старая? — поинтересовался он.

— Хорошо ты, Шорка, гостей привечаешь! — захохотал варяг.

— От таких гостей мясо слезет с костей! — сварливо проскрипела старуха, описывая клюкой замысловатые кривые. Пальцы ее свободной руки при этом сплетались и расплетались, образуя хитрые фигуры.

Справа от них мишка мощно скреб землю. Видно, рассчитывал подтянуть ее к себе вместе с лосиной тушей.

Старуха вдруг села на снег и часто задышала.

— Че, не выходит? — ехидно поинтересовался варяг.— Ты, старая, лучше подумай малость: стану ль я с кромешником по лесу раскатывать?

— Дык видно ж! — обиженно заявила старуха и надсадно раскашлялась.

— Да что тебе видно, осине корявой! — в сердцах буркнул Рёрех.— Давай в дом веди да кашей корми. А дурню своему вели баню растопить, понятно?

— Чего ж непонятного.— Бабка, кряхтя, поднялась со снега, отряхнулась.— Обычай знаю. Токо ежели ты кромешника привел, Медогар тя в барсука обернет. Не, не в барсука, в росомаху. Она к твоей природе ближе будет! — Старуха хихикнула и заковыляла в дом. А Рёрех с Серегой двинулись к конюшне. Судя по тому, как хорошо варяг ориентировался на здешнем подворье, был он тут далеко не впервые.

Глава двадцать вторая

Банька

Рёрех и Духарев валялись на деревянных лавках, завернувшись в льняные простыни, поочередно черпали ковшом из кадушки холодный ядреный квас (Серега предпочел бы пиво, но и квасок был хорош) и вели неспешные речи на банные темы. Начали с веничков (Рёрех отдавал предпочтение можжевеловым и дубовым), а затем как-то незаметно перешли на сакральное. До сих пор Серега считал, что хорошенько попариться полезно для здоровья и приятно для организма, ну и, разумеется, пивка попить в хорошей компании, поболтать о том о сем... И тут Духарев с крайним удивлением узнал, что варяг придает простому «помыться-попариться» ну просто мистическое значение, а парную рассматривает едва ли не как вход в преисподнюю. И каждому элементарному действию, вроде «поддать парку», придается некий особенный символический смысл. Вот бы удивились Серегины питерские кореша!

Варяг поучал, Серега слушал вполуха, расслаблялся и думал о том, что не худо бы пожрать, но вставать лениво. Рёрех отпарил его очень качественно. Ежели человек может в две руки мечами махать, так неужто с вениками не управится? Но Духарев тоже в грязь лицом не ударил и так прошелся по дубле-

ной варяговой шкуре, что у того даже многочисленные шрамы побагровели.

— ...Не слушаешь! — констатировал Рёрех, с презрением глядя на ученика.— А зря. Только и будет в тебе умения, что железом рубить да весло ворочать. Никогда те с таким понятием своим хирдом не водить!

Варяг уселся, взял свой протез, собираясь приспособить на место.

— Чем водить? — удивился Духарев.

— Хирдом, дурная голова. Так нурманы ватажку воинскую называют.

— Так я ж не нурман,— резонно заметил Духарев.

Тук! — деревянное основание протеза больно хлопнуло Серегу по макушке.

Духарев подскочил, потирая ушибленное место, с опаской поглядел на наставника.

Варяг ухмыльнулся.

— Однако, кость,— заметил он.— Я думал: деревяха.

— Шутки у тебя...— пробормотал Духарев и потянулся за одеждой.— Кормить нас будут?

— А ты понюхай,— предложил варяг.

Серега понюхал, но нос его не уловил ничего съестного.

— Горе с тобой,— сказал варяг.— Мясом жареным пахнет. Не иначе лосенка твоего пекут.

— Тогда хорошо,— кивнул Серега и нацепил цепочку с крестиком.

— Ты б его лучше спрятал,— посоветовал варяг.— Мне-то без разницы, но многие тут вас, христиан, не любят.

— Да? — переспросил Духарев.— Ну так это их трудности.

— А если сам Волох обидится?

Серега поглядел на варяга: серьезно говорит или так, испытывает?

Изуродованное лицо старика было непроницаемо.

— Ну, не знаю,— Духарев пожал плечами.— Если я крест сниму, я ж христианином быть не перестану. Неужели твой Волох без крестика во мне христианина не признает? А уж с людьми я как-нибудь разберусь. Твоими науками.

— Даже не вздумай! — строго сказал варяг.— Только попробуй здесь кровь пролить, дурень тупоголовый!

— А что будет?

— Смерть тебе будет! — отрезал Рёрех.— Волох только одну кровавую жертву принять может, а за иное — по башке да под лед.

— Ага... Понял,— пробормотал Серега. А через некоторое время спросил: — Рёрех, а о какой кровавой жертве ты говорил?

Варяг ухмыльнулся:

— Придет время — узнаешь. Если повезет.

Глава двадцать третья

Карнавал по-волоховски

Они вернулись, когда белое зимнее солнышко прошло три четверти своего дневного пути. Ввалились во двор шумной толпой, с воплями, ревом, улюлюканьем. Их было так много, что на подворье сразу стало тесно, а перепуганный мишка смылся в свою здоровенную будку и выглядывал оттуда с большой опаской. Гремели барабаны, трещали трещотки, гудели, свистели и мычали дудки, бренчали и звякали бубны, успешно соперничая с зычными глотками.

Признаться, Духарев, вышедший во двор вместе с наставником, даже слегка обалдел, увидев эдакое нашествие невиданных зверей. Он на какое-то время решил, что это нахлынула армия лесной нечисти: всяких там леших и кикимор, о которых так занимательно рассказывал Рёрех. И только приглядевшись, убедился, что это не лешие, не гориллы и даже не медведи, а просто толпа людей, обряженных в меха и шкуры, навесивших на себя всякие финтифлюшки и размахивающих совершенно уж невообразимыми предметами. Например, один здоровенный мужик в оленьей шкуре был счастливым обладателем загнутого мамонтового бивня килограммов на сорок, не меньше. Мужик приплясывал и вертелся. Выставляя бивень перед собой, мужик активно изображал из себя секс-символ.

«Если он уронит его на ногу, экстаз ему обеспечен!» — подумал Духарев. И тут его внимание переключилось на более интересные персонажи. Например, на нечто очень и очень ап-

петитное, с круглой розовой попкой и другими интересными детальками, не менее увлекательными. Это «нечто» вертелось и подпрыгивало перед самым крыльцом с такой быстротой, что меховая одежка разлеталась в стороны. Время от времени нечто приостанавливалось в очень пикантной позе, в которой под меховым прикрытием оказывалось то, что обычно доступно взгляду, а то, что, как правило, спрятано от посторонних глаз, наоборот, щедро подставлялось нежарким солнечным лучам и куда более горячему и пылкому взору Сереги Духарева. Истосковавшийся организм Сереги немедленно отреагировал, причем не ограничился слюноотделением и повлажневшими ладошками.

— Иди, попляши, попляши! — гаркнул варяг, сопроводив слова энергичным толчком в спину, от которого Духарев слетел с крыльца, воткнулся во что-то меховое, обхватил это что-то и убедился, что под мехом спряталась парочка гладеньких и теплых зверьков...

— И-и-и-и! — ликующе взвизгнула их счастливая обладательница, длинные светлые волосы которой смешались с кудлатым париком из конского волоса, взвизгнула, уткнулась головой в утоптанный снег и дернула Духарева за то, что Серега абы кому дергать не позволял. От неожиданности Духарев выпустил блондиночку, та перекувыркнулась через голову — мелькнули голые ляжки и то, что между ними,— и, еще раз взвизгнув, смешалась с прочими танцорами. Серега слегка опешил, но толпа уже захлестнула его, завертела. Кто-то сунул Духареву в руку желтый бычий рог, кто-то нахлобучил на макушку нечто вроде огромного вороньего гнезда. Все вокруг бренчало и трещало, выло и визжало.

«Ах ты мать твою! — подумал Духарев.— Гулять так гулять!» Испустил могучий клик «боевого динозавра» и завертелся, запрыгал еще шибче прочих, поскольку был сыт, свеж и силен.

Эт-то было кла-ассно! Супер! Улет!

Серега был весел и пьян в дугу, хотя даже кружки пива не выпил. Он неистовствовал, как нажравшийся «экстази» дискофил. Но он был круче! Он был такой крутой, что земля под ногами была, как батут, а руки — как лопасти турбины. Бычий рог он где-то потерял — ну и хрен с ним. Серега хватал тех, кто подворачивался под руку, и швырял вверх. Некото-

рых потом ловил, некоторых ловить забывал, но они все равно падали на мягкую кучу-малу, которая образовалась вокруг. А потом в эту кучу затянули и Серегу, и как-то так вышло, что уже через секунду Духарев оказался без штанов и прочего и ворочался, голый, на жестком меху, пока не подмял под себя какую-то ведьмочку с размалеванной черным и красным мордочкой... А затем ведьмочка красно-черная куда-то сгинула, и Серега окунулся в прелести рыженькой, как лисенок...

— Значит, это твой ученик.— Медогар, больший волох, здоровенный, почти Серегиного роста, с бородищей, заплетенной в косы, и такими блестящими живыми глазами, что впору шестнадцатилетней девчонке, а не седеющему мужичине.

— Мой,— кивнул Рёрех.

— Хорош,— отметил волох и подмигнул Духареву.— Слыхал я, Шорка тя палкой со двора гнала?

Серега оглянулся на варяга. Рёрех только ухмыльнулся.

— Было дело,— признал Духарев.

— За что — знаешь?

Серега пожал плечами.

— Может, головкой слабая? — предположил он.

— Ишь каков! — сказал не то с одобрением, не то с осуждением Медогар, обернувшись к Рёреху.— Что ты хочешь для него, ведун?

— Хочу знать,— строго произнес варяг.

— Ты — ведун,— заметил волох.

— Я не вижу,— с ощутимым недовольством сказал Рёрех.

— Что дашь?

— А чего тебе надо?

Медогар усмехнулся и снова подмигнул Духареву.

— *Моему* твой ученик люб,— сказал волох.— Не полон он здесь. Как ты. А жизни в нем — поболе, чем у тебя.

— Я старый,— бесстрастно произнес Рёрех.

— Поболе, чем у молодых, хоть и не наш он,— заметил Медогар.— Равных ему я днесь не видал. Что скажешь?

— Я *вижу*,— с упором ответил Рёрех.— Что ты хочешь?

— Крови его хочу.

«Ну вот, приехали!» — забеспокоился Духарев.

— Мало тебе той крови? — Варяг усмехнулся.

Он и не думал протестовать: похоже, вампирьи устремления волоха не вызвали у Рёреха протеста.

— Чистой крови хочу! — заявил волох.— Дашь — попрошу *моего* приподнять завесу. Не дашь...— Волох нахмурился.

— Что тогда? — с ухмылкой осведомился варяг. Грозный взгляд волоха его нисколько не испугал.

— Тогда будете гостями у нас три дня. А потом идите своей дорогой. Вражды между нами нет.

— Добро,— кивнул Рёрех.— Будет тебе чистая кровь. Он у меня парень крепкий.

Глава двадцать четвертая

Жертвоприношение

Все попытки Духарева вызнать что-то о предстоящей процедуре разбивались о глухую стену молчания. Варяг, услышав вопрос, демонстративно отворачивался. У Сереги даже появилась мысль: свалить, пока еще не поздно. Но он не очень-то представлял, как это сделать. Оружия у него не было. Гостеприимный дом, где их с Рёрехом разместили, представлял из себя один большой сарай со столами, лавками, тремя печами и целой прорвой всякого народу. Рёрех был единственным варягом в этом разномастном сборище. Но воины тут были, хоть и не варяги, и без оружия, но вполне узнаваемые. Если бы Серега твердо решил удрать, может, ему это и удалось бы. Но он, как учили, сначала прикидывал и присматривался: не бежать же в одной рубашке да на своих двоих. Эдак, по зимнему времени, и лыжи отбросить можно. В общем, пока Духарев прикидывал, да приглядывался, да, совершенно уж ни к чему, пытался угадать, с кем из этих веселых девчонок да бабенок он успел перепихнуться на шкурах под зимним солнышком, время ушло. В гостевом доме появились три внушительных волоха в волчьих шкурах и решительно двинулись сквозь толчею к Сереге Духареву.

— Пошли,— скомандовал тот, что постарше, с бородой и волосами чистейшего белого цвета.

— Иди,— сказал Рёрех.

И Серега пошел.

Повели его в баню.

— Да я мытый! — попытался протестовать Духарев, но протест был отклонен. Единственное, что смог сделать Серега, это стянуть с шеи крестик и спрятать его в кармашек сапога. На всякий случай.

После бани Духареву был устроен медицинский осмотр. В медкомиссию вошли три волоха и бабка Шорка. Обследовали его тщательно: обстукали, общупали, даже обнюхали, убедились, что ни паршой, ни геморроем Духарев не страдает, дотошно изучили каждый шрам и потертость... Особое недовольство вызвало состояние Серегиных зубов. А ведь он, наивный, считал, что зубы у него отличные. Всего полдюжины пломб.

В общем, складывалось такое ощущение, что его собираются в космос отправить, а не кровь пустить. Хотя, может, Медогар велел подчиненным удостовериться, что Серегина кровь действительно чистая.

Последней в дело вступила Шорка. Попрыгала около голого Духарева эдаким колченогим гномом, пощипала что-то из воздуха вокруг Сереги и под конец изловчилась и тюкнула его палкой по затылку. Духарев с огромным удовольствием отобрал бы у нее палку и поломал об колено. Лучше — об бабкино. Но не посмел. Уж с больно важным видом наблюдали волохи за Шоркиными манипуляциями: кивали, обменивались непонятными замечаниями. Один к одному: комиссия патологоанатомов, наблюдающая за проводящим вскрытие коллегой.

Когда Серегу в чем мать родила вывели во двор, там уже начало темнеть. У крыльца стояли крытые сани с упряжкой... из двух лосей. Серегу сунули внутрь, дали заячье одеяло, чтоб не замерз, зашнуровали вход — и тронулись.

Окна в повозке отсутствовали, но, судя по звукам, эскорт у Духарева был не маленький.

Ехали долго, Серега даже вздремнуть успел.

Возок остановился, заднюю стенку расшнуровали, и Серега вылез на свет. Вернее, во тьму, потому что была ночь.

Вокруг было много людей и почти столько же факелов. У трех опекающих Духарева волохов факелов не было.

Сереге жестами показали, куда идти, и он пошел, очень надеясь, что идти недалеко. К долгим переходам босиком по снегу Духарев был не приучен.

Серегины надежды отчасти оправдались. Пару минут они карабкались на поросшую соснами горку, а потом остановились... У входа в пещеру.

«Так,— подумал изрядно подмерзший Духарев.— Сначала в „моржи“, потом в спелеологи».

— Да иду я! — недовольно сказал Серега подтолкнувшему его в спину волоху.

Тот скроил недовольную рожу и приложил палец к губам. Дескать, подопытному говорить не положено.

Под землей было теплей, но не настолько, чтобы удалось согреться. Большая часть эскорта осталась снаружи, но когда Серега, спускавшийся вслед за двумя волохами по узкому коридору, оглянулся, то увидел позади длинную цепочку огней — и получил палкой по шее: не оборачивайся.

Целью путешествия оказалась низкая пещера с озерцом в центре. В пещере повонивало. Вроде бы тухлыми яйцами. Сереге дали понять, что ему следует влезть в озерцо.

«Накаркал! — подумал Духарев.— Посвящение в „моржи-спелеологи“».

Его ждал приятный сюрприз. Вода оказалась горячей. Градусов сорок пять. Воняло, кстати, именно от воды.

Сопровождающие выстроились вокруг и по знаку волоха, который «пас» Духарева, занялись вокальными вариациями на звериную тему: завыли, заревели, загоготали... В общем, как Серегины питерские кореша после пятичасовой пьянки: громко, заунывно, слов не понять... Зато дружно!

Выпить дали только Духареву. Волох-опекун время от времени совал Сереге в рот горлышко кожаного бурдюка. Внутри бурдюка был нелюбимый Духаревым мед, так густо насыщенный травами, что горечь полностью забила сладость.

Бурдюк был здоровый, литров на пять, и когда Серегу наконец извлекли из «ванны», от этих пяти литров не осталось и половины, а подземный мир вокруг Сереги кружился и качался, как после полутора бутылок водки.

«И с чего это я так окосел?» — подумал Серега.

Но настроение было оптимистичное.

Два волоха взяли Духарева под белы руки и повели дальше. В следующую пещеру, пошире и повыше первой.

Главным украшением этого помещения был здоровенный идол ржаво-красного цвета. Идол изображал сидящего дядь-

ку, наклонившегося вперед, упиравшегося ладонями в колени растопыренных ног. Рожа у дядьки была грубая и малопривлекательная, бородища струилась по груди и животу до самых первичных половых признаков, которые резчик изобразил с куда большим тщанием, чем идолову физиономию.

— А! — сказал идолу веселый Духарев.— Здорово, дед! Ты кто такой? — И с пьяной фамильярностью полез похлопать деревянного дядьку по мужским достоинствам.

— Не смей! — Резной посох уперся в живот, и Серега увидел Медогара.

— И ты тут? — удивился Духарев.— А ты что здесь делаешь?

Серегу подхватили и оттянули назад. Он не возражал.

— Нормально, пацаны,— пробормотал он.— Я вас всех люблю...

Четверо волохов принесли откуда-то квадратный помост и разместили меж пяток идола. Помост представлял из себя дощатую платформу, закрепленную на четырех столбиках. Поверх платформы был расстелен белый войлок, а на войлоке... привязанная за руки и за ноги, лежала на спине маленькая девчушка лет одиннадцати.

Серега с полминуты глазел на нее, изо всех сил пытаясь сосредоточиться, потом повернулся к Медогару.

— Слушай,— сказал он.— Ее-то зачем принесли? Ты вроде мне кровь пускать собрался, я так понял?

Медогар покачал головой:

— Она — твоя, человек с половиной души. Она дана тебе, чтобы ты взял ее и смешал свое семя с ее чистой кровью.

До Сереги дошло не сразу. Но когда дошло, половина хмеля тут же выветрилась из башки.

— Ты что, дед, охренел? — спросил он.— Ей же еще года три минимум в куклы играть.

— Она готова,— не пытаясь скрыть нетерпения, произнес Медогар.— Приступай!

— Да пошел ты в жопу, козел бородатый! — разъярился Духарев.— Я не садист, понял! И детей не поганю! Понял, козлина?

Наверное, главный волох не ожидал от Сереги такого фортеля, потому что он был настолько обескуражен, что на несколько секунд утратил дар речи.

Но его подчиненные действовали решительнее. На горло Сереге накинули удавку, рванули в разные стороны...

— Нет! — взревел Медогар.— НЕ СМЕТЬ! ОТПУСТИТЬ ЕГО!

Ремни ослабели, и Духарев сорвал с шеи петлю.

Он оглянулся, прикидывая, как половчее выхватить у кого-нибудь посох...

Медогар шагнул вперед и положил ладонь на грудь Духарева.

— Я понял тебя,— произнес он без гнева.— Твои помыслы достойны уважения, но ты ошибаешься. Это чистое дитя богов уже уронило первую кровь. Поверь, она жаждет близости с тобой! Это — честь для вас обоих! Присмотрись к ней...— Он взял Серегу за локоть и подвел к помосту.

Наверное, волох был прав: малышка созрела для взрослых игр. Наверное, она была симпатичная: беленькая, кожа гладкая, животик...

Наверное, зря он возмутился. У них свои обычаи, и это все-таки лучше, чем перерезанное горло.

— А можно ее хотя бы отвязать? — попросил Духарев.

— Нельзя,— спокойно ответил Медогар.— Возьми ее.

Серега присел на корточки, положил ладонь на влажное бедро и почувствовал, как малышка дрожит. Личико у нее было маленькое, круглое, губы — влажные, ротик приоткрыт...

— Я, наверно, не смогу...— пробормотал Серега.

— Сможешь,— настойчиво проговорил Медогар.— Мы знаем, как ты силен. Если ты не сможешь — *он* разгневается. Большая беда будет. Всем.

— Да не могу я...— сердито сказал Духарев.— Не понимаешь, что ли? Это твоя идея! Придумай что-нибудь!

Медогар нахмурился... Но через мгновение лоб его разгладился. Он подозвал одного из волохов, пошептал ему на ухо. Тот поспешно удалился.

Ждать пришлось почти час. За это время Серега успел допить бурдючок, а волохи — дважды сменить факелы.

Посланный наконец вернулся. И привел с собой рыженькую.

Рыженькая, очень смущенная, быстренько разделась.

— Помнишь ее? — улыбнулся Медогар.

Серега помнил. Не лицо, конечно. Лица он тогда не разглядел, но все остальное помнил отлично.

— Ну это же совсем другое дело! — Духарев расплылся в улыбке.— С ней — хоть до утра!

Медогар покачал головой.

— Она поможет тебе обрести силу,— сказал он.— Но семя твое достанется не ей. Она не девственна.

— Вот блин! — пробурчал Серега.— Как вы меня достали со своими правилами!

Он справился. С помощью рыженькой. Но осадок остался крайне паскудный. Обидно! Такой хороший день испортили!

Настроение Духарева не улучшилось, когда, пообщавшись с Медогаром, Рёрех сообщил подопечному, что тот — большой прушник. Не умей главный волох читать в людских душах — гореть бы сейчас обездушенному Серегину телу в очистительном пламени. За оскорбление божества не-действием.

Впрочем, общими результатами ночного «жертвоприношения» варяг остался доволен. Поскольку Медогар подтвердил свое обещание. Через пару дней, когда Духарев полностью восстановит силы, его снова отправят в «астральное путешествие». И с помощью волоха-человека и Волоха-бога выяснят, для чего он, Серега Духарев, явился на эту многогрешную языческую землю.

Глава двадцать пятая

Гулять так гулять!

А праздник все продолжался. День сменяла ночь, ночь сменял день... Еще в сумерках санный поезд: собачьи упряжки, сопровождаемые гурьбой лыжников — уносились на капище — к Хорсу, Дажьбогу, «светлому» Волоху и прочим «дневным» богам. Там язычники встречали солнце, ели, пили (Серега подозревал, что и в еде, и в питье — изрядная примесь наркоты),

затем катились обратно, уже в личинах, размалеванные, под бубны и дудки, с плясками вваливались на подворье, и уже через полчаса шкуры валялись на снегу, а разгоряченные тела мужчин и женщин содрогались в древнейшем из танцев. Самых выносливых хватало часа на полтора. Неплохой результат, учитывая предыдущие нагрузки. Потом был расслабон под ясным небом, под лучами Хорса, чей светлый лик за все это время ни разу не затмила тучка. Деловитые, облаченные в меха жрецы перешагивали через голые тела, раздавали и собирали чаши с горячим медом, иных, совсем утомленных, поили с рук. Тех же, кто вычерпался до донышка, поднимали и уносили в дом. Насладившись групповушкой и позагорав, народ отправлялся обедать. После обеда наступал тихий час, вернее, несколько часов, после которых веселье возобновлялось с новой силой. В программу входили катания с гор, состязания в беге, борьба (без оружия) и всевозможные игры. В играх Серега с большой охотой принимал участие, но к победе не стремился. Дух соперничества в нем как-то ослабел, что особенно чувствовалось, если Серега присоединялся к веселью пораньше и успевал до обеда и на шкурах накувыркаться, и позагорать с кайфом. Никогда раньше он не думал, что можно загорать зимой. Оказывается, можно, и совсем не холодно.

С темнотой большая часть народа перемещалась под крышу, а меньшая часть отправлялась служить Волоху-темному. Непосвященные к этому ритуалу не допускались. Они могли подождать снаружи, что было, разумеется, не так интересно, как послушать пение сказочника или поиграть в угадайку.

Они все были как дети. Безусые юнцы, розовощекие девчонки и пышногрудые тети с бородатыми дядями. Мальчишка-подмастерье и плечистый воин, чьи руки испещрены шрамами, формально были равны и наравне участвовали во всех игрищах. А вот у Рёреха и, соответственно, у его ученика статус был особый. Прямо скажем, привилегированный. Например, понравилась варягу некая розовотелая девица, подозвал варяг волоха, показал на девицу мозолистым пальцем — а вечером указанная девица, весьма польщенная, оказалась у Рёреха в постели. Серега подозревал, что он имеет такие же права, но не опускался до того, чтобы по

столь деликатному поводу обращаться к жрецам. Ему и так не отказывали.

Где-то на пятый день их пребывания у волохов Серега все же спросил у наставника, на каких правах они здесь находятся.

— Ты — на сорочьих,— ухмыльнулся варяг.

— А ты?

— А я...— Рёрех на мгновение задумался, потом нашел подходящее сравнение: — Император ромеев нанимает северных воинов, чтобы охраняли его от врагов. Этим воинам не обязательно любить императора, и поклоняться его богам тоже не обязательно, хотя и не запрещается. Воины служат императору, и он дает им деньги, пищу, женщин и позволяет развлекаться по собственному обычаю... Если они достойно несут свою службу. Я почитаю Волоха и служу ему, но я не раб ему и не жрец. Все понял, репка-сурепка?

Серега кивнул. Его такой подход тоже устраивал. Он тоже не раб языческого бога и поклоны бить ему не намерен. Но если выпал случай повеселиться, так почему бы и нет?

Однако все хорошее, равно как и плохое, рано или поздно заканчивается. В первую очередь это относится к праздникам.

Как-то вышел Серега Духарев на крылечко и увидел, как выводят из конюшни лошадок, разбирают сложенные штабелем розвальни. Увидел, как деловито суетятся вчерашние сотрапезники, а недавние подружки, смыв с бровей чернь, чистят снегом шкуры и сворачивают их рулончиками, прежде чем уложить в сани. И понял Серега — празднику конец. Началась обычная жизнь, и в этой жизни Серега им уже не нужен. Четверо гридней, может, из Полоцка, может, из Витебска или еще откуда, оседлали застоявшихся лошадок, шикуя, разом взлетели в седла. Один наклонился, вручил волоху-привратнику мешочек. Деньги, вероятно. Другой засвистел и пустил коня вскачь, обгоняя сани и пеших. Остальные пустились за ним. Звонкий девичий голос что-то крикнул им вслед.

Серега неприкаянно бродил по двору. На него обращали внимание не больше, чем на обленившихся кудлатых псов. Кто-то толкнул его в поясницу. Духарев обернулся. Мишка. Такой же неприкаянный. Серега почесал ему лоб. Мишка печально вздохнул.

— Серегей!
К Духареву спешил волох.
— Идем, Серегей! Медогар кличет.

Глава двадцать шестая,

в которой Серега Духарев снова глядит в воду и узнает довольно неприятные новости

— Будут тебе видения,— наставлял Медогар.— Будут тебе картины от тех, кто любит тя, кого ты любишь, кто думает о тебе в этот час или помнит. Но ты картинами не прельщайся! Гони их прочь и тянись в самое нутро, пока двойня своего не увидишь. А уж его хватай и держи. Он оборачиваться будет: может, змеей, может, волком иль огнем, но ты не бойся. Зла он тебе не сделает, потому что он — это ты. Держи его крепко, а как устанет он оборачиваться, то просить будет: отпусти меня. А ты ему и скажи, не голосом, сердцем скажи: «Кто ты есть, и от кого твоя силушка?» И слушай его, но уже не сердцем, потому что сердце он обманет, а разумом мертвым слушай...

А зелье уже действовало. Чувства обострились, мир стал четче и объемней, проник внутрь, стал частью Сереги. И Духарев тоже стал частью мира. Легко.

— Гляди,— велел волох, нажимая на Серегин затылок и наклоняя его голову книзу, к поверхности прозрачной талой воды. В воде плавали редкие льдинки, а сквозь нее просматривалось неровное дно медного таза.— Гляди!

Серегу потянуло книзу, нос его едва не коснулся воды...

Волох одобрительно зацокал языком. Совсем по-беличьи. Рёрех ухмыльнулся. Серега не видел, но слышал, как старый варяг самодовольно кривит рваную губу...

— Ты гляди, гляди, молодец! — внезапно ударил в ухо голос Медогара, и Серега обнаружил, что уже довольно долго сидит не шевелясь, наслаждаясь своим состоянием...

Опомнившись, Духарев посмотрел в таз. Тонкие льдинки растаяли. Вода была гладкой, темной. Теперь в ней отражался огонь лучины и, смутно,— Серегино лицо. Может, это и есть двойнь, о котором говорил Медогар?

Духарев потянулся к отражению, к воде, под нее, ощутил, как эта талая влага незримо связана со всей влагой мира. С ее источниками, реками, морями... У нее не было дна, и в эту бездонность всегда уходила жизнь. И приходила тоже из нее.

«Сейчас,— подумал Серега.— Я сделаю, что велено. Только разок погляжу, как они там».

Одной мысли было достаточно, чтобы Сергей увидел Сладу. И увидел не дома, не в лавке, а в совсем незнакомом месте, какой-то захламленной комнатушке без окон. Впрочем, занималась Слада делом привычным: растирала что-то в ступке. Минуту спустя дверь в каморку-чуланчик открылась. Слада подняла голову, и Духарев понял, что она недавно плакала. Слада встала, сделала шажок. Маленький. Ноги ее были скованы цепью!

Вошедший протянул руку, девушка вручила ему небольшой пакетик. Человек повернулся и вышел. Но в самый последний момент Духарев узнал его и вспомнил: один из приказчиков Горазда...

Сильный толчок, резкий запах, резанувший ноздри.

Духарев дернулся, отстранился, сморщился от вонючего дыма. Волох тут же загасил чадящее пламя, передал железную чашку варягу, взял другую, с питьем, влил Духареву в рот какую-то дрянь, затем крепко взял Серегу за уши и целую минуту мял их довольно жестоко.

Когда остатки транса выветрились из Духарева, а осталась только слабость и сердцебиение, волох оставил его истерзанные уши и развернул Серегу к варягу.

— Ты что сделал, репка-сурепка? — рыкнул Рёрех, приблизив к Серегиным глазам изуродованное лицо.— Я тя для чего сюда привел? Корень твоего духа искать я тебя привел! А ты, недоумок, что сделал?

— Не кричи,— пробормотал Духарев.

Язык шевелился трудно.

— Не кричи,— прошептал он.— Завтра еще раз сделаем.— И услышал короткий смешок Медогара.

— Совсем дурной,— сказал Рёрех, обращаясь уже к волоху.

— Он не знает,— отозвался жрец.— Ты ему не сказал. Завтра нельзя, Серегей. До нового месяца нельзя. Кто часто за край глядит, того туда и утянет.

— Тогда все,— Духарев встал. Его пошатывало.— Рёрех, мне надо ехать.

— Надо? — мохнатая бровь поползла вверх.

— Извини, дед! Надо! Оседлай мне Пепла. У родичей моих беда.

— Обождут,— отрезал варяг.

— Что говоришь, ведун! — воскликнул Медогар.— Что говоришь! Род — это свято!

— Да куда он такой поедет? — фыркнул варяг.— Свалится в сугроб по дороге!

По тому, как отрывисто говорил Рёрех, Духарев сообразил: дед смущен волоховым упреком. Потому что поначалу и вовсе не собирался отпускать Серегу по родственным делам.

Чихал он на проблемы духаревских родичей.

Но сейчас он был прав. Не усидеть Сереге в седле.

— Завтра и отправимся,— решительно заявил варяг.— Ты, Медогар, вот что: спать его в бане положи. Беззащитен он ныне. И девку подошли. Греть.

— Девку не надо,— возразил Духарев.— Сам согреюсь.

Волох и ведун переглянулись. И усмехнулись совершенно одинаково.

Мнение Духарева их интересовало не больше, чем мнение цепного дворового мишки. А может, и еще меньше.

— Я с ним посижу,— сказал Медогар.— Обороню. Не тревожься, ведун.

Снилась Сереге девочка на белом войлоке. Между деревянных колен идола. Серега склонился над ней, поцеловал и увидел, что это не та девочка, а его Слада. И рассердился Серега, потому что никому не разрешал приковывать ее цепями. И схватил он ближнюю цепь, и разорвал ее, как бумажную бечевку, а когда схватил вторую, то его самого схватила чужая рука. И пальцы у этой руки были из дерева: каждый — толще Серегиного запястья. Сжались эти пальцы — и захрустела кость.

Но Серега не сдался. Кинул свободную руку за спину, выдернул меч и отсек схваченную руку...

— Ой, злые ему сны снятся...— пробормотала девка, отирая пот с Серегиного лба.

— Не злые...— обронил Медогар.— Вещие.

Глава двадцать седьмая

В путь!

Старый варяг за базар отвечал конкретно. Ровно на третий день они покинули капище и отправились в обратный путь.

Еще через пять дней прибыли «домой», то есть к священному дубу. По пути Серега намекнул было, что желает побыстрее вернуться в Новый Торжок и накостылять кому следует. Предложил даже Рёреху составить ему компанию.

Насчет «побыстрее» варяг высказался в том смысле, что самая быстрая собака — это не та, которая первой кусает медведя, а та, которая после этого еще может кусаться. А насчет «составить» компанию заявил, что с таким пустячным делом Духарев и сам разберется, а если не разберется, так земля ему пухом.

Серега дулся на Рёреха весь обратный путь, но когда они оказались «дома», очень скоро обижаться перестал, поскольку по возвращении старый варяг со всей серьезностью занялся экипировкой Духарева. И снарядил его в дорогу так качественно, как сам Серега никогда бы себя не снарядил. Отдал Духареву Пепла! Вручил тугой мешочек, набитый иноземными серебряными монетами...

И еще подарил свой меч. Тот, что висел у деда в «спальне».

Подобной щедрости Серега от варяга даже и не ждал. Меч, равно как и деньги, был из воинской добычи, привезенной с юга Рёреховой ватажкой. Добычи, на которую позарился жадный плесковский воевода, но которая ему так и не досталась. А сработан меч, по словам варяга, был даже и не у ромеев, а еще дальше, и в хорошей руке мог посечь или пробить даже ромеями сработанный панцирь или без вреда принять на тупую часть клинка вражий меч. Перебить такую сталь мог разве что тяжелый нурманский топор, каким с удара разваливают щит. Но отбивать дорогим подарком топоры Серега не собирался. Равно как и без толку рубить кольчуги и панцири. Еще бы Сереге дедушкин лук... Но варяг не предложил, а Духарев попросить не решился. И так старик одарил его сверх всякой меры.

Последний вечер, проведенный Духаревым в старом дубе, был посвящен картографии. Варяг вычертил на кусках бересты

фрагменты местности, потом сложил их вместе, и получилась довольно внятная карта, включавшая в себя территорию от Новгорода до Смоленска и от Суздаля до Полоцка и Изборска. Здесь были все главные тракты и все озера и реки, большие и малые. Даже и без тайных троп — неплохое подспорье для путешественника. Серега прикинул, что понадобится не так уж много времени, чтобы добраться до Малого Торжка.

Утром следующего дня Духарев отправился в путь. Варяг проводил его до смоленского тракта.

— Я вернусь,— пообещал Серега.

Рёрех пожал плечами, мол, дело твое, повернул лошадку и уехал, а Серега целую минуту глядел вслед, ощущая, как будет ему не хватать этого замечательного деда...

Пепел нетерпеливо фыркнул, Духарев встряхнулся, поморгал, прогоняя из глаз влагу, и послал жеребца вперед. Впервые с того момента, как Духарев увидел над собой резную дубовую листву нового мира, у Сереги появилась конкретная цель. Конкретное дело. Доброе дело и ощущение силы, достаточной, чтобы это дело свершить... Что еще нужно человеку, чтобы почувствовать себя мужчиной? Да ничего!

Часть третья

ВАРЯГ

Глава первая

Старые знакомые...

Мохнатые ноги Пепла весело топали по накатанному санями зимнику. До городка оставалось всего километров десять. Серега с удовольствием узнавал местность. Именно по этой дорожке он топал, прикидывая, куда его занесло. Память услужливо показывала картинки, оставалось только сделать поправку на зимний сезон.

Из ноздрей Пепла вырывались клубки пара. Вчера на постоялом дворе Серега купил полмешка овса. Осталась четверть. И от варяговых, данных в дорогу денег — тоже осталась четверть. Но Серегу это мало беспокоило. Из-за уха у него торчала рукоять меча, за который дали бы столько серебра, что для него не кошель — мешок нужен. Но Духарев меча не продаст. Да и ни к чему. Денег он заработает, не проблема. По дороге Серегу уже дважды пытались нанять охранником. Еще бы! Благодаря росту и сложению Духарев смотрелся очень даже внушительно. А меч, да еще такой длинный, что сподручней носить на спине, а не на поясе, однозначно определял его профессию — воин. Не гридень, конечно, даже не дружинный отрок (у тех не только меч, но доспехи и прочая военная снасть), но конный и оружный. Идеальный кандидат в караванные охранники.

Было бы по пути, может, Серега и подрядился бы. Но оба санных поезда двигались на юг...

Задумавшись, Духарев расслабился. Выражаясь военным языком, утратил бдительность. Решил, что он такой важный и

грозный, что все вокруг должны три раза приседать от почтения. Лоханулся, короче. Забыл, что не по Михайловскому парку катается, а меч — не сотовый телефон. Могут и отобрать.

Удалец сиганул на него прямо с ветки. Сидел тихо, а прыгнул лихо. Кабы не стремена, полетел бы Духарев на утоптанный снежок. И взяли бы его нежным и тепленьким. Но стремя выдержало, и подпруга не лопнула. Пепел гневно заржал, вскинулся на дыбы... Серега, опять чудом, не вылетел из седла — ведь на шее у него висел «грузик» килограммов под семьдесят. Духарев вцепился в гриву, разбойнички, выскочившие на дорогу, шарахнулись от молотящих воздух копыт. Пепел под двойной ношей едва не опрокинулся, попятился, но удержался, тяжело осел на передние ноги и рванул галопом, только оснеженные ветки замелькали.

— Стой! — рявкнул Духарев.

И жеребец встал. Нет, не зря Рёрех наставлял приучать коня к голосу. Руки-ноги могут быть и заняты. Так и вышло. Руками Серега в этот момент отрывал от себя нежданного попутчика, всерьез вознамерившегося Духарева задушить. Но у Сереги были другие планы, и через секунду «прыгун» взмахнул конечностями и полетел в сугроб. Приятели «прыгуна», пустившиеся было за ускользающей добычей, разом остановились. Пешему за конным гнаться — пустой номер.

Но Серега убегать не стал. Он был сердит. В первую очередь — из-за собственной оплошности. Развернув Пепла, он поглядел на лесных хулиганов, остановившихся шагах в двадцати. Увидел, что оружия дистанционного боя при них нет, а есть деревянные рогульки очень знакомого вида. И рожи у хулиганов раскрашены очень даже знакомо.

Неудачливый прыгун тем временем выкарабкался из сугроба и припустил к своим.

Серега усмехнулся. И спрыгнул на землю.

Приласкав Пепла, он закинул повод на луку седла и не спеша двинулся к старым знакомцам. Те же убегать не спешили, напротив, разошлись полукругом, изготовились. Шестеро на одного — обнадеживающий расклад. Это потому, что они еще не видели Серегу в деле. Или наоборот: видели — и вспомнили? В таком случае шаловливых мальчиков ждал небольшой сюрприз.

Двое разбойничков, что стояли в середке, попятились. А те, что по краям,— нет. Маневр был очевиден, как мухомор на полянке. Серега сделал вид, что купился, а когда снежок заскрипел под ногами подбиравшихся со спины удальцов, оглядываться не стал, просто выдернул клинок, да и закрутил двумя слившимися воронками. Шажок назад — один хитрец прыснул в сторону, другой, напротив, сунулся вперед, понадеявшись, что его рогулька длинней клинка.

И рогулька стала на метр короче.

— Ай-яа-яй! — укоризненно произнес Духарев.— Ехал я спокойно, никого не трогал, не обижал, а вы что же?

Голос его был ровен и спокоен, хотя меч летал вокруг стрекозиным крылом.

— Ехал — и езжай,— так же спокойно отозвался один из разбойников.

Все шестеро держались от Сереги на порядочном расстоянии. Наверняка прикидывали, как, в случае чего, сделать ноги.

— Кто из вас Перша Лебеда? — спросил Духарев.

— Я,— чуть помедлив, признался тот, что говорил.

— Я тебе кое-что должен,— сообщил Духарев.— Надо вернуть.

— Давай,— ледяным голосом ответил Лебеда.

Нет, не соврал Гораздов приказчик: очень похоже, что был когда-то гриднем Перша Лебеда. Кто знает, может, он и сейчас со своей палкой стоит Серегиного клинка?

Духарев опустил меч, воткнул в снег. Под пристальными взглядами разбойников развязал кошель, выудил серебряный резан.

— Брал медью — возвращаю серебром,— сказал он и швырнул резан Лебеде под ноги.

Лебеда поглядел на резан, почти неотличимый от снега.

— Я тебя не знаю,— произнес он с легким замешательством.— Кто ты?

— Меньше знаешь — дольше живешь! — с важностью изрек Духарев.

Повернулся к разбойникам спиной и двинулся к коню. Если бы попытались напасть, он бы услышал. Но ватажка нападать не стала.

Глава вторая

...И старые друзья

Малый Торжок утопал в снегу. Сугробы поднимались до половины стен. Белая гора, белые крыши, белая шапка на кремлевской башне. А внизу — белая лента замерзшей Сулейки, исчерченная узкими полосками от лыж и широкими — от саней. У берегов чернели вмерзшие в лед причалы.

— Кто таков? — Скольдов отрок, стражник у ворот, встал на пути Духарева, предупреждающе подняв сулицу. Заметил, значит, меч за спиной.

— Не признал, Выдр? — Духарев соскочил с коня, мотнул головой, стряхивая снег с отросших кудрей.

— Серегей? — не очень уверенно спросил отрок.

— Я,— подтвердил Духарев.

— Ишь как оно! — Отрок оглядел Духарева и его жеребца с явным одобрением.— Степной коник, я чай?

— Хузарский.

Отрок опустил копье, потянулся к конской морде.

Пепел тут же прижал уши и нацелился куснуть, но Выдр убрал руку и засмеялся.

— Добрый коник,— произнес он с удовольствием.— Откуда?

— На смоленской ярмарке взял,— ответил Духарев.

— Много отдал?

— Четыре гривны.

— Не дешево...— покивал Выдр.— Отдашь мне за пять?

Серега погладил Пепла. Тот ткнулся в ладонь мягкими губами. Морковку искал.

— И за десять не отдам,— сказал Духарев.— Он теперь мой.

— Да я так спросил,— не особо огорчился отрок.— Мало ли...

— Войти-то мне можно?

— Входи,— Выдр отодвинулся, уступая дорогу, и Духарев, ведя Пепла в поводу, двинулся наверх, к родному дому.

Дом стоял пуст. Ни утвари, ни живности — ничего. Холодная печь, стылая изба. В хлеву даже сена нет. Во дворе — ниче-

го. Только ведро у колодца. Сергей ждал худого, но в самое худое верить не хотелось. И до самого конца не хотелось верить в то, что привиделось.

Серега отвел жеребца в хлев, снял сумки, расседлал, подсыпал овса.

Когда вышел, увидел соседку. Поздоровались.

— Ить ты зря тут располагаешься,— заметила женщина.— Это теперь не ваше.

— А чье? — нахмурился Духарев.

— Гораздово.

— А мои где?

— У него ж.

— Это как так? — мрачно спросил Серега.

Женщина смутилась.

— Ты лучше дружка своего расспроси,— посоветовала она.— Чифаню.

Чифаню Духарев отыскал в Любимовой лавке. Чифаня резал пояс. Тут же был и Сычок.

— Здорово!

— Здравствуй! — Чифаня даже улыбнулся сначала, но тут же помрачнел. А вот Сычок обрадовался искренне, сгреб Серегу в охапку, стиснул по-медвежьи. Духарев еле высвободился.

— О! У тя меч! — закричал новгородец. Глаза его заблестели.— Покажь!

Духарев закинул руку, привычно выдернул длинный клинок. Аккуратно, чтоб не задеть низкую балку.

— Ух ты! — восхитился Сычок.— Эк ты наловчился!

Серега не удержался, похвастал: вертанул меч двойной петлей. Сычок отшатнулся. Любой отшатнется, когда перед глазами с шорохом рвет воздух смертоносное лезвие. Любой, кроме воина. Духарев понял это — и устыдился. Бросил меч обратно в ножны.

— Чифаня,— сказал он.— Где мои?

— Горазд взял,— не поднимая глаз от работы, произнес внук Любима.

— Как?

— За навет.

— Да он...— воскликнул Сычок.

— Помолчи,— зло, не по-приятельски, а по-хозяйски оборвал его Чифаня.— Я говорю. Когда ты пропал, Серегей, Слада сказала: на вас Горазд со своими людьми напал.

— Верно сказала,— подтвердил Духарев.

Чифаня пожал плечами: теперь-то какая разница?

— Горазда в городе не было,— продолжал он.— Только к зиме вернулся. Князь полоцкий за данью приехал, и Горазд с ним. Мыш пошел на Горазда жаловаться. Я ему говорил: глупость, но он не послушался, дурачок! Пошел. А у него один видак, да и то девка. А у Горазда — полная дюжина. И гневом Перуна он поклялся: нет тебя у него, и никому он тебя не продал.

— Не соврал,— кивнул Духарев.— Я от него сбежал.

— Надо было тебе в город вернуться,— сказал Чифаня.— А так... В общем, перед Перуном с Гораздом не Мышу биться. И заступников у него не нашлось. А князь полоцкий с Гораздом дружен, вот и присудил: за лжу на княжьем суде с Мыша виру в двадцать гривен. И Горазду за навет — десять. Сроку дал — два дня.

А у Мыша всего — девять гривен нашлось. Хотел дом продать — никто не купил. Горазд — муж большой, советник, с князьями дружен, Скольд его слушает. Кто с ним ссориться станет из-за девки и мальчишки? Не добыл Мыш денег. Виру за него Горазд заплатил, а их со Сладой к себе холопами взял... Да ты не думай! — быстро проговорил он.— Горазд их не забижал! Чего ему! Он же их продать хочет весной, в Киеве или еще где. Ты плохого не думай!

— Я плохого не думаю,— процедил Духарев.— Я только хорошее думаю. Например, об одном нашем знакомце, который для друга двадцать гривен пожалел!

Чифаня побледнел, но смолчал.

— Или скажешь, что не смог бы набрать два десятка гривен? — язвительно спросил Духарев.

— Это большие деньги,— не поднимая глаз, проговорил Чифаня.— Но я бы набрал.

— И что же тебе помешало? — осведомился Серега.

— Дед запретил! — отрезал Чифаня.

Все, разговор окончен.

Серега повернулся и вышел вон.

Уже за рынком его догнал Сычок:

— Серегей! Стой! Да стой ты!

— Что нужно? — холодно спросил Духарев.

— Ты куда?

— К Горазду.

— Не ходи. Его в городе нет. Он с князем в Полоцк уехал. И твоих забрал.

— Значит, и мне в Полоцк,— отрезал Сергей.

— Ага... Понятно...— Сычок не отставал, тащился за Духаревым.— Слышь, Серегей... Ну зачем ты так? С Чифаней? — выдавил новгородец.— Он знаешь как горевал! Да не может же он старшего в роду ослушаться! Да никто не сможет! Вот ты бы смог?

— Я бы смог,— сухо ответил Духарев и ушел, оставив Сычка застывшим посреди улицы с разинутым ртом.

За время его отсутствия в Мышовом доме кое-что изменилось. Во дворе, помимо следов Сереги и Пепла, появились еще чьи-то. Некто в больших валенках прошел через двор, заглянул в дом, а затем в хлев.

Духарев подошел к хлеву. За стенкой что-то бубнил мужской голос. Хотя следы, определенно, одного человека.

Серега сильным толчком распахнул дверь...

Ба! Старый знакомец! Трещок!

Духарев недобро усмехнулся и шагнул внутрь.

Гораздов приказчик повернулся на звук.

— Ага,— сказал он совершенно спокойно.— Вернулся. Конь-то твой?

— Мой,— признал Духарев.

— Так себе конь, мелковат,— авторитетно изрек Трещок.— Гривны за полторы зачтется.

— Это ты о чем? — От Трещковой важности Серега даже слегка опешил.

— Брат твой Горазду двадцать гривен должен,— деловито объяснил Трещок.— Конь этот в уплату пойдет. В счет долга.

— А еще что скажешь? — с нехорошей улыбкой поинтересовался Духарев.

— Ты тож со мной пойдешь.— Серегиной усмешки Трещок не заметил, а если и заметил, то не понял, что она означает.

— Седло тож возьми,— продолжал он.— Седло старое, но на полгривны... Э-э-э! Ты чего это? — воскликнул он, увидав в Серегиной руке меч.— Ты чего это? — Трещок потянулся к ножу.

— Давай! — поощрил его Духарев.— Рискни слабым здоровьем!

Трещок попятился.

— Ты ж это... Биться не умеешь? — не очень уверенно проговорил он.

Пепел фыркнул. Очень уместно.

— Ты так думаешь? — ухмыльнулся Духарев... и вдруг коротко полоснул мечом. Трещок отпрянул, но недостаточно быстро. Отточенное жало клинка вспороло его полушубок от плеча до бедра. Только полушубок. Духарев пока не собирался его потрошить.

— Значит, не умею? — осведомился он, подсовывая ледяной клинок под бороду Трещка и дотрагиваясь до его горла.— Уверен?

— Н-нет..

— Жить хочешь?

— Тебе виру платить надобно будет...— пробормотал Трещок.— И головное...

— Я спросил: жить хочешь? Или — нет?

— Хочу!

— Где Горазд?

— В П-полоцк поехал.

— Мои — с ним?

Трещок покосился на уходящий под бороду клинок.

— Д-да!

— Из Полоцка до оттепели вернутся?

— Н-нет!

— Почему?! — рявкнул Духарев.

— Из Полоцка Горазд сразу в Киев пойдет! — быстро проговорил Трещок.— Сначала — к Днепру, а как вскроется — на лодьи и вниз, к Киеву.

— Молодец,— похвалил Духарев.— Живи пока.

Он убрал меч в ножны.

Трещок вздохнул с облегчением. Поглядел, как Духарев седлает Пепла.

— Значит, со мной не пойдешь? — спросил Гораздов приказчик через некоторое время.— А ежели я гридням пожалуюсь?

— Не пожалуешься,— не оборачиваясь, ответил Духарев.

— Это почему же? — запальчиво спросил Трещок.

— А вот поэтому! — Духарев мгновенно развернулся и ударил наглеца кулаком в висок. Тот упал физиономией прямо в

свежее Пеплово «яблоко». Духарев брезгливо перевернул приказчика носком сапога. Готов. Минимум полчаса проваляется.

Серега вывел Пепла (жеребец аккуратно переступил через лежащего) во двор, прыгнул в седло.

— Далеко собрался? — крикнул вслед всаднику Выдр.

— В Полоцк! — крикнул в ответ Серега.

Отрок поглядел, как уходит уверенной рысью серый жеребец, вздохнул и вернулся на свое бревнышко. Караулить.

Глава третья,

в которой Сереге представляется возможность на собственном опыте убедиться, что бывают случаи, когда хороший меч эффективней хороших законов

Санный путь сначала вел вдоль берега, а потом свернул вниз и сполз с берега на лед. Белая гладкая дорога. Слишком просторная для одинокого всадника. Ну не то чтобы Духарев был на ней таким уж одиноким... Вот побежал от берега к берегу лыжник, вот Серега обогнал санки, а вот навстречу — трое мужиков волочат здоровенную медвежью тушу.

— Эй! — окликнули Серегу.— Лошадку не одолжишь?

— Не могу, спешу! — отозвался Духарев.

Пепел, учуяв медвежий дух, заржал, шарахнулся.

— Тих-хо! — прикрикнул на него Серега, поддернув поводья.

Справа показался черный высокий тын. Городок. С высокого берега скатывались на санях ребятишки. Визжали, хохотали... Серега поглядел на них, и ему почему-то взгрустнулось.

Он тронул каблуками Пепла, и понятливый конь перешел с шага на ровную рысь.

«Все-таки как красиво у нас на Руси»,— подумал Духарев, хотя и знал, что скажи он это вслух при любом кривиче — и тот наверняка возмутится, а потом начнет толковать глупому чужаку, что русь — это там, в Киеве, дружина княжья, да старшие мужи, да варяги, да нурманы... В общем, русь — это княжье, а тут земля вольная.

Духарев усмехнулся: вольная-то вольная, а дань князю платят. И киевскому, и полоцкому.

— Молодец! Эй, молодец! — С берега, спотыкаясь и оскальзываясь, бежала баба.

Сначала Серега хотел крикнуть ей обычное: «Спешу!» — но что-то его удержало. Может то, что чесала баба к нему слишком уж заполошенно. И одета была как-то слишком легко, не по сезону.

— Стой,— скомандовал Духарев, и конь послушно остановился.

Баба подбежала, бухнулась ничком в снег, прямо под копыта брезгливо попятившегося Пепла.

— Ой, человек добрый! Ой спаси-помоги! — заголосила баба, запрокидывая вверх красное зареванное лицо.— Ой, защити, родимый, ради Хорса светлого! Оборони от убивцев-насильников, добрый человек!

«А ведь не шутит тетка!» — подумал Серега. Он спрыгнул на снег.

— Вставай! — скомандовал нарочито грубо.— Хорош выть! Поехали!

Сообразив, что дело сладилось, баба тут же умолкла, уставилась на Духарева снизу вверх с такой искренней надеждой, что у Сереги от взгляда ее что-то в груди предательски екнуло.

— Полезай! — рыкнул он, буквально забрасывая женщину на спину Пепла, хлопнул коня, и тот пошел вперед, а Духарев побежал рядом, держась за седло.

— Ой быстрей, родной, ой быстрей! — забормотала тетка.

— Ша! — оборвал ее Духарев.— Ну-ка говори толком, что у тебя стряслось.

И баба зачастила с пулеметной скоростью.

Серега понимал через два слова на третье. Общую суть. Суть же сводилась к тому, что муж у бабы — кузнец, причем живут они от мужнина рода отдельно. Сами, да две дочки, да сын, да холоп... Короче, семьей живут, а не родом, а родичи у них в трех поприщах, в городе Витебске.

И был у них недавно князь полоцкий Роговолт. То есть не то чтобы был, проезжал мимо с дружиной и дань взял. Сколько причиталось. Еще муж двух коней княжьих подковал. Задаром.

А сегодня вот заявились четверо. При оружии. Сказали: тоже люди княжьи. За данью. Да только не княжьи они, а лихие

люди. Мужа прибили, холопа вообще убили до смерти. Говорят: кажи, где серебро-злато закопано, а не то железом жечь станем да дочек насильничать. А дочкам-то десять да восемь годков! Тут баба заревела и едва не вывалилась из седла.

Духарев прикрикнул на нее, и баба замолкла. Перепугалась, что бросит.

А между тем покрыли они уже с полкилометра.

— Далеко еще? — спросил Духарев.

— Да еще два раза по столько! — всхлипнула баба.

— След твой?

— Мой,— баба еще раз всхлипнула.

След был мощный. Баба на стрессе ломила по сугробам, будто бульдозер.

— Слезай,— скомандовал Духарев.

Баба в ужасе вцепилась в седло.

— Да не бойся ты! Я один поеду, побыстрей. А ты уж как-нибудь ногами дойдешь. Дойдешь?

— Дойду,— всхлипнула баба и сползла с коня.

Духарев глянул на нее, быстро стянул куртку, бросил бабе:

— Накинь, простудишься!

Он не вспрыгнул, как обычно, в седло, а воспользовался стременем. Устал. Пепел тоже устал, и, жалея, Духарев пустил рысью, а не бросил его в галоп. Однако ж не успел он проехать и полста шагов, как увидел, что между деревьями кто-то бежит. Серега придержал коня, на всякий случай приготовился.

Бежали двое. Топали друг за дружкой по пробитой в сугробе тропе. Один — оружный, с секирой на поясе, второй — только с ножом. Первый зыркнул на всадника. Морда раскрасневшаяся, борода взлохмачена.

— Прочь! — гаркнул на бегу.

Серега подал Пепла, уступая дорогу.

Второй протопал, даже не взглянув.

Серега развернул Пепла, тронул каблуками, скомандовал:

— Шагом.

— Вон она! — заревел один из бегунов.— Вон, вон! Ах ты стервь! Волчье семя! Ах ты!..

Баба истошно завизжала.

Духарев ударил каблуками в конские бока, отпустил поводья. Пепел с ходу взял в галоп, вмиг нагнал увлеченных преследователей. Серега привстал на коротких стременах, отки-

нулся назад и рубанул не наклоняясь, длинно и мощно, точно как рубил с седла воткнутые в землю ветки. Клинок упал — и взлетел, роняя алые брызги. Снесенная голова подпрыгнула и нырнула в сугроб. Густая кровь ударила в два фонтана, а безголовое туловище еще продолжало бег, еще тянуло вперед жадные руки...

Второй — он уже хватался за Серегину куртку на перепуганной бабе — почуял нехорошее или услыхал глухие удары копыт, выпустил бабу, обернулся, рука его метнулась к поясу, где топор... Но Пепел уже летел на него грудью, разбойник явно не успевал поднять оружие. Он шарахнулся в сторону, уворачиваясь, так, чтобы оказаться слева от всадника, выиграть мгновение, поставить под удар застывшую с раззявленным ртом бабу...

Но Серега ему этого мгновения не дал. Жестоко осаженный Пепел обиженно заржал, развернулся влево, повинуясь воле всадника...

Разбойник только и успел, что вскинуть левую руку в отчаянной попытке уберечь голову. Попытке отчаянной и смешной. Лучше было б ему броситься на снег, под копыта... Клинок начисто отсек руку, полоснул жалом по груди, разрывая одежду и мышцы, отбрасывая разбойника назад, опрокидывая... Но второй, последний удар настиг его раньше. Клинок, догоняя, упал между плечом и шеей, разрубил стеганую ткань, мышцу, ключицу, увяз, рванув вниз руку всадника. Серега мощным движением кисти крутанул меч, вырвал, взмахнул еще раз. Яркие капли полетели в снег, на рассевшуюся в снегу бабу, на Серегину куртку...

Упавший задергался, щедро орошая снег собственной дымящейся кровью, захрипел и умер.

Духарев развернул жеребца движением колен, приник к его гриве, шепнул в мохнатое ухо:

— Прости, мой хороший... Марш! — И Пепел, забыв обиду и усталость, рванулся вперед.

Через несколько минут всадник с запятнанным кровью мечом вынесся к распахнутой калитке, проскочил сквозь нее, впритирку, вылетел на широкое подворье.

Серега, еще на скаку, прыгнул с седла, мельком отметил раскинувшееся в снегу мертвое тело, услыхал голоса, не из избы — из кузницы, в три прыжка одолел расстояние до дверей и ворвался внутрь.

Их было пятеро. Кузнец, прикрученный к столу, подтянутому к самому горну, две девочки и два негодяя. Одна из девочек плакала, вторая, младшая, даже плакать не могла от ужаса, потому что один из негодяев до самой шейки задрал ее рубаху, а второй держал у втянутого, бледного до синевы живота раскаленный железный прут...

При виде Духарева первый негодяй выпустил девочку, которая тихо осела на земляной пол, а второй, не раздумывая, метнул в Серегу прут.

Духарев присел, и прут вылетел во двор и зашипел, остывая в снегу.

Метнувший прут глянул туда, где стояли прислоненные к стене копья, сообразил, что до Сереги вдвое ближе, чем до оружия, подхватил первое попавшееся — тяжелые железные клещи. Тот, что держал девочку, окинул Духарева грозным взглядом.

— Пошел прочь, смерд! — раздувая ноздри, рявкнул он.— Мы — княжьего посадника смоленского гриди!

— А мне по...! — негромко, яростно произнес Серега.

Его меч описал в воздухе полудугу — смолянин или кто он там был, пригнулся, уклоняясь от удара в голову... И получил в пах.

Завизжал, как свинья.

Второй (в отваге ему не откажешь!) налетел на Духарева, размахивая клещами,— и остановился, выпучив глаза.

Жало меча выглянуло у него из спины. Негодяй силился что-то сказать, но не мог. Серега физически чувствовал, как теплеет у разбойника внутри стальной клинок... И как от этого клинка растекается леденящий смертный холод по внутренностям разбойника...

Выражение его глаз постепенно изменялось. Ярость уходила. Вместо ярости проступало некое понимание, глубина...

Серега вынул у него из рук клещи и положил на стол. И с каким-то алчным вниманием наблюдал, как смерть медленно завладевает жизнью... Наконец опомнившись, Духарев толкнул умирающего назад, и тот упал навзничь. Серега взялся за рукоять двумя руками, наступил сапогом на живот разбойника, с усилием вытянул меч, повернулся ко второму... Тот перестал визжать, жадно уставился на Серегин меч.

«Добей!» — просил его взгляд.

— Сам сдохнешь,— буркнул Духарев и принялся отвязывать кузнеца.

Глава четвертая,

в которой Серега стал значительно богаче, но к цели приблизился ненамного

Убитых зарыли в лесу. Со всем тщанием, поскольку они и впрямь носили княжьи золотые гривны, хоть были люди не Игоря киевского, а его смоленского посадника. Земля здесь, у самого торгового пути в Киев, еще считалась полоцкой, и кузнец, которого звали Чернокаш, мог бы пожаловаться Роговолту, тем более что тот совсем недавно получил свое. Но проку от этого было бы — пшик. Скорее всего, посадник смоленский отбрехался бы: мол, не мои людишки. А уж учинять розыск на своей территории точно не разрешил бы. Справедливость можно было восстановить только в одном случае: если бы вымогатели приехали в Витебск или Полоцк, а там Чернокаш опознал бы их и приволок на суд князю. Он бы, может, и приволок. Особенно в Витебске, где у него родня. Только пошли бы разбойники в Витебск? Как бы не так! А вот раскройся, что Серега зарубил княжьих «налоговых полицейских», виру ему выставят — по полной программе. По сорок гривен с головы, не менее. И даже разбираться не станут, поскольку по Правде так и выходит, а на такие деньги можно десяток гридней в бронь одеть.

В общем, зарыли поганцев основательно, хоть и пришлось попотеть, разбивая мерзлую землю. Зарыли, кровь да следы затерли, одежду сожгли, железо — в переплавку, две золотые гривны Чернокаш исплющил и разрубил на мелкие части. То же и с украшениями. Все ценное вручил Духареву, отчего тот сразу же ощутил себя богачом, поскольку серебра-злата у насильников оказалось немало. Кузнец еще и от себя порывался добавить. Он вообще не знал, как Духареву угодить. Хотел Пепла подковать, но Серега воспротивился, так как Рёрех говорил: если по камням не гонять, лошадям без подков лучше. К печали Чернокаша, никакой готовой брони для Духарева у него не было. На разбойниках были обшитые железом куртки, но шили эти куртки не на Серегины плечи. Единственное, что Духарев согласился взять,— небольшой кулачный щит с коротким торчем [1]. В общем, всерьез

[1] Торч — шип в центре щита, иногда заостренный.

опечалился кузнец, что не может как следует отдарить спасителя. Он даже жену свою ему в постель намеревался уложить, да, к облегчению Духарева, бедная баба от переживаний слегла.

В общем, уехал Духарев на следующее утро с тугим кошелем, набитыми до отказа седельными сумками, мешком отменного овса для Пепла и подробными рекомендациями, как добираться до Полоцка, у кого остановиться в Витебске (у родичей кузнеца, разумеется!), с кем в Полоцке говорить о своих делах. В суть этих дел Духарев кузнеца вкратце посвятил, и тот очень советовал силу не применять, прав не качать, а просто выкупить своих, да и дело с концом. Благо, денег на это у Духарева точно хватит.

Серега спорить не стал. Но и выкупать у Горазда ребят не собирался. Нечего ворюгу поощрять! Приедет Серега в Полоцк и потребует пересмотра дела. Теперь-то есть кому за ребятишек заступиться! Пусть мечи решат, кто прав. Серега был уверен: теперь он Горазду не по зубам. Ну, почти уверен...

Однако вышло так, что до Полоцка Серега на этот раз так и не доехал.

Глава пятая

Приятные новости

Придорожный трактир был, по местным меркам, никак не ниже, чем четырехзвездочный. Во дворе разместилось с дюжину саней. При них маялся сторож, мрачный бородатый парнище в шлеме, смахивающем на ночной горшок. На Серегу сторож глянул вполне равнодушно.

«Сани — это хорошо»,— подумал Духарев.

Он уже давно решил пристать к какому-нибудь купцу. Одинокий всадник внушает романтикам больших дорог разные нехорошие мысли. Серега был уверен в себе, но к чему рисковать понапрасну?

Первым делом следовало заняться конем. Поэтому, вручив пару резанов хозяину заведения и распорядившись насчет ужина, Серега повел своего жеребца на конюшню. Чистить Пепла Серега считал собственной привилегией. За процедурой внимательно наблюдал белобрысый парень с вороватой мор-

дой, хозяйский конюх. Выглядел конюх недовольным. Очевидно, решил, что пришлый вой мог бы и ему доверить уход за жеребцом. Ну и отстегнуть немного за услуги.

— Балуешь ты его,— пробурчал конюх, отнаблюдав всю процедуру с начала и до конца, когда Духарев заботливо прикрыл коня попоной и сыпанул в ясли полведра овса.— Он и так круглый, че его овсом кормить? Вона эти сено жрут — и ниче! А тож не клячи, войсковые лошадки. Да покрупней твоего будут! — Парень махнул рукой туда, где стояли лошади, вероятно, принадлежавшие тем, кто охранял отдыхавший во дворе санный поезд.

Серега не удостоил конюха ответом. Но, выйдя из конюшни, не отправился ужинать, а постоял снаружи с полминуты и вернулся.

Как он и предполагал, белобрысый был слишком глуп, чтобы ждать возвращения хозяина коня, и преспокойно пересыпал овес из яслей в холщовый мешок.

Духарев бесшумно приблизился и крепко взял воришку за ухо. Тот взвизгнул и тут же притих, когда Серега поднес к его носу любовно отточенный нож.

Рука конюха ослабела, и содержимое мешка высыпалось обратно в ясли.

— А у нас за воровство ухо режут,— ласково проговорил Духарев.— А у вас?

Парень побледнел.

— Тебе какое дороже, левое или правое? — тем же задушевным голосом поинтересовался Серега.

— А... И... Пожалей, господин! — в ужасе забормотал конюх.— Я больше не буду, Хорсом светлым клянусь! Не надо ухо, господин! Пожалей! Я, ей-ей, больше не буду!

— Как думаешь, не врет? — спросил Духарев, обращаясь к Пеплу.

Жеребец фыркнул.

— Врет, значит? — Серега усмехнулся и покрепче сжал мягкое ухо.

— Нет, нет, господин! — завопил конюх, хватая Духарева за руку.— Да ни в жисть, да чтоб мне лопнуть, да чтоб у меня мужество отсохло!

Пепел, которого вопли конюха раздражали, запрядал ушами и мотнул головой.

— А теперь, значит, не врет? — с напускным удивлением проговорил Духарев.— Ну тогда ладно.

Он отпустил ухо. Белобрысый тут же ощупал его, чтобы убедиться: на месте ли?

— Что ж ты мне сначала врал? — укоризненно спросил Серега.

— Да я... Да... А это он тебе сказал? А он — *кто*?

И без того круглые выкаченные глаза конюха еще больше округлились и выкатились.

— Меньше знаешь — дольше живешь,— наставительно произнес Духарев и пошел к выходу.

— То-то я гляжу, ты его овсом-то...— крикнул ему вслед конюх.

Что бы там ни надумалось в белобрысой башке, а теперь за Пепла можно быть спокойным. Теперь можно и самому перекусить. Да и с купцом заезжим побеседовать.

Купец кушал. Это был очень серьезный процесс. Челюсти купца работали, как электрическая мясорубка, борода лоснилась от жира. Даже мясистые волосатые уши принимали участие в этом процессе.

Вокруг вился восхищенный хозяин, подкладывал, подливал.

Серега уселся напротив.

— Куда путь держишь, уважаемый?

— А тебе что за дело? — пробурчал купец.

Серега усмехнулся, вытянул длинные ноги, устраиваясь удобней, спросил напрямик:

— Возьмешь охранником?

Купец исподлобья зыркнул на Духарева.

— На броню, что, не заработал? — не переставая жевать, осведомился он.

— Мне броня ни к чему,— нагло ответил Духарев.— У меня меч есть. И руки.

— Покажи,— сказал купец.

— Руки?

— Меч!

Духарев усмехнулся и вытянул даренный варягом клинок. Поднес к жующей морде, услышал, как за спиной повскакивали с мест купцовы охранники.

Их хозяин махнул рукой: все в порядке.

— Знатный меч,— признал он.— Люди мне не нужны. Но совет дам. Здесь три дня назад купец ночевал. У него товаров много и челяди тоже. В Киев идет. Такому хороший боец лишним не будет. Догонишь: скажи, что Осянник тя послал. Это я Осянник. Запомнишь?

— Запомню,— кивнул Духарев. В Киев — это не по пути.— А как его зовут? — спросил он на всякий случай.

— Купца-то? Гораздом кличут. Горазд из Нового Торжка. Слыхал?

Вот это номер!

— Слыхал,— после паузы ответил Духарев.— Я сам из Торжка.

— Ну тады точно возьмет,— кивнул купчина и еще энергичней принялся за еду.

«Это я возьму,— подумал Духарев.— И пусть попробует не отдать!»

Удача определенно не обошла Серегу вниманием.

Глава шестая,

в которой Серега узнает кое-что о местных локальных конфликтах и еще кое о чем, касающемся его самого

На ночь глядя Духарев в погоню не кинулся. Утро вечера мудренее. Тем более что к вечеру погода испортилась. Зима, видно, решила повеселиться напоследок. Именно напоследок, потому что, по Серегиным прикидкам, на дворе стоял если не апрель, то уж март точно.

Снаружи вьюжило, но в большом трактирном зале было тепло и пахло дымком. А еще съестным. И, к сожалению, человеком. Причем человеком, не злоупотребляющим мылом и мочалкой.

Серега пристроился неподалеку от очага, спиной к стене — лицом в дверям, заказал кувшин пива и потреблял его неспешно, почти не участвуя в разговоре, который вели его соседи, четверо купцовых охранников. Пятый только что ушел караулить сани. Остальным это удовольствие еще предстояло, и разговор, естественно, вертелся вокруг этой самой начинающейся

метели и, традиционно, нынешней погоды. Беседующие сошлись на том, что зима в этом году очень уж долгая, но это и хорошо, потому что плесковский воевода, сын прежнего, посаженного еще при Олеге, тоже алчный и прожорливый, как росомаха, да еще подзуживаемый своими нурманами, совсем оборзел и взялся брать с проезжающих по Ловати дорожный сбор. Словно это не тракт торговый, а его вотчина. Сын, как и отец, не боялся никого и ничего, потому еще, что Ольга, жена киевского князя,— его названая сестра. Не брал воевода только с новгородских и, по слухам, новгородским же отстегивал долю с собранного. Услыхав об этом, многие задерживали поезда, выжидали, чтобы не платить глупую пошлину, а обобранные тем временем пожаловались полоцкому князю, потому что киевскому — бесполезно. Игорь — не Олег. Да и ссориться с Новгородом ему не с руки, а Плесков — это, считай, новгородский пригород. А вот Роговолт, у которого с Новгородом и так вечные дрязги, а земля бедна, торговлей только и кормится, Роговолт воеводу приструнил: побил в поле крепко. Так, что воевода в городок свой сбежал, за стенами заперся да заслал к новгородским: помогите! Как же, разбежались!

Роговолт Плескова жечь не стал. Но обещал пожечь, если воевода не угомонится. А все знают: полоцкий князь хоть годами молод, но в сече лют, а в слове тверд.

Серега слушал и мотал на отросший ус. Рано или поздно ему придется примкнуть к кому-то из здешних политических лидеров. И тут важно было не ошибиться. А для этого следовало знать, что представляет собой каждый из вождей. Как ни странно, несмотря на отсутствие средств массовой информации (а может быть, как раз благодаря их отсутствию?), здешний народ — по крайней мере значительная часть его — был совсем неплохо осведомлен. Конечно, свежие новости доходили медленнее: тому же санному поезду мог потребоваться чуть ли не месяц, чтобы добраться от Новгорода до Смоленска. Гонец с запасной лошадью преодолевал то же расстояние значительно быстрее, но зато во время распутицы дороги превращались в болота, и требовались крылья, чтобы попасть даже из Витебска в Полоцк. Крылья или лодка. Но тем не менее власть киевского князя на далеком севере была отнюдь не формальной. Что Олег, что Игорь не ленились периодически навещать даже дальнюю Ладогу, лично собирать причитающуюся дань, а

заодно контролировать деятельность собственных наместников. Поэтому и на Двине, и на Ильмене Игоря знали не понаслышке. Не говоря уже о собственных, местных правителях вроде Роговолта.

К утру погода прояснилась, так что с рассветом Духарев оседлал Пепла и отправился в путь. Дорогу присыпало снегом. Широкие копыта жеребца оставляли на пушистом искрящемся покрывале аккуратные оттиски. Единственные следы, если не считать птичьих «крестиков» или заячьих «пунктиров». Под неглубоким слоем свежего снега лежала крепкая, укатанная санями дорога. Пепел бежал веселой рысью и примерно за два часа покрыл полное поприще — расстояние дневного перехода. После этого по взаимному соглашению всадник и конь сделали небольшой привал и позавтракали. Собственно, для Пепла это был уже не завтрак, а полдник. Перекусив, Духарев решил размять ноги и отвязал лыжи. Следующий отрезок пути Пепел бежал налегке.

К полудню Серега обогнал небольшой санный поезд. Охранники с подозрением покосились на одинокого всадника.

Неожиданно Пепел по собственному почину прибавил ходу. Минут пять Серега дивился этой инициативе, потом тоже учуял дымок, а еще через некоторое время впереди показался постоялый двор.

Пепел изогнул шею, скосил выпуклый глаз на хозяина.

— Без базара,— ответил ему Духарев.— Мы оба заработали приличный обед.

Долго рассиживаться Серега не стал. Перекусил, выяснил, что нужно,— и в путь. Тем более что хозяин сообщил приятную новость: купец Горазд останавливался здесь в позапрошлую ночь. Значит, если сохранить взятый темп, вполне реально догнать его до завтрашнего вечера.

И тут дорога преподнесла Духареву сюрприз. Развилочку. Зрительная память у Сереги была неплохая, и Рёреховы схемки он в свое время разглядывал очень внимательно. Ну не было в этом месте никакой развилки! Серега помнил: справа, километрах в сорока,— излучина двинского притока. Если идти по нему вверх — дойдешь до волока к Днепру. А зимник шел напрямик, срезая, через схваченную морозом топь. Один зимник, а не два.

Духарев спешился, прошелся туда-сюда. Пепел — за ним, как привязанный, тычась губами в ухо.

Вот черт! Обе дороги — как близнецы. Одинаково накатаны, одинаково широки. «Слева лес, справа лес, посреди — головорез!» — придумалась смешная строчка.

«Это я — головорез,— подумал Духарев.— Головорез на распутье. Как в анекдоте. Приходит Илья Муромец к развилке. А там надпись: „Налево пойдешь — мертвым будешь; направо пойдешь — коня потеряешь; прямо пойдешь — педерастом станешь!“ Завелся Илюха: „Это кто ж меня, падла, опустить хочет?“ Вскочил на коня, поскакал прямо. Видит: Змей Горыныч о трех головах, из речки воду пьет. Подскакал Илюха, Горыныч и опомниться не успел — двух голов уже нету. А третья к Илюхе поворачивается и говорит: „Ну, и кто ты после этого?“»

Рассказанный самому себе анекдот слегка развеселил Серегу. Он еще раз поглядел на две дороги, на следы саней, на неглубокие отпечатки копыт, на желтые пятна, на втоптанные в снег клочки сена... И неожиданно увидел, по какому из двух путей прошел санный поезд Горазда. То есть не то чтобы увидел... Теперь он это просто *знал*. Но это знание было сродни тому, что он видел в черной воде омута, опившись Рёреховой отравой.

Одним прыжком Серега взлетел в седло. Пихнул жеребца каблуками. Пепел недовольно фыркнул и взял легким галопом.

— Я знаю пра̀вду,— он сказал,—
Сдержите бег коней!
Нам не пройти за перевал,
Здесь горы нас сильней!

Я знаю правду,— он сказал.—
Пройдет немного дней:
Нас встретит стрел визжащий вал
И зарево огней...

Это была песенка, кажется, из какого-то фильма. Серега запел ее, как всегда, громко и, как всегда, фальшиво, но слушатель у него был один, и этот слушатель в музыке не разбирался, хотя уши у него были почти как у легендарного Мидаса.

Глава седьмая,

в которой Серега настигает-таки караван Горазда

Когда на дороге стали попадаться еще «дымящиеся» конские «яблоки», Серега свернул в лес. Там Духарев спешился и надел лыжи. Пепел очень осторожно ступал по снежной корке. Серега уверенно скользил впереди, ныряя под тяжелые от снега ветки. В общем-то, это была довольно приятная прогулка. Дома Духарев тоже любил по зимнему времени нацепить лыжи и прогуляться по лесу где-нибудь в окрестностях Репина или Комарова. На заливчик сбегать под бледным солнышком.

Сознание Сергея как будто раздвоилось. С одной стороны, это был тот самый веселый парень Серега Духарев, который жил в оттяжку, никого не обижал, если его не обижали, не искал проблем и не создавал их без надобности, катился по жизни, как футбольный мяч по полю: легко и естественно. Пока не остановят. А остановят — отскочит упруго и летит со свистом — только держись!.. В заданном направлении. Это с одной стороны. А вот с другой...

С другой же, человек, который подминал лыжами снег впереди невысокого мохнатого жеребца, ничего общего с тем, бесшабашным и немного безбашенным, Серегой Духаревым не имел. Потому что человек этот не просто и незамысловато бежал по лесу, а «держал» при этом все, что происходило в радиусе минимум ста метров, замечая и беличий прыжок слева, и окровавленные клочки заячьей шкурки справа. Он слышал каждый звук и фиксировал каждое движение на этом участке леса. Это был воин, который поставил себе цель. Он был — оперенная стрела с тяжелым стальным наконечником. Стрела, летящая в цель. И при этом он был человек, который видел и то, как такая стрела пробивает матерого медведя. И легко мог «увидеть» (первый, беззаботный, Духарев такого даже представить не мог), как эта же стрела входит ему в спину и выходит из груди. Навылет...

Серега чувствовал это «раздвоение», но еще не вполне осознавал, почему так происходит. Он просто не врубался пока, что опытный варяг работал не только (и даже не столько) с Серегиным телом, обучая Серегины руки и ноги воинской пля-

ске, сколько — с сознанием. С этой аморфной, неопределенной массой желаний и побуждений, с густой массой, похожей на пересыщенный раствор. Мастер-варяг не мог за десяток месяцев выпарить воду и отполировать кристалл, зато он сумел вложить в этот раствор крохотное зернышко, твердый центр, на который теперь сам собой наращивался слой за слоем, превращая вязкую податливую рапу [1] в твердые и острые кристаллические грани.

Превращение уже шло, медленное, необратимое, хотя Духарев еще понятия об этом не имел, а если бы знал да еще имел возможность выбирать, то, скорее всего, пожелал бы остаться прежним веселым и бесшабашным Серегой. Вот только старый варяжский вождь-ведун был настоящим мастером и лишь единожды предоставил ученику выбор. Когда спросил: «Ты и впрямь этого хочешь?» Больше Рёрех не спрашивал. Честно ли это? Трудно сказать. С другой стороны, хузарин, вырастивший коня, который шел у Сереги на поводу, и вовсе не поинтересовался, хочет ли веселый жеребенок стать боевым конем, или предпочитает свободно носиться по степи. Правда, хузарин с самого начала знал предназначение жеребенка, а кем предназначено стать Сереге Духареву, не знал ни он сам, ни его одноногий наставник. Возможно, в обоих известных Сереге мирах никто не знал об этом, и в книге его судьбы оставалось еще достаточно незаполненных листов... Разве кузнец, выковавший наконечник стрелы, может точно знать, кого поразит эта стрела? Впрочем, кузнец может хотя бы догадываться...

Санный поезд растянулся почти на четверть версты. Более двух дюжин саней, длинный унылый хвост челядников, за которыми приглядывали двое специально назначенных воев. Один из челядников — в цепях. Вероятно, тот, кто способен рискнуть и податься в бега, предпочтя холод, голод и волков невольничьему рынку.

«Рядом с ним мог быть и я»,— подумал Духарев.

Раньше. Теперь-то — вряд ли.

В печальной череде рабов женщин было раза в два больше, чем мужчин.

---

[1] Рапа — соляной раствор высокой концентрации.

Сладу Серега узнал сразу. Сердце у него сжалось: такая она была маленькая и печальная.

А Мыш, как всегда, ухитрился устроиться козырно: сидел на третьих от хвоста санях и погонял лошадок.

Поезд медленно тянулся мимо притаившегося Духарева. Пепла Серега предусмотрительно укрыл в зарослях.

Замыкал караван высокий воин в островерхом шлеме, с длинными усищами, выкрашенными в синий цвет. Варяг. В седле воин сидел твердо, посадка его была схожа с Рёреховой. И тоже — без стремян.

Рядом с ним бежала маленькая лохматая собачонка, но насчет собачонки Серега не тревожился, поскольку загодя учел направление ветра.

Головой замыкающий варяг попусту не вертел, но, сразу видно, обступивший дорогу лес «держал» четко: спугни какую-нибудь глупую сороку или урони с ветки чуток снега — вмиг окажешься в поле зрения варяга. Да даже и без всяких сорок... Едва синеусый поравнялся с деревом, где укрывался Духарев,— и увенчанная острым шлемом голова как бы сама собой повернулась в Серегину сторону.

Между всадником и Духаревым было добрых пятьдесят метров, деревья, чьи ветки припорошены снегом, кустарник. Куртка на Духареве — светлая, шапка — тоже. Бдительный варяг ну просто никак не мог его разглядеть. И тем не менее Духарев ощутил, как будто от синеусого к нему тянется некая ниточка... И поспешно выбросил из головы все мысли и мысленно же превратился в спящее зимнее дерево...

Варяг проехал мимо, скрылся за стволами. Серега вздохнул с облегчением. И подумал: «С этим парнем могут возникнуть трудности».

Но выбора у Духарева все равно не было. Поэтому он тихим свистом подозвал Пепла, проверил лыжи и двинулся параллельно дороге. Пепла он вел в поводу. Наст был прочный, но все равно не выдержал бы коня, если бы в седле сидел всадник. Хуже того, ледяная корка могла поранить ноги жеребца.

Они опять обогнали караван, но еще около километра двигались между деревьями, а когда выбрались на дорогу, Серега не поленился и замел следы. Он вовсе не хотел насторожить внимательного варяга. По дороге они легко отмахали еще километров пятнадцать — до следующего постоялого двора.

Горазд, видно, неплохо знал дорогу, поэтому, по прикидкам Духарева, санный поезд должен был достичь этого места как раз к вечеру.

Вот и замечательно. Когда солнце коснется верхушек деревьев, Серега, уверенный в себе и отдохнувший, оставит Пепла в здешней конюшне, а сам не спеша отправится навстречу каравану.

И — прочь сомнения!

Глава восьмая,

где наконец выясняется, кто круче

Все вышло так, как Серега и рассчитал. Когда Духарев услышал звуки приближающегося санного поезда, уже начало смеркаться. Это было то самое время, которое так ценил Рёрех. Время, когда, по мнению старого варяга, тот, кто одновременно принадлежал обоим мирам, Темному и Светлому, обретал особенную силу, потому что мог черпать из обоих Миров, находясь как бы на их грани. А те, кто принадлежал только одному миру, живых или мертвых, наоборот, слабели и теряли возможность укреплять силу равно от Земли и от Неба.

Была ли это правда или просто самовнушение, но Духарев действительно чувствовал в сумерках (безразлично, вечерних или утренних) необычайный подъем. Даже сейчас, когда его отделяли от наставника многие километры лесов и болот.

Духарев тщательно проверил амуницию: если в решающий момент на сапоге развяжется шнурок, это может стоить ноги. Все оказалось в порядке. Выяснив это, Серега укрылся в тени старой сосны и ждал, пока из-за поворота не покажется голова санного поезда, а тогда просто вышел на зимник и остановился точно посередине дороги.

Двое верховых, ехавших в голове каравана, завидев Серегу, заступившего путь, мигом спешились, схватились за оружие и завертели головами, озираясь. Думали: сейчас стрелы посыплются.

Духарев внутренне усмехнулся. Наивные ребята! Будь в лесу засада, их уже давно нашпиговали бы стрелами. Обычные вои-ополченцы. Им известно, с какой стороны браться за

копье, но перехватить его в полете и, крутанув вокруг кисти, отправить обратно — уже не их уровень.

Духарев, однако, знал, что среди охранников каравана есть парни покруче этой парочки.

А караван продолжал вытягиваться из-за поворота.

Первые сани остановились, когда между ними и Духаревым осталось шагов пятнадцать.

Всадники держались у головных саней. Над лошадиными мордами клубился пар. Негустой — мороз спал градусов до пяти. Чувствовалось: скоро весна.

Вторые сани тоже остановились. С них соскочил кряжистый мужик в черной лисьей шубе. Горазд.

Духарев поглядел дальше, в хвост каравана, где теснилась Гораздова челядь, но своих не разглядел. Темновато. Впрочем, Серега точно знал, что Мыш со Сладой — там.

Горазд вразвалочку обошел первые сани, встал напротив Духарева. Еще двое оружных подтянулись вперед. Один из них — тот самый варяг с синими усами. Подскакал, плавно осадил коня, легко соскочил на укатанный снег. За оружие, в отличие от прочих, варяг хвататься не стал, и Духарев это оценил.

— Узнал? — спросил Серега, сделав шаг навстречу Горазду.

— Узнал,— купец не удержался, метнул взгляд на заснеженные елки. Тоже, как передовые, боялся жалящей стрелы? Неужели у него под шубой и доспеха нет?

— Не бойся,— усмехнулся Духарев.— Я один.

— Ага...— Горазд не очень-то поверил.— А чего надо?

— Отдавай моих — и езжай своей дорогой,— спокойно произнес Духарев.

Горазд еще раз поглядел наверх — понизу зимний лес просматривался хорошо. Поглядел — ничего не заметил. Снег на хвое лежал ровно. И внизу — никаких следов.

— Отдавай, значит, говоришь? — Теперь и Горазд усмехнулся.— А не то что будет?

— А не то — сам возьму!

Тут купец окончательно уверился, что Духарев в самом деле один. И сделал единственно возможный вывод: совсем чужак обнахалился. Или, что скорее, умом тронулся.

— Вижу, ты зброю надыбал,— произнес Горазд с иронией.— Украл? Или мертвеца ободрал?

— Я — не ты, Горазд! — отрезал Духарев.— Я чужого не хапаю.

— ...Значит, оружьем разжился,— продолжал купец, словно и не заметив Серегиной реплики.— Токо оно тебе ни к чему. Ты ж биться не умеешь!

— Может, и не умею,— не стал спорить Духарев.— Да правда на моей стороне. Горазд! — Он покосился на варяга и произнес торжественно: — Вызываю тебя, Горазд, на оружный бой! До крови! Одолеешь — все мое твоим станет. Я одолею — возьму свое. А ежели сам боишься,— добавил он пренебрежительно,— настоящего бойца выставь. Вон хоть его! — Серега кивнул на синеусого. Этот и еще один воин, совсем молодой, розовощекий, но уже с варяжскими отвислыми усиками на типично славянской скуластой физиономии, были в Гораздовой ватажке самыми опасными. Оба они глядели на Духарева очень внимательно и за мечи хвататься не спешили. Зато стояли так, чтобы удобно было напасть на Серегу одновременно и с разных сторон.

Горазд засмеялся. Он помнил, каким был Духарев летом. Купец точно знал, что за неполный год из кулачного драчуна воина не вырастишь.

— Засиделся я в санях,— громко заявил Горазд.— Разомну косточки!

Он скинул шубу на руки ближнего. Под шубой оказалась пластинчатая броня с рукавами по локоть, надетая поверх меховой куртки.

«И не жарко ему?» — подумал Духарев.

Горазду подали круглый щит с выпуклой тарелкой умбона [1] посередине и булаву, которую он прицепил к поясу справа. Купец притопнул, выдернул меч, провернул над головой, разминая кисть. Дружинники его разошлись, освобождая место, а остальные: домочадцы, сбившиеся кучей челядники — наоборот, придвинулись. Тут Духарев наконец-то углядел Мыша, вскарабкавшегося на сани, чтобы лучше видеть. Заметив радость и испуг, одновременно проступившие на физиономии мальчишки, когда тот признал Духарева, Серега ему подмигнул: не боись, прорвемся.

Абсолютной уверенности в победе у него не было: Серега ведь еще никогда не сражался по-настоящему. С готовым к

[1] Умбон — железная накладка в центре деревянного щита. У древнерусских круглых щитов умбоны обычно полушаровые или сфероконические.

бою, хорошо вооруженным бойцом. Разбойники, которых он побил несколько дней назад,— не в счет. Не застань их Духарев врасплох, еще неизвестно, кто кого побил бы!

Духарев подхватил со спины маленький кулачный щит и одновременно правой рукой выдернул из ножен дареный клинок. Завертел им в воздухе так, что сталь размазалась блестящим веером.

Горазда это не впечатлило. Он сам мог бы вертеть не хуже. Бегать за более молодым противником он не собирался, поэтому спокойно стоял. Ждал, пока Серега начнет сам.

Духарев сделал пробный выпад — Горазд не удостоил выпад вниманием: ясно, что не достает. Серега повторил движение еще раз, а на третий метнулся вперед. Целя мечом под нижний край щита. Горазд с легкостью отшиб клинок, рубанул в ответ, длинно, наискось. Серега ушел. Он внимательно наблюдал за противником, оценивал каждую мелочь. Мечом купец орудовал неплохо, а вот щит держал жестко, с наклоном вперед. Щит был Горазду явно не по руке. Слишком тяжел. Зато — большой и крепкий. Такой рубить — только меч портить. Еще одна трудность была в том, что Серега не хотел убивать купца. Горазда следовало свалить аккуратно, а то еще вмешаются варяги, и тогда Духареву придется круто.

Если не взять силой, значит, надо брать хитростью. Чем-нибудь совершенно неожиданным. Серега с минуту покрутился вокруг Горазда, пробуя его так и эдак. Купец отмахивался с большой ловкостью. Он уже понял, что имеет дело не с тем лохом, которого побил летом. Видел, что мастерство его противника существенно возросло. Только еще не знал, *насколько существенно*.

Атака, встречный выпад Горазда — Духарев отшатнулся, споткнулся на ровном снегу и упал на спину. Купец подскочил, намереваясь добить. Щит Горазд держал низко, с прежним наклоном вперед, и Духарев, выгнувшись, упершись лопатками, изо всех сил ударил в этот щит двумя ногами как раз в тот момент, когда купец откинулся назад, замахиваясь мечом. От неожиданного удара щит подпрыгнул, край его угодил купцу по зубам, а сам купец, весивший в доспехе никак не меньше центнера, пушинкой отлетел назад, мимо светлоусого дружинника, и влетел спиной в придорожный сугроб. Меч, правда, не выпустил, но Духарев не дал ему опомниться, подскочил, прижал подошвой Гораздову руку с мечом, придавил собственным клинком Гораз-

дову жилистую шею, не забывая, впрочем, держать боковым зрением варягов: вдруг решат заступиться за хозяина?

— Твоя взяла,— прохрипел Горазд окровавленным ртом.— Заберешь своих.

Серега убрал ногу и меч, отступил назад. Купцу подали руку, он поднялся, ощупал языком передние зубы, убедился, что на месте.

— Хитростью взял,— сказал он ворчливо.

Духарев увидел, как заухмылялись варяги. Для них это звучало как похвала.

Горазд подумал немного. Еще раз ощупал языком зубы и неожиданно предложил:

— А давай-ка ко мне служить!

— Ага,— усмехнулся Серега.— Опять в полные холопы?

— Не-е,— мотнул головой купец.— По ряду. Платить буду, кормить... Доспех дам хороший!

«Не обманет,— подумал Духарев.— Свидетелей сколько! Непонятно только, зачем я ему? Своих дружинников не меньше дюжины!»

— Три куны в день,— заметив его колебания, сказал купец.— Соглашайся!

— Проси мехами по ослецкой цене,— деловито проговорил возникший под Серегиным локтем Мыш.

— Мехами,— повторил Духарев.— По ослецкой цене.

— Ну, землеройка...— прошипел Горазд, глядя на Мыша... и вдруг махнул рукой: — А-а-а, будь по-твоему, Серегей!

«Смотри-ка,— подумал Духарев,— оказывается, ты знаешь, как меня зовут!»

— А ты, землеройка, давай расти,— продолжал он, глядя на Мыша.— Дорастешь брату до плеча — в приказчики возьму. Толк из тебя будет.

Глава девятая,

в которой Серега, помимо всего прочего, узнает, почему в Полоцке больше нет церкви

Духарев сговорился с Гораздом, и тот уступил ему, до Смоленска, гнедого мерина. Для Слады. Вообще-то купец оказал-

ся вовсе не таким дерьмом, как раньше думал Серега. По местным меркам — совершенно правильный мужик. Если что плохо лежит — подберет. Если кто должен — взыщет. Да и кто сказал, что в рабах у Горазда хуже, чем в армейской учебке? Кормежка точно лучше. А иному человеку в холопах даже уютнее, чем на свободе. Думать не надо, распорядок жизни устоявшийся... Как в армии. А кому не нравится — всегда найдет выход. Вот Серега же нашел, верно? А если Горазд пакости Духареву и ребятам строил, так не из врожденной подлости, а из соображений престижа. Слыханное ли это дело, чтоб ему, лучшему мужу, торговому гостю, княжему советчику Горазду, противоречил какой-то бродяга? Спустить такое — потерять лицо. Это как если в кабаке у тебя какой-то ханурик нагло бабу увел. Тут уж хочешь не хочешь, а надо власть показать. Иначе собственные кореша уважать перестанут. А когда выяснилось, что Серега вовсе не ханурик, а человек вполне авторитетный: меч у него добрый, конь хузарский, да еще вышколен по-варяжски... Короче, не бомж бесполезный, а серьезный воин. Вот тут ситуация существенно изменилась, и оказалось, что никаких претензий у Горазда к Духареву нет. Два авторитета забили стрелочку, перетерли по понятиям — и пришли к выводу, что полезней дружить, чем разборки затевать. Строго по понятиям здешнего рабовладельческого общества.

Серега склонен был Горазду верить. Так было проще. Кроме того, купец, похоже, очень сомневался, что внезапно обнаружившиеся воинские навыки Духарева обретены за минувшие полгода с хвостиком. А склонен был Горазд предполагать, что навыки эти Серега имел уже в первую их встречу, но по некоторым причинам решил их скрыть. И мастерский побег Духарева с лодьи — тому подтверждение. Причины же такой скрытности, по мнению Горазда, могли состоять в том, что Серега явился, скажем, негласным соглядатаем от князя Игоря, а скорее даже не от него, а еще более вероятно — от княгини Ольги, пользовавшейся у киевской (да и не только киевской) старшины едва ли не большим уважением, чем ее корыстный и не очень дальновидный муж. А раз так, то с Духаревым следовало не ссориться, а дружить. Единственное, что позволил Горазд, это слегка укорить Серегу за его «рукопашные подвиги». Прилично ли воину никчемно махать кулаками, как какому-то смерду,

если ему подвластна благородная сталь? Духарев возразил: мол, есть случаи, когда умение врезать между глаз или провести бросок очень даже не лишнее. Например, когда оружие потеряно или сломалось. Горазд только усмехнулся. В умелых руках оружие не ломается, разве что щит порубят, но это дело обычное. А уж потерять его... Это даже не смешно.

Серега продолжать спор не стал. Мерина для Слады Горазд отдал, ну а думать он может — что заблагорассудится.

«Хоть глечиком [1] кличь, только в печь не тычь»,— как говаривал Мыш.

Слада мерину обрадовалась. Впрочем, с момента возвращения под широкое крыло Духарева славная девочка радовалась любому пустяку, а главное — возможности быть рядом с Серегой. Надо сказать, что и Серега в сиянии ее глаз чувствовал себя ну совершенно счастливым. Но виду особо не подавал. Воин должен быть сух и суров. Хотя вряд ли он был настолько хорошим актером, чтобы обмануть свою умницу-невесту.

А наездницей Слада оказалась совсем неплохой. Особенно когда отобрала у брата меховые штаны и села верхом по-мужски. Держаться в седле ее научил отец. Это было давно, но, как понял Духарев, ездить верхом — это как на велосипеде кататься. Навыки остаются пожизненно.

Серега и Слада ехали замыкающими, за последними санями. Раньше это «почетное» место принадлежало, попеременно, Драю, светлоусому воину-плесковичу, косящему под варяга, и, надо признать, не только внешне, и настоящему варягу, Устаху. Эти двое, которых и Серега сразу выделил среди прочих, в Гораздовой дружине считались лучшими. Держались усачи соответственно положению, но к Духареву отнеслись уважительно. Видно было: Серегино мастерство оценено, и оценено достаточно высоко. Отнеслись уважительно, но в друзья не набивались. Духарев тоже пока только присматривался. Для общения ему хватало Слады.

— Это хорошо, что мы в Киев едем,— застенчиво проговорила Слада.— В Киеве храм нашей веры есть.

— А в Полоцке нет?

— Был,— Слада вздохнула.— Папа говорил: в Полоцке было много христиан. И наших, восточной веры, и тех, кто слу-

[1] Горшком.

жит по обычаю Рима. Их всех убили. Тамошний кениг принес их в жертву своим богам, а храм сжег. Это было еще до того, как Олег стал княжить в Киеве. Олег потом убил того кенига. Не потому, что тот замучил наших братьев, а потому, что хотел взять под себя Полоцк.

— Однако...— пробормотал Духарев.— А я думал: здешние язычники христиан не обижают.

— Язычники знают, что Христос против насилия, и думают, что наш Бог слабее их идолов. Сильного из наших они могут убить, слабого обратят в холопы. Мы, христиане, все безродные. А если кто из сильного рода захочет креститься, родовичи ему не дают. А кто не послушается, того убьют или изгоем объявят. А изгой для всякого — легкая добыча.

— Даже воин?

— Воинов среди нас мало,— вздохнула Слада.— В Киеве есть. Из варягов, что у ромеев при императоре стражу несли. А так воины никогда в истинную веру не обращаются. Они Перуну служат. Им кровь проливать весело, а не в смирении жить. И женщин они любят, а по нашей вере больше одной жены иметь нельзя.— Она озабоченно глянула на Духарева.— Ты не забыл, Серегей? Это ведь грех!

— Не согрешишь — не покаешься! — усмехнулся Духарев, но, заметив, как задрожали Сладины ресницы, немедленно подъехал к ней вплотную, взял за руку: — Ты, и только ты! — проговорил Серега, заглядывая ей в глаза.— Других мне не надо!

Девушка несмело улыбнулась. Может, даже поверила, потому что Духарев сказал то, что думал. По крайней мере в этот момент.

— Скажи, а варяги, которые стали христианами... В Киеве их не обижают?

— Папа говорил: на Горе их не любят. Но одно дело — мы с Мышом, а другое — княжьи русы. Таких тронуть побоятся. Да варяг — он и есть варяг. Он всех богов чтит, каких важными считает. Хоть Христа, хоть нурманского Одина.

Это Серега уже слышал от Рёреха. «У каждой земли или моря свои боги,— говорил он.— Кто знает, кто тебя по ту сторону Кромки примет? Там пути темные. Может, в Валхаллу, а может — к твоему Христу».

«А что бы ты предпочел?» — спросил тогда Духарев.

«Ирий,— не раздумывая ответил Рёрех.— В Валхалле мне скучно будет. Что я, мальчишка — день-деньской есть-пить да на мечах биться! А про ваше посмертье я ничего не знаю».

Глава десятая

Новые друзья

Серега Духарев легко сходился с людьми. Легко. И почти никогда не грузил других своими проблемами. Правда, и другие как-то не рвались рассказывать ему о своих бедах. То есть, если кому-то требовалась пара крепких рук и спина пятьдесят четвертого размера, другое дело. Такими трудностями с ним делились охотно, и Духарев редко отказывал, если дело касалось, скажем, перевозки мебели или объяснения каким-нибудь слишком упорным молодым людям правил поведения в обществе. Иное дело — проблемы действительно личные. Например, у жены любовник завелся или с работы вот-вот выпрут. Те, кто знал Духарева достаточно давно, помнили, как он, без единого печального вздоха, перешел от учебы в универе к армейской жизни, ухитрился побывать на войне, в госпитале, вернуться, снова поступить, на этот раз уже не на матмех, а на жур, вылететь, опять-таки без всяких трагических заламываний рук,— с того же третьего курса, сменить полдюжины работ... И при этом внешне ни на йоту не измениться. Ну вот и пожалуйся такому, что начальник-сука второй месяц бабок не платит, а он, вместо того чтобы посочувствовать и сообщить, что у него такие же проблемы, немедленно предложит: «Не платит? Пошли, дадим ему в грызло!» Вот поэтому у Сереги Духарева было море приятелей, табунок любовниц — и ни одного настоящего друга. Не то чтобы вообще никогда не было. Были двое школьных приятелей, с которыми Серега вместе болтался по стройкам и занимался рукопашкой. И еще один, Сенька,— по спорту. Более успешный, чем Духарев, поскольку не разбрасывался на разное, Сенька четко шел по выбранному спортивному профилю — от медали к медали — до призера Европы.

Целых трое, но...

Сенька-биатлонист канул где-то в Канаде, а одноклассники — в земле. Одного убили в Чечне, второй на зоне отравился какой-то дрянью. Три минус три...

Такая вот была у Духарева проблема. Собственно, он ее проблемой не считал, полагая, что так и должно быть. А чего? Или ему не с кем в кабаке посидеть или по летнему времени на байдарочках сплавиться? Да его, Сереги, компании куча народу обрадуется.

Вот тут он был прав. Повеселиться в клубе или пробежаться по Карельскому перешейку — лучше Духарева не найти. А ежели девочек снять, так Сереге в этом вообще равных нет.

Вот и вышло, что ничего действительно настоящего у Серегито и не было. Ни друзей, ни любви, ни дела-работы. Однако понимать это Духарев начал только здесь. Когда уловил разницу между приятелем Чифаней и другом Мышом. Между девушкой Сладой, которая глядит на него сияющими глазами, Сладой, которую он *не осмеливается* тронуть, и какой-нибудь молоденькой бабенкой из Торжка, с которой барахтался на сеновале.

Да, Серега начинал кое-что понимать и, понимая, присматривался к другим, к варягам и воям Гораздовой ватажки, к понурым челядникам, к тому, как полочанин Зубок разговаривает со своей молодой женой Неленей, к самому Горазду, у которого тоже не было друзей, равных, из числа нынешних спутников. Но при этом Серега чувствовал, что вообще у купца настоящие друзья есть. Может быть, в Полоцке или Киеве...

В общем, Серега присматривался к своим спутникам, а те, в свою очередь, присматривались к нему.

Когда сидишь у одного костра да еще и ешь из одного котла — общение налаживается быстро. Полугодом раньше Серега просто отметил бы, что компания подобралась неплохая. И все. Теперь же он глядел чуть поглубже и видел немного больше. Он видел, что в паре двух лучших воинов, Драя и Устаха, первый взирает на второго с тем восхищением, с каким младший брат-второклассник глядит на старшего — восьмиклассника. Он видел, что из семерых воев, что рангом пониже варягов, некоторые повязаны между собой настоящей дружбой, например Теша с Зубком, кривичи из Полоцка. И их дружбе ничуть не мешает, что Зубок недавно женился и взял жену с собой. Полочане, кстати, охотнее других общались с Серегой и Сладой, звали садиться рядом с собой за стол, поро-

вили положить в миску лучший кусок, что, как уже знал Духарев, было здесь таким же проявлением симпатии, как и там, в прежней жизни,— угостить кружкой пива.

Вообще-то, как узнал Духарев, и до Серегиного появления в Гораздовой ватажке Сладу и Мыша привечали не как иных рабов-челядников. Может, оттого, что остальные холопы, за исключением одной женщины, были из других племен. Может, оттого, что Слада — лекарка.

Лекарка... Вроде бы и не такая важная профессия в мире здоровых людей. С одной стороны. А с другой... Попробуй-ка себе представить мир, где нет не только больниц-поликлиник, но и аптек, в которых можно купить простейший анальгин или йод. Где некому ни вколоть пенициллин, ни даже наклеить на ссадину бактерицидный лейкопластырь. Где пустяковая ранка, промытая болотной водой, может гноиться неделями... Если рядом не окажется целителя. А от раны серьезной можно и вовсе помереть на месте, если не знать, как остановить кровь. Конечно, каждый более или менее опытный воин мог прижечь, наложить жгут, зашить хотя бы вкривь и вкось, заткнуть колотую рану паутиной, смоченной в собачьей слюне... Конечно, любой раненый или болящий предпочел бы помощь не юной девушки, а седобородого волоха, знающего не только травы-настои, но и заговоры, способные и кровь остановить, и злую силу от раны отвести. Но никакой волох не станет сопровождать купеческий караван. Разве что по собственной надобности. Короче, любой из этих людей понимал, что в любой момент его здоровье, а то и жизнь могут оказаться во власти юной черноволосой булгарки. Трудно этого не понимать, когда даже Серега врубился с ходу, что Гораздова ватажка — не столько торговая, сколько воинская дружина. Сплоченный военный отряд, передвигающийся по потенциально враждебной территории.

По местным масштабам это была довольно сильная команда. Кроме наемных охранников в ватажку входили еще девять приказчиков, родичей и домочадцев Горазда, которые трудились не за плату, а за стол, кров и положенную долю прибыли. Эти тоже умели в случае чего помахать топорами или стрелой попасть чуть пониже шапки. А самого Горазда можно было по уровню мастерства причислить даже не к воям, а к воинам, элитным бойцам вроде варягов. В общем, вместе с Серегой ватажка насчитывала теперь два десятка бойцов. И представляла

слишком зубастую добычу для обычных разбойников. И правильно, поскольку Горазд вез на торг одной мягкой рухляди — двое саней. А ведь за иную шкурку ромеи серебром по весу дают. А за доброго горностая или черного соболя — так и золотом. А еще мед, воск, моржовую кость, купленную у северян, большой мешок необработанного янтаря, купленного еще у кого-то... И рабов.

Что человек может быть товаром, для Духарева было не такой уж новостью. Видел он рабов и в более цивилизованном мире, причем не только в Чечне, но и в как бы «европейском» Питере. Однако помня о том, как он сам попал в этот мир, Серега поначалу поглядывал на челядников Горазда с интересом: а ну как (чем черт не шутит!) окажется среди них такой же кочевник-междумирок, как он сам? Только менее удачливый. Но очень скоро Духарев присматриваться перестал. Не было среди челяди никаких междумирных кочевников, а были здешние неудачники, большей частью сломленные люди, из воинской добычи тех же нурманов. Здешний же человек, чудин ли, вятич или кривич, будучи выдернут из своего рода, из привычного окружения, вырван с кровью, унижен и потоптан, уподоблялся выпавшему из гнезда птенцу. Безвольное, покорное существо. Был лишь один чудин, который, предоставь его самому себе, мог бы сбежать в лес и даже добраться домой, если только дом его и хоть кто-то из родичей уцелел после свирепого нурманского набега. Потому на чудина надели цепи и присматривали за ним не в пример строже, чем за какой-нибудь купленной у тех же нурманов запуганной рабыней. Вообще-то, такой социальный порядок Сереге не слишком-то нравился. Не дело это, когда безответного раба палкой по голове лупят, чтоб ногами быстрей шевелил, а рабыню, если Горазд разрешит, можно пользовать хоть всем кругом. Не порядок это, а какой-то бандитский беспредел. Но когда Серега поделился своими мыслями с Тешей, тот обиделся.

— Все знают, что мы, словене, с челядью по-доброму обходимся! — запротестовал молодой кривич.— Ты б видел, что с полонянниками нурманы творят! Зато и нурманский полон — самый спокойный! — тут же сделал Теша неожиданный вывод.— Сколь челяди ни водили — от нурманских рабов никакого озорства.

— И много ты таких вот,— Духарев кивнул на понурую череду невольников,— в Киев водил?

— Да по четвертому разу уж! — не без гордости ответил Теша.

— А если тебя самого нурманы схватят и вот такому же, как Горазд, продадут? — осведомился Духарев.

— Того не будет! — твердо ответил Теша.

— Почему ты так думаешь?

— Перун не позволит. А если случится...— Теша малость помрачнел.— Нурманы воев в холопы не берут. Могут в ватажку свою, хирд, взять, если ты им почему-то полюбился, ну там бился крепко или некого за весло посадить. Но это редко бывает. Чаще если захватят воя или гридня живьем, то мучат до смерти. Так что, ежели что, нурманам в полон лучше не попадать. И своих не отдавать. Лучше их самому убить...— Тут обычно веселый Теша стал совсем мрачен. Вероятно, его мнение основывалось на фактах, а не общих предположениях.

Ночевала ватажка, как правило, на постоялых дворах, но иногда и в самом лесу. Шатров не ставили. Прогревали землю огнем и ночевали, завернувшись в шкуры. Челядь — по-овечьи сбившись в кучу, остальные — кому как нравится. Костры жгли всю ночь. Для тепла. Даже самая голодная волчья стая не рискнула бы напасть на такую толпу людей. Но, по требованию Устаха, кроме костровых выставляли и дозорных. Больше для порядка, чем по необходимости.

Беда пришла в одну из таких «лесных» ночей. Пришла не от природы, а от человека. Беда, в очередной раз круто изменившая жизнь Сереги Духарева.

Глава одиннадцатая

Нурманы

Они вышли прямо к кострам. Четверо. Серега даже не успел удивиться, каким образом они обошли дозорного. Из темноты появились еще двое, волоча Тешу. Дотащили, бросили в освещенный огнем круг.

Кто-то из женщин сдавленно вскрикнул.

Теша, ударившись оземь, застонал, попытался ползти. Прямо в костер.

К нему подскочил Зубок, удержал.

Шестеро словно и не заметили этого. Рослые, самый высокий — с Духарева ростом. В полных бронях, с закинутыми за спину щитами. Мечи — у каждого. И сулицы. У двоих еще — боевые топоры, широкие, с «бородками».

— Нурманы...— прошептал Мыш.

Слада, всхлипнув, подалась назад, соскользнула с бревна и спряталась за спину Сереги.

Нурманы неторопливо приблизились. Один из них опустился на корточки у огня, снял рукавицу, содрал сосульки со светлых усов, бросил в пламя. Молча. Кривичи тоже молчали, поглядывали на Горазда.

Купец сделал знак: одна из молодых челядниц налила в чашу горячий сладкий медовый вар, поднесла тому, что присел на корточки. Тот, не обращая внимания, демонстративно глядел на огонь. Внезапно один из его спутников грубо схватил женщину, та вскрикнула, уронила чашу. Нурман грубо, спиной, притянул ее к себе, укусил за шею. Женщина вскрикнула, попыталась вырваться. Нурман захохотал, сдавил ее, укусил еще раз, затем отшвырнул в сугроб.

Серега увидел, как заходили желваки у сидящего справа от Горазда Устаха.

Но никто из кривичей опять ничего не сделал. И Серега тоже. Хотя ему очень хотелось.

Непонятки. Конечно, пришельцы в броне и при оружии, а Гораздовы — кто в чем есть. Но нурманов всего шестеро, а Гораздовых — почти два десятка. Втрое против нурманов. Чего ж эти вотановы ублюдки борзеют? И почему им позволяют борзеть?

— Мыш,— шепнул Духарев.— Мой меч.

«Учил же Рёрех меня, дурака: не клади оружие дальше протянутой руки!» — сердясь сам на себя, подумал Серега.

— Ты че, Серегей...— испуганным шепотом начал Мыш.

— Живо! — прошипел Духарев.

Мыш скатился с бревна и, пригибаясь, как будто ждал стрелы, кинулся к тюкам. Двое нурманов схватились за сулицы, но, разглядев, что это только мальчишка, остановились.

Их вожак все так же сидел у костра, глядел в пламя. Как будто вокруг — никого. На спину его поверх рыбьей чешуи доспеха была наброшена волчья шкура. Белая, с темной полосой по хребту.

Хищные глаза нурманов посверкивали в круглых прорезях шлемов.

Мыш подбежал, сунул Сереге меч в ножнах и сразу присел, прячась за Серегину широкую спину.

Нурманы это видели. Тут же один из чужаков — на нем тоже была волчья шкура, только не белая, а серая — обогнул костер и уселся на бревно рядом с Духаревым. Глянул на него нагло и вызывающе, ухмыльнулся. Воняло от нурмана, как от бомжа.

И сразу еще двое сошли с мест. Один быстрым движением выхватил нож, отмахнул от подвешенной кабаньей туши красную полоску, вытянул из-за пазухи мешочек с солью, сыпанул и стал жрать сырое мясо. Второй плюхнулся на бревно рядом с Зубковой женой, Неленей, скинул шлем, встряхнул спутанными волосами и вдруг ухватил Неленю за пшеничные косы, запрокидывая молодой женщине голову...

Зубок, вскрикнув, бросился к ней...

Нож нурмана, евшего мясо, свистнул в воздухе и ударил Зубка между лопаток. Брони на Зубке не было, и нож вошел почти на ладонь. Кривич споткнулся, широко раскрыл рот... Беззвучно, как рыба... И упал.

Над поляной прокатился дружный вздох.

Мгновением позже дико вскрикнула Неленя, нурман зажал ей ладонью рот и засмеялся, когда женщина попыталась укусить его ладонь.

— Зачем? — глухо произнес Горазд.

Предводитель отвернулся от огня — к Горазду. На нем был пластинчатый панцирь без рукавов и нашейника. Из-под панциря торчали рукава кольчужной рубахи.

— Виру стребуешь, словенин? — негромко поинтересовался он.— Или, может,— кровь за кровь возьмешь?

Говорил он по-своему, но Горазд понял. Да все поняли, даже те, кто не знал языка.

— Князь возьмет,— совсем тихо ответил купец.

— Если узнает.— Нурман глядел на Горазда, а Горазд — в утоптанный снег.

Нурман сдвинул на затылок шлем. Лицо у него было строгое и спокойное. Красивое мужественное лицо вождя-воина.

Его товарищ тем временем давил пальцами лицо Нелени. Женщина уже не кричала, подвывала на одной ноте, как собачонка. Нурман распахнул на ней полушубок...

«Эта сука нас провоцирует! — подумал Серега.— Ну ладно же!»

Он сжал рукоять меча, нажал большим пальцем, и клинок, щелкнув, выдвинулся из ножен. Тотчас сидящий около Духарева нурман небрежным движением обнял Серегу за шею, царапнул горло железными бляшками, нашитыми на раструб рукавицы. Его шлем был тоже сдвинут на затылок. Нурман выдохнул прямо Сереге в лицо, ухмыльнулся-оскалился, полностью уверенный в своем превосходстве рыжебородый наглец...

Духарев ударил его локтем, снизу вверх, в нос. Меховой рукав куртки, конечно, смягчил удар, но голова нурмана мотнулась назад, и хватка на шее Серегиной ослабла.

Духарев, разворачиваясь, врезал нурману по зубам оголовьем меча, с удовольствием услышал хруст и перекатом ушел назад, одновременно стряхивая с меча ножны.

Брошенная в него сулица с шелестом вспорола снег. Серега встал на ноги, увидел, как Мыш лаской метнулся к упавшему нурману, скорее почувствовал, чем заметил еще одну сулицу, прыгнул и выхватил ее из воздуха буквально в метре от Мышовой спины, развернулся, увидел оскаленную пасть бросившего копье нурмана и метнул сулицу обратно. Нурман присел, и сулица прошла мимо.

Боковым зрением Духарев увидел, как Устах опускает меч на затылок схватившего Неленю разбойника, перескочил через костер и из верхней позиции рубанул нурманского вожака, схватившегося с Гораздом.

Нурман затылком угадал опасность, отскочил, и меч впустую звякнул по панцирю, отхватив клок волчьей шкуры.

Нурман вертанулся волчком. Жало его меча прочертило параллельную земле линию в сантиметре от Серегиной куртки, упало вниз, и Серега, не отдерни он ногу,— остался бы калекой.

Свист... Серега инстинктивно присел — и клинок другого нурмана пропел у Духарева над макушкой. Приседая, Серега боковым зрением увидел набегающего третьего, взлетающий топор...

Духарев кувыркнулся ему навстречу, с кувырка оттолкнулся-ударил нурмана ногами в грудь — и тот исчез из поля зрения. А Серега кувыркнулся обратно — меч второго разбойника с маху врубился в мерзлую землю там, где только что был

Духарев,— кувыркнулся и встал: нос к носу с нурманским вожаком.

Вот это было зрелище! В общем-то довольно красивое лицо нурмана перекосила страшная гримаса. Из оскаленного рта на бороду обильно стекала слюна, расширенные зрачки, красные белки глаз...

Даже если Серега и собирался испугаться, то не успел. Горазд с кряканьем рубанул нурмана по спине.

Может, у купца с возрастом ослабел поставленный удар. Может, двойная, на совесть выкованная броня нурмана оказалась тверже кривичского клинка... В общем, панцирь выдержал, а брошенный ударом нурман налетел на Духарева.

Встретить его мечом Серега по близости дистанции не мог, поэтому и ударил с левой, в кадык, ощутив, как вминается внутрь хрящ. В шее нурмана что-то хрустнуло, и вождь разбойников тяжело рухнул навзничь. Купец замахнулся, но один из противников Сереги вихрем пронесся мимо Духарева и успел подставить под удар щит.

Третий, тот, что с топором, уже давно был на ногах и рубился с тремя кривичами.

Серега быстро огляделся. Из шести нурманов в состоянии активности остались только трое. Вооруженный топором — раз. Тот, что бился с Гораздом (теперь уже не только с Гораздом, а еще и с Драем),— два. И еще третий, что рубился сейчас аж с четырьмя. Правда, сразу было видно, что из этих четырех реально опасен для нурмана только Устах, прочие всего лишь путаются под ногами.

Серега остановился буквально на пару мгновений — перевести дух... И за этот ничтожный промежуток времени нурман с топором ухитрился разрубить бедро одному, развалить голову вместе со шлемом второму и отсечь правую кисть третьему кривичу. Третьего он тут же и прикончил бы, но Духарев опомнился и бросился на выручку.

Нурман бился классно! Он подхватил щит одного из кривичей и встречал им Серегин клинок так ловко, словно Духарев только по щиту и целил. Здоровенный топор нурмана летал, как бабочка, разбойник наседал, давил, страшно рычал, норовил прижать к какому-нибудь дереву. Но Духарев тоже не вчера родился, и напугать его рыком было трудновато. Да и бегать спиной вперед он не любил, поэтому пропускал нурмана мимо

себя, заставляя разворачиваться и терять напор. Но всякий раз, когда клинок бесполезно скользил по наплечнику или отлетал назад, отброшенный щитом, у Сереги возникало отвратительное ощущение бессилия, невозможности уязвить противника.

Лунный свет пробивался между крон, отражался от снега, изрезанного четкими черными тенями ветвей. Хруст снега, звон металла, тяжелое дыхание...

«Когда ж ты, медведь, выдохнешься?» — думал Духарев, уворачиваясь и ускользая.

Но выдыхался он сам. Бились они уже не на утоптанной поляне, а в лесу, по колено в снегу, что существенно помогало нурману. Духарев был быстрее, и реакция у него была лучше, но опыт нурмана сводил эти преимущества на нет. Серегу поддерживала только мысль о том, что он в любой момент может прекратить бой и ретироваться. Вряд ли тяжеловооруженный противник сумеет его догнать...

И только Духарев подумал о том, чтобы смыться, как нурманов топор чиркнул его по ноге.

Чуточку задел, самым кончиком, но меховые штаны вспорол и мышцу на добрый сантиметр в глубину — тоже.

Боли Серега не почувствовал, зато теплую струйку, побежавшую по ноге,— ощутил. Сознание его сработало с потрясающей быстротой. Миг — и он уже валится на бок. Нурман, который знал, что попал, который учуял кровь, но оценить в темноте, насколько опасна рана словенина, не мог,— действовал привычно. Отшвырнул щит, хватил топор двумя руками и нанес удар, отразить который можно разве что танковой броней.

Но Серега и не собирался его отражать. Он просто откатился в сторону и ткнул мечом снизу вверх. Целил он в пах, под железную панцирную юбку, но в пах не попал, а полоснул остро отточенным лезвием изнутри по ляжке. Довольно глубоко полоснул, а отдергивая меч назад, резанул по второй ляжке, еще глубже,— быстро перекатился по снегу, вскочил.

Нурман, опустив топор, глядел вниз, туда, где его кровь черными каплями плавила снег. Духарев ждал.

Наконец нурман поднял голову, издал странный звук — будто всхлипнул... И с места, двумя ногами,— прыгнул на Серегу. Топор с шумом прошел сверху вниз — Духарев уклонился влево, увидел совсем рядом всклокоченную бороду, придав-

ленную ремешком шлема,— и коротким движением, из-за уха, всадил острие меча прямо под этот ремешок. Воткнул, одновременно поворачиваясь, обходя нурмана сзади, уходя от возможного (последнего!) удара, сразу выдергивая меч из пробитой трахеи...

Нурман забулькал, сделал шажок вперед — и повалился в снег.

«Я его убил»,— подумал Духарев.

Эта мысль его особенно не взволновала. Он обтер клинок снегом, слепил большой плотный снежок, сунул в разрез, оставленный в штанах топором нурмана, и заковылял к лагерю.

Глава двенадцатая,

в которой кулачные навыки Сереги Духарева получают заслуженное признание

Рана Сереги оказалась пустяковой, но крови он потерял много. В общем, по собственной глупости. Надо было сразу жгут наложить и перевязать, а Духарев ограничился снегом, да еще взялся помогать Сладе обрабатывать раненых... В общем, пока она сама не увидела, что у Сереги штанина мокнет от крови...

Легкие ранения, кроме Духарева, получили трое. Устах, Теша и кривич из челядников, которому отсекли пол-уха. Еще один кривич пострадал серьезнее: лишился руки. Погибли четверо. Серега считал: повезло. Он помнил, как его последний противник, нурман с топором, в считанные мгновения расправился с тремя. Горазд и Драй вдвоем завалили одного нурмана, самого молодого, а потом — вместе с Устахом — еще одного, последнего. Можно сказать: едва-едва одолели. Да и то лишь потому, что нурманы в самом начале схватки потеряли троих. Теперь Серега полагал, что понимает, отчего Горазд и остальные так не хотели начинать драку.

Однако очень скоро выяснилось, что понимать-то он понимает, но не до конца.

Серегину рану Слада зашила, прилепила сверху нашлепку из мха, забинтовала туго и отправилась помогать другим, оставив суженого отдыхать на бревнышке. Помощь пострадавшим

оказывалась примерно такая же, как и Духареву. Зашить-перевязать. Малоприятная процедура, учитывая отсутствие обезболивающего. Особенно круто обошлись с потерявшим кисть — прижгли культю раскаленным железом. А парня, которому нурман вспорол живот, даже и лечить не стали, просто перерезали горло. Ясно, что не жилец.

Убитых сложили вместе: своих и врагов. Горазд отправил челядников рубить лесины: мертвых следовало как можно скорее предать огню, чтобы их призраки не докучали живым. Теша, правда, хотел, чтобы убитых нурманов не сожгли, а зарыли в землю. В отместку за убитого друга, Зубка. Но остальные сочли это слишком жестоким. Одно дело — надругаться над телом, другое — над духом. Тем более что закопанный в землю дух рано или поздно вырвется и начнет мстить. Нет уж, пусть летят нурмановы духи в свою Валхаллу, изопьют там брагу забвения и не вспоминают более о своих земных убийцах.

Все вокруг суетились, складывали костер, обдирали убитых врагов, собирали в дорогу своих мертвых... Все трудились, даже легкораненые, только Духарев сидел один-одинешенек, голову повесив, прислушивался к боли в ноге и предавался грустным мыслям. Вот, дескать, он уже и бился вместе с ватажниками, и не хуже прочих бился, а все равно как чужой.

От этих «плодотворных» размышлений его оторвал скрип снега.

Серега поднял голову. Перед ним стоял Горазд.

А за спиной Горазда выстроилась вся ватажка: воины, слуги, челядники, чуть дальше — женщины. Отдельно от остальных — Слада. Из-за плеча девушки выглядывала довольная мордочка Мыша.

Горазд ждал.

Серега понял, чего ждет купец, и поднялся, поморщившись от боли в раненой ноге.

Тут Горазд Серегу по-настоящему удивил. Поклонился низко, в пояс, как Скольду и то не кланялся.

— Прости меня, витязь Серегей, за непочтенные слова, кои говорил тебе прежде! Не знал я, каков ты! Смеялся над кулачным твоим уменьем! Прости!

— Да ладно, пустое,— пробормотал смущенный Серега.— Ну о чем тут говорить...

— Прощаешь ли ты меня? — пробасил купец.

— Ну конечно! — воскликнул Духарев.— Слушай, можно, я сяду, нога болит.

И, не дожидаясь ответа, опустился на бревно.

Горазд и остальные остались стоять.

— Ты спас мою жизнь и имение мое. Ты спас всех нас,— продолжал Горазд торжественно.— Я должник твой.

— Ты меня нанял,— напомнил Духарев, но Горазд пропустил его слова мимо ушей.— Мы все кланяемся тебе, Серегей-витязь! — Купец поклонился еще раз, и все остальные, от Устаха до последней девки-челядницы, последовали его примеру. Даже чудин, с которого так и не сняли цепей, и тот согнул спину.

Серега совсем смутился и снова встал.

Вперед вышли Драй, Голомята и двое кривичей, чьих имен Серега не помнил. По знаку Горазда они расстелили на снегу оленью шкуру, а на шкуру сложили серебряными кучками кольчуги и панцири, отдельно — шлемы. Отдельно от шлемов — мечи, кинжалы, луки и прочее. Одежду и кошели положили прямо на снег. Без того почтения, какое оказывали оружию.

От Духарева чего-то ждали. Чего?

Может, чтобы он примерил доспехи? Или разделил имущество на всех?

У Сереги не было ни сил, ни желания догадываться. Поэтому он изобразил головокружение (очень естественно, потому что голова у него действительно кружилась), оперся на бревно и прикрыл глаза.

Драй сунулся помочь, но его опередил Мыш.

— Тебе худо, Серегей? — озабоченно спросил названый брат.

— Есть немного,— пробормотал Духарев. Горазд махнул рукой, и через три секунды рядом с Серегой остались только Мыш и Слада. И трофейное имущество осталось.

Слада поднесла к Серегиным губам чашку с горячим медом. Серега покорно отпил, хотя успел уже возненавидеть эту сладкую бурду.

— Мыш,— негромко спросил он.— Что мне со всем этим делать?

— Оделить тех, кто лучше бился,— Мыш даже удивился вопросу.

— А почему я, а не Горазд, не Устах?

. — Так он же сказал, что ты теперь старший. Без тебя нас всех посекли бы. Кабы ты обоих волколюдов не побил, нурманы б уже с нас живьем шкуру драли.

— Каких еще волколюдов?

— Да этих же, ну! — Мыш напрягся, вспоминая нужное слово. Вспомнил: — Бересерков! Или нет? Бересерки, это которые в медведев перекидываются...

— Слушай, Мыш,— сказал Духарев.— Давай по порядку. Я, правда, ничего не понимаю в этих делах.

— Ври больше! — усмехнулся Мыш.— Все видели, как ты одному ка-ак врезал! А главному волчаре! Да он как упал, так и помер. Драй ему потом на всякий случай поленом башку разбить не смог!

— А почему поленом? — удивился Духарев.

— Дык волколюд же!

Понемногу Серега докопался до сути происшедшего.

Горазд с ватажниками своими испугался не просто нурманов. То есть нурманов тоже боялись, но куда меньше, чем берсерков-волколюдов. Считалось, что даже один берсерк способен укокошить полдюжины обычных ратников, поскольку бьет так быстро, что глазу не видно, а сам никакого железа не боится, хоть мечом его руби, хоть стрелой бей. А завалить волколюда можно только голой рукой или отрезанной медвежьей лапой. Что Серега нынче и доказал, повергнув наземь аж двух волколюдов. Один, правда, может, и не сильный волколюд был, потому что Мыш ему, оглушенному, горло перерезал и кровь побежала сразу, как у человека. Правда, нож, которым Мыш нурмана резал,— его же, нурмана, нож. Может, поэтому нурман и поддался. А может, это потому, что Сергей своим молодецким ударом из оборотня колдовство выбил. Но второй, главный, точно был сильный волколюд, авторитетно заявил Мыш. Горазд его не шутя мечом рубанул — и ниче. А Духарев один раз кулачищем приложил — и бересерк откинулся. Вот поэтому Горазд и извинялся. Мол, смеялся над Серегиным умением на кулачках биться, а выходит, это не просто для смердов потеха, а самая что ни на есть антиберсерковская боевая техника. Горазд — он крутой. Но справедливый. Наверняка теперь Духареву долю в товаре даст. И это правильно. Не будь Сереги, нурманы бы все забрали. А людей перебили всех, чтоб некому было на них князю жалобиться. И то, если б про-

сто побили, а то ведь они, нурманы, а особенно волколюды, нет бы просто убить, так сначала мучают долго. От человеческой муки у них, говорят, сила прибывает. А уж что они с бабами творят...

Серега почувствовал, как напряглась сидящая по его левую руку Слада.

Он обнял девушку, прижал к себе: не бойся, милая! Никто тебя не обидит, пока я жив. А убить меня теперь ой как не просто!

Поговорив о садистских наклонностях нурманов, Мыш счел информационную часть беседы законченной и перешел к теме более животрепещущей. К дележу имущества.

Как выяснилось, Мыш совершенно точно знал, кому и что следует дать.

Во-первых, самому Духареву по праву победителя принадлежит все, что найдено на телах обоих берсерков и того нурмана, которого Серега зарубил в лесу. То, что главаря разбойников вроде бы добил Драй, а второго — Мыш, значения не имело. Беспомощного может и баба добить, так что ж ей, бабе, меч со щитом отдавать? Да она его и не подымет, боевой щит-то! Хотя он, Мыш, очень рассчитывает, что Серега отдаст ему нурманов боевой нож и пояс с серебряными бляшками. Драю можно отдать доспехи разбойника, которого они с Гораздом осилили. Меч Горазду отдать. А с третьим, которого уже втроем с Устахом побили, пусть сами решают, кому что.

Самое ценное, понял Духарев, его панцири. Он взял со шкуры тот, что раньше принадлежал вожаку нурманов.

Изнутри панцирь состоял из переплетенных кожаных ремней, к которым ремешками более тонкими крепились разных размеров стальные пластинки. Пластинки были выпуклые и упругие, а друг на друга ложились внахлест, как рыбья чешуя. На самых крупных был выбит значок — клеймо мастера, вероятно. О высоком качестве брони говорило хотя бы то, что молодецкий удар Горазда всего лишь помял несколько чешуй. Еще в защитный комплект волколюда входила кольчуга с короткими рукавами. Серега прикинул, что такая двойная «шкура» способна выдержать и удар топором, и даже попадание «бронебойной» стрелы, выпущенной из мощного лука. Панцирь был достаточно широк, чтобы Серега

мог носить его поверх тулупчика. Кольчуга — поуже. Но кольчуг было еще четыре, и одна — вполне подходящего размера. Еще Серега приглядел себе удобный шлем со стрелочкой, которую по желанию можно было опускать и поднимать, и красивые позолоченные наручи с чеканкой, явно нездешней работы.

— Забирай свой нож,— сказал Духарев Мышу.— И позови Устаха с Гораздом. Будем имущество делить.

Утром Устах нашел дополнительные трофеи — нурманские вещмешки, в которых, впрочем, ничего особенно ценного не оказалось.

А еще Серега, отчасти из озорства, отхватил кусок волчьей шкуры, которую носил на плечах нурманский вожак, и попросил Сладу пришить серый клок к трофейному панцирю. Наподобие эполета. Мальчишество, конечно. Ватажники по поводу этого «украшения» ничего не сказали. Раньше, может, и намекнули бы, что нехорошо дразнить навий, бросать вызов мстительному духу волколюда. «Объяснили» бы то, что «знает» любой кривичский мальчишка. Но теперь все, включая Горазда и Устаха, считали Духарева экспертом по берсеркам. Раз Серега рискнул бросить «вызов» судьбе, привлекая возможных мстителей за убитого нурмана, значит, так и надо.

Серега же об этих «тонких сакральных материях» понятия не имел. Впрочем, сказали бы ему, все равно не срезал бы «серый» погон с плеча. Несмотря на все, что с ним произошло, Духарев никак не мог научиться принимать всерьез эти самые сакральные материи. И правильно. Неверие и неведение — тоже защита. Хотя в данном случае эта защита не сработала. Впрочем, может, и не в незримых силах дело, а в обычной случайности?

Глава тринадцатая,

в которой Серегу Духарева производят в высшее воинское сословие

Неленя не долго плакала по Зубку. Трех дней не прошло, а она уже прилепилась к Драю. Серега ее не осуждал: молодая красивая женщина без родичей и заступников — вроде бро-

шенного на дорогу кошелька. Кто первым подберет — тот и молодец. Правда, он ожидал, что молодица выберет мужнина друга Тешу, но, с другой стороны, в табели о рангах Драй стоял на уровень выше, а парень неплохой, хотя, по сути, мальчишка. Недавно он копировал каждый жест Устаха, а теперь нашел еще один образец — в лице Духарева. Почтительно попросил показать удар, каким Серега разбил горло нурману, еще более почтительно попросил побиться с ним на палках. Сереге и самому было интересно пофехтовать, поэтому он поработал сначала с Драем, а потом и с Устахом. Драя он сделал без особого труда, а вот с Устахом оказался почти на равных. Не будь у Сереги преимущества в быстроте, росте и силе, синеусый воин разделал бы соперника под орех. Оба, Серега и Устах, получили от поединка огромное удовольствие.

— Сразу видать, что тебя варяг учил! — одобрительно заметил синеусый воин.

Серега тоже заметил «общность школы», основанной не столько на силе, сколько на быстроте, ловкости и выносливости. Правда, и силу не следовало сбрасывать со счетов.

Заодно Серега решил преподать пару уроков своему названому братцу. И тут же столкнулся с проблемой. Выяснилось, что сам Духарев понятия не имеет о «базовой технике» фехтования. Практичный Рёрех эту часть попросту опустил, построив обучение на тех «рукопашных» навыках, которые уже были у Духарева. Пришлось Сереге обратиться за помощью к Устаху.

Синеусый варяг помог. Не без удивления. Его можно было понять. Не так уж часто встречаешься с писателем, который не знает букв, а изъясняется исключительно готовыми фразами.

Мыш, вопреки ожиданиям Духарева, оказался парнишкой способным, и Устах даже укорил Серегу в том, что пацана не отдали в детские годиков пять-шесть назад. Тогда к настоящему времени из Мыша вышел бы уже вполне боеспособный отрок, а не тощее белобрысое убожество, каким побратим Сереги и является сейчас. Серега в ответ возразил, что Мыш стал его братом меньше года назад и, следовательно, он, Духарев, раньше не имел возможности принять участие в его судьбе.

Устах взял упрек назад.

А спустя два дня у них с Серегой произошел серьезный, можно сказать, глобальный разговор.

Они сидели у костра. Духарев, Слада, Устах, Драй с Неленей, Теша и пара воев-кривичей, молодых.

— Я — варяг по крови,— сказал Устах.— Драй — варяг по жизни. Кто из нас лучший?

— Ты,— не раздумывая, ответил Серега.

— Почему?

— Бьешься крепче.

Драй засмеялся.

— Подкинь,— уронил Устах, и кто-то из молодых подбросил в огонь сучьев. Пламя оживилось.

— Крепче,— согласился Устах.— А с тобой?

— Ну... Меня ты тоже достать можешь,— уклончиво ответил Духарев.

— Могу,— согласился Устах.— Два раза против пяти.

— Ты лучше бьешься,— не согласился Духарев.— Просто я быстрее.

Это тоже было правдой. Устах владел оружием намного лучше, Духарев учился у него, а Устаху у Сереги учиться было нечему.

— Понимаешь, к чему я клоню? — спросил Устах.

Духарев покачал головой.

— Скажи ему, Драй.

— На словенской земле,— сказал новгородец,— от моря Северного до Дикого Поля только нурманы и варяги — лучшие воины. Тебя кто пляске битвы учил, варяг иль нурман?

— Варяг,— ответил Духарев.

— Ну так?

— Я понял,— сказал Серега.— Что от меня требуется?

— Эй, молодица, воды горячей подай! — скомандовал Устах Нелене.

Он порылся в сумке, вытащил и бросил в котелок щепоть сушеной травы. В воздухе густо запахло мятой.

— Бороду смочи,— велел варяг, вытягивая из чехла нож.— Угу. А теперь чуток наклонись.

Лезвие, остротой вполне соперничающее с бритвой «Жиллет», прошлось по Серегиным щекам, и светлая бородка осыпалась на подставленную рогожку. Минута, не больше — и от светлой поросли остались только сбегающие книзу усы. Конечно, не такие роскошные, как у Устаха, в косички не заплетешь, но вполне приличные.

— А голову? — спросил Духарев, вспомнив Скольда.

Драй и Устах засмеялись.

— Пока так походишь,— сказал Устах.— Голову лучшие мужи бреют.

Серега пощупал свисающие по сторонам подбородка усы.

— Ну что? — спросил он.— Это все?

Он помнил, как они братались с Мышом, помнил Волохово капище и ожидал неких особенных обрядов, клятв... А тут — просто как в парикмахерской.

Устах смахнул волосы с рогожки в огонь, пробормотал что-то и поднялся.

— Не все,— произнес он.— Пойдем. Прогуляемся.

Они отошли от костров, в темноту. Под ногами похрустывал снег. Где-то жалобно и тонко провыл волк. Но никто из его братьев не отозвался.

Устах остановился.

— Слушай,— произнес он негромко.— И запоминай. Наш устав простой, но кто его преступит — умрет. Мы, варяги, сыновья моря. Потому на море мы никогда друг против друга не встаем. А на твердой земле, бывает, под разными знаменами ходим. Бывает, вожди наши меж собой бьются. Это ведь жизнь. В жизни и брат брата погубить может. Ты вот — христианин, я — первым Перуна почитаю. Схлестнутся наши боги, начнут спорить, кто выше, так и мы с тобой железом играть начнем. Варяг против варяга. Но есть у нас своя Правда. И ты эту Правду знать и исполнять должен. А отступишь — тебя любой из нас, как пса бешеного, убить может. И виру князю иль наместнику с воеводой платить не станет, коли наместник, князь иль воевода — тоже варяг. А коли не варяг... Все одно платить не станет! — Устах засмеялся, но тут же посерьезнел.

— Вижу,— проговорил он,— ждешь ты, что я клятву с тебя возьму? Не жди. Клятву с тебя вождь возьмет, когда под свою руку примет. А коли ты, и без клятв, от варяжской Правды отступишь, мы, люди, тебя к ответу призовем не хуже сильных богов. А теперь слушай ее, Правду! — Устах положил руку на плечо Духарева.— Слушай и внимай. Первое: варяг никогда не приведет беду на землю своих пращуров! Внял?

— Да,— кивнул Духарев.— А где эта земля, Устах?

Глава четырнадцатая,

в которой Серега узнает кое-что полезное о политике и выслушивает еще одну версию гибели Вещего Олега

Превращение Сереги в варяга ватажкой Горазда было принято одобрительно, а Мыш вообще был в восторге. Единственный, кому пришелся не по душе новый имидж Духарева, был сам Горазд.

— Был ты наш, кривич, а стал — кто?

— Стал варяг! — отрезал как будто выросший из-под земли Устах.— Иль ты хочешь что плохое о варягах сказать? Говори!

Горазд поглядел на своего собственного наемника... Сплюнул, толкнул коня пятками и ускакал вперед. Устах дернул крашеный ус.

— Горазд — муж добрый, только...— варяг ухмыльнулся,— ...кривич. Втемяшилось ему, что его родовичи — из славян лучшие.— Устах согнул палец крючком, постучал по ладони.

— Да ему просто долю князю платить жалко! — возразил Духарев и тоже ухмыльнулся, поскольку не забыл, какие темы толкал купец, когда Духарев, связанный, бежал за его повозкой. Что-то он тогда не называл Серегу «нашим» и «кривичем», а называл чужаком и определял не в национальные герои, а в ромейские рабы.

— Кривич не кривич, а посулят Горазду цену хорошую, он половину своих родичей продаст!

— Ты не прав, Серегей,— покачал головой Устах.— Есть у Горазда челядники-кривичи, да, но чтоб он их на торг ставил, я не слыхал. А что Горазд долю княжью платить не хочет, так тут ты прав. И он — прав. При Олеге с ромеями торговать выгодней было. Боялись его крепко, и рота у ромеев с Олегом была одна. А с Игорем — уже другая. Олег их бил, а Игорь так, пощипал немного. А с гостей, таких как наш Горазд, берет против Олега вдвое. Эх, какой князь был! — Устах вздохнул.— Велик был, мудр... а погиб глупо.

— Почему глупо? — спросил Духарев.— Я слыхал, его в степях подстрелили.

— Так говорят,— вздохнул Устах.— Но ты теперь варяг, тебе правду скажу. Ее немногие знают, только те, кто с Олегом

тогда ходил. Мой отец — из Олеговых русов. Он мне и рассказал.

Варяг придержал коня, который все порывался обогнать Серегиного Пепла, и продолжил, немного понизив голос:

— Олег тогда к хузарскому хакану ходил...

История Вещего Олега в версии варяга Устаха

...Олег-князь тогда к хузарскому хакану ходил. О дорогах договариваться: кто и где их держать будет. Ране хузары все пути держали да на нашу Русь глядели гневно, что дань теперь поляне да прочие не им, а нам платят. Но когда самого хакана печенеги щипать стали, не до старых ему обид стало. А ведь сказал ему волох еще в Киеве: не ходи, сгибнешь. За коня смерть получишь. А конь у Олега хорош был. Таких с восхода везут, а у ромеев продают за серебро по весу. Олег его от ромеев и привез. Волох сказал: смерть примешь; да рази такого, как Олег, Ирием застращаешь. Сказал: я сам ведун, сам знаю, где моя гибель бродит. Может, и знал.

С хаканом у них хорошо сладилось. Ну, Олег на радостях ему своего коня и подарил. Может, вспомнил волоховы слова, потому и отдал. И хакан его отдарил щедро: привел к наложницам своим, из тех, с кем еще не возлежал: «Выбирай, говорит, какая глянется!»

Олег и выбрал. А девка, змея, его ночью и убила. Наши утром в шатер вошли, Олег мертвый лежит, синий весь, и девка — мертвая: жилы вскрыла. Так вот никто и не узнал, за что она его убила.

— Может, ее специально хакан научил? — предположил Серега.

Устах покачал головой:

— Хакану-то зачем? Хакану с Киевом дружить хорошо. У хузар печенежские орды — что рогатина в боку. Не до нас им. Ну, бывало, бились они и с Олегом, но ясно же, что, чем друг у друга стада да табуны угонять, куда веселей ромеев за мошну щупать. Да и бились чаще по наущению тех же ромеев. А Киеву со Степью ссориться тоже не с руки. Уйдет князь с русью в поход иль в набег — а степняки уже под киевскими стенами. И девка та — ромейкой была. Вот и смекай.

Серега подумал и спросил:

— А Игорь, он тоже с хазарами дружит?

— Игорь? Нет,— Устах качнул головой.— Игорь ни с кем не дружит.

— Почему?

— Жаден слишком. Вот слыхал, как он на ромеев первый раз ходил? Как побили его? А почему побили, слыхал? Потому что с малой дружиною шел! А почему с малой? Да чтоб добычей не делиться! Олег войско по всей своей земле набирал. А Игорь, даже когда по второму разу на Царь-город ходил да понял уже, что одними гриднями ромеев не повоюешь, и тут извернулся. Печенегов в союзники взял. Волков степных удумал на сворку взять. Ну и купили их ромеи. Всех. Что печенегов, что дружину Игореву. Посулили им малую дань — они и согласились. Оно ведь как: каков князь, такова и дружина. Лучше, говорят, малая дань без боя, чем большая сеча. В сече-то неизвестно, кто победит. А тут еще печенеги, того и гляди, в спину ударят за ромейское золото.

Вот Свенельд, воевода княжий, тот — молодец. И силой не обижен, и к своим щедр. У него отроки в шелках ходят, а у Игоря гридни — в холстине. Иной раз и не поймешь: гридь или разбойник с тракта.

«Вот это точно!» — подумал Духарев, вспомнив тех, кто грабил кузнеца.

— Значит,— сказал он,— больше всех от смерти Олега получил Игорь?

Устах поскреб затылок.

— А ведь точно,— согласился он.— Стол в Киеве он получил. Только Игорь хоть и жаден, аки нурман, а все ж варяг по крови. Олег его в Киев на руках внес. Не мог он Олега сгубить! Да и повадка это не наша, а ромейская.

— Тебе видней,— согласился Духарев.

И вдруг со всей отчетливостью, как в тот раз, на распутье, понял: он прав. Он, а не Устах. Кто бы ни осуществил убийство, но сделано это с подачи нынешнего киевского князя. Типичная заказуха.

Эта уверенность-знание (второй раз!) потрясла Серегу больше, чем сам открывшийся факт. Да и что в этом факте неожиданного? Это здешним парням, с их благоговейным отношением к родичам и обязательствам, факт сей кажется психо-

логически невероятным. Но Серега — выходец из общества с совершенно другой моралью. Из общества, где «князьями» становятся именно те люди, которые легко забывают о родстве и обязательствах, когда речь заходит о деньгах или власти.

И как же поступить самому Духареву? С одной стороны, знание психологии киевского князя может стать неплохим подспорьем, если Серега поступит к нему на службу. С другой стороны... Это там, откуда Серега ушел, у него не было выбора: один говнюк стоит другого. А здесь, слава Богу, выбор пока еще есть.

Глава пятнадцатая

Смоленск

Наконец наступила весна. В смысле, потеплело и снег потек водой. Горазд заторопился. Понятное дело. Еще чуть-чуть — и гладкий санный путь превратится в болотную жижу. К счастью, до Смоленска оставалось меньше двух переходов, но Горазд все равно ворчал недовольно: мол, всегда приходил заблаговременно, а тут... Кого купец винил в опоздании, было непонятно.

Спешили все, не только Горазд. Их дважды обогнали караваны с более легким грузом и без медлительных челядников. Пытались обогнать и по третьему разу: перед самым постоялым двором какой-то молодой новгородский купчина вознамерился. Рассчитывал, вероятно, занять места получше.

Горазд что-то недовольно буркнул Устаху, синеусый варяг кивнул Духареву: составь компанию.

Новгородского купца, который, встав на санях, начал было что-то говорить, Устах проигнорировал. Подъехал к старшему охраннику чужого поезда, не нурману, не варягу, а обычному вою, хоть и в хорошем доспехе, уронил:

— Слезь с хвоста.

Повернул коня и отбыл.

Серега, чуть задержавшись, не без удовольствия глядел на то, как борются в чужом охраннике противоречивые чувства, подмигнул бедняге, поскольку заранее знал, какое чувство победит,— и последовал за Устахом.

Через пару минут передние сани новгородцев, уже поравнявшиеся с уныло бредущей челядью, встали. И простояли достаточно, чтобы замыкающий Горазда перестал их не только видеть, но и слышать.

Предосторожность Горазда оказалась весьма нелишней. Постоялый двор был небольшой, вдобавок здесь уже разместился один поезд, так что обгони новгородцы торжковских — ночевать последним на улице. А так на свежем воздухе расположились новгородцы. Что ж, и в такой ночевке имелись свои плюсы. Серега, например, никак не мог привыкнуть к местной системе отопления, к густой копоти и хлопьям сажи на потолке, и, если приходилось ночевать в общем зале, старался лечь поближе к двери.

— Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой...—

вполголоса затянул Теша.

«Ворону» ватажников научил Духарев. Песня всем понравилась. Даже Устах высказался в том смысле, что правильная, реальная песня. Правда, музыкальный слух, да и память тоже у Сереги чуток прихрамывали, но поскольку никто из присутствующих не слышал оригинала, то и критики в адрес Духарева не было. Вообще-то здешний народ попеть любил, только все песни были какие-то... заунывные. На одной ноте.

Ватажка Горазда собралась за одним длинным столом. Те, кто поавторитетней,— ближе к середке, остальные — по краям. Диковатый чудин и еще пара челядников, которым не хватило места,— на присыпанном соломой земляном полу.

Теша умолк, потому что Горазд начал рассказывать о степняках. Тема была актуальная. Половина людей из ватажки на юге никогда не бывали и о кочевых племенах знали только всякие байки, типа того, что степняки умываются пылью, а к сбруе привешивают засушенные головы врагов.

— Что есть главное свойство кочевника? — неспешно толковал купец.— То, что возникает он как бы ниоткуда и никто не знает, какой он силы и чего от него ожидать. Иной раз даже и непонятно, человек ли он или полунежить.

«Ну прямо вылитый я!» — подумал Духарев.

— Отошел ты, Теша, к примеру, по нужде...— Горазд усмехнулся.— Только пристроился, а тут степняк. Ты и облег-

читься не успеешь, а у тебя уже стрела между ушами торчит. А то и вовсе, хвать тебя арканом — и поскакал. А ты следом, наподобие свиной туши.

— Ну, аркан можно и ножом секануть,— не сдавался Теша.

— Угу,— Горазд погладил бороду.— Гузку свою секани, проще будет. Он же тебе аркан не на язык накинет. Если убить захочет, то на шею, а если живым взять — на тулово. Так, чтоб и руки прихватить.

— Да я выдерусь! — самонадеянно заявил Теша.

— Вот он,— Горазд кивнул на Духарева,— может, и выдерется. А ты, как за лошадиным хвостом полстрелища проволокешься, вообще забудешь, кто ты есть!

— Так что ж делать?

— Одному не ходить! — рявкнул Горазд.— Зброю из рук не выпускать! Ушами слушать, носом нюхать, всякое подозрительное место взглядом держать. Верно я говорю, Устах?

Варяг кивнул, но добавил:

— Степь велика. Можно дни ехать — и никого не встретить. А вот у порогов, где волоки, степняки всегда сидят. И ежели видят, что вас немного, нападут непременно.

— А бьются как? — спросил кто-то.— Крепко?

— Из луков бьют хорошо,— ответил варяг.— А в сече — так себе. Если их врасплох взять, побить можно. А так, они чуть что — по полю рассыплются, и ищи-свищи.

— А можно их — врасплох? — жадно спросил Мыш.

Его тут же щелкнули по лбу: не лезь в старшие разговоры. Но Устах ответил.

— Брали и врасплох,— сказал варяг.— Побить любого можно, хоть кочевника, хоть нурмана, хоть самого крепкого воеводу. Если умеючи. Олег бил. Свенельд и ныне бьет... А хитрый ромей, к примеру, сам не бьет, а других натравливает.

— Умно! — одобрил Голомята и хлебнул меду из чужой кружки. Как бы по ошибке.

— Может, и умно,— отозвался Горазд.— Да только кто мошной вместо клинка воюет, у того когда-нибудь мошну и отберут.

«И это купец!» — подумал Духарев не без восхищения.

Нет, ему определенно нравились эти ребята. И их идеология. И вообще...

Он наклонился и поцеловал Сладу в теплую макушку.

— Спать не хочешь? — спросил он вполголоса.
— Немножко.
— Пошли. Я тебе на ночь сказку расскажу.
— Какую?
— Стра-ашную! — Серега округлил глаза.— Про Дракулу!
— Ох! — Черные глаза блеснули.

Слада ужасно любила страшные истории, которых у Сереги был немереный запас. И в здешнем мире, где не было ни книгопечатания, ни видео, у Духарева был эксклюзив на самые фантастические истории.

Вопреки Серегиным ожиданиям, отметка, оставленная нурманским топором на его ноге, затянулась поразительно быстро. Зато погода окончательно испортилась. Еще с ночи зарядил дождь, а к Смоленску подъехали уже после полудня, мокрые и сердитые. Челядники стучали зубами и бежали рысцой, чтобы согреться. Воины, конечно, не мерзли, но и им дождь — одни неприятности. Вода беспощадно губит лучшее оружие, особенно луки.

В воротах уже стояли трое саней. Люди смоленского воеводы шмонали сани с большим усердием. Определяли размер пошлины. Хозяева саней стояли кучкой, мокли и терпели. Серега представил, как смоленские стражники будут до вечера потрошить поезд Горазда, и ему очень захотелось выпотрошить самих стражников. Тем более что заправлял ими молодой нурман с очень паскудной улыбочкой.

Однако обошлось. У Горазда оказалась гостевая льгота и особая княжья гривна в подтверждение того, что все подати с купца будут взяты в Киеве. И только в Киеве.

Смоленск утопал в грязи. Здесь не было деревянных тротуаров, как в Малом Торжке. Растаявший в одночасье снег и проливной дождь превратили улицы в ледяную жижу по колено глубиной. К счастью, идти пришлось недолго. Постоялый двор, с хозяином которого у Горазда была договоренность, располагался недалеко от ворот. Гораздова ватажка оккупировала пространство около печи. Не чинясь, и вольные, и холопы скинули мокрую одежду и завернулись в льняные полотна, принесенные хозяином гостиницы. Всех напоили горячим медом, который на этот раз даже Серега выпил с удовольствием. Хозяйские слуги принесли три корзины с живыми гусями.

Гуси были придирчиво изучены, найдены достаточно жирными, одобрены и унесены на смерть. Через четверть часа они уже румянились над огнем, распространяя сногсшибательный запах.

Ущемленные ватажкой прочие купцы-постояльцы, которым тоже хотелось устроиться поближе к огню, убаюканные мирным видом новых гостей, взялись отпускать весьма неприличные замечания по поводу статей женщин. А также высказывать определенные сомнения по поводу мужских достоинств составляющих ватажку мужчин. Поскольку большая часть замечаний касалась красавицы Нелени, то Драй в конце концов вышел из терпения, взял меч, отбросил простыню, чтобы не мешалась, и встал перед юмористами. Отсутствие одежды смущало его не больше, чем даму на пляже — отсутствие бальных туфелек. Золотая гривна, определяющая статус воина, полдюжины оберегов и, главное, меч — вот то, что нужно варягу, чтобы чувствовать себя прикинутым по лучшей моде. Тряпки — это мелочь.

Голосом, холодным, как болотная слякоть, Драй предложил сомневающимся убедиться, что мужские атрибуты у него присутствуют, а затем предложил свою помощь, если кто-то из присутствующих желает определиться евнухом при дворе царьградского кесаря. Купцы не пожелали. Возможно, они были не робкого десятка. Возможно, будь Драй один, они бы повели себя более энергично. Но три варяга — это слишком много даже для очень воинственных торговцев. Шутки прекратились. Возможно, после пары корчаг меда и дюжины кувшинов пива новые и старые гости даже подружились бы, но вновь прибывшие слишком устали для застолья и сразу после трапезы разбрелись по своим углам. Серега, правда, прежде чем подняться вместе со Сладой и Мышом в предоставленную им комнату, не поленился зайти на конюшню, проведать Пепла.

Когда он вернулся, Мыш и его сестра уже сопели в четыре дырочки. Сереге спать еще не хотелось, поэтому он отправился в гости к Устаху. У того уже сидел Драй. Варяги развлекались, передвигая деревянные фигурки по разделенному на клетки полю. Не без удивления Духарев признал в игре шахматы.

Драй проиграл, и Устах предложил Сереге сыграть с ним партию. Духарев отказался. В шахматы он последний раз играл лет в десять. А тут еще и правила небось другие.

Варяги поменялись фигурами и сыграли еще раз.

Дождь кончился.

Драй опять проиграл, и Устах послал молодого кривича, с которым делил комнату, за Гораздом. А Серега ушел спать.

Глава шестнадцатая,

в которой Серега Духарев знакомится с городом Смоленском, вернее, с его окрестностями

Когда Духарев проснулся, Слады в комнате не было, а Мыш сидел на коврике и терпеливо ждал, когда его названый брат соизволит продрать глаза. Как выяснилось, ждал он не просто так.

— Слышь, Серегей, ты Сладку не передумал в жены брать? — осведомился он.

Духарев сел, поморгал, отгоняя сон.

— Нет,— ответил он.— А чего это ты вдруг озаботился?

— А того, что я ей единственный родич! — заявил Мыш.— Ну если тебя не считать, а тебя сейчас считать нельзя, потому что ты — жених. Ну что, берешь Сладку женой?

— Беру,— сказал Духарев.— Только не наезжай.

— Главной женой? — уточнил дотошный Мыш.

— Самой главной!

— По рукам! — Мыш подставил ладонь, по которой Духарев хлопнул с большим удовольствием. С еще большим удовольствием он отвесил бы пацану подзатыльник. Разве можно наваливаться с такими вопросами на только проснувшегося человека?

Мыш потер ладошку.

— Меня Сладка послала,— простодушно сообщил он.— За тебя беспокоится. Говорит: ты муж сильный, тебе каждый день женщина нужна.

— Ну уж и каждый день...— пробормотал заочно польщенный Духарев.

— Так что надоть вам побыстрей пожениться, говорит, не то загуляешь,— деловито продолжал Мыш.— Согласен?

— Ой загуляю! — мечтательно проговорил Духарев.— Весь Смоленск перетрахаю!

— Чего весь Смоленск? — не понял Мыш.

— Согласен, говорю! Что от меня требуется?

— Откупа я с тебя брать не буду,— сообщил Мыш.— Ты ж в роду старший. Выходит, сам себе и заплатишь. Ну и с приданым то ж самое.

— Да я не о том,— махнул рукой Духарев.— Как у вас свадьбы-то играют?

— Мы ж христиане,— сказал он.— Нам играть не положено. Да ты не беспокойся. Я Сладке скажу, она все устроит. Она с утра на Торжок ходила, узнавала, где тут братьев наших Христовых найти можно. Коли ты согласен, так она узнает, что да как. Ну а ежели никто из здешних вас поженить не сможет, тогда до Киева ждать придется. Ты как, дотерпишь? А то давай я с Гораздом поговорю: он тебе до Киева челядинку любую даст, на какую покажешь. Неча тебе деньги зря на смольнянских девок тратить! — решительно заявил он.

— Ах ты наш бережливый! — ласково проговорил Духарев, и наученный опытом Мыш быстренько прикрыл ладонями уши.

— Я же токо о нас и забочусь! — обиженно пропищал он.

В дверь постучали.

— Серегей! — раздался голос Устаха.— Айда коней пробежим! Как?

— Иду! — крикнул Духарев.

— Сладе скажи — к обеду вернусь,— велел он Мышу.

— Да хоть к ужину! — отмахнулся пацан.— Ты токо денег на баб не трать.

И ловко увернулся от оплеухи.

«Пожалуй, воин из него выйдет,— подумал Серега.— Проворен».

— Кончай прыгать,— сказал он.— Кольчугу мне подай, братишка.

Чешуйчатый панцирь Серега надевать не стал. Не на битву ехать. Кольчуга, шлем, меч, пара ножей... Обычная «оснастка» воина-варяга на мирной прогулке. Серега поглядел на себя в бронзовое зеркало, опустил вниз стрелку шлема — хорош! Вот только усы коротковаты.

Во дворе уже ждал Устах. Хозяйский холоп держал в поводу двух жеребцов. С опаской держал: варяжские кони — звери. Вон, это даже дворовые псы понимают, держатся на безопасном отдалении.

— Долго собираешься,— укорил Устах.

Упруго оттолкнулся и вмиг оказался в седле. Серега повторил его движение, но у него получилось куда менее грациозно.

Синеусый варяг припал к шее коня, шепнул ему что-то на ухо. Жеребец с места взял в галоп, помчался через двор, с каждым прыжком наращивая ход. Дворовой, собравшийся отпереть ворота, шарахнулся в сторону, конь Устаха мощно оттолкнулся и перелетел через верхнюю перекладину — выше человеческого роста,— даже не поджимая ног, с запасом.

Сереге очень хотелось повторить прыжок, но он не рискнул, подождал, пока слуга откроет ворота.

Из города они выехали бок о бок, шагом проехали по раскисшей дороге, свернули с нее, срезая петлю, на еще более раскисший луг, затем вверх, по пологому склону, и как только копыта животных перестали по бабки утопать в грязи, оба, не сговариваясь, отдали поводья, и кони понеслись наперегонки, расплескивая копытами мягкий дерн. Пепел выиграл гонку. Вынесся на плоскую вершину, опередив соперника корпуса на два. Он бы скакал и дальше, вниз, но Серега остановил его.

Днепр разбух от талой воды, помутнел. Городу, стоящему на высоком правом берегу, половодье пока не угрожало, но низкий левый берег уже скрылся под водой. Скоро река поднимется еще выше, «запрет» притоки, и тогда вешние воды зальют прибрежные рощи. И каменные зубы порогов.

Серега смотрел на еще не разлившуюся реку и как будто видел эти необозримые пространства почти неподвижной воды, торчащие из нее верхушки деревьев. Он знал, что когда-нибудь увидит воочию это половодье. И еще он знал, что случится это не так скоро...

Духарев очнулся, встряхнул головой.

Устах, чтобы не нарушить состояния товарища, спешился поодаль. Серега уже не раз замечал, насколько чуток синеусый варяг и насколько деликатен. На первый взгляд, совершенно неуместное свойство для человека, чья профессия — убивать людей. Но это только на первый взгляд. Именно чуткость, чутье, интуиция дают возможность вовремя применить силу и сохранить жизнь. Интуиция, умение угадать чужие мысли и намерения, опередить... Или не побеспокоить, если речь идет не о враге, а о друге. Это было не столько свойство души, сколько естественная необходимость. Иначе узкие па-

лубы боевых варяжских лодий или нурманских драккаров стали бы слишком тесными для многочисленных дружин. Грубые, невоздержанные в словах и поступках, постоянно ссорящиеся между собой викинги «обитают» только в голливудских фильмах. В реальной жизни такие туповатые ублюдки перерезали бы друг друга на третьей неделе плавания... На радость прочим морским народам. Конечно, Духарев, который никогда не плавал месяцами, под квадратным парусом, по северным морям, об этом понятия не имел. Но отмечал необычайную тактичность Устаха, его уважение к чужому праву на уединение. Отмечал и учился. Правда, деликатность Устаха распространялась только на друзей, равных. Эмоциям всех остальных людей Устах уделял не больше внимания, чем скрипу тележного колеса. Скрипит — смажем. Плохо крутится — сменим.

Днепр... Серега подумал, что раньше, в той жизни, он никогда не видел Днепра. Только Днепрогэс на фотографиях. В той жизни он и подумать не мог, что будет сидеть в седле и глядеть с вершины холма на весеннюю реку. А за спиной у него будет меч и рядом — самый настоящий варяг, один из тех, о ком преподаватель истории в универе, помнится, говорил, что они вообще выдумка. Устах бы ему объяснил, какая он выдумка. Да нет, не стал бы синеусый воин обижать хилого книгочея. Посмеялся бы и продал теоретика за четверть гривны Горазду.

Внезапно Сереге представилось, как он, в нынешнем прикиде, входит в смешной кабачок с сетками под потолком, где они отмечали последний Вовкин день рождения. А что, он ведь смотрелся бы там вполне органично. Получше, чем бандюки в галстуках. А интересно, что было бы, если б он вместо «деревянных» высыпал на стойку серебро?

Ментов бы вызвали, вот что. И отобрали бы у Сереги меч и прочее. И сунули бы в «обезьянник». И сидел бы он, пока кто-нибудь из корешей не приехал и не отслюнявил «выкуп».

«Нет уж, пацаны! — мысленно сказал Серега тем, кто приложил руку или крыло к его „перемещению“.— Не надо меня назад! Мне тут больше нравится! Тут воздух свежий!» Есть, конечно, и минусы. Вроде отсутствия туалетной бумаги, горячего душа и развитой медицины. Зато...

Пепел переступил под Серегой, покосился на всадника: что, так и будем стоять?

— Ты умница,— шепнул ему Духарев с нежностью. Откинулся в седле и испустил душераздирающий визг, приведший в ужас воронью стаю в соседней роще.

Жеребец Устаха перестал щипать траву, поглядел на Серегу осуждающе.

— А знаешь,— сказал Духарев варягу,— кажется мне: не поеду я в Киев. По крайней мере этой весной.

— Там видно будет,— философски ответил Устах, взбираясь в седло.

Смоленск лежал под ними, как нарисованный. Белые стены, опоясанные черным валом, деревянные причалы — почти вровень с поднявшейся водой, лодки и лодьи, крашеные, новые, и старые, уже потемневшие. Иные уже просели под тяжестью груза, но не отплывали. Серега знал: купцы ждут, когда вода поднимется еще выше и зальет пороги. У причалов без всякого порядка громоздились сараи, за сараями, ниже по течению — верфи. Мимо них, вверх по течению, подталкиваемая длинными веслами, как гигантский жук, ползла боевая лодья. На грязно-белом, почти обвисшем парусе был грубо намалеван красный изломанный крест-свастика.

Устах уже спустился с холма.

— Вперед,— скомандовал Духарев Пеплу, и через несколько минут он и синеусый варяг ехали рядом.

Дорога совсем раскисла. Теперь Серега понимал, почему Горазд так торопился. Задержись они на сутки, и груз пришлось бы навьючивать на лошадей: сани увязли бы в грязище.

Из пригородов тянуло дымом. Где-то близко звенело железо. Кузня, как всегда,— на отшибе.

От дороги ответвилась вверх, на днепровскую кручу, широкая тропа. Устах уверенно свернул на нее. Тропа была нехоженая, покрытая плотной снежной коркой. На обочинах вылезали из лежалого снега, как грибы, столбики из уложенных друг на друга камней. На каждом из верхних булыжников были вырезаны разные знаки. Чаще всего — косой «андреевский» крест. Похожие «монументы» Духарев видел у Волохова капища. Только там само капище еще было огорожено невысоким каменным валом, а здесь ограды не было. Тропа просто вывела наверх, в дубовую рощу. Все деревья тут были старые, подрост тщательно вычищен. Тут и там между деревьями чернели

огромные кострища. В них без труда можно было разглядеть кости. Человеческие. Ага! Вот он, родимый!

Широченные плечи, бычья выпуклая грудь, разделенная натрое борода, выкаченные глазищи... Перун.

Устах спешился. Поклонился с достоинством, вынул из кошеля золотое колечко, вложил в раззявленный рот идола.

Серега тоже спрыгнул на землю, тоже поклонился, чтоб не обижать варяга, конечно, а не потому, что собирался молиться этой деревяшке. Но место и впрямь было мощное. Серега даже ощутил, как побежали по спине знакомые мурашки и захотелось выкрикнуть что-то... грозное.

Яростный черный лик языческого бога был обращен к реке. Такую мелочь, как люди, он словно и не замечал.

— Дай ему что-нибудь,— сказал Устах.— Ты — варяг. Твой Христос не обидится.

Серега достал из кошеля смятую в комок половинку шейной серебряной гривны, сунул в черную пасть идола. Звякнуло. Внутри идол был пуст.

Устах поклонился еще раз.

— Мы еще вернемся, молниерукий,— пообещал он.— Я и он.

Как и следовало ожидать, идол не ответил.

Глава семнадцатая,

в которой знакомство с городом Смоленском продолжается

После обеда Горазд отправился торговать лодьи. С собой он взял пару приказчиков, Мыша и Устаха. Последнего — не в качестве охраны, а в роли консультанта. Урожденный варяг превосходно разбирался в судах. Устах, в свою очередь, предложил Сереге составить им компанию. Духарев возражать не стал. На постоялом дворе ему делать было совершенно нечего. Слада все еще была где-то в городе, почему бы не пойти поглядеть на кораблики.

Смоленские улицы были узки и извилисты. В иных местах всадникам приходилось ехать гуськом, и места оставалось ровно столько, чтобы не раздавить прижавшегося к забору прохо-

жего, который, разминувшись с полудюжиной весело топающих лошадок, оказывался по уши в грязи.

Со стороны реки земляной вал вдоль стены был повыше, чем в других местах. Вероятно, он выполнял еще и функцию дамбы. Через вал был перекинут широкий деревянный мостик. От мостика дорога круто спускалась вниз, к реке.

На берегу было довольно оживленно. Как на ярмарке.

Мыш соскочил на землю, передал повод одному из приказчиков и растворился в толпе. Остальные медленно двинулись вдоль высоких причалов.

У одного из них Серега углядел боевую лодью, что пришла утром. Сейчас парус ее был свернут. Носовая фигура, то ли собачья, то ли лошадиная голова, грозно взирала на людишек алыми самоцветами глаз. Из широкой пасти торчали полуметровой длины клычищи. Моржовые бивни, вероятно.

Духарев слегка потянул поводья, разворачивая Пепла. И в самый последний момент успел увидеть над бортом обветренное квадратное лицо с толстыми синими усищами.

Пепел трусил вдоль причалов — ему поспешно уступали дорогу, а перед мысленным взором Духарева стояла, будто на экране монитора, суровая варяжская физиономия с мощной бульдожьей челюстью и черными бровями под скобкой светло-русой челки. Довольно несимпатичная физиономия, если вдуматься. Но Духареву она почему-то понравилась. Может, потому что варяг?

Лодьи Устах забраковал. Сказал: до Киева дойдут, но не дальше. Корабельщик возмутился, что никого не удивило, и сбавил цену. Но Горазд все равно от сделки отказался. Из этого Серега мог сделать вывод, что купец подумывает о том, чтобы плыть дальше на юг. Духарев был в общем не против, но не мог отделаться от утреннего ощущения, что его это путешествие не касается. Ну и ладно.

На обратном пути Устах встретил приятеля, из южан, коренастого молодца с рыжими, как медь, косами, такой же бородищей и брюхом истинного любителя пива. Молодец оказался зодчим и, точно, большим любителем ячменного напитка. Поэтому Устах и Духарев передали коней Гораздовым ребятам, чтоб те отвели их на постоялый двор, а затем варяги вместе с рыжим отправились в соответствующее заведение, где перекусили жареной зайчатиной, не забывая и о жидкости. Еще один

бурдючок захватили с собой и двинулись на рынок, где, как водится, концентрировалась вся светская жизнь города. За исключением тех случаев, когда устраивали ярмарку.

На рынке обнаружились скоморохи. В количестве аж трех конкурирующих бригад, причем каждая бригада старалась создавать как можно больше шума, дабы затмить конкурентов. Сначала Серегу заинтересовала та, что владела дрессированным мишкой. Мишка был самый настоящий, здоровенный, полностью укоплектованный когтями и клыками. Сквозь ноздри мишки было продето стальное кольцо. Страшный зверюга приплясывал вместе с фиглярами и даже боролся с жилистым дядькой в пестрых штанах. Духарев тоже хотел побороться с мишкой, поскольку зверь, хоть и крупный, не показался ему опасным, а наоборот — вялым и добродушным, как большая плюшевая игрушка. Устах и его приятель принялись Серегу отговаривать: дескать, не к лицу воину приплясывать по-скоморошьи. И общаться с этими тоже не стоит, поскольку глаза отведут да и сопрут что-нибудь.

Отговорили. Купили еще выпивки. Серега проникся сознанием собственной важности, никого не задирал, с женщинами не заигрывал и даже не стал вмешиваться, когда рыжий зодчий повздорил с каким-то поддатым мужиком и между ними произошла небольшая потасовка. А не вмешался Серега потому, что не вмешался Устах. Как узнал Серега впоследствии, варяг, даже будучи совершенно пьян, железно контролировал свою агрессивность. Это было частью своеобразного «кодекса воина». И это было правильно. Обученный боец мог нашинковать столько необученного народу, что страшно представить.

Южанин, впрочем, мужичка отдубасил.

На постоялый двор Серега вернулся уже в сумерках. Один. Устах пошел по бабам.

Глава восемнадцатая,

в которой у Сереги Духарева появляются основания предполагать, что его пребывание в этом славном мире может внезапно оборваться...

Вопреки ожиданиям, Серега утром чувствовал себя превосходно. Но проснулся, разумеется, куда позже, чем Слада с

Мышом. Его названые родичи просыпались раньше жаворонков. Серега подумал немного и выпрыгнул во двор прямо из окна, благо высота всего метра два с мелочью.

На заднем дворе стояла большая бочка с талой водой. Из этой бочки поили живность, но Серега решил, что живность не отравится, разделся и полез в холоднющую воду.

Кайф!

Когда он вылез из купели на солнышко, то обнаружил, что стал предметом пристального внимания местной молодежи.

— Ха! — заявил мальчишка года на два помладше Мыша, показывая пальцем.— Ты такой большой, а он у тя такой мелкий.

— Тебя сюда окунуть,— Серега похлопал по бочке,— так вообще ничего не останется.

Юный критик был посрамлен, а его приятели: пацаненок лет восьми и две девчушки примерно того же возраста — взирали на голого мужика с большим интересом, причем интерес базировался не на том, что Серега голый (эка невидаль!), а на том, что ростом Духарев — под притолоку. Варяг, опять-таки.

Серега решил, что должен уйти красиво. И ушел красиво: подпрыгнул, зацепился за наличник, перехватился, подтянулся и нырнул обратно в окошко.

Аплодисментов не было, только восхищенное: «О-о-о!»

Одевшись, как подобает уважаемому воину, Серега спустился вниз и позавтракал в гордом одиночестве.

Гораздовы сани стояли рядком, накрытые рогожками. С одних саней рогожка была снята. Один из Гораздовых приказчиков перебирал меха.

— Твоя лекарка просила тебе сказать, чтоб не уходил,— сообщил он Духареву.

— А где она? — спросил Серега.

— Да в сараюхе,— приказчик махнул рукой.

В сарайчике поместили Гораздовых рабов. Не слишком комфортно, но, бесспорно, лучше, чем на снегу в лесу.

Слада занималась женщиной из челядниц, у которой внезапно обнаружился жар. Рядом возвышался озабоченный Гораздо.

Серега не стал мешать, подождал, пока Слада закончит.

— Простыла,— наконец вынесла вердикт юная лекарка.— Вели поить ее горячим молоком с медом да кутать получше. Через два дня поправится.

Горазд вздохнул с облегчением:

— Думаешь, Морена ее не тронула?

Слада чуть заметно поморщилась при упоминании языческой богини.

— Нет. И отселять ее не надо. Это не та хворь, что на других переползает.

Это заявление было воспринято с удовольствием не только Гораздом, но и прочими челядниками. Видимо, они полагали, что даже жизнь раба лучше смерти от мора.

— Серегей! — Увидев Духарева, Слада вспыхнула улыбкой, но тут же снова стала серьезна.— Ты мог бы пойти со мной?

Духарев вопросительно поглядел на Горазда.

Купец покачал головой.

— Мы в городе,— пробасил он.— Делай, что хочешь.

Слада подхватила Духарева за рукав, потянула наружу.

— Я договорилась,— сообщила она.— В Смоленске нет священника, но я нашла брата, который знает, как совершать обряды. Ты согласен? — Она глянула на Духарева снизу вверх, беспокоясь.

Серега пожал плечами. Он не вдавался в тонкости. Если Слада считает, что есть человек, который может их обвенчать, то какие проблемы? Пусть венчает.

— Иисус услышит наши молитвы,— с надеждой в голосе проговорила девушка.— Иисус милосерден. Подожди меня, я возьму, что нужно.

Через четверть часа они покинули постоялый двор и отправились к городским воротам. По просьбе Слады Серега перевесил меч на пояс, а на плечи накинул темный кожаный плащ, чтобы прикрыть блеск панциря. На взгляд Духарева эта маскировка не имела смысла, но спорить со Сладой из-за такой мелочи он не стал.

Брат во Христе обитал в пригороде.

Вообще-то проживание вне городских стен считалось непрестижным. Нетрудно догадаться, почему. Зато в пригородах строились просторней.

Дом смоленского христианина располагался на грязной улочке, спускавшейся к берегу Днепра. Но сам домик выглядел чисто и опрятно. Его соломенная крыша выглядывала из-за высоченного забора. Над крышей поднимался дымок.

— Это здесь, Серегей,— сказала Сладислава, останавливаясь перед калиточкой, такой узкой, что Духарев мог пройти в нее только боком.

— Он не священник,— еще раз повторила девушка.— Но он знает обряды.

Кажется, она все еще колебалась.

— Все путем,— сказал Духарев.— Сказано же: браки совершаются на небесах. А раз так, то от человека не многое зависит.

Сказал — и неожиданно понял, что совершенно уверен в правдивости этих слов. Как знать, может, Серега и оказался здесь, в этом мире, потому, что где-то там, в божественной канцелярии, решили: этот верзила будет подходящим мужем для маленькой булгарской девушки Сладиславы.

Слада постучала.

Ответом ей был звонкий собачий лай.

— Замолчи, Горлан! — раздался спустя некоторое время женский голос.— Кто это?

— Я, Сладислава.

Калитка распахнулась.

— Мир вам,— полная женщина средних лет улыбнулась Сладе. На Серегу же, воина с варяжскими усами, поглядела настороженно, даже с некоторой опаской.

— Мир и вам, и дому вашему,— негромко ответила Слада.

Они вошли во двор, и женщина поспешно заперла калитку.

Черный лохматый пес уставился на Духарева и злобно зарычал. Не нравился ему Серега.

Слада и женщина троекратно поцеловались. Затем хозяйка повернулась к Сереге, и тот, наклонившись, тоже трижды прикоснулся к ее щекам. От женщины пахло свежеиспеченным хлебом.

— Пожалуйте в дом, брат и сестра,— пригласила хозяйка.

Если чтобы пройти через калитку, Серега повернулся боком, то чтобы войти в дом, ему пришлось пригнуться.

Хозяин был похож на свою жену: такой же невысокий, толстенький и тоже пахнущий свежим хлебом.

— Марк,— представился он и тут же повернулся к Сладе: — Пойдем, сестра!

И все трое удалились, оставив Серегу в одиночестве. Он не скучал, потому что обдумывал мысль, пришедшую ему в голову

у калитки. А что, идея не хуже прочих! Решили там, наверху, что им со Сладой следует стать мужем и женой, какой-нибудь архангел щелкнул пальцами — и Серега Духарев оказался за тысячу лет от спутниковой связи и унитазов с программным управлением. И выходит довольно складно. Достаточно вспомнить, как они встретились. И что было потом.

«Ладно,— подумал практичный Духарев.— Допустим, это правда. Вот мы сейчас обвенчаемся — и что дальше?»

А вдруг тот же архангел еще раз щелкнет пальцами — и они окажутся в его комнатушке на Дербах?

«Ну уж на фиг! — решил Духарев.— Не хочу!»

В одиночестве Серега провел около получаса. Затем появилась хозяйка и позвала его в соседнюю комнату. Там уже горели свечи, на возвышении стояло большое серебряное распятие. На чистой холстине лежали кольца.

Хозяйка накрыла голову Слады белой тряпицей, положила сверху венок.

— Пригнись! — велела она Духареву и украсила вторым венком его макушку.— Встаньте рядом!

Ладошка Слады нырнула в Серегину руку.

Мужчина произнес нараспев по-гречески. Слада и хозяйка согласно ответили. Тоже по-гречески. Серега промолчал.

Мужчина продолжал что-то говорить, его жена вложила в руки жениха и невесты зажженные свечи.

Серега пару раз присутствовал при венчании, но не очень помнил, что делал и говорил священник, поэтому определить, насколько этот обряд отличается от современного ему православного, Духарев не смог бы.

Венчающий их что-то спросил у него по-гречески.

— Да,— механически ответил Серега, поскольку примерно представлял, о чем его могут спрашивать.

Никакого душевного подъема он не ощущал.

Он глядел на завешенную тканью бревенчатую стену и с ужасом осознавал, что сквозь серую с голубой вышивкой ткань проступают знакомые тусклые обои, салатная, истыканная ножом дверь и приклеенная жвачкой гавайская девушка под ядовито-синим небом. Он чуял, как сочится сквозь щели запах подгоревшего масла и стирального порошка, слышал, как за окном матерятся мужики у ступенек в

рюмочную. А за стеной, у соседей, ссорятся Луис с Альбертой.

Серега быстро закрыл глаза, но видение от этого стало еще явственнее. Хуже того, он увидел маленькую испуганную Сладу на краю скрипучей, многократно облитой вином и спермой тахты. Он увидел, как она вздрагивает от трамвайного грохота, ощутил, как вползает в форточку гарь выхлопных труб, горелой резины... А ему надо тащиться на склад, потому что он обещал Вовчику разгрузить фуру, а Вовчик, в свою очередь, обещал дать за помощь пару сотен... И потом они будут пить пиво в подвальчике на Фурштатской, а Слада будет по-прежнему сидеть на тахте, вздрагивать от каждого звука и...

Серега открыл глаза и крепче сжал руку своей невесты.

Слада глянула на него снизу счастливыми глазами. Духарев мысленно стиснул зубы и улыбнулся ей совершенно беззаботно. А брат во Христе, толстячок со стриженными под горшок соломенными волосами, в рубахе, изукрашенной узорами-оберегами, поднял руки и торжественно провозгласил что-то по-гречески.

И Слада засмеялась, ухватила Серегу за плечи и потянула вниз, чтобы он ее поцеловал.

В общем, их обвенчали, нарекли мужем и женой и отпустили с миром.

Но только когда они вышли из узенькой калитки на улицу, темный страх отпустил Серегу. Незримая сила не перенесла их к туманным, покрытым копотью берегам Невы, на грязные питерские улицы.

Здешние улочки тоже были грязными, и копоти тоже хватало, но это была правильная грязь и правильная копоть. И здесь Духарев был не муравей в муравейнике, пусть и крупный, но вынужденный мельтешить и суетиться, чтобы быть, как все. Здесь он был варяг, которому суетиться не пристало. И быть, как все, вовсе не обязательно. И не нужно с завистью глядеть на чужие «мерсы», заедая пиво несвежими чипсами. Здесь вообще нет чипсов, и пиво, надо признать, похуже. Зато ни в одной здешней харчевне ему не посмеют предложить *несвежий* продукт. И главное, здесь его жене никогда не придется ждать его возвращения у телевизора в занюханной коммуналке или тащиться с сумками по темным подворотням, где любой ублюдок...

— Серегей, они тебе не понравились?

— Что? — Духарев с трудом вынырнул из собственных мыслей.

— Марк и Текла, они тебе не понравились?

— Я им не понравился,— Серега перепрыгнул через лужу, которую Слада аккуратно обошла по краю.

— Почему ты так думаешь? — спросила девушка.

— Их пес. Собаки чувствуют эмоции хозяев.

— Чувствуют — что?

— Эмоции. Это...

— Я поняла. Я немного знаю латынь. Серегей, что ты чувствуешь?

— В смысле?

— У тебя когда-нибудь была жена?

— Нет,— Духарев улыбнулся.— Ты первая.

Слада обняла его за талию, глаза ее сияли.

— Что ты хочешь, Серегей?

— Для начала, чтобы ты звала меня Сережей.

— Серешей?

— Попробуй еще раз. Се-ре-жа!

— Се-ре-жа! Так?

— Отлично. Для начала. А теперь мы пойдем куда-нибудь, где нам не станут мешать.

— Я знаю такое место! — решительно заявила Слада.— Пошли!

Глава девятнадцатая

Без названия

Комната оказалась совсем небольшой, с толстыми красных тонов коврами на стенах и дощатым, вымытым до белизны полом. Пахло благовониями, а в углу стоял большой кувшин с клюквенным морсом.

Серега уселся на низенькую лежанку, вытянул ноги.

— Тебе здесь нравится? — спросила Слада с беспокойством.

— Вполне прилично. Только вот хозяин...

— Он хузарин,— пояснила Слада.— Ему можно верить. Хузары держат такие дома... для мужчин.

— Ага... А если бы я пришел один?

— Тебе предложили бы выбрать женщину.

— А ты откуда знаешь? — Изображая гнев, Серега нахмурил брови.

— Да это все знают! — Девушка рассмеялась.— Ты подумал: может, я из тех женщин, которых предлагают мужчинам, да? Хочешь узнать, так ли это? Сейчас узнаешь! — Слада присела и взялась за шнуровку сапога.

— Ты с ума сошла! — воскликнул Духарев, отдергивая ногу.

Слада обиделась.

— Я же твоя жена! — Она чуть не плакала.— Я *должна* снимать с тебя сапоги!

— Снимай,— согласился Серега, смирившись.

Пока она расшнуровывала сапоги, Духарев глядел сверху на круглую, черную, как смоль, головенку и думал, что он совсем не так представлял свою свадьбу. Совсем не так...

Слада закинула руки, вынула деревянные заколки, встряхнула головой. Блестящие волосы рассыпались по узкой спине, закрыв ее целиком, до молочно-белых ягодиц. Девушка привстала на носочки, задернула кисеей овальное оконце, повернулась...

— Почему ты так смотришь? — спросила она, краснея.— Я — худая, да?

— Ты глупая! — улыбнулся Духарев.

Он поднялся, шагнул к ней, обнял, наклонившись, вдохнул травяной запах ее волос, ощутил теплые груди, прижавшиеся к его животу, почувствовал, как ее пальчики развязывают узелок гашника, помогают освободиться от штанов... Подхватив ее на руки, Сергей осторожно опустил ее на ложе.

— Положи руки под голову, закрой глаза и не шевелись.

Слада чуть заметно кивнула.

Опустившись на колени рядом с ложем, Серега начал медленный танец пальцев и губ по изгибам этого юного тела. Он прикасался к нему с той жадной нежностью, какая возникает, если желание сердца опережает желание тела. Он скользил по ней сверху вниз, чувствуя, как она вздрагивает, как подается навстречу его рукам, губам и языку. Она не открывала глаз, она старалась не шевелиться, но он чувствовал ее желание и разжигал его, зная, что ее страсть будет жарче, яростней, ослепительней, чем у любой из женщин, с которыми он пре-

давался любовным играм на капище Волоха. Потому что тем женщинам было все равно, кому подставить лоно, а Сладе нужен только он, и нет на земле, этой или той, которую он покинул, нигде нет женщины, более желанной ему, чем та, что стала его женой...

Тонкие пальцы коснулись его затылка.

— Сережа...

Голос был не чистым и звонким, а хриплым и прерывистым, словно ей не хватало воздуха.

Он услышал, но осознал не сразу, а только через несколько секунд. И понял, что только этого слова ему не хватало...

Это было потрясающе. Нет, «потрясающе» — бледное и жалкое слово. Никогда и ни с кем у Сереги не было такого ошеломляющего кайфа. Как будто кто-то схватил целое звездное небо и встряхнул, как огромный ковер,— и все звезды осыпались вниз и промчались сквозь них, взбив их тела в слепящую звездную пену, смешав верх и низ, смешав пальцы, губы, мышцы... все!

Серега валялся на одеяле, а одеяло валялось на полу, но он не мог припомнить, как свалился с ложа на пол. Серега лежал и как будто заново учился ощущать свое тело. «Вот это моя рука,— думал он.— А вот это моя нога...» И шевелил ногой с удивлением, потому что это действительно была его нога... А ведь несколько минут назад...

Наверное, у Духарева было очень удивленное и, пожалуй, довольно глупое лицо, потому что Слада проползла вверх по Серегиной груди (именно так, потому что грудь была широкая, а Слада — маленькая), заглянула ему в глаза (попыталась заглянуть, потому что глаза Духарева были закрыты) и спросила тревожно:

— Я все сделала хорошо? Тебе было хорошо со мной?

— А как ты думаешь? — не открывая глаз, спросил Серега.

— Я не знаю...— Голос девушки дрогнул.— Ты же мой первый мужчина... Ты кричал.

— Ты тоже.— Он еле заметно улыбнулся. Ему было так хорошо, что даже мышцами лица двигать не хотелось.

— Да...— прошептала она.— Мне было... хорошо. Сначала немножко больно, а потом... Ты тоже кричал поэтому? Так и должно быть?

— Да.— Серега поднял руку, вялую и какую-то странно легкую, и опустил ее на спину Слады, в ложбинку поясничного изгиба.— Нет, маленькая волшебница, так не должно быть... Так не бывает...— Он почувствовал, как ее спинка напряглась, а ладошки уперлись в Серегины плечи.— Так не бывает, моя хорошая... Мне... Нам с тобой просто повезло.

— Я не понимаю...— жалобно проговорила девушка.

Серегина рука медленно заскользила по ее телу, по холмику ягодицы, во влажную впадинку между бедер...

— Там,— проговорил он.— Там, у тебя внутри, за этими мягкими губками, кто-то живет... Кто-то особенный... Особенная... Ты... Знаешь, это смешно, но мне теперь было бы скучно с другими женщинами... После тебя.

— Это хорошо,— тихо сказала Слада.— Я не хочу, чтобы у тебя были другие жены. Мы — христиане... Я вообще не хочу, чтобы у тебя были другие женщины! — решительно заявила она.— Я сама буду заботиться о тебе, любить тебя, рожать тебе сильных сыновей. Я... Наш отец не всегда был лекарем! Он женился на моей маме, а его семья... они хотели, чтобы он женился на другой... Поэтому он ушел от них. Но ты не думай, что он низкой крови...

— Если твоя мать была похожа на тебя, я его понимаю,— перебил ее Духарев.

— Она была похожа на меня... Мне было очень плохо, когда она умерла.— Девушка вздрогнула, и Серега крепче прижал ее к себе.— Я умру, если тебя убьют!

— Я люблю тебя,— сказал он.— И я не дам себя убить. Обещаю!

Глава двадцатая,

в которой Серега Духарев встречает кровного врага

На рынок они пошли впятером: Устах, Драй, Неленя и Серега со Сладой. Мыш к ним не присоединился, хотя в прежние времена никогда не отказался бы от такого развлечения. Названый брат Сереги теперь корешился с Гораздом. Купеческие хитрости осваивал. Горазд не возражал, наоборот — поощрял. У Мыша оказался прирожденный дар добывать полезную для торговли информацию.

Увидев, что Слада по-новому переплела волосы и спрятала их под головной убор, Устах подмигнул Сереге.

«Надо бы ребятам праздник устроить,— подумал Духарев.— А то выйдет, что я собственную свадьбу замылил».

— Горазд две лодьи купил,— сообщил Драй.— У того корабельщика, которого ты, Устах, присоветовал. Малые лодьи, на дюжину весел.

— Сколько у него теперь кораблей? — спросил Серега.

— Теперь — семь.

— Хорошее число,— одобрил Устах.— И что малые — хорошо. Легче мимо порогов волочь. А море нынче спокойное будет.

— Откуда знаешь?

— Волох сказал.

— Да что волох в море понимает? — возразил Драй.— Море — это Имирова вотчина, а не Волохова.

— Имирова вотчина — моря северные,— с надменностью опытного моряка, разговаривающего с салагой, изрек Устах.— У теплых морей свои боги. А про волоха зря говоришь. Бабка-ведунья, вон, тоже громами не повелевает, а дождь всегда точно предскажет.

На рынок пришли вместе, но бродили вместе недолго. Драй перемигнулся с Неленей, и они ускользнули по своим личным делам. Как подозревал Серега, в тот самый домик, где они со Сладой провели прошлые день и ночь. Затем и Устах от них отделился.

— Пойду налуч пригляжу,— сказал он.— Мой потерся.

И у Сереги было дело — договориться с оружейником, чтоб пришел на постоялый двор поглядеть Серегины трофеи, взятые с нурманов. Пускай глянет, приценится.

Хотя продавать их сам Духарев не собирался. Предполагал доверить это дело Мышу. Все-таки привычка к магазинам и фиксированным ценам глубоко въелась в его сознание. Не умел он торговаться. То есть поспорить насчет стоимости он мог, но по-настоящему поднять цену так, чтобы покупатель выложил больше, чем собирался, и сам не понял, как его на это раскрутили... Такого Серега совсем не умел.

Впрочем, была одна покупка, которую он намеревался сделать без помощи Мыша. Причем немедленно. А именно — сделать жене свадебный подарок. Жена, в общем-то, и не возра-

жала. Но сначала захотела посетить ряды, где торговали тканями. Она же теперь — мужняя жена. Следовательно, одеваться по-девичьи ей уже не пристало. Серега не спорил и в детали не вдавался. Надо — купим. Че у нас, денег нет, что ли?

Купили. Еще купили корзинку, чтобы складывать приобретения.

Украшения, золотые, серебряные, камни-самоцветы, обереги, даже диковинные павлиньи перья — все это продавалось на двух длинных рядах, располагавшихся сразу за «текстильными», так что далеко идти не пришлось.

Вдоль ювелирных рядов расхаживал стражник, молодой отрок в высоком коническом шлеме. Шуганул оборванца, которому здешний товар явно не по карману, хлопнул по спине парня, заспорившего слишком громко с одним из продавцов. Присматривал, одним словом.

Серега долго присматриваться не стал, выхватил взглядом бусы из ярко-красных камешков, указал продавцу.

— Гранатовое монисто! — Торговец пересыпал алые бусины из ладони в ладонь.— Как раз к белому личику твоей милани, воин! Всего-то две гривны...

— На две гривны коня купить можно,— усмехнулся Серега.

Он не знал, сколько по-настоящему стоят камни, но ничуть не сомневался, что купец загнул раза в два. Однако гранаты действительно смотрелись бы на Сладе совсем неплохо.

— Их везли издалека, воин, из-за моря ромейского, по шелковому пути из страны синов...— Торговец глядел не на Духарева, а на Сладу: молодушка попросит — и мужчина не откажет.

— Да неужели? — удивился Серега.— Значит, сначала на восход везли, а потом обратно? Что, там покупателей не нашлось?

Купец смутился. Насчет Китая он, конечно, приврал. Гранаты он купил у угров. За четверть гривны.

— Гляди, Хайнар, узнаешь ли ты эту бронь? — неожиданно пророкотал за спиной Духарева мужской бас.

— Да, я узнаю ее, Свейни,— откликнулся другой голос.— Это бронь моего брата Виглафа.

Бугристая от мозолей ладонь легла на шею Духарева.

— Эй, словенин, где ты взял этот панцирь?

Серега развернулся, одновременно смахивая чужую руку.

Нурманов было двое. Один рыжий, второй блондин, светловолосый и светлобородый.

И физиономия блондина была определенно знакома Духареву. Потому что белокурый нурман был очень похож на своего брата Виглафа. Волколюда.

— А-а-а...— протянул рыжий, увидев Серегины усы.— Это не славянин, это свежевылупившийся варяг, обрядившийся в славянские портки.— Тебя спросили, откуда у тебя эта бронь, варяг? Ты выиграл ее в кости? Только не ври, что взял ее в бою!

Духарев молчал, разглядывая нурманов, определяя, насколько они опасны, какова вероятность, что ему удастся справиться с обоими?

Не слишком большая вероятность. Нурманы выглядели очень серьезными ребятами.

Кто-то из покупателей остановился, любопытствуя. Потом еще один. И еще...

Серега глянул поверх голов, выискивая Устаха, но товарища поблизости не просматривалось.

— Почему я должен тебе отвечать? — поинтересовался Духарев.

— Потому что ты — бродяга-варяг, а я — сотник смоленского воеводы,— усмехнулся светлобородый.— Иди, отроч, мы сами разберемся,— бросил он подоспевшему рыночному стражнику.

Стражник тут же развернулся и отвалил. Вероятно, нурман не врал насчет «сотника».

Серега глянул через плечо: Слады рядом уже не было. Вот это хорошо.

— Что молчишь, варяг? Язык проглотил от страха? — спросил рыжий. И добавил что-то по-нурмански. Оба северянина засмеялись.

— Ты правда хочешь знать, как мне достался этот доспех? — спокойно спросил Духарев.— Или тебе просто потребовалось почесать свой блудливый язык о мои *славянские* сапоги?

— Нет! — ухмыльнулся рыжий.— Я думал остричь твои крысиные усики на кисточку для сумки, но теперь вижу, что они не годятся. Слишком воняют крысиным пометом. Ты уверен, что успеешь отыскать крысиную нору, варяг, чтобы спрятаться, если я рассержусь?

— Пощади,— сказал Серега.— Если ты рассердишься — я умру от смеха.

Он тянул время, надеясь на появление Устаха... Пока не сообразил, что вероятность того, что помощь подоспеет не к нему, а к сотнику смоленской дружины, существенно выше.

— Ты хочешь узнать, как мне досталась эта броня, нурман? — произнес Духарев.— Тогда взгляни вот сюда! — И показал на свое плечо, где был пришит погоном клок волчьего меха.

Рыжий начал было что-то говорить, что-то обидное, но Хайнар остановил его одним движением руки.

— Я тебя правильно понял, варяг? — спросил он.

Глядя прямо в эти синие, как озерная вода, глаза, Серега кивнул.

— Как твое имя, варяг? — спросил нурман.

— Сергей.

— Не слыхал...— задумчиво проговорил Хайнар.— Ты одиночка, или у тебя есть вождь?

— У меня нет вождя,— ответил Духарев.— Хочешь предложить мне служить в твоей команде?

— Нет,— качнул головой нурман.— Нет, варяг. Ты убил моего двоюродного брата Виглафа, поэтому я убью тебя.

— Погоди, нурман! — сквозь толпу зевак протиснулся Устах и встал рядом с Духаревым.— Погоди! Ты что, требуешь верегольд за брата?

— Ты его друг? — спросил Хайнар.— Ты тоже убивал моего брата Виглафа?

— Твой брат был не один,— негромко произнес Устах.— Их было шестеро.

— Верю,— кивнул нурман.

— Они напали первыми,— еще тише проговорил Устах.

— Верю,— вторично кивнул Хайнар.

— Ты ищешь нашей смерти как человек смоленского воеводы или как родич убитого? — На этот раз Устах говорил в полный голос, он явно чего-то добивался. Серега не понимал его игры, но доверял варягу и не вмешивался.

Нурман ответил не сразу.

— Как родич,— наконец ответил он.

— Ты говоришь это при свидетелях?

— Да! — твердо ответил Хайнар.

— Мы пойдем на перекресток? — спросил Устах.

— Зачем? — шевельнул плечами нурман.— Это не хольмганг... Это месть! — И, выхватив меч, без предупреждения нанес удар, целя в Серегину открытую шею.

Духарев не ожидал нападения, но натренированный организм ожидал его всегда и успел отреагировать, поэтому меч лишь скользнул по плечу, срезав с него клок волчьей шкуры.

Слева от Духарева со звоном столкнулись клинки Устаха и рыжего Свейни.

Толпа отпрянула назад: никто не хотел угодить под случайный удар меча. Торговец драгоценностями поспешно ссыпал камни в мешочек.

Хайнар ударил снова — и Духарев опять не успел выхватить меч. Уклоняясь, он спиной упал на прилавок, перекувырнулся через него, сбив с ног торговца. Меч нурмана разрубил доски. Оставшиеся драгоценности полетели на мостовую. Хайнар с места, толкнувшись двумя ногами, перепрыгнул через прилавок, но Серега, тем же манером, перекувырнулся через второй барьер и пнул прилавок навстречу нурману. Тот подпрыгнул, задел ногами размотавшийся рулон льняной ткани, мгновенно выпутался, но Серега уже выдернул из-за головы собственный меч и следующий удар принял на толстое основание клинка. На мече нурмана образовалась зазубрина, и его хозяин тут же изменил манеру боя. Теперь они с Духаревым топтались друг против друга и приглядывались. Серега прекрасно понимал, что перед ним — опытный боец, намного опытней его самого...

Хайнар тоже не хотел рисковать. Хайнар считал высоченного варяга серьезным противником. Несерьезный не одолел бы Виглафа. Одного парированного удара Хайнару хватило, чтобы выяснить, что враг сильнее физически. Он видел, что варяг моложе, у него длиннее руки, да и меч тоже... Зато он, Хайнар, побеждал в десятках поединков, а всем известно, что сила побежденного переходит к победителю. Еще Хайнар подумал, что поспешил. На то, чтобы разбудить священную ярость Одина, опытному воину требовалось совсем немного времени, но вряд ли молодой варяг даст Хайнару даже лишнее мгновение.

Хайнар слышал, как за его спиной бьются рыжий Свейни со вторым варягом. Слух говорил ему, что варяг, как и Свейни, опытен и осторожен. Как только Хайнар покончит с убийцей брата, он поможет Свейни.

Хайнар сделал отвлекающее движение, перехватил меч двумя руками и обрушил сокрушительный удар на голову варяга. Тот отпрыгнул влево. Меч Хайнара, изменив направление, небесной молнией полетел за врагом, увлекая за собой Хайнара, в последний миг Хайнар отпустил правую руку, удлиняя удар, ощутил, как священная ярость наполняет его... И тут же Хайнар почувствовал, как клинок разрубает тело. Хайнар услышал вопль, учуял запах крови, зарычал по-медвежьи... И увидел, что варяг цел, а на мостовой валяется какая-то славянская баба.

Кровь пролилась, но то была не кровь врага, и дух Одина покинул Хайнара. Но сила не покинула викинга. Его меч взлетел, отбивая, смахивая вражеский клинок, метнулся вперед, словно отравленный язык Фафнира. Варяг не успел уклониться — острие со скрежетом скользнуло по панцирю Виглафа. Панцирь выдержал.

«Отличная бронь,— подумал Хайнар.— Я буду носить ее».

Варяг отступал. Он оказался простоват: ловился почти на каждый обманный жест Хайнара. Простоват, доверчив, но очень быстр. Хайнар никак не успевал его достать, еще и потому, что длина атаки у варяга была на две пяди больше. Поэтому варяг и отступал, все время увеличивая дистанцию. Это было неглупо с его стороны, но неудобно для Хайнара, который большинство своих противников убил именно встречным ударом.

Лицо варяга покраснело. Кажется, он очень сердит. Но все равно отступает, великаново отродье! Хайнар снова ощутил прилив священной ярости, зарычал и рванулся вперед...

Этот псих зарубил женщину! Развалил почти пополам, как мясник — свиную тушу. Серега поверить не мог, что это случайность. Он же видел, как виртуозно нурман управляется с мечом. Козел! Нурман и есть нурман. Ему лишь бы убивать!

Духарев был зол, но самоконтроля не потерял. И не мог не восхищаться нурмановой тактикой. Как этот негодяй виртуозно его разводит. И не только движением клинка: шажком, жестом, поворотом бедра. То притворно открывается, то показывает атаку справа, атакует слева... как бы! И все-таки справа. Если бы нурман двигался чуть быстрей, Серега уже валялся бы на мостовой. Но нурман только один раз показал настоящую

скорость... Когда зарубил женщину. Или он придурок. Или это была демонстрация. Для Духарева. Типа: я с тобой играю и прикончу, когда захочу.

Ну это мы поглядим! За несколько минут боя Духарев выучился очень-очень многому.

И перестал ловиться на нурмановы финты. Ну, почти перестал...

Глаза нурмана начали наливаться кровью. Как перед тем, когда он зарубил женщину. Серега очень хорошо запомнил... Сначала у нурмана покраснели глаза, потом рванулся, замахиваясь, извернулся, почти достал Духарева (и достал бы, если бы Серега не ушел в очень низкую, рукопашных традиций стойку), зарычал и зарубил женщину. И еще была крохотная пауза. Когда нурман разворачивался, держа меч над головой. Тогда Серега не успел воспользоваться этой паузой...

Хайнар взмахнул мечом, варяг не стал уклоняться, вскинул свой клинок, тоже двумя руками, парируя... И Хайнар с наскока ударил его ногой в колено. Это был очень хороший прием. Хайнар благодаря ему дважды одерживал победу. Этот удар не калечит, он даже не приносит настоящей боли, зато противник теряет равновесие...

Серега выбросил меч вверх, готовясь принять удар и поворотом отбросить клинок противника, скорее почувствовал, чем увидел, движение ноги нурмана, рефлекторно ушел с линии атаки, так же рефлекторно ударил противника под колено опорной ноги и сразу же отскочил вбок, рубанул сверху падающего нурмана, нет, уже перекатывающегося через голову нурмана по спине, понял, что не успевает и промахнется, и тут...

Нога Хайнара, не та, которой он бил, а та, на которой он стоял, неожиданно сложилась в колене, и потерявший равновесие викинг упал на спину. Он не выпустил меча, тут же вскочил, перекатом... и увидел, как его меч падает на мостовую. Услышал, как он звенит, ударившись о камни, хотя обе руки Хайнара по-прежнему крепко сжимают рукоять. Только это уже не руки Хайнара, а просто мертвые обрубки. Но пока в них еще не свернулась его, Хайнара, кровь...

Нурман выбросил вперед меч настолько быстро, что будь Серега не сбоку от противника, а напротив, это был бы его последний бой. Но Серега стоял сбоку, и этот бой стал последним для нурмана. Обе его руки угодили под летящий сверху клинок, перерубивший их так легко, что Духарев даже не почувствовал толчка. Он ошеломленно проследил плавное падение нурманова меча (даже успел удивиться — отрубленные руки нурмана так и не отпустили рукояти)... и тут нурман внезапно подпрыгнул и с огромной силой пнул Серегу в грудь. Духарев, который совсем не ожидал подобного от искалеченного врага, не успел среагировать и впилился спиной в прилавок. Нурман с ревом налетел на Серегу, Духарев оттолкнулся лопатками от прилавка и двумя руками всадил меч, снизу вверх, в живот нурмана. Нурман всей тяжестью повис на клинке, захрипел, оседая, булькая кровавой пеной...

Черт его возьми! Нурман улыбался!

Хайнар почувствовал, как холодное железо прорезает его кишки, вспарывает диафрагму, легкое, проходит между ребрами и вылезает из спины, натягивая кольчугу.

— О-о-дин...— прохрипел Хайнар.— Я иду...

Он умер счастливым. В бою, с мечом в руках.

Кровь нурмана тонкой струйкой ползла через гарду, вниз, по рукояти. Ладони Духарева стали липкими. Он выпустил меч, и мертвое тело рухнуло на мостовую. Серега наклонился, подобрал хвост размотавшегося белого полотна.

Торговец тканью (Серега запомнил его лицо) стоял в первых рядах «зрителей», возбужденных настоящей схваткой, но достаточно благоразумных, чтобы не подходить слишком близко.

— Можно? — спросил Духарев.

Торговец закивал, и Серега вытер руки, а затем — рукоять меча. Ухватился покрепче и вытащил клинок из тела нурмана. Усилие болью отдалось в спине. Крепко все-таки он приложился о прилавок.

Звон стали напомнил Духареву, что есть еще и второй нурман. С окровавленным мечом в руке он, разбежавшись, перепрыгнул через торговый ряд, соскочил на мостовую. Двое смолян, случайно оказавшихся у него на пути, шарахнулись в

стороны. Свейни, увидев Духарева, сделал отчаянную попытку пробить оборону Устаха, но варяг без труда отбил выпад, сам нанес удар, от которого рыжий нурман успешно уклонился, и оба опять закружились, выжидая и выискивая слабину в обороне противника. Но одним своим появлением Серега дал дополнительное преимущество варягу, который по-прежнему мог двигаться свободно, в то время как нурман старался держаться подальше от второго врага. Задача почти неосуществимая: Устах был не менее проворен, чем рыжий, а Духарев — еще проворнее варяга.

— Брось меч! — крикнул Серега.

Нурман в ответ только засмеялся.

Устах подвинулся в сторону. Теперь они с Духаревым с двух сторон приближались к Свейни. Нурман отступал. Отступал, но не убегал.

Серега боковым зрением держал Устаха. И, уловив начало атаки, напал на нурмана практически одновременно с варягом.

Рыжий отбился. Они атаковали снова, и нурман снова отбился. Он отлично защищался, но уже не мог позволить себе ответного выпада. И Духарев, и Устах сражались не в полную силу. Они сознательно изматывали противника. Нурман наверняка это понимал, но что он мог сделать? Пот струился по его лицу, дыхание сделалось частым и прерывистым. Еще немного и...

Круг зрителей внезапно раздался в стороны, и на поле появились новые игроки. Городская стража. Добрая дюжина воинов в полном вооружении.

Они мгновенно оттеснили варягов от Свейни и взяли их в кольцо. Устах и Духарев тут же встали спина к спине — против ощетинившихся копьями, прикрытых щитами стражников.

— Сложить оружие! — раздался повелительный окрик.

Сереге очень не хотелось биться с одним мечом, без шлема, без щита, против сомкнутого строя копейщиков. Даже если он разорвет этот строй, завалит одного-двух — остальные насадят его на жала. Эти ребятки — не ополченцы, а профи. Эк они ловко взяли их в кольцо! Может, если удастся отобрать щит...

— Ох-хой! — зычно выкрикнул Устах.— Братья-варяги! Кто слышит меня! Помощи!

К немалому удивлению Духарева, два из четырнадцати щитов тут же опустились, и Серега увидел загорелые длинноусые физиономии.

— Чего орешь? — буркнул один.— Чего хочешь?

— Правды хочу, брат-варяг! — крикнул Устах.

Еще один щит опустился, но на этот раз за ним обнаружились не варяжские усы, а бритая нурманская рожа.

— Иень! — гаркнул нурман.— Хорош болтать! А вы... Считаю до трех. Раз!..

— Вот, Иень! — без насмешки, грустно проговорил Устах.— Убей брата, раз нурман велит.

— Два!..

Иень выругался, адресуясь главным образом к «братьям-варягам», но вышел из строя и присоединился к Сереге и Устаху.

— Иень! — грозно выкрикнул нурман.— Ты присягнул!

— Я варяг! — мрачно отозвался воин.

Второй варяг, колебавшийся, после этих слов тоже покинул строй. Теперь их щиты прикрывали Духарева и Устаха.

В строю образовались две бреши, одну из которых тут же заткнул Свейни, вторую...

А во вторую ввалились сразу четверо варягов!

— Кто звал? — гаркнул один из них, с квадратной фигурой, с квадратной физиономией и синими, как у Устаха, усами.

— Я! — отозвался Устах.

— Мы пришли! — с достоинством произнес синеусый.

Это был тот самый варяг, которого Духарев видел на борту лодьи с крылатым псом.

Нурман, уже собравшийся сказать: «Три!» — вместо этого выкрикнул злобно:

— Вы будете наказаны! Я — большой десятник смоленского посадника Фрелафа!

— Ишь ты, баранья шишка! — нагло ухмыльнулся синеусый.— А я — сотник князя полоцкого Роговолта! Посыл от князя к воеводе Свенельду. Ты мне не указ! — И продолжал насмешливо: — Я видел там дохлого нурмана. Кто его завалил? Ты? — Он обращался к Устаху.

— Я,— ответил Духарев.— Он назвался здешним сотником,— добавил Серега, потому что ему показалось: нехорошо говорить об убитом воине так пренебрежительно, и еще пото-

му, что он считал себя обязанным предупредить нежданного заступника.— Я благодарю тебя за помощь, брат, но, может, тебе не стоит вмешиваться? Смоленский посадник...

— Смоленский посадник пусть вылижет жопу моей кобылы! — пренебрежительно отозвался синеусый.— Я — Гудым.

— Я — Сергей,— Духарев слегка поклонился.

— Я видел тебя,— негромко произнес Гудым.— На пристани. У тебя степной конь.

— И я видел тебя,— отозвался Духарев.— На твоем корабле.

— «Перунов пес» — его имя! — в полный голос произнес Гудым.— Клянусь светлым оком Хорса, он сожрал не одну нурманскую акулу! Ха-ха! Поучим нашей правде нурманских шавок! Любо, братья?

— Любо! — гаркнули мощные глотки.

Мечи спутников Гудыма с шелестом выскользнули из подбитых бархатом ножен.

Тут десятник-нурман не выдержал, перекинул копье в левую руку, схватил дудку и пронзительно засвистел.

— Ах вот как! — закричал Гудым.— Ну гляди, нурман! — И свистнул, в два пальца, по-особому, с переливом, еще погромче писка десятниковой дудки.

Среди стражников возникло некое движение. Кажется, они отступали?

Устах хлопнул Серегу по плечу. Он широко улыбался. На его лице не осталось и следа прежней озабоченности.

Только теперь Духарев начал понимать, что его личный конфликт перерастает в нечто, уже совсем не личное.

Глава двадцать первая

Правосудие по-варяжски

Они пришли к смоленскому кремлю двумя колоннами. В голове одной из них, слева — Устах, справа — Гудым,— шел Серега Духарев. В голове второй шестеро на двух щитах несли тело Хайнара. Одним из шестерых был Свейни.

Нурманы и варяги. Варягов было человек сорок. Больше половины — полоцкие. Воины Гудыма. Среди нурманов пришлых

было всего несколько человек. Остальные — старшие гридни смоленского посадника. Начальные люди. Но те их подчиненные, что были здесь, гридни и отроки, шагали отдельно. То были славяне или из иных племен, воины, но не варяжского братства. За ними тянулся хвост вольных смолян, мужчин и даже женщин. Особым почетом пользовались человек двадцать: те, что присутствовали при встрече Духарева и Хайнара. Видаки. Свидетели.

Посадник смоленский уже ждал их на площади перед воротами Детинца. Снаружи.

За спиной и по обе стороны его выстроились дружинники. Не менее трех сотен. Все оружные.

Колонны остановились. Остановилась и толпа смолян, грозная своей численностью.

Посадник шагнул вперед. Солнечный блик отразился от зерцала его брони.

— Зачем пришли? — зычно спросил он.

Наверняка ему уже доложили о происшедшем, иначе с чего бы это он вывел на площадь облаченную для сечи дружину.

— Искать Правды! — звонко выкрикнул Свейни.

— Говори! — приказал посадник.

— Не твоей правды! — выкрикнул Гудым раньше, чем Свейни успел что-то сказать.— Не твоей правды, нурман!

По рядам воинов за спиной посадника прокатилась легкая волна: словно каждый поудобнее перехватил щит.

«Нам крездец!» — с каким-то веселым отчаянием подумал Серега, глядя на сверкающие начищенным железом шеренги.

Он плохо знал варягов. А вот посадник знал их хорошо. И еще лучше помнил, что посадивший его на смоленское правление Игорь — тоже варяг. Хоть и не очень любивший, когда ему напоминали об этом.

Посадник мрачно поглядел на Гудыма и махнул рукой одному из своих лучших мужей. Тот вышел вперед, стянул с головы шлем, встряхнул головой, расправляя косы,— чтобы все видели: он не нурман, не варяг, а родом и обетами — из южных славян.

— Я — Мятлик Большое Ухо, если кто меня не знает,— сухо произнес он.— Я тебе гож, Гудым?

— Гож,— кивнул полочанин.

— Тогда говори свои обиды.

Свейни набрал воздуху, собираясь запротестовать, но не посмел, придавленный тяжелым взглядом посадника.

— Я не обиду хочу искать, а Правду.— Сотник полоцкого князя снял с головы шлем. Его чуб тоже был синим, как и усы, и свисал на ухо поперек бритого черепа.— Пусть видаки говорят.

Всю дорогу к кремлю они с Устахом что-то обсуждали вполголоса. Серегу к обсуждению не привлекали.

Из толпы вытолкнули свидетелей. Их было много. В том числе — продавец камней, так и не продавший гранатового ожерелья.

Процедура снятия показаний была отработана. Свидетели поклялись богами говорить по правде и без поиска корысти. Затем, по очереди, с небольшими вариациями, повторили одно и то же: сотник Хайнар и гридень Свейни сами начали дерзкий разговор с Духаревым, к которому чуть позже присоединился Устах. Нурман обвинял варяга в обиде (в какой именно — тут мнения свидетелей разошлись), а затем без предупреждения напал на Духарева, даже не дав ему обнажить оружие. Но убить варяга сразу нурману не удалось, а наоборот, варяг сумел достать меч и убил нурмана. Но до этого нурман убил свободную женщину, водимую жену мастера-корабельщика Чутки.

К окончанию опроса свидетелей общественное мнение было полностью на стороне Духарева, и даже сам посадник угрюмо и неодобрительно поглядывал на своих нурманов.

— Кто еще хочет сказать? — спросил Мятлик Большое Ухо.

— Я! — тотчас выкрикнул Свейни.

— О чем ты хочешь сказать?

— О том, почему Хайнар был вправе убить варяга Серегея.

— Говори!

— Варяг Серегей убил брата Хайнара Виглафа.

— Виглафа-ульфхеднара? — Это спросил не Мятлик, а сам смоленский посадник.

— Да! Хайнар с хирдманами шел к тебе, ярл! — Он сказал это на своем языке, но Серега, как ни странно, понял.

Мятлик Большое Ухо повернулся и с укором поглядел на своего старшего. Посадник коснулся ладонью губ: «Молчу».

— Варяг Серегей! — громко произнес Мятлик.

Серега вышел вперед. Вместе с ним вышел и Устах.

— Ты говоришь перед богами. Не лги!

— Он помнит,— вместо Духарева ответил Устах.

— Ты сказал сотнику Хайнару, что убил его брата?

— Нет,— честно ответил Серега.

— Ты знаешь, кто сказал сотнику Хайнару, что ты убил Виглафа?

— Нет,— так же честно ответил Духарев, не понимая, к чему ведет Мятлик, но пытаясь уловить, куда тянет судья. Серега уже сталкивался с местным судопроизводством и понимал, чем может обернуться лишнее слово.

— Кто может рассказать мне о том, как сотник Хайнар узнал о том, что убит его брат?

— Я! — ответил Свейни.

— Говори.

— На этом варяге — бронь Виглафа.

— Варяг Серегей, сказал ли ты сотнику Хайнару, что убил Виглафа и снял с него бронь?

— Нет,— ответил Духарев и опять не солгал.

— Свейни! Слышал ли ты, как варяг Серегей говорил о том, что убил Виглафа-оборотня? — спросил Мятлик, подчеркнув последнее слово.

Свейни скривил губы, а со стороны нурманов раздался сдержанный ропот.

«А ведь южанин меня выгораживает!» — наконец сообразил Серега.

— Не говорил! — сердито выкрикнул Свейни.— Но признал!

— Как же именно варяг Серегей признал, что убил Виглафа? — с плохо скрываемой иронией спросил Мятлик.

— У варяга Серегея на плече был лоскут волчьей шкуры! — заявил Свейни.— Все знают, что Виглаф носил волчью шкуру.

— Я не вижу этого лоскута,— заметил Мятлик.— Кто-нибудь его видит?

В толпе смолян засмеялись.

— Он был,— мрачно объявил Свейни.— Хайнар срубил его ударом меча. Первым ударом,— уточнил рыжий.

— Ты признаешь это, варяг Серегей?

— Да,— подтвердил Духарев. Главное, не сболтнуть лишнего.— Я признаю, что у меня на плече был лоскут волчьей шкуры. И то, что нурман Хайнар без предупреждения напал

на меня и сорвал этот лоскут ударом меча. Вообще-то нурман Хайнар целил в мою шею,— уточнил Серега.— Но я увернулся.

— У изборского воеводы на шапке — волчий хвост,— громко сказал Гудым.— Жаль, Хайнар не знал об этом. Воевода совсем старый, Хайнар мог бы убить его в *честном* бою!

— Пес! — прошипел разъяренный Свейни.

Гудым захохотал. Если нурман хотел оскорбить полочанина, то он выбрал не то слово.

— Тих-хо! — рявкнул Мятлик.— Свейни, были ли у *сотника* Хайнара *доказательства* того, что варяг Серегей убил Виглафа?

— Он был уверен в этом! — четко ответил рыжий нурман, бросив на Духарева яростный взгляд.

— В таком случае, почему он не предложил варягу Серегею скрестить мечи на перекрестье дорог? — Мятлик нахмурил кустистые брови.— Почему он не захотел, чтобы боги указали, кто из них прав?

Свейни молчал.

— Можно мне сказать? — прервал молчание голос Устаха.

— Говори, варяг!

— Я предложил ему: пусть рассудят боги! Хайнар отказался, но...— Устах сделал паузу, поглядел сначала на Мятлика, потом на Фрелафа.— Он отказался, но прежде того объявил, что будет поступать не как человек посадника смоленского, а по собственному почину и по праву мести.

Толпа загудела.

— Кто еще это слышал? — Мятлик повернулся к кучке свидетелей.

— Я! Я!..— откликнулось сразу несколько голосов.

Судья обратил взгляд к жалобщику-нурману:

— Это так, Свейни?

— Так,— неохотно подтвердил тот.

Лицо смоленского посадника, доселе мрачневшее с каждым сказанным словом все больше и больше, чуточку прояснилось.

— Кто еще хочет сказать, что не сказано? — зычно поинтересовался Мятлик Большое Ухо.

Желающих не нашлось.

— Хочет ли кто, аки сотник Хайнар, объявить вину варяга Серегея и искать правды по воле богов?

Желающих опять не оказалось. Но многие поглядели туда, где лежало на щите тело названного сотника, который уже нашел, что искал.

— Приговор! — провозгласил Мятлик.

Все притихли.

— Властью, данной мне моим господином от князя киевского Игоря,— размеренно проговорил Мятлик Большое Ухо.— Повелеваю!

На площади стало еще тише. Каждый ждал. Все глядели на судью, только Гудым и Духарев глядели на смоленского посадника. Серега — из любопытства, а Гудым — потому что ждал: не возьмет ли Фрелаф обратно отданное Мятлику право суда?

Наверное, того же ждал и Мятлик, поскольку огласил приговор не сразу, а после длинной паузы:

— Повелеваю! Не признавать за сотником Хайнаром права мести, поскольку вина варяга Серегея не показана ни людьми, ни богами.

Нурманы недовольно заворчали, но судья не обращал на них внимания.

— Признать за варягом Серегеем право на убийство Хайнара, искавшего его смерти вопреки Правде, и считать с этого времени Хайнара не сотником и человеком смоленского посадника, а просто человеком Хайнаром. По его собственному волеизъявлению.

Недовольное ворчание перешло в гневный ропот. Мятлик повысил голос.

— Назначить виру князю за *человека* Хайнара, в одну гривну, которую следует истратить на погребение Хайнара, если у него не отыщется родичей...

Нурманы, окружившие тело *человека* Хайнара, возмущенно завопили, но на этот раз уже сам посадник смоленский вмешался, гаркнул:

— Тихо!

Ропот смолк, а Мятлик продолжил:

— Доспехи и оружие человека Хайнара следует передать варягу Серегею по праву победителя. Прочее имущество — родичам Хайнара, если таковые объявятся. С них же причитается вира в десять гривен за убийство свободной женщины и головное в восемь гривен мастеру-корабельщику Чутке за

убийство его водимой жены. Это все. Что скажете, люди смоленские?

Народ одобрительно завопил. Варяги злорадно поглядывали на хмурых нурманов.

За спиной нурмана-посадника неподвижной стеной стояли дружинники. Серега пытался разглядеть, как отнеслись к приговору они, но шлемы дружинников были сдвинуты по-боевому, а у иных даже кольчужная сетка на лицо опущена. Видеть же сквозь железо Духарев не умел.

Толпа начала рассасываться.

Прошло совсем немного времени, и на площади остались только варяги, нурманы и оружные воины посадника.

Серега чувствовал: все чего-то ждут.

Ждали, что скажет Фрелаф. Суд и Правда — для народа. Для дружины приговор — приказ старшего. Хотя старший, не следующий Правде, очень скоро остается без дружины.

— Ты, ты и ты! — произнес посадник негромко, поочередно указав на Серегея, Устаха и Гудыма.— Идите за мной!

Повернулся и вошел в кремлевские ворота.

— Пойдем? — настороженно спросил Устах.

— Не боись,— успокоил Гудым.— Не тронет. Не захочет Роговолта со Свенельдом под стенами увидеть. А Мятлик-то каков! За *сотника* Хайнара по Правде виру в восемьдесят гривен надо брать. А за *человека* Хайнара — как за смерда: сколько судья назначит. И Серегея обелил. Скажи-ка, как брат, ты убил ульфхеднара Виглафа?

— Да,— подтвердил Духарев.

— Кулаком,— добавил Устах.

— То есть Виглаф и впрямь оказался волколюд,— Гудым кивнул.— А признал бы вину, Серегей, если бы Мятлик тебя прямо спросил?

Духарев пожал плечами.

— Может быть.— И поинтересовался: — А почему он, кстати, не спрашивал прямо?

— Как можно? — усмехнулся Гудым.— А если ты не убивал Виглафа? Он — судья. Его слово — как замковый камень [1], а Мятлик не воевода, а такой же сотник, как Хайнар. Если вина твоя не будет доказана, ты вправе вызвать его на перекрестье

[1] Замковый камень — центральный камень, которым замыкают арку.

дорог, чтобы кровью смыть обиду. Никто не знал наверняка, что ты убил Виглафа, но все видели убитого тобой Хайнара. Значит, или боги на твоей стороне, или рука твоя оказалась слишком тяжела даже для Хайнара. Здесь трое родичей его, но никто не решился бросить тебе вызов. Ладно, пойдем. Воевода Фрелаф показал себя достойным воеводой. Не заставим его ждать!

Глава двадцать вторая,

в которой Серега Духарев сначала лишается вида на жительство в городе Смоленске, потом имеет личную беседу с посадником Фрелафом и, наконец, получает приглашение на постоянную работу

Серега думал, что они пойдут втроем, но с ними отправилась вся варяжская ватага. Правда, в сам кремль вошли только те, кого звали, и еще один варяг, десятник из Фрелафовой дружины.

Фрелаф принял их один. Даже без охраны. Храбрость показывал. Или доверие?

— Доволен, Гудым? — буркнул посадник.— Замутил мне дружину? Суду моему не поверил!

— Ты нурман,— сказал полоцкий сотник.

— Когда я вас, варягов, обижал? — сердито спросил посадник.

— Ты — нет,— спокойно ответил Гудым.— А нурманы твои на землях моего князя безобразничают.

— Это где же?

— Да хоть под Витебском.

— Это мои земли! — сердито возразил Фрелаф.

Гудым пожал плечами.

— Не мне с тобой спорить,— сказал он.— Я своему князю служу. Для меня это земли Полоцка.

— Может, и Смоленск уже не мой?

— Смоленск твой,— признал Гудым.

— Ну, успокоил! — буркнул посадник.

Снаружи раздался звучный шлепок. Затем — хохот стражи.

Фрелаф поморщился. Взял с пояса короткий метательный нож с кольцом вместо рукояти, повертел в руке...

— Слушай меня, Гудым! — произнес посадник негромко и веско.— Даю тебе сроку до завтрашнего вечера. Лед с реки сошел. Садись в свою лодью и убирайся в Полоцк. Хватит тебе моих лучших дружинников друг на друга натравливать! И этих,— жест в сторону Духарева и Устаха,— с собой забери. Родичи Хайнара, что у меня в дружине, их все равно живыми не оставят.

— Сдается мне, ты за своих гридней беспокоишься, а не за моих братьев,— заметил Гудым.

— Я тебе волю свою сказал,— отрезал посадник.— Теперь идите. А ты,— острие метательного ножа обратилось к Духареву.— Ты останься.

Трое варягов вышли. Посадников отрок закрыл за ними двери, а сам остался снаружи.

Духарев ждал. Посадник играл ножом, не поднимая глаз. Молчание затянулось, Серега не решался нарушить его первым.

— Есть у меня к тебе просьба, варяг,— наконец произнес посадник.

Голос его прозвучал неожиданно мягко и как бы с натугой. Совсем не так он разговаривал с Гудымом.

— Ты вправе мне отказать, поскольку просьба эта не принесет тебе выгоды.— Фрелаф еще немного помолчал, потом продолжил: — И скажу тебе прямо: будь ты нурман, я не стал бы тебя об этом просить...— Он опять замолчал.

Духарев ждал.

— Мятлик отдал тебе зброю и доспех Хайнара,— после паузы проговорил Фрелаф.— Откажись от них.

— Почему? — Духарев смотрел прямо в глаза посадника. Он хотел, чтобы Фрелаф понял: это не дерзость, а просто желание узнать причину.

— Хайнар был моим сотником,— сказал посадник.— Я любил его, варяг, и хочу, чтобы его предали огню в его собственном облачении и с его собственным мечом. Что скажешь?

— Согласен,— лаконично ответил Духарев.

У него была собственная броня и собственный меч. И не было ни малейшего желания ссориться с могущественным правителем Смоленска.

— Благодарю тебя, варяг,— негромко произнес посадник.— Теперь можешь идти.

Варяги ждали Духарева во дворе. Молошные гридни, что несли стражу у дверей, поглядывали на них настороженно.

— Что он хотел? — спросил Устах, когда Серега вышел из терема.

Духарев ответил.

— И что ты?

— Да пусть забирает! — Серега махнул рукой.— Не обеднеем!

— Ха! — Гудым хлопнул Духарева по спине.— Ты — варяг! Иди ко мне в дружину, Серегей!

— Устах? — Духарев повернулся к товарищу.

Тот шевельнул облитыми кольчужной сталью плечами:

— Я уже ответил: да.

— Я не один,— уточнил Сергей.— И своих здесь не оставлю.

— У меня большая лодья,— заметил Гудым.— Ты видел.

— Значит, и для моего коня место найдется? — поинтересовался Духарев.

— Ты — варяг! — Гудым глядел на Серегу с явным удовольствием.

— Найдется?

— Я же сказал: у меня большая лодья!

— Что я должен делать? — спросил Духарев.

— Что? — Полоцкий сотник, не понимая, поглядел на Серегу.

— Он — настоящий муж, но плохо знает обычаи,— с усмешкой пояснил Гудыму Устах.— Мы принесем клятву, Серегей, и разопьем братину, не смешивая крови. Если ты пожелаешь уйти — ты уйдешь. Но только во время мира. Верно, Гудым?

— А как же иначе? — удивился полочанин.— Мы все — варяги.

Уже когда они покинули кремль, Серега не выдержал и шепнул Устаху:

— Помнишь, я говорил тебе, что не поплыву в Киев? Ты, кажется, сомневался?

— Зачем ты это говоришь? — спросил синеусый варяг, останавливаясь и глядя на Духарева с внезапным интересом.

— Да просто так,— сказал Серега и засмеялся.— Просто чтобы запомнилось.

Глава двадцать третья

Сборы

В гостиницу Духарев вернулся только в полдень следующего дня. Поцеловал Сладу, спросил:

— Все в порядке?

— Да, все хорошо.

Никаких вопросов типа: где был, с кем, почему не ночевал дома уже на вторую ночь после свадьбы?

— Собирайся, Сладушка. Мы уходим.

Слада кивнула. Она не спрашивала, куда и зачем. Муж скажет, если надо.

Сборы не заняли много времени. Немного одежды, сумка со снадобьями и лекарскими инструментами, свернутые, упакованные в вощеную ткань пергаменты, оставшиеся Сладе от отца. Она собралась быстрей, чем Духарев набил своим барахлом седельную сумку. Во второй сумке, упакованное с большим тщанием, хранилось оружие. Трофейная броня, колчан со стрелами. Лук он так и не купил. Не нашел на Торжке ничего подходящего.

— Где Мыш?

— У Горазда. Сергей...— Слада запнулась.

— Да, моя хорошая?

— Не зови его с нами.

Духарев поглядел на нее очень внимательно, потом кивнул.

Комната Горазда была раз в десять просторней, чем та, в которой жили Сергей и Слада с Мышом.

Парнишка действительно был здесь. И еще Годомята, Трещок и третий, смоленский приказчик Горазда, с которым Сергей был не знаком. Ну и сам купец, конечно.

— Я не иду с вами в Киев,— с порога сказал Духарев.— Прости, Горазд!

— Не виноватъ себя,— прогудел купец, поднимаясь ему навстречу.— Я все знаю. Передай от меня добрые слова Роговолту. По зиме приходи за своей долей. Или я сам привезу... Коли жив буду.

Он замолчал, и Духарев тоже молчал.

— Ну че, Горазд, я пошел собираться? — проговорил в наступившей тишине Мыш.

Купец и Духарев одновременно посмотрели на мальчишку.

— Оставь его мне!

— Ты можешь остаться с Гораздом! — сказали они тоже одновременно, и оба засмеялись.

— Но...— Мыш колебался.— Ты не берешь меня с собой, брат?

Духарев подошел к нему, наклонился, шепнул в самое ухо:

— Если ты сам хочешь, иди с ним, Момчил. Так правильно. Ты хочешь?

— Хочу...— смущенно проговорил парнишка.— Но... кто будет учить меня биться?

— Драй. Я попрошу его.— Сергей выпрямился и перевел взгляд на купца.— Я доверяю тебе своего брата, Горазд,— произнес он со значением.

— Не беспокойся,— пробасил тот.— Я сделаю из него доброго купца.

— Такого, как ты? — улыбнулся Духарев.

— Не такого толстого,— ухмыльнулся Горазд.

«Как я мог ненавидеть этого человека?» — подумал Серега.

— Горазд! — это сказала Слада, которая все это время тихонько стояла у двери.

— Да, женщина?

— Позволь спросить?

— Спрашивай.

— Вы пойдете в Киев... И дальше?

— Может быть.

Слада кивнула.

— Можно мне попрощаться с братом, Сергей?

— Ну конечно!

— Погоди! — сказал Горазд, и Духарев взглянул на него удивленно.

— Я не пил меда на вашей свадьбе,— усмехнулся купец.

— Так уж вышло,— смущенно проговорил Сергей.— Но мы еще выпьем с тобой и меда, и пива... Обещаю!

— Непременно,— кивнул купец.— Но это будет не скоро. А сейчас я хочу сделать свадебный подарок твоей жене. Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, он открыл один из коробов и достал оттуда холщовый мешочек.

— Подставь ладошки, молодица! — сказал он.— Роди мужу столько красных сыновей, сколько здесь камушков!

И положил в руки Слады гранатовое ожерелье. То самое.

Мыш и Слада стояли посреди пустой комнаты. Брат и сестра, которые еще никогда не расставались.

— Если вы пойдете дальше Киева...— глядя в сторону, проговорила Слада.— Если вы пойдете дальше и если, да не допустит этого Господь, с вами случится беда, скажи людям, что ты Момчил, из Радов Скопельских.

— И что будет? — тихо спросил брат.

— Не знаю,— теперь Слада смотрела на него, и глаза ее стали блестящими от влаги.

— Рады Скопельские — наши родичи?

— Да.

— А Скопель — это где? — Мыш оживился, даже забыл, что прощается с сестрой, может быть, надолго, может быть, очень надолго.

— Скопле. Это город. Там родился наш батюшка. Там его помнят... наверное. Момчил...

— Да, Сладислава?

— Возвращайся...

Глава двадцать четвертая

Когда-нибудь...

Их провожала целая толпа. Кроме Гораздовой ватажки, почти в полном составе. Мятлик Большое Ухо с отрядом отборных гридней,— Фрелаф послал приглядеть, чтоб опять не возникло каких-нибудь эксцессов. Еще шестеро смоленских варягов, тоже из Фрелафовой дружины, но явившихся по собственному почину: мало ли что? Ну, разумеется, еще толпа зевак, которым было любопытно поглядеть на того, кто зарубил самого Хайнара и, по слухам, единолично прикончил дюжину (некоторые утверждали, что не дюжину, а всего десяток) нурманских волколюдов.

Процессия спустилась к Днепру, к причалам.

Лодья полочан стояла отдельно от прочих. По бортам ее висели круглые красные щиты. Деревянная конская голова с медвежьими клыками грозно глядела на причал с закругленного носа.

Серега спешился, вынул из седла Сладу, передал повод мерина Мышу.

— До свиданья, брат!

— До свиданья!

Устах уже вел своего коня по сходням на борт лодьи.

Попрощались.

Сергей ласково похлопал Пепла по шее и потянул за собой. Жеребец фыркнул недоверчиво, но пошел, громко стуча копытами по неструганым доскам.

Слада быстро поцеловала Мыша.

— Помни, что я сказала,— шепнула она.

Когда она спрыгнула с борта на палубу, сам сотник Гудым подал ей руку.

Слада смутилась. В Полоцке были другие обычаи, чем в Новом Торжке и даже близком Витебске.

— Добро пожаловать, молодица! Как звать тебя?

— Сладислава! — ответил за Сладу подошедший Сергей.

Сотник поклонился. Слада ответила тем же. Три десятка лиц, на каждом — длинные варяжские усы,— повернулись к ней.

— Мы рады тебе, Сладислава! — торжественно провозгласил Гудым.— Если, конечно... ты умеешь готовить!

Громовой хохот прокатился над палубой. Слада шагнула вперед, решительно взяла сотника за левую руку, перевернула ладонью вниз. На тыльной стороне, ближе к запястью, краснел глубокий рваный рубец. Даже неопытному Духареву было ясно, что рана нехорошая.

— Лучше бы я увидела его неделю назад,— громко сказала Слада.

— Пустяшная царапина,— пренебрежительно отозвался Гудым.— Такие мелочи не беспокоят воина.

— Даже если воин может остаться без руки? — сердито спросила Слада.

Это могло выглядеть забавно: огромный варяг, которого отчитывает девушка, чьи глаза на уровне его грудной бляхи. Но на этот раз никто не смеялся.

— Ты не говорил, что твоя жена — лекарка. У нас найдется дело для нее,— сказал Гудым Духареву.— Как удачно я подоспел к тебе вчера на торгу, брат-варяг.

— Ты еще не раз это повторишь,— сказал Устах.— Клянусь усами Перуна!

А Серега Духарев глядел на белые стены Смоленска, на темно-синюю днепровскую воду, по которой медленно плыли редкие ноздреватые льдины. Плыли вниз, мимо неведомых городов со знакомыми названиями, мимо лесов, через степи, к Черному морю, которое сейчас называют Ромейским, но (он помнил) через какую-нибудь сотню лет будут называть — Русским. Льдины не доплывут до моря, а он, Серега Духарев, доплывет. Когда-нибудь. Обязательно.

Послесловие

от автора, не обязательное для чтения,
но по-своему интересное

История — занятнейшая вещь, друзья мои, дамы и господа. Особенно для писателя. Прежде всего потому, что сама историческая наука оставляет невероятный простор для воображения и вместе с тем создает некие узловые точки, совершенно определенные и реальные. Например, если при раскопках городища десятого-одиннадцатого века где-нибудь в Белоруссии обнаруживается арабская монета, датированная примерно тем же временем, мы можем только *предполагать*, как она туда попала. И рассматривать разные версии, за исключением лишь той (если у нас хоть немного мозгов), что монету подкинули сами археологи, дабы обдурить честной народ. Итак, есть арабская монетка. И что теперь с ней делать? Ученому сложнее, чем писателю. Выдвигая научную версию, должно ее обосновать. И доказать. Например, назвать место, где можно найти еще одну монетку. Если ее там найдут, значит, гипотеза верна. А вот если не найдут... Тоже ничего страшного. Подождем. История — не классическая физика.

Есть такая притча. Некий царь призвал трех мудрецов и попросил объяснить следующий факт: почему, если в кувшин, доверху наполненный водой, опустить рыбу, то вода не выливается. Двое мудрецов представили подробнейшее обоснование. Третий опустил в кувшин рыбу. И вода вылилась.

Историческая наука очень редко может следовать примеру третьего мудреца. В руках историков крайне редко оказывают-

ся одновременно и кувшин, и вода, и рыба. Поэтому девяносто процентов исторических концепций противоречат друг другу. То есть ряд весьма серьезных ученых на основании известных *(известных!)* данных уверенно считает варягов скандинавами. Другие, тоже авторитетные, полагают их германцами, третьи... Третьи утверждают, что никаких варягов вообще не было. Писатель вправе выбирать любую из гипотез. Например ту, в которой варягов предполагают одним из славянских племен, обосновавшихся на севере. Лично мне она наиболее симпатична, не противоречит ни фактам, ни логике, и я очень сомневаюсь, что она будет обоснованно опровергнута до изобретения машины времени. А если и появятся доказательства того, что я не прав... Ну что ж, значит, я ошибался. В конце концов, и ученые ошибаются. А писатели, исходя исключительно из логики и анализа имеющихся фактов, делают правильные выводы, которые в ученом мозгу просто не укладываются. Даже когда появляются неопровержимые доказательства. Вроде останков динозавра с внутренними органами, сохранившимися достаточно, чтобы установить, что сердце у динозавра было четырехкамерным. А четырехкамерное сердце, как мы учили в школе, имеется только у теплокровных, зверей и птиц. И все теории о холоднокровных и чешуйчатых гигантских рептилиях, вымерших от похолодания, можно выбросить в мусоропровод. И очень хорошо, что создатели этих теорий, профессора и академики, увенчанные лаврами светила палеонтологии потерпят только моральный ущерб, а все звания, должности и регалии сохранят, хотя научные труды их оказались пустышкой. Если бы вместе с ложными теориями выбрасывали на свалку и их создателей, мы с вами никогда и не узнали бы о том, что были когда-то динозавры с четырехкамерным сердцем. Ну разве что из фантастических произведений. Вот автор этих строк в одном из своих фантастических романов лет семь назад «создал» теплокровных, да еще и мохнатых ящеров, руководствуясь исключительно логикой и кое-какими фактами, вроде того, что кости таза у некоторых динозавров более напоминают птичьи, а не ящеричьи. Клянусь, у меня не было тайного плана потрясти основы тогдашней палеонтологии. Я просто включил интересное предположение в книгу. Хотя узнать, что ты был прав,— крайне приятно. Даже писателю-фантасту, который хочет и в фантастике оставаться реалистом.

Однако вернемся к нашей арабской монетке. Монетке, неясным пока путем попавшей на территорию Полоцкого княжества. Будучи писателем, а не ученым, я имею право не ограничиваться жалкой монеткой. Я, писатель, могу вполне обоснованно предположить, что тем же путем на ту же территорию могла попасть не только монетка, но и, скажем, арабское оружие, которое качеством металла так же отличалось от оружия, которое ковали франки или скандинавы, как клинок настоящего швейцарского ножа от куска кровельной жести. Поэтому эпизод в американском фильме «Тринадцатый воин», когда массивный северный меч перековывается в тонкую кривую саблю, у понимающего человека вызывает улыбку. Но то американцы. Они охотно жертвуют достоверностью ради Зрелища. Мне же хотелось создать именно достоверный мир нашего прошлого, сделать именно исторический, а не фантастический или «альтернативный» роман. То есть, если вдруг я захочу вооружить героя саблей, то должен найти не противоречащий фактам способ дать герою настоящий булатный клинок. И я или найду такой способ, или у героя не будет сабли. То есть все должно быть реалистично. «Ага! — скажете вы.— А почему тогда герой мало того, что непонятно как попал в древнерусскую реальность, еще и говорит на тамошнем языке?» Что касается «попадания», то я пока ничего отвечать не буду. Это пока секрет. А вот насчет языка, да, вы правы. Язык тогда был другой и отличался от современного русского, как русский, ну, скажем, от болгарского. Но если бы Мыш, Рёрех и все остальные тамошние изъяснялись, скажем, по-церковнославянски (чисто технически я мог бы сделать так), стала бы моя книга от этого более интересной?.. Вот именно! Я писатель, а не ученый. Мне хотелось, чтобы меня читали легко и с удовольствием. Мне хотелось показать мир десятого века таким, каким он мне видится, и показать его глазами нашего современника. Причем не в виде полунаучного исторического произведения, а в жанре развлекательном, приключенческом и немножко романтичном. И я это сделал. Все. Продолжение следует...

МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ

Глава первая

Удачное утро для варяжской охоты

Высокая трава раздвинулась, и на полянку проскользнул Понятко, разведчик-следопыт из Серегина десятка.

Половая лошадка разведчика тут же встрепенулась и сделала попытку подняться на ноги.

Кто-то из воинов успел схватить ее за ноздри и прижать к земле. Ковыль был достаточно высок, чтобы скрыть не только лошадь, но даже и всадника, если тот пригнется к холке. Но слух у степняков острый. Лучше не рисковать.

— Три больших десятка, двое дозорных, остальные спят,— шепотом доложил разведчик.— Собачек нет.

И поглядел на своего десятника: доволен ли?

Серега одобрительно кивнул, и Понятко расплылся в улыбке.

Классный парень. Умница. И следы распутывать мастер, а как часовых снимает! Не захрипит, не булькнет. Залюбуешься!

Значит, три больших десятка... Серега почесал взопревшую под доспехом грудь. Большой десяток, это обычно человек двенадцать—пятнадцать. Итого сабель сорок, не меньше. А варягов — двадцать три. Вполовину меньше. Но для рукопашной — более чем достаточно. Парни у Сереги — один к одному. Молодцы. Варяги, одним словом. Против сорока степнячьих сабель — и десятка добрых варяжских мечей хватит. Но... Есть одно «но». И «но» это заключается в том, что помимо сабель у степняков обычно имеются луки. И луками степняки пользуются не хуже варягов, а, как это ни печально,

лучше. И если степняки успеют взяться за эти самые луки, тогда будет худо.

Духарев поглядел на Устаха. Лучший Серегин друг и второй десятник в отряде был обуреваем теми же мыслями.

— Кто они, печенеги? — спросил Духарев. Он был почти уверен, что услышит — «да». Но Понятко мотнул головой:

— Хузары. Дикие.

И поглядел на «своих» хузар, Машега с Рагухом: как отреагируют?

Лицо у Машега стало, как у девушки, откусившей яблоко и неожиданно обнаружившей переполовиненного червяка.

Понятко тихонько засмеялся. На него цыкнули. Духарев знал, что для большинства его варягов что «черный хузарин», что печенег — без разницы. Одно слово — степняки. Те, что, налетев, бьют, грабят, уводят в полон мирный люд... А потому и их самих бить да грабить — милое дело. Если силушки хватит. Но для тех, у кого соображения побольше, а уж тем более для кровных хузар — разница была ощутимая. А для последних — еще и обидная.

Серега Духарев из чужих рассказов да из собственного опыта составил для себя примерную картину местной геополитики и понимал ситуацию так.

После того как печенежские орды подмяли под себя изрядный кусок хузарского хаканата, очень многие из бывших данников нынешнего хакана Йосыпа и даже его собственные подданные из черных хузар-язычников примкнули к победителям, увеличив и без того многочисленные печенежские полчища. Наиболее отмороженные сколачивали собственные шайки и, на собственный риск или заручившись поддержкой того или иного большого хана, нагло безобразничали на торговых путях.

Таких разбойничьих шаек численностью до полусотни стрелков каждая в степях Приднепровья было что блох на бродячей собаке. Иногда шайки объединялись, иногда резали друг друга. Они роились около трактов и волоков, как мухи у навозных куч. Раньше, когда Итильский хаканат был в настоящей силе, такого не было. Но хакановы хузары в этих краях уже вчистую проиграли печенегам, и теперь главной силой, способной противостоять степнякам, стала княжья русь: варяги, славянские вои, служивые нурманы, свеи и прочие. Им же теперь приходилось оберегать торговые пути к ромеям, чтобы

кочевые полчища не отрезали их от тех же ромеев, как это уже случилось с Хузарским хаканатом.

Воевать с печенегами было трудно. Степные орды находились в постоянном движении. Погрузят имущество на повозки да коней — и ищи их по всей степи. За несколько дней печенежское кочевье, с женщинами, детьми, стариками, и то уходило на сотню километров. А уж воинам-степнякам отмахать за день километров шестьдесят — сущие пустяки.

Отчасти поэтому нынешний киевский князь даже и не пытался потеснить степняков. Насколько было известно Духареву, Игорь лишь единожды, да и то лет двадцать назад, ходил против печенегов. Пытался наказать хана, пограбившего киевские земли. Толку от этого вышло — ноль. С тех пор Игорь решил, что со степняками проще дружить. И дружил. Например, недавно ходил с ними на ромеев. Ромеи откупились от Игоря, а Игорь, соответственно,— от союзников. После чего русь отправилась домой, а печенеги — грабить булгар.

С большими ордами и впрямь лучше было не связываться, но прижать всякую мелочь — не так уж трудно. Однако это, как оказалось, не совсем совпадало с интересами самого киевского князя, который предпочитал получать с купцов за право присоединиться к княжьему каравану.

Впрочем, не все рассуждали, как Игорь. Иного мнения придерживался, к примеру, княжий (формально, а по сути — свой собственный) воевода Свенельд. А еще — полоцкий князь Роговолт, которому не улыбалось торговать под жадной рукой киевского князя. И в этом Роговолта поддерживали даже упрямые новгородцы. Не только словами.

Поэтому вот уже второй год топтали степные травы небольшие летучие отряды славян — выискивали степных разбойников. Малых числом — били. На банды посильней наводили Свенельдову дружину. Если же наталкивались на большую орду, держались подальше. Такая вольная охота на степняков считалась делом опасным. Славянам, особенно тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле — родной дом. Поди сыщи их раньше, чем тебя самого отыщет печенежская стрела, которая за пятьдесят шагов навылет щит пробивает. В общем, опасное дело. Но прибыльное. Иной раз не только пояса, но даже и седельные сумы разбойников были набиты серебром.

Устах и Серега командовали одним из таких вольных отрядов. Ватажка их считалась варяжской, хотя из прирожденных варягов в ней был один Устах. Остальные — сборная солянка. Поляне, кривичи, прусс, свей. Особняком — Рагух и Машег. Двое хузар, оваряженных Свенельдом,— «подарок» киевского воеводы перспективному десятнику Серегею: очень не хотелось воеводе, чтобы Духарев стал кормом стервятников. Двое хузар благородной крови, воинов в ...надцатом поколении, знавших все тонкости и хитрости степной войны,— это неоценимый дар.

Вообще-то вначале хузар было четверо. Еще двоих Свенельд отдал в десяток Устаху. Но эти были попроще, и судьба им не улыбалась. Одного в первой же стычке посекли «черные» угры, второму печенежья стрела разбила локоть, и его с купеческой ладьей отправили в Киев.

Собранный с бору по сосенке, отряд тем не менее получился крепкий. Правда, частые жестокие стычки с Дикой Степью изрядно проредили храбрую ватажку. Храбрую-то храбрую, но вот насчет побудительных мотивов своего разномастного воинства Духарев не обольщался. Парни лезли в драку не за идею, отечество или поруганную честь родичей (хотя были, конечно, и такие), а исключительно ради того самого серебришка, что побрякивало в разбойничьих кошелях. Но старших младшие уважали крепко, и на этом уважении держалось единство воинской ватаги. На этом да еще на понимании варяжского славного братства. Не то перегрызлась бы разноплеменная компания на счет «раз».

— Дикие хузары...— Устах поглядел на Машега, тот брезгливо скривил рот. Варяжские усы его были не усами, а насмешкой. По три волосины. Но лицом не смугл, а светел, ничуть не похож на большинство плосколицых кочевников, которых княжья русь пренебрежительно называла копченым. Это потому, что сам Машег был из «белых» хузар, поклонявшихся Единому. Из воинской элиты. А элита эта, ясное дело, в постель предпочитала класть не уродливых простолюдинок, а писаных красавиц. Обычно заморских. Потому стриженные под горшок волосы хузарина были светлыми, а глаза — синими. И этими синими глазами Машег взирал на хузар низших, «черных», язычников с презрительным высокомерием. Как волк —

на деревенских собак. Иудейская вера, впрочем, не мешала Машегу вкладывать время от времени золото в черный языческий Перунов рот. Вера — верой, а обычай — обычаем. Тем более если обычай — варяжский.

— Откуда они пришли? — спросил Духарев.

— Вроде с волока,— не очень уверенно ответил Понятко.— Я далеко не бегал, точно не скажу, но точно, что от Днепра.

Воины оживились. Если разбойник от реки скачет, значит, или спугнул кто, или — с добычей.

— Бьем? — Тусклые обычно глаза древлянина Шуйки заблестели от жадности.

Духарев с Устахом переглянулись: в общем все было ясно.

— Бьем,— сказал Духарев.— Какие могут быть вопросы? Только на этот раз мы — зачинщиками! — ревниво добавил он.

— Да ладно уж! — Устах ухмыльнулся.— Только Понятку мне дай. И Машега.

— Машег, ты как? — для порядка спросил Духарев.

Он знал, что хузары предпочитали держаться вместе, но понимал, что во второй группе тоже должен быть мастер-стрелок.

— Пойду,— отозвался Машег.— Если Понятко меня петь заставлять не будет.

Они с Поняткой были приятели, а шутка была старая, потому никто не засмеялся.

— Клёст, Свей с лошадьми,— распорядился Устах.— Остальные проверьтесь: чтоб не звякать там, не кашлять и не пердеть.

Через несколько минут вторая группа гуськом втянулась в густую траву, чьи стебли в сумраке казались совсем черными.

Духарев выждал положенное время и, сделав знак своим, тоже нырнул в траву, в щель, оставленную возвращавшимся разведчиком. За Серегой бесшумно проскользнул Рагух, за хузарином — лучший из Серегиного десятка, Гололоб. За Гололобом — семеро оставшихся. План ночной атаки был просчитан до мелочей и не раз опробован в деле.

Сергей скользил, пригибаясь, между высоких стеблей. Он двигался почти бесшумно, аккуратно раздвигая траву. Серые утренние сумерки — хорошее время. Его, Серегино, время.

Когда ветерок донес кислый запах разбойничьей стоянки, Духарев подал знак: «Стой!» — и сам замер. Медленно потянул носом («взял», как сказал бы Рёрех) воздух. Потом еще раз.

Пахло травой, людьми, лошадьми, мясной похлебкой, должно быть, старой, потому что дымом не пахло: степняки огня не разводили. А ведь здесь, в низине, трава еще не растеряла влагу, и пожара можно было не опасаться. Это позже, когда солнце основательно высушит степь, случайной искры будет достаточно, чтобы понеслась по Дикой Степи огненная волна.

Духарев однажды видел такой пожар и помнил, как они обходили раскинувшееся на сотни стрелищ [1] серое пепелище, которому лежать мертвым до первого дождя. А дождь этот, может статься, выпадет аж через месяц. Всему живому в огне — смерть, а под хороший ветер пал мчит вдвое быстрее лошади. И даже если поднявшийся от твоей искры огонь и обойдет тебя стороной, богини степей не простят жестокости. Найдут как отомстить.

Не то чтобы варяг Серегей (не говоря уже о христианине из Питера Духареве) боялся степных божков. Но «дедушка» Рёрех, который городского неуклюжего кобеля Серегу оборотил в стремительного и смертельно опасного волчару, дразнить языческих божков не советовал. Тем более на их территории.

Однако, кроме опасности пожара, была еще одна существенная причина не разводить костров. Запах дыма. Те, кто не желал афишировать свое присутствие в степных просторах, вынуждены были обходиться без огня. И разбойники, и охотники в степи попусту костров старались не жечь, а если жечь, то непременно со всеми предосторожностями.

Значит, костра степняки не жгли. Тихарились. Ну и ладно.

Приложив ладони раковинами к ушам и медленно поворачивая голову, Сергей прислушался. Человеческого дыхания он не услышал, зато услышал лошадей, пасшихся вокруг лагеря. Степняки, по обыкновению, отпустили их подкормиться. Но между варягами и лагерем не было ни одной, иначе пришлось бы обходить. Хузарские кони обучены не признавать чужих и поднимать тревогу.

Духарев выждал еще немного. Устаху, который будет огибать лагерь по большой дуге, нужно время, чтобы занять боевую позицию.

---

[1] Стрелище — расстояние прицельного выстрела из лука, обычно — 200 м.

Прошло полчаса. В лагере степняков ничего не изменилось, только один раз визгливый голос спросонья забормотал похузарски.

Сергей вопросительно поглядел на Рагуха, но тот мотнул головой. Ничего важного.

Духарев ждал. Его десяток тоже ждал: кто — сидя на корточках, кто — на земле. Ждать в неподвижности они могли часами. Терпение воина превосходит даже терпение охотника.

Сергей очень хорошо знал каждого из своих парней. Знал, кто и что может, знал, как к кому подойти, чтобы сделал сверх возможного.

Любому духаревскому соотечественнику из того, прежнего мира эти парни показались бы стандартными, как игрушечные солдатики. Одинаковые шлемы, у кого — с прорезями для глаз, у кого — со стрелками-наносниками, одинаковые куртки с нашитыми бляшками, заправленные в сапожки штаны из прочной ткани, с кожаными нашлепками на коленях и в паху, мечи в ножнах — за спиной (подражание своему десятнику), луки, ножи... Обычный прикид для степной «охоты». Щиты и стальные доспехи имелись у всех, но остались на стоянке. Сейчас главное — легкость и быстрота.

Время вышло. Сергей поднял два пальца. С ним пойдут двое. Кто эти двое, знали все. То же было бы, если бы он показал три или четыре пальца.

Лагерь степняков — вытоптанное пятно шагов сто в поперечнике. На поляне в кажущемся беспорядке разбросаны упряжь, седельные сумы. Несколько больших мешков кучей свалены посередине. Хозяева всего этого барахла вповалку спят вокруг. Оружие под боком, но тетивы у всех, кроме часовых, спущены. Это хорошо.

Сторожей было двое, и их следовало обезвредить быстро и аккуратно. На этот случай у Сереги имелась своя персональная примочка. Ноу-хау.

Серега осторожно развязал кожаный мешочек и извлек из него жирного живого слепня. Слепень злобно загудел, но это его не спасло. Крохотная деревянная игла с коричневым от яда жалом проткнула его насквозь. Жить слепню осталось чуть

больше минуты. Этого достаточно. Та же печальная участь постигла и второго слепня.

Духарев отцепил от ножен ровную тростниковую трубку, из тех, что использовались славянами для «подводного плавания». Серега, однако, несколько расширил сферу ее применения.

Духарев приложил полый тростник к губам, просунул между стеблями. Первый слепень отправился в последнее путешествие...

С той стороны изготовившиеся к бою Устаховы молодцы наверняка опознали хлопок. Но ни часовых, ни спящих этот незнакомый звук не встревожил. А вот звук спущенной тетивы или характерный удар попавшего в цель швыркового ножа поднял бы на ноги всех.

Часовой шлепнул себя по шее, поглядел на раздавленного слепня, отбросил его брезгливо, потер «укушенное» место... «Жало» осталось в ранке.

До второго часового было подальше, метров двадцать, но Серега и на этот раз не промахнулся.

Яд начинал действовать через две-три минуты. Это был хороший яд, Духарев отдал за него чародейке, «служанке» Мокоши, полную гривну. Попадая в кровь, яд сначала вызывал сонливость, потом слабость, а затем смерть. Состояния сменяли друг друга так быстро, что отравленный не успевал заподозрить что-то неладное.

И тут, впервые, произошла осечка.

Часовой, ближний, неожиданно поднялся. Второй, повернувшись, поглядел на него, но первый махнул рукой: все нормально.

Возможно, у него просто затекли ноги. Проблема состояла в том, что сидящий со скрещенными ногами степняк, засыпая, так и остается сидеть. А вот тот, кто стоит на ногах...

Второй вырубился раньше. Серега увидел, как он клюнул носом...

И тут колени у первого подогнулись...

Гололоб, опередив своего десятника, метнулся вперед, бесшумно подхватил падающее тело, бережно опустил на землю. Хузарин успел глянуть на варяга мутнеющими глазами, но подать голос уже не мог.

Все остальное заняло не больше минуты. Варяги ворвались в лагерь, как степные волки — в овечий загон. Брызги крови и ошметки плоти, вопли, визг, рев...

Духарев прыгнул сразу в середину лагеря, к сложенным кучей мешкам, хлестнул веером сразу на три стороны, перебросил меч в левую руку, достал четвертого. Пятый успел откатиться, ухватился за лук... Топорик Гололоба проломил облепленный сальными волосами затылок. Кто-то из степняков свистнул с переливом, зовя коня. Перекрывая свист, над степью задрожал тоскливый злобный волчий вой. И тут же завыли, вперелив, по-волчьи, все варяги. От этого страшного звука шарахнулись прочь непугливые хузарские кони, а на их хозяев, тех, что успели схватиться за оружие, навалилась внезапная немощь, и что-то ослабло внутри. Лишь немногим удалось преодолеть отнимающий силы звук. Наконец зазвенела сталь. Но не степнякам тягаться с варягами в искусстве клинковой игры, тем более — на твердой земле. В одном месте, правда, нескольким хузарам удалось сбиться в кучу, ощетиниться пиками. Такой пикой степной всадник на скаку подхватывает брошенное в траву кольцо. Но пешими хузары не продержались и минуты. Устах и еще четверо варягов налетели с разных сторон, посекли и пики, и тех, кто их держал, и тех, кто под прикрытием уже нацеливал смертоносные луки... Быстро, очень быстро... Вот кто-то из степняков метнулся прочь, в спасительные травы... и полетел ничком, когда стрела Рагуха ударила ему под лопатку.

Машег и Рагух в сечу не лезли. Били на выбор, неторопливо, насмерть.

Минута, может, чуть больше — и всё закончилось. Для разбойников. Для варягов же, как выяснилось чуть позже, всё только началось.

Глава вторая,

в которой выясняется, что даже удача может оказаться чересчур большой

Победители неторопливо осматривали тела, срезали и снимали все, что казалось ценным. Раненых добивали. В воздухе висела тяжелая вонь крови, боли, пота, выпущенных внутренностей. К вони Серега уже давно принюхался. Притерпелся, как к свербящей под доспехами коже. Ну чешется — и ладно. Главное, чтобы вши-блохи не завелись. Естественная брезгливость цивилизован-

ного человека, конечно, не исчезает совсем, но привычка натягивается на нее сверху, как перчатки патологоанатома. Правда, были вещи, к которым Сереге было притерпеться трудно. Но одно дело — изнасилованные или брошенные в костер дети, и совсем другое — порубленные в схватке разбойнички. Одним словом, как говаривали классики: труп врага пахнет очень даже приятно.

Подтянулись Свей и Клёст, пригнали коней.

Рагух и Машег сели на своих лошадок, пустились ловить разбойничьих. Поймают, конечно, не многих. Дюжины две. Но и эти пригодятся — трофеи везти.

Сергей мертвых не обдирал. Не командирское это дело. Без него справятся. Обдирать — не убивать.

А все-таки ловко у них стало получаться! Сорок восемь разбойничков — наповал, а у Сереги в десятке только одного поцарапало, да и то легонько. Конечно, резать спящих — неспортивно. Но это только в рыцарских романчиках все чистоблагородно. А по жизни чистая работа как раз такая: чтобы вокруг в живописном беспорядке валялись чужие трупы, а твои друзья стояли вокруг на собственных ногах. Вот картина, от которой становится тепло на сердце у всякого вождя. А он, Серега Духарев, теперь, как ни крути, а вождь. Хоть под рукой у него не тысячи, а всего дюжина.

Короче, Духарев был собой стратегом вполне доволен. В открытой сшибке со степняками легла бы половина его парней. Это в лучшем случае. О худшем даже и говорить не хочется. Это они, варяги, с побежденными обращаются по-доброму: ножом по горлу. Не смерть, а чистое милосердие. А к степнякам в руки живьем попадать не стоит. За неполных два года Духарев в здешних краях насмотрелся всякого. Иной раз на то, что остается от угодивших в плен к тем же копченым-печенегам, не стоит даже смотреть. Лучше уж — к нурманам, чем к этим. Вон красавец валяется — на шее два ожерелья. Одно — золотое, второе — из сушеных пальцев. Притом не мужских, а женских. Или детских. Обдиравший разбойника Щербина, полочанин из Устахова десятка, угрюмый, битый громила, и тот передернулся лицом, сплюнул, разрезал шнурок и положил страшное украшение на землю...

— Серегей! — За два года Устах так и не научился правильно выговаривать имя Духарева.— Поди сюда, глянь!

Серега подошел. Глянул. Ёш твою мать!

Устах стоял у развязанного кожаного мешка. И был этот мешок доверху наполнен серебряными чашами. И не какими-нибудь, а дорогой ромейской работы, с чернью и чеканкой. Иные — даже с эмалью.

Духарев присвистнул. Повезло, однако! На один такой мешок боевую лодью построить можно. Да что там лодью — корабль морской, а то и два! Серега потянулся к другому узлу, поменьше, распутал шнурок... Ну вообще! Мешок, размером с баранью голову, был под завязку набит серебряными монетами: греческими, арабскими... Друзья переглянулись.

Третий мешок они вскрыли вместе. И он тоже оказался набит монетами. Только золотыми.

Они поглядели друг на друга. Губы Устаха растянула глуповатая улыбка, совершенно неуместная на суровом, обветренном лице синеусого варяга. Но Серега тут же поймал себя на том, что лыбится так же глупо. Как влюбленный шестиклассник, которого подружка неожиданно чмокнула в щечку.

— Ах ты мохнатая Волохова гузня! — пробормотал Устах.— Скажи мне, брат, это морок или вправду золото?

Духарев зачерпнул тяжеленькие монеты ладонью — как пшеничное зерно, взял одну, прикусил...

— Высшей пробы!

Это было богатство. Огроменное. Причем — для всех ватажников. Даже если в остальных мешках солома с глиной, что маловероятно.

«Черт! — подумал Духарев.— Что ж я с этим делать-то буду? Такие деньжищи!»

Очевидно, в голове Устаха роились такие же мысли. Но синеусый варяг был более практичен.

— Чусок! — окликнул Устах своего помощника.

Чусок, самый старый в ватажке — пятый десяток пошел, горбоносый, чернявый, как ромей, и такой же хитрый, подошел к десятнику.

— Глянь.

Воин глянул, глаза его блеснули алчно, мозолистая рука сама потянулась к рыжему металлу. Но Чусок тут же взял эмоции под контроль, ограничился одной монеткой.

— Ромейская,— хрипло проговорил он, вертя красноватый диск корявыми пальцами.— Романовой чеканки. Вишь, морда

его! — Черный ноготь чиркнул по императорскому профилю. А это что? — Чусок взял одну из чаш, полюбовался узором.— Товар отборный! — И тут по его лицу пробежала тень. Чусок положил чашу обратно, поскреб щетинистый подбородок, повернулся, поглядел на посеченных степняков...

— Я вот чего думаю,— произнес он неторопливо,— больно мало их для... такого. Это ж какой товар! И деньжищи какие! Такое без доброго присмотра степью никакие купцы не повезут. Маловато этих было для такого дела...

— Какие купцы, Чусок? — фыркнул Устах.— Это ж дикие хузары!

Он еще не понимал. А Серега уже въехал, и нехороший холодок возник где-то у него внутри.

— Может, их больше было? — рассуждал Устах.— Может, за это дело побили многих?

— Может, и побили. Или они побили. А может...— Чусок подергал оттянувшую мочку, золотую серьгу с солнечным знаком.

Духарев тем временем нетерпеливо распутывал следующий мешок... Так, серебро! А этот, поменьше... Черт! Опять золото!

Радость от привалившей удачи растаяла, как мороженое во рту дикаря. Только вместо сладости остался совсем другой привкус...

Устах и Чусок наблюдали за Серегой с большим вниманием.

Так, еще серебро, и еще, а здесь — посуда драгоценная... Блин!

«А ведь это жопа,— подумал Серега.— Надо же, как вляпались!»

Нечто подобное, вероятно, испытал бы вокзальный воришка, ловко стыривший чемоданчик и вдруг обнаруживший, что тот доверху набит пакетиками с героином.

Духарев не мог себе представить, чтобы такое охраняла кучка задрипанных разбойников. При таком товаре естественно виделись закованные в сталь грозные шеренги всадников, сторожкие дозоры, опытные, доверенные сотники...

Очевидно, у Серегиных соратников перед глазами возникла сходная картинка.

— А может...— пробормотал Чусок.

— Что? — быстро спросил Устах, которому тоже открылась вторая, смертоносная сторона медальки.

— Может, тайно везли?

— Ромеи?

— А кто же еще?

Это могло быть правдой. Такое было вполне в обычаях Восточной Римской империи. Тайком подкинуть золотишко одному из возможных противников, чтобы тот не к имперским валам шел, а вцепился в загривок другому опасному для ромеев соседу.

— Думаешь, даром [1] кому? — спросил Устах.

— Угу. Даром. Или откупом.

— Похоже, что так,— согласился Устах.— Значит, от кого — мы догадываемся. А вот кому?

Кандидатов, учитывая сумму, было не так уж много. Печенеги. Вернее, кто-то из больших печенежских ханов. Гонорар за внеочередной рейд по славянским землям? Или ущемление хвоста другому большому хану, своему сородичу? Вполне вероятно. Итак, печенеги — это раз.

Хакан хузарский. Это два. Но сомнительно. Йосыпу хузарскому нынче не до империи. Своих проблем — выше крыши.

И наконец, три — хакан русский [2]. Он же великий князь киевский Игорь свет Рюрикович. Вот это возможно. Год тому назад Игорь как раз на ромеев и ходил. Те откупились, но большого богатства киевский князь тогда не привез. Тем не менее в этом году великий князь за добавкой не пошел. Да, Игорь — кандидат реальный.

Следующий вопрос: за что полагается такой существенный взнос в личную казну? Ну, это не вопрос даже. Ежику понятно: ромейское золото служит исключительно для пользы ромеям. Следовательно, во вред всем остальным... Следовательно, все остальные спят и видят это золотишко перехватить. Так что даже тайная миссия должна быть обставлена очень серьезно. И тот, кому предназначается золото, обязательно должен быть в курсе и тоже позаботиться о соблюдении правил безопасности. И дикие хузары при таком куше выглядят примерно как пацаны с рогатками в качестве охранников коммерческого

[1] Даром — от слова «дар», подарок.

[2] Право на титул хакана давало Тмутараканское княжение, хотя князь тмутараканский именовался просто князем, а не великим князем, как тот, кто держал стол в Киеве.

банка. Следовательно, здесь что-то нечисто. Следовательно, ничего хорошего от этой немереной добычи ждать не приходится. И очень, очень вероятно, что настоящий хозяин имущества обретается где-то поблизости. Следовательно...

— Следовательно, мы влипли,— констатировал Духарев.— Эй! Братья-варяги! Идите-ка все сюда!

Через пару секунд две дюжины варягов уже толпились вокруг немереной добычи. Гоготали, лупили друг друга по спинам, щупали драгоценный металл, пускали слюни...

— Значит, так, ребятки,— негромко, но веско произнес Духарев.— Слушай меня!

«Ребятки» тут же оставили в покое золотишко и обратили восторженные лица к командиру. Общеизвестно, что преданность воинов напрямую зависит от удачливости военачальника. В эту минуту рейтинг Духарева поднимался аж до заоблачных высот. Сергею предстояло опустить его на землю.

— Я не знаю,— сказал он,— как это все попало вот к ним.— Жест в сторону покойников.— Но я знаю твердо: у этого богатства есть настоящий хозяин. Вот этого мешочка...— Духарев поднял мешок с золотом, тянувший на полпуда,— хватит, чтобы год кормить дружину в три сотни клинков. И будь я хозяином этого мешка, я бы не хотел, чтобы ему было без меня одиноко. И присматривал бы за ним не хуже, чем евнух булгарского царя за его новой наложницей.

— А мы его поделим! — задорно выкрикнул Мисюрок, совсем молодой парень из Серегина десятка.— И присмотрим вместе!

Бац! Деревянная лопата, которую Устах называл своей ладонью, шлепнула Мисюрка по затылку так, что у парня шлем съехал на глаза.

— У этого золота есть хозяин,— продолжал Духарев.— И я не уверен, что нам он по зубам. Но, с другой стороны, и мы все имеем некоторое право на эти деньги. Мы ведь взяли его в бою, верно?

Ватажка дружно подтвердила: да, верно.

— Может, нам следует подождать хозяина и спокойно отдать ему деньги: может, и нам что перепадет? — задал коварный вопрос Духарев.

— Перепадет,— мрачно проворчал Щербина.— Секирой по загривку.

— А хозяин-то кто? — поинтересовался неугомонный Мисюрок.

— Это земля большого хана Куркутэ,— заметил Чусок.— Может, и деньги его?

— Может,— не стал оспаривать Духарев.

Понятко звонко рассмеялся.

— Чтобы Волк поделился добычей? — воскликнул он.— Скорее мой гнедой жеребенка принесет!

— А что ты предлагаешь? — Духарев усмехнулся.

Понятко был молод, но храбр и неглуп. Потому пользовался в ватажке не меньшим уважением, чем Гололоб или тот же Чусок.

— Взять добычу и бежать со всех ног! — Понятко снова засмеялся.— Авось не догонят!

— Кто думает по-другому? — спросил Духарев.

Ватажка ответила одобрительным ворчанием.

— Ясно,— кивнул Сергей. Поглядел на небо: до восхода осталось недолго.

Он минуту задумался, планируя дальнейшие действия. Остальные терпеливо ждали.

— Значит, так,— решил Духарев.— Ты, Понятко, сейчас возьмешь Мисюрка, пару заводных — и махом — вдоль хузарского следа. Далеко не ходите. Как солнце выглянет — сразу назад! По седлам!

Хотел еще добавить, чтоб поосторожней, но сообразил, что в этом нет необходимости.

— Устах! — Духарев повернулся к другу.— Отсюда до берега стрелищ двадцать?

— Тридцать.

— Тем лучше. Слепим ложный след. Заодно коней напоим. Распорядишься?

— Угу.— Серегину идею он ухватил с ходу. Чем больше следов поведет с места побоища, тем сложнее будет возможным преследователям. Днепровский берег здесь — не то что у Хортицы, пологий. И течение ровное. Можно переправиться? Можно. Вот пусть преследователь и гадает: переправили добычу на тот берег или нет.

— Клёст, Чекан, Шуйка! — гаркнул Устах.— Взяли лошадей — и к Днепру. Туда — широко гоните, обратно — цепочкой. Да на берегу не валандайтесь! Наполнили бурдюки — и назад. Свей,

Морош, что стоите, разинув рты? Ждете, пока муха влетит? Ну-ка, давайте с мертвяками заканчивайте! Чусок, возьми кого-нибудь и пересыпайте это в переметные сумы.— Варяг небрежно пихнул ногой мешок с золотом.— На мешках, вишь, пометки сделаны. Да в сумах везти сподручней будет.

— А делить? — заикнулся было Морош.

— Печенеги тебя поделят! — посулил Устах.— Частей на шесть. Шевелись давай!

Пока синеусый варяг организовывал производственный процесс, Серега старательно шевелил мозгами: что бы этакое сотворить для окончательного запутывания возможных преследователей?

Его размышление прервало появление хузар. Лихо осадив коня в шаге от Духарева, Машег швырнул к Серегиным ногам труп еще одного разбойника.

— Ну и что дальше? — спросил Духарев, поглядев на свежего покойничка.

Ничего особенного. Плоская, дочерна загорелая морда, раззявленная пасть с обломками зубов...

— А то,— сердито бросил Машег,— что их двое было. Один ушел!

Вот это было скверно, но ругать хузар Духарев не стал. Видно, что и так расстроены неудачей.

— Там у них табунок был,— сказал Рагух.— Голов на двести. И этих двое. Как нас увидели — сразу бежать. Этого Машег достал, а второй утек. Да и пусть бежит. Одним больше, одним меньше... Может, поймает его кто да кишки и выпустит!

— Вот именно! — буркнул Духарев.— Вы лучше вон туда гляньте! — Он показал на Чуска, пересыпающего монеты из мешка в седельную сумку.

— О-о-о! — Рахуг даже забыл закрыть рот.

Тронув коня, он подъехал поближе.

— Что зыришь? Давай помогай! — сказал ему Чусок.

В отличие от соплеменника, Машег с места не сдвинулся.

— Это золото, да, Серегей?

— Золото. И серебро. И утварь.

— Больно много.

Машег — синеглазый красавец, воин в ...надцатом поколении, кровь хаканов, немерено колен благородных предков, но голова у хузарина варила — дай Бог всякому!

— В том-то и дело,— хмуро бросил Серега.

— Это ничего! — Машег блеснул зубами.— Много золота не бывает!

— Зато бывает, что вокруг этого золота много трупов,— заметил Духарев.— Не хотелось бы к ним присоединиться.

Хузарин встрепенулся — понял.

— Поеду-ка я поищу этого пастуха,— сказал он.

— Нет! — отрезал Духарев.— Хрен с ним. Некогда. Надо ноги уносить.

Он вкратце изложил Машегу возможные варианты происхождения золота и свои мысли по поводу ближайшего будущего.

Чусок тем временем закончил перегрузку и занялся дележкой того, что ободрали с мертвых тел. Дело нетрудное, доля каждого известна, если командиры решили бы кого поощрить особо, сказали бы.

К уже предложенным вариантам предполагаемой судьбы серебра-золота Машег прибавил еще один: дикие хузары золота сами не везли и силой не добывали, а были в сговоре с теми, кто вез. Или с теми, кому везли. Имитировали ограбление — и ищи ветра в Диком Поле! Если этот вариант соответствовал истине, то число осведомленных о деньгах, соответственно, увеличивалось, а шансы варягов выкрутиться — уменьшались.

К сожалению, к даме по имени Истина именно Машег оказался ближе всех.

Глава третья,

в которой десятник варяжский Сергей применяет хитрость, именуемую «два зайца»

Понятко и Гололоб прошлись по разбойничьему следу до днепровского берега и еще версты две — вдоль реки. Тут след прервался. Вернее, ушел в воду. Понятко пошарил в камышах и обнаружил вспоротую бычью шкуру. Такие шкуры использовали для переправы: набивали сеном, зашивали — и вперед. Держало неплохо, Духарев сам пробовал.

На тот берег парни переправляться не стали, повернули коней и поскакали обратно. Позитивной можно было считать информацию о том, что на этом берегу степняков никто не преследовал. Но в этом Сергей и так был почти уверен: если бы у разбойников на хвосте висели сердитые дядьки, хузары не были бы такими беспечными. Хотя кто их, поганых, поймет? С них станется: зарежут пару-тройку пленников, божков своих в крови выкупают — и считают, что дело в шляпе, ни один враг не отыщет. И надо признать, были случаи, когда не отыскивали. Стало быть, методика работала.

Однако варяги, хоть тоже язычники, к подобным приемам не прибегали, а уж христианину такое и вовсе не пристало. Поэтому Духарев решил сбить погоню более реальной уловкой.

— Я думаю, нам надо разделиться,— сказал он Устаху.

Выслушав Серегины аргументы, Устах признал, что мысль неглупая. Но взять половину добычи и возглавить второй отряд отказался наотрез. Обосновал отказ следующим образом:

— Мне это не нравится!

Все. Точка. Спорить с синеусым после того, как он объявил свое решение,— только время попусту тратить.

Сообща решили: выделить во второй отряд по три человека из каждого десятка. Старшим будет Чусок. Он опытен, и парни его уважают. Позвали Чуска, изложили новый план.

Чусок, подумав, согласился, но сказал, что доли добычи не возьмет. Возьмет пуда полтора серебра, гривен на сто, чтоб, если что, ребятам не обидно было.

Под «если что» подразумевалось: если славные парни Духарев, Устах и остальные пойдут на подпитку вороньего племени.

Царапая ножиками на коже перевернутой сумки, набросали схему движения отвлекающего отряда: подняться вверх по течению Днепра до обжитых мест, там свернуть на восход и краем степи идти к Донцу, точнее, к острожку Крице, возведенному на излучине Донца.

Решили, что второй отряд заберет всех лишних коней и увезет тела разбойников. Тела эти, по хузарскому обычаю, следовало зарыть в землю, но Серега предложил поступить проще: привязав камни, утопить трупы в Днепре. Прямо у берега, на радость ракам и прочей живности. Это тоже был обманный ход. Замаскировать место побоища не получится, так пусть те,

кто пойдет по ложному следу, схавают еще одну обманку. Тот, кто найдет под бережком утопленных, должен сообразить так: кто топил — тот и убил. А кто убил — у того и денежки. А Чусок с парнями пойдут не таясь, без особой спешки, да не в степь, а землями киевских данников. Если хозяин богатства, печенег или иной чужак, сунется на киевские земли — вполне может схлопотать по чавке. А если хозяин — сам киевский князь? Тогда еще лучше. Ну догонит он Чуска — и что дальше? Тот охотно признает, что побил черных хузар. Служба у него такая — разбойников бить. Да вот беда: и разбойники побили многих — вот и решили возвращаться. Золото? Да не было никакого золота! Вот лошадок степных взяли. Не хочет ли светлый князь лошадок прикупить? Хорошие лошадки-то!

Зная Чуска, можно не сомневаться: врать он будет не хуже скомороха.

А тем временем основной отряд уже потеряется в Дикой Степи. «Ищи ветра в поле» — это как раз о ней и сказано.

Когда набравшее жар солнце повисло над ковыльными метлами, оба отряда двинулись, каждый в свою сторону. Еще раньше в степь умчались разведчики.

Духарев ехал во главе отряда на заводной лошади из трофейных. Лошадка эта попыталась поначалу качать права, кусаться и совершать другие не предусмотренные походным распорядком телодвижения. Но Серега быстренько втолковал ей, что такое хорошо, а что такое — больно, и консенсус был найден. Следом, обремененная переметными сумами, трусила Серегина первая заводная, а слева, налегке, легким галопом — Пепел. Боевого, выученного коня Духарев старался не обременять. Если что, жеребец должен быть злым и свежим.

Справа от Сергея, тоже на заводной, ехал Гололоб, а за ним тянулась цепочка вьючных. Не охотничий отряд, а купеческий караван. Ехали то шагом, то легким галопом, не медля, но без особой необходимости коней не изнуряя. Расчет был такой: через пару дней выйти на тракт, что вел через степь к побережью Азовского — по-здешнему Сурожского — моря. Сергей запланировал так: выйти на Сурож, сбыть лишних коней, купить лодью или насад, выплыть к донскому устью, оттуда — к Донцу, подняться вверх до Крицы, объединиться с остальными и идти в северские земли. Это был путь отнюдь не самый

близкий, левой задней ногой — через правое ухо. Зато возможную погоню запутает, да и по воде плыть, хоть и против течения, варягам привычно и от разбойничьих шаек безопасно. Таковы были планы, но Духарев очень сомневался, что реализуются они так же гладко, как составились. Это только с виду степь кажется пустынной и бескрайней. А если собрать вместе всех шарящихся по ней любителей приключений и чужого имущества — такая толпа получится, не дай Бог!

Если бы Духареву каким-то образом удалось раздобыть вертолет и поднять его над Диким Полем или, еще лучше, глянуть на степь глазами парящего в бледном небе ястреба, он увидел бы много интересного. В первую очередь, он увидел бы широкую ленту многоводного Днепра и медленно ползущие по ней широкие насады, лодки, струги и прочие торговые плавсредства. Это было обычно и неинтересно. А вот узкие, похожие на быстрых хищных многоножек боевые лодьи, чьи паруса были раскрашены в цвета киевского князя Игоря, снующие от берега к берегу, перевозя крохотных, если смотреть из-под облаков, лошадок и человечков, наверняка заинтересовали бы Духарева.

Но еще больше его заинтересовали бы «плывущие» по степному «морю» крохотные фигурки в войлочных шапках и серых тягиляях.

Печенеги. Причем только мужчины. Воины. Вернее, разбойники.

Было их немного, зато путь их лежал в сторону Днепра и неминуемо должен был пересечься с путем варягов.

Это был не единственный воинский отряд печенегов в ближней степи. Еще один отряд ехал вдоль небольшой речки, бегущей к Сурожскому морю, но эти шли на север, и вероятность их встречи с варягами была исчезающе мала. Зато третий отряд, численность которого раз в десять превышала численность поредевшей варяжской ватажки, двигался на юго-восток. Столкнуться с варягами этот отряд не мог, зато оставленный ими след должен был пересечь обязательно. И если этот след заинтересует печенегов...

Но у Сереги Духарева не было ни вертолета, ни крыльев ястреба. Поэтому он мог рассчитывать только на глаза своих дозорных и собственную интуицию. До сих пор этого хватало. Поскольку он еще жив.

Глава четвертая

Стычка

Меньше стало ковыльных метел, больше обычного разнотравья. Трава измельчала — не доставала и до конского брюха. Теперь всаднику открывались приятные глазу просторы: синева неба и зеленые пологие холмы, грядой уходящие к востоку. На одном Духарев разглядел крохотных наездников — своих дозорных.

Здесь, в степи, Серега чувствовал себя не то чтобы одиноким... Незначительным. Слишком много места вокруг. Слишком мало людей. В этих пространствах теряется даже многотысячная орда. Что уж говорить о маленьком отряде? А вот Сладе степь нравилась...

Подумав о жене, Серега вспомнил, как они позапрошлым летом приехали в Полоцк. Как толпился у причала народ, как радовались жены, встречая мужей живыми и веселыми. Вспомнил, как они втроем, Устах, Духарев и маленькая Слада, потерявшаяся между двумя здоровенными варягами, сошли на берег, где их никто не встречал. Сошли и остановились, не зная, куда дальше, чужие среди веселой толпы полочан. А потом из толпы возник сотник Гудым, широкий, громогласный, в обнимку с женой и дочерью, не сводившими с сотника восторженных глаз...

И сразу все вокруг стали своими, и кипящий водоворот толпы, до этого чужой, тоже стал своим, включил в себя троих пришельцев и понес куда-то, то есть не куда-то, а в большой Гудымов дом, шумный от обилия домочадцев и челяди. А затем баня, общая трапеза и наконец торжественный поход к Детинцу, варяги и просто гридни, торжественные представления и — сам полоцкий князь Роговолт, неожиданно молодой, немногим старше Духарева, невысокий, с толстыми синими усами и еще более синими глазами на темном от загара лице. Как они с Духаревым с первого взгляда понравились друг другу, а Устах с полоцким князем оказались даже дальними родичами. Потом — пир, чаши по кругу, много пива, меда и хвастовства. Серега сначала собирался вообще о своих

«подвигах» помалкивать, но хитрый Гудым заставил-таки Духарева выложить историю своей схватки с Хайнаром. И Серега неожиданно увлекся, вскочил, стал показывать, как бил Хайнар, как он парировал, атаковал... И слушатели оказались благодарные, понимающие. Все они были воины, профи, для которых не было ничего выше и важнее битвы, и схватка с нурманом из неаппетитной кровавой карусели неожиданно превратилась в прекрасный своим утонченным искусством поединок. А потом слово взял Устах и принялся совсем уж неумеренно расхваливать Серегу, живописуя, как он голыми руками расправился с двумя вооруженными ульфхеднарами [1], а потом, раненый, с одним мечом, без щита, зарезал третьего нурмана. И слушатели восхищенно орали, потому что здесь были только варяги и те, кто хотел ими стать. И не было ну ни одного спесивого нурмана! И Серегу заставили показать, как именно он бил волколюдов. И Духарев показал. И еще расколол кулаком деревянный поднос. И никто не смеялся над его «простонародным» способом борьбы, а кто-то из гридней побился об заклад, что тоже развалит кулаком доску. И не развалил, а только ушиб руку, и Серега, смеясь, позвал гридня в гости, потому что жена у Сереги лекарка и вылечить расшибленные пальцы ей раз плюнуть. А Гудым немедленно продемонстрировал вылеченную Сладой руку, разумеется, невероятно преувеличив тяжесть раны, доведя ее чуть ли не до огневицы...

И еще Духарев обратил внимание, что молодой князь почти ничего не говорит и почти не пьет, но слушает очень внимательно.

А когда на небе высыпали звезды, а полоцкая дружина наелась, напилась, накричалась и тоже высыпала во двор охладиться, князь подозвал Гудыма, чтобы сотник привел к нему нового дружинника. И сказал князь, что хочет он что-то сделать для такого славного воина, но одарить его зброей не может, поскольку видит, что зброя у Серегея-варяга отменная. Да и серебра у такого славного воина наверняка вдосталь (Сергей кивнул не без гордости), а потому он, Роговолт, дарит Сереге землю внутри городских стен, чтобы тот построил на ней добрый дом и жил там своим родом, с женами и наложни-

[1] Ульфхеднар — волк-оборотень.

цами, и растил сыновей, которых, ясное дело, у такого молодца будет великое множество.

Духарев поблагодарил искренне и не стал тогда «огорчать» князя сообщением о своем христианстве и естественных ограничениях, налагаемых оным на количество жен.

Князь узнал об этом позже, когда собирался поставить Духарева десятником. Узнал и десятником Серегу не поставил. То немногое, что полоцкий князь ведал о последователях ромейского Бога, не внушало Роговолту доверия. То есть своего расположения князь Духарева не лишил, но поручить человеку «с дефектом» своих людей не рискнул.

Десятником Серегу поставил уже Свенельд. У воеводы были на Духарева серьезные планы, а религиозными проблемами победитель уличей не заморачивался. Ему служили и христиане, и иудеи-хузары, и поклонники «светлых небес» из степных племен. Кого из божеств считать своим главным покровителем — личное дело гридня. Лишь бы он был толковым воином, не хулил Перуна и правильно понимал Правду.

Духарев Перуна не хулил, но в кровавых оргиях участия не принимал. Не одобрял, но помалкивал. Что делать, если все твои друзья — язычники. Если ни один праздник без крови не обходится. Что говорить о боге воинов Перуне, если даже скотий [1] бог Волох, которого многие славяне держали в покровителях, тоже человечьими жертвами не брезговал, хотя в последнее время служители его старались приносить ему в жертву не девственниц, а девственность. Однако ж при любых неурядицах те же смерды готовы были отдать собственных дочерей, лишь бы не было неурожая. Духарев одобрить это не мог, но понять — вполне. Жили тут не каждый сам по себе, а родами. Индивидуальность, личность не имела значения. Только как часть целого. И если для выживания целого надо отдать богу часть, дочь или сына,— отдавали. Был бы род жив, а дети новые родятся. Голодная зима больше погубит, чем серп жреца. Голод был реальностью и для пахарей-полян, и для охотников-кривичей. Каждый третий год был неурожайным. И хорошо, если только третий.

В этом отношении обитатели Азовского побережья, к которому сейчас двигались варяги, были в привилегированном

[1] Древнеславянское понятие «скот» включало не только домашних животных, но и любое имущество, богатство.

положении. Пусть засуха сожжет поля, пусть падет скот — рыба в мелком Сурожском море не переведется. Хоть сетями лови, хоть руками. Зимой тут даже овец рыбой подкармливали.

Кабы еще степняков диких к ногтю прижать, был бы тут просто рай.

Вспугнутые лошадьми, взлетели из травы тетерева. Паривший над степью ястреб тут же ринулся вниз, ударил метко...

Кто-то из варягов заклекотал по-птичьи, поздравляя небесного охотника с удачей.

Другой, более практичный, метнул стрелу — и жирный степной тетерев тяжело рухнул в траву. Стрелок, древлянин Шуйка, перенятый Свенельдом из гридней древлянского князя Мала, пустил коня вскачь, свесился с седла и с ходу подхватил сбитую птицу.

— Добре! — зычно поощрил его Устах, и следующую стайку так густо закидали стрелами, будто то были не птички, а печенежская конница.

— Из тетерева уха хороша! — мечтательно произнес Гололоб.— Ежели с корешками да на рыбьей юшке...

— Ша! — Духарев привстал на стременах. Он увидел, как один из разъездов, правый, достигнув вершины холма, внезапно повернул вспять и галопом понесся обратно.

— Стой! — рявкнул Сергей.

Он наблюдал за вторым разъездом.

Так и есть! Взлетев на гряду, двое дозорных тоже развернули коней и понеслись обратно. Один даже, на ходу, переметнулся из седла в седло — на свежую лошадь. Второй на скаку, будто играя, подбросил лук: раз, другой. Условный знак. Две дюжины верховых. Или немного больше. Если это не передовой отряд, то управиться можно. Но всё равно невезуха! И пятнадцати верст не проехали, а уже нарвались!

Варяги, остановившись, глядели на своих. Ждали команды. Биться или бежать?

На гребне показались крохотные фигурки — вражеские всадники. Рассыпаясь веером, они помчались вниз.

Дозорные опережали их шагов на четыреста.

Устах подъехал к Сергею, хлопнул по рукояти меча.

Духарев кивнул.

— Разберись! — выкрикнул синеусый.

Варяги тут же изготовились к бою: сменили лошадей, разъехались широко в стороны, проверили луки, сдвинули колчаны поудобнее...

Духарев пересел на Пепла. Почувствовав на спине тяжесть хозяина, жеребец тихонько заржал. Серега коленями послал его вперед, вынул из колчана сразу три стрелы с узкими граненными наконечниками...

Один из дозорных начал отставать: преследователи обрадованно заверещали. Сразу трое степняков скакали плотной группой, понемногу настигая...

На свою голову!

Дозорный (кто — не разглядеть, но наверняка кто-то из хузар) развернулся в седле и метнул стрелу вверх. Мгновением позже один из вражеских коней взвился на дыбы и опрокинулся. Наездник успел соскочить. А преследуемый тут же прибавил и ушел вперед. Вслед ему полетели стрелы, но попадали в траву, не достав цели.

Сергей тянул сколько мог: очень уж не хотелось драться. Может, увидав остальных варягов и сообразив, что расклад почти равный, степняки струсят?

— Ну, копченые ублюдки,— пробормотал он,— давайте поворачивайте!

Не повернули. То ли они увлеклись, то ли — от избытка наглости — сочли варягов легкой добычей. Что ж, пеняйте на себя!

Духарев набрал в грудь побольше воздуха — пронзительно засвистел и бросил Пепла в галоп.

Все варяжские кони разом рванулись вперед, в полную силу. Всадники припали к холкам.

Тугой воздух бил в лицо. Серега наклонил голову пониже, чтобы ветер задувал под ворот и охлаждал спину. Ковыльные метлы хлестали по сапогам, глухо били в землю копыта, толкая вперед и вверх могучее тело жеребца, подбрасывая привставшего в стременах всадника. Это была не просто скорость. Как будто мощь коня перетекала в человеческие мускулы. Восторг, азарт, кайф!

Но нынче Серега не имел права растворять мозги в кайфах. Он обязан был думать. За себя и за своих бойцов. Обязан был четко осознавать происходящее, предугадывать возможную опасность: вдруг дозорный ошибся, и врагов намного больше?

Вдруг сейчас вывалит из-за холмов целая сотня степняков — и что тогда?

А тогда надо сунуть ярость, азарт, сладкое предвкушение битвы куда подальше, развернуться на сто восемьдесят и, как выражается Понятко, «тикать во все четыре копыта». И позаботиться, чтобы все его парни тоже развернулись и удирали, как припеченные. И тот, кто думает, что для этого достаточно разок свистнуть,— глубоко ошибается. Попробуй заверни того же Мисюрка, когда у того перед дракой крышу начисто сносит и в пустой башке ничего не остается, кроме этой самой будущей драки! Боевая ярость мозги отшибает почище сушеных мухоморов. В первую очередь чувство самосохранения.

Нет, никто больше не выскочил из-за холмов. Но еще не факт, что там никого нет. Степную повадку: цапнуть, отбежать — и заманить в засаду — Серега уже изучил во всех подробностях. Кровью за науку плачено. Поэтому летит Серегино тело в бой, пластается над степью вместе с бешеным конем, с трудом удерживая рвущийся из груди крик предвкушения битвы, а сознание — оно где-то сбоку, замечает, отслеживает, прокачивает ситуацию через мозговой компьютер, как бы минуя кипящее адреналином тело...

Нападающие скатились с холма. Уши резанул пронзительный визг. Так не визжит даже распаленный жеребец перед дракой. Так мерзко верещат только копченые!

Кто-то из варягов ответил низким турьим ревом, кто-то завыл по-волчьи...

Серега вдыхал острый запах конского пота, теплый ветер раздувал усы, облизывал щеки...

Дозорные — они уже были ближе к своим, чем к степнякам,— резко повернули коней почти под прямым углом, натянули луки...

Ф-фыр-р! Ф-фыр-р!..

Ушли в небо красноперые стрелы... Один из печенегов вылетел из седла, еще один...

Остальные перестали визжать, приникли к конским холкам, рассыпались в стороны. И вот уже они один за другим поднимаются над лошадиными спинами, вскидывают луки... В воздухе зарябило от стрел, но оба отряда, вернее, две растянувшиеся цепочки всадников продолжали сближаться.

...Серега видит, как ближайший к нему всадник, на полном скаку, встав почти во весь рост, посылает стрелу за стрелой. Духарев слышит, как эти стрелы рвут воздух совсем близко, но ни одна не задевает ни его, ни Пепла.

Когда печенег сует руку в колчан, Духарев тут же привстает на стременах и, почти не целясь, одну за другой, выпускает три стрелы.

Мимо. Зато степняк после первого же выстрела съеживается, припадает к гриве... А кони летят навстречу друг другу, стремительно сближаясь...

Духарев торопливо сует в чехол лук, вытягивает меч, бьет пятками жеребца. Быстрее, еще быстрее...

А его противник, наконец сообразив, что рукопашная — не его профиль, резко осаживает коня.

Хлесткий удар тетивы.

Пепел прянул в сторону, не дожидаясь команды всадника, и тут же снова прыгнул вперед. Обученный для боя конь дорогого стоит — две стрелы ушли в «молоко». Третью Духарев лихо отшиб мечом. Нервы у степняка не выдержали. Он рывком развернул лошадь, уже в повороте выстрелил еще раз — опять промахнулся, хлестнул свою лошадку... Но Пепел, разогнавшийся, уже ее достал, и Сергей, привстав на коротких стременах, смахнул печенежью голову в войлочной шапке. Легко, словно лозу срубил. И тут же оглянулся, выискивая нового врага.

Враг, как мгновенно выяснилось, тоже его искал.

У затылка, едва не чиркнув по шлему, пропела стрела.

Духарев резко осадил, и следующая стрела прошла перед мордой Пепла. Разворот... Вот ты где, голубчик!

Ухмыляясь во весь рот — с тридцати шагов степняк муху к кизяку пришпилит,— печенег выпустил еще одну стрелу. Духарев не глазами, шестым чувством уловил, куда целит враг, резко наклонился — и смерть прошла над головой.

Вот наглец! В лицо метит!

Прижавшись щекой к жесткой гриве, Духарев мчался вперед. Пары секунд ему хватило, чтобы оценить противника и понять, что тот, отменный стрелок, не станет бить в коня, уверенный, что непременно достанет всадника. Ну, поглядим!

Духарев так плотно приник к Пеплу, что только стальной шлем виднелся между ушами жеребца. Да еще рука с мечом, занесенная для удара.

Стрела ударила в основание клинка с такой силой, что Серегину руку отбросило назад. Печенег закинул руку, выдергивая из колчана новую стрелу, но Духарев уже был рядом. Меч взлетел и опустился. Полетели в траву две половинки лука, которым степняк (наивный!) попытался отбить булатный клинок. Меч с хрустом просек пропитанный солью тягиляй. Конь печенега шарахнулся, его хозяин вывалился из седла и остался лежать, судорожно дергая конечностями. Духарев уже забыл о нем, выискивая новых врагов.

Но их не было.

Около дюжины оставшихся в живых печенегов рассыпались по степи, спасаясь бегством. Примерно столько же варягов скакали за ними. Преследовали.

«А вот это совершенно лишнее!» — подумал Духарев и высвистел сигнал: «Все ко мне!»

Печенег и убегая может метнуть стрелу. И попасть, что характерно.

Свист хорошо слышен в степи. Варяги один за другим прекратили преследование. Все, кроме одного. Этот на скаку выпустил стрелу — и удирающий печенег свалился. Его конь тут же остановился, готовясь защищать хозяина, но стрелок (это был Машег) отложил обдирание трупа на потом и галопом пустился на зов. Понятие дисциплины было не чуждо благородным хузарам, хотя иногда трактовалось ими весьма вольно.

Съехались.

— Рагух, что за холмами? — первым делом спросил Духарев.

— Других не видал.— Хузарин правильно понял вопрос.

Убегающие печенеги превратились в черные точки. Вряд ли они вернутся. Не было случая на Серегиной памяти, чтобы разбойничья шайка вернулась, получив по чавке. Разве что с подмогой.

Сергей спрыгнул на траву, приласкал Пепла. Огляделся, пересчитал своих и помрачнел.

Подъехал Устах, тоже спешился.

— Цел?

— Как видишь.

— Надо бы наверх подняться, глянуть, как оно там.

— Я поднимусь,— кивнул Духарев, свистом подозвал заводную, взобрался в седло. Тело уже расслабилось, но сердце колотилось быстро-быстро. Обычное дело после боя.

Уцелевшие варяги съезжались к командирам.

— Устах, раненые — на тебе. Машег, Гололоб — со мной! — скомандовал Сергей. И направил лошадь к ближнему холму.

Глава пятая

Неожиданная «находка»

На вершине холма стоял обгрызенный ветрами каменный истукан. Рагух сплюнул метко, попав истукану в выпуклый пористый глаз. Удостоился неодобрительного взгляда со стороны Гололоба. Ухмыльнулся.

По ту сторону холмов лежали еще холмы. Трава — как шелковистая шерсть на спинах исполинских зверей.

Гололоба прозвали Гололобом потому, что надо лбом у него не волосы росли, а бугрился широкий шрам от ожога. В дальнем походе плеснули со стены кипящим маслом. Повезло, что в глаза не попало. Если не считать этого малого дефекта, Гололоб был муж хоть куда. Силач, красавец, воин отменный. Но с хузарами постоянно пикировался. Не то чтобы Гололоб их недолюбливал, скорее — дух соревнования.

— Ты руку перевяжи, кровь капает.— Рагух показал на Гололобово предплечье.

— Ах ты, песий бог! — Гололоб поддернул рукав.— Не заметил!

И полез здоровой рукой в седельную суму за льном.

— А ну покажи! — забеспокоился Духарев.

— Нет, пустяки. Стрелой царапнуло.— Гололоб плеснул из фляги на рану (антисептика, блин!) и одной рукой умело намотал льняной лоскут.

Истукан взирал на людей с мрачным терпением; дескать, когда ваши косточки истлеют, я все еще буду тут стоять.

«Да,— подумал Серега,— место хорошее. Все видно и отовсюду видно». Такие места обычно выбирали для погребальных курганов. Очень возможно, что в ногах идола покоится прах древнего вождя. Тем не менее идола никто не трогал. И старых курганов, кстати, никто из нынешних степняков не потрошил. Даже самые отмороженные воздерживались от грабежа чу-

жих могил. Это потом, лет через тысячу, прикатят сюда «цивилизованные» археологи, ученые, мать их так, срежут макушку бульдозером, выпотрошат могилку, разложат косточки по коробочкам с надписями, свезут на музейный склад. А то и пепельницу сварганит какой-нибудь весельчак из бурого черепа древнего вождя. И будут многоученые кореша археолога, за партией в преф, пихать в череп окурки да скрученные шкурки от воблы. И обзывать дикарями тех же печенегов, которые, дескать, кумыс пили из вражеских черепов. Ну да, пили. И детей поили. Но при этом, надо отметить, врагов убивали собственноручно и чаши из черепов делали не для их посмертного унижения, а совсем наоборот. Чтобы доблесть вражескую наследовать. Дикари, ясное дело! У них, наверное, и граненых стаканов не было. Вот и пили из чего ни попадя. А вот плевательницу из черепушки сделать — слабо?

— Глянь, Серегей, там вроде рощица? — отвлек Духарева от мрачных размышлений Гололоб.

— Река там,— уточнил Машег.

— Откуда знаешь?

— А ты на зелень погляди!

Гололоб спорить не стал: Машег лучше знает, он в степи родился.

— Поедем глянем?

— А что на нее глядеть? — удивился хузарин.— Вода есть — и хорошо. Там и заночуем. Так, Серегей?

Духарев кивнул.

— Поехали обратно,— сказал он.— Вроде все чисто.

— Ну-ка, постой! — неожиданно проговорил Машег.— Вроде пачинаки [1]?

Сергей прищурился, ага, точно! Два всадника! Правда, на таком расстоянии определить их племенную принадлежность Духареву было не по силам. Зато он углядел что-то светлое (мешок, что ли?), волочащееся по траве...

— Да пес с ними, с копчеными! — проворчал Гололоб.— Нехай бегут!

— А что это за ними тащится? — спросил Сергей.

Машег тоже прищурился...

— Полоняника волокут! — заявил он уверенно.

---

[1] Печенеги.

— А ну-ка...

Духарев пихнул каблуками лошадь и поскакал вниз по склону. Машег тут же его обогнал, полетел впереди, все более увеличивая разрыв. Конь у него был лучше Серегиного, да и наездником хузарин тоже был лучше, чем Духарев, лишь несколько лет назад впервые севший в седло.

Гололоб поравнялся с командиром, но гнать сломя голову не стал. Скорее шакал волка загрызет, чем Машег не управится с двумя печенегами.

Степняки заметили погоню. Тот, который волочил пленника, моментально перерезал веревку, и оба печенега припустили галопом. Хузарин тоже наддал.

— Машег! — взревел Духарев.— Брось их!

Хузарин услышал, придержал коня. Но скорее всего, не от дисциплинированности, а просто потому, что решил поберечь силы.

Пленник печенегов лежал, неловко подобрав под себя связанные руки и уткнувшись лицом в землю. Смуглая спина изодрана и посечена травой, длинные черные с проседью волосы спутаны и подпалены.

Варяги спешились.

Гололоб неделикатно, носком сапога, поддел лежащего и перевернул на бок. Тот застонал, попытался открыть глаза, но не смог. Лицо его выглядело так, словно над ним минут десять работал боксер-профессионал.

— На булгарина похож,— авторитетно заявил Гололоб.

Духарев хмыкнул. Больше всего бедолага был похож на сырую отбивную.

— Парс! — возразил Машег, разогнул пальцы связанного и показал у него на ладони красное пятно: то ли краску, то ли татуировку.

— Добить, командир? — деловито осведомился Гололоб.

— Уверен, что мы для этого его у печенегов отбивали? — иронически осведомился Духарев.

Гололоб пожал плечами.

— Дак он же не из наших! — сказал он с полной уверенностью, что это достаточный довод, чтобы прикончить пленника.— Да и не отбивали мы его...

Пленник зашевелился.

Серега молча отстегнул фляжку и поднес к губам связанного.

Тот присосался к горлышку, как теленок к вымени. Разом выдул половину. Вздохнул, снова попытался разлепить веки, не смог.

— Благодарю тебя, добрый человек,— прошептал он по-славянски.

— Мы — варяги,— сказал ему Духарев.— Мы тебя не бросим, не бойся!

Гололоб хмыкнул. Машег пробормотал что-то по поводу мягкосердых почитателей Христа.

Поступок командира оба не одобрили. Их гуманизм в отношении чужаков не распространялся дальше «прибить, чтоб не мучился». И это было правильно. По местным традициям. А Сереге вдруг очень захотелось помочь незнакомому бедолаге. Может, потому, что он еще не изжил до конца старую мораль, может, потому, что Духареву просто надоело убивать. Захотелось, наоборот, подарить кому-то жизнь. Не из христианского человеколюбия. Просто так.

Кривой засапожный нож легко перерезал ремни, Духарев подхватил незнакомца на руки и уложил поперек седла. Бедняга скрипнул зубами, но удержался, не застонал.

В стычке с печенегами варяги потеряли двоих. И еще трое были серьезно ранены. Легко раненных, вроде Гололоба, было с полдюжины, но легкие раны значения не имели.

Двое из Устахова десятка уже копали яму под костерок. Устах, признанный в ватажке костоправ, раскладывал инструменты.

Впрочем, один из «серьезных», раненный в шею Мисюрок, ухитрился «помочь себе сам». Вырвал стрелу, продырявившую мышцу, и, вместо того чтобы заняться раной, снова полез в драку. В результате потерял столько крови, что еле на ногах стоял.

— Ты что, нурман? Берсерк? — отругал его Духарев.— Горячка начнется — что с тобой делать? Герой! Без тебя не управились бы, да?

Мисюрок криво ухмылялся. Полагал он себя именно героем, а не недоумком. Еще бы! В гуслярских сказах настоящие герои именно так и поступают. Сольют пару литров крови — и дальше скачут. А потом такие вот сопляки, даже не перевязав раны, снова кидаются в бой... и через пять минут валятся под копыта коней.

— И кто тебя только учил, дурня! — ворчал Сергей, накладывая повязку.

— Десятник черниговский Дутка! — не без гордости ответил парень.

— Знаешь такого?

— Встречал,— буркнул Духарев.

В Чернигове они с Устахом гостевали в прошлом году и составили о тамошней дружине не слишком высокое мнение. Сомнительно, что в приличного бойца Мисюрок вырос в Чернигове. Скорее уж — когда в отроках у Свенельда ходил.

Устах обрабатывал бок второго раненого.

— Подержи-ка его,— попросил он Духарева, но раненый, его звали Вур, даже обиделся.

— Ты давай режь, старшой! — закричал он сердито.— Что я тебе, девка? Вытерплю!

— Как знаешь.— Устах зажег масло, прокалил в огне нож и хитрое приспособление для вытягивания стрел, похожее на кривую ложку.

Разрез Вур перенес бестрепетно, но когда Устах полез ложкой в рану, дернулся в сторону. Духарев вмиг придавил его руки к земле...

— Я сам! — прохрипел раненый.— Не держи меня!

И точно, больше не дрогнул, только скрежетал зубами да поминал нехорошими словами печенегов, степь и своего лекаря-мучителя.

Устах на ругань не реагировал, аккуратно вытянул наконечник, оглядел — не отравлен ли? — отложил в сторону. Наклонившись над раной, из которой обильно струилась кровь, принюхался, обмакнул палец, лизнул...

— Вроде требуху не порвало,— пробормотал он и принялся пучками запихивать в рану покрытый плесенью мох. Мох выглядел отвратительно, но собран и «приготовлен» был по рецепту Серегиной жены и пользовался у варягов заслуженным доверием.

У второго раненого печенежская стрела продырявила плечо, перешибла кость и вышла с другой стороны, упершись в кольчужный рукав. Вытащить ее было просто. Устах отломил наконечник, смазал древко маслом да и выдернул. Сложнее оказалось «составить» кость. Бедного парня держали вчетве-

ром, а он бился и кричал, позабыв, что он — варяг, которому непристало даже жаловаться на боль.

Управились. Закрепили руку в лубке.

— Другой раз я его не возьму,— сказал Устах, вытирая окровавленные руки.

Парень был из его десятка.

Духарев кивнул, соглашаясь. Жаль, конечно, бился бедолага неплохо.

Мимоходом подумал: «А сам я? Вытерпел бы или тоже орал и вырывался?»

Года два назад, точно, орал бы. А теперь? Теперь бы, наверное, терпел. Во-первых, положение, как говорится, обязывает. Во-вторых — еще и рёреховская выучка имеется. Старый варяг сам боли вообще не замечал и ученика своего великовозрастного тоже кое-каким упражнениям научил. Правда, упражнения — всего лишь упражнения. Проверить, как это все сработает, когда у тебя в кишках начнут пальцами рыться, случая пока не выпало. Надо признать, Серега по этому поводу не особо печалился.

Последним осмотрели найденыша. Оказалось, не такой уж он покалеченный. Так, «повреждения мягких тканей», как любил выражаться спортивный врач в Серегиной «той» жизни, обследуя, скажем, раздувшуюся после доброго пинка мошонку.

После обработки чужеземец даже ухитрился разлепить один глаз. Но — помалкивал. Его, впрочем, и не допрашивали. Успеется.

Обоих убитых завернули в попоны и погрузили на лошадей. Печенегами пусть зверье подкормится, а своих полагалось предать огню. Но — степь. Дым на сотню верст просматривается. Однако у Сереги появилась полезная мыслишка. Если речка окажется достаточно глубокая...

Глава шестая

Ночь у неведомой реки

До реки добрались уже на закате. Речушка оказалась не такая уж мелкая, чистая, с каменистым дном и купами лохматых

верб вдоль низких берегов. Раненым в тени поставили шатер, прикрыли вход шелковым пологом, чтоб насекомые не досаждали. Для погибших связали квадратный плот, тела обложили ветками. Вместо медвежьей лапы, что клали по славянскому обычаю, дали покойным луки со стрелами да по длинному ножу. В ноги погибшим бросили двух связанных печенегов, взятых живыми и не добитых на месте именно для этой цели. По варяжскому обычаю, они должны были «сопровождать» уходящих за Кромку, чтобы видели духи: истинные воины в Ирий идут. Печенегам перевязали раны и дали воды: чтоб дотянули до рассвета.

Пока остальные готовили в смертный путь погибших братьев, Духарев и хузары, которым языческие церемонии отправлять было не положено по вере, занимались делами менее возвышенными — стряпали.

После ужина, по заведенному Сергеем обычаю, сели в кружок, провели «разбор полетов». Сошлись на том, что ошибок не было. А что потеряли троих против четырнадцати побитых печенегов, так это очень даже хороший результат. Особенно если вспомнить, к примеру, какой была их первая стычка с печенегами у хортицких порогов. Вот когда была мясорубка!

Из восьми варягов (один — в дозоре, один — на страже у павших, трое раненых — в шатре), сидевших сейчас на песочке у костерка, ту схватку помнили все, кроме хузар, которые пришли в ватажку позже. Все восемь там были, все выжили, и все потом долго еще удивлялись, что выжили.

Серега тоже помнил ту стычку очень хорошо. И слава Богу, что мог помнить, а не лег там, у хортицких порогов...

* * *

Месяца не прошло, как они пришли из Полоцка. Три больших десятка, сорок человек, считая сотника.

Пришли они по слову князя Роговолта, но вызвались все сами. Серега тоже был добровольцем. Заскучал он в Полоцке. Для выходца из мира ТВ и компьютеров жизнь провинциального гридня скучновата. Тем более что и политиком, и воином Роговолт был умелым, с соседями жил если и не в большой дружбе, то уж уважением пользовался. Так что никто на По-

лоцк хищного клюва не разевал. А при таком раскладе жизнь гридня довольно однообразна. Тренировки, охота, пиры. Для женатых — еще и хозяйство. Двор, дом, челядь и прочее. Хозяйством, впрочем, ведала Сладислава, чему Серега был откровенно рад.

К списку развлечений дружины относились также недальние походы: посещение соседей, полюдье. Сбор налогов и демонстрация силы одновременно. И суд, конечно. Князь, тиуны, старшие бояре занимались решением социальных проблем, а дружина осуществляла, так сказать, силовую поддержку.

Выглядело это следующим образом.

На рыночной площади какого-нибудь городка выбиралось местечко, где навозу поменьше. На нем устанавливался деревянный княжий трон, который возили с собой специально для этой цели. Пониже, на скамеечках, рассаживались ближние бояре, а дружина, в полном боевом, выстраивалась вокруг. И начинался княжий суд.

Звучало круто, но на деле... На деле это обычно выглядело куда более прозаично.

Допустим, голова вольной охотничьей ватажки Шкуродер взял у огнищанина Пупырки-Жадюги снасть и припас в размере... (долгое и подробное перечисление) под треть будущей добычи, которая составила... (подробное перечисление). И вот, по заявлению кредитора, вышеуказанный Шкуродер, нехороший человек, сволочь поганая, представил только четверть.

«Сам ты сволочь поганая, нехороший человек и жаба мелкая, болотная! — степенно отвечает Шкуродер.— Всё мы тебе, пасти ненасытной, пиявке, опарышу трупному, отдали! А тебе все мало! — (Князю.) — Хочет он, чтоб мы по миру пошли, чтоб дети наши...»

«Ах ты, блоха собачья, червяк навозный, помет сорочий! — с достоинством перебивает кредитор.— Как же это всё отдали, если...»

Засим следует еще длинное перечисление, что именно отдали ватажники с указанными расценками, дефектами поставленной продукции и уничижительными эпитетами в адрес поставщиков.

На что незамедлительно следует ответная речь Шкуродера, в которой подробно перечисляется отданное Пупырке, но оценивается отданное существенно выше, дефектов значительно

меньше, а вот эпитетов, сопровождающих имя почтенного кредитора, существенно больше. Вспоминаются и недопоставки продуктов и снаряжения со стороны Пупырки, а также дефекты этого снаряжения, по мнению ватажного головы, вызвавшие уменьшение добычи и напрямую связанные с происхождением Пупырки от дохлой щучки, совокупившейся со свиным пометом, изрыгнутым в чистую реку вышеупомянутым Пупыркой.

Когда стороны созревают до того, чтобы от словесных действий перейти к рукоприкладству, следует грозная реплика князя, и тяжущиеся стороны моментально перестают осыпать друг друга бранью, а их сторонники, соответственно, перестают засучивать рукава. А если не перестают, то пара-тройка княжьих отроков, выполняющих функции судебных приставов, быстренько навешивает буянам тренделей, оттаскивает их за ноги куда-нибудь в тенек — и суд продолжается.

Начинается опрос видаков. То бишь свидетелей. И опрос этот вполне может затянуться часов на десять, поскольку считается, что чем больше у судящегося свидетелей, тем лучше, а диспут по поводу какого-нибудь мотка гнилой пеньковой веревки ценой меньше мелкого резана может длиться бесконечно.

Поначалу Духарев удивлялся терпению князя, молча выслушивающего диспут о том, как сказывается удар палкой, полученный забредшей в чужой огород (по другой версии — просто прогуливавшейся по улице) свиньей, на стоимости и вкусовых качествах окорока, изготовленного из этой свиньи двумя месяцами позже. Но потом Серега сообразил, что князь не столько слушает доводы, сколько изучает тяжущихся и общественную реакцию на их слова. А заодно определяет обеспеченность местных жителей и психологическую обстановку в городке. И слушает очень внимательно, поскольку в горячке дискуссии выбалтывается информация, которую в ином случае диспутанты держали бы при себе.

Решались же сами споры, как правило, не по показаниям свидетелей, а на основании личного знакомства князя с характерами сутяжников.

— Ты, Пупырка, три лета тому у ватажников тож лишнего требовал,— строго напоминал князь.— Довольно тебе.

И вопрос был решен. Так сказать, по прецеденту.

Если же судья с биографиями спорщиков был знаком слабо, а доводы с обеих сторон были примерно одинаковыми по громоздкости, призывался местный тиун, или староста. За кого поручится — тот и прав.

У Роговолта было чему поучиться. Если бы Духарев метил в княжьи тиуны, он, несомненно, внимал бы княжьему суду с жадным вниманием.

Но Серега, который даже ведение собственного хозяйства переложил на хрупкие плечи жены, от подобных споров впадал в ступор, как лягушка — от мороза.

Были, конечно, и другие судебные дела. Попроще. Например, убийства. Тут расклад был четкий. Труп, свидетели, преступник, признание преступника. Если все присутствовало, князь определял головное (родственникам пострадавшего) и виру (себе). Если не хватало какой-нибудь детали, допустим, преступника, то виру выплачивала община или конец, на территории которого произошло убийство. При таком раскладе, то есть когда простые граждане были кровно, кошельком, заинтересованы в поимке убивца, у того было совсем мало шансов сбежать. А если он все-таки сбегал, то ловили его всем миром и с большим энтузиазмом. Дружина в этом участвовала, только если убийца оказывался слишком крут для непрофессионалов. Например, заезжий рубака-свей. Но такой случай Духарев наблюдал всего один раз, и то поставленный перед князем свей мгновенно повинился и заплатил, сколько сказали.

В общем, тоска.

Конечно, пиры и охота скрашивали жизнь бедных воинов. Охоту, однако, Серега любил не всякую. Вот медведя взять — это по нему! Но любой серьезный зверь считался «княжьим», и его обычно заваливал сам Роговолт, прочие — не лезь! А три часа гонять за каким-нибудь перепуганным оленем — извините! Что же до пиров... Кушали гридни, конечно, вкусно и сытно. И скоморохи их развлекали, и гусляры. Но скоморошьи шуточки, от которых катались от хохота дружинники, были, на взгляд Сереги, довольно тупыми, а откровенная лесть по отношению к князю — вообще тошнотворна. Тех же скоморохов если и смотреть, то не в хоромах, а на рынке. Когда они не жопу князю лизали, а пародии на него корчили. Но скоморохи — это еще ничего. Вот гусляры-

сказители — это вообще полный облом. Припрется какой-нибудь одноглазый дедушка да как затянет сипло, на одной ноте, под монотонный трень-брень, да как попрет словесным поносом...

Прерывать гусляра считалось дурным тоном. Тем более что народ это был злопамятный и запросто мог обкакать обидчика... в тереме другого князя. К тому же половина гусляров — чьи-нибудь соглядатаи.

Посему занудного певца воспитанные полоцкие дружинники редко выкидывали с крыльца. Чаще хвалили и подносили чашу за чашей. Надерется и уснет. И не будет мешать дружинникам самим петь любимые песни.

На памяти Духарева только один гусляр обладал музыкальным слухом и голосом и ушел не только с полным брюхом, но и с полным кошельком.

Была у Сереги еще одна проблема. Посерьезней. Девки. Те самые, которые на дружинных пирах обязательно присутствовали и у которых Духарев вызывал естественный здоровый интерес. И надо признать, при всей любви Сереги к жене интерес этот бывал не только односторонним. Но — увы! Все содеянное мужем на стороне непременно доходило до Сладиславы. Нет, никаких сцен она мужу не устраивала и ни словом не попрекнула. Только огорчалась. А огорчать ее Духарев совсем не хотел, но...

В общем, когда поступило предложение двинуть на юг, Духарев не без радости согласился. Но согласился бы он в любом случае, поскольку на юг, десятником, уходил Устах, а не поддержать в опасном деле лучшего друга Серега просто не мог. Вот они и пошли.

Глава седьмая

Ночь у неведомой реки (продолжение)

Пришло их от Роговолта сорок человек. И еще шесть десятков дал Свенельд. И велел, чтобы шли вдоль берега до Хортицкого волока, а ежели кто попадется из степняков — били без пощады.

Духареву воевода великого князя киевского, а теперь и сам князь уличский и древлянский Свенельд сразу понравился. Правильный мужик. Одного замеса с Роговолтом полоцким. Варяг, опять же.

Правда, в немалой Свенельдовой дружине варягов было немного. Да и опытных воинов тоже было немного. Нелегко дались примучивание уличей и расширение подданных Киеву территорий. Служили Свенельду в основном парни молодые, отроки, самых разных племен, не шибко опытные, но азартные, и — всадники. А это в степи — половина успеха.

В полоцкой же дружине варягов больше половины, а из остальных большая часть — опытные гридни. Но наездники из полочан — не очень. Даже среди варягов, поскольку природных варягов, синеусых, было всего четверо, считая вождя. Те же, кто вошел в Перуново братство по клятве, а не по рождению, с коня, конечно, не падали, но пронырнуть в галопе под лошадиным брюхом, уходя от стрел... Нет, такого они не осилили бы.

Поначалу Сереге новая служба показалась развлечением. Степняков он видел только на торжках, и они не казались ему такими уж опасными противниками. В сравнении с теми же нурманами — вообще задохлики. И ненависти к степнякам он тоже не испытывал. Слыхал, конечно, о сожженных селах, зарезанных купцах, о замученных да угнанных в полон... Но полагал, что это обычное дело. По нынешнему времени. С другой стороны, сама служба казалась нужной и почетной. Охрана границ государства, защита мирного населения... Ну и добыча, опять-таки, предвидится. Свенельд, муж государственный (как показалось Духареву), внятно поставил им задачу. Сказал, что верит в них и надеется на их доблесть. Не забыл напомнить о том, чтобы заглядывали в кошели побитых разбойников: наверняка там сыщется дюжина-другая ромейских монет. Короче, воодушевил.

От Киева шли весело. Правым, степным берегом. Правда, степь тут была еще не степь: рощи, перелески. Не такой густоты, как на севере, но зато иным дубам лет по триста, не меньше. Богатые места. Зверь, птица, рыбу руками ловить можно... Одним словом, с удовольствием шли. Аж до самого славного острова Хортицы. Не встречая никаких степных разбойников.

Как теперь понимал Духарев, большинство степняков загодя уходили с пути сильного отряда. И дозорных не трогали, чтоб не настораживать. Много раз славяне натыкались на теплые еще следы, угадывали, что степняки уходили в спешке,— и исполнялись уверенности: «Ишь как нас боятся!» И потеряли бдительность.

С Духарева, впрочем, в те времена был невелик спрос, поскольку ходил он тогда даже не в десятниках, а лучшим гриднем в десятке Устаха.

Большая вина лежала на вожде, сотнике. Природный варяг, опытный воин, бившийся на море и на суше, степи он совсем не знал, хотя и ходил в молодости с Олегом на юг щипать ромеев.

Степняки же не просто бежали с их дороги. Скорее, отступали, попутно присматриваясь. По ночам сторожевые псы не раз и не два поднимали тревогу. Поначалу. Потом перестали. И скорее всего, потому, что печенежские лазутчики наловчились обманывать собак: заходить с подветренной стороны, отшибать чем-нибудь едкий человечий запах...

Это Сергей понимал сейчас. Тогда он вместе с остальными и в ус не дул, полагая, что перед их «непомерной» силой все чужое бежит в ужасе.

Взяли их до рассвета. Удобный лысый пригорок на днепровском берегу, где славяне расположились на ночь, был бы очень хорош, если, к примеру, пришлось бы отбивать атаку нурманов или наскок белоголовых карел. Но в данном случае пригорок оказался ловушкой.

Часовых, у костров, срезали первыми выстрелами.

Лавина степняков с визгом и воем захлестнула беспечный лагерь. Выплеснутая из кожаных ведер вода с шипением хлынула в костры. Славян кололи, секли, топтали копытами. Белые рубахи и белые тела ратников Свенельда выдавали их даже в слабом свете звезд. Отроки вскакивали, заполошенно размахивая мечами,— и падали от точных ударов невидимых всадников.

В этой, первой атаке Духарев уцелел только потому, что умел биться в темноте, вслепую. И еще благодаря самообладанию.

Разбуженный визгом, криками и конским топотом, он не вскочил всполошенно, а, наоборот, прижался к земле. Сработал в нем какой-то глубинный прежний рефлекс человека, слышавшего грохот автоматных очередей: не бежать, вслепую рубя мечом, а вжаться, распластаться и тихонечко, ползком, от бугорка к бугорку...

И Серега пополз. Медленно, волоча за собой сверток с амуницией.

Совсем рядом лупили вплотную землю копыта. Слышался то взвизг стали, то влажный хрупающий звук разрубленной плоти, то короткий сиплый вскрик... И сразу с другой стороны — дикое ржание раненой лошади, злобный гортанный возглас...

Темная тень заслонила звезды, пронеслась сверху, обдав острым духом лошадиного пота, тяжело ухнули копыта, комочки земли осыпали Серегину голову... Удар, вопль...

«Копьем»,— машинально отметило сознание. Натренированное, оно вычленяло звуки, запахи, сотрясения почвы... Бой кипел рядом, в двадцати шагах. Не бой, а бойня. Серега мог бы вскочить, ударить снизу в конское брюхо, полоснуть по ноге всадника... Но в этой каше его сразу сшибли бы и затоптали. Не то чтобы он испугался... Просто чувствовал, что это не его бой. Бой по чужим правилам.

Воин же, как учил его старый битый варяг Рёрех, должен сам выбирать место для битвы. Если не хочет умереть на чужом.

Когда Серега отполз достаточно далеко, то рискнул привстать и натянуть доспехи. Он делал это медленно. Частично из осторожности: не привлечь внимания; частично, может, потому, что понимал: облачившись, придется идти туда, в кровавую кашу, где вертелись черные всадники и мелькали белые пятна — свои.

Время как будто замедлилось, звуки удалились...

— И-и-и-ё-ё! — Печенег вылетел прямо на него, ударил, промахнулся, поднял коня, норовя затоптать.

Духарев моментально отпрыгнул, перехватил левой рукой печенегово копье, рванул, но хитрый степняк выпустил оружие и умчался, вмиг растворившись во тьме.

Сергей сплюнул на ладони, вырвал пласт дерна, окунул руки в землю и размазал грязь по лицу. Подхватил оружие... Как

раз вовремя. Еще один всадник, черная тень, пронесся мимо... Н-на!

Трофейное копье вышибло печенега из седла, конь умчался, а всадник... Духарев не стал разбираться, что с ним. Он уже бежал обратно, в лагерь.

Под ногами что-то блеснуло. Сергей наклонился, подхватил на бегу оброненный кем-то меч, с двумя клинками врезался в свалку... И тут же услыхал зычный голос Устаха, созывающего своих. Через мгновение они уже стояли спина к спине. А еще через мгновение к ним присоединились другие, и сразу стало повеселей, но степняки, почуяв, что резня вот-вот превратится в битву, тотчас покинули поле боя.

В общем, в этой, первой атаке славяне потеряли больше тридцати человек. И всех лошадей. Перебив пастухов, степняки угнали табун в степь.

Сереге никак не хотелось верить, что он потерял Пепла. Целый час он бродил в темноте, звал, свистел... Напрасно.

А когда начало светать, им всем стало не до коней.

До рассвета, конечно, никто из славян не уснул. Перевязывали раны, оценивали потери... И думали, что все уже кончилось.

Не тут-то было!

Едва ночную тьму сменили предрассветные сумерки, степняки появились вновь.

И началась кровавая карусель.

Юркие всадники замельтешили в высокой траве, градом посыпались стрелы.

Славяне пытались отстреливаться — у них были хорошие луки, особенно у варягов, но так вышло, что внизу, где скакали печенеги, было темнее, чем наверху, где залегли славяне. А степняки били навесом — и очень метко. У Свенельдовых воинов были большие овальные щиты. Ими кое-как прикрылись, собрались вместе, выстояли. Ударить в славянский строй печенеги не рискнули. Вернее, не захотели. У них был другой план.

Во второй атаке погиб вождь-сотник. И пять десятников из семи. И каждый второй из выживших в первой атаке.

Уже никто не верил, что печенеги ушли. Славяне разделились. Человек десять остались в лагере, остальные решили спуститься к Днепру, за водой. И послать за помощью на остров, в святилище Хорса. Или хотя бы переправить туда раненых.

Напрасная надежда. Как только больший отряд спустился к берегу, на лагерь тут же обрушились печенеги. Наверное, их было не очень много, с самого начала не очень много — около полусотни. Но этой полусотни вполне хватило.

Один из двух уцелевших десятников, Свенельдов гридень, услышав крики, тут же кликнул своих и ринулся на помощь. Второй десятник, Устах, не сдвинулся с места.

И, глядя на него, остались на месте восемь полоцких варягов и с полдюжины славян. В том числе несколько Свенельдовых.

— Им не поможешь,— мрачно заявил Устах.

С ним никто не стал спорить. Крики на высоком берегу не смолкали, но звона оружия уже не слышалось.

Устах поглядел на Духарева. Серега уступал другу опытом, но зато соображалка у него работала лучше.

— В воду и в камыши,— сразу заявил Сергей.— Досидим до ночи — и на остров.

— А почему не сейчас? — спросил кто-то из молодых.

— Потому что ты — дурак,— спокойно ответил Устах.— Головой думай.

Степняки появились на берегу спустя несколько минут. За это время уцелевшие славяне успели спрятаться между стеблей рогоза.

Печенеги выпустили наугад с полдюжины стрел, но в воду не полезли. Там все преимущества стрелков-всадников сводились к нулю. Там один Духарев мог бы играючи порубить на мясной салат дюжину степняков.

Уцелевшие просидели в камышах до темноты... Слушая вопли истязаемых печенегами товарищей.

У Духарева было большое искушение добраться до палачей, но он понимал: печенеги наверняка оставили часовых. Стоит только сунуться — и тут же схлопочешь стрелу. В лучшем случае. Живой, он еще успеет отомстить. Мертвый — вряд ли.

Когда стемнело, беглецы сложили боевое железо в перевернутые щиты и поплыли к Хортице.

Добрались не все, недосчитались двоих полян. Может, те утонули, а может, унесло течением.

Спустя две недели к острову подошли лодьи киевских купцов с большой охраной. У купцов, скинувшись, варяги купили малую лодью, узкую лодку с косым парусом и четырьмя парами весел.

Еще через две недели они бесславно вернулись в Киев, а оттуда верхами пришли к Свенельду.

Воевода, естественно, гибели отряда не обрадовался, но выживших корить не стал. А сделал соответствующие выводы. Теперь старшим он назначил Устаха, дал тому еще два десятка молодых воинов.

И четверых «оваряженных» хузар.

Для обучения степной науке.

И за эти полтора года варяги кое-чему научились. Например, не гибнуть по-дурацки. Но война есть война. Без потерь не бывает.

Глава восьмая

Ночь у неведомой реки. Совет

На песчаном берегу горел маленький костерок. Вокруг, кружком, сидели варяги. Лениво отмахивались от комаров, ждали, что скажут старшие.

На перевернутом щите стояла деревянная братина с ручками в форме лосиных голов. В братине темнел хмельной мед, хранимый именно на такой случай.

Духарев палкой поворошил костерок, проводил взглядом взлетевший сноп искр.

— Что ж, братья,— произнес он неторопливо.— Давайте думу думать, что делать будем. Есть кому что сказать?

Все тут же поглядели на Понятку. По традиции первое слово после старшего принадлежало младшему. Понятко же — самый молодой. Да и за словом за пазуху обычно не лазил. Но сейчас с речью не торопился.

Неподалеку коротко взлаяла собачонка. На зверя, не на человека.

Понятко взял братину обеими руками, отпил.

— Что делать...— медленно, с достоинством произнес он.— Мало нас. Не убережем добытого. Еще одна такая схватка — и мы биты. Все врагу достанется.

— Ну, значит, и достанется,— флегматично отозвался Рагух.— Мертвым злато без надобности.

Устах и варяги постарше поглядели на хузарина неодобрительно: обычай нарушает.

— Дай! — Древлянин Шуйка почти выхватил чашу из рук Понятки.

— Точно хузарин сказал! — выкрикнул он.— Коли степняки наедут — и так и так погибель. А пронесет лихо — будем все на угрских иноходцах красоваться! В лучшую зброю облачимся! Хоромы построим княжьи! По пять жен заведем! Пировать станем денно и нощно! Мое слово: поделить все, а там — будь что будет! Лично я слово даю Перуну ноги кровью омыть, а рот набить золотом! И Волоху — золотом! Пусть даст удачу! — Шуйка вскочил в азарте, расплескав мед.— Слышите меня, боги? Мое слово — крепкое!

— Сядь! Чего разорался? — сердито бросил древлянину Гололоб.— По воде звук далеко идет. Хочешь, чтоб тебя, окромя Перуна, еще и степняк услышал?

Шуйка сел, и Гололоб отобрал у него братину.

— Я против, чтоб злато с собой везти! — заявил он.— Степняк злато чует. Без злата безопасней.

— Ты что ж, братишка, выбросить его предлагаешь? — въедливо осведомился Рагух.

— Почему выбросить? Зароем в приметном месте. Вон хотя бы под взгорком, где истукан каменный. Как, братья?

И поглядел на своего десятника.

Духарев молчал. Ждал, как остальные отреагируют.

— Я свою долю зарывать не стану! — отрезал Щербина.— Может, тебе, Гололоб, деньги и не нужны, а у меня жена да сын с дочерью. Это что ж, я им даже гостинца не привезу?

— Щербина дело говорит! — поддержал Рагух.

— Надо же,— вполголоса сказал Устах Сергею.— Шуйка мой да Щербина, главные хузаровы нелюбезники, с твоим Рахугом одним голосом поют. А еще говорят, что злато людей рознит!

— Доли ваши! — сердито сказал Гололоб.— Хотите — забирайте. Только ежели отымут, так это уж ваша, а не моя забота. Я за вашу жадность биться не стану!

— Ты мне покажи того, кто у меня отымет! — тут же ощерился Рахуг.— Я его прям в брюхо стрелой попотчую!

«Дотрепались! — подумал Духарев.— Мое, ваше... Братчина, блин!»

Да уж, привалила удача!

Вспомнился Духареву Рёрех, учитель. Как ходил тот с дружиной в дальние земли, и удачно ходил: везли из набега столько, что аж из корабельных ларей сыпалось. А чем кончилось? Из всей дружины уцелели четверо. Да сам вождь, покалеченный пытками. И добыча, в землю зарытая.

Если кому и повезло от этого исхода, так это Сереге. Меч у него за спиной — из того клада. А главное: не обезножел бы после нурманских пыток Рёрех, не стал бы из военного вождя лесным ведуном. И не встретил бы его Серега Духарев, беглец бестолковый. И не стал бы Серега тем, кем стал. И все, что есть у него ценного: меч, доспех, уважение, жена, дом в граде Полоцке, конь ратный,— все силой да доблестью добыто, а не на рынке куплено. Конь, правда, сначала был именно куплен. На смоленской ярмарке. Но это сначала, а потом...

— Я своего не отдам! — ярился Рагух.— Мое — это мое! Все уразумели?

Машег похлопал его по спине, сказал что-то по-своему.

Понятко, способный к языкам, знавший и по-хузарски, и по-печенежски, оскорбительно засмеялся.

Рагух глянул на него злобно, сжал кулаки, приподнялся.

— А ну сядь,— негромко произнес Духарев, глядя на него в упор.

Хузарин тут же опустился на землю. Будто под коленки толкнули.

Духарев взял братину.

— Нечего попусту языками молоть,— веско сказал он.— Одной стрелой десятерых не побьешь, а сто гривен в пояс не спрячешь. Даже если в степи нас не перехватят, куда мы с таким богатством пойдем?

— Да хоть куда! — выкрикнул Шуйка.

И схлопотал по затылку.

— Цыть! — грозно сказал Устах.— Ты свое сказал.

— Ладно, деньги,— продолжал Духарев.— А утварь? Куда ты ее денешь? На киевский торг выставишь — так ее любой зоркий глаз опознает. И нас же в лихоимстве обвинит.

— А если к нам? — предложил Машег.— В Итиль. А еще лучше — в Саркел. Наши купцы такой товар с руками оторвут! Довезти бы только.

— Вот именно.— Сергей поставил братину на колено.— Далеко до вас. И степью.

— Да я один от Волги до Днепра ходил! — запальчиво воскликнул Рахуг.— Не верите, да?

— Верим,— сказал Устах.— Только ты как ходил: с добычей или пустой?

Рагух промолчал.

— Вот-вот,— продолжал синеусый варяг.— Злато притягивает. Это верно Гололоб сказал. Когда у тебя сумы пусты, а всего имения, что конь да колчан со стрелами, кому ты нужен? Так, Рахуг?

Хузарин опять промолчал.

Зато подал голос Шуйка:

— Слушай, Серегей, что-то я не понял про лихоимство! Это что ж, если воин добычу на базар выносит, а ему говорят, что он ее добыл не честью, а подло, так это ж — судное дело!

— Умник! — Понятко хлопнул древлянина по спине.— А судит кто? Игорь-князь!

— А мы — Свенельдовы люди! — сердито возразил Шуйка.— Воевода вступится — князь уступит.

— Может, и уступит,— кивнул Сергей.— За исключением одного случая...

— Какого? — тупо спросил Шуйка.

— Если этот товар не Игорю предназначен, дурная голова! — гаркнул Понятко.

Над костром повисло молчание. Ссориться с великим князем киевским никому не хотелось. Но и отдавать добычу тоже совсем не хотелось. Тем более такую. С этаким богатством каждый из варягов мог получить практически все, чего захотел. Кроме разве что княжьего стола. Но набрать свою дружину и сесть княжьим посадником в каком-нибудь городке — вполне. Или купить боевой корабль и двинуть навстречу приключениям, если на месте сидеть не захочется. Зарыть в землю такое будущее?..

Но, с другой стороны, ни один из варягов не был лишен здравого смысла. И понимал, насколько мал шанс довезти этакую кучу драгметаллов до безопасного места.

В общем, все молчали. Ждали, что скажет тот, кого они полагали самым удачливым в ватажке. Серегей...

— Значит, так,— заявил Духарев.— Все, кто хотел, свое слово сказали. А сделаем мы так. Золото и утварь с собой не повезем. Сомневаюсь я, что сумеем довезти. До Киева или до Саркела — все едино. Так что злато и утварь зароем здесь и место приметим. Серебро поделим, и каждый из своей доли переметную суму наполнит. Сколько это выйдет, Устах?

— Да гривен по сто, не меньше,— ответил синеусый.

— Тоже ведь деньги немалые,— заметил Духарев.— На вено [1] тебе, Шуйка, хватит. И на доспех тоже. И Щербине на пряники-мониста. Что же до злата... Будем живы да в силе — вернемся и заберем. А умрем, так мертвым оно без надобности. Так, Рахуг?

— У меня тоже родичи есть! — буркнул хузарин.

— Знаю,— кивнул Сергей.— Думаешь, что твоим родичам больше по вкусу придется: ты со ста гривнами или твое сушеное ухо у печенега на сбруе?

Кое-кто из варягов засмеялся, хотя ничего смешного в сказанном не было.

— Твоя правда,— кивнул Рахуг.— Быть посему.

— Все согласны? — Сергей оглядел товарищей.

Если у кого-то и были возражения, то он оставил их при себе. Духарев неплохо знал своих людей, но и они за это время успели узнать своего командира достаточно хорошо, чтобы не обманываться насчет «согласны — не согласны». Когда десятник Серегей этаким образом выдвигает челюсть да глядит исподлобья, лучше ему не перечить. Поскольку десятник кулачищем своим с удара волколюду-берсерку шею сломать может. Прецеденты были. Так что лучше язык за зубами держать. Глядишь, и зубы целее будут.

Собственно, Духарев именно такой реакции и ожидал.

Если чье мнение и интересовало Серегу, так только мнение Устаха. Но Духарев знал, что синеусый варяг с ним полностью согласен.

Серега поднял братину и через огонь протянул другу.

Устах принял, отпил:

— Быть посему,— повторил он слова Рахуга. И добавил: — Зароем — и Перунову клятву принесем! Чтоб языками не трепать.

[1] Вено — «подарок» жениха родителям невесты.

Синеусый варяг осушил чашу, выплеснул в костер последние капли.

— Шуйка,— велел,— поди дозорного позови. И Чирка. Он с павшими сидит. Пусть подойдут ненадолго.

Через несколько минут тринадцать варягов собрались в шатре, где от такого количества народу сразу стало тесно. Устах торжественно сообщил раненым, что решил круг. Зажгли малый огонь, выложили круг обнаженными мечами, встали меж клинков (раненых поддерживали товарищи), соединили руки и произнесли слова клятвы. Все: и христианин Духарев, и иудеи хузары. Вера верой, а братство — братством.

Приметой выбрали каменного истукана. Отсчитали сто двойных шагов вниз по склону. Наметили место, подняли дерн, вырыли яму, закидали мешки. Лишнюю землю увезли и выбросили в реку. Дерн с травой положили аккуратно, речной водичкой полили, чтоб трава не подсохла.

«Интересно,— сумрачно размышлял Духарев, когда, закончив дело, они возвращались в лагерь,— придет ли кто из нас за этим кладом? Или отроет его какой-нибудь археолог лет через тысячу?»

На какой-то совсем коротенький миг ему даже захотелось вернуться обратно, в свой век. И стать таким археологом. Там, в мире самолетов и кругосветных круизов, он нашел бы, как с кайфом истратить подобное богатство. А здесь? Это просто засада какая-то, когда у тебя есть все, что можно купить. А то, чего нет,— и купить невозможно.

Глава девятая

Русы

— Господин, мы их потеряли,— голос у гридня дрогнул. Он застыл, не поднимая глаз выше золоченого стремени, и не мог видеть, как ладонь всадника ласкает витую рукоять булавы. Один удар — и светлый затылок (шлем гридень держал в руках) превратится в кровавую кашу. Но всадник сдержался. Он

умел смирять гнев. Вместо того чтобы ударить, он тоже снял шлем, погладил бритую загорелую голову, расправил влажный от пота чуб. Не выше уха у всадника — узкая полоса — шрам. И рука, расправлявшая поседевший чуб, тоже испещрена шрамами. Ее хозяин не любил рисковать попусту, но если уж выходило драться, то за щитами дружины не прятался.

Сейчас дружина стояла поодаль. Рядом был только один, лучший.

— Сказывал я те, батька: не хитри с хитрованами! — проворчал он.

— А ты? С одного лиса две шубы не снять. Ты своего Скарпи слушай больше — с сумой по миру пойдешь!

Варяжские усы говорившего были с густой проседью, а на концах крашены синим. Так же, как и у того, кого он назвал батькой.

— Молчи, Асмуд! — бросил старший.

Жеребец под ним заплясал, чуя настроение хозяина. Гнедая кобыла Асмуда недовольно покосилась на белого жеребца.

— Встань да говори толком! — прошипел всадник.— Лиса сбежала с нашим золотом?

— Не знаю.— Гридень медленно распрямился.— Их не было в уговоренном месте. Они ушли. След оборвался в Днепр...

— Переправились? — отрывисто спросил всадник.

— Скарпи сказал...

Высокий нурман в золоченых доспехах спрыгнул на песок, пошатнулся... Оказавшийся рядом разведчик-гридь сунулся поддержать, но нурман сердито его оттолкнул.

— Не девка,— грубо сказал он.— Не свалюсь.

И пошел к воде.

Наверху громко переговаривались по-нурмански хирдманы Скарпи, личная дружина княжьего боярина.

Славяне-разведчики, обнаружившие след, помалкивали.

Примерно в полутора стрелищах от берега стояли на якорях две большие боевые лодьи под полосатыми парусами. Там тоже интересовались происходящим на берегу, но нурмана в золоченых доспехах за высоким рогозом с кораблей видно не было.

Скарпи долго разглядывал примятые камыши. Потом повернулся, хватаясь за торчащие из земли корни, вскарабкался

по сыпучему склону, толкнулся от подставленных под ногу ладоней и уселся в седло.

— Зови корабли,— бросил он одному из хирдманов.

Тот дважды отрывисто дунул в рог. Гнусавый низкий рев всполошил птиц. Захлопали тысячи крыльев. Разведчики, в большинстве — из охотников-полян, проводили улетающую дичь тоскливыми взглядами.

Лодьи снялись с якорей, развернулись к берегу...

— Хрунгельв, я оставлю тебе две сотни, десятерых следопытов и дюжину собак,— сказал нурман в золоченых доспехах тому, кто трубил в рог.— Разделитесь. Одни пусть идут вверх по течению, а другие — вниз. Но за оба отряда отвечаешь ты.

— А ты? — спросил Хрунгельв.

— А я переправлюсь на тот берег и сделаю то же самое. У этих черных крыс нет лодок. Далеко по воде они не уйдут. След будет.

Гридень перевел дух.

— Ну! — сердито поторопил всадник.— Продолжай!

— След мы нашли,— торопливо проговорил гридень.— На этой стороне и совсем близко. Только волки уже порвали лису.

— Какие еще волки? — взъярился всадник.

— Побили их, батька. На правом берегу, повыше Рачьего острова. Вся трава — в крови. И мешков не было. И хузар там тоже не было.

— Трава в крови! — фыркнул Трувор.— Сбежали они, шакалья порода!

— Не сбежали,— буркнул гридень.— Мы их нашли...

Полуденное солнышко до песка пробивало мелководье. Скарпи не понадобилось спускаться с береговой кручи, чтобы увидеть то, что под водой. Зрелище объеденных раками тел — не самое приятное. Но Скарпи, который своего первого врага уложил в четырнадцать лет, а к семнадцати уже потерял счет тем, кого убил, вид трупов не взволновал. Его интересовало другое.

— Вытащить и пересчитать,— распорядился он.— Определить, скольких не хватает. Пустить погоню по следу...

— По которому? — флегматично поинтресовался Хрунгельв.— Их три.

Скарпи задумался...

— Скарпи решил: главный — тот, что в степь уходит. В степи потеряться легче. Остальные — чтоб глаз отвести,— сообщил гридень.— Так, батька, он и велел тебе передать.

— А почем он знает, что они на тот берег не ушли? — вмешался Асмуд.— Может, их насады на реке ждали?

— Скарпи на тот берег тоже послал,— ответил гридень.— След искать. И Днепром... Он одну лодью вниз послал, а вторую вверх, к волоку. А еще тебе велел передать, батька, чтоб ты с дружиной прямо к чумацкому тракту шел. Ежели что — он сразу знать даст. А ежели ты решишь с лодьями и насадами в Царьград идти — ничего. Скарпи сам найдет злодеев и злато ромейское вернет.

— Ха! — воскликнул Асмуд, сын Стемида.— Нурман? Вернет! Только сначала ополовинит!

Гридень потупился. Он сам был нурман, а ославленному варягом Скарпи приходился племянником. По чести он должен был тут же вызвать Асмуда на поединок, но поскольку то был не просто варяг, а сам боярин Асмуд, то гридень предпочел промолчать. Если дядя найдет нужным, он сам защитит свою честь.

Старший же всадник Асмуда не слушал. Он размышлял.

К ромеям он, конечно, не пойдет. Ромеи вероломны. К ним если идти, то с настоящей силой. Ежели ромеи силу видят — они сами дают, и брать не надо. Малая дружина в тысячу воинов — это не сила. Тем более что дань ромеи уже отправили. Потребуешь еще — решат, что дешевле кого другого купить. И натравить на Киев. Ромеями не доблестные правят — торгаши. Хотя, надо признать, есть у них и полководцы. Но правят все равно торгаши. Потому и неплох был план Скарпи.

Приползут недобитые ромеи из тайного посольства к кесарю, доложат, что побили их степняки и дань, что русам да пацинакам причиталась, забрали.

А большому хану Куркурэ он сам пожалуется, дескать, забрали хузары наше золото! И пусть храбрый хан от обиды наедет на хузар! Пусть задерутся — а Киев тем временем еще кусочек сурожского берега под себя возьмет. И ромеи пусть с

печенегами решают, кто дань схитил. А русы что? Русам обещано? Обещано. Значит, собери снова — и отдай. А не то придут и сами возьмут!

От этих приятных мыслей всадник пришел в хорошее настроение и произнес уже не так мрачно:

— Передай Скарпи, я иду к тракту. А он пусть ищет. Не найдет — головой ответит за потерянное богатство. Отправляйся!

Гридню подали свежих коней, и он ускакал.

«Ничего! Скарпи найдет! Он золота не упустит, не та порода. Такое богатство! Да и делить ее придется только с малой дружиной. А Волку [1] вообще шиш!»— Он злорадно ухмыльнулся, вспомнив, сколько пришлось отдать печенегам из прошлогоднего ромейского выкупа.

Ухмыльнулся и тут же помрачнел, вспомнив, и эта дань ромейская пока что не у него в руках, а неизвестно где. А как хорошо все было задумано! Да и сделано хорошо. Кто ж знал, что у диких хузар достанет ума, чтобы угадать, какую судьбу им назначили русы?

Глава десятая

Соляной тракт

Утром варяги свершили погребальный обряд: перерезали глотки пленникам, подожгли плоты и оттолкнули от берега. Рассвет — хорошее время для такого дела: умершие не собьются с дороги, притянет их не луна синяя, а Хорс-Солнышко.

Бледный, почти невидимый огонь, серый прозрачный дым... Некоторые видели, как на призрачных крылатых конях улетают в Ирий души героев.

Духарев призраков не видел, да и не высматривал особо. Не до того. Мучило Серегу дурное предчувствие. Нервность нездоровая. Когда за каждой полынной метелкой мерещится соглядатай, а за каждым пригорком — вражья конница. И еще в спину как будто кто-то пялится: так и хочется оглянуться.

[1] Куркутэ по-печенежски — волк.

А ведь это не чащоба — степь. Простор от горизонта до горизонта. А давит так, словно в каменном мешке сидишь. Хотелось рвануть галопом: бежать, бежать, пока не поздно...

Но ехали они теперь медленно. Из раненых только Мисюрок смог сесть на коня. Остальным пришлось мастерить носилки — кожаные гамаки на жердях, уложенных на лошадиные спины. Кони с таким грузом могли идти только шагом.

Подобранный Серегой чужак за ночь отлежался, встал. Духарев распорядился выдать ему лошадь и трофейную печенежскую одежку. Оружия не давать. Мало что у чужака на уме?

Одежку чужак сразу надевать не стал: выполоскал в речке. И сам умылся. Чистоплотный. От завтрака отказался, немедленно вызвав подозрение Устаха. У многих народов так: с врагом вместе не едят. А с кем поел — того убивать нельзя. Боги не одобрят. Велено было Шуйке за чужаком приглядывать. И если что — не церемониться. Чужак, впрочем, повода для подозрений больше не давал. Тащился в хвосте, дремал, уронив поводья. Надо бы его потрясти: кто, откуда, как попал в плен? Принцип «враг твоего врага — твой друг» в степи не срабатывал. Тут все — против всех. И только твой клинок — за тебя.

Километров через двадцать речушка свернула к северу, варяги перешли ее вброд, и опять потянулся однообразный степной пейзаж: пологие холмы, прикрытые травами.

Миновали стадо могучих степных туров. Длиннорогие быки с горбатыми холками подняли головы и проводили всадников недоверчивыми взглядами.

— Э-эх! — громко вздохнул Понятко.— Какая охота!

Духарев слыхал, что степные туры еще сильней лесных, чью мощь он уже испробовал на собственных ребрах, но за все это время ему так ни разу и не пришлось поохотиться на степных быков.

— Ай да сокол молодой
Над горой летал.
Ай да белу лебедицу
Молодой искал.
Стал он с горки да на горушку
Перелетывать,
Да звал лебедушку-красуню
В муравушке поиграть...—

затянул Понятко.

У парня был звонкий и ясный голос. Ежели так случится, что в бою покалечат, может, гусляром станет. Певун с таким голосом на княжьем пиру — желанный гость. Тем более варяг...

Солнце припекало, снизу поднимался густой запах трав. Не зря поляне этот месяц травнем зовут. Варяги-северяне поснимали доспехи и стеганые подкольчужники, оставшись кто в белой льняной рубахе, кто вообще без ничего. Рассудили: ежели что — дозорные упредят. Машег (Рахуг был в передовом дозоре) поглядел на разоблачившихся с усмешкой, процедил что-то обидное. Для него градусов тридцать — это еще не жара, а так, тепленько.

Духарев тоже броню снимать не стал. С одной стороны, пример выдержки для подчиненных, с другой — все то же неясное беспокойство.

Ехал, слушал, как весельчак Понятко беседует с Машегом. О женщинах. Вернее, о том, как это печально, когда их нет. И чем их, в принципе, можно заменить. Вот те же печенеги, к примеру, они вместо баб...

Понятко, у которого всегда имелась наготове соответствующая история, рассказал, как его дальний родич был в полоне у печенегов-гилеев. Вот позвал однажды родича хан и сказал, что у его, хана, наложницы родился сын. И у сына того глаза сини. А сини глаза во всей округе только у Поняткова родича. Посему, выходит, согрешил славянин с хановой наложницей, и за то выходит ему, славянину, наказание: бить сильно, а мужские достоинства отрезать напрочь.

Родич Понятки, естественно, огорчился и задумался. А подумав, сообразил и сказал вот что: не у тебя ли, хан, в табуне родился недавно жеребенок с черной гривой?

— Было дело,— согласился хан.

— А ведь у кобыл твоих и жеребцов, у всех гривы желтые да сивые! — показал удивление родич.— Как же так?

Хан подумал немного, погладил черную бородку и молвил:

— Добро. О сыне моем боле говорить не будем. Но и ты гляди: о жеребенке никому ни слова!

Машег посмеялся вежливо, а потом сказал, что у них похожую байку рассказывают про славянского тиуна и ромея. Только там не кобыла, а коза была.

Внезапно один из дозорных, достигнув очередного взгорка, резво повернул назад. Воины встрепенулись было, но увидели,

что дозорный, это был Сирка Чекан из Устахова десятка, машет пустыми руками: опасности нет.

— Ну что? — спросил Устах, когда дозорный подлетел к нему и осадил потного жеребца.

Сирка Чекан, рыжий, весь в веснушках, прибился прошлой весной. Никто в дружине его не знал, но кто и откуда — не спрашивали. Видно, что варяг, видно, что жизнью бит. Бит, да не сломан, так что к делу годится.

— Ну что?

— Дорога там,— шепелявя из-за дефицита передних зубов, сообщил дозорный.

— Соляной тракт,— сказал Машег, подъезжая к старшим.

— Куда ведет?

— К Сурожу.

— К городу?

Хузарин мотнул головой.

— К лиману, к варницам. Но к городу отвороток есть. Городок старинный, небольшой.

— Чей он? Как называется? — спросил Духарев.

— Называется Таган. По-нашему. Раньше наш городок был.

— А теперь?

— А теперь— не знаю. Его хакан Олег под себя взял и с нами договорился, чтоб соль брать по малой цене, сколько надо. А кому сейчас дань платят — не знаю. Придем — спросим.

— А печенеги там есть, как думаешь?

— Может, и есть,— ответил Машег.— Это не беда. В Саркеле тоже печенеги есть. Наемные. И угры.

— Значит, по тракту пойдем? — спросил Сергей.

— Лучше — по тракту,— ответил Машег.— На тракте спокойней.

— Почему? — Духарев эту часть Дикого Поля знал слабо. В прошлый сезон они один раз ходили от Орла [1] по Донцу почти что до упомянутого Машегом хазарского города Саркела, но обратно возвращались тем же путем и к Днепру шли не напрямик, а вдоль северских земель, высматривая для Свенельда места, где удобно ладить укрепленные городки.

— На тракте меньше грабят.

[1] Приток Днепра.

— Да ну? — Духарев скептически поднял бровь.

— Вдоль тракта истуканы языческие издревле поставлены. Кто степных богов боится,— Машег сплюнул,— тот на тракте лютовать не будет. Ну, может, возьмет немножко.

— Печенеги — тоже их боятся?

— Не знаю. У них свои демоны.— Хузарин снова сплюнул, затем добавил после паузы: — Ране этот тракт наши дозоры стерегли. Их-то поболе стереглись, чем кумиров деревянных.

Машег уже несколько лет служил Свенельду, поскольку был воином из рода воинов, в ...надцатом поколении, и не воевать не мог. Хузарский же хакан Йосып своих воинов не жаловал. Предпочитал по-ромейски нанимать за золото чужеземцев, которым доверял больше. Машег служил Свенельду, оваряжился, но всё равно считал себя именно хузарином и никак не мог привыкнуть к тому, что княжья русь и печенеги так потеснили его народ. А ведь совсем недавно Хузарский хаканат держал под собой и всю землю от Волги до берегов Греческого моря, и Сурожское море, и Степь — до самого Днепра. И те же поляне безропотно платили им дань... Потом с востока пришел хан Бече [1], с запада — варяги...

— Поедем трактом,— подумав, решил Духарев.

— Машег,— через некоторое время спросил хузарина Понятко,— а печенеги — они каким богам кланяются?

— Те, что там,— Машег махнул рукой,— в Аллу верят. И в Мохаммеда-пророка. Хоть ложно верят, так хоть в Бога истинного. А те, что у нас, у тех вера черная, в демонов.— Машег скривился и сделал отвращающий жест.— Они своих демонов человечьей кровью кормят [2].

---

[1] О происхождении слова «печенег» у историков нет единого мнения. Византийцы называли их пацинаками и пацинакитами. Арабы использовали слово «баджнак». Версия происхождения слова «печенег»(бечинег) от имени легендарного вождя Вече представляется вполне вероятной. Есть достаточно примеров, когда степной род получал имя по имени своего первого вождя. Вернее, первого вождя правящего рода, потому что, строго говоря, печенеги были не единым родом, а скорее объединением племен тюркского происхождения. Возможно, не только тюрков, угров и других.

[2] Некоторые данные свидетельствуют, что печенеги-язычники исповедовали не обычный в те времена анимистический культ, а некий вариант «экспортированной» из Тибета черной религии «бон».

Понятко кивнул. Одобрительно кивнул, поскольку, как любой варяг, покровителем считал Перуна, а Перун кровушку человечью тоже очень одобряет.

Хузарин скривился еще больше, поглядел на Духарева, словно ища поддержки, но Сергей о специфике печенежской веры понятия не имел, что же касается жертвоприношений, то тех же пленных так и так прирезать пришлось бы. И если при этом кто-то хочет возглашать: «Тебе, Перун, Воин Небесный»,— то пусть возглашает. Хотя если Перун действительно воин, а не мясник, то ему должны быть больше по вкусу битвы, а не казни.

Не дождавшись поддержки, Машег махнул рукой, пихнул коня пятками и умчался.

Глава одиннадцатая, особая,

в которой повествуется о том, как Духарев с Устахом прошлой осенью славно потрудились в княжестве Черниговском, и еще кое о чем весьма замечательном

На дороге пустили коней рысью. По голой земле идти легче, чем по разнотравью. Сменили сторожевые разъезды. Духарев верхом на заводной, прихватив Пепла, сам поехал в дозор. Обогнав отряд шагов на семьсот, оглянулся. Издали казалось — варягов много. Над дорогой поднималось густое желтое облако пыли. Такое заметно издалека — это минус. Зато за пылью сразу не разглядишь, что лишь на десятке лошадей — наездники.

Сергей потянулся к фляжке, промочил горло. Встряхнул, определяя, сколько осталось. Когда он выезжал из Киева, в серебряной, обернутой толстым войлоком фляжке плескалось разбавленное водой белое хузарское вино. Убыль вина пополнялась из увесистого поначалу бурдюка, но с каждой неделей воды во фляжке становилось все больше, а вина — все меньше. Из-под копыт порскнула стайка перепелов. Лошадь под Духаревым шарахнулась.

— Тих-хо! — прикрикнул Сергей и движением колен вернул лошадку на прежний маршрут.

Он уже далеко обогнал своих. Ветер дул в лицо, относя за спину запахи и звуки, оставляя только стрекот насекомых, сдвоенный стук копыт и душный аромат зацветающей степи. По белесому небу ползли редкие прозрачные облака. Дикая Степь.

«А я ведь уже три года здесь»,— подумал Сергей.

Прошлое, вернее, будущее: двадцатый век, телевизоры, компьютеры и «мерседесы» с «боингами» — где это все? Нет, Серега не жалел. Наоборот, теперь ему казалось, что до того, как попасть сюда, он и не жил по-настоящему, так, плыл в сонном тумане, жевал безвкусные котлетки, потрахивал вялых и синеватых, как мороженые куры, потаскушек...

Серега посмотрел на свои загорелые руки, исчерченные светлыми полосками шрамов, потрепал лошадь по жесткой гриве. Взревновавший Пепел тут же пихнулся мордой: а меня? Духарев приласкал и его, поглядел на ладони. Да, эти ладони мало годились для ласки. Оружие и — особенно — тяжелое весло накатали на них такие бугры мозолей, что ими гвозди можно забивать вместо молотка. Настоящие рабочие руки, хм... работника ножа и топора. Вернее, меча и рогатины, поскольку топору Духарев безусловно предпочитал прямой клинок, а нож... Ну, нож — это не оружие, по местным понятиям, так, сало стругать.

Пепел, не отставая, опять сунулся мягкими губами, уложил тяжелую башку на шею Серегиной лошади. Та тихонько заржала. Решила, видно, что жеребец к ней подбивает клинья.

Серега вспомнил, как он горевал, потеряв коня в давней сече у Хортицы. И как чудом отыскал его той же осенью. А еще говорят всякие придурки, что Бога нет!

* * *

Той осенью Серега с Устахом заехали в Чернигов. Собственно, путь их лежал мимо Чернигова в Любеч. В Любече друзей ждала торговая лодья. С ее хозяином, добрым приятелем Духарева, купцом Гораздом, было еще по весне сговорено, что возьмет он обоих варягов на обратном пути. А чего ж не взять? Заморский товар — легкий: шелка — не мука. А две пары варяжских рук будут очень кстати и на воде, и на волоках.

От Переяславля до Любеча — рукой подать. Даже осенью верхами за несколько дней дойти можно. Но Духарев с Устахом не торопились. Был у них, перед отъездом, доверительный разговор с самим Свенельдом. И тайное поручение.

«Я,— сказал Свенельд,— даю это дело вам, а не своим дружинным, потому как родичей у вас в наших краях нет и своих интересов тоже. А люди вы опытные. Хочу я, чтоб ехали вы в Любеч непременно через город Чернигов, а в Чернигове погостили бы денек-другой да и пригляделись к делам тамошним. Может, увидите что... занятное».

Тут воевода сделал многозначительную паузу. Не любивший недомолвок Устах тут же спросил напрямик:

— И что ж нам в Чернигове искать, княже?

— А не знаю! — ответил Свенельд с той же подкупающей прямотой.

Слывший на киевской Горе опытным и изворотливым политиком воевода со своими гриднями не хитрил никогда. За то и любила его дружина. И еще за ум, щедрость и личную храбрость. Ну, и за удачливость, конечно.

— С Рунольтом черниговским мы не в дружбе и не в ссоре,— продолжал победитель уличей.— И господин его не я, а великий князь киевский...

Тут воевода слегка склонил голову, как бы признавая старшинство Игоря. Слишком многие открыто ставили на воеводу — против князя киевского. Особенно после того, как Свенельд, отговорившись местными проблемами, отказался идти с Игорем на Царьград. И Игорь в отместку даже не включил его имя в договор, заключенный с императором ромеев. Ближники Игоря открыто подзуживали князя. И богатая Гора тоже исподволь пыталась натравить великого князя на удачливого воеводу, получившего в удел древлянские и примученные уличские земли. Но открыто порицать Свенельда Гора не осмеливалась. Кое-кто из больших киевских бояр был в крепкой дружбе с воеводой. И еще сторону Свенельда держала сама великая княгиня. А Ольгу на Горе уважали. Поэтому до открытой вражды дело не дошло, а Свенельд постоянно подчеркивал, что не ставит себя вровень с великим князем и остается по-прежнему воеводой киевским. Правда, данью уличской и древлянской делиться не собирался и не

скрывал, что намерен по возможности расширять собственный удел. Ведь именно на таких условиях варяжский воевода принял службу у великого князя.

Но на черниговские земли уличский покоритель никогда не претендовал. Так в чем же дело?

Воевода объяснил, в чем.

— Больно много этим летом через мои земли из Чернигова полона прошло, братья-варяги,— сказал он.

Устах с Серегой удивленно переглянулись. Эка невидаль — полон! Нормальный предмет экспорта. В здешнем мире, где постоянно кто-то на кого-то нападает. Обычное дело при таком великом князе. А где война, там и пленники. Рабы на продажу. В иные «урожайные» на брань годы за раба три ногаты дают. Как за овцу.

— Ну-ну,— угадал их мысли воевода.— Все не так просто. Кабы то весь была, чудь да всех понемножку — тогда я б не удивился. А то ведь древляне, да поляне, да сиверяне, да радимичи. Да половина — девки молодые, и не военная добыча, а челядинки.

— Ну и что? — пожал плечами Устах.— Ну продают смерды дочерей. Обычное дело.

— Обычное,— согласился Свенельд.— В плохие лета. А нынче неурожая не было. Зато жаловались мне недавно: набежали, мол, на село люди оружные. Скотину не тронули, а вот девок шестерых увели.

— Степняки?

— То-то и оно, что нет. Бронь, говорят, почти как у моих гридней.

— Гридни? — Устах презрительно скривил губы.— Из-за шести девок мараться даже нурманы не станут.

— Из-за шести, может, и нет,— воевода прищурился.— А из-за ста шестидесяти? Мои люди купцов, что полон последний везли, аккуратно поспрошали: откуда челядь? Оказалось, почти всех брали в Чернигове на торгу. А сами купцы — киевские. Мои люди вызнали: возят они полон в Степь, да недалеко возят. За лето раз шесть обернулись. Вот и занятно мне: почему это киевские купцы, что ране вели торг с ромеями да булгарами и вместе с Игорем в Царьград гостями хаживали, ныне из Чернигова сиверскими землями в Степь ходят? И откуда та челядь, что они в Чернигове покупают?

— А сами девки что говорят? — ляпнул Духарев.

Устах и воевода изумленно поглядели на него, и Серега прикусил язык. Забыл он особенности местного менталитета. Кого интересуют слова рабыни?

Между тем Серега не раз имел возможность убедиться, что именно эти самые челядинки, особенно из тех, что приближены к власть имущим, являются хранителями ценнейшей информации. В первую очередь потому, что относятся к ним — как к мебели. Но переубеждать варягов Духарев не стал. Бесполезно.

— Не может быть,— продолжал между тем Свенельд,— чтобы без войны столько челяди на восход уходило. Зато, слыхал я, в черниговских землях разбойнички озоруют. Только что ж это за разбойнички, что на открытом торгу, у дружины на виду, в княжьем городе хищеным торгуют? А?

До Устаха еще не дошло, а Серега уже все понял. Поскольку в прежней жизни, где вроде бы рабства не существовало, с подобным бизнесом имел несчастье столкнуться.

— Мафия, что ли? — поинтересовался он.

Конечно, его не поняли. Пришлось пояснить, что он имеет в виду преступный сговор разбойников как таковых и разбойников из числа представителей власти.

Свенельд поглядел на Серегу с явным одобрением.

— Похоже,— согласился он.— Вот и проведайте, что да как.

Духарев открыл рот, чтобы согласиться, но его перебил Устах.

— А нам-то что за дело до черниговских, княже? — заявил синеусый варяг.— Пусть Рунольт черниговский сам и разбирается.

— А если он всем этим и заправляет? — предположил Духарев.

Устах пожал плечами.

— Он — в своем праве,— твердо сказал варяг.— Кому из черниговских не по нраву, как Рунольт судит,— пускай великому князю челом бьет. А ежели говорят на его гридней, что на чужих землях озоруют, так надо их сперва уличить. Мало ли что смерды болтают! Пусть выйдут да и объявят обиду, как по Правде положено! А без того выходит не Слово, а пустословие. Смерду соврать — что псу лапу задрать! Это что ж, мне из-

за каких-то сиверянских девок, смердок, с черниговским князем ссориться?

— Но надо же что-то делать! — возразил другу Духарев.— Ну и что ж, что смерды. Это же наш народ...

— Кто, сиверяне, что ли? Нам, варягам? — ухмыльнулся Устах.

Духарев осекся. Опять он в чужой монастырь — со своим уставом...

Но Свенельд иронию Устаха не поддержал, напротив, поглядел на Духарева с еще большим вниманием и сказал:

— Ты, Устах, как и я,— природный варяг. А Серегей? А сколько тех, кто Перуном клянется, усы синит? То-то! Мы эти земли под себя взяли. Всё, что по эту сторону от степи,— наше. Хоть полянские земли, хоть сиверские, хоть уличские. Наши! И земли. И смерды.

— Не потому ль ты, княже, за уличей три года с уграми воевал? — усмехнулся Устах.

— Потому,— без улыбки ответил Свенельд.— Есть мы — и есть Степь. Что под нас не пойдет — под Степь ляжет. И своих Степи отдавать никак нельзя.

— Это девок-то? — не унимался Устах.— Да кто их считает?

— Я,— сказал Свенельд.— Девки, варяг, мужчин рожают. И смердов, и воинов. Таких, как ты.

* * *

Князь черниговский Рунольт оказался природным варягом. Старый, постарше Свенельда. Еще с Игорем в первый ромейский поход ходил, когда их на море ромеи огнем пожгли. Видно, был Рунольт некогда воином знатным. Теперь же самым выдающимся у князя было брюхо. С хороший пивной бочонок.

Звался Рунольт князем, но по сути был не князем, а посадником. Большую часть с полюдья не в свою казну клал, а отправлял в Киев, Игорю.

Приезжих варягов черниговский князь принял ласково. Узнав, что идут они в Любеч, тут же предупредил: на дороге не спокойно. Завелась на проезжем тракте шаечка. Вроде бы из сиверян. Грабят проезжих, девок воруют по селам, продают волжским булгарам.

Выходит, князь в курсе? И непохоже, чтоб сам замешан. Иначе вряд ли стал бы гостям подобную информацию с ходу сливать. Или стал бы? Специально, чтоб проверить?

Серега с показным безразличием поинтересовался: откуда сведения? Оказалось — из первых рук. Был, как выяснилось, к Рунольту от татей перебежчик: обещался вывести к ватажной схоронке, да не успел. Зарезался. Прямо в Детинце.

По тону чувствовалось, что в версию самоубийства Рунольт не очень-то верит. Разумней предполагать, что перебежчика просто прикончили. Должно быть, был в ватажке у убийцы родич или близкий друг. А то и побратим. Может, тоже из чьих-то гридней. Такое случалось. Уйдет ледащий гридень из одной дружины, а к другой не прибьется. Или не возьмут по дурному характеру. Вот и объявляется в окрестностях разбойничек. Да не из смердов непутевых, а знающие воинское дело и хитрости. И причиняют местной власти изрядную головную боль.

Только непохоже, чтоб у князя черниговского из-за разбойников особенно болела голова. А что до убийцы, то ежику понятно, что это свой, из дружины. Чужого в Детинец не пустили бы. Ну а свой, ясное дело, дороже, чем какой-то тать-перебежчик. Да еще за убийство виру князю киевскому платить. А самоубийство и налогом не облагается, и розыск учинять не надо.

Ситуация, знакомая Духареву еще по прежнему миру. «Покончил жизнь самоубийством, дважды выстрелив себе в затылок». Не анекдот, выдержка из протокола.

Своей заинтересованности в теме Устах и Духарев ничем не выдали. А вдруг посадник простодушен только с виду?

— Мы — не девки селянские, чтоб разбойников шугаться! — высокомерно заявил Устах.

— Эт-точно! — поддержал Духарев.— Пусть рискнут здоровьем! Наедут — хоть разомнемся.

— Хорошо бы! — с надеждой вздохнул посадник.— А то у меня никак до них руки не дотянутся.

Глядя на князя черниговского, в это легко верилось. Через такой живот не то что до разбойников — до мужских принадлежностей не дотянешься.

Пока посадник неторопливо беседовал с гостями, дело близилось к вечеру. К ужину то есть. Не пригласить к трапезе

полоцких варягов — обидеть и их, и славного князя Роговолта. Впрочем, и без этого гостей позвали бы к столу. По обычаю.

Осень — время богатое. Урожай собран, всего в избытке. И дичи, и хлебов мягких, и меда сладкого да пива горького, хмельного — это уж исключительно для Духарева, который так и не сумел полюбить слабую сладковатую медовуху.

Старших дружинников у посадника было девятеро. Причем пятеро — под стать своему батьке, заплыли жиром. Но остальные выглядели вполне воинственно. Два свея, нурман и угр. Верховодил нурман. Его звали Бьярни-Беспалый. Один мизинец у нурмана отсутствовал. Пустяк. Сеча — не игра на рояле. Вполне можно обойтись и без мизинца. Духареву Бьярни сразу не понравился. Взаимно. Но задираться нурман не стал. Только метал грозные взгляды. Пускай. Устах уже успел обронить, просто так, к слову, что его друг и есть тот самый варяг Серегей, что зарубил на смоленском рынке сотника Хайнара. От Чернигова до Смоленска — не близко, но молва летит далеко. И редкий рассказчик удержится от того, чтобы приукрасить историю. И выходило в итоге, что герой не просто ловок на мечах рубиться, а голыми руками головы волколюдам отвинчивает. Ни Устах, ни Серега от драки не бегали, но славы драчунов не искали. В отличие от тех же нурманов. А опыт показывал: пара-тройка слов об «убийце ульфхеднаров» в сочетании с богатырским обликом Духарева — и боевой дух задир волшебным образом улетучивается.

Несмотря на малое содержание алкоголя в напитках, накушались прилично. И, конечно, потянуло дружинную братву на веселье. Тотчас, словно по волшебству, появился дедок-гусляр, а отроков-виночерпиев сменили молодые игривые девки. Дедка, впрочем, выгнали, едва он загундосил о славе покойного князя Олега. Нет, против Олега дружина черниговская ничего не имела, наоборот. Но уж больно у дедка оказался голосок противный.

Угр, под боком у которого опрометчиво разместился дедок, взял гнусавого «барда» за шкирку и на вытянутой руке, как нашкодившего щенка, вынес за порог. Дедок не противился, висел покорно, а отпущенный, тут же встряхнулся и засеменил на кухню подкормиться.

Под столом разодрались собаки. Их пинками выгнали наружу и с большим удовольствием наблюдали грызню. Победитель получил кусок оленины. Проигравший — свиную рульку.

Время от времени Духарев ловил на себе пристальный взгляд Бьярни. Решил: плевать.

Один из свеев, бычара, весь в веснушках, пристал к Духареву: покажи, мол, на мне, как это голыми руками волколюдов убивают?

— А виру за тебя кто платить будет? — осведомился Серега.

— Так я ж не ульфхеднар! — совершенно серьезно возразил свей.— Придурок!

— Ты скорее берсерк [1],— сыронизировал Духарев.

Свей надулся от гордости и некоторое время молчал. Но потом опять начал донимать. Дурак, но упорный.

Наконец Духарев плюнул, вылез из-за стола.

Дружинники сразу оживились. Это вам не собачья драка, это поинтереснее.

— Ну, давай,— сказал Духарев, и свей тут же полез на него грабками. Чисто медвежьи манеры. Устраивать шоу Серега не стал. Влепил пяткой с разворота в веснушчатый свейский нос.

Свей сел на задницу. Потрогал носяру. (Во крепок мужик! Другой воспарил бы птичкой и минуты три лежал в отключке!) Потрогал, поглядел на ладонь: красная. И закрытый перелом со смещением, что тоже легко определяется визуально.

— Га! — сказал свей.— Кровь!

Встал, вытянул тесак и полез по новой.

Духарев покосился на князя. Рунольт пьяно лыбился... А Бьярни, жопа нурманская, лыбился совсем не пьяно. Зуб можно дать: свей пристал к Сереге с его подначки. Серегин меч лежал близко, на лавке. С мечом Духарев вмиг вышиб бы ножик у пьяного свея. Однако меч — оружие боевое, в честной драке не разрешенное. Нож — другое дело. И нож у Духарева имелся. Даже два. Но резать дурака не хотелось. И чтоб самому шкуру попортили — тоже не хотелось. Лавкой, что ли, его треснуть? Надо что-то резкое сделать. Такое, чтоб у остальных черниговских братков желание подраться на кулачках напрочь отшибло. Значит, никакого джентльменства!

[1] Берсерк — оборотень-медведь.

Духарев ухватил со стола корчагу, замахнулся... Простодушный свей вскинул руку — перехватить... и получил такого пинка по висюлькам, что его синие глаза стали белыми и выпучились не хуже лягушачьих. Нет, правильно говорят, что главное отличие боевого самбо от спортивного в том, что в боевом проведение любого приема начинается с удара по яйцам. Духарев поставил корчагу на стол, без малейших усилий вынул нож из руки противника (не забыл при этом легонько порезаться) и очень бережно усадил свея на лавку. Кликнул ближайшую девицу. Дал задание. Нет, не ублажить свея традиционным образом. В ближайшее время сексуальные игры бедняге противопоказаны. А показано ему сидеть на кадушке и купать пострадавший орган в холодной водичке. Серега его «утешил»: через пару дней легче будет. А через месяц, глядишь, уже и на бабу можно, если осторожненько. Сам же Духарев демонстративно вытер кровь с поцарапанной ладони и поймал одобрительный взгляд Устаха. Теперь никто не предъявит Сереге претензий за разбитый нос. Он ведь тоже кровь, хм... пролил. Ну что, есть еще желающие испытать на себе антиберсерочью технику и проверить гузном крепость варяжского сапога?

Желающих не было. Даже Бьярни скромно отвел глаза.

Решив разрядить обстановку, Серега сдернул со стены сулицу и перешиб ребром ладони ясеневое древко. Что, в общем-то, было непросто, поскольку вышеупомянутое древко — не какая-нибудь ручка от швабры, ею даже удар меча отвести можно, если умеючи.

Гриди оценили: заорали восторженно. Обстановка разрядилась. Кто-то тут же, как водится, попытался повторить — и ушиб руку. Второй свей, уложив обломок древка между колен, азартно колотил по нему ладонью. Заросшей мозолями ладони ничего не сделалось, а вот на коленях образовались кровоподтеки. Которые свей с гордостью продемонстрировал.

Приняли еще. Голоса стали громче, настроение — лучше.

— А чего! — зычно воскликнул князь Рунольт.— А не добыть ли нам завтра кабанчика! На выселках та-акого вепрюгу видали!

Предложение имело успех. С полоцких гостей взяли строгое обещание: завтра — вместе на кабанью охоту. Что, лодья в Любече ждет? Подождет пару дней, не утонет.

Гости для виду поотнекивались немного — и согласились.

Все срасталось в лучшем виде.

* * *

— Квасу дай,— лениво попросил Духарев.

Девка торопливо скатилась с ложа, черпнула ковшиком. Двумя руками поднесла посудину княжьему гостю... И тут же шмыгнула обратно, мужчине под бочок.

Серега с удовольствием напился холодного квасу и снова улегся, вытянулся поперек кровати, положив голову на теплый девкин живот. Да... Пуховые перины под льняными простынками — это не травка под попоной. А живой женский животик — это вам не седло.

Лихая оказалась девка. С виду тихонькая, скромница. А когда Серега взялся ее обрабатывать со всей искушенностью начала третьего тысячелетия, постельная подружка визжала и орала, как дюжина завидевших купца печенегов. Духарев же чувствовал себя этаким секс-демоном. Хотя понимал, что среди прочих здешних мужиков выделяется не потому, что немерено крут потрахаться, а потому, что никто из здешних, особенно воинов, бабским удовольствием не заморочивается. Бабе полагается радоваться уже от того, что герой баталий соизволил на нее взгромоздиться. Вот женщины, многие, были довольно искусны. Особенно те, кого привозили с востока. Но ценились они только... ценителями. И в стандарт местной красоты не вписывались. Мелки, чернявы, ни косы пшеничной, в руку толщиной, ни сисек четвертьпудовых, ни голоса зычного. Впрочем, теремные девки, вполне соответствующие местным понятиям, тоже дело знали. Собственно, для этого их и держали при гридницах. Надо сказать, что их блядская по сути профессия не считалась позорной. Многих потом и в младшие жены брали. Свой кадр, проверенный.

Умиротворенная девка перебирала пальчиками Серегины желтые кудри и что-то говорила.

Духарев в ее речи не вслушивался, полагая, что обычная болтовня. Пока не уловил случайно «нурман» и «убить». Тут Серега включился, словно поисковая система, «поймавшая» ключевое слово.

— Ну-ка, ну-ка...— проворчал он.— Повтори еще разок, малышка!

Девка запнулась, перестала перебирать пальчиками... Но тут же протараторила бойко:

— Ой не ездил бы ты, витязь, завтри на охоту-ть!

— Это почему же?

— Я ж и говорю: Бьярка-нурман убить тя задумал.

— Откуда ты это знаешь? — Духарев взял в ладони румяное девкино личико.

— Птичка начирикала!

— Ой, не верти, моя радость! — строго произнес Духарев.— Начала песенку — так заканчивай. Не то я и рассердиться могу.

— Ай я глупая,— искренне запечалилась девка.— Пожалела молодца, а молодец...

— Ша! — оборвал причитания Духарев.— Я тебя разве обидел?

— Н-нет,— не слишком уверенно ответила подружка.

— Так говори, не бойся. Дальше моих ушей не уйдет. Слово варяга!

— Дружка моя слыхала, Бьярка с угром своим говорил, мол, завтри варяги с князем лесовать пойдут. И ладно будет, коли больший варяг с охоты не вернется. Еще сказал, за мертвого варяга кое-кто серебра насыплет — сколь в большой шлем войдет!

— Ишь ты! — удивился Духарев.— Неслабая премия.

— Чёй-то они задумали нехорошее,— наморщив лобик, сделала вывод девка.

— Да уж,— согласился Духарев.— А что это ты, красавица моя, обо мне так заботишься?

— А полюбился ты мне! — дерзко заявила девка.— И вот ей! — Она погладила между ног.— А Бьярка... Он злой! И с татями дубравными знается! Вот!

— Ну-ка, ну-ка! — еще больше заинтересовался Духарев.— Уж не этих ли татей серебро за мою голову?

Девка испуганно прижала пальцы к губам.

Перепугалась не на шутку!

Духарев обнял ее, погладил по теплой нежной спинке.

— Не трясись,— проговорил он тихо.— Я ж сказал: дальше меня не уйдет.

— Ага...— обиженно протянула девка.— Вы-т уедете, а нурман меня замучит! Иль степнякам продаст!

— Шутишь?

— Как же! Я первая, что ль?

— Так ты разве не князева? — удивился Духарев.

— Князева. Только князь, он против Бьярки слова не скажет. Бьярка к нему от Киева приставлен.

— Сколько ты всего знаешь! — похвалил Духарев.

— Дак мы ж... Нас же никто... Мы ж вроде вот как эта изложница [1]. От нас тайны не прячут. Только и защитить нас некому-у-у!

Девка всхлипнула.

Серега обнял ее покрепче.

— Если нурман и впрямь с разбойниками якшается, я его прищучу! — пообещал он.— Никакой киевский князь ему не поможет! А тебя с собой увезу, в Полоцк!

— Наложницей? — оживилась девка.

— Вольной. И денег дам.

— Сколько?

— Три гривны.

Сумма была немалая, но если выяснится, что девушка действительно спасла его жизнь...

— А почему в наложницы не возьмешь? — Девка улыбнулась кокетливо.— Иль я тебе не понравилась?

— Жена не позволит,— честно ответил Духарев.— Ну, договорились?

— Угу. Слушай меня, витязь...

Устах спал. Рядом, свернувшись калачиком, спала блондиночка — светлая головка на широкой Устаховой груди. Запереть дверь на щеколду варяг не потрудился.

Духарев, переступив порог, помедлил немного... И разглядел, как рука Устаха медленно подползает к рукояти меча...

— Спокойно,— сказал Сергей.— Это я.

— А-а-а...

Устах не спросил, чего ради Духарев разбудил его среди ночи. Раз разбудил — значит, есть причина. Спихнул блондиночку, которая так и не проснулась, начал одеваться.

— Пошли ко мне,— сказал Духарев.— Есть новости.

Девка из «нумера» уже испарилась. Как ей и велено.

— Короче, так,— сказал Духарев.— Заправляют тут двое. Вожак разбойный и Бьярни. Один — тут, другой — в лесу, но и

[1] Светильник.

сюда наведываться не стесняется. Сам — из гридней. Не черниговский, но со здешними — накоротке.

— Откуда узнал?

— Оперативная информация.

— Чего-о?!

— Девка поведала.

— А-а-а...— Устах расслабился, на глазах теряя интерес.— Поверил девке!

— Поверил. И ты поверишь.

Надо, блин, ломать замшелые стереотипы.

— Брось,— лениво сказал Устах.— Обидел нурман девку, она и соврала. Слыхала, что мы с ними — на мечах, вот и наплела всякого.

— Наплела, значит? А не хочешь ли ты узнать, как зовут главного разбойничка?

— Ну?

— Свейни!

— И что с того?

— А ты припомни Смоленск. Как того десятника звали, нурмана, приятеля Хайнарова, с которым ты бился?

— Свейни,— ответил Устах.— Ну и что? Я тебе еще троих Свейни могу назвать. И все, заметь, нурманы [1]!

— Допустим,— Духарев ухмыльнулся.— Но, как я уже сказал, этот Свейни имеет наглость лично заявляться в здешний Детинец.

— В смелости ему не откажешь,— одобрил Устах.— И что же Рунольт, так его и привечает?

— А что Рунольт? На лбу ведь не написано, что разбойник. Так что особой смелости тут нет. Половина здешней дружины, сам же видел, обленилась просто позорно. А остальные, как я понимаю, в доле. Пляшут под дудку Бьярни. А нашего смоленского знакомца девка описала очень точно. Просто как живой перед глазами встал.

— Все равно не верю! — упрямо заявил Устах.— Чтобы из десятников княжьих — в разбойники? Не верю! Что приезжал сюда — может быть, а остальное...

— За мою голову между прочим, хорошие деньги посулили! Полный шелом серебра!

---

[1] Игра слов: нурман — норвежец, свейн — швед.

— Тоже от девки узнал?

— Так,— рассердился Духарев.— Устах, ты мне друг?

— Друг, конечно!

— Тогда поверь. Не девке, мне поверь: завтра, когда мы будем охотиться на кабана, кое-кто будет охотиться на нас. И мы с тобой, я и ты, должны быть начеку!

— Я всегда начеку,— флегматично ответил Устах.— Ты лучше выспись. Проку больше будет, чем бабью болтовню слушать. Не все бабы такие, как твоя Слада.

— Ага,— заметил Духарев.— Все-таки вспомнил, что и у женщин бывают мозги?

— Бывают.— Устах зевнул.— Только не у девок теремных.— Ладно, ты как хочешь, а я спать пошел,— и двинулся к дверям.

— Завтра увидим, кто прав! — крикнул вслед Духарев.

Вот ведь упрямец! Даже его своим неверием заразил!

* * *

Конечно, до киевского или даже полоцкого охотничьего великолепия черниговскому Рунольту было далеко. Но воздух так же звенел от собачьего лая, алели флажки, рычали рога доезжачих, горячили коней охотники в легких круглых шлемах. Собачки у Рунольта были разномастные, в основном гончие. Еще — четверка тяжелых лохматых волкодавов в стальных ошейниках и несколько борзых, которых можно было бы и не брать. От борзых в чащобе проку ноль.

Ехали сначала трактом, потом свернули на скошенные поля. У леса остановились.

Князь черниговский, уже промочивший горло, восседал на могучем жеребце, зычно раздавал команды загонщикам, определял, кому куда встать.

Два самых перспективных места были отданы гостям.

Сереге очень не хотелось отделяться от Устаха, но протестовать тоже было нельзя. Еще не хватало, чтобы в трусости обвинили.

В напарники Сереге князь определил лучшего своего боярина, Бьярни. Скорее всего, по просьбе самого нурмана.

«Ну и ладно,— утешил себя Духарев.— Хоть на виду будет».

Он стал достаточно самоуверен, чтобы не сомневаться, что сделает нурмана один на один. Но, блин, у Бьярни железный козырь в рукаве. Разбойнички. А это, если все же поверить ночной подружке, точняк, еще один крутой боец-нурман. И неизвестно сколько подручных. С другой стороны, Бьярни вряд ли рискнет просто так прикончить гостя-варяга. Это ж надо какое-то оправдание придумать. Списать на разбойников? Спросят: а сам ты где был? А если отбился, то почему не отбился варяг? И где побитые тати? Это ведь только слабоумный поверит, что какие-то, блин, разбойники напали на лучших гридней — и ушли без потерь. И кто, интересно же, рискнет Роговолта полоцкого или Свенельда-воеводу в слабости ума подозревать?

Духарев пробирался сквозь чащобу вслед за Бьярни и прикидывал, откуда ожидать подлянки. Наверное, впервые он пожалел, что не в Диком Поле, где все — на виду.

Нет, к бою он был готов. Полный доспех, меч, лук, в колчане всего пять охотничьих срезов. Остальные — боевые, бронебойные. Не на зверя — на человека.

Пригибаясь к гриве коня, чтобы не задеть низкие ветви, Духарев боролся с искушением всадить одну граненую стрелочку в бармицу Бьярнина шлема. Только нехорошо это. Да и нурман наверняка начеку. У хорошего воина затылок чуист, как нос гончей. Но Серега тоже клювом не щелкал: принюхивался, прислушивался, вычленял из звуков безопасных, вроде отдаленного лая гончих и перестука дятлов, признаки возможной опасности, напрягал интуицию... Однако явной опасности не обнаруживал.

Выехали на небольшую полянку, всю усыпанную боровиками.

— Здесь,— коротко бросил Бьярни, спрыгивая на землю и привязывая коня.

Серега тоже спешился, огляделся.

Слева пованивало болотце. Справа — бурелом. Впереди — заросли; путаница ветвей, в которой звериная тропа — как собачий лаз. В траве Духарев заметил черные ошметки сети. Видно, здесь не раз ставили тенета, в которые загоняли зверя. Но сеть — это не так интересно. Вот принять на копье двухсоткилограммового секача — это по-мужски!

Бьярни прошелся взад-вперед, нещадно давя сапогами бурые шляпки. Боровики его не интересовали. На грибы

пусть смерды охотятся. Нервничает? Или просто ноги разминает?

Серега прислонил к стволу тяжелую рогатину, перевесил из-за спины на бедро меч и уселся на пенек. Пока еще гончие поднимут зверя, пока пригонят сюда...

Но ждать пришлось совсем недолго. Собачий лай звенел еще далеко, а Серегино ухо уже уловило глухой тяжелый топот.

— Секач, похоже,— негромко произнес Бьярни.— Не собаки подняли — сам уходит. Опытный.

И впился в Серегу испытующим взглядом. Духарев кивнул. Узнать по собачьему лаю, идут ли псы по следу или просто брешут, Духарев не умел. Не говоря уже о том, чтобы определить, кого именно гонит свора. С другой стороны, зачем нурману врать?

— Сам возьмешь? — спросил Бьярни.

Духарев кивнул, и нурман тут же отошел назад, за деревья. Будь рядом Устах — встал бы сбоку, с рогатиной наготове. Мало ли... Вдруг хрустнет древко рогатины или нога заскользит по мокрой траве?

Ничего. Обойдемся! Кабана Серега уже брал пару раз. Причем в одиночку.

Топот приближался.

Бегущий вепрь — это живой таран. Удержать его — навык нужен и сила. Но удержать можно. Духарев поплевал на ладони, встал прямо на тропе, уперся каблуком в выпирающий корень, приготовился. Ветерок дул в лицо. Глазенки у секача мелкие. Сразу не разглядит. Может, притормозит даже, от неожиданности. Главное — к себе не подпускать. Кабаний клык режет почище кривого засапожного ножа.

Зверь приближался. Тяжелый мерный топот. Здоровенный кабанище, должно быть... Духарев ощутил, как приятно бурлит внутри азарт. Вот это житуха, мать ее!..

Страшный рев оглушил Сергея. Огромная рыжая голова неожиданно вынырнула из зарослей, разметав ветки. Серега еще успел удивиться, почему это кабанья морда — не на уровне бедра, а существенно выше, еще успел вздернуть рогатину, поставленную на удар по приземистому зверю... И тут голова резко нырнула вниз, Духарев увидал корень шершавого, как древесная кора, рога, рванулся в сторону, уходя от прямого

удара, но его уже зацепило, под страшный звук лопающихся кольчужных колец, вскинуло вверх со страшной силой, будто бампером грузовика снизу ударило.

Серега уронил копье, кувыркнулся в воздухе, попытался кое-как сгруппироваться и грохнулся на бок. Внутри что-то екнуло, словно оборвалось. Рыжая громада надвинулась сверху. Изогнутый, чуть ли не с руку длиной, рог шибанул Духарева сбоку, но Серега успел в последний миг ухватиться за него и не дать черному острию поддеть себя под ребро. А земля опять ушла вниз, мелькнула рыжая, в колтунах, спина пошире лошадиной — и Серега влетел прямо в бурелом, успев только прикрыть лицо от острых сучьев. По шлему ударило, словно великанской палицей. В глазах потемнело. На какое-то время Серега отключился... И очнулся, почувствовав, как его выволакивают из зарослей. Могучий зверь, как-то ухитрившись зацепить рогом подол кольчуги, сопя вытягивал Серегу из бурелома. Явно с самыми нехорошими намерениями.

Духарев изо всех сил вцепился в трухлявый ствол, впервые пожалев, что у него такая крепкая кольчужка.

Сука нурман! Знал же наверняка, что это не кабан, а тур. Турище, мать его! Бычара! Его бы в Испанию, к тореадорам, буйвола рыжего... И мокрое место останется и от тореадора, и от всей камарильи! Это, блин, не хилых бычков шпажкой тыкать... Меч, блин, где же меч?

Меч за спиной не ощущался, но тут Серега вспомнил, что перевесил его на бедро... Только толку — ноль.

«Что ж ты ко мне пристал, дурное животное? Что я тебе такого сделал?»

Но турище знай себе сопел и тянул, Духарев цеплялся из последних сил и вдруг — хряп — гнилая древесина подалась под пальцами, острый сучок полоснул по щеке, тур ревнул, мотнул башкой — и Духарев опять взлетел ногами кверху и опять плюхнулся спиной на что-то твердое. Кабы не броня, давно бы кости переломал.

Ах ты, погань рыжая!

Бычара неторопливо, враскорячку трусил к Сереге. Уверен, блин, что не смоется человечек. И прав ведь, паршивец! Нету у Сереги сил ни драться, ни бежать к ближайшему дереву. Только ворочаться, как придавленный червяк. В пору нурмана на выручку звать. И позвал бы, но ведь не придет. Захо-

тел бы — уже спешил бы на помощь. Ну нет, бычара, я тебе не червяк!

Серега разъярился. Может, именно из-за этой наглой уверенности умной скотины: хана человечку!

Рубануть мечом в лежачем положении почти невозможно. Особенно так, чтобы повредить этакую машину мышц. Зато кольнуть — вполне. И Серега ширнул зверюгу острием прямо в черную сопатку!

Ого! Вот это звук! Не нравится, да?

Тур отпрянул. Из порванной ноздри капала кровь... И тут Духарев увидел, что из турьего бока торчит обломок стрелы. И красный потек на шерсти — свежий.

Обдумывать это было некогда. Тур взрыл землю раздвоенным копытом и, опустив башку, понесся вперед. Серега откатился влево — он заметил, что тур бьет именно слева. Успел! Рог вспахал землю, словно лемех плуга.

Тур остановился. Удивился, гад!

Духарев услышал, как бьется и ржет лошадь. Серегина. Нурманской не было. Смылся, что ли?

Бык тоже услышал ржание и вдруг сорвался с места и ринулся на несчастное животное. Длинные рога вошли в лошадиное брюхо. Лошадь закричала почти по-человечьи. Тур рывком освободил рога и ударил снова. Совсем ошалел.

Серега, скрипнув зубами, поднялся и заковылял к деревьям. Дышать было больно. Наверное, ребро сломано...

Два десятка метров оказались невероятно огромным расстоянием. Серега споткнулся и чуть не упал. Оперся на меч, отдыхая... И в последний миг услышал за спиной дробный топот...

Выпучив глаза, весь перепачканный в крови тур летел на него.

Откуда силы взялись! Он так лихо отпрыгнул в сторону, что бык промахнулся.

Затормозив всеми четырьмя, тур тут же развернулся...

Где-то под солнечным сплетением у Сереги как будто открылась дверца. В голове прояснилось, колени перестали дрожать.

— Пошел вон, дурак! — заорал Духарев, выбросив в крике дурную ярость.

Конечно, тур не ушел. Конечно, он тут же бросился на Сергея. Но Серега уже был готов. В общем-то, это не труднее,

чем уйти от удара секирой. Уход в сторону с разворотом, полосующий удар... Тур споткнулся и рухнул, ткнувшись рогами в дерн. Серега не бросился его добивать, ждал. Тур медленно поднялся. Передняя нога его подгибалась. Клинок подрезал связки. Но тур все равно захромал в атаку. Настоящий воин!

Серега снова пропустил потерявшего прыть зверя мимо себя, перехватил меч двумя руками, словно копье, и, держа плоскость клинка вертикально, изо всех сил вогнал его между турьих ребер. Тур издал короткое жалобное мычание — совсем как корова — и завалился. Алая кровь потекла из открытой пасти. Коричневый, выпуклый, еще живой глаз глядел на Духарева печально и обиженно.

Серега взялся за рукоять своего меча, потянул, но вытянуть не сумел. Силы стремительно уходили.

За спиной раздался смех.

Духарев обернулся.

Бьярни.

— А крепок ты, варяг,— похвалил нурман.— Думал, бык тебя стопчет.

— Не стоптал, как видишь,— буркнул Духарев, пытаясь скрыть накатившую слабость. Еще раз дернул меч...

— Застрял? — сочувственно произнес Бьярни.

И отстегнул от пояса секиру. Намерения его читались совсем легко.

Духарев перескочил через турью тушу. Вышло совсем неловко, едва не упал.

Нурман обидно засмеялся. Серега попятился.

Где-то здесь должна валяться рогатина...

Чертов нурман угадал его мысль. Перемахнул легко через турью тушу, поиграл топором.

— Нечестный бой,— хрипло проговорил Духарев.

Голова у него кружилась.

— Ага! — с удовольствием подтвердил нурман.— Тебя Свенельд послал?

Духарев молчал.

— Я и сам знаю, что Свенельд,— процедил Бьярни.— А охотник из тебя — дрянь. Тура с кабаном перепутал, да?

— Я его завалил! — хмуро бросил Духарев.

Потянуть время, может, полегче станет?

— Ага,— согласился нурман.— Ты — тура, а я — тебя. А что еще Свенельд про нас узнал? — Он наступал на Духарева, Серега отступал. Такая вот игра. В одни ворота...

— Многое,— сказал Духарев, сделав еще один шаг назад.

— Так что же? — Бьярни, играя, перекинул секиру из руки в руку.— Скажешь что интересное, варяг, и я тебя сразу убью. Или ты хочешь — по частям? Сначала ноги обрубить, потом руки? Как хочешь?

— По частям,— сказал Духарев.— Хочу я, нурман, пожить подольше... Бей!!!

С оглушительным криком Духарев прыгнул вперед, пытаясь перехватить секиру. Но нурман не купился. И сам бросок вышел гнилой. Бьярни ударил Сергея рукоятью в бок. Туда, где турий рог порвал кольчугу. Духарева скрутила черная боль. Он перестал видеть и слышать, скрючился... Но понимал, что нурман сейчас рубанет. И ждал этого удара...

Но удара не было.

Вместо этого сильные руки бережно обняли Сергея, поддержали...

«Этого не может быть»,— подумал Духарев.

Нурман совершенно точно собирался его убить. В таких вещах ошибиться невозможно.

Между тем нурман так же бережно помог Сергею выпрямиться. В глазах прояснилось, и Духарев увидел... Устаха!

А нурман?

А нурман валялся ничком рядом с турьей тушей, и из спины его торчала вошедшая на пол-лопасти рогатина.

— Слабый удар...— прохрипел Духарев, наконец осознавая, что пока живой и, скорее всего, поживет еще немного.

— Тур глубже не бьет,— деловито ответил друг.

Тур... Тур?

— Устах... Стрела...

— Какая стрела?

— В быке... Должен быть еще один...

— Посиди пока,— Устах аккуратно опустил Серегу на траву.

Духарев тут же отрубился.

Пришел в себя от боли.

Устах аккуратно обследовал Серегин бок.

— Вроде бы целы,— сказал он не очень уверенно.— Болит сильно?

— Жить можно,— ответил Духарев.— Но трудно. Второй?

— Никого нет,— покачал головой Устах.— С чего ты взял, что был второй?

— Тур. Кто-то загнал его сюда. И всадил стрелу, чтобы зверь сразу на меня кинулся.

— Стрелу я видел,— сказал Устах.— А насчет стрелка... Не уверен. Выпей-ка! — Он протянул Сереге его собственную флягу: с зеленым тмутараканским вином.— И давай думай, что Рунольту врать. У тебя складней получится.

* * *

Рунольту наврали то же, что, видимо, собирался ему наврать покойник-нурман. Мол, выскочил тур, да и убодил славного Бьярни. И гостя-варяга едва-едва не пришиб.

Версия не оспаривалась. Неизвестный свидетель, выпустивший в тура стрелу (которую, кстати, Серега лично извлек и выкинул), заявления остальных свидетелей не опротестовал. Даже если это был один из гридней, ему ничего не оставалось, как молчать в тряпочку.

Тура скушали. Бьярни-десятника с положенными почестями сожгли. За этими важными событиями почти незамеченной прошла случайная смерть теремной девки, оскользнувшейся на лесенке. По странному совпадению, той самой девки, что была с Духаревым в предшествующую охоте ночь.

Серега в случайности не верил и за девку обиделся. Обиженный, он лежал под верблюжьим одеялом в горнице черниговского детинца и демонстративно болел. Все в Детинце были уверены, что помятый туром варяг даже по нужде и то еле встает. Сам Рунольт-князь посетил болящего и провел у Серегина одра часа два. Сначала травил байки из времен собственной молодости. Потом перешел к кулинарным рецептам. Проявил большое знание предмета. Поведал, что держит повара-булгарина, знатока булгарской, ромейской и хузарской кухни. Сам князь предпочитал ромейскую. Есть у Рунольта знакомый купец. Каждый год привозит с востока пряности и прочее. Рунольт непременно велит повару приготовить для раненого варяга что-нибудь особенное. От собственных разговоров князь проголодался. И удалился покушать. Перед ухо-

дом Сергей попросил его отправить отрока в Любеч. Передать кормчему Гораздовой лодьи, что Серегей-витязь серьезно поранен на охоте и просит подождать, пока поправится. Рунольт обещал, что гонец будет послан незамедлительно.

Между тем тяжесть Серегиных ран была существенно преувеличена. По его же инициативе и не без дальней цели. Может, рискнет кто — и попробует добить тяжко раненного?

Миновали сутки. Ничего не произошло.

За время вынужденного безделья Серега старательно проанализировал ситуацию. Связь разбойников и покойного Бьярни была очевидна. Так же очевидна была непричастность князя. Предприимчивость князя распространялась исключительно на область гастрономии. И надо признать, что человек он был хоть и недалекий, но честный. И за Правду стоял крепко. Беда в том, что при нынешних делах в княжестве надо было не стоять с разинутым клювом, а двигаться. Причем шустро. Из гридней Рунольта к шустрому передвижению были способны Бьярни и его дружки: два свея и угр. Может, еще кто-то из молодежи, отроков. Но их пока можно в расчет не принимать. Один из свеев временно утратил проворство: лечил опухшую гузку. Его тоже вычеркиваем, тем более он вряд ли посвящен в детали операции, поскольку глуповат. Остается второй свей и угр. Бедная девка упоминала угра. Свей, вероятнее всего, тоже при делах. Но угр замешан в афере без всяких вероятий. Значит, с него и следует начать.

Угра звали Бердяком. Это был здоровенный рябой мужичина с наглой рожей и черной бородищей. Единственный, кстати, из старших гридней, не заглянувший к «болящему» с выражением сочувствия.

Поэтому Серега решил сам его навестить. И взять у него небольшое интервью. Круг вопросов Серега определил заранее. А чтобы беседа шла гладко, пригласил за компанию Устаха. У его друга был настоящий талант за каких-нибудь полчаса делать разговорчивыми самых отъявленных молчунов.

* * *

Крепкий сон — серьезный недостаток для воина. Бывает так: уснешь... а проснуться уже не удается.

В этом отношении Бердяку повезло.

Он проснулся.

Правда, не по собственной инициативе, а разбуженный неприятным прикосновением холодного железа к теплому горлу.

— Кричать не нужно,— благожелательно посоветовал Духарев.— Будет бо-бо.

И пошевелил ножом под бородой угра.

Припасенным фитильком Устах зажег изложницу.

Пусть собеседники как следует разглядят друг друга.

Разглядели. Рябое лицо угра тут же покрылось бисеринками пота.

— Чего надо? — хрипло спросил он.

Серега еще немного пошевелил лезвием, чтобы черниговский гридень прочувствовал, какое оно острое, и осведомился добродушно:

— Девку ты убил?

— Какую еще девку? — просипел Бердяк.

Из зарослей его бороды выползла любопытная вошка, но, почуяв нехорошее, тут же спряталась.

— Он не понимает,— обратился Серега к Устаху.— Дурной? Или память плохая?

— Да что ты с ним возишься? — буркнул Устах, чья роль была оговорена заранее.— Режь его — и пошли.

— Вы не можете меня зарезать! — нервно проговорил угр.— Князю ответите!

— Это Рунольту, что ли? — усмехнулся Духарев.— Ну ты меня развеселил!

— Игорю киевскому! — агрессивно прохрипел угр.— Я — его ближник, понятно?

— Шавка ты, а не ближник! — фыркнул Духарев.— У князя киевского большие бояре в ближниках, а не глупый черниговский гридень. Но такого, как ты, даже князевы бояре в службу не возьмут. Кому ты нужен, дурачина!

— А вот нужен, раз взяли! — возмущенно заявил Бердяк.

— Ладно тебе брехать,— лениво, с издевкой протянул Серега.

— Я правду говорю!

— Ну-ну. И как же зовут твоего боярина? Холоп при княжьей конюшне?

— Про Скарпи слыхал? — купился на подначку Бердяк.

Духарев поглядел на Устаха.

— Верно,— подтвердил тот.— Есть такой. Великого князя ближний боярин.

— Значит, ты, угр, за Рунольтом для Скарпи доглядываешь? — строго спросил Духарев.

Бердяк сообразил, что сболтнул лишнее, и прикусил язык.

Но это молчание как раз и подтверждало, что угр упомянул киевского боярина не ради красного словца.

— Значит, Скарпи,— Духарев кольнул угра ножом. Тот дернулся, но сопротивляться не рискнул.

— Так что, Бердяк,— повторил Серега первый вопрос.— Ты убил девку?

— Ну я,— буркнул угр.

В сравнении с первым признанием смерть девки казалась ему незначительной.

— А почему?

— Надо было.

— Бывает, бывает,— кивнул Серега.— Это я понимаю. Девки, они такие. Сболтнет чего — беды не оберешься. Эта небось, тоже язык распустила? — поинтересовался Духарев сочувственно.

— Сболтнула, дура, что ты ее с собой заберешь,— проворчал угр.

— А убивать зачем? — с деланным недоумением поинтересовался Духарев.— Продать — и все дела. Не сообразил?

— Я и говорил — продать! — запальчиво заявил Бердяк.— А Фарланд: убить — и край!

Фарландом звали второго свея. Если считать первым того, кого вздул Духарев.

— Значит, Фарланд...— спокойно произнес Духарев.— Фарланд приказал — ты убил. Выходит, Фарланд теперь старший? Или старший — Свейни?

Бердяк сообразил, что опять сболтнул лишнего. И сейчас морщил лоб, пытаясь угадать, что еще знает страшный варяг.

— Ну давай, не запинайся,— подбодрил его Серега.— Что, Фарланд у вас теперь старший?

Бердяк забегал глазами, завозился, поискал справа... наивный. Меч его уже давно отдыхал в дальнем углу светелки.

— Резать его! — Устах навис над Бердяком. Концы отсиненных усов едва не кололи глаза упрямого угра.

— Не посмеете! — Бердяк упорно отказывался верить в серьезность намерений варягов.

Пришлось кое-что ему растолковать.

— Нас тут нет,— сказал Духарев.— Я нынче лежу в постели, слабый и болящий. И друг мой тоже лежит в постели. И девка ему бок греет. Нет нас тут. И не было. А что горло у тебя перерезано, так сам ты его и перерезал. Нож твой? Твой. В чьей руке его найдут? В твоей. А почему зарезался? Да кто тебя знает. Может, по Бьярни печалился? Может, по девке, которую пришиб?

— Ах ты...— Угр попытался приподняться, но лезвие приникло к кадыку, и угр сник. Перехватить Серегину руку он даже не пытался. Соображал он туго, однако скумекал, что от варяговой руки до его горла ближе, чем угровой лапе — до Серегиного запястья.

Лежал Бердяк-угр, переваривал сказанное.

«Да, братила,— посочувствовал ему Духарев,— супротив детективных хитростей выходца из двадцатого века простодушный подход века десятого не катит».

— Если хочешь жить — выход у тебя один,— заметил Серега.— Рассказать нам все, что знаешь.

Тут Бердяк решил поупрямиться. Или сообразил, что нежелательных свидетелей не оставляют в живых.

— Да иди ты к лешему!

Серега увидел, как глаза угра медленно заволакивает ярость.

Еще миг — и он рванется навстречу смерти.

Буц! Набитый песком мешок опустился на голову Бердяка, и угр отключился.

Получить добровольное признание Духарев особо и не рассчитывал. Угр и так наболтал больше, чем ожидалось. Серега поглядел на Устаха — Устах был доволен!

— Упертые — они молчуны! — сказал специалист по жестким методам допроса.— А этот, вишь, разговорчивый! Обратаем!

И принялся за дело.

Очнулся Бердяк уже плотно упакованным: одна голова ворочалась. Попытался заорать — оказалось: никак. Трудно кричать, когда во рту шерстяная рукавица.

— Он твой, Устах,— сказал Духарев.— Только шкуру ему не порти.— И отвернулся к окну.

За Серегиной спиной слышались стоны, мычание, что-то хрустело, скрипела кровать...

Длилось это не очень долго. Устах оказался прав: угр сломался быстро. Когда варяг окликнул Духарева, грозного княжьего гридня Бердяка уже не было. Был захлебывающийся слюной, плавающий в холодном поту мужик, готовый выложить все, чтобы избегнуть боли.

В который уже раз, поглядев на подобное зрелище, Духарев подумал: «А я? Выдержал бы?»

Определенный ответ можно было бы получить только одним способом. Но что-то не хотелось.

Кляп выдернули, и угр «запел».

Инициатором идеи оказался тот самый киевский боярин Скарпи. Черниговские земли были выбраны потому, что здесь у Скарпи был надежный человек, Бьярни, который, пользуясь поддержкой Киева, вертел Рунольтом как хотел. Разбойничья шайка была собрана тоже не из черного люда, а исключительно из опытных воинов. Не славян. Командовал грабителями самый настоящий десятник-нурман. Было ли имя Свейни его настоящим именем, угр не ведал. Дюжина воинов-профи, да еще при попустительстве дружины, творила в княжестве все, что хотела. Сопротивлявшихся огнищан и смердов приканчивали. Жалобщиков к князю — убивали с показательной жестокостью. Вряд ли кому удалось бы добраться до Киева, но и там у разбойников было качественное прикрытие: боярин Скарпи. Этот же Скарпи наладил контакты со Степью. Он же подыскал подходящих для дела купцов. Так что сам князь Игорь, скорее всего, понятия не имел об этом «доходном предприятии». А «предприятие» и впрямь выходило очень доходным. За одну только пригожую девку степняки платили гривны три-четыре. Впрочем, одними черниговскими землями разбойники не ограничивались: совершали рейды и в другие области. Тут к ним присоединялись и доверенные черниговские гридни. Творить беспредел над перепуганными смердами было легко и весело. И денежно. Лишь один раз, когда наезжали на радимичей, сели им на хвост дружинники смоленского посадника. Но и тут вывернулись. Часть ушла, а часть назвались воинами черниговского князя, преследующими тех

самых разбойников. Смоляне поверили. Стали ловить вместе. Ясно, не поймали.

Кляп опять вернулся на место. Устах выволок из-под кровати небольшой сундучок с хитрым ромейским замком. Ключ от замка, на солидной золотой цепи, был еще раньше обнаружен на шее Бердяка.

Ага! Серебришко-золотишко!

Серега зачерпнул пару горстей: себе и Устаху. Остальное не тронул. Косить под грабителей ему не казалось удачным.

Угр зажевал кляп: желал что-то поведать.

— Все забирайте! Я молчать буду! — пообещал он.

Но глазенки так и бегали. Понятно, жить хочется. Как всем. Как тем смердам, которых разбойнички порешили, чтоб не мешали дочек отбирать.

Оба варяга поняли друг друга без слов.

Духарев впихнул большие пальцы под горло угра, пережимая артерии. Пара минут — и клиент обмяк. Вырубился.

Устах тем временем выпутал левую руку угра, взял принадлежащий Бердяку нож и аккуратно, вдоль, вспорол вену.

Вот и все.

Устах чистым кусочком простыни стер подсохшую кровь, вытекшую из проколотого уха покойника. Больше никаких следов насилия на теле угра не имелось. Пара царапин на горле — не в счет.

Довершая картину, Духарев высыпал содержимое сундучка на пол. Пусть первый, кто войдет, сначала денежки увидит. Учитывая, каковы здешние дружинники, куча драгметаллов должна произвести на них куда большее впечатление, чем труп кореша. Тем более что это уже не первое «самоубийство» в Детинце. Был прецедент.

— До Скарпи нам не дотянуться? — спросил Духарев, когда они уже улеглись, чтобы урвать хоть полночи сна.

— До Скарпи даже Свенельду не дотянуться,— отозвался Устах.

Ему, как старшему годами, досталось полноценное ложе. Серега удовольствовался медвежьей шкурой на полу. К себе он не пошел. Вместе — безопасней.

— Значит, сделаем что можем,— философски заметил Духарев.

И они сделали.

* * *

На следующий день, не дожидаясь неизбежного после обнаружения «самоубийцы» переполоха, друзья тихонько упаковались, оседлали лошадок и покинули гостеприимный городок Чернигов. Отроки при воротах препятствий им не чинили, напротив, пожелали, чтоб дорога — скатертью.

Тем не менее далеко по дороге варяги не уехали. Пристроили лошадей в распадке, а сами вернулись и спрятались в сарайчике неподалеку от западных ворот. Никто их не потревожил, кроме блох. А часика эдак через два из ворот рысцой выехал славный гридень черниговский Фарланд и попылил через огороды к дальнему лесу.

Друзья быстренько сбегали за лошадьми и сели славному гридню на хвост.

Выследить свея оказалось делом нехитрым, поскольку тот чесал по лесной тропе прямо к цели, не заморочиваясь такой мелочью, как запутывание следов.

Повихляв километров десять по молодому лесу, тропа вывела варягов на крутой речной бережок.

Здесь, на живописной круче над Десной, стояла крепкая изба с конюшней и невысоким заборчиком. На лугу паслись стреноженные лошади, в одной из которых легко опознавалась Фарландова.

Здесь же, на лугу, играли в догонялки две кренделехвостые собачонки. Еще одна шавка дрыхла под забором.

Кому принадлежала избушка, можно было догадаться без особых умственных усилий.

Разбойничьи лаечки не выглядели бдительными сторожами, тем не менее варяги не поленились обогнуть усадьбу, зайти с подветренной стороны и залечь на бугорке, в зарослях малины.

Через часок из дому в голом виде вывалили двое его обитателей и отправились купать лошадей. Место было удобное: сверху к реке сползал желтый песчаный язык. Тут же лежали кверху днищами две узкие лодки.

Все три шавки увязались за людьми, но подобраться поближе варяги не рискнули. Впрочем, информацию о численности противника они получили, когда обитатели избы вместе с черниговским гостем выбрались во двор пообедать.

Разбойников оказалось четверо.

Смоленского десятника Свейни среди них не было.

Узнав, что требовалось, друзья со всей осторожностью покинули наблюдательный пункт, отъехали километра на три и затаились у тропы.

Духарев был уверен, что возвращаться Фарланд будет тем же путем.

В ожидании «клиента» варяги перекусили пирогом с печенкой, запивая его родниковой водичкой. Затем Духарев отправился вздремнуть, а Устах встал на стражу.

Они успели дважды поменяться, прежде чем, уже на закате, появился Фарланд. Беспечный свей рысил, как через свой собственный двор: кольчуга в сумке, голова не покрыта.

Духарев неторопливо выехал из чащи, остановился.

Фарланд сразу все понял, цапнул рукоять меча...

Но над его головой уже парил печенежский аркан.

— Пошел!

Конь Устаха рванул в галоп, и свей бескрылой птичкой-пингвином вылетел из седла.

Духарев перехватил его лошадь.

Устах проскакал мимо, волоча за собой цеплявшегося за аркан свея. Топот копыт удалился и снова приблизился: варяг вернулся. Когда он остановился около Сереги, гридень Фарланд уже не пытался уцепиться за стянувший горло волосяной аркан. Потому что был мертв.

Устах аккуратно свернул аркан и приторочил к седлу. Вдвоем с Духаревым они подняли покойничка и заправили его ногу в стремя. Длинное стремя, не укороченное, как у варягов и степняков.

Духарев хлестнул лошадь по крупу, и животное, кося испуганным глазом, припустило домой. Труп волочился по земле, отсчитывая мертвой головой все корешки и камешки.

— Ну? — спросил Устах.

— Хочешь сказать: их всего четверо?

— Ну!

— Ну так поехали! — ухмыльнулся Серега.

— Возможности две,— рассуждал Духарев, покачиваясь в седле.— Ударить с ходу или подкрасться незаметно.

— Собачки,— напомнил Устах, ехавший сзади.

— А если чесноком натереться? Или барсучьим жиром?

— Ты сначала барсука схить,— посоветовал друг.

— Да, понятно. Значит, с ходу? А если запрутся?

— Пошумим — выбегут!

— Да, скорее всего. Наглые.

— А кого им бояться? Смердов, что ли? Это же не наши кривичи-охотники. Здесь народ тихий.

— Тоже верно. Значит, решено? С ходу.

— Не с ходу, а сначала оглядеться надо,— возразил Устах.— Давай прибавим, а то стемнеет.

Из открытого продуха [1] курился дымок. Кушать готовили господа разбойнички.

По этому поводу все три пустолайки, вместо того чтобы, как положено, охранять территорию, вертелись у крыльца.

Дверь открылась. Появился мужик с двумя кожаными ведрами. Безоружный, только нож на поясе.

Одна из собачек увязалась за ним, остальные попытались проникнуть внутрь, но были с позором изгнаны.

— Берем? — спросил Серега.

— Угу. Когда возвращаться будет.

Показался разбойник с полными ведрами. Взобрался по песчаному языку, перехватил ведра в одну руку, пописал сверху, попутно наслаждаясь закатом. Закат и впрямь был красивый. Для некоторых — последний...

Шавки с брехом кинулись к всадникам — и порскнули в стороны, подальше от лошадиных копыт.

Любитель заката уронил ведра, заорал истошным голосом. Одной рукой придержал портки, другой выхватил нож. Герой! Лучше бы в речку прыгнул. Пронесшийся мимо Устах выбросил руку с мечом — и «герой» полетел с откоса.

Духарев махнул через забор и лихо, прямо с седла сиганул на крыльцо. Почти месяц этот приемчик осваивал. Освоил. Но сейчас едва не грохнулся — из-под ноги с визгом метнулась собачонка.

В доме царила идиллия. Один разбойничек лежал на лавке и считал мух, второй, «вооруженный» большой деревянной

[1] Продух — часть крыши над очагом в избе, которую топят по-черному. В теплую погоду сдвигается, чтобы дым уходил вверх, а не стелился по потолку.

ложкой, кухарничал. Третий топориком рубил дровишки. Появление Духарева восторгов не вызвало: топорик немедленно полетел ему в лоб. Серега пригнулся, чтобы не мешать красивому полету.

В укоризну разбойничкам следует отметить, что они не стали спрашивать гостя, кто да откуда, а, похватав что подвернулось, невежливо, скопом кинулись на него. Решили, видно, что раз нежданный гость один-одинешенек...

Последнее, впрочем, для них не имело ровно никакого значения. Когда, минутой позже, в избу ворвался Устах, веселье уже закончилось. Варягу осталось только хмыкнуть и вытереть подвернувшимся рушником меч.

Трупы погрузили в лодку и отправили вниз по реке.

Поужинали разбойничьей похлебкой. Собачек тоже не обидели. Лаечка — не боевой пес. Кто ее кормит — того и любит.

Плохо было одно: в запале всех разбойников побили насмерть. А лучше было б хоть одного живьем взять. Да поинтересоваться, когда вернутся его дружки.

* * *

В избе они прожили ёще три дня. Два — как на курорте: никто не беспокоит, погода отличная, третий — хуже. Во-первых, зарядил дождь, во-вторых, из Чернигова заявился гость. Тот самый свей, которого Серега на пиру маленько попинал.

Приехал болезный, ну прям как к себе домой. Примотал поводья к столбу и ввалился в избу без стука.

Ну и удивился же он, увидав новых квартирантов! Целую минуту стоял, сопли жевал да рот открывал-закрывал, как первогодок, пойманный за дрочкой на устав караульной службы.

Варяги дали ему возможность наудивляться сполна, но когда свей сделал попытку удрать, попытку эту безжалостно пресекли.

Далее имела место небольшая приватная беседа, в результате которой была получена следующая информация: в черниго-

вском Детинце маленько обеспокоены. Сам князь Рунольт пробудился от многолетней дремы и лично опросил каждого из своих дружинников: что же такое происходит? Сначала тур приканчивает Бьярни. Потом ни с того ни с сего режет вены Бердяк. И в довершение лошадь приволакивает Фарланда с разбитой башкой. Ну, допустим, тур есть тур. С ним шутки плохи. Ну, допустим, угр всегда был с придурью, а Фарланд — неважным наездником. Каждая смерть в отдельности не вызывала подозрений. Но три подряд!

Не выяснив ничего путного у дружины, Рунольт послал за жрецами: может, кто из богов на братву обиделся? Оказалось, да. Обиделись. Причем все сразу. И все с трогательным единодушием желают внеплановых подарков.

Рунольт, лентяй, но отнюдь не дурак, от такой жадности озверел, жрецов выгнал взашей. Вспомнив, что сам — верховный жрец, собственноручно зарезал трех стареньких рабов у Перунова идола. Засим разослал дружинников искать по лесам настоящего ведуна. Вот в рамках этих поисков и решил свей наведаться в разбойничью избушку. И выяснить, что дальше делать? А то он, несмотря на присягу, хоть сейчас готов разобраться с этим жирным варягом Рунольтом! Вот ведь жадюга: воспользовался княжьим правом и присвоил себе имущество всех троих погибших. А это ж такая прорва денег! Рази ж какой-то Рунольт имеет больше прав на наследство, чем старый кореш и подельник усопших?

Варяги ему пособолезновали. Устах даже настолько расчувствовался, что оставил бедняге второе ухо. Только вот беда, вошканье князя черниговского их совсем не интересовало, а ничего путного по поводу своих пока еще живых корешей, отсутствующих разбойников, свей сообщить как раз и не смог. Грабить уехали, это понятно. А когда вернутся — только они сами и ведают.

Смертельно обиженного свея Устах «подарил» Перуну. С просьбой поспособствовать им, а не черниговским безобразникам. Варяг полагал, что даже один сочный, пусть даже непутевый гридень на весах перетянет трех чахлых холопов, прирезанных Рунольтом. Серега не возражал. Не видел оснований препятствовать другу в отправлении религиозных «надобностей», тем более что свея так и так следовало прикончить.

Внял ли Перун его просьбе или нет, сказать трудно. Но в полдень следующего дня прикормленные собачки залились лаем, встречая появившихся на опушке всадников.

Разбойников было семеро, и возвращались они не порожняком. За последним, на веревочке, тянулись гуськом пленницы. Вид у них был унылый.

Зато сами разбойнички выглядели отлично. Морды румяные, кони сытые, доспех так и горит на солнце.

Передовые уверенно въехали во двор.

— Эй! —гаркнул один, вскинув руку.— Что не встречаете?

Ответ последовал немедленно. В форме тяжелой бронебойной стрелы, пробившей кольчужную сетку у него под мышкой.

К сожалению, второй, Серегин, выстрел был не столь удачен. Стрела лишь оцарапала панцырь [1].

Разбойники моментально посыпались с коней и присели по ту сторону забора. Связанные пленницы от рывка попадали на землю и заголосили.

— Пепел...— пробормотал Серега, опуская лук.

— Ты чего? — изумился Устах.

— Там Пепел!

— Вот те раз! — удивился друг.— И верно, Пепел!

Несколько лошадей, оказавшихся внутри ограды, метались по двору, а серый боевой конек Духарева, потерянный четыре месяца назад у днепровских порогов, спокойно стоял в проеме ворот и даже ухом не вел.

В окно влетела стрела и с хрустом ударила в противоположную стену. Разбойнички опомнились. Но мечущиеся лошади мешали им стрелять точно так же, впрочем, как и варягам.

— Облачайся,— сказал Духарев.— От перестрелки толку не будет.

Но еще одну стрелу выпустил. Чтобы ребятишки не думали, что в доме спят.

Устах надел доспехи и занял место у другого окна. Но не стрелял.

Лошади подуспокоились. Стало слышно, как рыдают пленницы.

---

[1] Здесь и далее слово «панцырь» — в традиционной орфографии.

Разбойники не спешили атаковать. Засели за забором, переговаривались негромко.

— Что-то скучно,— заметил Духарев.

— Скучно,— согласился Устах.

— Пойдем, что ли, разомнемся?

— Можно,— синеусый варяг отложил лук, поднял удлиненный щит, бычьей кожи, с красивыми бронзовыми заклепками.

Вдвоем они появились в дверях.

Единственная стрела ударила в щит Духарева и застряла в нем, мелко вибрируя.

— Ну что, биться будем или по кустам сидеть? — зычно выкрикнул Устах.

Плечо к плечу они спустились с крыльца. Щиты держали низко, оберегая ноги.

Разбойники, впрочем, стрелять не стали.

— Это что ж, вы сам-двое? — осведомились из-за забора.

— А ты что же, до двух считать не умеешь? — весело спросил Духарев.

Шестеро разбойников, как по команде, вынырнули из-за ограды и гурьбой устремились к варягам мимо Пепла, по-прежнему стоявшего в воротах с независимым видом.

Опередивший других разбойник вскинул щит, намереваясь врезаться с разбега, но варяги расступились. Бегун пролетел между ними и споткнулся об Устахов клинок. Все, отбегался.

Щиты вновь сомкнулись. Духарев и Устах одновременно шагнули вперед. Сергей сильным ударом отшиб в сторону щит второго разбойника и уколол его в бедро. Разбойник отшатнулся, налетев на того, кто бежал сзади, потерял равновесие... Устах, с широкого замаха, хлестнул мечом. Брызнули пластинки панцыря, разбойника отнесло в сторону. Третий безобразник широко открыл рот. Может, голосом пугнуть решил? Только вместо крика изо рта выплеснулась кровь. Варяжский клинок прорвал броню и крепко попортил парню легкие. Серега повернул меч и рывком выдернул из раны, одновременно выбрасывая щит навстречу чужому топору. Не очень удачно. Тяжелый топор просек край Серегиного щита. Хорошо, только край.

— Здорово, Свейни! — крикнул Духарев, отвечая проворному нурману косым ударом понизу.

Бывший десятник смоленский ушел прыжком. В новой атаке на Духарева навалились уже двое.

Ловкий нурман махнул топором, но применил хитрость: зацепил Серегин щит выемкой секиры и изо всех сил рванул на себя. Таким маневром он рассчитывал сбить варяга с ног или хотя бы «распечатать», подставив под удар напарника.

Только Серега в ловушку не попался. Щит легко соскользнул с его руки. Не рассчитывавший на такую легкость Свейни едва не грохнулся на спину, а второй разбойник, уже замахнувшийся во всю ширь, домахнуть не успел. Духарев с двух рук полоснул его по животу. Кольчуга лопнула под булатным клинком, и разбойник с воем повалился на траву. Духарев перепрыгнул через него и обрушился на Свейни. Тот прикрылся щитом. Противники закружили, выжидая удачного момента. Первым его углядел Духарев. Он взмахнул мечом, а когда нурман поднял щит, Духарев подпрыгнул, оттолкнулся ногой от нурманова щита... и в два прыжка оказался там, где Устах отчаянно отбивался сразу от троих. Взмах — и еще одна лихая голова спрыгнула с плеч. Взмах — и разбойник, уже отпробовавший сегодня варяжского меча, забился на земле, орошая ее кровью, хлещущей из обрубка ноги.

Духарев уловил за спиной топот и резко отпрыгнул в сторону. Свейни проскочил мимо. Серега ударил его вдогон, по спине, но броня у нурмана была хороша. Не поддалась, только звон пошел.

Однако мало вожаку разбойничков не показалось. Когда нурман развернулся навстречу Сереге, рот его кривился: больно все-таки! Соболезнований от варяга он не дождался. Клинок Духарева запорхал в воздухе, заставив нурмана проявить все свои способности, чтобы немедленно не отправиться в Валхаллу. А поскольку орудовать мечом легче, чем боевым топором и щитом одновременно, то через пару минут нурман уже дышал, как больная лошадь.

Любому воину хорошо известно, что выносливость нередко побеждает мастерство.

Сообразив, что его берут измором, Свейни швырнул щит в ноги Духарева и нанес варягу такой удар топором, отразить который невозможно.

Зато от него можно было уклониться, что Серега и сделал.

А Устах тем временем прикончил своего последнего противника, и вот уже они опять стоят вдвоем против бывшего десятника. Как когда-то на рыночной площади города Смоленска.

Только тут не было стражи, которая могла прийти на помощь нурману. И пощада ему тоже не светила. Да он ее и не просил. Бился яростно и умер не с проклятьем, а с именем Одина на кровавых губах.

Пока Устах милосердно добивал раненых, Серега обнимался с Пеплом. Жеребец, вспомнивший хозяина, тоже радовался. И намекал, что не худо бы отметить встречу чем-нибудь вкусненьким.

Девятерых девчонок, оказавшихся сиверянками, варяги распутали, накормили, успокоили как могли.

Любивший прихвастнуть Духарев порывался самолично отвести их в Чернигов, но Устах воспротивился. Он считал, что афишировать свое участие в этом деле — глупость. Иметь в личных врагах ближнего боярина киевского князя — сомнительное удовольствие для двух простых варягов. Свенельд и Роговолт должны быть в курсе происшедшего. А больше никто.

Тем не менее бросить похищенных девочек, самой старшей из которых едва минуло пятнадцать, Сереге просто совесть не позволила. И предложение Устаха отвезти их в Любеч и там продать оптом какому-нибудь доверенному купцу Духарев тоже отверг. Временами им овладевал гуманизм, совершенно не свойственный здешним порядкам и традициям.

Устах в конце концов махнул рукой: делай что хочешь! И Серега отвел девчонок в ближайшую деревеньку. Отыскал старосту, сунул горсть серебра и, ничего не объясняя, велел доставить девочек домой. Доставит, куда денется. А вот если кто попросит старосту описать Духарева, вряд ли узнает что-нибудь путное. Для этих затюканных южных смердов все нурманы-варяги — на одно лицо.

А доспехи разбойничьи они, уже в Полоцке, продали Горазду. Неплохие бабки выручили.

* * *

И у Сергея, и у Устаха было достаточно мозгов, чтобы не хвастать о том, как они ловко управились с черниговскими разбойниками. По приезде в Полоцк доложили о событиях Роговолту, но того больше волновали погибшие в Степи собственные дружинники, чем какие-то черниговские тати. А Свенельду вообще пришлось ждать полгода, чтобы узнать «из первых рук» о происшедшем в соседнем княжестве.

Духарев и Устах приплыли к нему в Родню и были тотчас вызваны к воеводе.

Отчитались. Реакция Свенельда оказалась весьма неожиданной.

— Гром Перуна! — воскликнул победитель уличей, когда Духарев закончил.— Я не пущу тебя в Степь!

— Это почему же? — ощетинился Духарев.

Устах помалкивал. Перечить грозному воеводе, даже не выяснив его мотивов, Серегин друг считал неразумным.

— Потому что нечего тебе попусту гонять по степи. Ты мне и здесь пригодишься.

— Как это попусту? — возмутился Сергей.

— Может, князь уличский полагает, что ты не так хорош в степной войне, как, например, я? — с усмешкой предположил Устах.

Духарев фыркнул. Устах сумел достаточно деликатно обратить Серегино внимание на то, что воевода собирается «не пустить в Степь» не их двоих, а одного Сергея.

— Я полагаю, что твой друг *слишком хорош* для степной войны,— заявил воевода.— У меня довольно умелых на руку гридней. И не так много тех, кто так же ловко использует и ум, десятник Устах! — Он повернулся к Духареву.— Ты, Серегей, мыслишь не так, как я. И не так, как мои бояре. Но ты попадаешь в цель, и вижу я: будет от тебя немалая польза.

И прежде, чем Духарев успел переварить услышанное, воевода спросил напрямик:

— Будешь служить мне?

Серега ответил не сразу. Переход дружинника от одного батьки к другому не был редким явлением. Но обычно на то

была серьезная причина. Беготня из дружины в дружину здешней воинской кастой не поощрялась.

— Я уже присягнул Роговолту,— напомнил Духарев.

— Я попрошу за тебя. Он мне не откажет! — заявил Свенельд.

— В Полоцке — мой дом...

— Продай! — тут же отреагировал воевода.— Я двор подарю тебе в Киеве.

Вот это было уже серьезное предложение. Слада примет любое решение мужа, но тут Серега даже не сомневался в полном одобрении жены. Ха! В Полоцке и трех дюжин христиан не наберется. И если исключить Серегу и его семью, всё люди мелкие. А в Киеве — храм! В Киеве крепкая община, где не только челядь, нищие да пришлые, а немало и богатых, что с ромеями торгуют, есть и дружинники, и люди уважаемые. Там такой беды не выйдет, как год назад в Витебске, когда они сына крестить ездили. И если с Серегой что случится, Сладу обидеть не дадут за то лишь, что христианка.

С другой стороны, в Полоцке ее и так не позволят обидеть: хоть христианка, хоть нет. В Полоцке они — уже свои. Там все — под князем, и если князю люб — значит, и всем полочанам. А Киев... Тут постоянные разборки. Как в вольном Новгороде. Но ильменьские повздорят — дубинками помашут, пару голов разобьют — и опять «мир, дружба, жвачка»! А в Киеве, блин... Нурманов — полон Детинец. Каждый норовит в три горла жрать. А князь — еще почище нурманов. Да еще Скарпи этот...

— Думаю, что в Киеве многие меня не очень любят,— сказал Сергей.

— Меня тоже,— мгновенно парировал Свенельд.— Многие, но не все. Скажу тебе, варяг: в твоем Полоцке мне было бы скучно. Что там у вас происходит? Да ничего! Раз в год с плесковичами схлестнетесь или жмудь дикая нагрянет! Вот и все события. А здесь — весь мир многоязыкий рядом. Здесь сильному любо, варяг! Покажешь себя — через год сотником станешь!

Но Сергей еще колебался. Нет, он отлично понимал, что Свенельд прав. Нынче здесь, на юге, закладывалась основа будущего государства. Воевода об этом только догадывался, но Духарев-то знал *точно*!

И все-таки он колебался. Может быть, он был еще не готов...

— Всё! Я слово сказал! — объявил Свенельд.— Идешь ко мне в дружину?

Серега поглядел на Устаха — друг отвернулся. Правильно, это должно быть его собственное решение. «Если ум молчит — прислушайся к голосу сердца». Ум-то как раз говорил «да». А сердце...

— Можно, я подумаю? — попросил Сергей.

— Сколько? — мрачно спросил воевода. Он сделал предложение, на которое даже полный дурак должен ответить «да». А этот полоцкий умник говорит: «Я подумаю».

— До...— Серега запнулся... Затем сказал твердо: — До осени. А пока я бы хотел вместе с ним,— кивок в сторону Устаха,— в Степь.

Свенельд поморщился.

Сереге показалось: сейчас воевода пошлет его к нехорошей матери.

Не послал.

— Добро,— сказал он.— В Дикое Поле. Десятником. До осени. Если живой будешь.

Но прежде Дикого Поля Серега, вместе со Свенельдом, все-таки сплавал в Киев.

* * *

За год стольный град на днепровских кручах еще более разросся, расползся вширь от белых городских стен. Лодок и лодий у берега было множество, места у пристаней не нашлось, и Свенельдову кормчему пришлось вытолкнуть лодью прямо на белый песок, между рыбачьими посудинами. А приди они на пару недель раньше, до того как ушел вниз по Днепру княжий караван и присоединившиеся к нему торговые гости, и этого малого места не отыскалось бы.

Оповещенные загодя воеводины люди встретили лодью. Дружине подали коней. Духареву коня не досталось. Но о нем тоже не забыли. Свенельдов челядник, шустрый малый, отвел Серегу на один из воеводиных дворов, распорядился насчет завтрака и пожелал приятного отдыха.

Долго отдыхать Сереге не пришлось. Прискакал посыл от Свенельда.

Воевода желал видеть полоцкого варяга Серегея. Немедленно.

Для Духарева оседлали кобылку, и он, вслед за посыльным, отправился наверх, на Гору.

У крепких ворот ощетинились копьями дружинники в полной броне.

— К воеводе,— небрежно бросил посыл, и копья опустились.

— Это чьи? — вполголоса спросил Духарев.— Княжьи?

— Княгинины,— ответил посыльный.

У крыльца тоже стояла стража. Но эти, видно, были уже предупреждены и сразу расступились.

Посыльный сам проводил Духарева наверх.

У этих дверей стояли отроки Свенельда. Серегу они знали.

— Заходи,— сказали ему.— Тебя ждут.

Великой княгине Ольге давно минуло сорок, но ее все еще можно было назвать красивой. Но точнее было бы назвать величественной. А взгляд у нее был — как прикосновение холодной стали.

Ходили слухи, будто она — побочная дочь славного Олега. Не то с чего бы тот повенчал со своим преемником никому не известную девчонку из Плескова? Ну да, потом из сопливой малолетки выросла настоящая красавица, но мог ли об этом догадываться старый князь? Хотя, может, и мог. Не зря же варяги и славяне звали князя Вещим, а нурманы, по созвучию,— Хельги, Святым. Что, собственно, тоже означало — Вещий.

На столе перед великой княгиней киевской стояла золотая ваза с фруктами — виноградом и персиками. Серега знал, что фрукты тут — редкость. Дорогая редкость. Персиков он здесь вообще никогда не видел.

— Здравствуй, варяг.

Киевские князья, и Олег, и Игорь, держали для охотничьей забавы пятнистых пардусов: длинноногих гепардов и мускулистых тяжелых леопардов с широкими когтистыми лапами.

Голос у княгини — как прикосновение такой лапы: веский, низкий, мягкий... Но чувствовалось, что втянутые когти могут в любой момент...

— Здравствуй, княгиня!

Сергей поклонился. Ниже, чем обычно.

Но шлема не снял.

Честно говоря, он просто не знал, каковы правила общения с великими княгинями.

Ольга разглядывала его с интересом. Но в этом интересе не было ничего личного. И ничего женского. Так смотрят на меч. Прицениваясь.

Пауза затянулась. Молчание нарушил Свенельд.

— Расскажи княгине, варяг, что вы с другом сотворили в Чернигове! — пробасил воевода.— И не торопись. Время у нас есть.

Духарев в третий раз изложил события прошлой осени. Но на этот раз воевода не единожды перебивал его, уточняя некоторые детали и заостряя внимание на собственной логике Сергея. Духарев сообразил, что воевода хочет не только ознакомить княгиню с черниговской историей, но и продемонстрировать ей самого Сергея. Серега был не против. Эти двое были действительно сильными мира сего. От них исходил столь мощный запах Власти, что даже такой сильный князь, как Роговолт, превращался рядом с ними в фигуру второго ранга. Стоило немного постараться, чтобы понравиться таким персонам.

Духарев закончил.

— Угощайся,— княгиня указала на вазу.

Серега взял персик, надкусил. Персик оказался так себе. Недозрелый.

Ольга внимательно наблюдала за ним.

— Ты уже пробовал эти плоды? — спросила она.

— Да,— сказал Духарев.

— Где?

— Э-э-э... Далеко отсюда.

Лишь одному человеку в этом мире было известно, откуда явился Сергей. Наставнику Рёреху. И посвящать еще кого-то в свою личную историю Духарев не собирался. Не потому, что боялся — не поверят. Здешние как раз поверят, никаких проблем. Но зачем лишний раз объявлять, что ты — чужой? Серега — варяг. По варяжскому закону воин, вступивший в воен-

ное братство, как бы рождается заново. Он может сохранить свое прошлое, а может и «забыть» его. И в этом случае выспрашивать варяга о том, кем он был раньше, считается нетактичным. «Закон признаешь? Перуна уважаешь? В сече крепок?» Остальное — твое личное дело.

Прирожденный варяг Свенельд это правило знал. Дочь варяга и жена варяга княгиня Ольга — тоже. Конечно, ей было любопытно, но развивать тему она не стала. Вместо этого сделала неожиданный вывод:

— Хочешь своего Скарпи заиметь, воевода?

Услышав имя «Скарпи», Серега нахмурился... А Свенельд ухмыльнулся.

— Хочу,— признал он.— Ты поняла.

— У твоего гридня не нурманская хитрость,— заметила княгиня.— Он мыслит как ромей.

— Ты так полагаешь? — Воевода с сомнением поглядел на Серегу.

Ольга поглядела на персиковую косточку и не удержалась, спросила:

— Ты служил ромеям, *варяг* Серегей?

— Нет! — твердо ответил Духарев.

— Бою его варяг учил, это точно! — добавил Свенельд.— Ты все еще считаешь, что великому князю незачем знать о воровстве своего боярина?

— Мой муж не отдаст Скарпи,— ответила Ольга.— Скарпи ему нужен.

— Чтобы противостоять тебе?

— И тебе.

— Но закон, Правда нарушена?

— Ну и что? — Княгиня полюбовалась изумрудом на одном из своих перстней.— Мой муж и так знает, что Скарпи — нурман. И закон нурмана: «Бери все, до чего можешь дотянуться»,— он тоже знает. Ничего нового ты ему не расскажешь.

— Значит, великий князь нам поверит!

— Ну конечно! Только одно дело — поверить, а совсем другое — признать это прилюдно. Прилюдно он скажет, что твой варяг лжет.— Она уронила руку на колено.— А что ты сможешь сказать ему, варяг?

— Я скажу: пусть боги рассудят, кто прав! — тотчас ответил Духарев.

Княгиня вновь перевела взгляд на Свенельда.

— Твой варяг настолько хорош? — спросила она.

— Не уверен,— с сомнением ответил воевода.

— Я надеюсь, ты не думаешь, что богов *действительно* беспокоит такая мелочь, как ваш спор? — вновь обратив взгляд на Духарева, осведомилась Ольга.

— Нет, я так не думаю,— мрачно сказал Духарев.

— Скарпи — отличный боец,— заметила княгиня.— И он — ближний боярин князя. Ты ему не ровня.

— По Правде он должен ответить,— возразил Сергей.

— Это верно,— подтвердил воевода.— Может, рискнуть?

— Не стоит. Я знаю своего мужа. Если он сочтет, что его боярину не победить, он не разрешит тому биться. По Правде Скарпи не обязан биться сам. Он может выставить бойца. И, учитывая важность решения, я даже знаю, кто будет этим бойцом.

— Кто?

— Асмуд. Я же сказала, что знаю своего мужа.

— А-а-а... Тогда нет смысла.

Духарев вопросительно поглядел на воеводу. Для него «Асмуд» было всего лишь именем.

Но великие не снизошли до объяснений.

— Значит, забудем,— резюмировал Свенельд.

— Да,— кивнула княгиня. И, обращаясь к Духареву: — Ты мне понравился, варяг. Но ты слишком высоко себя ставишь для того, чье время брить голову еще не пришло [1].

— Оно придет,— сказал Свенельд.— Если его не найдет печенежья стрела этим летом.

Княгиня тонко улыбнулась.

— Мнится мне, что печенежья стрела — не единственное, что ему угрожает. Ты ступай, варяг. Пусть Перун сделает твой меч непобедимым — и мы еще увидимся!

Серега поклонился низко, а когда разогнулся, Свенельд и Ольга уже о нем забыли. Они глядели друг на друга, и глядели так, что Серега понял то, о чем лучше не говорить вслух, чтобы не накликать большую беду.

Поэтому он тихонько вышел из светлицы и тихонько закрыл за собой дверь.

---

[1] Бритая голова с оставленным на макушке «оселедцем» — варяжский знак вождя.

Напоследок Свенельд сделал Духареву воистину княжеский подарок: отдал ему в десяток Машега и Рахуга. Но оценил этот подарок Серега только тогда, когда увидел «белых» хузар в деле. Вот тогда он и понял, что воевода действительно желает заполучить Духарева в свою дружину. Отдать таких воинов простому десятнику — все равно что прикрепить к какому-нибудь отделению пехоты, возглавляемому сержантом-срочником, персональный вертолет огневой поддержки. Такое могло случиться только в одном случае: если этот сержант существенно ценней вертолета. А поскольку высокая «ценность» благородных хузар была очевидна, то Серега немедленно возгордился. И было с чего.

Глава двенадцатая,

в которой снова — соляной тракт. Чумаки

Оп-па! Сергей привстал на коротких стременах, прикрылся ладонью от солнышка... Точно, пыль! А поскольку пыль сама по себе так высоко поднимается редко, то, определенно, кто-то катит навстречу.

Серега повернул лошадь, порысил вниз, поднял две скрещенные руки: стой.

Увидели. Остановились. Знаками Духарев показал: двое — ко мне, остальным — ждать. Соскочил с лошадки, размял ноги, заодно проверил амуницию. В порядке амуниция: ножны гладкие, стрела из колчана сама выскакивает. Может, стоит ребятам уйти с дороги в Степь? Так ведь табун все равно в траву не положишь. Черт с ним, с табуном! Но — раненые?

Пока он раздумывал, подскакали товарищи. Машег и Гололоб.

— Чего там? — с показной ленцой осведомился Гололоб.— Опять степняки?

— Кто-то едет,— Сергей взобрался на Пепла, а заводную хлопнул по крупу, чтобы отошла.

Машег уже взлетел на взгорбок, не останавливаясь, поскакал вниз. С макушки наблюдать лучше, но и сам наблюдатель заметнее.

Духарев и Гололоб нагнали его через минуту.

— Возы идут,— спокойно сказал Машег.

Серега прищурился: ни хрена не видать. Как глазастый хузарин ухитрился определить, что — возы? По пыли, что ли?

— По пыли,— подтвердил Машег.— Верховые по-другому пылят.

Нельзя сказать, что встреча с торговым караваном не сулила никакой опасности. Иной купец, что путешествует с сильной охраной, при случае не откажется присвоить имущество более слабого коллеги. Или присоединить к своей челяди еще десяток рабов.

— Проверить надо,— сказал Гололоб.

— Проверим,— согласился Машег и пустил коня легким галопом.

Боевой конь у хузарина был знатный, поджарый, мускулистый, зад широкий, а голова — махонькая, аккуратная. В скачке этот конь с легкостью доставал Пепла.

Правда, у Пепла и всадник был килограммов на тридцать тяжелей.

Машег оказался прав. Действительно, возы. И никакой охраны. Человек двадцать смердов, дюжина тяжело груженных телег. Соль.

На всадников чумаки [1] поглядели настороженно, но поздоровались.

Сергей с Машегом отъехали в сторону, предоставив говорить Гололобу. У высоченного Духарева был уж очень грозный вид. А Машег, наоборот, был с виду совсем не страшен. Хотя для понимающего человека хватило бы разок взглянуть на выгнутый наружу лук хузарина, чтобы усомниться в его безобидности.

Минут через пять Гололоб подъехал к своим, а чумацкие возы поскрипели дальше.

«Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем!» — передразнил солевозов Гололоб.

— Думаешь, врут? — предположил Духарев.

— Может, и врут. А может, и впрямь этой дорогой теперь никто, кроме них, не ездит. И баб с ними нету,— добавил он с огорчением.

---

[1] Чумак — солевоз. Правда, более вероятно, что само слово возникло позже X века.

Машег засмеялся.

— Поскачу к нашим,— сказал Гололоб.— Скажу: можно двигаться.

Он развернул коня, обогнал возы, перевалил через пригорок. Поднятая пыль повисла в неподвижном воздухе. Духарев и хузарин остались вдвоем.

— Что-то мне в этой ситуации не нравится...— пробормотал Сергей.

— Ты о чем, старшой?

— Не нравится мне что-то, а что — понять не могу.

— Они нас видели,— флегматично произнес Машег.

— Ну не убивать же их теперь?

— Можно и убить. Догнать?

Светлые, широко посаженные глаза его на загорелом лице — как прозрачные лужицы. Кивни Духарев — и через пару минут возчики будут мертвы.

— Мы не нурманы,— сказал Сергей.

Машег неотрывно глядел вслед возчикам. Если бы выбор предоставили ему, он бы не колебался.

Но Духарев так не мог. Хотя и понимал: оставить чумаков в живых — значит, рискнуть жизнями своих друзей. И все равно он не мог убивать людей просто из осторожности. Даже в этом мире, где жизнь смерда стоила столько же, сколько хорошая лошадь. Или вообще нисколько. Один щелчок тетивы, один взмах меча... И все — по Правде, черт возьми!

— Поехали,— отрывисто бросил Духарев.— Чему быть, того не миновать!

Глава тринадцатая

Сон

Устах отобрал у чумаков телегу. Возможно, это была ошибка. Такая же, как то, что возчиков оставили в живых. Но телега была нужна для раненых. Волов, правда, отдали хозяевам. Вместо них запрягли пару лошадей. Потеряли больше часа, пока переделывали упряжь.

Вопреки ожиданиям, раненный в бок Вур чувствовал себя неплохо, а вот парню с продырявленным плечом становилось

все хуже. Из-за него пришлось остановиться на ночлег до захода солнца и развести костер. Устах поил его целебным настоем и дал макового отвару, чтобы уменьшить боль.

А спасенный парс к вечеру совсем ожил. Бормотал что-то по-своему, а потом взял да сунул руки в огонь. И продержал в пламени почти десять ударов сердца. Видевшие это Понятко и Шуйка так и ахнули. Понятко схватил ладонь парса. Множество подживших царапин, алое пятно татуировки посередине... И никаких следов ожога.

— А еще так сможешь?

Парс криво улыбнулся и снова сунул руку в костер.

— Как ты это делаешь? — жадно спросил Понятко.

— Ты не поймешь,— сказал парс.

— Глянь-ка,— сказал Сереге Устах.— Что там твой полонянин творит?

Они присели на корточки у огня.

— Ну-ка, еще! — потребовал Устах.

Парс в третий раз коснулся огня.

— Видел я, как на угольях пляшут,— заметил Устах.— Такого еще не видал. Что ж ты, чародей, печенегам так просто дался?

— Так вышло,— спокойно ответил парс.— Я не чародей.

— А кто?

— Ясновидец. Ведун по-вашему.

— Ведун, ведун, а степнякам попался! — засмеялся Шуйка.

— Язык придержи,— одернул Устах.

— Не слушай его,— сказал варяг, обращаясь к парсу.— Молодой, дурной.

Серега пододвинул к себе чье-то седло. Не умел он долго — на корточках.

Парс через огонь глядел на него. Морда ободрана, одежка с чужого плеча, сущий бомж. Но взгляд — как у рыси.

— Что уставился? — с нарочитой грубостью бросил Духарев.

Ведуны, колдуны... Что чуют они в нем такого, что одни сразу заискивать начинают, а другие посохом огреть норовят.

Парс вместо ответа еле заметно подмигнул подбитым глазом. Мол, мы-то с тобой знаем...

Духарев на людях выспрашивать его не стал. Еще наболтает лишнего. А командир должен об авторитете заботиться. И о деле.

— В карауле сегодня Чекан, Гололоб, Рахуг и Щербина,— распорядился он.— Всё. Костер гасить и спать.

И ушел, не дожидаясь выполнения команды. Хороший командир и мысли не допускает, что его распоряжения пропустят мимо ушей.

К середине ночи раненному в плечо стало совсем худо. Он бредил, выкрикивал незнакомые имена, звал родовичей. От его криков Серега просыпался раз шесть. Вдобавок и снился ему какой-то кошмар. Голый человек, привязанный к четырем вбитым в землю кольям. Вокруг — черные тени в печенежьих шапках. Серега видел все как будто сверху. И очень отчетливо. Распятый на земле был избит. На безволосой груди — сизая татуировка: две когтистые птичьи лапы. Какого он роду-племени — Серега во сне определить не мог. Ясно только, что не славянин и не из скандинавов.

Привязанного пытали. Без особых изысков — раскаленным железом. Пытуемого Серега видел очень ясно, а вот палачи выглядели смутными тенями. У них были отрывистые угрожающие голоса. Привязанный сначала не говорил ничего. Только вопил, когда жгли. Серега видел, как он извивается, как дергаются птичьи лапы на блестящей от пота груди. Не только видел, но даже обонял вонь паленого мяса... Тот, кого мучили, внезапно разразился длинной торопливой речью. Серега не понял ни слова, но понял, что человек сломался. И точно. Мучить его сразу перестали. Тени-палачи расступились.

Вот этого Серега видел так же отчетливо, как и голого. Широкоплечий, смуглый, увешанный золотом. Черная борода главы палачей был заплетена в тонкую косицу. Но даже с этим сомнительным украшением он выглядел властно и устрашающе. Пленник, трясясь и поскуливая, произнес короткую речь. Серега, не понимая смысла, тем не менее ощущал, что голый говорит о нем, Духареве. Серега протянул длинную-длинную руку, взял пленника за горло... Но восковые пальцы не сжимались, и пленник продолжал говорить.

Властному речь понравилась. Пленника освободили, мазали ожоги каким-то вонючим жиром. Пленник кричал...

Серега проснулся, сел. Дурной сон все еще стоял перед глазами, Духарев помотал головой, отгоняя кошмар, огляделся...

Светало. Раненый перестал кричать, бормотал что-то жалобное. Рядом с ним сидел Устах.

Что-то мелькнуло в траве. Собачонка. Мышей ловит, бездельница! Вокруг лагеря паслись кони. Трава была влажной от выпавшей росы. Серега смочил ладони, провел по лицу. Затем подошел у Устаху, присел рядом на корточки:

— Как?

Вместо ответа его друг размотал повязку. Края раны почернели, от нее шел дурной запах.

Устах провел указательным пальцем по горлу.

— Дай ему день,— попросил Духарев.— Может, выправится?

Синеусый варяг кивнул.

— Поднимай бойцов,— сказал Сергей.— Тронемся пораньше. Как-то мне... беспокойно.

«Рассказать ему сон? Ладно, еще успеется».

Выяснилось, что ночью парс смылся. Серега напустился на часовых: кто прохлопал?

Но за караульных вступился Машег, напомнил:

— Он же чародей. Глаза отвел. Пускай. На что он нам?

— Да,— поддержал хузарина Устах.— Сбег — и хорошо. Без него спокойней.

Серега так не считал. У него имелись к сбежавшему кое-какие вопросы. Но и друзья были в чем-то правы. По крайней мере он их понимал.

Позавтракали наскоро, собрали коней, двинулись. По утреннему холодку ехать было — одно удовольствие.

Духарев с Машегом ускакали далеко вперед. Холмы кончились. Степь до самого горизонта была ровная, как море в тихую погоду. Ровная и безлюдная. И степь, и дорога. Серега расслабился. Наслаждался спокойствием, ровным движением коня, размышлял... В общем, из дозорного стал путешественником. С Машегом такое можно себе позволить. Хузарин зорче и опытней.

— Серегей, у тебя жена из каких булгар, волжских или дунайских? — спросил Машег.

— Из дунайских.

— Хорошего рода?

— Да.

— Тогда ничего,— кивнул хузарин.

— В какого смысле — ничего?

— У вас, христиан, одна жена. Законных сыновей только она рожает. Коль благородной крови женщина, значит, и сыновей родит добрых.

— Одного уже родила,— Серега невольно улыбнулся.— А у тебя, Машег, сыновья есть?

— Есть. Шестеро. Законных.

— Сколько-сколько?

Хузарин засмеялся:

— Мы, Серегей, народ избранный. Нам можно и больше одной жены иметь. Мой первенец родился, когда мне шестнадцать зим миновало. А первого врага я убил в двенадцать! — добавил он с гордостью.

Однако!

— И кто это был?

— Разбойник. Мы с братьями в волжских протоках уток били, а тут они. Я его стрелой убил,— добавил Машег не без гордости.— В глаз.

— А вас сколько было? — спросил Духарев.

— Два брата и я. Но братья — старше. Больший меня тогда на два года старше был.

— А разбойников сколько?

— Пятеро,— и уточнил с огорчением: — Один ушел. Там тростник. Сыскать трудно. Отец после нас сильно ругал.

— Ага... Понятно.

Трое пацанов, старшему из которых — четырнадцать, нечаянно наскочили на пятерых вооруженных дядек — и получили от батяни выговор, что один из дядек ухитрился смыться. Суровая, однако, семейка.

— А где теперь твои братья?

— Там! — Машег показал пальцем в небо.

Некоторое время ехали молча, потом хузарин спросил:

— Ты ведь не из кривичей, Серегей?

— Нет.

— А из каких ты славян? Какого рода?

— Я варяг.

— Это ясно,— отмахнулся Машег.— Я спросил: какого ты рода?

— Мой род — далеко,— сухо ответил Духарев.

— Ты — изгой?

Духарев покачал головой.

— А как твой род зовется?

— Русские,— машинально ответил Духарев.

Зря.

— Чьи? — удивился Машег.— Княжьей руси данники, что ли?

— Нет. Просто слово похожее.

«И кто меня за язык дергал?»— подумал Серега.

— Мой народ живет очень далеко отсюда.

— За варяжским морем?

— Еще дальше.

— Там, где всегда лед?

— Нет. Но зимы у нас суровые.

— А христиан у вас много?

— Много.

Внезапно Серега сообразил, что Машег спрашивает не просто так, а с некоей целью.

— А почему это тебя вдруг заинтересовало? — спросил Духарев.

— Парс сказал: ты не от мира сего, Серегей. Сказал: ты, может, и не человек вовсе.

Вот поганец!

— И ты поверил? — спросил Серега, стараясь, чтобы вопрос прозвучал иронически.

— Ну... Я подумал: может, ты — ангел? — немного смущенно признался Машег.

— Кто?!

— Ангел. В Книге сказано: прежде сходили ангелы к людям.

— И я, что же, похож на ангела? — ухмыльнулся Духарев.

— Может быть,— твердо ответил хузарин.

— Интересно, чем же я, простой варяжский десятник, похож на ангела?

Теперь засмеялся Машег:

— Как ты смешно сказал: *простой* варяжский десятник!

Серега не понял, в чем тут юмор, но промолчал.

— Наверное, ты не ангел,— неторопливо произнес Машег.

— Это уж точно! — поддакнул Духарев, но хузарин его реплику проигнорировал и продолжал:

— Но ты не такой, каким хочешь выглядеть. И ты — разный. Иногда умудрен, как старец, а иногда, прости, глуп, как мальчишка. Устах еще говорил: ты ведун. Как ваш прежний великий князь.

— Мой учитель был — ведун,— уточнил Сергей.— Он — не я. Может быть, чему-то он меня и научил... Но я не ведун, ты ошибаешься. И не ангел.

— Может быть,— согласился хузарин.— Но ведовство — это не наука. Это малый дар пророчества. Хотя и не одаренным свыше могут сниться вещие сны.

— Могут,— согласился Духарев.

Кстати, о снах...

— Машег, тебе никогда не встречалась такая татуировка — вроде двух орлиных лап? — спросил Духарев.

— Не орла, грифа. Где видел?

— Да... видел,— уклончиво ответил Духарев.

— А-а-а, Серегей! — Машег подмигнул.— Я знаю, где ты видел. У диких хузар, что мы побили, да?

— Да,— не стал спорить Духарев.— Она что-то означает?

— Тьфу! — Машег презрительно сплюнул.— Тавро злого духа! Не бойся, нам с тобой он не напакостит!

И добавил что-то по-своему, сопроводив отгоняющим зло жестом.

Серега тоже на всякий случай перекрестился, хотя до сих пор никаких неприятностей от злых духов не знал.

Зато он знал совершенно точно, что ни на одном из убитых хузар он этой татуировки не видел. Только во сне.

Какой из этого вывод?

Обычный. Жди неприятностей.

Тем не менее в этот день они никого не встретили, и вообще сутки прошли без происшествий. И следующие тоже. Если не считать того, что раненный в плечо умер.

Один умер, зато двое других окрепли достаточно, чтобы полный день удерживаться в седле. Чумацкую телегу варяги оставили на дороге. Может, хозяева ее и подберут на обратном пути.

В этот день варяги прошли больше, чем за два предыдущих. А на следующий день выяснилось, что их преследуют.

Глава четырнадцатая

Печенеги

Погоню обнаружил Понятко. Часа за два до вечерней остановки Духарев отправил его прогуляться по их собственным следам. Обычная варяжская практика, заимствованная, кстати, у четвероногих хищников. Если опасаешься погони, сделай петлю и вернись на свой старый след. Можешь получить приличный шанс взглянуть на спины преследователей. Степь, конечно, не лес, в степи не спрячешься, но идея та же.

После походного дня Понятко предпочел бы лежать на травке, жевать орехи в меду и поддразнивать, например, Щербину, совсем шуток не понимавшего, что и придавало занятию настоящий вкус. Но старшой сказал: надо. И Понятко не протестовал. Старшой сказал: дело серьезное. Такое абы кому не доверишь. Либо хузарам, либо ему, Понятке. А это значит, что он, Понятко, может даже с хузарами потягаться. Если не с Машегом, то уж с Рахугом точно. Есть чем гордиться. А ведь Понятко в ватажке — самый молодой. То есть все думают, что самый молодой — Мисюрок. А на самом деле Понятко на год моложе. Просто Мисюрка в Свенельдову дружину отроком взяли, а Понятко — из детских. Отец его у Олега гриднем был, погиб в походе. Мать умерла родами. Понятку дружина воспитала. В шестнадцать лет гриднем стал. И варягом. Свенельд ему лично золотую гривну на шею надел. И подбородок побрил бы, да брить было нечего. Но разве только по усам длинным варяг узнается? Понятко со Свенельдом уличей воевал, с уграми бился, которые своих данников уступать не хотели. Бился честно, за то и воеводой отмечен. И этим горд. Очень уважал Понятко Свенельда. Считал его первым среди воинов. И многие с ним согласились бы. А вот вторым после воеводы Понятко ставил своего десятника, Серегея. Не за владение оружием. Кое в чем, например в стрельбе из лука, Понятко своему десятнику ничуть не уступал. И не за храбрость. В Свенельдовой дружине трусов не было. Был у Серегея редкий дар: чутье на правильное. И разум. И понимание. И еще доброта. Хотя многие считали слабостью не то что доброту, но даже отсутствие жестокости. Но Понятко, выросший без отца-матери, хоть не

под забором, в тепле мужского братства, но — сиротой, доброту ценил. И даже подумывал, не стать ли ему христианином, поскольку искренне полагал, что доброта в десятнике — от его веры. Удерживало Понятку то, что христианский обычай запрещал больше одной жены иметь. И ни одной наложницы. Понятко еще не женился, но женщин любил разных. И хотел дом иметь такой, чтоб в нем было много женщин. И все — его. Правда, знавал Понятко христиан (последователей ромейской и булгарской веры в Киеве было немало), которые блудили почище почитателей Волоха. Но молодой воин полагал, что эти христиане рискуют лишиться покровительства своего Христа. Хоть он, говорят, и добрый, и всепрощающий... Понятко охотно поговорил бы с Серегеем о его вере. Но десятник о своей вере не говорил никогда. В отличие от тех же хузар, которые постоянно подчеркивали: их Бог сильнее прочих. Как же! Сильнее? Тогда почему их хакан воинов себе из магометан набирает? Понятко как-то спросил об этом Машега — тот аж почернел. И отошел молча. Больше Понятко об этом речь не заводил. Спор спором, а по больному бить нельзя. Не враги же, свои, дружина.

Размышляя о разном, Понятко ни на миг не забывал обшаривать взглядом горизонт.

Пыль он заметил, когда отъехал от своих верст на десять. Пыли было много, и Понятко рисковать не стал: отъехал от дороги на пару стрелищ, уложил в траву лошадей и стал ждать. Была надежда, что это не воинский отряд, а мирный караван. Надежда не оправдалась. Печенеги.

Копченые шли нагло, без дозоров, растянувшись на полное стрелище. Сильный отряд. Сколько — в точности определить трудно: у каждого — заводная лошадь, а то и две. Но никак не меньше сотни копий. Варяга не заметили. И собаки степняков его не учуяли, потому что залег Понятко по-умному, с подветренной стороны.

Двигались вороги не то чтобы очень быстро, но — рысью. И видно по передовым, что не просто прогуливаются, а четко идут по следу, оставленному варягами.

Но солнце уже садилось, так что, скорее всего, до варяжского лагеря им сегодня не добраться. Поэтому Понятко не стал мучить и без того утомленных коней, а выждал, пока степняки отойдут подальше, и пристроился им в хвост. Ехал

открыто, по дороге. Разведчик не без основания полагал, что поднятая печенегами пыль скроет его от случайных взглядов.

Так и вышло.

Солнце еще не спряталось, когда степняки остановились на ночлег. Но Понятко и тут не стал торопиться. Дождался темноты, аккуратно, под ветер, подполз к печенежскому стану и долго слушал, о чем говорят. По-печенежски Понятко разумел так-сяк, но уловил, что печенеги идут за «кузарами», у которых «много-много золота».

Почему варягов сочли хузарами, разведчик не понял. Но «много-много золота» — это точно про них.

Выяснив главное, Понятко так же аккуратно отполз обратно. Даже в полной темноте он никогда не сбивался с направления.

Возвращался разведчик долго, поскольку предпочел объехать печенежский лагерь по большой дуге. Ночь была светлая, и лучше было состорожничать, чем навести степняков на своих: преследователей от преследуемых отделяло неполное поприще [1].

Когда, по представлениям Понятки, до своих оставалось всего ничего, разведчик рискнул и вполголоса затянул песню. Он рассчитывал, что его услышит кто-нибудь из ночных дозорных и не даст проскочить мимо лагеря. И, опять-таки, стрелой бить не станет, что тоже немаловажно.

Расчет оправдался. Песенку еще издали услыхал Рагух и подал разведчику знак: мы тут.

Узнав, какие новости привез Понятко, хузарин тут же разбудил Серегу. Разведчик доложил обстановку, слопал вместе с костями печеную перепелку и улегся на Серегино место раньше, чем оно успело остыть. Через секунду он уже спал. А вот с Духарева сон как ветром сдуло.

Серега разбудил Устаха.

Друг выслушал новости, поскреб отросшую щетину на щеках...

— Ничего,— буркнул он.— Оторвемся.

Вообще-то в его словах был резон. Оторваться от погони они могли. Сменных лошадей в достатке, а выносливости варягам не занимать. Отливать с седла они за этот год научились не

[1] Дневной переход.

хуже прирожденных степняков. С другой стороны, степь только кажется одинаково ровной. В иных местах трава погуще, в иных — почва камениста: не подкованные лошади могут ноги сбить. Есть в Диком Поле балки, овраги, холмы, реки и безводные пятна. Кто хорошо знает степь, может выбрать дорогу полегче. Или покороче. Преследователи, скорее всего, знали местность досконально. А вот варяги — нет. Даже для опытных хузар эта степь была чужой. Придется идти по тракту. Лошадям легче, заблудиться невозможно, и с водой проблем не будет. Но будучи самой удобной, рассчитанной на колесный транспорт, дорогой, соляной тракт вряд ли был дорогой самой короткой.

Все эти соображения Духарев высказал Устаху. Тому возразить было нечего. Но синеусый варяг все равно был настроен более оптимистично.

— Мало ли что там Понятке послышалось,— заявил он.— Да он двух слов по-печенежьи связать не может. «Хузары, золото...» Они только об этом и болтают. С чего он взял, что это наши хузары и наше золото? Может, они не за нашим золотом, а просто так идут. Может, они сами отстанут.

— Проснись! — сердито сказал Духарев.— Копченые идут по *нашему* следу. По *нашему* следу, за нашим золотом!

— Ты знаешь что-то, о чем не знаю я? — моментально сообразил Устах.

— Не то чтобы знаю, но могу предположить.

Серега пересказал другу свой кошмарный сон и заодно — то, что сообщил Машег про татуировку.

— Да-а...— протянул Устах.

К предчувствиям и видениям Духарева синеусый варяг относился даже серьезнее, чем сам Сергей. Оба уже имели возможность убедиться: дыма без огня не бывает.

— Коли так, то они точно не отстанут. Что думаешь, Рахуг? — обратился он к слушавшему их разговор хузарину.

— Думаю, это тот разбойник, что с лошадьми был. Тот, который утек. Про татуировку Машег верно сказал. Я, правда, на тех побитых ее не видал...

— Я видел,— вмешался Устах.— Точно, две лапки на грудях.

— Значит, так,— решил Духарев,— надо братву поднимать. Потолкуем кругом. Посовещаться надо.

— Всех поднимать? — спросил хузарин.— И раненых?

— Всех. Только Понятку не трогай. Пускай поспит немножко.

Их осталось двенадцать.

Шестеро — от Серегиного десятка. Он сам, двое хузар, Гололоб, Мисюрок, практически оправившийся от раны, да отсыпавшийся неподалеку Понятко.

От Устахова десятка тоже осталось полдюжины. Щербина, Шуйка, Клёст — прусс, получивший свое прозвище из-за неправильного прикуса (впрочем, это был его единственный физический дефект), Сирка Чекан и Вур, который из-за ранения пока мог считаться разве что за половину бойца.

Обгрызенный месяц взирал с небес на потрепанное воинство.

— Опять делиться будем? — спросил Гололоб.

— Нет,— ответил Духарев.— Мы поступим иначе.

Никто не спросил: как? Серега слышал дыхание своих парней и знал, что они возбуждены, но при этом внимательны и сосредоточены. Парни терпеливо ждали, пока вожак разродится спасительным предложением.

Серега мог бы высказаться, а затем устроить дискуссию — и каждый, кому есть, что сказать, непременно это сделает, даже если его мнение идет вразрез с точкой зрения всех остальных. Но Духарев мог и просто отдать приказ — без всяких дискуссий,— и приказ этот будет выполнен в точности. И никто не усомнится в его правильности.

Такая «детская» доверчивость иногда раздражала Серегу, потому что абсолютное доверие от порядочного человека требует абсолютной ответственности. Но с другой стороны, Сергей понимал (как приятно для самолюбия!), что это не доверие вообще, а доверие лично к нему, Духареву. Опыт показывал, что в отрыве от вожака, за которым надлежало следовать, его варяги не превращались в беспомощных потеряшек, а моментально брали инициативу на себя и действовали грамотно и эффективно. Эффективно в смысле: убивать других и не давать убить себя.

— Делиться мы больше не будем,— повторил Сергей.— Но позволить копченым ловить нас без помех — нельзя. Ведь могут и поймать. Лично мне этого не хотелось бы. Поэтому есть такое предложение: я и еще двое добровольцев возьмем самых быстрых лошадок и устроим печенегам веселую жизнь. А остальные

тем временем попробуют добраться до Тагана и разжиться корабликом. А если в Тагане сильная дружина — то и поддержкой. А дальше — по обстоятельствам. Что скажете, братья?

— Мне не нравится,— тут же возразил Устах.— В лесу это было бы верным делом. Но здесь Дикое Поле. А мы — лесовики. Сам знаешь — в степи со степняками нам тягаться трудно.

— Верно,— согласился Духарев.— Поэтому я возьму с собой тех, кто в степи — дома. Рагух, Машег, вы как? Пойдете?

— Пойдем,— без колебаний откликнулся Рагух.

— Пойдем,— присоединился к нему Машег.— Мысль правильная. Мы пойдем. Но без тебя, Серегей!

— Не понял? — процедил Духарев.

— Ты сильный варяг, Серегей. И удачливый. Но большой. Лошадям тяжело будет,— пояснил хузарин.— А чтобы печенегов подразнить — и двоих хватило бы. Тут числа не надо.

— Вдвоем, что ли, пойдете? — спросил Духарев.

— Нельзя вдвоем,— очень серьезно сказал Рагух.— Два — плохое число.

— А три — хорошее,— поддержал соплеменника Машег.— И третий нам тоже нужен будет. За лошадьми присмотреть, отвлечь, знак подать. Третий обязательно нужен. Пусть с нами Шуйка пойдет. Так, Рахуг?

— Шуйка годится,— кивнул второй хузарин.— Шуйка легкий. И стреляет лучше, чем ты, Серегей, хоть и лук неправильно держит. Пойдешь, Шуйка? Только заводных я тебе сам выберу, а то вы, древляне, в лошадях понимаете, как нурман — в верблюдах. Так пойдешь, Шуйка? Что молчишь?

— Да ты ж мне слова сказать не даешь! — сердито ответил Шуйка.— Ясное дело, пойду! Но если будешь подначивать...

— Не буду,— заверил Машег.— Только лошадей тебе выберу — и боле ни слова.

— Решено,— одобрил Духарев.— Но только так, парни: долго на копченых не наседайте. Как горячо станет — сразу уходите.

— Не бойся! — уверенно произнес Машег.— Мы их разок обидим — и сразу побежим. И пусть меня степные демоны сожрут, если после такой обиды поганцы за нами не увяжутся!

— А потом?

— Оторвемся! — уверенно сказал Машег.— Ужели шакалы могут волка заполевать?

Серега нахмурился. Абсолютную уверенность благородного хузарина в своем превосходстве над любым другим степняком Духарев не разделял. Но выбирать не приходилось. Печенегов следует отвлечь, и никто не сделает этого лучше, чем хузары.

— Ладно,— нехотя согласился он.— Будем считать, что оторветесь. Встретимся где? В Тагане?

— Раньше! — заверил Машег.— Мы вас сами догоним. Вы только по дороге идите. На дороге-то не потеряетесь?

— Да уж как-нибудь,— буркнул Духарев.— Устах, что скажешь?

— Пусть идут,— проворчал второй предводитель ватажки.

Устаху совсем не улыбалось остаться без проводников в незнакомой степи. Но с другой стороны, если по тракту идти — не собьешься. Вероятность того, что по этому тракту, навстречу им, может идти еще кто-нибудь нехороший, ни он, ни Серега пока не рассматривали. Все предусмотреть невозможно, поэтому проблемы следует решать по мере возникновения.

Хузары и Шуйка отправились седлаться. Остальные варяги тоже разошлись. Кто — перекусить, кто — доспать часок до рассвета.

— Вот они сейчас обойдут половцев, выроют наше добро — и видали мы их! — вполголоса сказал Щербина Устаху.

— С ума спятил? — буркнул синеусый варяг.

— Так хузары же. И древлянин с ними заодно, такой жадный! — убежденно заявил Щербина.— Потому они Серегея и не схотели брать. Серегей бы им своровать не дал.

— Ты, Щербина, лучше уйди,— пробормотал Устах.— Не то я те сейчас и последние зубы вышибу.

То, что Машег предпочел Сереге Шуйку, Духарева все-таки задело. Он, конечно, понимал, что хузарин прав. Но очень хотелось самому отвесить степнякам плюху. Чтобы мало не показалось. Чтобы осознали копченые: варяги — не зайцы. Глупость, конечно. Духарев оставался крутым бойцом даже на этой плоской, как сковородка, земле. Настолько крутым, чтобы спокойно бросить вызов двум-трем степнякам сразу. Но никак не дюжине.

Духарев засвистел по-особому, сзывая лошадей. Первым, как всегда прибежал Пепел. Заводные особо не торопились. Тем не менее каждый из троих получил по вялой морковке.

Сергей оседлал их по очереди, закинул переметные сумы, прицепил оружие, повел к придорожному колодцу. Вчера его вычерпали почти до дна, но за ночь вода снова набралась. Сергей опустил вниз кожаное ведро, вытянул, наполнил фляги, затем напоил лошадей. Связал поводья, достал из сумки кус вяленого мяса, гранитной крепости лепешку и принялся завтракать. Черное небо постепенно серело, звезды гасли. К колодцу подходили варяги, поили лошадей. Своих, приученных приходить на зов. «Трофейных», хузарских и печенежских, отгоняли. Эти получат воду в последнюю очередь, не то опять разбредутся — и собирай их по всей степи.

Когда край солнца показался над горизонтом, маленький отряд уже был готов выступить, а трое охотников, хузары и Шуйка,— давно уехали.

«А все-таки, что бы там ни говорил Машег, а Шуйки я лучше!» — подумал Сергей. Никак он не мог забыть, что его отнесли к разряду балласта.

Возможно, Сереге было бы легче, если бы он узнал, что предпочтение Машега связано не с тем, что Шуйка лучше, а как раз наоборот. Хузарин был далеко не глуп и понимал, что состязаться в конной игре со степняками, которых сажали в седло раньше, чем они научатся ходить,— задача почти непосильная как для Шуйки, так и для Сергея. Хузарам-то, скорее всего, удастся уйти. А вот тот, кого они возьмут с собой, чтобы соблюсти священное число «три», вряд ли вернется назад. Машег, конечно, сделает все для того, чтобы уцелел и Шуйка. Но Шуйкой он все-таки мог пожертвовать, а Сергеем — нет. Во-первых, потому что поклялся Свенельду сделать все, чтобы десятник вернулся из Дикой Степи живым, во-вторых,— из-за самого Сергея, которого хузарин за это время успел полюбить и охотно назвал бы братом, будь тот иудеем, а не христианином.

Глава пятнадцатая

Налет

Хузары подобрались к печенежскому стану, когда у степняков уже объявили побудку. Большая часть печенегов уже была

на ногах, ленивых поднимали пинками более энергичные товарищи. Дозорных еще не выслали, но часовые уже утратили бдительность...

Машег и Рагух (Шуйку оставили в десяти стрелищах с запасными лошадьми) подползли к вражескому лагерю шагов на двести. С разных сторон. Машег пронзительно свистнул, Рагух — тоже. Хузары привстали, мгновенно выпустили по три стрелы и бросились прочь. Их кони, уложенные в траву подальше от лагеря, услыхав свист, вскочили и понеслись к хозяевам.

Двое степняков были убиты, еще один корчился на земле. Печенеги в лагере невероятно оживились. Кто-то углядел бегущего Рагуха, заорал, но хузарин уже взлетел в седло и рванул галопом. Через несколько мгновений он догнал Машега, и оба поскакали прочь. Им вдогонку полетели стрелы. С нулевым результатом.

Подгоняемые разъяренным вожаком, печенеги хватали коней, прыгали в седла, кто успел оседлать, кто не успел — охлюпкой. Хузары не одолели и полуверсты, а ватага из нескольких дюжин всадников уже во весь опор неслась за ними.

Машег и Рагух скакали рядом. Они не очень-то гнали, позволяя печенегам понемногу сокращать расстояние. Степняки же лошадей не жалели. Только бы сократить разрыв шагов до трехсот — и они тут же забросают стрелами дерзких налетчиков...

Вдруг печенеги пронзительно завизжали: это возник из высокой травы Шуйка с заводными. Самые азартные степняки еще сильнее нахлестывали лошадей.

Хузары тоже прибавили, но так, чтобы разрыв между преследователями и преследуемыми продолжал сокращаться. Кто-то из печенегов бросил поводья, натянул лук... Стрела ушла в сторону, а стрелка обогнали другие.

Шуйка с заводными уходил легким галопом. Хузары достали его, на ходу перепрыгнули в седла свежих коней.

Погоня растянулась. Полдюжины самых прытких всадников-степняков шагов на пятьдесят оторвались от остальных. Они настигали. Четыреста шагов, триста пятьдесят...

Некоторые, привстав на стременах, метнули стрелы. Мимо.

Из полудюжины лидеров выделились двое самых быстрых. Эти не торопились стрелять, зато упорно сокращали расстояние. Один из степняков заранее готовил аркан...

Машег ловко развернулся в седле, натянул лук. Печенег с арканом пригнулся, стрела пропела над ним, прошла справа от второго — и почти на излете попала в грудь одного из скакавших позади. Будь на печенеге кольчуга или хотя бы защитная куртка — он бы остался жив. Но он слишком спешил отправиться в погоню.

Остальные опять завопили и открыли ответную стрельбу...

— Не стрелять! — взвыл степняк с арканом, когда одна из таких стрел прошла в опасной близости от его уха.

Второй тоже взялся за аркан. Эти двое оторвались от своих почти на две сотни шагов. Но спины беглецов так заманчиво маячили впереди!

Не сговариваясь, оба понукали коней, выжимая из них все, на что те были способны. Еще немного и...

Машег и Рахуг обернулись разом, вскинули луки...

Оба печенега тут же бросили коней в стороны...

Стрела Рагуха попала в печенежского коня. Животное споткнулось, всадника выкинуло из седла. Машег подбил печенега влет, как куропатку. Второй преследователь, плюнув на намерение взять врагов живьем, схватился за лук... Машег неожиданно осадил лошадь, и печенег промахнулся. Но конь его продолжал лететь галопом и вынес всадника прямо на Рагуха, который тоже осадил лошадь, развернул ее боком, натянул лук, вполсилы, больше и не требовалось. Стрела попала степняку чуть пониже уха, и печенег уткнулся носом в гриву, конь его проскакал мимо остановившихся хузар.

Рагух и Машег вновь натянули луки. Две стрелы пропели над степью, и в Диком Поле стало еще двумя всадниками меньше.

А погоня еще больше растянулась. Основная группа преследователей отстала шагов на пятьсот. В опасной близости были только трое. Эти трое выстрелили практически одновременно. Все — в Рагуха. Одна стрела прошла мимо, вторая чиркнула по панцырю хузарина, третья воткнулась в круп коня. Животное взвилось на дыбы — Рагух уронил стрелу, вцепился в конскую гриву...

За него ответил Машег. Щелк — и ближайшего степняка вышибло из седла. Щелк — и вторая стрела продырявила бедро печенега, потник и на пол-ладони вошла в бок лошади. Животному это, ясное дело, не понравилось — и всадник с диким воплем полетел на землю. Третий степняк, увидав, что страш-

ный хузарин готовит новую стрелу, моментально сообразил, чем это пахнет, стрельнул не глядя и пустился наутек.

Машег послал коня по дуге, мимо убитого печенега, выхватил, свесившись, у него из тула пучок стрел. Рагух тем временем справился с лошадью, и оба хузарина помчались догонять Шуйку.

Глава шестнадцатая

Албатан

Его звали Албатан, и был он из меньших, племенных ханов народа цапон. Это был его второй набег. То есть в набеги он ходил каждый год с тринадцати лет. Но вел отряд второй раз. В прошлом году духи оказались не слишком благосклонны. Дальние родичи звали Албатана вместе с русами идти на ромеев. Албатан не пошел. Решил: пока русь наехала на ромеев, он без помех может пройтись по землям русов. Так и сделал. Хорошую добычу взял. Но по дороге варяги хана Свенельда переняли степняков. Еле ушли. И добычу пришлось бросить. Хорошо, на обратной дороге наткнулись на касожских купцов, а не то вообще с пустыми руками домой вернулись бы. Стыдно!

В прошлогоднем набеге Албатан потерял двадцать восемь воинов. Пятую часть мужчин рода, способных натянуть лук. Шестерых касогов взяли в плен. С пятерыми повеселились, а шестого, главного, отдали сородичам за выкуп.

Неудачный был год.

Но в этот раз Албатану повезло.

Его воины поймали хузарина. Из тех, что служили большому хану Куркутэ. Земли Куркутэ — в двух днях пути от земель народа цапон. Куркутэ — сильный хан. Ходил с русским хаканом на ромеев. Те откупились данью, но ее пришлось поделить с русами. Куркутэ своей доли мало показалось, однако с русами он биться не стал, а повел своих на булгар. Побил их и богатую добычу взял. Сильный хан Куркутэ. Но Албатану не господин. Здесь — Дикая Степь.

Хороший вождь в первую голову о своих родовичах печется. В походе у воина трудов много, а удовольствий мало. Поэтому Албатан разрешил своим поразвлечься с пленником. Но

предупредил, чтоб заодно вызнали, откуда и от кого бежал без памяти.

А когда пленник заговорил, Албатан понял, что хузарин принес печенегам удачу. Рассказал хузарин, что больше не служит Куркутэ, а передался хану из русов по имени Скапэ. Прознал Скапэ о посольстве ромейском, что много золота и серебра при себе везет. Выведал хитрый рус, где хранят богатство ромеи, как стерегут, когда из лодок своих выходят, чтобы волоком пороги обойти. Стража при ромеях была сильная, но в большинстве наемная. Были в ней у Скапэ свои люди. И свои у Скапэ воины были, очень хорошие. С такими он и сам мог бы ромеев ограбить. Только не хотел Скапэ, чтобы узнал ромейский большой хан, кто взял на нем добычу. Потому позвал в помощь прикормленных хузар.

Хитрый рус все обдумал и все с вожаком хузарским обговорил. Долю в добыче обещал и помощь в набеге.

Ночью, на волоке, когда умаявшиеся за день ромеи крепко спали, верные Скапэ люди из наемников сами тихонько вырезали часовых.

И тогда на лагерь, как буря, налетели прикормленные хузары. Разметали сонных ромеев. Побили многих, сорвали шатер ромейского вождя, похватали мешки и умчались. Сразу послать погоню ромеи не смогли. Притаившиеся у лагеря русы забросали их из темноты хузарскими стрелами, а потом сели на свои лодки и ушли в условленное место, где должны были с хузарами встретиться.

Только вождь диких хузар умно поступил. В условленное место встречи не пошел. У Скапэ-хана воинов много, а чести совсем нет. Не захочет он долю отдавать. А чтоб тайну сохранить, перебьет союзников. Да и золото отдавать жалко. Немножко можно отдать, да. Если большую часть себе оставить. А немножко себе оставить, когда все золото уже у тебя, такое очень обидно.

Ход мыслей хузарского вожака Албатан одобрил. Сам поступил бы так же.

Вспомнил хузарский вожак, что были они данниками Куркутэ. Если отдать Волку *часть* золота, Волк не даст своих данников русам. А серебра и золота, что они у ромеев взяли, было столько, что на десяти конях не увезти. Простил бы их Куркутэ за такой дар — он золото любит.

Была еще одна причина у Куркутэ простить своих бывших данников. Золото, которое везли ромеи, предназначалось не только русскому хакану, но и печенежскому Волку. Таким образом, хитрый Скапэ руками диких хузар ограбил не только ромеев, но и большого хана Куркутэ. Вот сведения, стоившие половины добытого золота. Рядовой разбойник об этом, конечно, не знал, но вожак мог догадываться...

Не пошли хузары на условленное место, а переплыли Днепр и хотели в степь уйти.

Но тут случилась беда. Налетели внезапно на диких хузар страшные люди. В лагере всех побили. Пленник уцелел потому, что ночью табун пас. И конь у него был хорош: ускакал.

Албатан поинтересовался: знал ли пленник тех, кто их побил?

Услышав ответ, очень удивился хан. Даже переспросил: верно ли? Откуда здесь, в Приднепровье, белые хузары хакана Йосыпа? Все же знают: договорился старый Йосып с русами, что эта земля за ними.

Но пленник настаивал, и Албатан поверил. Дикий хузарин не посмел бы ему солгать. После того, как с хузарином люди Албатана развлеклись.

Хузарин принес хану удачу.

Поэтому Албатан оставил пленника в живых. На время.

Сейчас боги уже не улыбались. Но хан знал, как вернуть их расположение.

Родовой бог Албатана ездил в плетеном коробе вместе с иными реликвиями, доставшимися Албатану от предков. Давным-давно бога вырезал из дерева кама [1] самого великого Улцапона. Бог был черный и липкий.

Пленника, с выпученными от ужаса глазами, приволокли к хану.

— Видишь? — спросил Албатан, кивнув на уложенные в ряд тела.— Их убили твои родичи.

Хузарин быстро заговорил, путая печенежскую и собственную речь. Албатан не стал утруждать себя пониманием этого лепета.

— Отпустите его,— приказал он воинам и вынул узкую саблю, сработанную мастерами из Синда.

[1] Кама — шаман.

Хузарин попятился было, но остановился. Глаза у него стали — как у овцы.

Албатан пару раз встряхнул кистью, затем ударил.

Воины восхищенно зацокали. Клинок развалил хузарину грудную клетку: прошел через ключицу, ребра, сердце, легкие, наискось рассек чрево и вылетел на свободу. Албатан стряхнул с дымчатого лезвия кровь и вложил в ножны раньше, чем тело хузарина рухнуло на землю. Один из воинов, нагнувшись над трупом, вырвал теплую печень, другой тесаком обрубил мертвецу большие пальцы: чтобы там, в подземном мире, хузарину уже нечем было натягивать тетиву. Там он будет рабом, а не воином.

Албатан взял бога и опустил его в разверстое нутро.

Воины замерли в благоговении.

Когда Албатан вынул бога, тот был липким и красным от удовольствия. Хан вернул его в короб и вытер руку о штаны.

Утреннее нападение стоило жизни нескольким воинам, но зато Албатан кое-что узнал. Он узнал о слабости тех, кого преследовал. Будь они сильны — вот тогда была бы настоящая беда. Убитый хузарин говорил: их побили так же. Налетели утром, внезапно — и порезали спящих. А гнались за ним непонятные люди. По одежке — славяне, а повадка хузарская. Хузары народу цапон враги. И славяне враги. Но славяне и хузары меж собой тоже не друзья, а враги. Непонятно! Зато ясно, что пленный не соврал. Сказал точно: одеты славянами, а повадка хузарская. Стреляют отменно, и луки у них хороши.

Албатан думал, но не медлил. Он знал, что дальше соляной тракт делает петлю, сворачивая к реке, и три дневных перехода дорога идет вдоль берега, петляя вместе с речушкой. Албатан отрядил три больших десятка воинов на лучших конях и послал напрямик через степь. Пусть бегут день и ночь, как волки за тарпанами. Пусть обгонят и нападут. Если окажется, что противник все-таки сильнее,— пусть отступят. И снова нападут. Пусть держат тарпана, рвут его за бока, уворачиваясь от копыт, пока не подоспеет вожак и не взрежет добыче пах.

Но одним отрядом Албатан не ограничился. Выделил еще людей и отправил за теми, кто нападал утром. Албатан поду-

мал: может, они не захотят уйти? Слишком хорошо у них вышло сегодня. Слишком легко. Албатан подумал: может, они еще вернутся. Ночью. Или — следующим утром. Если те, кто поскачет по следу, увидят, что след поворачивает назад, пусть охотники разделятся. Одни пойдут дальше по следу, другие — наперерез. И узнают враги, что воины цапон умеют скрадывать не хуже хузар — лучше!

Глава семнадцатая

Преследование

Машег повел разведчиков «тропой лиса». Сначала на север, потом обратно, прямо по собственному «утреннему» следу. А верст через шесть повернул под прямым углом — к восходу. Теперь разведчики, двигаясь прямо, могли догнать своих. Но Машег не стал рисковать и заложил еще одну петлю длиной в десяток верст, дважды пересекавшую старый, «ночной» след, оставленный разведчиками, когда они в темноте подбирались к печенежскому лагерю. Замкнув петлю, Машег проехал по ее дуге еще немного, до «ночного» следа, намотал еще одну петельку поменьше. И еще одну. Но и после этого хузарин не поехал прямо, а вернулся на «ночной» след, где разведчики и залегли.

Машег мог относиться к печенегам презрительно, но знал, что любой степняк-охотник сумеет распутать «лисьи» петли. Поэтому решил применить еще одну хитрость. Последнюю.

Разведчикам не пришлось долго ждать. Очень скоро они увидели, как в полутора стрелищах по «утреннему» следу прошел печенежский отряд численностью примерно в два больших десятка.

Печенеги не очень торопились. Терпения им не занимать, а в такой «волчьей» охоте исход зависит не от скорости, а от упорства. Именно так волчья стая травит стремительного тарпана. Неторопливо, упорно, разделяясь и сокращая путь, если жертва сворачивает с прямого пути, и вновь соединяясь, когда тарпан бежит по прямой. Рано или поздно хитрость и выносливость побеждают быстроту.

Но хузарин — не тарпан. Он тоже умеет хитрить. Машег подождал, пока печенеги скроются за холмами, затем поднял своих и повел по широкому следу, оставленному погоней.

Когда они достигли места, где Машег свернул на восток, то обнаружили, что преследователи разделились. Одна группа продолжала двигаться на север, вторая свернула навстречу солнцу, «выиграв» у хузар дюжину верст. Это было не страшно. Больше степняки делиться не станут. Хузары преподали им слишком хороший урок. Печенеги не рискнут выступить против них без серьезного численного преимущества.

Еще несколько верст — и разведчики опять сошли с тропы. Укрылись за старым курганом, приготовились.

Ждали недолго. Отряд, дошедший до «тупика», возвращался галопом. Печенеги проскакали в половине стрелища от залегших разведчиков. Но те стрелять не стали. Вот если бы печенеги были повнимательней и обнаружили их, тогда пришлось бы драться. Но степняки, «вытянувшие пустышку», слишком торопились соединиться со своими.

Когда топот копыт стих, разведчики поднялись и двинулись на север. Закладывая петли, они потеряли полдня. Но Машег не сомневался, что, распутывая следы, печенеги истратят еще больше времени. Если вообще сумеют их распутать. А разведчики тем временем спокойно выедут на дорогу и до темноты пройдут еще верст двадцать.

Заночевали, свернув с дороги, у речки. Машег предпочел бы идти и ночью, чтобы уж наверняка оторваться от погони (имея по паре заводных, разведчики могли себе это позволить), но Шуйка совсем выдохся. Древлянин, хоть и был такой же невысокий и тонкокостный, как печенеги, но родился все же не в степи, а в лесу и спать в седле не умел. Нет так нет. Трава у реки густая и сочная, а отдохнувшие сытые лошади бегут веселей. Наверстают потерянное.

Дозорного не выставляли, зато встали чуть свет. Перекусили, скормили коням остатки овса, чтоб резвее бежали,— и тронулись.

Ехали по дороге — так быстрее. В высокой траве коней рысью не пустишь: только шагом или галопом. На первом же взгорке Машег встал на седло, огляделся... и увидел позади пыль. Правда, далеко.

Это было неприятно. Неужели степняки так быстро разобрались с Машеговыми хитростями? Или это кто-то другой, случайный?

Подождать и поглядеть, кто? Рискованно. А если это все-таки печенеги, то можно ли при таком раскладе догонять своих? Не лучше ли взять в сторону и увести погоню?

Право решать принадлежало Машегу. Он — старший. Машег решил так: с дороги сойти, пересечь вброд речку и дальше идти противоположным, более высоким берегом. И не особенно торопиться. Пусть преследователи подойдут поближе.

Так и сделали.

К полудню пыльный столб был виден уже совсем хорошо, и стало понятно, что это не какие-нибудь купцы с товарами. Те идут медленнее.

Это было плохое известие. Зато было и хорошее. Впереди замаячила рощица. Небольшая, но достаточная, чтобы укрыться лучше, чем в траве.

Когда солнце перевалило через зенит, разведчики въехали в тень деревьев.

Ручеек, образованный бьющим из земли ключом, стекал в реку. Наполнили фляги, смочили губы. Перед боем нельзя пить больше пары глотков.

— Ждем,— решил Машег.

Шуйка вскарабкался на дерево — и тут же очень проворно съехал вниз.

— Худое дело,— сообщил он.— Идут двумя отрядами. Один — по дороге пылит, второй точь-в-точь по нашему следу. С собачками.

— Много их? — в один голос спросили хузары.

— Десятка по два.

Много. И прятаться при таком раскладе не имело смысла.

— Может, тут засядем? — предложил Шуйка, которому эта рощица представлялась более надежной, чем голая степь.

— Нет,— покачал головой Машег.— Не устоим.

— А может... я один? — не очень уверенно предложил древлянин.— Собачек побью — вы и оторветесь.

— А ты?

— А я... Как-нибудь. Не боись: живым не дамся!

Хузары переглянулись. Ни Рахуг, ни Машег не смогли бы вот так вот по собственному почину принять смерть.

Машег подумал немного...

Без Шуйки они с Рахугом точно бы ушли. Раньше он так бы и поступил. Машег — хузарин чистой крови, Шуйка — безродный славянин, никто. Но теперь они все — варяги. А варяги без крайней нужды своих не бросают.

— Насчет собачек — мысль верная,— согласился Машег.— А поступим так: подпустим поближе, псов побьем. И пацинаков, тьфу, печенегов побьем, сколь успеем. И уходим от дороги прочь. Здесь тракт петлю делает, а мы срежем. И этих собьем, и наших опередим.

— А оторвемся? — с сомнением спросил Шуйка.

— Оторвемся! Кони отдохнули, степь тут холмистая. Оторвемся, ничего. Лезь, Шуйка, на дерево и говори, как там чего.

Древлянин вскарабкался наверх.

— Идут,— сообщил он.— Те, что на тракте, вперед ушли, а эти идут!

— Как думаешь, уйдем? — вполголоса, по-хузарски спросил Рахуг.

— Бог знает,— сказал Машег.

— Ты, если что... О моих позаботься! — попросил Рахуг.

— А ты — о моих.

Оба они — из знатных, но ослабевших родов. Старинные роды, те, что пришли из Персии, те, что давали хакану воинов, меньшали год от года. А те, что пришли от ромеев и жили торговлей,— те множились. За них воевало золото, на которое нанимали иноверцев: язычников, мусульман. Хакан Йосып сам был из таких. Может, потому и скачут теперь печенеги там, где недавно рос хузарский виноград?

— Ой-ой! — вскрикнул наверху Шуйка.

— Чего там? — забеспокоился Рахуг.

— Степняки сошли с дороги. С другой стороны забежать хотят.

— Слезай,— скомандовал Машег.— Возьми коней и жди на северной опушке.

Он вытянул лук из налуча. Налуч у Машега — богат. Но лук еще богаче. Клеенный из лучшей древесины трех сортов, усиленный по спинке верблюжьими жилами, костью, защищенный от сырости толстым слоем гладкого черного лака. Отличный лук, одним словом. Многие враги Машега подтвердили бы это... Если бы мертвые умели говорить.

Машег присел на колено, выложил перед собой полдюжины стрел — чтоб брать удобней.

Печенеги, зашедшие со стороны восхода, громко переговаривались. Второй отряд, сторожась, шагом приближался к западной опушке рощи. Собак, поджарых степных гончаков, держали на поводках, луки — наготове. Машег видел напряженные лица врагов, сощуренные глаза, пытавшиеся высмотреть противника в густой листве. Он мог всадить стрелу в любого, хоть в узкую щелку глаза. Печенеги, скорее всего, догадывались об этом, поскольку уже точно знали: преследуемые здесь, в роще. Машег чувствовал их страх и неуверенность. Второй отряд наверняка вел себя так же. Будь Машег их командиром, он велел бы воинам спешиться и подбираться, прикрываясь лошадьми, а еще лучше — ползком. Но это была варяжская, а не степная повадка.

Машег ждал: сейчас они по сигналу завизжат, бросятся все разом, лупя наугад по всякому подозрительному шевелению. Колючий кустарник на опушке их задержит...

«Эх,— подумал Машег,— будь нас хотя бы дюжина — побили бы пацинаков, как сусликов!»

Тут один из степняков не выдержал — спустил пса.

Черно-белый пятнистый гончак с хриплым рычанием рванулся вперед.

Машег и Рахуг одновременно обнажили сабли...

Если пес обучен как следует, он не станет нападать на человека. Но этого гончака, видно, учили на беглых рабах. Вместо того чтобы остановиться и голосом позвать хозяина, полудикий зверь с разбегу прыгнул на Машега.

Хузарин, привстав, отклонился, изогнутый клинок мелькнул, пес упал на четыре лапы, но, споткнувшись, покатился по траве да так и остался лежать.

Машег вернул саблю в ножны, бросил быстрый взгляд на Рахуга. Товарищ его уже накладывал стрелу.

Второго пса не было видно за высокой травой. Но там, где он был, трава волновалась. Кроме того, именно туда убегал черный ремень поводка.

Тетива щелкнула о рукавицу — и пронзительный визг подтвердил, что Рахуг не промахнулся.

Дальше события раскручивались с молниеносной быстротой.

Оба хузарина с невероятной скоростью выпустили с дюжину стрел, вскочили и, петляя между деревьями, помчались к северной опушке. А печенеги, как только засвистели стрелы, привычно рассыпались веером, вскидывая луки. Степняки совершенно точно засекли места, откуда стреляли. И закидали рощу градом стрел. Но хузар там уже не было. Несколько секунд промедления сделали ответную стрельбу бессмысленной.

Увидев хузар, Шуйка сразу пустил коней вперед. Машег и Рахуг на ходу прыгнули в седла, и разведчики вылетели из рощи. Заводные лошади скакали следом, а печенеги...

Конечно, степняки заметили разведчиков, но опять с опозданием, когда те уже ушли слишком далеко для прицельного выстрела.

Оба отряда тут же пустились в погоню, но у разведчиков кони были свежее, и расстояние между преследуемыми и преследователями продолжало увеличиваться.

Впереди невысокой грядой тянулись холмы. Когда разведчики добрались до склона, степняки отставали от них почти на три стрелища.

Печенеги скакали двумя группами, держась друг от друга примерно в четверти версты. Так борзые гонят петляющего зайца. Но Машег не петлял, а уверенно направил коня между двумя холмами. Степнякам придется выбрать: или скакать напрямик, через холмы, или обогнуть их. В любом случае, они потеряют время.

Жеребец Машега был резвее, поэтому он первым взлетел по пологому склону и...

Машег осадил коня так резко, что тот присел на задние ноги.

Впереди, в каких-нибудь трех сотнях шагов, рассыпавшись цепью, навстречу разведчикам двигался еще один печенежский отряд.

Вероятно, появление всадника было для степняков такой же неожиданностью. Или они не сразу поняли, что перед ними — враг. Поэтому хузарин успел развернуть коня и бросить его вниз по склону раньше, чем на него посыпались стрелы.

— Печенеги! — закричал он своим и, бросив поводья заводных, погнал жеребца поперек склона.

Степняки по ту сторону холмов завопили. Им откликнулись те, кто преследовал.

Рахуг, сообразив, что происходит, развернулся, но поскакал в другую сторону, на запад.

Шуйка замешкался, не зная, какое направление выбрать, наконец сообразил и последовал за Машегом.

— Брось! — закричал ему хузарин.— Брось заводных, Шуйка!

То ли ветер отнес его слова, то ли древлянин не разобрал, о чем кричит хузарин.

Шуйка запоздал. Печенеги из третьего отряда обогнули холм с севера. Шуйка взял правее, но справа к нему тоже скакали враги.

Шуйка подтянул к себе заводного коня, на ходу перепрыгнул на него, но сделал это недостаточно ловко, конь споткнулся и едва не упал. Печенеги с двух сторон неслись к древлянину.

Машег, оглянувшись, увидел, как его товарища берут в клещи, понял, что тот не успевает. Хузарин придержал коня, вытянул лук и принялся выпускать стрелу за стрелой, но расстояние было слишком велико даже для такого стрелка, как Машег: только одна его стрела попала в цель: воткнулась в шею печенежской лошади.

Шуйка гнал беспощадно, понукал коня... И все равно не успевал!

Несколько степняков поднялись на стременах, натягивая луки. Первая стрела ударила Шуйку в плечо. Древлянин удержался, но вторая стрела подсекла коня, и Шуйка вылетел из седла.

Степняки, привстав на стременах, мчались к нему. Они больше не стреляли, рассчитывая взять варяга живым. Двое или трое уже разматывали арканы...

Машег тщательно прицелился, но выстрелить не успел. Печенеги уже подскакали к лежащему в траве древлянину, заслонили его...

Машег вернул стрелу в колчан. У него их оставалось совсем мало.

Шуйка, оглушенный, приподнялся, глянул на оскаленные лошадиные морды... и, выхватив из сапога кривой нож, полоснул себя по горлу раньше, чем ему успели помешать. Машег

склонил голову: достойная смерть. И тут же выпрямился, привстал на стременах, высматривая Рахуга. Не высмотрел.

Зато печенеги, вертевшиеся вокруг Шуйки, опомнились и бросились к хузарину.

Машег наклонился к уху коня, шепнул: «Давай, родной»,— и отдал поводья.

Жеребец птицей рванулся вперед.

Через полчаса печенеги поняли, что хузарина им не догнать, и прекратили погоню.

Вечером Машега догнала одна из заводных. Это была двойная удача: к ее седлу был приторочен бурдюк с водой. И еще одна, отдельная удача — кое для кого, попавшегося на глаза хузарину утром следующего дня и только благодаря заводной оставленного в живых. Своего боевого коня Машег ни за что не стал бы обременять дополнительным грузом.

Глава восемнадцатая

Мышеловка под названием «Дикое Поле»

Дозоров варяги больше не высылали. Их осталось слишком мало, чтобы это имело смысл. Теперь они просто ехали по дороге, время от времени меняя коней.

Около полудня Понятко углядел впереди, слева от дороги, одинокого всадника. О чем и сообщил своему десятнику. Всадник скакал к ним.

— Стой! — скомандовал Духарев.

Тот, кто в одиночку уверенно и открыто скачет к группе воинов, вряд ли окажется врагом.

Нехорошее предчувствие овладело Сергеем. Он, щурясь, пытался разглядеть поподробнее крохотную фигурку, но расстояние было слишком велико. Всадник с заводной лошадью — вот все, что он видел.

Но у других были глаза получше.

— Это один из наших хузар! — уверенно заявил Понятко.

Варяги молча ждали.

Наконец тот же Понятко сумел разглядеть лицо всадника:

— Машег!

Черт! А остальные?

Стыдно сказать, но Сергей, услышав имя, даже обрадовался. Машег был ему намного ближе, чем Рахуг и Шуйка.

«Не смей думать, что они погибли! — суеверно приказал себе Духарев.— Они могли просто разделиться, в конце концов!»

— Кого-то везет,— проговорил Понятко.

Поперек седла лошади, которую Машег тянул на поводу, лежал человек. Связанный. Значит, не свой, пленник.

Хузарин подскакал, спешился. Ноги его великолепного жеребца дрожали от усталости.

— Поводите их, кто-нибудь,— попросил Машег.

— Мисюрок! — скомандовал Духарев.

Парень с явным неудовольствием (ему тоже хотелось услышать, что произошло) принял поводья.

Мимоходом ухватил пленника за пыльные волосы, заглянул в лицо, ухмыльнулся.

Машег отстегнул флягу, встряхнул: пуста. Устах молча протянул ему свою.

— А где остальные? — спросил нетерпеливый Сирка.

Машег вернул флягу, сделал пару шагов — его покачивало.

— Остальные — там,— хузарин показал на небо.

Сергей выслушал рассказ Машега достаточно спокойно. Он видел, что хузарин не винит себя в смерти Шуйки. И Рахуга, которому, скорее всего, тоже не удалось уйти. Машег действительно не виноват. Не будь его конь так хорош, Машег тоже был бы мертв. И некому было бы принести злую весть.

«Нам повезло!»— с ожесточением думал Сергей.

И это тоже было правильно. Машег, единственный из них, знал Степь не хуже печенегов. Погибни он — и у варягов не оставалось никаких шансов. Совсем никаких. Противник оказался слишком умным и сильным. И отряд, который перехватил разведчиков, вряд ли был послан именно за разведчиками. Не наткнись на них хузары с Шуйкой, степняки через сутки-двое перерезали бы путь Духареву и остальным. Погоня за разведчиками стоила печенегам нескольких часов.

— Бывает и хуже! — подвел итог Духарев.— Ты кого привез?

— Старый знакомец,— хузарин распутал веревки, рывком стянул пленника с коня и бросил на траву.

— Ха! — воскликнул Сирка.— Попался, волчья сыть!

— Еду, гляжу: что-то знакомое в траве мельтешит! — сказал Машег.

— На что он нам? — недовольно проворчал Устах.— Прирезал бы — и всех делов.

У ног варягов, пыхтя и ворочая покрасневшими глазами, лежал сбежавший парс.

— Серегей хотел с ним говорить,— пояснил хузарин.— Правильно?

— Правильно,— кивнул Духарев.— Машег, ты как, из седла не выпадешь?

Хузарин одарил командира даже не возмущенным — удивленным взглядом.

— Тогда возьми свежую лошадь — и двинулись! — распорядился Духарев.— Этого возьмем с собой. Гололоб, Щербина, грузите его!

Парс что-то забормотал.

— Стойте! — Серега наклонился к нему.

— Я сам поеду,— просипел парс.— Не надо... Как барана... Я не сбегу. Огнем клянусь...

— Хорошо,— согласился Духарев, взял парса за штаны и за шкирку и рывком водворил в седло. Не очень-то и тяжелый.

— Гололоб, приглядывай за ним. А ты, парс, учти, что за нами печенеги идут. Угадай с двух раз, что они с тобой сделают, если поймают?

Парс счел за лучшее промолчать.

— Все, братья, по коням — и побежали! — сказал Духарев.

Да, теперь им оставалось только убегать. Вдевятером-то.

На душе у Сереги было хреново. Даже пойманный Машегом парс не улучшил настроения. И погибших ребят жалко. Есть, правда, слабый шанс, что Рахуг все-таки ушел... Проклятое золото! Серега охотно отдал бы его, чтобы оказаться сейчас дома, в Полоцке. Или хотя бы километров на триста севернее, где растут деревья, и где можно запутать врага по-лесному, спрятаться в чаще и проскочить в те края, где найдется управа на сотню степных разбойников. А может, еще и обойдется? Может, в Тагане стоит сильный отряд? Может, отыщется там небольшое крепкое судно для богатых варягов? Главное: убраться с этой плоской разделочной доски, которая называется Дикое Поле! Удержать запас дистанции, выигранный хузарским налетом на степняков.

Вокруг было много места и много света. Под Серегой был крепкий конь, и силы в руках тоже было достаточно. Но чувство, которое испытывал Духарев, было сродни тому, что испытывает мышь, изо всех сил бегущая к выходу из мышеловки и видящая, как неотвратимо падает вниз дверца-дощечка. Короче, Серега испытывал самый настоящий страх. Он спиной чувствовал, как неуклонно сокращается расстояние между ними и преследователями. И хуже того, он постоянно ожидал, что и впереди, у блеклого горизонта, в любой момент могут появиться крохотные, совсем не страшные издали, темные фигурки.

И тогда варягам останется только одно: драться. И умереть.

А умирать почему-то совсем не хотелось. Умирать было глупо.

«Дурак я! — подумал Сергей.— Надо было соглашаться на предложение Свенельда! Так нет же! Захотелось напоследок испытать степной вольницы! Вот и испытал. В полный рост испытал. Великая свобода удирающего от борзых зайца».

Серега словно бы увидел этого самого зайца, скачущего длинными прыжками, заложив уши, и рыже-белых, узких, как боевые топоры, настигающих борзых. Щелк! — Серый комочек метнулся в сторону, увернулся... Прямо в зубы второй борзой. Пронзительный визг, подброшенное вверх, мельтешащее лапками тельце. Рычание, хруст — лапки дернулись в последний раз, выпуклые глазки помутнели...

Нет, не бело-рыжие длинноногие борзые, а низкорослые всадники с опаленными солнцем коричневыми плоскими лицами. Отряды, идущие параллельными курсами, обгоняя, отсекая...

«Господи! — взмолился Духарев.— Дай нам хотя бы маленький шанс! Неужели я больше тебе не нужен здесь?»

Глава девятнадцатая

Великий князь киевский и его дружина

Войско двигалось по степной дороге. Ровные шеренги по четверо в ряд. Десяток за десятком, сотня за сотней. Все —

конные, даже тяжелые, светлобородые нурманы, которые предпочитали в бою опираться на собственные ноги,— тоже верхами. Без коня степь слишком просторна для человека.

Воины шли плотно, не боясь нападения. Далеко разосланные дозоры из коренных степняков заранее предупредят о возможной атаке. Если какой-нибудь безумец рискнет атаковать дружину русского хакана Игоря.

Сам хакан ехал впереди. По правую руку — варяг Асмуд, по левую — нурман Скарпи. Ближние. Почетно место рядом с князем. Хорошо еще и тем, что не надо глотать пыль, поднимаемую войском.

Дорога петляла, огибая холмы. Ее прокладывали не для ехавших налегке всадников, а для тех, кто идет с грузом. Повторяя изгибы тракта, изгибалась грозная змея княжьего войска.

Игорь глядел на холмы. Вершины иных были увенчаны каменными истуканами, другие — просто грудой камней. Могильные курганы древних воинов. Здесь, в степи, воевали всегда. Народы приходили и уходили. Одних вытесняли чужие копья, другие уходили сами. Богатые земли. Земля богатая, вон как травы вымахали! Посадить сюда черный люд — большую дань получать можно... Не посадишь. Налетят степняки: заберут зерно, посевы потравят, людишек угонят.

— Что за шум там, впереди? — спросил князь.

Асмуд поманил гридня, показал рукой: сбегай, узнай, кого там дозорные прихватили?

Гридень сбегал.

— Чумаки! — сообщил он.— Счас освободят дорогу!

Когда голова колонны поравнялась со смердами, их возы уже стояли сбоку, в траве.

Коренастые мужики в пыльных, выбеленных солнцем и солью рубахах мрачно глядели на грозные ряды воинов из-под широких соломенных шляп.

Великий князь поглядел сверху на смердов... и внезапно остановил коня.

Волна прокатилась по сверкающим шеренгам. Лес копий качнулся и замер. Колонна встала.

— Старший кто? — спросил князь.

Чумаки поглядели друг на друга, затем один вышел вперед, содрал с головы шапку.

— Ну я,— сказал он.

— Откуда волы лишние?

— Дык... Воз же у нас забрали,— ответил смерд, потупившись.

— Кто?

— Вои,— мужик пошевелил дорожную пыль босой ногой.— Должно, варяги... Усы вон такие, как у тебя.

— С йими еще хузар был! — вмешался другой чумак.— Точно!

Старший глянул на него недовольно.

— Варяги, хузар, а воз вот забрали!

— И вы отдали? — с усмешкой спросил князь.

— Дык... Попробуй не отдай! — Смерд в сердцах сплюнул.

— Много их было?

— Ну... Столько! — Чумак растопырил пальцы.— Или чуток поболе. Конные.

— А воз им зачем?

— Да ранены у них. Допрежь их меж лошадками везли. На возу-то сподручней.

— Давно это было?

— Дык, дни три тому. А может, четыре.

— Четыре,— сказал другой чумак.— Три дня тому то печенези шли.

— Что за печенези? Много?

— Много,— подтвердил чумак.

— Может, орда? — вполголоса предположил Асмуд.

— Как много? — спросил он.— Больше, чем нас? С кибитками?

— Не,— сказал чумак.— Вас поболе будет. А кибиток с йими нету. Вои одни. Быстро шли.

— Нас не тронули! — со значением вставил старший.

— Мы тоже не тронем! — успокоил князь.— Лови! — Он швырнул к ногам мужика серебряный резан и дал знак: тронулись.

Мужик подобрал подачку, отскочил с дороги.

Войско на рысях прошло мимо.

— Чё дал? — спросил его второй и закашлялся от поднятой копытами пыли.

Старший разжал ладонь.

— А-а-а...— протянул он пренебрежительно.

Резан был совсем махонький. С ноготь.

— Думаешь, они, батька? — спросил Асмуд.— Так вот прямо дорогой и идут?

— Почему бы им не идти дорогой? — отозвался князь.— А вот печенеги откуда взялись?

— Золото пахнет! — сказал Скарпи и рассмеялся.— Их не может быть много. Это земля Куркутэ. А Куркутэ где? У булгар! Побьем, батька! Не думай!

— А я вот думаю! — сердито перебил князь.— И знаешь, о чем?

— О чем, батька?

— О том, чуют ли эти самые печенеги золото или точно о нем знают! И что будет, если те варяги и хузары, что взяли у чумаков воз, и впрямь везут наше золото. И что будет, если степняки переймут их раньше нас!

Глава двадцатая

Парс, астрология, демоны и мрачные предсказания

— Мой дом — там, где я сам,— сказал парс, облизывая ложку.— А родина? Родина далеко.

Он протянул ложку Мисюрку, но тот мотнул головой: оставь себе. После парса он этой ложкой есть не станет.

— Не так уж далеко твоя родина,— возразил Машег.

На чистом войлоке перед хузарином были разложены стрелы. Машег занимался их сортировкой. На самых надежных делал особую пометку самой естественной краской: собственной кровью.

— Не так уж далеко,— сказал он.— Мои пращуры откуда пришли, по-твоему?

— Не спорю,— согласился парс.— Многие ваши до сих пор Ахурамазду почитают и огненные знаки на теле носят.

— Не только огненные.— Машег отложил очередную стрелу, повернулся к Духареву: — Помнишь, Серегей, ты про птичьи лапы говорил? То знак смерти.

— Да-да,— подтвердил парс.— Лапы стервятника. Или голова его.

— Фу! — поморщился Гололоб.— Шоб я на себе ворону поганую рисовал? Ну огонь, это я еще понимаю...

— Это одно и то же,— заметил Машег и усмехнулся.— По нашему обычаю мертвых в землю кладут, по вашему — огню отдают, а они,— он кивнул на парса,— трупы так бросают, падальщикам.

— Чё, прям так из избы и выкидывают? — изумленно воскликнул Понятко.

— Нет,— сказал парс.— Для этого есть здания особые, башни.

— Ой плохо тебе будет! — сочувственно проговорил Понятко.

— Что ты имеешь в виду?

— Где ж мы тебе эти самые башни отыщем? Уж не обессудь, придется тебя так кинуть. Как думаешь, найдут тя падальщики без башни? Не проворонят? — И захохотал, довольный. Сострил и скаламбурил.

Парс поглядел на Понятку, решая: рассердиться или нет? Решил, не стоит. Все же варяги обращались с ним пристойно. Не били. И даже накормили. Правда, отдельно. Как чужого.

— Ты лучше скажи: зачем от нас сбежал? — спросил его Духарев.— Чего испугался?

Парс ответил не сразу, но все-таки ответил.

— Увидел кое-что,— нехотя проговорил он.

— И что же?

Парс устремил на Духарева свои черные, блестящие, как мокрые маслины, глаза.

— Я,— сказал он,— провидец. И великий звездочет. Я гляжу на человека — и вижу, под какой звездой он родился, какие знаки небесные им правят. Вот на него смотрю,— он показал на Гололоба,— и вижу, каков он нравом, и судьбу его вижу.

— И какая же моя судьба? — заинтересовался Гололоб.

— Дурная,— сухо ответил парс.— В дни сии лучше б тебе в спокойном месте сидеть. Или кровь твоя прольется вскорости.

— Ха! — воскликнул Гололоб.— Эка невидаль! Мало, что ли, крови моей на сырую землю пролилось? Вона, последняя рана еще не зажила! Ты лучше скажи: живой я буду или помру?

— Этого я не вижу,— парс покачал головой.

— А про меня? — жадно спросил Понятко.

— Тебе легче,— сказал парс. Твой знак — быстрый, воздушный. Ты уцелеешь. Скорее всего.

— Ну-у! — разочарованно протянул Понятко.— Все у тебя так...— он покрутил растопыренными пальцами.— Бабка-гадалка и то точней скажет, что с человеком будет.

— А я не то, что будет, предсказываю,— уточнил парс.— Я говорю о том, что *возможно* будет.

— Это ты правильно толкуешь,— неожиданно поддержал чужака Машег.— Судьба человека — в руке Божьей. Вызнавать ее — дурно. А вот подсказать, что лучше,— можно.

— Хочешь, тебе подскажу? — предложил парс.

— Давай. Только про кровь не надо.

— Про кровь и не буду. Ждет тебя встреча скорая. Будет у тебя друг новый. Близкий друг. Скоро! И знак его — меч и мед.

— Меч — это хорошо! — вставил Понятко.— Лишний меч нам не помешает. А мед мы выпьем!

Хузарин промолчал: он обдумывал сказанное.

— Ладно,— подал голос Духарев.— Что ты предсказатель, мы уже поняли. Не поняли только, почему ты от нас удрал.

— Я звездочет,— еще раз повторил парс.— Я гляжу на человека — и вижу.

— И это мы уже слышали,— поморщился Сергей.— Давай выкладывай, чего ты испугался?

— Тебя,— мрачно изрек парс.

По ухмылкам варягов видно было: заявление парса им понравилось. Когда твоего вожака боится даже чужеземный колдун — это приятно.

Духарев их восторгов не разделял.

— И что же ты во мне такого увидал? — неприятно усмехнувшись, спросил он.

— О тебе звезды молчат.

— Ха! — воскликнул Устах и хлопнул парса по спине так, что тот чуть не опрокинулся в костерок.— Потому что он сам — ведун!

— Он прав? — спросил Духарев парса.

Тот покачал головой. Его ободранная физиономия мучительно исказилась.

— Звезды тебя не знают,— выдавил он.

Сначала Серега не въехал. Да, собственно, никто из варягов не въехал. Разве что у Машега мелькнула в глазах искра понимания. А потом...

— Давай-ка отойдем,— сказал Духарев, вставая.

На лицах кое-кого из его спутников проступило разочарование.

Они выбрались из овражка и отошли шагов на сто. Серега оглянулся, автоматически отметил, что огня не видно и дымом почти не пахнет.

Варяжская собачонка скатилась откуда-то сверху, тявкнула на парса, ткнулась Сереге в ноги.

— Свой, свой,— успокоил Духарев.— Сторожить!

Собачонка еще раз тявкнула и прошебуршала обратно.

Вдалеке тонко взвыл волк. Или шакал. Пасущиеся кони подняли головы, насторожились. Но сразу успокоились. Зверь далеко, а люди близко.

— Ну что там звезды? — проговорил Сергей.— Как это — они меня не знают?

— Человек рождается под звездами,— сказал парс.— Он рождается — и звезды видят его. Они ставят... оставляют отметки на нем. Одни из них благоприятствуют ему, другие враждебны. Ученый звездочет, зная, когда и где рожден человек, может расчесть человека и всю его жизнь. Веришь?

— Допустим,— Духарев и в прежнее время признавал, что в астрологии что-то есть.— Но что-то я не заметил, чтобы ты высчитывал, когда делал свои предсказания моим ребятам,— произнес Сергей.

— Я не просто ученый! — с важностью произнес парс.— Я великий звездочет! Звезды сами говорят со мной!

«Псих?»— подумал Духарев.

— Увы мне, великим мира сего недоступно понимание по-настоящему великого! — вздохнул парс.— Им желательно видеть красивые картинки да свитки с исчислениями...

— Ближе к делу,— перебил его Серега.— Почему ты сказал, что меня звезды не знают? И что это значит?

— Не гневись на меня, демон! — быстро проговорил парс.— Я буду молчать!

— С чего ты взял, что я демон? — опешил Духарев.

— Звезды не знают тебя, ибо ты не рожден под ними! — напыщенно произнес парс.— Посему ты демон.

— Да? — Серега ухмыльнулся.— А может, я бог?

— Воистину, ты шутник, демон! Будь ты бог, воплощенный в человеке, тело твое все равно было бы рождено женщиной под этими звездами.

— Ты что же, видишь, что я демон? — осведомился Духарев.

Он с огорчением начал понимать, что полезная информация, которую он получит от парса, скорее всего, не будет больше той, которую он получил от бабки-колдуньи, набросившейся на Серегу с палкой.

— Я *вижу*, что ты не рожден под этими звездами,— сказал парс.— А мне доподлинно известно из...

Беда с этими учеными! Что здесь, что в мире передовых технологий у них одни и те же заморочки. Набьют голову знаниями и готовы с ходу выдавать решения на все вопросы. И лишь немногим приходит в голову, что *много* знаний — это еще не всезнание.

— Плевать мне, что тебе известно! — перебил он ученого парса.— Я. Не. Демон! — произнес он раздельно.— Прими это как данность. Как я понял, обо мне ты ничего не можешь сказать?

— Нет, но...

— Стоп! А о моих воинах?

— Не многие из них переживут это лето,— мрачно произнес парс.

— Кто? — спросил Сергей.

— Не знаю. Беда над ними всеми. И над всей вашей землей. Этот год принесет перемены, а перемены — это всегда смерть многих. Может, и мне тоже,— грустно проговорил парс.— Скоро.

— Хочешь, я отпущу тебя? — Серегу вдруг пробило на милосердие.— Прямо сейчас?

Глава двадцать первая

Немного прошлого

Прошлой зимой Серега со Сладой и трехмесячным сыном решили съездить в Витебск. Сына крестить. В Витебске, как

сказали Сладе, жил сейчас булгарский священник, а в крохотной полоцкой общине священника не было.

Ехать предполагалось с комфортом. Серега попросил у знакомого купца большие крытые сани, взял из княжьих конюшен трех коней. Князя в городе не было: уехал в Торопец с малой дружиной. Распоряжался в Детинце Гудым, старший сотник, Серегин непосредственный начальник. Когда Духарев попросился сгонять в Витебск, Гудым возражать не стал. Время тихое, бездельное. Практичный сотник не просто отпустил Духарева — превратил отпуск в командировку, а вольного варяга — в официального гонца: дал два письма. Одно — лично витебскому посаднику, другое — для князя. Последнее тоже следовало отдать посаднику, чтоб тот отправил его дальше со своим человеком. Но этим дело не ограничилось. Гудым вызвал Устаха, велел взять десяток отроков и сопроводить Серегея до Витебска и обратно. Проверить, все ли спокойно на дороге.

Так что повезли Серегина сына словно княжича: на тройке да с охраной из настоящих княжьих дружинников.

Конечно, никто на них по дороге не напал. Может, и шалили на тракте лихие люди, но чтобы налететь на дюжину дружинников, надо быть не просто лихим, а абсолютно безбашенным. Если по уму, то следовало вперед послать тройку с одним юным отроком — в качестве живца. А остальным идти следом, на хорошем отдалении. Но использовать в качестве живца свою семью Серега бы все равно не позволил.

Приехали. Посадник, тоже варяг, принял ласково. С Серегой и Устахом он был и раньше знаком. Серега вручил письма, представил посаднику жену (дитя оставили в возке, с девкой-челядинкой), сказал, что — лекарка. Если кому нужно... Оказалось, болящих в Детинце нет. Зато зимует в городе старый волох, так что с медициной в городе все путем. Ну и отлично.

Посадник распорядился, чтоб гостей поселили в Детинце, вечером обещал пир. В их честь. С пирами, правда, дело обстояло так: был бы повод...

Серега с Устахом остались у посадника: беседовать, а Слада с сыном и челядинкой, тоже христианкой, отправились на поиски общины и заезжего булгарского священника. Духарев не возражал. Пускай прогуляются — погода стояла отличная:

солнышко, легкий морозец. Что их могут обидеть, Духарев даже мысли не допускал. Серега не сомневался, что порядок в городе — железный.

У посадника друзья варяги просидели долго. Новостями обменялись, вспомнили прошлое... Медку попили. Надо ж перед пиром... разогреться.

В общем, вышел Серега из терема такой жизнерадостный, что не сразу и заметил, что его за меховушку дергают.

Оказалось, пацаненок.

— Ты Серегей — варяг?

— Я,— признал Духарев.

— Посыл я,— пискнуло создание.— Сказано: коль не хошь, чтоб жену твою с дитем на торгу продали, беги живо на Качалкино подворье.

— Чего?!

— Того, что весть я тебе передал! Ногата мне за то обещана! Дашь?

Серега полез в кошель, бросил кусочек серебра, который тут же исчез в варежке.

— Ой!

Пока пацаненок ловил серебро, поймали его самого. Теперь он, взятый за шкирку, раскачивался в полуметре от земли.

— Слыхал шутку? — спросил Духарев у Устаха.

— Кто пропустил постреленка? — строго спросил синеусый варяг.

— Я,— признался один из витебских отроков.— Он сказал: посыл от жены к полоцкому гостю. Соврал?

— Сейчас узнаем,— произнес Духарев.

Пацаненок у него в руке перестал сучить ногами, глядел сердито.

— Кто тебя послал?

— Да женка твоя! Отпусти, больно!

— Насчет больно, это ты врешь,— заметил Духарев.— Какая она видом?

— Чё, не знаешь, какова твоя женка? — удивился пацан.

— Я-то знаю, а вот ты?

— Маленька така, чернява...

— Верно. И кто же это ее продавать вздумал?

— Щуса-купца сын. Он всю ихню обчину прибрал. Бает: в ей одни егойны челядинцы! — зачастил мальчишка.— А еще

булгар приблудный, чужак, да женка твоя. Да еще человек несколько, десяток или поболе.

— И как же это купецкий сын такую прорву народа обратал? — осведомился Духарев, уже начиная сомневаться, что происходящее — розыгрыш.

— Так со Щусом крепки робяты пришли, а те все не гожи, робы да пришлецы, да изгои.

— Так...— медленно протянул Духарев, опуская пацаненка на землю.

— Где — покажешь?

— А что дашь? — деловито спросил тот.

— Не обижу!

— Тады беги за мной!

— Серегей, подожди! — крикнул вслед другу Устах, но Духарев только рукой махнул.

— Что за шум? — на крыльцо вышел сам витебский посадник.

— Мальчонка к полоцкому варягу прибег,— тут же доложил отрок, пропустивший пацаненка к терему.— Грит, женку варяга на торгу продать хотят!

Посадник захохотал.

Смеялся долго. Потом обтер выступившие слезы, буркнул: «Ну шутники!» — и ушел в терем.

— Скажи-ка мне, малый, есть у вас в городе Щус-купец? — негромко спросил Устах у смущенного отрока.

— Может, и есть,— пожал плечами тот.— Я сам-то из Торопца, здешних плохо знаю.

— А кто знает?

— Да вот он! — Отрок показал на молодого парня у ворот.

Устах кивнул и зашагал через площадь. Утоптанный снег поскрипывал под его меховыми сапогами...

— Ты еще полайся — я тя вона чем приласкаю! — Хмурый парень в меховой телогрейке показал кулак маленькой женщине с младенцем на руках.

— Только попробуй! — ничуть не испугалась женщина.— Муж мой тебе руки по локоть обрубит!

— Ой-ой! Ужли такой грозный? — спросил другой парень, толстый, с белесыми, как у карела, бровями и ресницами, и ущипнул за грудь перепуганную соседку маленькой женщины.

Та взвизгнула.

— Небось муж твой — тоже из ваших? — ухмыльнулся парень, оглядывая презрительно сбившихся вместе мужчин и женщин. Если не считать женщины с младенцем и тощего седого мужчины в черном, все они тряслись от страха. Парню это нравилось.

Их было четверо, плечистых, кряжистых, с тяжелыми дубинками, охранявших дюжины полторы загнанных в угол людишек, даже не пытавшихся сопротивляться.

— Да, из наших! — с вызовом бросила маленькая женщина. Щеки ее порозовели, глаза блестели от гнева.

— Ягодка! — ухмыльнулся парень.— А дай-ко я попробую, какова ты на щуп. Крытка, возьми у нее дитенка!

— Не смей! — выкрикнула женщина, подавшись назад.— Люди! Помогите!

В большом чадном зале харчевни раздались смешки. Симпатии посетителей были явно на стороне парней.

— А ты бога своего попроси! — крикнул кто-то.

Толстый парень неожиданно с силой хлопнул женщину по лбу, а второй быстро выхватил у нее ребенка. Женщина кинулась к нему, но толстый перехватил ее, стиснул. Женщина вскрикнула, меховая шапка ее упала на пол.

Никто и не думал за нее вступиться.

Во всей харчевне только один человек, сама хозяйка, Качалка, наблюдала за происходящим без одобрения. Черный священник был ее постояльцем и платил серебром. Зато и таскались к нему всякие холопы да изгои...

— Потерпим же, дети мои,— негромко сказал мужчина в черном.— Аки святые великомученики претерпели...

Женщина затихла, глядя на запеленутого в меховую муфту младенца. Парень в телогрейке, делая вид, что сейчас уронит на земляной пол, раскачивал его на ладони. А младенцу нравилось...

— Не балуй, не балуй,— бормотал толстый, тиская женщину.— Не то дрогнет у Крытки ручка — и детё твое насмерть ушибется.

— Эй, паря, не теряйся! — крикнули ему из-за стола, где пятеро местных, воев по виду, приканчивали уже дюжинный кувшин медовухи.— Задирай хрестянке подол да вали на лавку! Чай не девка, в цене не потеряет!

Внезапно кто-то заслонил дверной проем. Длинная тень упала поперек зала. Высоченный воин шагнул вперед и замер, пока глаза его, после яркого солнца, привыкали к чадному сумраку харчевни.

На него глянули мельком: воин и воин, ничего особого. В дальнем углу разыгрывалось представление повеселей скоморошьих игр.

И шелест вынутого из ножен меча тоже никто не услышал. Только дебелая Качалка, увидев клинок, успела сказать:

— Эй, варяг, ты чего?..

Парень в телогрейке все еще раскачивал младенца, когда тусклая молния прошла поперек его руки.

И рука эта со стуком упала на пол.

Младенца скользнувший вперед варяг успел подхватить свободной рукой.

Клинок варяга мотнулся вперед и кольнул в затылок толстого парня. Как будто совсем легонько — но толстый почему-то сразу отпустил женщину и стал заваливаться назад.

Варяг развернулся и окинул харчевню бешеным взглядом. В левой руке — младенец, в правой — меч...

Парень в телогрейке наклонился, поднял отсеченную руку и попытался приставить к хлещущему кровью обрубку...

Все еще могло бы обойтись... Двое оставшихся парней застыли...

Но тут один из насосавшихся медовухи, обиженный прервавшим развлечение вмешательством, дико заорал: «Бей!»— и, подхватив с лавки топор, швырнул его в варяга.

Воин пригнулся, и топор треснул в стену.

Приятели «топорника» повскакивали с мест, хватаясь за оружие, парни с дубинками, вместо того чтобы бежать со всех ног, решили вступить в бой...

И умерли первыми, даже не успев поднять дубинок.

Варяг вспрыгнул на ближайший стол. Из тех, кто за ним сидел, только один сообразил нырнуть под столешницу. Остальные разлетелись в облаке кровавых брызг.

— Стража! Стража! Убивают! — истошно заорал кто-то, выскакивая во двор.

Варяг спрыгнул со стола прямо в группу упившихся медовухи...

Минуты не прошло, а в харчевне из живых остались только забившиеся в угол христиане, пара-тройка притаившихся под

лавками и хозяйка харчевни, с остановившимся взглядом и открытым ртом.

Кто-то снаружи сунулся в дверь, увидел кровавые ошметки и страшную фигуру — и мигом вылетел обратно.

— Серегей! — Слада бросилась к мужу (тощий священник попытался ее удержать, но не успел).— Серегей!

Духарев опустил меч, медленно выдохнул.

Из-под лавки высунулась нога в валенке. Сергей не стал ее рубить, просто пнул — и нога поджалась обратно.

— Успокойся, успокойся,— тихонько говорила Слада, гладя его руку.— Все уже, все...

Когда-то он сам ей так говорил...

Четверка стражников ворвалась в харчевню с оружием наголо. Гридень и три отрока. Один отрок, мальчишка лет шестнадцати, поскользнулся в луже крови, наступил ногой на груду кишок, вывалившихся из распоротого живота «топорника», увидел, во что угодил сапогом, побледнел и едва сдержал рвоту. Молодой еще, непривычный.

— Ах ты, лешево семя...— пробормотал гридень, озирая учиненную в харчевне бойню. Тут его взгляд наткнулся на Духарева.

Вид у Сереги был странный и страшный одновременно. Забрызганный кровью громила; в одной руке — здоровенный меч, в другой — младенец, завернутый в меховую муфту, тоже в кровавых брызгах.

Молодой отрок шагнул в сторону, и свет из дверей упал на Серегу.

— Варяг...— пробормотал гридень. И громче: — Варяг! Ты, это, бросай меч! По-хорошему бросай!

Витебский дружинник если и видел Духарева раньше, то сейчас не признал и принял Серегу за вольного варяга, поскольку на нем не было знаков принадлежности к дружине Роговолта.

Сергей медленно покачал головой.

Гридень поглядел на своих... Ой как ему не хотелось бросать юнцов на настоящего варяга, но долг есть долг, и он негромко скомандовал:

— Берем...

В иное время Серега оценил бы его отвагу, но сейчас, увидев, как стражники подняли щиты и изготовились, Духарев ощутил только вновь поднимающуюся ярость.

Не глядя, он передал Сладе сына и шагнул вперед...

Скорее всего, Серега порубил бы и гридня, и троих отроков и навеки рассорился с витебской дружиной...

— А ну, что тут такое делается? — раздался голос Устаха.

Синеусый варяг в сопровождении нескольких полоцких дружинников появился в харчевне.

На нем был значок десятника Роговолтовой дружины, и стражники моментально расступились.

— Ага! — изрек Серегин друг и ухмыльнулся.— Знакомый вид. Требуха, кровища — и гридь Серегей посередке. Нет чтоб меня дождаться!

Звенящая струна в Серегиной груди ослабла, гнев разом вышел и растворился.

— Да тут и делов-то — всего ничего,— проворчал он, стряхивая с меча красную влагу.

Стражники поглядели на варягов с откровенным ужасом.

Один отважный гридень, вспомнив, что находится «при исполнении», гордо выставил подбородок:

— Мы...

— Ну-ка, самого молодого — за посадником! — перебил его Устах.

Поглядел брезгливо на вспоротое чрево «топорника» и добавил:

— Пошли-ка во двор, Серегей! Уж очень здесь воняет!

Сереге тогда не выставили никаких официальных обвинений. Наоборот, посадник даже принес ему формальные извинения: Серега, варяг, дружинник князя, был в своем праве, когда вступился за свою семью. А все те, кого он порубил на постоялом дворе, наоборот, вышли преступниками, посягнувшими на честь достойной женщины и понесшими заслуженное наказание. И никакой кровной мести от родовичей погибших быть не могло. Да и кто решился бы объявить кровную месть *княжьему* варягу. Так что все утряслось. И пир состоялся. И почтенный купец Щур выплатил шестьдесят гривен компенсации. Почти разорился, но был очень счастлив, что варяг простил, не вызвал купцова сына на смертный бой.

Больше того, история о варяге, который вмиг нашинковал и тех, кто обидел его семью, и тех, кто допустил, чтобы его близ-

ких обидели,— стала в княжестве общеизвестна и получила полное одобрение полноправных граждан. Правду всем миром надобно защищать, а не только князю да дружине. В общем, приступ почти берсерковой ярости обратился только на пользу Серегиному авторитету, а полоцкий князь, по обычаю получавший виру за убитых и в спорных случаях самолично устанавливавший ее размер, стребовал с Духарева за полный воз покойников одну гривну. Символически. А доверие его к Сереге только возросло: до сего момента Роговолт не раз замечал у своего гридня не подобающий дружиннику гуманизм и человеколюбие, полагал это следствием духаревского вероисповедания и, естественно, не одобрял. А когда «утесненный в праве» Духарев, как подобает любимцу Перуна, истинному варягу, порубил на капусту, не разбирая, и правых, и виноватых и доказал, что вполне «нормален», князь был вполне удовлетворен.

Об ущемлении прав остальных членов христианской общины не упоминалось. Потому что, как верно заметил мальчишка-посыл, были то сплошь рабы да изгои. Не было у них никаких прав по Правде. Так что и ущемлять было нечего. Княжий дружинник забрал семью и отправился в Детинец пировать, а его братья во Христе забились по щелям. Кто радуясь, а кто и печалясь, что не пришлось принять мученическую смерть и сменить тяжкую жизнь на вечное блаженство.

На следующий день булгарский священник крестил Серегина сына Артемием. Он был очень опечален случившимся, этот священник.

— Большой грех ты совершил, сын мой,— сказал он.— Но я тебе отпущу. Ибо не ведал ты, что творишь. Ты воин, и доля твоя — убивать. Но, ради Христа, проливай лишь ту кровь, какую пролить необходимо. И щади тех, коих можешь пощадить. Иди, сын мой, и не греши более!

Еще через день полочане уехали домой. Позже Серега узнал, что после их отъезда посадник велел взять булгарина и еще восьмерых христиан, на которых ему указали как на первых в общине, и утопить в двинской проруби.

Когда Духарев услыхал об этом, он сначала рассвирепел, а потом плюнул и выкинул все из головы. Плетью обуха не перешибешь.

Но насчет «меньшей крови» Серега не забыл.

— Хочешь уйти — уходи,— сказал он парсу.— Возьми коня и убирайся.

— Ты добр,— с иронией проговорил парс.— Я проведу с вами эту ночь. Можно?

— Как хочешь,— Духарев повернулся к нему спиной и пошел к своим.

Теперь парс не сбежит. Он осторожен, но... любопытен.

Глава двадцать вторая

Таган

Утром парс тоже уходить не захотел, ехал тихонько в хвосте, стараясь лишний раз варягам на глаза не попадаться. Если бы не Серега, его бы уже давно прирезали. На всякий случай.

До цели, сурожского городка Тагана, оставалось совсем немного.

Вскоре они увидели море.

— Солеварни у них стоят в лимане, а сам городишко — закатнее,— объяснял Машег.— Там море глубже, и лодьям приставать удобней.

— А народу много? — спросил Духарев.

— В смысле, воинов? Чего не знаю, того не знаю,— ответил Машег.

— Я там бывал семь лет назад — там уже ваши стояли. Совсем малая дружина. Копий пятнадцать, так, за порядком следить. Но могли и большую поставить. Это уж от того зависит, как с печенегами столковались. Ежели они дань и им, и Киеву платят, тогда большой дружины не нужно.

— А разбойники?

— А что разбойники? Это против орды не устоять, а так... У них же стены есть. И море. Они там рыбой промышляют: у каждого лодка. И не всякий разбойник на них напасть рискнет. Куркутэ — хан сердитый.

— Я слыхал, Игорь туда своих посылал,— вмешался Понятко.— Сколько — не знаю. Но не столько, чтоб от орды отбиться, это точно.

— А от тех, кто за нами идет?

— Если запереться — можно попробовать,— подумав, сказал Устах.— Их дюжины две, да мы. Попробовать можно, если стены крепкие.

— Но там же не только дружина, там ещё люди живут,— напомнил Духарев.

— Живут,— сказал Машег и засмеялся.

— Что ты смеешься? На стенах вполне могут помочь!

— Серегей! Думаешь, чернь таганская против степняков встанет? Ты чумаков видал? А в Тагане вообще оседлые живут. Такие одного печенега увидят — убегут без памяти. Хоть их дюжина, хоть дюжина дюжин.

— Ну, это ты загнул,— фыркнул Духарев.

Презрение кочевника к оседлым — дело известное. А городок — не чистое поле.

— Так или иначе, а нам в этом Тагане осаду держать ни к чему! — подвел итог Устах.— Сторгуем лодью, возьмем воды поболе и поплывем на полночь. Пусть-ка берегом за нами идут, а, Машег?

— Пусть идут! — хузарин ухмыльнулся.

— Что тут забавного? — не понял Духарев.— Думаешь, мы на лодье иль насаде, даже на хорошем ветру, обгоним всадника двуконь?

— А хоть и не обгоним. Там берегом самое малое на шесть поприщ — ни ключа, ни колодца.

— А-а-а...

— А вот что мне не нравится, так этот дымок,— пробормотал Устах.

Из-под ладони он пристально изучал линию горизонта.

— Какой дымок? — спросил Духарев, щурясь от солнца.— Не вижу.

Когда-то Серега полагал, что у него превосходное зрение: по две единицы в каждом глазу. Мастер спорта по биатлону как-никак. Но по здешним воинским меркам зоркость его считалась — так себе. Средненькой.

— Я тож вижу,— подтвердил Понятко.— Чтой-то там горит, не иначе.

Варяги переглянулись. Неужто пожар?

Все трое поглядели на хузарина.

— Не боись,— успокоил тот.— Гляньте туда!

Три головы повернулись в указанном направлении. Примерно в двух сотнях шагов от дороги пасся табун тарпанов, диких степных лошадок.

— Ну и чё? — спросил Понятко.

— Эти бегучий огонь всегда чуют,— пояснил хузарин.— Раз травку щиплют, значит, не степь занялась, а что-то другое.

— Может, городок горит? — предположил Духарев.

— Может,— согласился Устах.— Наддадим?

— А смысл?

— Может, помощь требуется? Только что ведь занялось.

— Откуда ты знаешь? — спросил Духарев.

— Я б раньше заметил. Ну?

— Какая от нас помощь? — фыркнул хузарин.— Неполный десяток...

Оба поглядели на Духарева. Сергей подумал, оглянулся назад...

Вообще-то Машег был прав. Их всего девять. С другой стороны...

Он остановился, развернулся. Отставшие воины подтянулись к вожакам.

— Там дым,— сказал Духарев, махнув в сторону горизонта.— Возможно, это горит Таган-городок. Смените лошадей, пойдем быстро.

Это был приказ.

— Ты! — бросил Сергей к парсу, скромно остановившемуся поодаль.— Уходи!

Щербина скорчил рожу, показал, будто режет горло. Остальным освобождение чужака тоже не понравилось, но Серега передумывать не собирался.

— Давай, давай, двигай! — крикнул он.

Парс развернул лошадку и поехал прочь.

— Копченым не попадись! — крикнул ему вслед Понятко.— Закоптят на колбасу!

— Какая из него колбаса! — фыркнул Мисюрок.— Мослы на похлебку!

— Всё, тронулись! — скомандовал Духарев и повел свой маленький отряд навстречу приключениям. И даже не вспомнил о знаменитом мальчике с гаечкой вместо пупка. Том самом, у которого из-за любопытства попка отвалилась. Что поделаешь, такой характер!

Городок Таган стоял там, где земля широким мысом выдавалась в море. Со стороны суши его окружал земляной вал. Над валом поднимался черный копотный дым. Здешние дома строили из глины, крыли соломой. Соломенные крыши вспыхивали, как порох. Но город еще не горел. Горела укрепленная башня у самого моря. Городские ворота были распахнуты. Не разбиты, а просто распахнуты. Не похоже, что их брали с боем. И трупов у ворот не было.

Черный дым поднимался над башней, пачкая синий прозрачный воздух.

— К бою,— скомандовал Духарев.

Варяги проверились. Мисюрок вынул из сумы пегого песика, сбросил на землю:

— Гуляй!

Песик тут же ушмыгнул в траву. После драки он их найдет. Если будет — кого.

— Ну-у-у...— протянул Серега, глядя на узкую улочку, лежавшую за воротами.— Ну-у-у... Айда!

Варяги разом сорвались с места, влетели в ворота и понеслись между домами без окон, между глиняными заборами. Поворот, еще один...

И навстречу им, с визгом, вылетели печенеги. Не меньше дюжины.

Сшиблись мгновенно. Сергей левой рукой перехватил скользкую от крови печенежью пику, рубанул с правой, уклонился от сабли, сам ударить не успел — Пепел прянул в сторону, и третий степняк тоже не достал, пронесся мимо... Прямо под удар Устаха. На узкой улочке, в рукопашной, степнякам пришлось туго, несмотря на численный перевес. Машег и Понятко, заменивший Рагуха (с Рагуховым же, хузарским, запасным луком, оставшимся в общем припасе) в уже отработанной боевой схеме, врукопашную не полезли, били стрелами. Остальные прикрывали их клинками. В одном варягам повезло: колчаны печенегов были практически опустошены.

Духарев просек еще одну кожаную шапку, левой рукой перехватил сулипу, которую хозяин метнул в кого-то еще,— и вогнал ее в шею степняка, вознамерившегося попортить пикой спину Сирки Чекана, пока сам Сирка зажатым в левой руке боевым кистенем радикально изменял внешность другого печенега.

На Серегу тут же налетели двое. Он поймал основанием клинка сабельку противника справа. Противник слева, выпучив глаза, встал в полный рост на коротких стременах и вознамерился полоснуть по Серегиной шее. Духарев пригнулся — и клинок печенега переломился, ударившись о навершие Серегиного шлема.

Печенег затряс ушибленной рукой... И взвыл. Пепел цапнул его за бедро.

А противник справа уже валился с седла. Черенок стрелы торчал у него из-под мышки.

Поднятая копытами мелкая белая пыль лезла в глаза, щекотала ноздри.

Укушенный куда-то пропал, его сменил здоровенный степняк, вооруженный длинным копьем. Кровь на наконечнике была совсем свежая, и это привело Духарева в ярость. Он поднял Пепла на дыбы и рубанул сверху, в полную силу. Степняк прикрылся щитом, но легкий печенежский щит против варяжского меча не тянул. Дарёный клинок просек щит, как картон, прорубил запястье и смел печенега под копыта...

Духарев бросил Пепла вперед... И обнаружил, что впереди — никого. Серега вырвался из мясорубки боя. Собственно, и схватка почти закончилась. Налетевшие сгоряча степняки слишком поздно осознали свою ошибку. Те, кто еще был жив, человека четыре, попытались прорваться к воротам. Но к этому времени улочку уже запрудили заводные кони варягов. Несколько раз щелкнули хузарские луки — и дело сделано.

Но впереди, у горящей башни, судя по доносившимся оттуда звукам, разборки еще продолжались.

Важный гусак вышел из разбитых ворот чьего-то двора, поглядел на трупы, неодобрительно гоготнул и вразвалочку двинул через улицу.

— Гололоб! Мисюрок! Со мной,— выкрикнул Сергей и послал Пепла в галоп.

Гусак захлопал крыльями и взлетел на забор. Пролетавший мимо Мисюрок выбросил левую руку, сцапал гусака, свернул ему шею и запихнул птицу в сумку, где раньше сидел пес.

— Мальчишка,— проворчал Устах, непонятно, одобряя или осуждая. Огляделся. Так, Машег. Понятно. Чекан. Вир? Виру

опять не повезло. На этот раз — навсегда. Храбрый варяг лежал ничком. Кольчуга у него на спине была разорвана, яркоалая кровь булькала и пузырилась в широкой ране. Устах спрыгнул с коня, нагнулся.

— Прощай, брат,— шепнул он и перерезал раненому горло.

Шагах в десяти, у забора, лежал Щербина. Ему последняя помощь не требовалась. Мертв.

Устах вздохнул и полез на коня. Возможно, у них еще будет время, чтобы воздать положенное телам друзей. Хочется надеяться...

Издали донесся знакомый рык. Серегей!

Мимо пронесся Машег, за ним — Понятко. На помощь своему командиру. Устах замешкался. Он устал. И биться, и вообще... Кровь, кровь... Такое случается с самыми бывалыми... Иногда.

— Старшой...— Сирка Чекан тронул стальную сетку на плече синеусого варяга.— Ты цел, старшой?

— Цел,— буркнул Устах.

— Ну так ты чего? Наши ж там! Побьют же!

— Да,— стряхивая отупение, сказал Устах.— Да! — И ударил коня каблуками.

Серега, а следом за ним Мисюрок с Гололобом, вылетели на открытое место. Площадь. Наверное, здесь был городской рынок, но сейчас ни рядов, ни палаток тут не осталось. Обломки, ошметки и трупы. Много трупов. Степняки, дружинники... Но больше местных, таганцев.

Площадь спускалась вниз, к пристани, а над пристанью нависала сторожевая башня. Башня горела. Горели и пришвартованные у берега суда. И причалы. Синеву моря уродовали черные разводы. А метрах в сорока от берега стоял большой корабль с красным узким корпусом. Чужой. Таких Духарев еще не видел. Но счел, что еще успеет его разглядеть. Сейчас были дела поважнее.

Башня горела. Пылала деревянная надстройка. Стена со стороны моря тоже была объята пламенем, но внутри башни кое-кто уцелел. И сражался. Вход в башню был перегорожен двумя высокими щитами. Больше не требовалось — вход был узкий. Снаружи толклось человек десять спешившихся степняков. Вообще-то их было больше, но у остальных нашлось

занятие поинтересней. Например, один степняк прямо посреди площади насиловал какую-то несчастную. Еще двое топтались рядом и так увлеклись зрелищем, что не сразу отреагировали на стук копыт. Серега достал обоих одним красивым ударом, а секундой позже та же участь постигла насильника. Гололоб, перегнувшись в седле, кольнул его пикой под левую лопатку. Печенег, подпрыгивавший до этого весьма резво, подпрыгнул последний раз, значительно выше, чем раньше, и покатился по земле. Бедняжка, которую он мучил, осталась лежать неподвижно, с раскинутыми ногами. Юбка ее была задрана на голову и завязана узлом. Живот и бедра — в крови.

Подлетев к башне, Духарев прыгнул в самую гущу степняков. В его левой руке был небольшой круглый щит и короткая сулица. В правой — меч, которым Серега, еще в прыжке, достал ближнего печенега. Упав на спружинившие ноги, Духарев молодецким ударом порвал слабую кольчужку степняка, который кричал громче всех. Печенег уронил оружие, прижал ладони к распоротому животу и завопил еще громче. А Серегин меч тем временем описал эффектную дугу — и голова третьего печенега подпрыгнула вверх, освободившись от уз туловища. Фонтан крови аж сразу троих — и Духарева заметили.

Сразу стало совсем тесно. Степняки, низкорослые, ловкие и яростные, насели на варяга, как псы — на мишку. Они умели биться кучей, скопом. С полминуты Духарев только и мог, что отмахиваться, прикрывая ноги, голову и лицо и уклоняясь от прямых ударов. Скользящие тычки копий и касательные удары сабель он игнорировал, привычно полагаясь на прочность доспехов. Вот щит у Духарева был слабоват. Зато удобен. А печенежская сабля — не нурманский топор. Да и куча, к счастью, не строй, а всего лишь куча.

Полминуты яростной атаки — и напор ослаб. Степняки были обескуражены неуязвимостью великана-варяга. Обескуражены и смущены. Духарев именно этого и ждал. Он знал печенежскую повадку: наскок — отскок. И немедленно перешел в наступление. Тычок сулицы — и зазевавшийся степняк остался без глаза. Шипящий полет клинка — звон переломившейся сабли — вопль — хруст. Ударом ноги Духарев опроки-

нул умирающего, перепрыгнул через него, уйдя от целящей по ноге сабли, развернулся и остановил бросившегося в атаку степняка самым эффективным способом: воткнув ему меч в живот.

Тут парни, что защищали башню, наконец сообразили, что пора переходить к активным действиям. Выскочили, развернулись грамотным строем. Правда, в строю их оказалось всего четверо, зато явились они очень вовремя. Не потому, что Духареву было не управиться с четырьмя пешими степняками, а потому что на помощь им уже спешили сородичи, и первая стрела пропела у Серегина уха и расщепилась о мостовую.

Последний пеший степняк повалился наземь, получив копьем в пах. Строй защитников башни разомкнулся, пропустил Серегу внутрь и снова сомкнулся. Несколько стрел гулко ударили в высокие щиты. Одна даже пробила край, но застряла в жесткой бычьей коже.

— Отходим? — рявкнул светлобородый воин в нурманском шлеме.

Сергей бросил взгляд на площадь, но никого из своих не увидел: только целую свору конных степняков с луками.

Оставалось надеяться, что свои успели скрыться. И Пепла не видно...

Светлобородый хлопнул Духарева по плечу:

— В башню, варяг, живо! — И Серега нырнул в узкий проход.

В нос ему тут же шибануло гарью, а лицо обдало жаром.

Один из отступающих замешкался, приоткрылся — и печенежья стрела пробила ему щеку, вышибла зубы и выскочила из другой щеки. Рана была не смертельная, но воин от боли и неожиданности не удержал щит — и полдюжины стрел прошили его тело.

Светлобородый яростно выругался.

Воин был совсем молодой, но уже с поясом гридня. Не помог и пояс...

Нурман ухватил убитого за ноги, отволок к стене. К двум другим мертвецам.

Серега перекинул налуч с запасным луком (первый был приторочен к седлу Пепла), накинул тетиву, сдвинул на бедро тул со стрелами... Черт! Чей-то меткий удар разрубил ко-

жаный колчан, и теперь почти все его содержимое годилось только на растопку. Из тридцати стрел уцелели только две.

— Варяг!

Духарев повернулся.

Светлобородый. Лицо — в разводах копоти, пота, пыли и крови, но сразу видно, что нурман.

— Ты откуда взялся, варяг?

— Да вот ехал мимо с друзьями! — Сергей ухмыльнулся.

Его физиономия была в такой же «маске», что и у нурмана, а усы — такие же грязные, как нурманова борода.

— Решил заглянуть... на огонек! Ты не против?

Нурман тоже ухмыльнулся: белые зубы блеснули на закопченном лице.

— А друзья, что же, побрезговали нашим гостеприимством?

Серега пожал плечами:

— На подворье у вас... тесно очень.

— Тесно,— согласился нурман.— А вас — много?

— Было бы много — так и на подворье сразу бы свободней стало,— отозвался Духарев.— Ладно, хорош лясы точить. С припасом у вас как? Стрелы есть?

— Были. Там,— Нурман указал наверх.

Высокий потолок был сложен из камня, аркой. На второй уровень вела лестница. Вернее, теперь уже не вела. Ее обломки валялись на земляном полу, а из квадратной дыры сыпалась вниз тлеющая труха.

— Не против, если я возьму у него? — Духарев наклонился к убитому, у которого в колчане еще оставались стрелы.

— Возьми,— кивнул нурман, собрался было отойти, но снова повернулся к Духареву, сказал сумрачно: — Бери все, что хочешь, варяг. Скоро и тебе, и нам уже ничего будет не надобно.

— Это еще поглядим,— возразил Духарев.— Надеюсь, мои предки еще годик-другой обойдутся без меня. Да и твои — без тебя.

— Я умру сегодня,— четко произнес нурман и пошел к своим.

— Это дело твое,— пробормотал Серега.— Лично я пока умирать не собираюсь.

По обе стороны от входа поднимались к бойницам сложенные из кирпича лестницы. Духарев прикинул, откуда лучше обзор, решил, что слева,— и полез наверх по узким ступенькам.

Глава двадцать третья

В горящей башне

Прошло около двух часов. За это время Серега сумел убедить печенегов, что нагло гарцевать перед башней — вредно для здоровья. Теперь полдесятка их, спешенных, топтались у самой стены, в «мертвой» зоне, остальные лежали тихо и скромно. Живые — на крышах ближайших домиков, мертвые — там, где их достали Серегины стрелы. Поначалу степняки пытались подавить одинокого стрелка массированным огнем, но из этого ничего не вышло. Слишком хорошая позиция была у Духарева, да и реакция отменная. Так что все влетевшие в каменную щель стрелы шли исключительно на пополнение Серегиного боекомплекта. Плотный обстрел хорош перед атакой. Но атаковать степняки больше не рисковали. Духарев подозревал, что большая часть их сейчас шарится по городку, а башню «держит» горстка стрелков. Но даже если и так, все равно делать вылазку — чистое самоубийство.

По крайней мере до темноты.

В теперешней же ситуации был один большой плюс: притаившиеся где-то в городке Устах с ребятами. И один большой минус: у Сереги оставались только три стрелы. Три отличные стрелы с острыми шилоподобными наконечниками, одинаково хорошо прошивающими и кольчугу, и тегиляй, и жесткую кожу. Выдержать такой удар могла доска [1] цельного нагрудника, зерцало или наборный пластинчатый панцырь вроде того, что носил Духарев. Подобных доспехов у печенегов не было, так что в случае попадания «мишень» можно было сразу вычеркивать из списка. Но три — это не тридцать.

[1] Здесь под словом «доска» подразумевается стальная пластина.

Эх, будь у Сереги побольше стрел, он бы устроил степнякам веселую жизнь. Подпалить соломенную крышу — раз плюнуть. Подпалить — и бить все, что зашевелится...

Но пока огонь «играл» на стороне врага. Из дыры в потолке сыпались уголья, обращенная к морю стена башни исходила жаром. Из щелей между каменными блоками сыпалась черная пыль.

И жарища — как в хорошей сауне. Только в сауне не сидят в воинском прикиде.

Сергей глотнул из фляги. Вода в ней тоже нагрелась. В Азии говорят: в жару надо пить горячий чай, а не холодную воду. Какая разница? Все равно выпитое тут же выходит испариной! Эх, сейчас бы бутылочку светлого пива прямо из холодильника! А лучше три! И самому — в холодильник!

Зашуршало. По лесенке поднимался нурман.

Влез, пристроился рядом, выглянул осторожно.

Нурмана звали Халли.

— Жарко,— сообщил он свежую новость.

— Считай, что ты в бане,— отозвался Духарев.

Баня бы нурману не помешала. Воняло от него хуже, чем от мокрого козла.

Халли сплюнул.

— То ваш словенский обычай,— буркнул он.

Серега ухмыльнулся. В народе говорят: «Полянин моется из ведра, кривич — из бочки, варяг — в речке, а нурман — пивом изнутри».

Но развивать тему Серега не стал.

— Копченые-то где? — спросил Халли.— Не вижу. Отошли, что ли?

— На крышах лежат,— ответил Духарев.— Мне не достать.

Нурман покосился наверх, где еще утром располагался «второй этаж» башни, а теперь имела место большая куча тлеющих углей. Да, оттуда все крыши были бы — как на ладони. Но теперь бывшая деревянная надстройка годилась разве что для того, чтобы приготовить очень большой шашлык.

— А твои — что? — спросил нурман.

Сергей пожал плечами.

Среди валявшихся на площади трупов его варягов не было. Значит, и Гололоб, и Мисюрок успели вовремя слинять.

— Может, ушли?

Духарев покачал головой.

Хотелось верить, что Серегина команда притаилась где-то в городке и прикидывает, как выручить командира. Бросить-то они его не бросят, Духарев не сомневался. А вот живы ли?..

— За каким хреном вы их в город пустили? — спросил Духарев.— Заперли бы ворота и отбивались всем миром.

— Да...— Нурман вытер лоб влажным грязным рукавом. Лоб его не стал от этого ни суше, ни чище.— Я оплошал. На бляху понадеялся.

— Какую бляху?

— Ханскую. Давай уж все по порядку расскажу...

Киевский князь поставил Халли командовать дружиной из одиннадцати гридней и шестнадцати отроков позапрошлой весной. По договору с хузарским хаканом. А от печенегов была у Халли золотая бляха со значком большого хана Куркутэ. Князь дал. Халли показывал бляху степнякам, прежде чем впустить в город. До сегодняшнего дня бляха срабатывала.

Ромейская галера, красный корабль, который Серега видел у берега, пришла в Таган вчера. Это была первая боевая галера, посетившая Таган. До этого бывали только торговцы.

Ромеи вели себя вежливо. Сделали подарки Халли и старшине, попросили разрешения взять воду, провиант. Пытались купить рабов — у них половину гребцов выкосила какая-то болезнь. Но рабов на продажу в городке не было. Полон сюда не везли, а чтобы отдать в галерники собственного холопа, надо уж распоследней сволочью быть.

А утречком прискакали печенеги. С полсотни. Халли показал им бляху, и степняки заверили, что будут вести себя мирно. Большая часть отправилась на базар. Покупали что нужно, выспрашивали торговцев про каких-то хузар с большими деньгами, потом пообщались с ромеями. Будь у степняков пленники, продали бы за хорошую сумму, но полона у печенегов на этот раз не было...

Халли подвело то, что за год он слишком привык полагаться на бляху. И на договора, что Киев заключил с Царьградом.

Печенеги напали внезапно. Все люди Халли, которые в этот момент оказались вне башни, были побиты в момент. А вот башня оказалась степнякам не по зубам. Дружинники затворились внутри, понимая, что их слишком мало, чтобы помочь горожанам. Да и наплевать, честно говоря, было Халли на чернь.

Ромеи получили гребцов, печенеги — золото ромеев и небедный городок на разграбление. Остатки же дружины русов могли отсиживаться в башне хоть месяц. Запасов хватало, а главное — в башне был колодец.

Халли прикидывал: галера уйдет, степняки — тоже. И тогда он даст знать князю о бесчинстве. А князь, в свою очередь, предъявит счет и кесарю, и хану.

Вероятно, о том же подумали и печенеги. А может, решили, что в башне спрятаны несметные сокровища.

Поэтому грабеж степняки отложили на потом, а вместо этого пригнали к дверям башни нескольких мастеровых с топорами. Люди Халли попытались пустить в ход луки, но стрелков, равных печенегам, среди них не осталось, поэтому попытка обернулась новыми потерями.

Дверь в конце концов развалилась, и степняки ринулись в узкий проход, образованный двумя поднимающимися к бойницам лестницами... И защитники в два счета вышибли их обратно.

Степняки истыкали стрелами щиты дружинников, но без толку.

И тогда в игру вступили ромеи.

Проклятая галера подошла поближе, несколько раз плюнула огнем...

Результат Духарев видел.

Халли, рассудив, что лучше погибнуть в бою, чем поджариться живьем, вывел своих наружу, но печенеги, естественно, в честную схватку вступать не стали, а принялись бить с седел...

Понятие «погибнуть в бою» Халли представлял себе несколько иначе, поэтому отступил обратно в башню. Печенеги, решив, что пятеро уцелевших — это не противник, сделали еще

одну попытку ворваться внутрь. Их отбили, а защитников осталось четверо.

Степняки оставили у башни небольшой отряд, чтобы не дать защитникам ускользнуть, и занялись более увлекательным делом: грабежом.

Вот тут и появились варяги.

Глава двадцать четвертая,

в которой описывается частный случай отмороженности, который называется отвагой

— Значит, печенегов было с полсотни? — спросил Духарев.

— Около того.

— А ромеев?

— Ромеев примерно столько же, но они драться не будут,— проворчал Халли.— За них золото дерется.

— А если мы печенегов побьем, тогда как?

Нурман засмеялся. Если это хриплое карканье можно назвать смехом.

Сергей покосился на него, но промолчал.

— Ты вот что, варяг,— строго произнес нурман.— Если меня раньше убьют — я тебе свою жену поручаю. Убей ее! Чтоб этим не досталась.

— Жену? — удивился Духарев.— Шутишь?

Он даже башню оглядел, поискал, где можно спрятать женщину.

— Вон она! — Халли ткнул вниз грязным пальцем.

Прямо под ними, прикрывшись щитами, стояли двое дружинников в шишаках и усеянных бляшками куртках. До Сереги не сразу дошло, что нурман имеет в виду одного... тьфу!.. одну из них.

Женщин в доспехах Духарев еще не встречал. И дело было даже не в том, что полный доспех, да щит, да прочее весили килограммов тридцать, а то и больше, а в том, что все это не просто носить надо, а еще и уметь со всем этим железом управляться. А научиться этому можно было только в дружине или у

конкретного мастера, вроде Рёреха. Насколько Сергей разбирался в местном менталитете, ни один нормальный воин не возьмет в ученики женщину, даже не женщину, а маленькую девочку, поскольку обучение обычно начинали лет в семь-восемь, а то и раньше.

— Это не я,— буркнул Халли, угадав, о чем думает Сергей.— Это ее отец в ратном деле наставлял. Сыновей у него не было, вот что. И нечего пялиться, понял? У тебя жена есть, варяг?

— Есть,— кивнул Духарев.— В Полоцке оставил.

Это прозвучало укором нурману, и тот стал еще мрачнее.

— Ты, варяг, думай что хочешь,— проворчал он,— а просьбу мою исполни. Ежели меня убьют, позаботься о ней, как о своей позаботился бы. Ну, обещаешь?

— Да,— ответил Духарев.— Позабочусь. Если тебя убьют.

— Ты Перуном своим поклянись! — потребовал Халли.— Поклянись, что примешь ее на свою честь, как собственную жену! Когда меня убьют...

Сергей развернулся к нему...

Кто-то из печенегов, видно, поймал движение и выпустил стрелу. Духарев дернулся в сторону, но стрела в бойницу не попала, расщепилась о стену.

— Слушай, нурман! — процедил Сергей.— Я тебе обещал? Обещал. Мало тебе моего слова?

— Ладно, ладно,— Халли успокаивающе поднял ладони.— Хватит и этого. Варяжское слово крепкое, то мне ведомо.

— Вот именно! — Духарев не глядел на него, наблюдал за крышами.

Нурман посидел еще немного, затем полез вниз. Ясно было, что поднимался он именно ради этой просьбы.

Нелегко нурману просить о чем-то варяга. Да еще чужого варяга. Да еще — зарезать собственную жену.

Серега его понимал. Но не сочувствовал. Не будь нурман таким хреновым командиром, не оказался бы в такой заднице. А сколько народу из-за него побило!

«А я? — подумал Духарев.— Чем я лучше? Привел ребят в мышеловку. Объехали бы стороной — все бы обошлось».

Обошлось бы. Вот только надолго ли?

Среди печенегов наметилось какое-то шевеление. Похоже, смена караула. По поводу обеда, вероятно. А Духареву есть

совсем не хотелось. От жары, наверное. И аппетит пропал, и некое разжижение мозгов наступило. То ли в сон клонит, то ли еще куда-то...

Так, в башне тоже смена стражи. Халли занял место одного из бойцов, а боец отошел в сторонку... и присел на корточки. Так-так-так! Теперь мы точно знаем, кто тут боец, а кто... боячка!

Вероятно, от жары, мысли Сергея зашкалило в область иронической фантастики.

В сложившейся ситуации тут же отыскались положительные моменты. Например, будь у печенегов гранатомет... С другой стороны, будь у Духарева рация, а километрах в шестидесяти — небольшой аэродром... Мысленно представив, как пара вертушек поливает крыши из всех стволов, Серега получил даже некоторое удовольствие.

На площадку опять забрался Халли. Выглянул осторожно.

— Тихо?

— Угу.

— Твоих не видать?

— Пока нет.

— Воды хочешь?

— У меня еще есть.

— На. Холодная, из колодца! — нурман протянул Духареву собственную флягу.

Духарев машинально взял, глотнул. Кайф! Действительно, холодная...

И тут он сообразил. И уставился на Халли.

Прозрачно-голубые глаза нурмана глядели очень серьезно. Еще бы! Нурман. Дал. Варягу. Свою. Воду.

— Спасибо! — Духарев протянул флягу хозяину, и тот тоже отпил, завершая обряд.

То есть все совсем серьезно. И теперь, по их нурманскому обычаю, Халли уже не имеет права выпустить Сергею кишки только на том основании, что нурману приглянулся Серегин доспех.

— Слушай,— сказал Духарев.— А ромеи не могут перетащить свою огнеметную машину на сушу?

— А кто их знает, это отродье Локи? — пожал плечами нурман.— Если могут, то мы обязательно об этом узнаем! — Он засмеялся. Потом предложил: — Спустись вниз, Серегей,— там прохладней. А я посторожу сверху.

— А как у тебя с этим? — спросил Духарев, похлопав по спинке лука.

— Зайца подстрелю,— сказал Халли, но в голосе его не было уверенности. Стрельба из лука никогда не была сильной стороной нурманов. Сулицу метнуть — это да! А лук...

— Лучше я сам,— сказал Сергей.— Стрел, видишь, почти не осталось.

Тут нурман оживился.

— Сейчас я добуду тебе стрелы! — заявил он и, топоча сапогами, сбежал вниз.

«Черт! — подумал Духарев.— Сейчас учудит что-нибудь!»

И точно.

Спустя пару минут Халли протиснулся между своими и выбрался наружу. В одной руке — меч, в другой — даже не щит, а какой-то мешок паршивый.

— Эй, копченые! — взревел нурман по-славянски.— Кто — на честный бой!

Печенеги отреагировали мгновенно и именно так, как мог предположить любой, кто их хоть чуточку знал: тут же осыпали наивного храбреца стрелами.

Сергей со своего места не мог видеть, что происходит прямо под ним. И большинство тех, кто стрелял, тоже были вне его сектора. Зато он очень отчетливо слышал звяканье, с каким стрелы бьются о железо. И еще — глухие удары — когда наконечники вонзаются в то, что помягче металла и дерева.

«Отморозок!» — сердито подумал он и тут увидел, что какой-то особо храбрый печенег на крыше, встав на колено, натягивает лук.

«Храбрец» успел-таки выстрелить, но только один раз. Последний. Серегина стрела воткнулась степняку в грудь и, вероятно, попала в кость, потому что печенега опрокинуло на спину. Нормальный вариант. Это только в американских вестернах подстреленный негодяй картинно наклоняется вперед и так же картинно падает с крыши. Реально же, что пуля, что стрела лупят будь здоров. Серега не раз видел, как пущенная из хорошего лука стрела выносит всадника из седла.

А стрельба между тем закончилась.

— Эге-гей! — Очень довольный Халли пританцовывал уже внутри башни и тряс истыканным стрелами мешком. Вот тебе и отморозок! Молодец, нурман!

Через пару минут Халли уже карабкался наверх, к Духареву.

— Ну, варяг? Вот так вот, варяг! Как тебе, а? — Он высыпал под ноги Сергею целую охапку стрел. Доволен, как ребенок, первый раз проехавший на велосипеде.

— У тебя кровь на ноге,— заметил Духарев, перебирая стрелы. Те, которые считал ненадежными, он откладывал отдельно.

— Кровь? Да, кровь. Я же не берсерк,— пренебрежительно отозвался Халли.— Пустяк. Уже не течет.

Печенеги совсем притихли. Гридни, вернее, один гридень и одна нурманка, тоже расслабились: сидели на земле, подперев щиты копьями. Будь это его воины, Сергей за такую халатность в несении караульной службы дал бы хороший втык. Первая же стрела опрокинет подобную конструкцию на раз. А вторая прикончит «конструктора».

Но здесь командовал Халли. И степняки больше не стреляли. Пляска смерти, которую только что откаблучил нурман, вероятно, произвела на них впечатление.

В общем, жить можно. Если бы не жара.

— Слушай, Халли, в колодце воды много?

— Нам хватит.

— А ополоснуться?

— Хо! — оживился нурман.— Холодной водичкой? Давай! Ты предложил — ты первый.

На этот раз Духарев не стал спрашивать, хорошо ли нурман владеет луком. Быстренько сбежал вниз, быстренько скинул с себя все, зачерпнул ведерко — и горстями, горстями... Вот это был кайф!

Серега не сразу заметил, что стал объектом пристального внимания. Нурманка и не представленный Духареву гридень пялились на него с нескрываемой завистью.

Духарев подмигнул нурманке, чумазой не меньше, чем ее муж, натянул рубаху, портки, подкольчужник и вылил на себя еще одно ведерко. Доспехи не проржавеют. Один умелец в Переяславле покрыл Серегины панцырь и кольчугу хитрым оружейным лаком.

После «купания» вновь возродился аппетит.

— Снедь у вас где? — спросил он.

Гридень кивнул на кожаную сумку. В сумке оказались вяленая рыба, яйца и относительно свежие лепешки.

Набрав продуктов питания, Духарев полез на свой боевой пост.

— Вторая смена,— сказал он нурману.

Халли спустился вниз. И устроил яростную выволочку расслабившимся подчиненным. Затем добавил еще кое-что по-нурмански, персонально для жены. Что именно, Серега не понял, поскольку так и не научился толком разговаривать на языке нурманов. Способности к языкам у Духарева всегда были посредственными. Его знания старонорвежского ограничивались сотней слов, половина которых была оскорбительного содержания.

Из ответа нурманки он тоже не понял ничего, кроме дюжины ругательств, адресованных, вне сомнения, мужу. Халли прорычал в ответ нечто совсем неуважительное об отце нурманки. Та не осталась в долгу.

«Мать вашу! — сердито подумал Духарев.— Вот только семейного скандала нам здесь не хватает!»

Но гнев его улетучился, когда он вспомнил свою Сладу. Вот его жена никогда не устраивала сцен. Ну, почти никогда. И никогда не спорила, если видела, что Сергей уже принял решение. Хотя (это Духарев должен был признать) и он почти никогда ничего не предпринимал, не посоветовавшись со Сладой. Такой обычай среди варягов не поощрялся, но даже Серегины друзья, включая и самого полоцкого воеводу Гудыма, не гнушались при случае поговорить с Серегиной женой.

А внизу перепалка разгоралась. Голосок у нурманки оказался зычный, под стать мужнину, разве что позвончее. Интересно, что думают печенеги, слыша эти вопли?

Внезапно раздался глухой удар, и звонкий голосок нурманки оборвался на полуслове.

Сергей глянул вниз, опасаясь, что дискуссию прервала печенежская стрела. Но все оказалось благополучней. Нурманка, согнувшись, ловила ртом воздух, а Халли, отобрав у нее щит, занял место у входа. Тяжелая у него, однако, рука, если вспомнить, что на нурманке — пластинчатый панцырь.

Женщина отдышалась, но выражать протест не стала, а отошла к колодцу и начала снимать доспехи.

Наверное, Духареву следовало наблюдать за печенегами, а не за раздевающейся женщиной. Тем не менее он продолжал глазеть на нурманку. И там было на что поглазеть, особенно когда женщина скинула рубаху и мужские полотняные штаны.

Будь волосы нурманки распущены, они прикрыли бы большую часть прелестей, но ее белокурая грива была собрана в косу, которую нурманка уложила вокруг головы — неплохая, кстати, амортизация под шлем. У южан, наверное, научилась.

Женщина наклонилась, чтобы умыться. Поза донельзя пикантная. Духаревский организм тут же напомнил хозяину, что тот уже и забыл, какова на ощупь женская попка.

Духарев поспешно отвернулся к бойнице. Но через минуту не выдержал и опять поглядел вниз.

Нурманка, пользуясь котелком, поливала белый, как свежее молоко, живот. И смотрела на Духарева. Поймав его взгляд, улыбнулась, потерла ладошкой между ног и сделала некий жест, при виде которого Серега тут же отвернулся. Хотя, возможно, это была просто шутка.

Охлажденное колодезной водой серое вещество мозга заработало намного лучше и вновь подбросило идею, которую, возможно, не все жители Тагана одобрили бы. Но самому Сергею идея показалась достаточно интересной.

— Халли! — крикнул он.— Принеси мне масло, тряпку и горящий уголек!

Через минуту нурман доставил требуемое.

— Что ты задумал?

— Видишь вон тот большой дом? Это что? — спросил Духарев.

— Постоялый двор. А чего?

— А того, что на его крыше копченые.

— Ну и что?

— А то, что я хочу их еще немного подкоптить,— Духарев выбрал стрелу с поврежденным наконечником, плотно намотал на него лоскут, окунул в масло.

— А город мой не загорится? — встревожился нурман.

— Это не твой город,— ухмыльнулся Духарев.— Это даже не мой город. Это теперь их город! Не бойся! Ветер с заката. Искры на площадь полетят. Ну, поехали!

Он запалил стрелу, подождал, пока она разгорится, и, вполсилы натянув лук, отправил «подарочек».

Стрела нырнула прямо в солому и там пропала. Заметили ли печенеги, что стрела — с начинкой? Вряд ли. Солнышко слишком яркое. К тому же степняки, похоже, утратили бдительность, задремали на солнцепеке.

Пару минут ничего не происходило, и Духарев даже начал думать, что стрела погасла. Зато на третьей минуте он уже не думал ни о чем. Потому что пришло время действовать.

Крыша вспыхнула на счет «раз-два-три». Вмиг. Двух печенегов тотчас охватило пламя. Они завизжали так громко, как не визжали, даже атакуя врага.

Еще двое вскочили и бросились с крыши. Одного Духарев подбил еще наверху. Второй успел сигануть вниз, но неудачно. Повредил, бедолага, ножку.

Духарев всадил ему в бок стрелу, чтоб не мучился. Печенег потрепыхался немного и затих. Зато оживились другие: в бойницу и в дверной проем полетели стрелы.

Одну Серега поймал свободной рукой, еще парочка влетела внутрь, остальные побились о стены.

Через полминуты обстрел прекратился, Духарев быстренько выглянул, засек одного из стрелков и отправил в него пойманную стрелу. Не попал. Зато увидел кое-что интересное. Вернее, кое-кого. Машега.

Глава двадцать пятая

Уличный бой по-варяжски

Выбеленный глиняный забор высотой в полтора человеческих роста был обращен к площади. Забор украшали безыскусные рисунки неприличного содержания. У забора лежал труп пожилого мужчины, при жизни бривше го голову. Сейчас эта голова лежала отдельно, и ее с большим интересом обнюхивала пожилая рыжая собака с побитой лишаем шкурой. Время от времени собака с опаской косилась на забор. Она помнила, что по ту сторону обитает сторожевой пес, с которым лучше не связываться.

Рыжая шавка могла не опасаться, поскольку ее неприятель лежал по ту сторону забора, во дворе, с разрубленным позвоночником.

Когда в этот двор вошли варяги, пес был еще жив. Двигаться он уже не мог, но чуть слышно зарычал, когда, поднимаясь в дом, Устах перешагнул через тело его хозяина.

Варягов привлек забор. Он был достаточно высок, чтобы спрятать лошадей. В доме все было перевернуто, но не было никого. Это тоже было хорошо. Раз печенеги уже побывали здесь, то можно было не опасаться их скорого появления.

Осмотревшись, незваные гости решили, что место подходящее. Варягов было четверо. Трое: Понятко, Устах и Машег — уютно устроились наверху. Четвертого, Сирку, оставили во дворе, при лошадях.

Дом стоял очень удобно: из чердачного оконца просматривались и площадь, и башня, и пристань. Из трех пирсов два обгорели основательно, третий — чуть-чуть. Под присмотром пары степняков несколько местных жителей заливали водой тлеющие доски. К этому пирсу сейчас неторопливо приближалась красная ромейская галера.

Остатки таганской стражи, засевшие в башне, ромеев не беспокоили, хотя обращенная к морю стена уже не полыхала, как раньше, а только сочилась черным вонючим дымом.

— Он там не испечется? — обеспокоился Понятко.

— Если до сих пор не испекся, то вряд ли,— ответил Устах.— Наверху уже прогорело, да и ромейская дрянь тоже почти... Ишь ты, куда это они их?

Человек шесть печенегов гнали через площадь кучку пленников: десятка три мужчин и нескольких женщин. Ни детей, ни стариков.

— Ромеям ведут! — догадался Понятко.

— Побить? — предложил Машег, поглаживая лук.

— Нет,— остановил его Устах.— Ромеи возьмут рабов и уйдут. Если их не трогать, они мешаться не станут.

— Ох-хо! — вздохнул Понятко — Вот бы ихний корабль захватить!

— Размечтался,— проворчал Устах.— Там воинов не меньше полусотни. И драться они умеют.

— Откуда знаешь? Воевал у них, что ли? — заинтересовался Понятко.

— Было дело.

Устах уже прикинул, как следует поступить.

Степняков в городе осталось не так уж много. Часть занимается грабежом, часть — пленниками. Остальные стерегут засевших в башне. О варягах ни те, ни другие не знают, поскольку встретивший их отряд варяги вырезали пол-

ностью. За противником — серьезное численное превосходство. Но если бить печенегов поодиночке — есть надежда на удачу!

— Куркутэ будет сердиться. Этот город ему дань платит,— неожиданно произнес Машег.

— С чего ты взял? — недовольный тем, что его отвлекли от размышлений, проворчал Устах.

— Печенегов впустили — значит, не боялись.

— Может, это его люди и есть? — возразил Понятко.

— Нет,— качнул головой хузарин.— Это не его племя, это цапон. И те, кто за нами гонятся, тоже цапон.

— Как ты их различаешь? — удивился Понятко.

— По одежке. По стрелам. А из какого кто рода, можно по татуировке узнать. Но я и так могу сказать: и те, и эти из одного рода.

— Продолжай! — поощрил его Устах.

— Будь я их ханом,— сказал Машег,— я бы так сделал. Сам дорогой шел бы, вдоль реки, как мы шли, а самых быстрых напрямик послал. Это быстрее.

— А почему мы напрямик не пошли?

— Лошадям пить нужно,— пояснил Машег.— Я тут колодцев не знаю.

— А они знают?

— Выходит, знают, раз дошли. Ай, что делает!

Понятко и Устах, отвлекшиеся было, тут же повернулись к окошку.

И уставились на пляшущего под стрелами нурмана.

— Лихо! — с восхищением проговорил Машег.

— Глупо,— проворчал Устах.

— Ты бы смог? — уколол хузарин.

— Так? Смог бы. Только зачем? Я не нурман, чтоб попусту хвастать!

— Не попусту! У них стрел мало! — догадался Понятко.

— Сейчас подстрелят,— неожиданно произнес Машег.— Он правую ногу не бережет!

Как в воду глядел! Несколько мгновений — и штанина нурмана окрасилась кровью.

Но стрела всего лишь чиркнула по мускулистой ляжке.

— Пахари! — презрительно уронил Машег.

Нурман благополучно скрылся в башне.

Ромеи спустили трап. С корабля сбежали несколько воинов в блестящих сплошных панцырях. Двое помогли спуститься еще одному человеку, слишком толстому, чтобы самолично принимать участие в битвах. Этот толстый вступил в оживленную дискуссию со степняками. Пленники, понурясь, стояли поодаль.

Неожиданно Машег хлопнул Устаха по плечу.

— Ай молодец! — воскликнул он.

— Кто молодец? — удивился Устах, который смотрел на пристань и потому не видел, как Сергей выпустил горящую стрелу.

— Вниз, вниз! — закричал хузарин, вскочил и прыгнул в люк, даже не воспользовавшись лестницей.

Понятко и Устах, не задавая лишних вопросов, бросились за ним.

Четверо варягов выскочили на улочку как раз в тот момент, когда запылала подожженная Духаревым крыша.

Печенеги завопили. Четверо степняков выбежали на площадь и принялись быстро-быстро выпускать стрелы в сторону башни.

Они, разумеется, не видели за своей спиной варягов.

Машег и Понятко вскинули луки одновременно, но Машег успел выпустить три стрелы, а Понятко — только две. Все пять попали в цель, хотя достаточно было и четырех. С сорока шагов стрела с граненым наконечником не то что куртку из дубленой кожи — стальной панцырь прошьет.

— Разбежались! — скомандовал Устах.

Он и Чекан кинулись во двор напротив, проскочили его насквозь, перепрыгивая через толпившихся во дворе овец, перемахнули через забор и оказались в соседнем дворе. Как раз вовремя, чтобы встретить попрыгавших с крыши (а ну как тоже подожгут!) печенегов. Два варяга прошли через захваченных врасплох степняков, как сквозь пустое место — мелькнули несколько раз, крест-накрест, длинные клинки — и не успевшие даже выхватить сабель печенеги отправились к предкам.

Варяги обогнули дом...

Стрела степняка угодила в стену мазанки и прошила ее насквозь. Вторая стрела ударила в шлем Чекана с такой силой, что ремешок лопнул. Степняк высоко привстал на стременах и выпустил третью стрелу, пришпилив Сирку к стене.

Устах петухом взлетел на забор, оказавшись даже выше сидящего в седле печенега. Меч опустился, разрубил степняка почти до седла и застрял. Лошадь печенега рванулась в сторону. Устах потерял равновесие, выпустил рукоять и упал обратно во двор. Аккуратно упал, не расшибся. Подбежал к Сирке, понял, что тот мертв, но время для оплакивания друга было неподходящее. Устах подхватил меч убитого, пинком вышиб калитку, выскочил на улочку.

Их заметили!

Переваливаясь на кривых ногах, размахивая саблями, через площадь бежали степняки. Те, что конвоировали рабов к кораблю ромеев.

Один, углядев варяга, притормозил, схватился за лук... Стрела ударила его в живот, опрокинув на мостовую.

Не дожидаясь, пока по нему начнут бить из луков, Устах перебежал через улочку, влетел в соседний двор.

Если бы он помедлил еще мгновение, то увидел бы, как из опаленной башни с ревом вырвался храбрый нурман и, раскручивая здоровенный меч, помчался прямо на печенегов. Следом за отважным Халли бросилось в бой его немногочисленное войско.

Глава двадцать шестая

Уличный бой по-варяжски (продолжение)

Духарев действовал более спокойно, чем безбашенный нурман. На крышах могли еще оставаться печенеги, поэтому Серега выждал несколько секунд — не начнут ли они стрелять по движущимся мишеням? Стрелков оказалось двое. Один выстрелил, уменьшив команду Халли на одну боевую единицу. Второй выстрелить не успел. Потому что Сергей успел раньше, подбив обоих.

Теперь можно было выбираться на свежий воздух. Духарев сбежал по ступенькам, подхватил чей-то щит, засвистел, подзывая Пепла. Его конь — умница, чужим не дастся!

Точно! Вот и он! Духарев отбросил щит, прыгнул в седло. Пепел рванул с места. Над головой Духарева пропела стрела. Пепел пошел ровным галопом. Духарев движением колен пус-

тил его по кругу. Давайте, ребята! Поиграем! Уронив поводья, Сергей натянул лук, но печенег уже хрипел на земле. Понятко поднял левую руку: поприветствовал, так сказать, командира.

Халли и оставшийся в живых дружинник (или дружинница?) грамотно, спина к спине, рубились с превосходящими числом степняками. Еще одна схватка кипела на самом причале, где стояла (подошла-таки!) галера ромеев. Ладно, сами управятся! Духарев бросил коня в одну из улочек и сразу же ему под ноги выкатился мальчишка.

— Тама! Тама! — заверещал он, маша ручонкой.

Духарев прямо с седла прыгнул во двор.

Во дворе обнаружилось сразу двое печенегов. Один — на крыльце, с сапогом на коленях, второй — на корточках, у стены дома.

Первый, совсем молодой и оттого совсем глупый, вскочил, уронив сапог, подхватил копье и отважно кинулся на врага. Гадивший под стеной был чуть поумнее, заорал соплеменнику: «Беги!»— и, не подтерев задницы — до того ли? — быстренько натянул штаны. Решение верное,— со спущенными штанами воевать затруднительно,— но запоздалое.

Сергей перехватил копье молодого левой рукой, крутанул вокруг себя. Молодой мелкими шажками просеменил через двор, снес собачью будку, размазал животом большую коровью лепешку и закончил движение, протаранив головой глиняный забор.

Мгновением раньше его старшего товарища пришпилило к стене мазанки брошенное Духаревым копье.

Мальчонка аж взвизгнул от восторга, но соображения от радости не потерял, завопил: «В хате! В хате тож!» — подхватил каменюку больше собственной головы и, ухнув, уронил на затылок оглушенного юнца.

«Крак!» — сказал затылок.

Духарев влетел в мазанку, и ему открылась совершенно дивная картина: полдюжины совершенно голых девиц разного возраста и пара деловитых степняков, один из которых заскорузлым пальцем проверял у ближайшей голышки наличие девственной плевы. Второй печенег глядел на это зрелище и пускал слюни.

Духарев мог его понять: сам не первую неделю по степи болтался. Мог, но не захотел. Голова печенега спрыгнула с

плеч, Сергей ловко уклонился от алого фонтана, подскочил ко второму печенегу. Тот вытащил палец из сокровенного места и тупо уставился на нежданного гостя.

Тут одна из девиц дико завизжала и вцепилась в печенегову сальную косицу.

Степняк от неожиданности опрокинулся на спину, и Духарев с чувством исполняемого долга влепил ему в пах острым носком сапога. Печенег взвыл и свернулся калачиком. Рыжая девчонка с обаятельными веснушками и пикантной родинкой на ягодице невежливо отпихнула Духарева и, размахнувшись, с хрустом врезала кочергой по печенеговой спине.

— Отлично! — одобрил Духарев.— Он ваш, девушки!

И выбежал во двор.

Честно говоря, у него не было ни малейшего желания смотреть, что эти юные дамы сделают с гнусным дядькой.

Духарев вскарабкался на забор, скомандовал Пеплу: «Смирно!» — и встал на седло.

Та-ак... Халли с напарником рубились успешно. Результат — пара дохлых печенегов — налицо. Нет, уже три. Здоровенный меч нурмана отхватил печенегу плечо. Сергей уже давно обратил внимание: если нурманское оружие вмешивается в жизнедеятельность чужого организма, то вмешательство настолько радикально, что медицинская помощь уже не требуется, а сама жизнедеятельность быстро прекращается.

А вот на пристани стычка завершилась победой противника. Ромеи загоняли на галеру таганский полон. Некоторых, не способных или не желающих передвигаться, втаскивали на веревках.

Духарев услышал стук копыт на соседней улице и мигом опустился в седло. Стоя на конской спине, удобно озирать окрестности. Или исполнять роль мишени. А вот сражаться затруднительно.

Пепел сам рванулся вперед... И из-за угла, навстречу ему, вылетели аж два степняка. Оба — с луками наготове. И с горячим желанием сделать в Духареве отверстия, не предусмотренные генотипом. Но события развивались слишком быстро, и Духарев оказался между печенегами раньше, чем их мечты превратились в быль. Оказавшийся по правую руку степняк уронил лук и нырнул под живот лошади, счастливо избегнув встречи с варяжским клинком. Левый всадник оказался не

столь проворен, Духарев зацепил его свободной рукой, с хрустом, как сорняк из грядки, выдернул из седла и поволок за собой. Степняк заорал дурным голосом. Еще бы! Заорешь тут, если тебя волокут за скачущей галопом лошадью да еще — за вывихнутую руку!

Духарев смилостивился и *отпустил* беднягу. На большой, твердый камень у чьих-то ворот.

Засим Духарев развернулся и обнаружил, что второй печенег летит на него со своей кривой сабелькой. Щас! Разогнался!

Пепел рванулся навстречу... И печенег сдрейфил. Спину показать не рискнул — попытался сигануть верхами через забор, но лошадка его зацепилась копытами и рухнула вместе со всадником. Дворовая живность прыснула в стороны. Лошадь жалобно заржала, но поднялась. Ее хозяин — нет.

Над площадью, перекрывая прочие звуки, прокатился яростный рык нурмана.

Когда он стих, Духарева окликнули по имени.

Машег.

— Я убил восьмерых! — гордо сообщил хузарин.

— Где наши?

— Понятко — там,— хузарин махнул луком.

Об остальных он ничего не знал.

— Что будем делать, старшой?

Духарев развернул коня.

— Прикрой меня! — попросил он и поскакал вдоль улицы.

Галера уже отваливала от пирса, на ходу втягивая трап. Ромеи, очевидно, решили не рисковать и не ввязываться в драку.

Это было типично для имперцев: не рисковать. Духарев мог этому только порадоваться. Захватить такой корабль — не по их скромным силенкам. Уходят — и слава Богу!

Ромеи отчалили, но о печенегах этого сказать было нельзя. К тем, которые дрались с Халли, подоспела подмога. Теперь на нурмана наседали четверо пеших, а еще трое, верхами, крутились поблизости, вертя пиками. Нурман отмахивался, прижавшись спиной к стене длинного склада. Он остался один. Его жена лежала навзничь шагах в десяти. Шлем слетел с ее головы, размотавшаяся коса — в пыли, лицо окровавлено. Судя по тактике степняков, они намеревались взять Халли живым.

За миг до того, как Духарев появился на площади, из соседней улочки выскочили еще трое печенегов. Двое тут же осади-

ли коней, а третий, наоборот, прибавил, подлетел к дому, у которого кипела драчка, но с другой стороны. Не останавливая коня, степняк ловко встал на седло, а с седла прыгнул прямо на крышу.

— Машег! Сбей его! — рявкнул Духарев.

Двое печенегов обернулись на его крик, схватились за оружие. Духарев срубил одного, второй успел натянуть лук, Сергей поднял Пепла на дыбы, лошадь степняка шарахнулась, и стрела прошла мимо.

Печенег завопил, привлекая внимание товарищей. Для их здоровья было бы полезнее, если бы он смолчал.

Воспользовавшись тем, что враги отвлеклись, Халли совершил великолепный прыжок, сшиб одного из пеших и прорубил бок ближнего всадника. И отскочил раньше, чем кто-либо из степняков зашел ему за спину.

Последний всадник, привстав, метнул пику. Нурман принял на щит, но бросок был очень силен, а щит изрядно порублен. Пика пробила его насквозь и проткнула левую руку нурмана. А печенег выдернул из чехла лук.

Духарев бросил Пепла в сторону, но степняк не обманулся. Противник приближался, и печенег ждал, намереваясь бить наверняка.

И дождался.

Машег вылетел из улочки следом за Сергеем, тут же вскинул лук и выстрелил.

Стрела свистнула у самого уха Духарева и ударила в грудь степняка.

Сергей вихрем проскакал мимо, махнул мечом — и один из противников Халли укоротился на полголовы.

— Халли! Сверху! — закричал Духарев.

Нурман запрокинул голову, увидел свесившегося с края крыши печенега, подпрыгнул и ткнул степняка в лицо.

Но другой печенег, изловчившись, достал-таки нурмана, полоснув саблей по уже раненной ноге.

Халли устоял! Он сумел отбить следующий удар. Но тут с крыши на него свалился раненый степняк, и нурман упал.

Духарев уже был рядом. Его меч свалил более храброго печенега. Менее храбрый пустился наутек, обогнул дом и попытался спрятаться внутри, нырнув в окно. Духарев замахнулся, намереваясь разрубить степняку поясницу, но тут обнаружил,

что печенег зацепился налучем и застрял. Меч Сергея плашмя опустился на тощую мозолистую задницу. Печенег завизжал и задрыгал ногами.

Духарев быстро огляделся, увидел Машега и выбежавшего из-за горящего дома Гололоба. Печенегов, намеревающихся драться, на площади не наблюдалось.

Духарев вложил меч в ножны и соскочил наземь. Ухватив печенега за ремень, он выдернул его из окошка, взял за шиворот и хряснул о стену. Степняк сразу перестал дергаться. Сергей обрезал с печенегова лука тетиву и с ее помощью быстро и качественно упаковал пленника, для надежности прикрутив руки к ногам. Закончив, подошел к Халли.

Нурман сидел на земле, привалясь к стене широкой спиной, вцепившись окровавленными руками в скользкую от крови рукоять. И лужа крови расползалась от него, застывая на солнце яркой блестящей пленкой. Дьявол! Нурман умирал!

— Ну? — прохрипел он.— Кто был прав, варяг? Я был прав!

— Ты,— согласился Сергей.

Подошел к его жене, поглядел на лицо в маске пыли и крови, зачем-то поднял из пыли косу, положил на не по-женски окольчуженную грудь.

— Она... тоже? — В груди у Халли булькнуло, он закашлялся, но усилием придавил кашель.— Сожги ее... Со мной... С оружием...

— Да,— обещал Сергей.— Да!

— Да...— Пленка смерти уже затягивала глаза Халли, толстые пальцы в последний раз сжались на рукояти.— Од-один! — выдохнул он кровавой пеной.— Од-один! Я иду-у!

И умер. С прямой спиной. С мечом в руке. Непобежденный.

«Герой,— мрачно подумал Духарев.— Город просрал, людей своих просрал, зато — в Валхалле!»

Подошел Машег, встал рядом, маленький, стройный, как мальчишка. Стащил с головы железную шапку, сказал:

— Вира убили. И Щербину.

Сергей опомнился. Обтер пальцы о штаны, вложил в рот, свистнул, сзывая своих.

Гололоб и Устах уже были тут. У Гололоба левая рука замотана окровавленной тряпкой.

— Чекан — всё,— сказал Устах.

— Мисюрка тож,— Гололоб провел пальцем по шее.

— А Понятко?

— Вон Понятка! Вона едет! — обрадованно воскликнул Машег.

Молодой варяг подскакал лихо, спрыгнул. На спине его коня, поперек, словно овца, висел связанный печенег.

А на площадь тем временем (и откуда взялись?) стал выбираться местный народ: мужчины, женщины, малышня.

— Ты чего мокрый? — спросил Гололоб костлявого длинного парня, явного славянина, судя по физиономии.

— От этих в море сбег,— парень махнул в сторону моря, где шла, забирая к югу, красная ромейская галера.

— А чего не дрался?

— Я дрался! — возмутился парень.— Я тех ромеев...

— Помолчи! — оборвал его Духарев.— Гололоб, Понятко, займитесь погибшими! Разберитесь с народом, может, где недобитые степняки остались, надо все дома обыскать. Живых — мне. Трупы — на площадь. Дрова тоже на площадь. Устах, Машег, берите пленных и за мной, к башне.

В башне, он помнил, оставалось довольно осыпавшихся сверху углей. По дороге Духарев захватил пару сломанных печенежских копий с широкими наконечниками. Пусть печенежское железо развязывает печенежские языки. Поглядел на солнце, прикинул время... Может, здесь, в городе, и заночевать? Ладно, там видно будет.

У башни сообразительный Машег уже нагреб в щит раскаленных углей, Серега погрузил в них наконечники копий.

Печенеги, уложенные рядком, надменно глядели в небо. Они знали, что их ждет, но собирались держаться достойно.

— Так,— сказал Духарев.— А ну кыш отсюда все!

Зрители, в основном бабы и малышня (мужчин припахали Гололоб с Поняткой), неохотно отошли. Устах с удивлением взглянул на друга. Он не понимал, зачем лишать народ развлечения. Но зачатки прежней морали еще не до конца выветрились из Сергея. Будь они с Устахом вдвоем, он охотно передоверил бы другу «грязную» работу. Ничего! Попадись Серега копченым, они бы точно церемониться не стали. И ему следует научиться без эмоций выжимать у врагов информацию *здешними* методами. А вот делать это на глазах у таганских детишек совсем не обязательно.

Глава двадцать седьмая

Плоды победы

Запах горелой плоти, ставший привычным, как запах бензина для автомобилиста, трупы, шевелящиеся в пламени...

Души воинов, в огне и дыму улетающие в Ирий. Или в Валхаллу. Или еще куда-то...

На обнаженных мечах варягов горит солнце. Губы Машега шевелятся беззвучно. Может, молится Единому, просит прощения за языческое действо?

Духарев у Бога прощения не просит. Он вообще о Боге не думает. Их осталось пятеро. Вот о чем думает Духарев. И еще о том, что вызнали у пленных. О пленном хузарине, о хане Албатане, что возит в сумке собственного бога, не боится в степи никого и никогда не отступает. О сотне степняков, что идут за ханом. О том, что золото — действительно Игорево, раз названо имя Скапэ-Скарпи, а значит, где-то в бескрайней степи рыщут отряды киевлян и тоже очень хотят встретиться с теми, кто увел у них из-под носа добычу.

Еще Серега думал о том, что дальше опять придется идти сушей, а не водой, как рассчитывали, потому что в Тагане не нашлось ни одного судна размером больше рыбачьей лодки. И еще о том, что между нижним Доном, куда предлагает идти Машег, потому что там живут его родичи, и Таганом — сотни километров степи, по которой кочуют печенеги и прочий разбойный люд. А если им все-таки повезет и удастся проскочить между степными бандами и вернуться домой, то еще неизвестно, удастся ли сохранить в тайне, кто именно присвоил ромейское золото. А если правда раскроется, то захочет ли Свенельд, даже за долю в добыче, выступить против великого князя?

Впрочем, о последнем можно пока не беспокоиться. До эпизода «Лиса и колобок» надо еще дожить. Пока на очереди разборка с серым волком.

Пламя опало. Мечи исчезли в ножнах.

Машег, казавшийся совсем маленьким рядом с высоченным Духаревым, прикоснулся к плечу Сергея.

— Ты не думай, командир,— сказал хузарин.— Степь большая, прорвемся.

— Да,— Духарев мотнул головой, отгоняя мрачные мысли и усталость, огляделся. С десяток местных болтались по площади. Кто-то возился внутри башни. У ее необгоревшей стены грудой валялась добыча, взятая на печенегах. Никто из таганцев на нее не покушался.

— Иди сюда! — скомандовал Духарев одному из местных, седобородому, но вполне крепкому мужику, выглядевшему посерьезнее остальных.

Седобородый подошел, поклонился с достоинством.

— Ты кто? — спросил Духарев.

— Мачар, староста плотницкий,— степенно ответил дед.— Мы благодарим вас, варяги! Ежели есть в чем у вас нужда — скажи. Все дадим, коли есть!

Он еще раз поклонился, широкий, приземистый, лысоватый, немного печальный.

Есть от чего печалиться. Многих побили степняки. И еще ромеи...

Но могло быть хуже, значительно хуже, если бы не подоспели варяги.

— Устах! — позвал Духарев.— Скажи, что нам надо...

— Значит, так,— деловито произнес синеусый.— Зерна для коней — это во-первых...

Почти все трофеи варяги оставили жителям. Себе взяли запас стрел, кое-что из одежды и упряжи. Денег не взяли — своим серебром сумки до отказа набиты. Серега даже хотел оставить долю таганцам, на восстановление городка, но Машег отговорил.

Неразумно. Лишний след.

Машег нашел в городке соплеменника, из мелких купцов. Бедняга чудом спасся и даже ухитрился остаться неограбленным. На радостях купчик сделал благородному соплеменнику княжеский дар: пергамент-карту, где условными значками было показано все, что надобно путешественнику.

Духарев, чувствовавший ответственность за освобожденный городок, собрал остатки городской старшины — полдюжины дедов. Тех, кто помоложе, побили печенеги.

В будущее деды смотрели философски: чему быть, того не миновать. Городок и раньше был защищен так себе, а теперь, после гибели дружины, оставался вообще беспомощным: даже запираться в стенах не имело смысла.

Нисколько не сомневаясь, что хан Албатан очень скоро нагрянет в Таган, Сергей наставлял дедов валить все на варягов и ромеев. Он вручил Мачару взятую с тела Халли золотую бляху Куркутэ. Авось поможет.

Старшины сначала попробовали уговорить Серегу остаться. Вместо побитой дружины. Но когда узнали, что печенежский хан идет именно за ним и ведет за собой больше сотни воинов, уговаривать перестали. Обещали держаться предложенной Духаревым линии. Собственно, это было в их же интересах.

Над городом висел бабий плач.

Но, как выяснилось, не только плач.

Вернувшись на подворье, где временно обустроились варяги, Сергей, едва войдя, обнаружил в большом корыте, из которого поили скот, плещущегося в теплой водичке Понятку. В компании двух юных нимф, черненькой и беленькой.

— Иди к нам, старшой! — гостеприимно пригласил Понятко.

Духарев с сомнением поглядел на корыто.

— Тесновато не будет? — усмехнулся он.

— В тесноте, да не в обиде!

Нимфы захихикали.

— Ладно, ладно...— проворчал Духарев, проходя мимо.

Он уже смыл с себя кровь, пыль и копоть, выкупавшись в море. Но сполоснуться в пресной водичке тоже не помешало бы. Сначала, однако,— позаботиться о друге.

Духарев прошел на конюшню.

Пепел, вычищенный, с расчесанной гривой, лакомился отборным зерном.

Увидев хозяина, радостно заржал, ткнулся губами в ухо.

— Не беспокойся, варяг,— сказал ему старший из конюхов.— Умаслим ваших лошадок.

Духарев кивнул, поглядел на конюха, спросил:

— Булгарин?

— Булгарин.

— Холоп? Вольный?

— Был холоп. Нынче вольный.

— Про Радов Скопельских не слыхал?

Конюх покачал головой.

— Я,— сказал,— из волжских, а те, должно, нет?

— Нет,— подтвердил Духарев.— Из дунайских.

— Ну вот. Я ж слышу: имя не наше. Ты иди, господин. Там те в бадье воды согрели. Ну и это...

— Что — это?

Конюх ухмыльнулся.

— Увидишь! — сказал он.

Глава двадцать восьмая

Плоды победы (продолжение)

Духарев увидел.

Их было аж шестеро. Можно сказать, старые знакомые. Серега признал их, хотя на сей раз девицы были одеты. Те самые девицы, которым он отдал подшибленного печенега.

— Кушать хочешь, господин? — спросила рыженькая.

— Я поел.

— Ты полезай сюда,— рыженькая кивнула на бадью.— Мы те вина принесем. Иль ты вина не пьешь?

— Пью,— сказал Духарев, раздеваясь.

Все, кроме рыженькой, деликатно отвернулись.

— А то полезай со мной,— предложил Духарев, вспомнив родинку на ягодице.

— Ой-ой! — рыженькая засмеялась.— Я по жеребью третья.

— По какому жеребью? — удивился Духарев, с удовольствием погружаясь в теплую воду.

— А мы жеребий бросали,— пояснила рыженькая.— Кому первому с тобой быть. И первая — вот она, Вилька! — Рыженькая толкнула беленькую девчонку с курносым носиком.— Иди, Вилька! Муж тя зовет!

Невысокая худенькая Вилька стянула через голову юбку, рубаху и решительно полезла в бадью, наткнулась ножкой на то, что являлось исключительно мужской принадлежностью, ойкнула. Глаза у нее стали очень круглыми и очень глупыми, более того, она постаралась отодвинуться от Духарева подальше, что в тесноватой бадье было абсолютно невозможно.

— Я так понимаю, детка, что мужчин у тебя раньше не было? — осведомился Духарев.

Вилька так энергично замотала головой, что Серега обеспокоился: не оторвется ли? Больно шейка тоненькая.

— А ты уверена, что хочешь именно меня?

На этот раз последовали не менее энергичные кивки и попытка обнять Духарева... Но стараясь при этом не задеть, хм... некоторые отдельные части мужского организма.

— И что же, прямо здесь? — усмехнулся Сергей.

Новые кивки, но менее уверенные. Ну что за напасть такая! Сначала черт-те сколько болтаешься по степи в исключительно мужской компании, а потом вместо нормального полноценного траха — этакий, с позволения сказать, лягушонок.

Серега взял «лягушонка» за хрупкие бедрышки... И почувствовал себя Голиафом, по которому промахнулся будущий царь Давид. Вот он, Голиаф, ручищи-елдище-бородища — и субтильный мальчишка-подпасок, от чьей храбрости уже ничего не осталось. Поступить с таким по-мужски — сам себя потом уважать не будешь. А тут еще целая кодла «зрителей»!

— А ну вылазь! — скомандовал Духарев.

Малявка затрясла головой и вцепилась в Серегу изо всех сил. Даже руку поцарапала.

— Уймись,— фыркнул Духарев.— Просто поищем местечко поудобнее.

Они вылезли из бадьи. Остальные соплячки-«невесты» глазели на Серегу, как лошадники на перспективного жеребчика.

Две рыжие и три чернявые. Одна даже чем-то напоминала Серегину Сладу. Будь у Духарева возможность не обидно бортануть остальных, он ограничился бы именно ею. Ну, еще, может быть, первой бойкой рыжушкой... С другой стороны, если они здесь все сплошь девицы... А не слабо Сереге управиться аж с шестью девственницами? Вызов, однако! А если добавить к этому то, что Серега устал, как берсерк после драки, что на брюхе у него синячище с блюдце размером, что дергает в ушибленном непонятно когда колене, а ребра слева болят еще с позавчерашнего... И вместо приятного развлечения ему предстоит процедура массовой дефлорации... Никакого романтизма, одним словом.

Все это Серега думал, пока ковылял через двор, таща под мышкой тючок с одежкой и зброей и глядя на мокрую белую попку девушки Вильки.

Серега вошел в сени, и все шестеро «невест» ломанулись следом.

— Так! — сказал он, поворачиваясь и опуская тючок с имуществом на подвернушийся бочонок.— Общая команда: стой!

Девушки смущенно остановились, замерли у крыльца, преданно глядя снизу вверх. Очаровашки! Нет, ну какой все-таки у здешних характер отходчивый. Часа три назад печенежского ублюдка скопом гасили, хотя до этого вряд ли убивали кого-то крупнее петуха. И — как с куста! Стоят девчушки-лапушки, глазки сияют, губки — бантиками.

Духарев пошарил в свертке, извлек портки, натянул, завязал шнурок.

Вот так лучше. И аудитория не отвлекается на посторонние, преждевременно возбухшие предметы.

— Слушай приказ! — строго произнес Духарев, взирая на них с высоты крыльца и собственного роста.— Всем вымыться и надеть чистые рубахи!

Подумал немного и добавил:

— Принесите шкуру медвежью... Хотя откуда у вас тут медведи? Овечьих, только чистых, понятно?

Одна из девиц фыркнула, но Духарев поглядел на нее строго:

— Я вам не печенег, чтобы на бараньем дерьме спать, понятно? Масла греческого принесите, холстов чистых...— Обвел «невест» придирчивым взглядом: никто не усмехается? Вроде нет.

Что еще? По славянской традиции, бывало, молодоженам под окна жеребца с кобылой ставили. Для лучшей заводки. Может, порадовать Пепла? Нет, не стоит, пусть отдыхает. Он потом, после случки, дня два квелый.

— Цветов принесите свежих...— распорядился Серега.— И что-то, помню, о вине говорили? Тоже несите. Да побольше! Вопросы есть? Исполнять!

Девчушки сорвались с мест и умчались.

Серега спустился с крылечка. Солнце приятно грело влажную кожу. По двору бродили гуси и куры. На заборе, сложенном из серого известняка, сидел пестрый петух... А с площади тянуло гарью и горелым мясом погребального костра.

Серега вздохнул, наклонился, пощупал колено: болит, стервь!

За спиной у него гаденько захихикали.

Духарев мигом развернулся и обнаружил в сенях ветхую старушонку, идеально смотревшуюся бы в роли Бабы Яги в каком-нибудь детском фильме времен прошлой Серегиной жизни. В этой жизни персонаж типа Бабы Яги в списках лесной нечисти тоже числился. Но имел совершенно другой имидж — этакого свирепого зомби.

— Ты откуда взялась? — недовольно спросил Духарев.

— Ить, живу я тут! — Бабка сошкандыбала с крыльца и оказалась ростом чуть повыше Серегиного колена.— А ты вишь каков, варяг! Не ведала!

— Чего не ведала? — удивился Духарев.

— Девок-то прогнал.

— Ну... Они еще вернутся, я думаю,— сказал Серега, поглядел в сени: интересно, кто там еще?

— А то ж! Ясно, вернутся! — подтвердила бабка.— Однак ты, варяг, не прост!

— Ты о чем, старая? — спросил Духарев.

А сам подумал: «Не дай Бог, окажется ведьма! Объявит меня кромешником и начнет клюкой своей махать!» — и на всякий случай отодвинулся.

— Да о том же! Я вашего брата-жеребца знаю! Увидал девку, завалил и ну пежить! Знаю-знаю! Саму тем потчевали. А такой великан, как ты, небось все нутро прободит! Застоялась кровь-то?

— Если ты думаешь, бабка, что я только и мечтаю, что перепробовать за раз полдюжины девок, ты глубоко ошибаешься! — Духарев понял, что гнать клюкой его не будут, и успокоился. По нему, так лучше печенег с луком, чем безумная старуха с клюкой. С печенегом, ей-богу, проще: чик — и нет печенега.

— Мне бы и одной хватило,— сказал Сергей.— Да не девку пугливую, а...

— ...молодку горячую! — подхватила старуха и снова захихикала.— Знаю, знаю, варяг. Хочешь, помогу?

Духарев очень хотел сказать: хочу. Но это было бы нечестно по отношению к «невестам». Когда они придут со всем необходимым... А его нет. Свинство получится.

— Нельзя, бабушка. Девушки обидятся.

Старуха опять захихикала.

— Обидятся, точно! — подтвердила она.

— Лучше б себя для мужей поберегли,— заметил Духарев.

— Да ты что? — старуха замахала артритной лапкой.— Йим от такого богатура, как ты, сына понести — великая радость. Да с таким сыном — у-у-у! Такого сына в род получить — великое дело!

«Так! — подумал Серега.— Понятненько. Значит, не просто дефлорировать, а еще и оплодотворить. Причем конкретно. Чтобы, значит, парень был, а не девка. Ясненько. Пустячок!»

— Зельишко у меня есть,— старушонка хитро сморщилась.— Прах. Его абу привозят. Может — из Синда. Может — из Хинда. От зельишка того старый мой, бывалоча, как молодой козел скакал.

— Я еще не старый,— буркнул Духарев.

— Кто ж говорит, что ты старый? — удивилась старуха.— А есть у меня и другое зельишко. В вино молодое бросишь щепотку — и любая, хоть баба, хоть девка,— вмиг огнем вспыхивает да бегает, как шальная, пока это самое не получит, что у тя в портках шевелится. Дать?

Духарев поразмыслил малость...

— Давай,— сказал он.— Оба.

Глава двадцать девятая,

в которой герой, после трудов ратных и иных, более приятных, видит чрезвычайно странный сон

Несмотря на зельишко и весьма долгое воздержание, с шестой девицей произошел облом. Возможно, будь последняя девица-красавица не столь невинной, последнее, хм-м... осеменение тоже удалось бы. Но дева лежала сущим кулем. Симпатичным, приятно пахнущим и на ощупь тоже приятным, но... тихим. Пискнула легонько, когда Серега проник в тайное местечко, но после этого терпеливо лежала, прикрыв глазенки, минуток двадцать, пока одноразовый муж трудился, скрипя

утомленными суставами. Затем начала чуть слышно постанывать. Но совсем даже не от возбуждения, а потому что подобная механическая процедура для недавней девственницы, скажем прямо, малоприятна. Вдобавок у «секс-машины» нестерпимо разнылся ушибленный в схватке локоть, и пришлось могучему мужу в прямом смысле возлечь на несчастную девушку. Двух минут не прошло, как мужу стало ясно, что полупридушенная центнером костей и мышц малышка вот-вот вообще отрубится. И «секс-машина» дала задний ход, а именно: сползла с бедняжки и, перевернувшись на спину, замерла в блаженном покое. Забавно, что при этом основной ее агрегат продолжал гордо алеть над обессиленным телом.

Шестая по счету «невеста» минутку полежала рядом, переводя дух, потом решительно вскарабкалась на поверженного представителя сильного пола и принялась неумело играть боевой флейтой. Духарев не чувствовал в себе достаточных сил, чтобы руководить этой игрой, поглаживал лениво нежные сисечки с крохотными сосочками и сам не заметил, как задремал. И сон ему приснился совсем не эротический, а донельзя странный и загадочный...

Это была гора. Склон горы. Осыпь из довольно крупных камней, по которым было не так трудно карабкаться вверх, то подтягиваясь, то перепрыгивая с одного валуна на другой. Ниже осыпи кудрявилась густая зелень, от которой почему-то поднимался влажный грибной дух, словно ранней осенью где-нибудь на Карельском перешейке. Но это точно был не север, а самый натуральный юг. И небо было южное, и солнце шпарило с неимоверной силой. Злое было солнце, чужое, яростное.

Серега был не один. Справа от него упорно, покряхтывая, лез наверх Устах. А впереди — еще двое. Легкий ловкий Машег и некрупный незнакомый парень в нурманских доспехах. Машег время от времени помогал этому парню: то плечо подставит, то, вскарабкавшись выше, руку подаст.

«Чего это он?» — удивился Духарев странной заботливости хузарина. Больше он ничему не удивлялся, только упорно лез наверх, смахивая ручьями текущий пот. Не удивительно: в полной выкладке на такой жарище. Но пить, как ни странно, не хотелось.

Потом осыпь исчезла, и они вчетвером оказались уже наверху, в узкой долинке, спускавшейся к маленькому озерцу.

Духарев наконец увидел лицо четвертого. Это оказалась почему-то погибшая жена сотника Халли. Без каких-либо ран, только довольно грязная. Впрочем, сам Серега вряд ли был чище.

— Вода! — выдохнул Машег, и все четверо, позвякивая амуницией, рысцой устремились вниз.

Откуда он выпрыгнул, непонятно. Трава была слишком короткой. Странный некрупный зверь с невероятной быстротой метнулся к нурманке. Когти скрежетнули по кольчуге, женщина взвизгнула и отшвырнула зверя прямо на Устаха. Но Устах был урожденным варягом, и меч возникал у него в руке раньше, чем голова успевала об этом подумать.

Хлесткий рубящий удар отшвырнул тварь в сторону. Зверя юзом протащило по траве прямо под ноги Машегу. Хузарин рубанул саблей. Мощно, с оттягом. Непонятный зверь опрокинулся на спину, быстро-быстро забил задними лапами. Но кровь из него так и хлестала, и минуты не прошло, как тварь затихла.

— Ну ничего себе здесь ящерки! — пробормотал Устах, покачивая головой.

Серега наклонился над убитым зверем. Н-да...

Гладкое коричневое тело с россыпью желтых пятен. Мощные задние лапы с длинными кривыми когтями, маленькие передние... Крупная круглая голова, пасть с таким арсеналом, что любая акула позавидует. М-да... У их ног лежал прекрасно знакомый Сереге по фильмам и рисункам самый настоящий тиранозавр. Только совсем небольшой. Размером с ротвейлера...

Глава тридцатая

Зомби

Дверь тихонько стукнула, и от этого звука Серега проснулся.

В избе определенно кто-то был. И этот кто-то — совершенно точно не одна из вчерашних девчонок. Потому что пахло от

незваного гостя не сладкой девочкой, а кожей, дымом и мокрым железом.

Точно, железом! Духарев услышал слабый металлический шелест. Очень знакомый. Такой звук, когда поворачиваешься, издает панцырь из стальной чешуи. Черт! Серега видел только светлую каемку вокруг двери. Что за дурная привычка делать стены без окон! А в Серегиной голове уже включился анализатор. Движется скрытно, значит — чужак. Оружный. Опытный, поскольку носит дорогую броню. Кто? Степняк? У степняков стальной панцырь — редкость. Только у самых лучших. Какой-нибудь уцелевший печенежский батыр? Или вожак скрытно подошедшего ночью еще одного отряда? Дурацкая беспечность: варяги, понадеявшись на местных, не выставили дозорных. Расслабились, блин, победители!

Притворяясь спящим, Сергей попытался вспомнить, куда положил меч. Кажется, на лавку. На ту, что ближе, или ту, что дальше? Нужно вспомнить, потому что возможность сделать бросок будет только одна.

«На лавку я его положил или нет?»

Неизвестный сделал шаг и, вероятно, повернулся, потому что металлический звяк повторился. Ага, вот он! Сергей наконец разглядел смутный силуэт.

А может, это не печенег? Тогда — кто? Кто ты, мать твою?..

Человек сделал еще один шаг...

«Куда же я все-таки положил меч? — подумал Духарев.— Варяг, блин! Десятник! А! Где наша не пропадала!»

Толкнувшись спиной, Сергей гибким рывком перекатился на корточки и, разгибаясь, мощно и резко толкнул незваного гостя ладонями в живот. Ладони ощутили твердый холодный металл, а незнакомец хрюкнул, полетел спиной в дверь, распахнул ее и вывалился в сени. Свет наконец проник в комнату, Сергей углядел меч (не на лавке, а на стене), сорвал, стряхнул ножны, рванулся вперед...

Ах ты, мать!..

В узких сенях, на земляном полу, лежала, нет, уже не лежала, а поднималась неловко, неуклюже, как механическая кукла, одетая в броню женщина. Она пучила на Серегу помутневшие глаза... И не дышала! Еще бы ей дышать, если ее сожгли вчера на погребальном костре!

Духарев сам с шумом выдохнул воздух, попятился.

Женщина, убитая жена Халли, оперлась на колено...

Приехали! Призрак! Ох, не в добрый час Серега вчера Бабу Ягу вспоминал!

Черт! Призрак же должен быть бесплотным! Хрен там, бесплотным! Ладони Духарева еще помнили твердость панцыря и упругое ощущение плоти под ним!

Призрак — или зомби, или хрен знает что — медленно поднимался. Бледно-синий, жуткий... Духарев отшатнулся назад и уперся спиной в закрывшуюся дверь. Пальцы его плотней обхватили шершавую рукоять...

Призрак распрямился... и шумно втянул воздух. И щеки его, то есть ее, начали понемногу розоветь.

— Ума лишился? — сипло, с заметным нурманским акцентом, проговорил «призрак».

— Ты мертвая? — задал идиотский вопрос Духарев.

— С чего ты взял? — Нурманка восстановила дыхание и тут же надменно выпятила губу.

— Но тебя же вчера убили. И сожгли! — пробормотал Духарев.

Нурманка поглядела на него, как на полного придурка... И вдруг начала хохотать.

И никак не могла остановиться.

— Эй! Прекрати! — потребовал возмущенный Духарев.

Нурманка зажала рот ладонью, еще с полминуты тряслась от хохота, потом успокоилась. Все-таки красивая баба. Даже синяк на щеке и бурый рубец поперек лба не особо ее портят.

Нурманка сказала что-то по-своему и опять хихикнула.

— Что, не понял?

— Я говорю: может, ты от того ум потерял, что пережеребился? — произнесла она насмешливо.

— Что за глупости! — Духарев сообразил, что все еще держит меч наготове, и опустил его.— Значит, ты живая?

— Ты огорчен? — Нурманка одарила его иронической улыбкой.— Хочешь меня потрогать? Или — отпахтать? Неужто не наскакался?

Тут Духарев вспомнил, что он — голый, и с некоторым удивлением обнаружил...

— Подожди здесь! — сердито сказал он.— В комнату не заходи, понятно!

— Да уж не зайду,— пробормотала нурманка, задирая кольчугу и поддевку и растирая живот.— Эдак ты мне все нутро отшибешь.

— Извини! — крикнул Духарев, поспешно одеваясь.

Тут в сени влетел Машег:

— Серегей!

— Чего? — Духарев выскочил, проворно застегивая ремень.— Печенеги?

— Где? — вскрикнул хузарин, озираясь.

— Нет, ну надо же! — проговорила нурманка, упирая руки в бедра.— Слыхала я, что вы, варяги, дурковаты. Но чтобы настолько...

Духарев поглядел на Машега, Машег — на Духарева. Потом оба — на нурманку.

— Ты откуда взялась? — спросил хузарин.— Тебя же убили!

— Руку дай! — Нурманка задрала панцырь и рубаху, схватила хузарина за запястье, прижала его ладонь к своему животу.— Ну? — спросила она.— Теплый?

— О! — протянул Машег.— Оч-чень! — И быстро пригнулся, уворачиваясь от затрещины.

— Эй-эй! — воскликнул он.— Ты же сама!..

— Стоп! — скомандовал Духарев, перехватывая новый удар.— Прекрати, сказано! — рявкнул он, с силой сжимая запястье женщины.

— Отпусти, медведь! — завизжала она, свободной рукой нашаривая на поясе нож.

Духарев выпустил ее и быстренько покинул сени. Машег уже был во дворе.

— Слышу, у тебя шум...— сказал хузарин.— Вот и прибежал. Вот шальная баба!

— Ты молчи, задохлик! — огрызнулась нурманка.

Хузарин не обиделся, а ухмыльнулся.

— А животик у тебя... те-е-еплый! — протянул он и подмигнул нурманке.

— Жеребцы! — буркнула женщина.— Небось тоже полдюжины девок ночью перепортил, а все мало!

— Завидуешь? — усмехнулся Машег.

— Тебе, что ли?

— Девкам!

— Чего? С таким коротышкой?

— Коротышкой? — Машег ухмыльнулся еще шире.— Ты, баба, погляди сначала, а потом уж языком болтай. Показать?

— Машег! — рявкнул Духарев.— Прекрати! И ты,— он повернулся в нурманке,— тоже посовестись! У тебя мужа вчера убили, или ты забыла? Не жалко?

— Ну убили, ну и что с того? — сварливо отозвалась женщина.— Он там в Валхалле пирует, а меня тут бросил!

— Вообще-то он меня попросил за тобой приглядеть,— сказал Сергей.

— Слыхала я. Ты уж приглядел...— Нурманка скривилась.— Ручищами под дых!

— А мне вот интересно,— встрял Машег.— Как же это ты жива, если мы с Серегеем тебя мертвой видели. И я лично видел, как тебя Понятко с Гололобом на костер клали.

— Клали! — раздался веселый голос.

Понятко, проигнорировав калитку, перемахнул через забор.

— Клали да сняли! Бабка здешняя, знахарка, на нее глянула и сказала, что живая. Вот и сняли. Ошеломили тя знатно, нурманка, да не до смерти. Бабке ногату подари, не забудь!

— Вот еще! — фыркнула нурманка.— Вошла бы в огонь с мужем — ныне тож была б в Валхалле, а не тут, с вами!

— Баб в Валхаллу не пускают! — уверенно заявил Понятко.— Мне Свей точно говорил: туда только мужей!

— А про валькирий твой свей слыхал? — подбоченилась нурманка.— Иль я хуже?

— Ты лучше! — осклабился Машег.

Духарев одарил хузарина мрачным взглядом. Вот только взбалмошной нурманки им не хватало для полного счастья.

— Зовут тебя как? — буркнул он.

— Элда! — с вызовом.

Она стояла посреди двора и глядела на окруживших ее варягов с таким видом, словно готова была драться со всеми сразу.

А варяги-то веселились!

Вот только веселиться им было не с чего.

— Значит, так, Элда, слушай и запоминай,— произнес Духарев строго.— Ты идешь с нами.

Нурманка недовольно выпятила губу.

— Ты идешь с нами,— жестко повторил Сергей.— Потому что еще до полудня здесь будут печенеги. Или хочешь остаться?

— Не хочу.— Нурманка все еще злилась, но соображения не утратила.

— Тогда иди собирайся. Надеюсь, твои вещи поместятся в две переметные сумы?

— Поместятся,— мрачно сказала нурманка.— Мое — на мне. Остальное сгорело.

— Понятно. Тогда возьми у местных, что требуется. Ты за них билась, так что имеешь право. И будь здесь раньше, чем солнце поднимется выше башни. Не придешь — уйдем без тебя. Искать тебя по городку мы не станем. Понятно?

— Я приду,— ответила нурманка.

— Коня не ищи, коня мы тебе дадим,— обещал Духарев.— Упряжь и прочее — тоже. Ты верхом как, умеешь?

— Да уж не хуже тебя! — Нурманка гордо развернулась и пошла со двора.

— Вечно ты, Серегей, всякую негодь подбираешь! — сказал Понятко.

— То парса этого, то нурманку омуженную! Тьфу!

— Дурачок ты! — Хузарин хлопнул парня по спине.— Кто тебя только Поняткой прозвал? Ты в бабах разбираешься, как кривич — в верблюдах.

Понятко попытался возразить, но Машег не дал.

— Молчи! Ах, какая баба! — восхищенно произнес он, обращаясь исключительно к Духареву.— Горяча, как молодая кобылица! Хоть сейчас четвертой женой ее взял бы!

— Почему четвертой? — спросил обиженный Понятко.

— Три у меня уже есть, мальчик!

— Серегей, можно, я ему башку снесу? — осведомился Понятко.

— Можно,— разрешил Духарев.— Только не здесь, а когда дома будем. А сейчас слазай-ка на башню. Погляди, что в степи творится.

По информации, полученной от пленника, Серега знал, что основной отряд печенегов двигался по дороге. Можно было надеяться, что варяги опережали их минимум на сутки. Если степняки не появились вчера вечером, значит, придут в Таган сегодня. Но не с рассветом, а попозже, так как ночных переходов без особой нужды хан не делает. Вообще, то, что род Албатана кочевал не в Приднепровье, а по ту сторону Дона, было

большим плюсом. Значит, на подкрепление хан рассчитывать не мог. А сотня всадников — не орда. Достаточно варягам добраться до какой-нибудь крепостицы с мало-мальски приличным гарнизоном — и Албатану придется убраться.

А вот как быть с Игорем? Против великого князя киевского, хоть и не любимого народом, простой десятник, изгой [1] Серега Духарев — пыль под копытами.

Был бы на месте Игоря предшественник его Олег или тот же Свенельд, Духарев даже и раздумывать не стал бы. Приехал бы, повинился, рассказал, где золото спрятано. Глядишь, и доля перепала бы от немереного богатства. Но Игорь есть Игорь. О его скупости и недоверчивости байки ходят. Игорь выслушает внимательно. А потом на каленое железо поставит: говори, злодей, сколько утаил и где спрятал?

Прецеденты были.

Может, к хузарам уйти, как Машег советует? Но ведь и там та же история может повториться: хакан Йосып такой же жадюга, как и киевский князь. И в Итиле за варягов даже заступиться будет некому. При всем уважении Духарева, Машег по силе и влиянию в собственной стране никак не может сравниться со Свенельдом... И княгиней Ольгой.

Ладно, перезимуем.

Духарев изловил мальца и отправил за старшиной Мачаром.

Старшина ждать себя не заставил.

Сергей велел ему обеспечить эвакуацию населения. Пусть все, кто может, бегут из города. Причем прямо сейчас. Хоть в море на лодках, хоть в степи сусликами зарываются. Потому что очень скоро придут сюда печенеги и непременно будут вымещать обиды на таганцах. Но кто-то обязательно должен остаться и рассказать о варягах. Тогда есть шанс, что степняки с таганцами возиться не будут, времени пожалеют.

— Я сам останусь,— сказал Мачар.— Меня пусть режут, может, домишки пожалеют.

Спорить с ним было бессмысленно. Упрямый старик. Сереге он нравился. Может, даже и породнились они вчера: рыжая оторва Мачаровой внучкой оказалась.

---

[1] Здесь «изгой» означает чужой, наемник.

— Тогда так,— решил Духарев.— Придут, будешь все на нас валить. И не забудь сказать, что ушли недавно. И куда ушли, тоже скажи.

— Я им совру,— сказал Мачар.

— А вот этого не надо! Узнают — вернутся, и худо вам будет. А так, может, и тебя обидеть не успеют — за нами поспешат. Но народ пусть все равно уходит, ясно?

— Угу,— согласился дед.

Духарев отошел от него, утирая пот со лба. Жарища! Ну и денек будет, если с утра такая температурка!

Глава тридцать первая

Сурожская степь

Собрались в положенный срок. Две дюжины вьючных лошадей, цепочкой, да шестеро всадников с табунком заводных. Кони, вычищенные, сытые, отдохнувшие. Варяги — в выстиранной одежде, с гладко выбритыми подбородками. Орлы!

«Угу,— подумал Духарев.— Только мы теперь больше на караван смахиваем, чем на воинский отряд».

Перед тем как тронуться, Духарев с Машегом и Устахом добрый час прикидывали: куда путь держать, тыкали в карту пальцами.

Устах тянул за то, чтоб выйти обратно к Днепру. Печенеги — что? Печенеги на хвосте висят. Варяги — петлю, и они — тоже петлю. Оторвемся.

Машег звал к Дону, к устью. Там плавни, рукава и болотца, сотни островков. Там в тростниках — дикая птица и жирная рыба. Там новичку в пору заблудиться даже и на лодке. Но он, Машег, знает там каждый островок. Это его земля, исконная. Там он точно степняков со следа собьет. И князь с русью туда не сунутся, и помочь кому найдется: тамошние обитатели испокон под Машеговыми предками ходят. Может, и насад большой для варягов отыщется. Тогда можно хоть вверх по Дону идти, в Саркел, а можно и по Донцу, как раньше собирались. Лучше, конечно, в Саркел. В Белой Крепости их уж точно

никто не тронет. Там гарнизон сильный, одних наемных печенегов — сотни три. И там Машега тоже уважают. И тоже родичи найдутся, и друзья. Там их даже сам хакан Игорь тронуть не посмеет, потому что это будет уже война.

Серега склонялся к предложению Машега. Чужой народ, хузары, не вызывали у него таких опасений, как у Устаха. Серега ведь и сам был совсем недавно — чужой. И Машегу он доверял. И главное, до донского устья, во-первых, ближе, чем до Днепра, во-вторых, нет опасности наткнуться на тех, кто идет по варяжскому следу. Чуял он: не одни лишь печенеги Албатана висят на хвосте. Еще кто-то есть. Это — как пристальный взгляд со спины. Не видишь — кто, но затылком чувствуешь: смотрит.

— К Дону идем,— сказал Духарев, поглядел на друга; станет возражать?

Устах кивнул. Ему тоже были видны преимущества «хузарского» варианта.

Пока старшие совещались, Понятко искал собачонку. Не нашел, хотя и привлек к поискам десяток таганских пацанят. Плохо. И без собачки плохо, и примета нехорошая. Пацанята тут же предложили ему подыскать подходящего пса, но Понятко покачал головой. Хорошего сторожа специально натаскивать надо. Иной раз полгода уйдет, пока выучишь. Да и то не всякого щенка.

Провожать варягов вышли едва ли не все жители Тагана — человек двести. Духаревские «невесты» липли к стременам: глаза блестят влагой, на шейках блестит подаренное «женихом» серебро. Серебро, впрочем, блестело не только на них. Остальные варяги тоже не поскупились: отдарились за ласку. И провожали их чуть ли не со слезами.

Только у стремени Элды никто не ронял слез. Не было у нурманки друзей-подруг среди горожан. Ее друзья-воины и муж-богатырь вчера истаяли дымом в светлом небе.

Нурманка сидела в седле прямо, глядела надменно, пряча за гордостью горечь. Она, единственная, парилась в доспехах, но терпела и жару, пот и зуд ради грозного высокомерия.

Наконец тронулись. Сергей напомнил еще раз, на прощание: уходите, люди! Застанут печенеги — будет беда!

Духарев послал Понятку вперед: на всякий случай. Сам ехал впереди с Машегом.

Устах и Гололоб гнали вьючных.

Миновали желтые поля, где местные выращивали сурожь — рожь пополам с пшеницей. Более неприхотливая рожь поднималась над пшеницей, оберегала ее от зноя. Сурожь тут возделывали повсеместно. Надо полагать, и море звали Сурожским из-за этого.

Элда некоторое время ехала в стороне, потом пристроилась слева от Духарева.

— Броню сними,— сказал ей Сергей.— Жарко сегодня. Успеешь облачиться, если что.

Нурманка фыркнула. Однако минуток через сорок решилась: взялась снимать панцырь, но запуталась в ремнях и едва не свалилась с лошади. Машег тут же оказался рядом, поддержал, помог разоблачиться. Сам он был в одной лишь свободной рубахе из тускло-серого шелка. А вот нижняя рубаха Элды под стеганой поддевкой промокла насквозь и липла к роскошному, по крайней мере, с точки зрения хузарина, телу. Но Машег воздержался от комплиментов фигуре нурманки, предусмотрительно похвалил лишь качество ее панцыря. Похвала была принята благосклонно, хузарин и нурманка поехали рядом. Духарев поглядывал на них и тихо радовался. С женщинами, подобными Элде, он не любил строить долговременных отношений. Проблем больше, чем удовольствия. А просто перепихнуться и забыть... Нехорошо выйдет. Все-таки он обещал Халли присмотреть за его женой. Вряд ли нурман вкладывал в понятие «позаботиться» мимолетную связь. А стоит только дать повод и... Нет уж, пусть нурманской красавицей занимается Машег. В том, что хузарин сумеет очаровать Элду, Духарев не сомневался. Вообще-то, у хузар рожи примерно как у печенегов: плоские, скуластые, будто блюдца, вылепленные не шибко умелым гончаром. Но белые хузары — дело иное. Их предки веками брали в жены лучших красавиц, мадьярок, славянок, ромеек, арабок. Потому-то у смуглого Машега глаза серые, а кость хоть и тонкая, да крепкая, как у арабского коня. Ростом не очень, зато аристократически красив, куда красивей лицом, чем сам Серега.

Пересекли русло маленькой речушки. Воды в ней было — хомячку по пояс, но по берегам весело зеленели деревца, и

трава поднималась выше и гуще, чем в открытой степи, поскольку дождя не было давненько — и не предвиделось, судя по безоблачному небу.

Духарев поглядел на это самое небо, прикинул время, скомандовал:

— Привал!

Коней расседлывать не стали: мало ли? Зато сами с удовольствием избавились от военной «сбруи».

Серега скинул сапожки и с кайфом прошелся по желтоватой водичке. Подумал: не окунуться ли? Что за жизнь такая: вчера только мылся, а сегодня опять — как запаренная лошадь! Хотя это, вероятно, дело привычки. Вон, те же печенеги вообще не моются. Разве что случайно: например, во время переправы.

Тут Духарев услышал рядом с собой плеск, обернулся и... обнаружил Элду. В первозданной красе дочери Евы. И вынужден был признать, что сложена нурманка — как надо. Никаких культуристских мужеподобных мышц. Отличная спортивная фигурка: плоский живот, тонкая талия, округлые бедра, ноги вполне приличной длины. И бюст тоже приличный — упругость даже глазами чувствуется. Если к этому прибавить белокурые пушистые волосы и синие глаза...

— Чего уставился? — не без вызова спросила Элда.— Нравлюсь?

— Да как тебе сказать...— промямлил Духарев.

Вот вчера зрелище обнаженной женщины вскипятило Серегины гормоны — не удержался бы... А после прошлой ночи... Не то чтобы совсем ничего, но существенно полегче.

Нурманка явно ожидала более эмоциональной реакции: фыркнула презрительно, опустилась на корточки, придерживая косу левой рукой, и шумно помочилась.

Духарев сделал вид, что не заметил.

«Ползет шифер у бабы,— подумал он.— И есть от чего».

На песочек рядышком неожиданно спрыгнул Машег.

Элда от неожиданности ахнула, рефлекторно прикрылась руками... и тут же густо покраснела.

— Дурень! — бросила она Машегу, опуская руки.

Стыдилась она явно не наготы, а того, что отреагировала по-бабьи, а не по-воински.

«Да,— подумал Духарев.— Хоть и учил ее отец — а недоучил».

Любой сопливый отрок на ее месте, испугавшись, не прикрываться бы стал, а к оружию дернулся.

— Ах! — проговорил Машег, обольстительно улыбаясь.— Никогда не видел кожу столь дивной белизны! Позволишь ли ты, подобная прекрасной валькирии, скромному воину окунуться в омывшие тебя воды и смыть пот с измученного тела?

— Мойся,— проворчала нурманка.— Река общая.

— Благодарю! — Машег начал проворно раздеваться, а Духарев, пряча усмешку, полез на берег.

Если уж правоверный хузарин назвал валькирий прекрасными, а не бесами и суккубами, как обычно, значит, он всерьез положил на нурманку глаз.

Уже поднявшись на берег, Духарев услыхал звонкий голос Элды.

Духарев еще раз усмехнулся и принялся натягивать сапоги.

«Что-то Понятко не возвращается,— подумал он.— Уж пора бы».

Устах и Гололоб развьючивали коней.

— Место хорошее. Пускай отдохнут,— сказал Сереге его друг.— После нагоним, когда жара спадет.

— Добро,— не стал спорить Духарев.

Место и впрямь было неплохое.

А вот внешний вид Гололоба Духареву не понравился. Рана у гридня пустяковая, но крови он вчера потерял порядочно, и даже загар его не мог скрыть бледности.

— Сядь, отдохни! — велел ему Сергей и сам взялся помогать Устаху.

— Слышь, Серегей, ты кабаньи следы в грязи видел? — спросил синеусый варяг.

— Видел,— подтвердил Духарев.— А что?

— Добыть надо молодого кабанчика. Сделаешь?

— Запросто.

Здешнее зверье людей не очень-то боялось.

— Только зачем? У нас же полно мяса. Да и Машег вепрятины не ест.

— Печенка нужна. Гололобу. Лучше, конечно, медвежья, но и свиная сойдет.

«Точно!»— подумал Сергей.

Как он сам не сообразил.

— Сделаю,— пообещал он.— Только Понятку дождусь.

И сел точить меч.

Он как раз успел довести дело до конца, когда прискакал Понятко. И только глянув на него, Серега сразу понял, что охоту придется отложить.

— Ну, что там? — не ожидая ничего хорошего, осведомился Духарев.

— Орда! — выдохнул Понятко.— Орда идет!

Глава тридцать вторая

Хан Албатан

Всадники Албатана ворвались в Таган через четыре часа после того, как уехали варяги. Почти все уцелевшие жители успели покинуть городок. На рыбачьих лодочках, на всем, что хоть как-то держалось на воде. Главное — пересидеть. Большой варяг сказал: степняки придут, но вскорости уйдут. Не бойтесь!

Не встретив сопротивления, печенеги рассыпались по улочкам, пронеслись вихрем по городку и встретились на площади у обгорелой башни, где и обнаружили аккуратно уложенные трупы сородичей из передового отряда.

Здесь же, на площади, парились на солнцепеке несколько таганских дедов во главе с Мачаром.

На выцветшей рубахе старосты солнцем горела золотая бляха.

Печенеги завертелись вокруг стариков бешеной каруселью... Но не тронули. Ждали хана.

Албатан подъехал, мрачный и злой. Он видел, что город покинут. Он видел, что его воинов побили. Видел он и погребальные пепелища. Ему подали кусок пергамента, взятый с груди убитого печенега. На пергаменте, кровью, был нарисован ухмыляющийся конный варяг. Варяг гнал кнутом маленьких человечков верхом на собаках. В человечках без труда можно было признать печенегов. Под рисунком имелась и надпись, но Албатан не умел читать. И никто из его воинов — тоже.

Албатан швырнул пергамент под копыта коня, подъехал вплотную к седобородому таганцу, поддел кончиком сабли золотую бляху, поглядел сверху на старика. У того лоб блестел от пота, но сам он не дрогнул.

Албатану это понравилось. Ему захотелось содрать со старика кожу. Медленно. Чтобы узнать, насколько тот терпелив.

— Варяги? Давно? — спросил хан на языке булгар, который понимали и славяне, и угры, и даже хузары.

— С рассветом,— хрипло ответил староста.

— Куда?

— Туда! — показал Мачар.

— Сколько их?

Старик показал шесть пальцев.

Мачар мог бы обмануть, но высокий варяг велел ему говорить только правду.

Албатан поглядел на остовы сгоревших кораблей, потом дальше, на синюю плоскость моря. Зоркие глаза его, конечно, видели россыпь лодочек вдали. Но кони по воде не поскачут. Можно сжечь город, да что толку? А шарить по дворам некогда. Варяги уйдут.

— Юкгуль! Останешься здесь. Похорони наших. Не задерживайся.

— А этих, что? — спросил десятник, кивнув на стариков.

— Эти тебе помогут. Не захотят — убей.

Албатан развернул коня.

Печенеги спешно покидали Таган. Ничего не разорив и никого не тронув, как и говорил большой варяг.

Осталась только похоронная команда. Но и эти никого не убили и ничего не сожгли. Только десятник Юкгуль, улучив момент, когда никто из своих не видел, отобрал у Мачара и спрятал в сапоге золотую бляху.

Глава тридцать третья

Орда

Они не успели. Промчались вдоль речного русла, не жалея коней, но все равно не успели. Осталось только спуститься в

попавшийся по дороге овражек и глядеть издали, как неторопливо накатывается из степи живая лавина.

Это было величественное зрелище. Медленно ползли по травяному морю высокие арбы, перед ними, рассыпавшись, родами, семьями, ехали кочевники: мужчины, женщины, дети...

В степи ребенка сажают в седло раньше, чем он научится ходить. Духарев видел однажды, как гостивший в Переяславле степняк сел на коня, чтобы проехать тридцать шагов.

За арбами и кибитками сотни пастухов гнали бесчисленные табуны лошадей, отары овец. Даже издали было слышно, как визжат, схватываясь, жеребцы, гортанно кричат погонщики. Шум, поднимаемый кочевьем, опережая его, катился над степью. Дрожала земля под сотнями тысяч копыт. Все живое поспешно убиралось с дороги.

Орда вышла к речке. Можно было не сомневаться, что воды в ней поубавится.

Некоторые кочевники скакали в стороне от основного потока, но это были не дозорные, а охотники. Ордынцы никого не боялись. Их было много. Тысячи. И каждый мужчина — воин.

— На Таган пойдут? — обеспокоился Духарев.

— Нет! — уверенно ответил Машег.— По реке. Здесь вода и трава хорошая. Таган — не на их земле. Туда не пойдут.

— Да? — удивился Сергей.— А я думал: орды ходят где хотят.

Машег покачал головой:

— У каждого племени — своя земля. По эту сторону реки — земли народа гила. Это не гила, это цур. Сильное племя. Но Куркутэ тоже сильный. Узнает — обидится. Гила и цур — в мире.

— А этот, Албатан?

Машег пожал плечами.

— Цапон за Доном кочует,— сказал он.— Если попадутся этим — могут и побить. Как хан решит.

Орда приближалась. Медленно.

— Может, рискнем? Проскочим? — предложил Понятко.

Устах и Машег одновременно покачали головами.

— А если просто так подойти? — предложил Гололоб.— Отдадим часть серебра...

— Часть? — Машег захихикал, и Гололоб смутился.

Ясно, что глупость сказал.

— Как думаешь, на наш берег перейдут? — спросил Духарев.

— Конечно,— ответил хузарин.— Эту речушку суслик перепрыгнет. Надо отходить, Серегей!

— Назад нельзя! — запротестовал Гололоб.— Там же этот, Альбатон!

— Албатан,— поправил Машег.— Что будем делать?

Все поглядели на Духарева.

— Рискнем, а? Проскочим? — снова предложил Понятко.

— Один раз уже проскочили,— буркнул Серега и мрачно глянул в сторону речки.— Ладно, двинулись. Ждать будем — вообще пропадем.

Первые печенеги уже выехали на противоположный берег.

Гуськом, повторяя петли оврага, цепочка варягов двинулась прочь. Через некоторое время, удалившись достаточно далеко, чтобы не слышать шума орды, варяги высунули носы из оврага...

И сразу увидели впереди слева несколько игрушечных фигурок. Всадники.

«Сто против одного, что это Албатановы парни!» — подумал Духарев.

— Они нас не видят,— спокойно произнес Машег.— Но их мало. Будем биться?

— Это дозор,— сказал Духарев.— Уходим!

И они побежали.

Когда Серега Духарев еще учился в школе, ему прочили большое будущее. Все, кроме учителя физики. Хотя и по физике у Сереги тоже были твердые пять очков.

«Способный, да,— соглашался физик, бородатый дядька, водивший их по выходным в походы под Комарово и громко распевавший песни горожан-отпускников, именуемые почему-то бардовскими.— Способный, но ленивый».

С физиком не соглашался никто. Учился Серега прекрасно, сделал первый разряд по биатлону, участвовал во всяких олимпиадах. Назвать такого парня ленивым мог только душевнобольной, полагали взрослые. Но Серега знал, что физик прав. Все, что делал Духарев, он делал исключительно ради удовольствия. Не важно, пер он вперед по трассе, палил в тире

или читал Писарева. Удовольствие или предвкушение удовольствия делали приятными и физические, и умственные усилия. Как только этот стимул пропадал или появлялась какая-либо другая, более привлекательная цель, Серега даже и не пытался заставить себя делать что-либо в менее интересном направлении. Какой смысл? Так он дважды вылетал из универа. Первый раз — из-за веселой жизни, раскручивавшейся вне учебных аудиторий. Второй раз — вдруг осознав, что от желанной цели его отделяют годы, не сулящие ничего, кроме упорных усилий ради довольно неопределенного будущего. А ведь это было уже после армии. Армии, где Духарев вынужденно научился делать то, что не хочется. Правда, это был немного другой Серега Духарев. Не тот, который *жил*, а тот, который *выживал*. Первый, способный, но ленивый, не совершал никаких действий, если у него не было желания их совершать. Второй не совершал ничего сверх необходимого. И когда появлялся второй, первый тут же тушевался и уходил на второй план, как шпаненок-семиклассник при появлении старшего брата-спецназовца.

А теперь кроме этих двух, появился еще и третий. Личность этого третьего, уже не бойца, а воина, заложил еще старый Рёрех. Прошло два года, и этот третий вырос и сформировался настолько, что в нужный момент брал лидерство и легко задвигал второго.

Овраг протянулся еще на версту, а потом плавно сошел на нет... И варяги увидели прямо перед собой тот самый разъезд печенегов. На этот раз их, несомненно, заметили!

Численность с обеих сторон была примерно одинакова, и оба отряда без раздумий устремились навстречу друг другу. Варяги даже не успели пересесть на боевых коней.

Печенеги визжали во все горло, привлекая своих.

Варягам ждать помощи было неоткуда.

Машег и Понятко, опередив остальных, уже с двухсот шагов принялись метать стрелы. До рукопашной не дошло. Четверо печенегов полетели в траву, двое, развернув коней, резво понеслись прочь.

А с холма уже скатывались главные силы Албатана. Теперь варяги развернули лошадей и пустились наутек. К несчастью, конь Гололоба угодил ногой в сусличью нору и упал.

Всадник полетел через его голову и остался лежать. Машег и Духарев одновременно осадили коней. Лошадь Гололоба билась в траве, пытаясь подняться. Животному это не удавалось, а вот человек с трудом, но поднялся. Правая рука его висела плетью.

Печенежья стрела пропела в воздухе и нырнула в зеленую щетку травы, не долетев.

Духарев подскакал к Гололобу, подхватил и, крякнув от усилия, перекинул через холку коня. Тот всхрапнул и даже как будто просел под двойной ношей, но, повинуясь всаднику, пошел галопом. Машег скакал рядом, придерживая своего жеребца. Расстояние между ними и печенегами сокращалось, но медленнее, чем ожидал Духарев. Жеребец под ним хрипел, но держал хороший темп. Сергей знал, что животное протянет еще несколько минут, не больше. Он засвистел, призывая Пепла.

Серая волна степняков скатилась с холма. Духарев слышал визг всадников и топот сотен копыт. Печенеги настигали, но медленно, очень медленно, и у Сергея появилась надежда, что они все-таки оторвутся... И в этот момент его конь пал...

Глава тридцать четвертая

Албатан. Удачное утро для печенежской охоты

Передовые разъезды Албатана выехали к речке позже варягов. И тут же помчались назад. Встреча с чужим кланом не сулила им ничего хорошего. Но хана новость обрадовала. Он был уверен, что преследуемые тоже не сунутся под колеса и копыта кочевья. Тем более — с таким кушем в переметных сумах. Теперь-то Албатан точно знал, что деньги, о которых говорил пленный хузарин,— существуют. Старик-таганец не скрыл, что больше десятка варяжских коней навьючены лишь парой небольших переметных сумок каждый, таких тяжелых, словно набиты камнями или железом.

О, Албатан знал, что там не камни!

При мысли о золоте, которое везет дюжина вьючных лошадей, хан испытывал большее вожделение, чем испытал двад-

цать зим тому назад, когда, еще мальчишкой, вошел в брачный шатер к своей первой жене.

Узнав о чужой орде, Албатан засмеялся, удивив своих воинов. И велел повернуть на запад.

Множество разъездов рассыпалось по степи. Передовые растянулись дугой, подобно волчьей стае, загоняющей тарпана.

Албатан рассчитал точно. Преследуемые выскочили из распадка прямо на его воинов.

Хан скакал впереди, но не первым. Хотя его конь был проворней, и Албатан легко мог обогнать своих воинов. Нет, хан не позволял азарту погони овладеть им. И строго велел своим не увлекаться, держаться вместе. Он не забыл, какую хитрость применили враги во время первого нападения, и не желал падать дважды в одну и ту же яму. Больше не будет одиночных перестрелок. Как только расстояние станет подходящим для выстрела, в воздух разом поднимутся сотни печенежских стрел. Пока же Албатан разрешил бить только лучшим стрелкам и целить не в наездников, а в коней. Хану очень хотелось захватить варягов живьем. Во-первых, чтобы узнать, не зарыли ли они часть золота, во-вторых,— чтобы порадовать бога, которого он возил в сумке. Бог заслужил много радости, поскольку принес Албатану удачу. И продолжал помогать. В этом хан был уверен. Разве не упала лошадь одного из преследуемых? Разве у его друзей не появилась глупая мысль выручить неумелого наездника?

Сам Албатан никогда бы не стал рисковать своей жизнью и тем более золотом ради одного-единственного воина. Воистину эти варяги — глупцы.

У хана было превосходное зрение. Он видел, как скачет перегруженный конь, и знал, что он вот-вот свалится. У Албатана было сильное искушение дать волю собственному жеребцу... Но хан прогнал искушение. Варяги и так почти у него в руках. Нет, торопиться не следует. Албатан еще раз убедился в этом, когда увидел в открывшейся низинке сбившихся вместе вьючных лошадей и с ними нескольких всадников. Эти глупцы, вместо того чтобы бежать с деньгами, ждали. А один даже поскакал к отставшим, увлекая за собой заводную лошадь. И еще один конь сорвался с места и поскакал.

И тут лошадь, несущая двоих, внезапно перешла с галопа на вихляющийся шаг и еще через мгновение медленно осела на бок.

Гололоб упал на сломанную руку, вскрикнул и потерял сознание.

Серега не сумел его поддержать, но сам соскочил аккуратно.

Машег завертелся рядом.

— Беги! — крикнул ему Духарев, но хузарин только засмеялся. Он поднял лук, прищурился, выискивая самого проворного, но печенеги скакали не по обычаю, а единой массой, и Машег послал стрелу наугад. Вероятно, он не промахнулся, но одна или даже десять стрел не остановили бы сотню всадников.

Духаревский Пепел подлетел к хозяину, опередив на двадцать прыжков Понятку с заводной. Подлетел и стал как вкопанный, раздувая ноздри и глядя на накатывающуюся живую волну.

Варяги были уже в пределах досягаемости хорошего стрелка, но степняки не стреляли. Зато начали растягиваться вширь.

«Живьем хотят взять! — весело подумал Машег.— Ну, ну, попытайтесь!»

Еще он подумал о том, что надо бы успеть прервать жизнь Элды раньше, чем прервется его собственная. Женщине, с которой позабавится сотня печенегов, не позавидуешь. Мужчине, впрочем, тоже.

Духарев на приближающихся врагов даже не взглянул.

Поднатужившись, он вытащил Гололоба из-под павшей лошади и хлопнул по сломанной руке. Как он и предполагал, Гололоб, потерявший сознание от боли, от боли же очнулся.

Сергей поднял его на ноги.

— Держись, варяг! — крикнул он и хлестнул Гололоба по щеке.

Мутные от боли глаза немного прояснились.

Подскакавший Понятко спрыгнул с седла. Вместе с Сергеем они кое-как взгромоздили Гололоба на лошадь.

— Бери его и скачите туда! — Духарев махнул рукой на юго-восток.

— Понял! — Лучший — и последний — разведчик Серегиного десятка подхватил повод несущей Гололоба лошади и поскакал прочь.

Сергей вскочил на Пепла. Жеребец прыгнул вперед и тут же шарахнулся в сторону, услышав взвизг стрелы. Печенеги наконец начали стрелять, но то были одиночные стрелы, и все они ложились низко и мимо, потому что стрелки боялись задеть всадников.

Духарев повернулся, поглядел назад. Печенеги были уже так близко, что можно было разглядеть отдельные лица, раззявленные в вопле рты.

«Эх! — подумал Духарев.— Будь у меня хоть пара дюжин стрелков, я бы вам дал просраться!»

Конечно, он понимал: будь их две дюжины, а не двое — печенеги тут же рассыпались бы. Это же степь — места хватает.

Среди свирепых рож степняков Сереге вдруг бросилась в глаза одна, знакомая. Ну точно! Тот самый, из сна. Который командовал допросом пленника-хузарина. Вожак!

Мелькнула шальная мысль: если я его завалю, вдруг остальные отстанут?

Духарев выхватил из колчана стрелу, крикнул:

— Машег! Глянь на копченого с волчьим хвостом на шапке!

— Да у них половина с волчьими хвостами! — крикнул в ответ хузарин.

Спущенная тетива хлестнула по наручу. Серегина стрела ушла вверх. Через несколько мгновений один из степняков дернулся в седле: стрела прошила ему плечо. Другой степняк, не тот, в кого целил Духарев. Вторая стрела тоже не попала в цель.

— Видишь, ну? — закричал Духарев.

— Вижу! — Хузарин сообразил, в кого метит Сергей.

Щелк!

Машегова, оперенная перьями цапли, особая, с голосом, стрела взмыла ввысь и...

Печенежский вожак махнул круглым щитом и отшиб визжащую смерть не хуже, чем это сделал бы варяг. И тут же потерялся среди своих воинов.

Между тем расстояние, отделявшее преследователей от преследуемых, снова начало увеличиваться.

Устах, увидев это, уже скакал прочь, гоня перед собой остальных лошадей. Элда ему помогала. Не слишком умело.

Когда Машег с Сергеем поравнялись с ними, табунок поскакал прозорней. Но печенеги шли за ними, не отставая.

За Поняткой и Гололобом погони не было.

Хузарин вдруг ловко развернулся в седле задом наперед.

Конь его, ничуть этим не смущенный, продолжал идти ровным галопом, не отставая от остальных и не обгоняя, хотя мог бы.

А Машег поднял лук... И показал себя. Сравнить его с обычным стрелком — все равно что сравнить пулемет с винтовкой Мосина. Туго набитый колчан опустел за минуту. Тетива стучала, как взбесившийся метроном. Это было нечто невообразимое. Один... Один (!) воин заставил рассеяться целую сотню врагов! Нет, печенеги не повернули назад, просто рассыпались в стороны. И самую малость сбавили темп, сообразив, что в первую очередь вылетают из седла те, кто впереди. Расстояние между ними и варягами увеличилось.

Машег засмеялся и сильным толчком вернулся в нормальное положение. Он был очень доволен. Не в последнюю очередь оттого, что поймал восхищенный взгляд Элды.

Устах вытянул из своего колчана толстый пук стрел и протянул опустошившему свой сак хузарину. Машег взял, но использовать их сразу не стал. Печенеги вытянулись дугой и отставали шагов на четыреста. Чтобы на такой дистанции, на скаку снять одинокого всадника, даже Машегу потребовалось бы очень много стрел.

Глава тридцать пятая,

в которой Серега Духарев неожиданно узнает о том, что его считают мудрым

Они уходили на запад, меняя аллюр с галопа на шаг и снова с шага на галоп. Скакали до первых звезд, хотя еще на закате миновали пересохшее русло маленькой речушки. Песок на дне был влажный — под ним оставалась вода. Это было хорошее место для ночлега, но варяги не могли остановиться на виду у преследователей.

А вот печенеги остановились. Но не все. Часть продолжала погоню.

— Может, оставить им пару мешков с серебром? — предложил Устах.

Синеусый варяг устал от дневной жары и долгой скачки. Он то и дело прикладывался к фляге. Но позволял себе не более глотка: воду приходилось экономить.

— Рассыпать серебро по траве — пусть пособирают? — предложил Устах.

— Нет,— коротко ответил Духарев.

Он тоже вымотался. В их компании только Машег казался бодрым. И по мере сил подбадривал остальных. Особенно Элду. А нурманка держалась куда лучше, чем рассчитывал Духарев. Скакала наравне с мужчинами. Вот только менять коней на ходу не умела, приходилось останавливаться. Хузарин неизменно оказывался рядом, подставлял под сапожок сцепленные руки, придерживал стремя. Еще раньше он подобрал для женщины лошадей с самой ровной рысью. Поначалу нурманка от помощи гордо отказывалась, но потом смирилась. К вечеру ее не привычные к долгой езде мышцы настолько одеревенели, что Машег буквально вынимал ее из седла. Но Элда не жаловалась, и варяги это оценили.

Когда на небе высыпали звезды, преследователи повернули назад. Преследуемые рискнули сделать только короткий привал.

— Машег, сколько нам примерно до тракта? — спросил Духарев.

Хузарин подумал немного:

— До ближайшего колодца — стрелищ семьдесят-восемьдесят,— уверенно ответил он.

Рожденный в степи, хузарин железно «держал» направление.

Теперь задумался Сергей.

Возвращаться на тракт было рискованно.

Духарев прислушался к своим ощущениям: когда нет иного выхода, стоит довериться интуиции.

Но интуиция молчала.

— Идем на тракт! — решил Сергей, и они снова полезли в седла.

Примерно через час под копыта коней легла ровная твердая дорога. Еще через полчаса Духарев скомандовал:

— Стой!

Впереди, отражая лунный свет, белел плоский камень, прикрывающий горло колодца.

Вдвоем с Устахом они отодвинули камень. В черной яме серебром блеснула вода.

Теперь можно было устраиваться на ночлег.

Первым нести стражу выпало Духареву. Элда и Устах моментально уснули, а вот Машег ложиться не торопился. Сидел на свернутом войлоке, глядел на звезды. Духарев-командир бодрствования хузарина не одобрял. Если по расписанию бойцу положено спать — должен спать, а не на звезды пялиться. Но Духареву-дозорному общество товарища было приятно.

Как ни странно, несмотря на тяжелый день, Серега не чувствовал себя вымотавшимся. Когда уходили от погони, он впал в некое дремотное состояние: полусон-полубодрствование. Темп отряду задавал Машег, и как только лошади переходили на шаг, Серега тут же растворялся в жаре и мерном покачивании конской спины. Тело само предпринимало нужные усилия, чтобы не вывалиться из седла. И эти усилия были минимальны. Это было вроде экономного дыхания в поединке. Этот неожиданный подарок организма Серега в полной мере оценил только сейчас. И очень сильно подозревал, что Машег тоже владеет подобным искусством, иначе как он ухитряется оставаться бодрым после целого дня в седле? Да еще в полном доспехе и под палящим солнцем.

Духарев уже собрался спросить его об этом, но Машег сам задал ему вопрос.

— Вот скажи, Серегей,— тихо проговорил он.— Ты видишь будущее, когда захочешь или когда на тебя от Бога нисходит?

— Скорее второе.

— Жалко,— хузарин вздохнул.— А то я бы тебя попросил посмотреть кое-что... Про нас. В будущем.

— Ты думаешь, я бы сам не посмотрел, если бы мог? — отозвался Серега.

Машег снова вздохнул. Часто он вздыхает. Раньше за ним подобного не замечалось. Что-то с благородным хузарином не то...

— Давай, выкладывай,— подбодрил его Духарев.— Что там у тебя?

— Да, понимаешь... Это касается Элды...

Еще один вздох.

— Да? А мне показалось, у вас все ладится.

— Да, в общем,— Машег опять вздохнул.— Ладится, да. Но, понимаешь, я сначала ее не понимал. Думал: красивая баба, страстная...

— А разве нет?

— Да... Да, все так. Только... Она другая. Не такая, как я думал поначалу.

— Ну, брат, ты даешь! — сказал Сергей.— Много у тебя было женщин, которые оказывались такими, какими казались?

Машег не ответил.

Прошла минута, другая...

Между небом и землей лежала душно-теплая ночь. Степь была словно огромный зверь. Она дышала, и у ее дыхания был свой, особый, неповторимый запах. Земля казалась живой под сухой шерстью травы. А все, что на ней: люди, звери — вроде насекомых на бычьей спине. Земля была теплой, а звездное небо, наоборот, холодным и пугающим. В такие минуты Серега понимал, почему небесные боги кочевников свирепее и мстительнее богов земных. И для него, кочевника не только пространств, но и времени, эти холодные небеса были еще более пугающими. Как там говорил парс? «Звезды тебя не знают». Чужие звезды...

Машег что-то сказал, и Духарев очнулся.

— ...У меня, Серегей, было много разных женщин,— говорил хузарин.— Всяких... Но все не такие, как она. А Элда... Ей трудно было, Серегей. С мужчинами трудно, а с женщинами — еще труднее. Ее биться учили — как мужа. А у нее душа нежная, словно птенец перепелки.

Машег еще раз вздохнул и добавил:

— Я думаю, ее мне Бог послал, Серегей!

— Или тебя — ей? — заметил Духарев.

— Или меня — ей,— повторил Машег. И добавил после паузы: — Сердце у меня болит, Серегей. Что с нами будет? Что будет с ней? Страх во мне теперь, брат. Раньше такого не было. Раньше у меня не было Элды — только Бог был и честь родовая. Ни Бога, ни честь отнять нельзя, Серегей. А ее — можно. Раньше я смеялся в глаза смерти. Бог сотворил нас смертными. Мы должны умирать. Иначе как бы мы возвращались к своему Творцу? Смешно избраннику Господа бояться Небесного Отца! А теперь я боюсь, Серегей! Боюсь умереть... Я уйду, а что тогда

станет с ней? Что сотворит с ней этот мир, когда я уйду? Навсегда уйду, Серегей! Ты мудр, подскажи, как мне с этим жить?

— Я — мудр? — изумился Духарев, но Машег словно не услышал.

— Подскажи, Серегей! Не умею я так, со страхом внутри. Он силу мою точит. Стыдно мне! Отец мой не ведал страха. И дед. Боюсь я и того, что кровь свою опозорю! Честь моя. Бог мой... и она. Когда я спрашиваю у души своей: что ей дороже? «Она!» — отвечает душа. И это правда! Стыдно мне, Серегей! Мы с тобой от одного Бога, Серегей! И одна у нас Первая заповедь: возлюби Господа более себя самого! Ужель я предаю Бога моего? Скажи мне!

Серега придвинулся ближе, обнял хузарина, как обнял бы младшего брата.

— Ты ее любишь,— сказал он.— Любовь — от Бога. И ты любишь в ней Бога, Машег. Чего тут стыдиться? И бояться не надо. Не вечно же она будет делить с тобой жизнь воина! Мы выкарабкаемся, привезешь ее домой, там она будет в большей безопасности. И твой страх уйдет.

— Нет,— качнул головой хузарин.— Нет, Серегей, не сможет она у меня дома жить, по нашему уставу, с женами моими, с матерью. У нас обычаи строгие. Не станет она — по-нашему. Другая она. Не станет. И не сможет.

— Тогда посели ее у нас: в Переяславле, в Киеве...

— Может быть...— задумчиво произнес хузарин.— Но знаешь, чего я хочу?

— Да?

— Пусть она со мной будет. Всегда. И здесь, в поле. Научу ее из лука стрелять, с конем дружить научу. Станет воительницей не хуже Мисюрка.

— Мисюрок мертв,— напомнил Духарев.

— Значит, она будет лучше.

— Хорошо,— не стал спорить Сергей.— Но тогда я не понимаю, в чем трудность? Будет она воительницей. Будет с тобой рядом драться. Ну и отлично!

— Да,— вздохнул хузарин.— Этого я и боюсь. А если меня убьют? Если она тем же печенегам добычей станет? Вот она говорит: муж ее прежний оборонить не сумел. Он мог ее с собой в Валхаллу взять, но не взял. А я? Моя душа к Богу истинному уйдет. А ее? Что будет с ней? Боюсь я, Серегей!

— Так,— сказал Серега.— Ты сам же сказал: Бог ее тебе дал. Верно?

— Верно.

— Разве Бог дает что-то просто так?

— Нет, наверное...

— Значит, встретились вы не случайно. И отсюда вывод: чему быть, того не миновать. Живи, радуйся, но не забывай, сколько у тебя врагов. И Бог вас не оставит!

— Но она язычница, Серегей!

— А это уже твои трудности! — Серега убрал руку с плеча хузарина, потянулся, хрустнув суставами.— Уговори ее стать иудейкой,— сказал он.— Женщинам, как я понимаю, это проще. И резать ничего не надо! — Серега засмеялся.

В ночной степи его смех прозвучал почти кощунственно.

— Уговорить ее будет нелегко,— задумчиво произнес Машег.

— А кто сказал, что будет легко? Сама-то она как к тебе относится?

— Говорит: я лучший мужчина, чем ее бывший муж.

— Да? И когда это вы успели?

— Вчера. На речке.

— Ну ты крут! — восхитился Духарев.

— Да не в этом дело! — отмахнулся хузарин.— Вчера она моей больше от обиды стала. На тебя она обижена была. Ты мужу ее обещал принять как жену, а не принял. Вот она от обиды — со мной.

— И что, она по-прежнему считает, что я должен взять ее в жены? — Серега даже испугался.

— Уже нет,— восстановил его спокойствие хузарин.— Во-первых, я ей объяснил, что ты — христианин. Одна жена у тебя уже есть, а второй — не положено. А во-вторых, я сказал...— Машег хихикнул,— ...что я — лучший воин, чем ты, потому что лучше меня я в степи воина не встречал. Она нурманка, Серегей. Дикарка. Сила для нее — превыше всего.

— Это верно,— согласился Духарев.— От скромности ты не умрешь,— Серега усмехнулся.

— А это так и есть,— спокойно ответил хузарин.— Лучшего воина я в степи не встречал. Встречу — сразу узнаю.

— Интересно, как?

— Он меня убьет.

Глава тридцать шестая,

в которой Серега в очередной раз видит скверный сон

Когда пришла Серегина очередь отдыхать, он завернулся в попону, лег на бочок, положил под голову седло, расслабился, очень надеясь, что ему приснится что-нибудь «вещее», полезное.

Вместо этого ему приснился Питер. А может, даже и не Питер, потому что место было совсем незнакомое, из окна открывался вид на замызганные пятиэтажки, пахло пылью и мазутом.

Серега сидел за широким столом; справа — компьютер и факс, слева — пепельница и здоровый рыхловатый мужик с папиросой в зубах. Сергей тоже затянулся и стряхнул пепел. Жест был привычный.

«Я же не курю!» — подумал он с удивлением.

Рыхловатый глянул на часы, сказал:

— Счас придут. Он любит так: чтоб минута в минуту.

Сергей раздавил в пепельнице сигарету и тоже поглядел на часы. Без двух шесть.

Часы были тяжелые, позолоченные, или, возможно, сплошь золотые, на пальце — золотой литой перстень, а на запястье — цепочка. Похожая на ту, что носил Духарев-варяг, только эта, из сна, была полегче, и работа погрубее — серийный продукт.

С монитора весело скалились две голые сисястые девки. В обнимку. Краски были настолько яркими, словно бы и не сон это, а явь. Но Серега, как ни странно, точно знал, что спит.

За дверью раздались шаги, и наручные часы Духарева немедленно запиликали, отмечая очередной час.

Вошедших было трое. Вошли, не здороваясь. Двое тут же направились к столу. Один, сдвинув пепельницу, уселся на край, второй развернул стул и взгромоздился верхом, сложив на спинке мускулистые разноцветно татуированные руки. Третий, в больших зеркальных очках, расположился поодаль, в углу, в кресле рядом с кадкой, в которой умирала волосатая пальма.

— Короче,— буркнул тот, что сел на стул.— Вы наварили на нашем поле сорок восемь штук. Их надо отдать. И штраф — еще двадцать. Сроку вам — неделя.

Духарев пробарабанил пальцами по столу.

— И только-то? — произнес он.— А потом?

— А потом вали отсюда на хер! — гаркнул тот, что расположился на столе.

— Мы не сможем столько заплатить,— сказал рыхлый.— Может, штук тридцать—тридцать пять... Больше у нас нет...

Духарев недовольно покосился на него. Этот здоровый мужик явно трусил, даже вспотел от страха. Ну и сидел бы, не открывая пасть.

— Нет, ты, типа, не понял? — деланно удивился тот, что на столе.

— Тебе конкретно сказано, а ты, типа, не понял? А если я тебе счас — по ушам? — Он наклонился вперед, навис над рыхлым. Тот подался назад, втянул голову в широкие плечи...

— Это я не понял,— медленно проговорил Духарев.— У нас разговор — или как?

Он уперся взглядом в глаза того, что сидел на стуле.

«Я тебя сделаю!» — говорил этот взгляд.

Татуированный не выдержал, покосился на мужика в зеркальных очках. Тот молчал.

— Разговор,— сказал татуированный.— Пока разговор.

Второй, на столе, тут же откачнулся назад, но продолжал с угрозой смотреть на рыхлого. Духарева он как будто не замечал.

— Мы предъяву сделали,— сказал тот, что на стуле.— Вам сказано, когда и сколько. Счетчиков не будет. Не заплатите через неделю сколько сказано, отдадите все. И яйца в придачу.

— Я испуган,— спокойно сказал Духарев.— Видишь, как у меня руки дрожат? — Он положил на стол здоровенные кулаки.

— Ах ты...— начал было тот, что на столе, но осекся, когда открыл рот татуированный.

— Не хочешь платить, не юли, так и скажи,— теперь он обращался непосредственно к Духареву.

— Не хочу,— подтвердил Сергей.— Это наши деньги, нами заработанные, до последнего бакса. Где ты был полгода назад, когда мы поднимали эту тему? Пришел бы и сказал: это мое, я сам буду делать? Почему не пришел?

— Не твое дело!

— Да ну? А я тебе скажу! Потому что сами бы вы шиш с маслом подняли бы!

— Значит, ты платить не будешь? — злобно прошипел татуированный.

— Я тебе сказал: это мои деньги! — с холодной яростью ответил Духарев.— Хочешь пятьдесят штук — иди и заработай!

— Нет, я этому лоху сейчас все мозги вышибу! — заорал тот, что сидел на столе, выхватывая ствол и размахивая им у Духарева перед носом.

Серега брезгливо отпихнул ствол.

— Сейчас,— буркнул он.— Прямо из лицензированного ствола.

— Он меня не знает! — злобно процедил обладатель пистолета. Но размахивать оружием перестал.

— Не пятьдесят,— уточнил татуированный.— Шестьдесят восемь. Через неделю. Но можно — раньше. Лучше — раньше.

— А за базар? — возмутился тот, что на столе.— За базар еще пять штук!

Духарев встал. Теперь уже он возвышался над всеми.

— А ну слезь со стола! — скомандовал он.— И спрячь волыну, пока не бабахнула.

Бандит слез со стола, сунул пистолет в кобуру... и вдруг схватил компьютерный блок и швырнул на пол. Монитор щелкнул и погас.

Бандит с вызовом поглядел на Духарева, Духарев ухмыльнулся.

— Арендовано,— сказал он.— И застраховано. Всё. Так что бомбы кидать не надо: не мое имущество. Вам пришлют счет.— Сергей с вызовом поглядел на того, что в углу. Зеркальные слепые очки раздражали.

— Лучше бы вам от меня отстать,— сказал Духарев.— Денег все равно не будет, а проблемы будут, это я обещаю!

Человек в зеркальных очках медленно поднялся. На нем был дорогой, отлично сшитый костюм и со вкусом подобранный галстук. Но лицо того красноватого оттенка, какой появляется у бомжей к началу лета.

— Нет, господин бизнесмен,— сказал он.— Я от тебя не отстану.

И снял очки.

И Серега ощутил холодок страха. Впервые за весь этот диковатый сон.

У человека в отлично сшитом костюме было лицо Албатана.

Глава тридцать седьмая

Ловушка

Сергей проснулся. Сна — как не бывало. Вокруг шумно паслись кони, скрежетали цикады, ухала какая-то птица.

«Тиха украинская ночь...» — вспомнились слова классика. Значит, тиха. Ну-ну...

Духарев прижал ухо к земле. Земля молчала. Это хорошо. Серега пошарил рядом: меч на месте. Это тоже хорошо. А что плохо?

У груды тюков шевельнулся темный силуэт Машега.

— Спи, рано еще,— шепотом произнес хузарин.

— Спи ты,— прошептал в ответ Сергей.— Я покараулю, выспался.

Хузарин не заставил себя уговаривать: развернул войлок и тут же отрубился.

Духарев поглядел вверх. Звезд было много, и все они были знакомы. Для большинства из них он знал только местные имена. В прежнем своем мире он не интересовался астрономией. Мог опознать разве что ковш Большой Медведицы, именуемой здесь Лосихой, хранительницей Небес,— прошу не путать с обычным небом, где плывут облака и летают птицы!

Черное небо не было плоским. Оно было огромной воронкой, и звезды были искрами в ее толще. Серега глядел в это небо до того, как уснул. Сейчас, проснувшись, он изменился. Но небо осталось таким же. Стоило запрокинуть голову — и бесконечный черный омут тут же начинал мощно тянуть вверх. Оставаясь с ним один на один, человек переставал осознавать себя человеком. Так можно было стать богом. Или сойти с ума...

Сергей не без усилия вынырнул из звездной пучины. Или, скорее, она сама отпустила его. Чернота утратила абсолютную глубину. Звезды потускнели...

Духарев снова окунулся в знакомые звуки: хрупанье травы, перемалываемой лошадиными зубами, писк пойманной мыши, дыхание спящих друзей...

Серега ощутил укол вины. Ему следовало нести стражу, а не нырять в звездный океан.

Но ощущение тут же ушло, когда Духарев шевельнул плечами и даже удивился, каким легким, отдохнувшим стало тело. Словно не было двухнедельной гонки, схваток, изматывающего беспокойства... Нескольких часов сна явно не хватило бы на подобное восстановление сил. Сначала — бодрость после многочасовой скачки. Теперь — абсолютная бодрость после трех часов сна. Будто таблетку фенамина заглотил. С чего бы такое?

Размышляя над этим, Духарев чисто механически наклонился, прижал ухо к земле...

И в следующий миг ему стало не до самокопания.

Под мокрой от росы травой, в твердом теле земли ощущалась знакомая грозная дрожь. Погоня!

— Подъем,— негромко произнес Духарев, и Устах с Машегом, которым не помешал заснуть даже оглушительный скрежет цикад, тут же проснулись от тихого голоса Сергея.

— Они идут,— поделился новостью Духарев.

Устах кивнул, окунул лицо в траву и растер ладонями влагу: умылся.

А Машег тотчас приник к земле...

— По тракту идут,— сообщил он с явным беспокойством.

И положил руку на плечо спящей нурманки.

— Элда! Печенеги!

Женщина проснулась, потерла кулачками глаза, встала, отошла в сторонку...

Устах с хаканьем вскидывал на спины коней тяжелые сумы. Духарев предложил ему кусок зачерствевшего пирога, но синеусый варяг мотнул головой: успеется.

Элда треснула своего коня в брюхо, затянула подпругу, но Машег тут же вмешался, отпустил ремень на пару дырочек, пояснил:

— Ему тоже дышать надо.

Нурманка спорить не стала, забросила седло на заводного...

Тьма таяла. Где-то на востоке, еще далеко, уже поднимался к горизонту алый шар солнца. Подгоняя его, залилась трелью птица.

Духарев обулся, подумав, натянул и кольчугу, вынул из кожаного чехла панцырь, приспособил поверх седельной сумы, чтобы в случае чего надеть побыстрей.

Машег в последний раз припал к земле, поцокал языком: близко.

— Марш,— негромко скомандовал Духарев, и они тронулись. Первыми — Машег и Элда. За ними — Сергей. За Сергеем — вереница вьючных. Устах — замыкающим.

Спустя полчаса, когда дорога начала мягко изгибаться вокруг пологого холма, за спинами варягов вынырнул из-за края земли красный край солнца. Почти сразу же они увидели, как движется по желто-зеленому морю редкая цепочка всадников. Движется им навстречу!

И тут же сзади раздался предупреждающий крик Устаха.

Сергей оглянулся и увидел точно такую же цепочку позади. И справа.

Духарев выругался. Хитрый степняк обвел их вокруг пальца!

Не дожидаясь команды, Элда развернулась и нацелилась двинуть вверх по склону, но Машег поймал узду ее коня.

— Серегей?

Духарев поглядел на пологий склон... И покачал головой. Слишком похоже на ловушку.

Подъехал Устах, сгрудились вокруг кони...

Сергей прикидывал. Между теми, кто справа, и теми, кто впереди, оставался приличный просвет. Успеем или не успеем?

Собственно, выбирать было не из чего, и он махнул рукой:

— Туда!

Кони сорвались в галоп.

Устах и Сергей на скаку натягивали панцыри, Машег скакал позади Элды, время от времени подхлестывая ее коня.

Сначала они скакали по дороге. И когда уже можно было видеть, что враги впереди придерживают коней и готовятся взяться за луки, Духарев свистнул, и маленький отряд резко свернул вправо и понесся на прорыв.

Печенеги тут же устремились на перехват. Запели стрелы. Только одна попала в цель, пробив горло последней вьючной. Устах вовремя успел рассечь повод. Раненая лошадь осталась биться на земле, но остальные продолжали отчаянную скачку. Печенеги перестали стрелять.

Кони варягов были свежее, и всадники уже не жалели их, потому что быстрота решала все. Трава хлестала по мелькающим ногам коней. Летела белая пена...

Они вырвались из ловушки!

Печенеги разом испустили леденящий душу визг, но от этого прыти у варяжских коней не убавилось.

Элда, ликуя, взглянула на скачущего рядом Машега, но, взглянув, сразу перестала радоваться. Хузарин, подхватив повод ее заводной лошади, не сбавляя темпа, умело подводил ее к коню нурманки.

— Прыгай! — закричал он.— Ну! Давай же!

Элда приподнялась в седле. Внизу стремительно неслась земля. Лошадиные спины раскачивались, как скамьи драккара в штормовую ночь. Элда, которая, не моргнув глазом, сбежала бы на берег по гребному веслу, зажмурилась...

— Прыгай! — пронзительно выкрикнул Машег.

Конь Элды, весь в мыле, тянул из последних...

— Прыгай!

Элда, взвизгнув не хуже печенега, как в омут, бросилась на соседнее седло. Железные пальцы Машега не позволили заводной прянуть в сторону. Нурманка выпрямилась, ловя стремена.

— Получилось! У меня получилось! — закричала она.— Ой! Щит!

Ее прежний конь, избавившись от всадника, сразу перешел на шаг и отстал.

— Брось! — Машег хлестнул ее лошадь по крупу.— Вперед!

Они вырвались, но бешеная скачка продолжалась. Один отряд печенегов висел у них на хвосте, другой несся по дороге, заметно опережая, а третий скакал справа, отжимая варягов к тракту...

Враги были совсем близко, но луков не трогали. Они видели, что варягов только четверо, и вознамерились, так же как и вчера, взять их живьем.

«И, черт возьми, у них это может получиться!» — подумал Духарев.

Он знал, насколько ловко кочевники владеют арканами.

«Значит, будем драться!» — с ожесточением сказал он себе и потянул из чехла лук.

Увидев это, Машег тут же схватился за свой. И успел выпустить первую стрелу, опередив Духарева.

Степняк из правой группы, выбитый из седла, покатился по траве.

— Нет! — выкрикнул Сергей и выстрелил в одного из тех, что скакали по тракту.

Эти были дальше, но Духарев все равно попал в цель и ощутил мгновенную радость от удачного выстрела.

У Сергея начал складываться план. Совершенно отчаянный план. Такой же отчаянный, как их положение...

— Машег, туда!

Хузарин оскалился и одну за другой выпустил целых три стрелы. Только одна прошла мимо цели.

Печенеги на тракте привычно рассыпались и, разумеется, потеряли темп. Но сзади уже поспевал четвертый отряд...

— Прорываемся! — закричал Духарев, выпустив еще две стрелы. Мимо!

Он резко свистнул, подзывая Пепла, перемахнул в седло боевого коня и выхватил меч.

Замыкающий Устах лупил клинком плашмя вьючных лошадей, гоня их вперед.

Машег, почти не целясь, одну за другой метал стрелы...

Печенеги (их оставалось человек восемь) кинулись в стороны, копыта жеребца ударили в утоптанный грунт тракта. Слева удирал печенег. На расстоянии нескольких метров — подпрыгивающая от скачки спина, железные бляшки на выгоревшей коже... Пепел наддал, сам. Серега привстал — взмах: меч свистнул, степняк пригнулся, но самый кончик клинка все же задел его шапку, разрубил ухо... Печенег завизжал... Духарев спиной уловил движение позади, пригнулся, припал к гриве коня, в точности как только что — печенег. Вовремя. Волосяная змея аркана прошла над головой, впустую хлестнула по тыльнику шлема. Еще один аркан взлетел над Элдой, но Машег успел сбить его правой рукой... И новая петля упала на него самого, захлестнув шею и левое плечо.

Печенег заорал и мгновенно осадил коня. Но Машег был не худшим наездником. Его конь тоже встал, и сплетенная из конского волоса змея тут же провисла, а подоспевший сзади Устах, крякнув, с хрустом вогнал клинок в печенегово плечо...

Сбоку выскочил степняк, кинулся наперерез Духареву, целясь ударить конем, как тараном. Пепел ловко развернулся, вскинулся на дыбы. Лошадь печенега шарахнулась, копыто жеребца въехало в грудь степняка, сбив в пыль и лошадь, и всадника...

Но темп был потерян. Варягов взяли в кольцо. Одна только Элда вырвалась и неслась теперь по свободному тракту.

Машег, скинувший петлю аркана, увидев подругу, уносящуюся прочь, радостно засмеялся, отправил лук за спину (колчан его был пуст) и взялся на гибкую саблю.

Глава тридцать восьмая

Охота по-печенежски. Финал

Трое варягов съехались вместе.

Несколько степняков метнули арканы. Пустой номер. Змеиные петли были обрублены с ленивой небрежностью.

Ах, какое это было утро! Свежее, ясное, прозрачное! Чистый голос жаворонка, нежные, почти прозрачные облака. Золото солнца в небе и на полированной стали, игра мышц под лоснящимися шкурами коней. Ах, какое это было утро!

— Ну что, братья, будем умирать? — весело спросил Устах.

Белые зубы блеснули под синими толстыми усами.

— Ага! — так же весело отозвался Машег и еще раз глянул на дорогу, где пылила, уменьшаясь, одинокая всадница.

— Будем! — подтвердил Духарев.— Но, клянусь всеми степными богами, этим тоже мало не покажется!

Печенеги — их было человек двадцать — стояли кольцом. Один, самый храбрый, толкнул коня вперед.

Серегин меч, будто живой, обернулся вокруг запястья и снова вернулся в ладонь. Печенег отпрянул.

Печенеги, окружив их, нападать не спешили. Жаворонок пел. Носились кругами по степи навьюченные серебром лошади. О них не беспокоились. Победители всегда успеют их поймать.

Подоспел основной отряд.

Албатан, вожак, выехал вперед. Породистый конь, золоченая кольчуга, пушистый волчий хвост вокруг стальной круглой шапки. Духарев разглядывал скуластое коричневое лицо, ставшее таким знакомым, пытаясь угадать, в чем же слабость печенежского хана.

— Один на один? — предложил Сергей, поигрывая клинком.— Или ты трусишь, степная собака?

Хан мотнул головой. Понял.

— Я волк! — оскалился он.— Ты — собака! Сдавайся — и я оставлю тебе жизнь! Я даже оставлю тебе глаза и яйца! — Албатан осклабился еще шире.— Будешь подавать мне кумыс и чистить моих лошадей! Это хорошо для тебя, славянин!

Сказано было по-печенежски, но и Серега его понял.

— Где твои глаза, хан воров! — крикнул Духарев.— Я варяг!

— Мы — варяги! — поправил Устах.

— Мы — варяги! — звонко воскликнул Машег на языке печенегов.— Сын шакала, отродье свиньи! Где ты видел варягов, которые подают кумыс?

— Я их увижу! — пообещал хан, поигрывая гибким клинком, близнецом того, который сжимал Машег.— Я...

И, резко повернувшись, поглядел на запад. Оттуда, понукая коня, карьером летел всадник. Всадница! Элда!

Синие глаза хузарина расширились.

— Нет...— прошептал он, опуская саблю.— Нет... Зачем...

И тут он уловил, что к топоту лошади Элды примешивается отчетливый гул множества копыт...

— Хитрый пес! — процедил Духарев.

И тут же сообразил, что не прав. Если это очередная ловушка Албатана, то почему на его смуглой роже такая растерянность?

В правой руке у Сергея был меч, но левая была свободна и колчан открыт. Выхватив из него длинную стрелу с граненым наконечником, Духарев, будто дротик, с силой метнул ее в лицо хана.

В последний миг степняк успел отвернуть лицо, и стрела, нацеленная в глаз, попала двумя вершками ниже. Тяжелый наконечник порвал щеку и распорол язык Албатана.

Его соплеменники не успели отомстить. Их лица разом обернулись к западу, и тут же две сотни пяток ударили в тугие конские бока. А из-за поворота, там, где желтый степной

тракт огибал мохнатую тушу холма, ощетинясь стальными перьями копий, вынеслись слаженные ряды всадников. Солнце разбрызгалось по островерхим шлемам, от топота копыт задрожала земля...

И печенеги — уже не вооруженный отряд, а перепуганная разбойничья шайка — бросив добычу и будущих пленников, сломя голову кинулись наутек.

И одним из первых, выдернув и швырнув в пыль варяжскую стрелу, скакал хитроумный Албатан, младший, хотя и не последний хан одного из пяти родов племени цапон. Скакал, не щадя и без того усталого коня. Скакал — и очень, очень печалился, что он — всего лишь младший хан, а не могучий глава клана. И за спиной у него всего лишь сотня всадников.

Элда подскакала к варягам и спряталась за ними. Варяги не побежали, подобно печенегам. Они устали бегать. Тем более — от своих.

— Русь! — громко сказал Машег и вложил в ножны саблю.

— Киевский князь с дружиной! — уточнил Духарев.

— С малой дружиной! — внес окончательную ясность Устах и тоже сунул меч в ножны.

Они посторонились, когда первая сотня поравнялась с ними и понеслась дальше, за уходящими степняками, не уделив внимания четверым всадникам.

— Пустое! — крикнул Машег, закашлялся и сплюнул желтую от пыли слюну.— Не догонят!

Печенеги рассыпались по степи, некоторые отстреливались.

Вторая сотня преследовать степняков не стала. Зато варягов тут же взяли в ощетинившееся копьями кольцо.

Духарев не стал бить себя в грудь и кричать, что они — свои. И так видно, что не печенеги. Положив руки на холку Пепла, Сергей терпеливо ждал, когда появится тот, кто вправе принимать решения. По Правде. Поскольку великий князь киевский все же не самодержавный властитель. И даже здесь, в Диком Поле, у варягов есть определенные права. Хотя Духарев и помнил, что главное право дает все-таки сила. Да и насчет правдолюбия киевского князя Духарев тоже не питал иллюзий. Если, как подозревал Сергей, они перехватили куш у великого князя, тот церемониться не станет. И все-таки княжья русь — это лучше, чем печенеги. Намного лучше!

Глава тридцать девятая

Великий князь киевский Игорь Рюрикович.
Свои и чужие

Их не стали вязать. И оружие не отобрали. Зато приставили стражу. Дюжину гридней с десятником. Отборную команду из одних нурманов.

Варягов отвели в лощинку, принесли воду, пищу. А коней увели.

— О них позаботятся,— сказал нурман-десятник.— А вам князь велел ждать тут.

Не то чтобы варягов особо охраняли — присматривали. Хотите бежать — бегите. Ежику понятно: пеших, их отловят моментально. И спросят: почему сбежали? Знаете за собой вину?

Устах недовольно ворчал. Почему их, варягов, опекают нурманы? Они что, пленники? Или князь киевский совсем опеченежился, что не отличает своих от чужих? Игоревы гридни только ухмылялись. Безличная брань на вороту не виснет. Пока варяги ругались, дружинники князя ловили по степи их вьючных коней. И наверняка уже знали, что лежит в переметных сумах. Серега одному был рад: что в сумах нет ни утвари, ни золота. Серебра много, да, но не настолько много, чтобы сумма показалась невероятной. Добыча и есть добыча. Где взяли — то наше дело! Где взяли, там больше нет.

Устах ругался, Духарев отмалчивался, Машег и Элда ворковали, как голубки. Плевать они хотели на свое печальное положение. Нурманы поглядывали на парочку с мерзкими ухмылочками. Элда шлема не снимала — кос не видать. И не угадаешь, что баба. Вот и стражи думали, что Элда — молоденький безусый отрок. А уж про хузар чего только не болтали в Киеве. Хуже только про печенегов байки рассказывали.

Отрок, посыл от Игоря, прибежал ближе к полудню.

— Пошли, варяги! — скомандовал нурман-десятник.— Великий князь желает на вас взглянуть.

Великий князь киевский, хакан тмутараканский, сын славного Рюрика и воспитанник Олега Вещего, действительно вы-

глядел повелителем. Глядя ему в глаза, Серега никогда бы не рискнул назвать его слабым правителем. Грузный, широкоплечий, в алом плаще и красных сапогах (насмешка над византийским кесарем?), князь Игорь восседал на белом жеребце, неподвижный и внушительный, словно воплощенная Власть. Одесную князя — незнакомый, немолодой уже варяг с синими усищами. Ошую — громадина-нурман с ледяными глазами, весь в золоте — от зеркала шлема до оторочки на сапогах. Скарпи. Тот самый.

Позади ближних бояр, вразброд, но тоже верхами, расположились лучшие княжьи дружинники. Варягов немного, значительно больше скандинавов: нурман, свеев.

— Стой! — скомандовал нурман-десятник, и Серега остановился. Устах справа, Машег — слева. Совсем как бояре рядом с князем. Только не верхами, а пешие. И за спиной Духарева не тысяча отборных дружинников, а одна лишь Элда.

Игоревы гридни сомкнулись в сплошную линию, щит к щиту.

— Добро тебе, княже киевский! — с дерзкой усмешкой произнес Духарев.

Он был на добрую ладонь выше рослых княжьих гридней, тоже смотрелся внушительно и знал об этом.

— Назовись, человек! — вместо князя жестко бросил Скарпи.

— Я тебе не «человек» [1], нурман, а десятник князя полоцкого, славного Роговолта Сергей! — с достоинством ответил Духарев. Кроме достоинства он ничего не мог противопоставить откровенному превосходству силы.

— И что же ты, Роговолтов гридь, делаешь на нашей земле? — скривил губы боярин Скарпи.

— Ты об этом всех спрашиваешь, нурман? — так же презрительно осведомился Духарев.— И великого хана Куркутэ? И разбойников? Или разбойников ты спрашивать не привык, нурман?

Ноздри Скарпи дрогнули: боярин изволит гневаться?

— Не дерзи мне, варяг!

— И в чем же моя дерзость, нурман? — ухмыльнулся Духарев.— В том, что я собаку называю собакой, нурмана — нурманом?

[1] «Человек» — обращение к холопу.

Тут Скарпи не выдержал, подал коня вперед, наехал его грудью на Духарева. Зря. Серега не испугался, шагнул в сторону, крепко взялся за тяжелую от золота узду, придержал жеребца. Скарпи очень хотелось ударить его, он даже ногу из стремени вынул, но, наткнувшись на взгляд Сергея, удержался. Он прочитал в этом взгляде, что Серега не намерен стерпеть оскорбление, как низший от высшего. И он ничуть не боится грозного боярина.

Скарпи был далеко не глуп и решил, что у него еще будет возможность заставить варяга пожалеть о собственной наглости. И боярин подал коня назад.

— Значит, ты утверждаешь, что ты — не разбойник? — спросил Скарпи.

— Я... Мы служим воеводе киевскому Свенельду,— ответил Духарев.— Ты можешь спросить у него, почему мы тут.

— Тебя спрашивает об этом киевский князь, гридь!

Духарев, подчеркнуто игнорируя Скарпи, посмотрел на Игоря.

Тот величественно кивнул.

— Мы здесь охотимся,— сказал Духарев.— На разбойников.

— И многих вы уполевали, вчетвером? — с издевкой спросил Скарпи.

— Многих, нурман. Нас было не четверо, а больше. Мы сражаемся, нурман. В сражениях иногда убивают. Тебе, нурман, наверное, об этом рассказывали?

Но Скарпи больше не собирался реагировать на оскорбления.

— Значит, вас было больше, когда вы резали черных хузар у Рачьего острова? — поинтересовался он.

— Да,— подтвердил Духарев.— Нас было больше. И мы резали многих: и черных хузар, и печенегов, и прочих. Может, и тех, о которых ты говоришь. Разве всех припомнишь?

— Тех ты точно запомнил, варяг! — жестко произнес Скарпи.— Потому что именно там ты набил серебром свои переметные сумы.— Но там было не только серебро, варяг! Где остальное?

— Все, что мы добыли сталью и кровью,— наше! — резко ответил Духарев.

— Наше! — поддержал его Устах.— Так по Правде! Только посмей отнять у нас наше серебро, нурман! И даю тебе слово:

от Новгорода до Киева все будут знать, что боярин великого князя — разбойник и хищник, а дружина великого князя киевского — грабители почище печенегов. Только попробуй отнять законную добычу у свободного варяга, нурман!

— Клянусь громом Перуна! — подхватил Духарев.— Всякий воин нашей земли узнает, что лучшая дружина великого князя не трогает разбойников Дикой Степи, а грабит тех, кто их бьет! Пусть знают правду!

— Пусть знают! — эхом отозвался Устах.

— Так будет! — звонко выкрикнул Машег.

Произнося свою обличительную речь, Серега глядел не на Скарпи, а на великого князя. Собственно, именно ему и адресовались будущие обвинения. Но Духарев не мог не заметить, что синеусый справа от Игоря хмурится и поглаживает рукоять меча. Ничего! Если этот боярин — варяг не только обличьем, ему придется сказать свое слово. Ему или князю.

— Мы испуганы,— произнес Скарпи и засмеялся.— Этот гридь дерзок и неблагодарен,— сказал он, поворачиваясь к князю.— Он уже забыл, что мы спасли его шкуру. Из одной только благодарности он должен высыпать украденное к копытам твоего коня, батька!

— Так ты уверен, что это он? — спросил князь.

— Уверен, батька! Дай его мне — и еще до заката мы узнаем, где он спрятал золото! Ты видишь: он болтлив. Стоит припечь ему пятки — и он станет еще болтливее.

— Ты слышишь, что говорит мой боярин, варяг? — медленно цедя слова, произнес князь Игорь.— Ты взял золото, не ведая, кому оно принадлежит. Отдай его — и очистишься от вины.

«Может, так и сделать?»— подумал Духарев.

Но, черт подери, с этим золотом что-то не так. Нурманские подлые штучки...

Серега посмотрел на Скарпи. Нурман ухмылялся. То ли он был уверен, что Духарев скажет: нет. То ли знал, что дерзких варягов в любом случае пустят в расход. Зачем князю лишние свидетели?

Духарев повернулся к Устаху. Друг чуть заметно качнул головой.

Он тоже не доверял Игорю.

— Если бы у меня было это золото — и я отдал его тебе, княже, что было бы?

— Ты очистишься от вины,— сказал киевский князь.

Какой хитрый оборот. Не «сохранишь жизнь», не «получишь свободу», а «очистишься от вины». Хитро! Даже доли не предлагает.

— Нет, княже, если бы было у меня твое золото и я отдал его после угроз твоего боярина, что сказали бы люди? Варяг испугался пыток! И у меня не осталось бы ни золота, ни чести. Зачем тогда жизнь?

Синеусый боярин одобрительно крякнул. Князь покосился на него недовольно, но боярин-варяг только накрутил на палец ус. Тем же манером, каким это делал Рёрех, Серегин наставник, когда желал скрыть улыбку.

— Значит, золото у тебя? — спросил князь.

— Если я скажу «нет», разве ты мне поверишь? — усмехнулся Духарев.

Он тоже умел играть словами. Кроме того, это помогало обуздать страх. Игра и есть игра.

— Когда пытать тебя буду не я, а он,— князь кивнул на Скарпи,— ты разучишься говорить «нет». Мой боярин умеет развязывать языки. Ты в этом скоро убедишься. Но будет уже поздно.

— Пытать? — Духарев усмехнулся, хотя ему стало совсем невесело.— Я варяг, княже. Если я не говорю тебе, почему ты думаешь, что я скажу огню или железу?

— Это пустые слова,— вмешался Скарпи.— Позволь, батька, я займусь им!

Губы нурмана алчно искривились.

«Он уже видит, как режет меня на куски!»— подумал Духарев.

Удивительно, но Сергей все еще не испытывал никакого страха. Наверное, потому, что не чувствовал себя во власти княжьего ближника.

— Ты еще не отнял наши мечи, нурманская лисица! — рыкнул Устах, но Сергей поднял руку, и его друг умолк.

Силы слишком неравны. И Сергей помнил историю Рёреха. Тот тоже хотел умереть с честью, а угодил в лапы к палачам.

«Если враг сильнее, покажи ему свое мужество!» — вспомнил Духарев слова своего наставника.

Мысль интересная, но как это осуществить?

То, что Серега сделал потом, трудно было назвать плодом размышлений. Скорее это было наитие, озарение.

Глядя князю прямо в глаза, Духарев закатал рукав, вынул из ножен узкий, отточенный для бритья нож.

Ему не препятствовали. Нож — не оружие против доспешного умелого воина, а если варяг, испугавшись пытки, захочет перерезать себе глотку... Что ж, значит, он ее перережет.

Острый кончик ножа коснулся предплечья, легко прорезав кожу. Боли не было. Никакой. У Сереги возникло ощущение, будто он заключен в некий прозрачный шар — все лишние звуки остались снаружи.

Нож медленно погружался в мякоть руки. Серега улыбнулся. Он не испытывал боли, потому что не хотел испытывать боль. И князь видел это. И Скарпи тоже видел. Но отнеслись они к происходящему по-разному.

В глазах Игоря мелькнуло уважение. Нурман же был разочарован и поспешно придумывал, чем еще можно зацепить варяга.

Узкий клинок все глубже окунался в плоть. Боли все не было, а было такое чувство, какое бывает иногда в первые секунды после перелома. Когда глаза видят торчащую из разорванной кожи кость, а боль как будто выключена.

Острый кончик ножа проткнул кожу и выглянул с другой стороны. Серега опустил глаза, поглядел на покрасневший стальной клювик, и его неожиданно пронзило острое чувство нереальности происходящего. Истоптанная трава под ногами поблекла, посерела, слиплась и превратилась в аккуратные плитки мостовой.

Глава сороковая

«Не хочу!»

Серега стоял, широко расставив ноги в тупоносых, глянцево-черных туфлях. На нем были черные свободные штаны, перехваченные ремнем. На ремне, в чехле с золотой цепочкой покоилось махонькое тельце сотового телефона.

Серега поднял голову и увидел, что стоит на углу Литейного и улицы Некрасова, а мимо, опасливо огибая его, движется

человеческий поток. Серегу настолько поразило неожиданное разнообразие лиц, одежды, искусственная яркость красок, что он снова опустил глаза... И обнаружил, что ноги его стали намного толще, а под белой тонкой рубашкой круглился солидный живот.

— Серый! Эй! Ты чё?

Духарев не сразу понял, что обращаются к нему. Он повернулся и увидел большую красивую машину, в которой сидели двое очень похожих друг на друга мужчин. Абсолютно ему, Духареву, незнакомых.

— Давай, Серый, садись, не тяни муму! — Один из мужчин похлопал по кожаному сиденью.

Духарев сел.

— Трогай, Петюня! — скомандовал мужчина.— Ну чё, Серый, вижу, кредита не будет. Чё теперь?

— Теперь? — тупо повторил Духарев, пытаясь вникнуть в происходящее.

— Не, ты, бля, конкретно тормозишь! — удивился мужчина.— Кто, бля, хозяин — ты или я? Ты чё, Серый! Ты думай, бля, где реально четыреста штук взять!

— Четыреста штук... баксов? — еще тупее переспросил Духарев.

— Нет, карбованцев! — фыркнул собеседник. И вдруг озаботился: — Серый, ты в норме?

— Я? — грустно спросил Духарев.

Мужчина поглядел на него... и вдруг обнял его за плечи мясистой дланью.

— Да ладно. Серый, чё ты? Ну нет и нет! Ну хер с ней, с этой горючкой! Ну не голые же будем! Бабок еще наварим! Вторая фирма однозначно наша! Петюня, ты куда рулишь, ёш твою мать! Ты к «Европейской» давай! — И Сереге: — Все нормально, братан! Ща похаваем, заквасим, лялек арендуем! Расслабимся, братан! Чё у нас, денег нет!

Серега поглядел на гладкую рожу «братана», потом на туго обтянутое рубахой собственное брюхо...

«...! — подумал он.— ... матери!»

— Останови! — крикнул он.

Водитель мгновенно ударил по тормозам. Сзади тоже завизжали тормоза. Машина нырнула вправо и остановилась у обочины.

Духарев вышел, поглядел на такую знакомую «Невскую перспективу».

«В жопу! — подумал он.— Не мое! Не хочу!»

И все опять потекло, поплыло, и не стало ни Невского, ни толпы...

Под ногами опять была умятая сапогами трава, вокруг — Игоревы гридни, а перед глазами — Серегино предплечье, продырявленное ножом.

Очень медленно, плавно Духарев потянул нож обратно. Обтер лезвие льняным лоскутом, потом, тем же лоскутом, перевязал рану. Крови было немного, но ее хватило, чтоб показать: Духарев не ульфхеднар и не берсерк. Обычный человек. Варяг.

— Варяг! — одобрительно каркнул боярин одесную князя.

— Как и ты! — сказал ему Устах.— Но я слыхал: русь уже забыла варяжскую Правду!

Ближний боярин князя насупил брови, готовя гневный ответ, но Игорь остановил его.

— Сколько тебе лет? — спросил великий князь киевский.

— Двадцать восемь,— ответил удивленный Духарев.

Легкая тень легла на лицо Игоря. Словно облачко набежало.

Князь умолк и молчал довольно долго. Все ждали...

Глава сорок первая

Варяжская Правда

«Двадцать восемь...— думал великий князь.— Двадцать восемь было моему Олегу...[1]»

Великий князь киевский не очень-то любил своего первенца, пока тот был жив. Сын напоминал ему о том, чье имя носил, Олеге Вещем. Казалось, сын Игоря унаследовал не толь-

[1] В «Повести временных лет» говорится только об одном сыне Игоря — Святославе. Но на основании некоторых сохранившихся документов можно предположить, что у Игоря был еще один сын, Олег, княживший в Тмутаракани и убитый во время военного похода в Азербайджан в 944 году.

ко имя, но и удачу того, в честь которого был назван. Игорь позволил сыну княжить в Тмутаракани, что, помимо прочего, давало право на титул хакана. Тмутаракань, небольшой лоскут земли вокруг пролива, связавшего Сурожское и Русское море, богатая Тмутаракань, сильная и вольная, ключ Крыма, кость в горле Хузарского царства, шип в боку ромейской Таврии. Русский хаканат, которому, в силу своего положения, нужен был правитель сильный и умный, умеющий ладить с разноплеменным населением и полувраждебным окружением. Игорь не без ревности наблюдал, как первенец его, молодой сокол, входит в силу, и близится день, когда сын станет сильнее отца. Игорь боялся этого дня, но сейчас, когда Олега уже нет в живых, великий князь, вспоминая сына, искренне сожалел о его смерти.

Игорь очнулся от мрачных мыслей. Если Скарпи прав и этот варяг действительно перехватил ромейское золото, надо заставить его это золото вернуть. Как это сделать, если пытка бесполезна? Надо понять, что он есть, этот гордый полоцкий гридень. Кто его товарищи, чем и кем он дорожит, каковы его чаяния?

Товарищи... Природный варяг, хузарин из благородных и мальчишка-отрок с нежным девичьим лицом. Природный варяг наверняка тоже знает, где золото. Но будет молчать. Князь очень хорошо знал эту породу. Именно на таких опирался Олег Вещий. То были люди надежные, но неудобные, потому что ставили свою Правду выше княжьей власти. Стоило такому воину решить, что князь поступает не так, как следует,— и повиновение варяга кончалось. Нурманы, наемники, были куда удобнее. Ничуть не худшие воины, они служили, пока князь им платил, и благополучие их зависело только от князя. У нурманов, свеев, данов не было опоры на его земле. Их язык был чужим славянскому племени. А варяги, даже природные, были одной крови с теми же полянами, древлянами, кривичами. Беда в том, что уходили они из дружины киевского князя не в дальние земли, а к другим князьям: Роговолту, Свенельду...

— Ты служишь Свенельду, верно? — спросил великий князь.

— Да,— подтвердил Сергей.

— Свенельд — мой воевода. Ты должен повиноваться мне.

— Вассал твоего вассала — не твой вассал [1],— возразил Духарев.

— Что? — не понял князь.

— Я не служу тебе,— отчеканил Духарев.— Я служу Роговолту полоцкому. А Роговолт, князь полоцкий, послал меня служить не Свенельду, киевскому воеводе, а Свенельду — князю уличскому и древлянскому.

Говорить такое великому князю киевскому было не слишком умно, но внутри Духарева постепенно нарастала ярость. Гордость, блин! Гордыня. Ни к чему хорошему не приведет. Серега это понимал, однако остановиться уже не мог.

Духарев знал о трениях, возникших в последние годы между Игорем и Свенельдом. И Игорь, по мнению Сереги, вел себя вовсе уж непорядочно. Предложил воеводе своими силами примучить уличей, пообещав, что дань с них, да еще и с древлян упрямых пойдет лично Свенельду. Это было нелегко, поскольку угры не имели никакого желания отдавать своих данников, но Свенельд довел дело до конца. А когда воевода и его дружина упорством и собственной кровью заплатили за победу, киевский князь заявил, что новые земли добыты *для него,* и он сам будет собирать с них дань.

Свенельд, естественно, обиделся. Причем настолько, что в прошлом году даже отказался идти с князем на ромеев. И из дружины его никто не пошел.

Но на прямой конфликт с Игорем Свенельд не отваживался. Говорили, что из-за жены Игоря, княгини Ольги. Говорили, естественно, шепотом. Были у князя уши, способные слышать шепот? Может, и были. Сереге слышать шепот было не обязательно. Кое-что он своими глазами видел. И вообще, ему ли бояться Игоря? Что тот ему сможет сделать? Убить? Ах, как страшно! Да его уже два года постоянно пытаются убить!

— Значит, ты служишь не мне, а *моему* воеводе Свенельду? — негромко осведомился князь.

— Да! — отрезал Духарев.— Ему. Роговолту. И Правде!

---

[1] Средневековая европейская формула, определяющая, что если А является синьором Б, а Б является синьором В, то это не значит, что А автоматически становится синьором В.

— А я, по-твоему, выходит, Правду рушу? — совершенно спокойно поинтересовался великий князь.

Он реагировал совсем не так, как ожидал Духарев. Это спокойствие было хуже, чем гнев.

«Варяг есть варяг,— подумал Игорь.— Упрямство, гордость. Варяг Серегей... Я о нем уже слышал. Надо вспомнить, от кого?»

Отрок (этот не в счет), два варяга и хузарин. Благородный хузарин... Который ничем не лучше варяга. Та же гордость, высокомерие и упрямство. Игорь не раз встречался с хузарским хаканом Йосыпом, Игорь знал хузар и ладил с ними. Но не с такими. У хакана Йосыпа были схожие проблемы. Родовитая хузарская знать для него, все равно что варяги — для киевского князя. Йосып тоже предпочитал опираться на наемников, чужих по крови и вере и потому верных хозяину, а не обычаю. Отважные и гордые хороши, когда царство расширяется. Именно варяги отняли у Хузарии ее данников, но сейчас, когда надо не расширять, а удерживать, наемники надежнее. Так и у хузар, и у ромеев. Игорь расширять не собирался. Ему хватало земель. Не хватало денег.

— Значит, я, по-твоему, рушу Правду? — спокойно спросил великий князь.

— Пусть там,— Духарев показал на небо,— разберут, кто из нас прав.

Это была еще большая наглость: поставить себя на одну доску с великим князем киевским. Серега откровенно нарывался. И, черт возьми, он был в своем праве! Он варяг, но и Игорь, будь он хоть трижды великий, тоже варяг!

— Перун,— мрачно произнес Духарев.— Пусть он нас рассудит.

— Значит, ты хочешь Правды? — вкрадчиво произнес Игорь.

— Хочу! — последовал твердый ответ.

— И хочешь, чтобы Перун рассудил, кто из нас прав?

— Да!

— И если Перун будет на моей стороне, ты ответишь на мой вопрос?

— Да! — подтвердил Духарев, подумав: «Если меня прикончат в поединке, отвечать будет некому!»

Но князь был достаточно умен.

— Или ты, или твои друзья, так?

— Так,— нехотя подтвердил Духарев.

— Так,— после короткой паузы подтвердили Устах и Машег.

— Добро! — кивнул князь.— Ты будешь биться пред Перуном с моим витязем. И будет так, как рассудит наш бог. Все слышали?

Слышали все. Ритуал был соблюден, и теперь...

— Асмуд! — властно произнес князь.

— Я, батька! — тут же откликнулся ближний боярин.

— Постоишь за меня пред судом божьим?

— Мне? С ним? — в голосе княжьего варяга прозвучало удивление.

Глава сорок вторая

Асмуд, сын Стемида

Асмуд. Серега уже слышал это имя. Из уст княгини Ольги. Когда Духарев предлагал, так же как сейчас, через поединок призвать к ответу боярина Скарпи.

«Я знаю, кого выставит мой муж»,— сказала тогда княгиня.

«Кого?»— спросил Свенельд.

«Асмуда».

И вопрос был снят. С точки зрения воеводы, против Асмуда у Сереги шансов не было.

«Кажется, я вляпался»,— подумал Сергей.

Обидно, что Асмудом оказался тот самый боярин-варяг, который поглядывал на Духарева с явной симпатией. Даже если Свенельд ошибался и Серега окажется сильнее — что хорошего в том, чтобы убить единственного союзника во вражеском стане?

«Может, он не станет со мной драться?» — с надеждой подумал Духарев.

— Ты отказываешься? — с неменьшим удивлением спросил князь.

— Ровня ли он мне, батька? — проворчал боярин.— Гридень храбрый, не спорю, но, может, поищешь кого... попроще?

— Не ровня, говоришь? — Игорь прищурился.— А не тот ли ты Серегей-варяг, что как-то убил в Смоленске Хайнара-сотника?

Вспомнил!

— Тот,— подтвердил Духарев.

«Сейчас предъяву сделает»,— подумал он.

Но князь поступил иначе.

— Видишь, Асмуд, этот гридь не так уж прост, как ты думаешь. Ну?

— Добро,— без охоты согласился боярин.— Я встану. Только... Слушай меня, варяг! Может, решим без боя? Не хочу я тебя убивать.

— А я — тебя,— отозвался Духарев.— Но откуда ты знаешь, что именно я буду убит?

Боярин усмехнулся.

— Ты храбр,— сказал он.— Только еще не было такого, чтобы Асмуд, сын Стемида, собрался кого-то убить — и не убил.

И то, как он это сказал, очень не понравилось Духареву. А еще меньше понравилось, как мягко и почти бесшумно соскочил с седла этот немолоденький, в тяжелых доспехах витязь, ростом почти не уступающий Сергею. И тигриная походочка Асмуда Духареву тоже совсем не понравилась.

Дружина раздалась, освобождая место. Асмуд вытянул меч, а из притороченного к седлу кожаного чехла — двуручную нурманскую секиру. Провернул в руке легко, словно метательный топорик.

Духарев, который собирался было попросить у Устаха большой щит, тут же отказался от этой мысли.

Что-то знакомое было в манере этого княжьего боярина. В том, как он управлялся с оружием. Что-то очень похожее... на Рёреха! А Духарев еще не забыл, как ловко орудовал одноногий старик тяжелой секирой. Такое забудешь! Получше управлялся, чем любой нурман, так что тяжелый неуклюжий щит становился скорее помехой, чем защитой. А у этого буйвола и ноги целы, и силища невероятная, сразу видно. Нет, тут нужен не щит, а...

Духарев шагнул к Элде — и взял у нее легкое метательное копье-сулицу. Услышал удивленный возглас кого-то из дру-

жинников. Кажется, он и киевского витязя сумел немножко удивить. Но не смутить.

Духарев проверился: все ли на месте, все ли в порядке? Если среди боя вдруг развяжется шнурок на сапоге — это будет неприятно.

Асмуд ждал. Он тоже оценивал, изучал, искал слабину, планировал, как вести бой, чего опасаться. Такому бойцу достаточно понаблюдать, как противник вынимает меч, чтобы прикинуть, как тот будет этим мечом шуровать.

— Руби ему ноги, Асмуд! — громко сказал Скарпи.— Панцырь не порть. Я его у тя куплю. Хороший панцырь!

Киевский варяг реплику проигнорировал, глянул вопросительно на Духарева: «Готов?»

— Готов,— сказал Сергей и потянул из-за спины меч.

Бросок киевлянина был стремителен. Одним длинным прыжком он покрыл разделявшее их расстояние. Меч метнулся к Серегиному лицу в прямом выпаде, а топор обрушился наискось, сбоку. Это был мощный ход: взять и прикончить противника первым же ударом. Духарев чисто инстинктивно откинулся назад — от летящего в глаза жала, уловил движение топора — оттолкнулся двумя ногами, упал на спину, перекатился и метнул сулицу в ногу набегающего противника.

Асмуд отбил ее лопастью топора, но Духарев выиграл свои полсекунды, успел выпрямиться и встретить киевлянина как надо: штопорообразным выпадом сверху, с двух рук. Не достал, конечно. Асмуд отклонился, сбил Серегин клинок плоской стороной собственного, махнул секирой. Но Духарев опять оказался сбоку, ударил снова. Мечи скрестились, киевлянин нажал, связывая чужой клинок, Духарев подался, но в тот момент, когда Асмуд замахнулся секирой, Сергей упер ладонь в основание клинка и с силой толкнул вперед. Киевлянин был сильнее, но Духарев держал меч двумя руками, а его противник — одной... Конечно, боярин не потерял равновесия, он просто поддался, поворачиваясь. Но пустить в ход топор опять не сумел. Пользуясь тем, что они стояли почти вплотную друг к другу, Сергей врезал каблуком по ступне противника. Асмуд охнул: сапожки из мягкой кожи — неважная защита. Но тут же попытался ударить в подмышку Сергея окованной железом рукоятью секиры.

Удар вышел слабый, скорее толчок, но дистанция между бойцами восстановилась, и Асмуд немедленно этим воспользовался. В следующие полминуты Духареву потребовалось все его проворство, чтобы уцелеть под градом могучих ударов, падающих буквально со всех сторон. У Сереги возникло ощущение, что он сражается с огромным вентилятором, чьи лопасти вдобавок различной длины и вихляются абсолютно хаотически.

Отбился кое-как. И получил передышку. Потому что его противник решил, что пора передохнуть. Воодушевленный, Сергей сам обрушился на киевлянина. Поначалу ему удалось потеснить Асмуда, но тот с пугающей быстротой освоил Серегину манеру боя и уже через полминуты отмахивался от атак с небрежной легкостью. Как будто знал заранее все духаревские трюки.

И Серега понемногу начал осознавать, что столкнулся с противником, чей рейтинг минимум на порядок выше. И то, что он, Духарев, моложе, быстрее и выносливее, не принесет победы, а только даст возможность продержаться лишнюю минуту, когда киевлянин решит перейти к активным действиям.

Однако Асмуд почему-то не торопился. И даже решил побеседовать.

— Откуда он у тебя? — спросил киевлянин, на какое-то мгновение зажав Серегин клинок между своим мечом и лопастью секиры.

Духарев отскочил, выдернув клинок.

— Подарок наставника! — пропыхтел он, пытаясь угадать выражение лица Асмуда под опущенной стрелкой шлема.

— Того, кто учил тебя бою? — последовал новый вопрос.

Духарев остановился.

— Да,— ответил он.

Больше не атакуя, он замер в напряжении, готовый отразить нападение противника.

Если боярин готовит какой-то подвох... То на хрена это ему нужно? Серега очень хорошо осознавал, что победить Асмуда у него столько же шансов, сколько у бегуна-перворазрядника — обогнать мастера спорта. Шанс, конечно, есть. Скажем, если у мастера вдруг случится приступ аппендицита...

Но Асмуд тоже не спешил атаковать.

— А кто был твой наставник? — спросил Асмуд.

— Он был варяг,— ответил Духарев.— Был и есть, я надеюсь.

Вокруг возник недовольный ропот.

— Эй, Асмуд! — крикнул насмешливо Скарпи.— Ты еще долго? Я хочу получить свой панцырь!

Витязь и бровью не повел.

— Был и есть...— повторил он.— Как его имя?

— А зачем тебе? — Духарев неожиданно рассердился. Что за глупая игра? Или киевлянин дает ему возможность признать поражение и добровольно отдать золото? Не выйдет! Золото Серега отдал бы, но сдаваться — нет уж! Он помнил, что по Правде его жизнь после этого будет принадлежать победителю. Причем даже не Асмуду, а Игорю, потому что витязь бился не за себя, а за своего князя.

Подумав об этом, Духарев рассердился, а рассердившись, обрушился на боярина с неожиданной яростью.

Безрезультатно. Асмуд только оборонялся, но оборонялся столь мастерски, что достать боярина за этой защитой было так же невозможно, как выковырять экипаж танка перочинным ножом.

Серега запыхался, а Асмуд столь же невозмутимо повторил вопрос:

— Так как его имя?

«Какой смысл скрывать?» — подумал Духарев.

— Рёрех!

— Ага,— сказал витязь.— Ты его родич?

— Нет.

— Но ты говоришь: он жив?

— Надеюсь. Позапрошлой весной точно был жив. Сомневаюсь, что нашелся придурок, который рискнул бы покушаться на его жизнь! — сердито произнес Духарев.— Ты что же, его знал?

И выпучил глаза от удивления.

Боярин Асмуд спокойно вложил меч в ножны и откинул на затылок шлем.

— Да,— ответил он.— Я его знал. Добрая весть, варяг. Я помню этот меч. Он из последней нашей добычи. Я думал, мой вождь Рёрех погиб. Он был и моим наставником, парень. Я чувствую в тебе его руку. Я не могу погубить его творение. Ты мо-

жешь стать неплохим бойцом, и твоя слава будет его славой. Так же, как и моя!

Духарев, ошарашенный, даже не нашелся, что ответить.

— Прости, батька! — боярин повернулся к князю.— Я не могу с ним биться, ты понимаешь. Не может правая рука отрубить левую.

«Варяг — он и есть варяг,— мрачно подумал Игорь.— Даже лучшие из них...»

Великий князь киевский не сказал ничего, вмешался Скарпи.

— А как же мой панцырь? — насмешливо спросил он.— Или ты растратил свою силу, варяг, и больше не хочешь побеждать?

— А ты сам попробуй,— предложил Асмуд. Он наступил на сцепленные руки дружинников и опустился в седло.— Попробуй, боярин. Может, тебе не будет нужды покупать его доспех?

— Батька? — Скарпи вопросительно взглянул на Игоря.

Предложение Асмуда нурману явно понравилось. А ведь Скарпи видел, как бьется Духарев. Неужели он решил, что справится? У Сереги возникло нехорошее подозрение, что он — вовсе не такой замечательный боец, каким себя мнит. По крайней мере в сравнении с боярской элитой.

— Позволишь, батька? — златолюбивый нурман поглядел на Игоря.

Но князь покачал головой.

— Рёрех...— пробормотал он.— Я помню его. Говоришь, он жив?

— Жив,— подтвердил Духарев.

— И кому служит?

— Богам.

Князь спокойно кивнул, а вот Асмуд нахмурился.

— Верно ли ты сказал, что Рёрех стал волохом? — раздельно спросил он.

Фактически это следовало понимать как «Ты лжешь!». Но сказать так напрямую, прилюдно Асмуд не мог. По варяжской Правде за подобным следовал немедленный вызов. Раз уж он пощадил Серегу, то не для того, чтобы прикончить через десять минут.

Князь киевский тоже недовольно нахмурился. Потому что его перебили. Бросил недовольный взгляд на своего боярина,

но тот даже и не думал о том, что проявил неуважение. А вот Скарпи довольно ухмыльнулся.

И Духареву стало ясно, что слухи о том, что князем вертят его ближники, не просто слухи.

— Нет,— возразил он Асмуду.— Я сказал, что он служит богам. Но он не волох. Он — ведун. Так вышло.

Боярин кивнул.

— Ведун — это хорошо,— заметил Игорь. Но губы его еле заметно кривились. Вспомнил еще одного ведуна. Олега.

— А будет ли он служить и мне? — спросил киевский князь.

— Я спрошу его... Если выйдет,— ответил Сергей.— Но думаю, он откажется. Он калека, княже.

— Жаль,— спокойно сказал князь.— Лучше погибнуть в бою, чем жить калекой.

— Лучше,— согласился Духарев.— Но искалечили его не в бою. Его пытали нурманы,— тут он посмотрел на Скарпи.

Нурман ухмыльнулся.

— Кто? — жестко спросил Асмуд, снова перебив князя.

— Правильней спросить: чьи? — сказал Духарев.— Нурманы плесковского воеводы. Но это уже не важно. Он их убил. Они, княже, забыли, что даже искалеченный варяг способен прикончить пару-тройку здоровых нурманов.

— Ха-ха! — Асмуд хлопнул себя по ляжке.— Вот верно сказано, брат!

Дружинники-нурманы за спиной князя недовольно заворчали, но Игорь поднял ладонь, и ропот стих.

Среди воинов киевского князя нурманов было больше, чем варягов, но сам Игорь был природным варягом. Выступи он против своих, даже нурманы этого не поняли бы.

Поэтому киевский князь сбил пущенную Духаревым стрелу раздора.

— Ладно,— проворчал он.— Мне хватает воинов. Но воинам нужно золото, полочанин! Боги решили, что ты должен жить. Ты бился с Асмудом, и он пощадил тебя. Или ты станешь говорить, что победил?

— Нет,— признал Духарев, чем заслужил одобрительный взгляд Асмуда.

— Значит, ты должен сказать, где ты зарыл нашу дань,— сказал Игорь.

— Вашу? — усмехнулся Сергей.— Я не понимаю тебя, великий князь киевский! Я взял добычу на разбойниках. Это мое право, и добыча тоже моя. Твой воевода Свенельд поклялся, что не возьмет с нас даже десятой доли. А ты забрал все наше серебро, словно тот печенежский разбойник, с которым мы дрались, когда подошли твои воины!

— Замолчи, полочанин! — потерял терпение Скарпи.— Совсем ум потерял? Ты говоришь с великим князем, пес! Гриди! Ну-ка, заберите у него меч и врежьте ему как следует, чтоб знал свое место!

Дружинники не успели выполнить приказ. Духарев мгновенно обнажил клинок.

— Возьми его сам, нурманская собака! — закричал он.— Что ты прячешься за чужими щитами, трус! Ты не муж! Где твоя прялка, Скарпи?

Ход Духарева был безошибочен. Если не хочешь драться сразу со всеми, брось вызов главарю. Если сейчас гридни прикончит Серегу, пятно оскорбления навсегда останется на нурмане. Дружинники Скарпи застыли.

Скарпи без лишней поспешности слез с седла, отстегнул щит...

— Назад, Скарпи! — гаркнул Игорь.— Я твой князь, и я сам командую своей дружиной! И пока ты служишь мне, я решаю, когда ты будешь драться! Асмуд!

— Убери меч! — велел Духареву боярин-варяг.— Быстро!

Сергей подчинился.

— Уведите их,— скомандовал князь.— Не далеко. Они мне скоро понадобятся.

Дружинники отвели варягов шагов на сто, сомкнулись вокруг плотно, щит к щиту, шлемы надвинуты, копья ощетинены. Не свои, а чужие.

Духарев не без злорадства заметил, что кое у кого доспех изрядно поизносился. Свенельдовы гридни экипированы получше, а ведь он не великий князь. Зато у нурмана Скарпи даже стремена и те золоченые. И у варяга Асмуда, кстати, тоже.

Духарев поглядел на своих спутников. Устах с показным равнодушием глядел в небо, посвистывал. Дразнил княжьих гридней, то выдвигая меч из ножен, то отправляя его обратно. Гридни нервничали. Этим варягам терять нечего. Вдруг захотят принять смерть в бою. Князь сказал: «Они мне понадобят-

ся». Значит, убивать их нельзя. А попробуй с ними управиться, да еще не убивая. Проще медведя удержать, чем двух здоровенных варягов.

От таких мыслей поневоле станешь нервничать.

Все внимание охраны сосредоточилось на Сереге и Устахе. Хузарина в расчет не брали. Равно как и Элду, которую считали отроком. В общем, это было правильно. Колчан Машега пуст. Хузарская сабля была, по сути, вспомогательным оружием, хотя в конном бою Машег вполне мог потягаться даже с тем же Устахом. А вот на своих двоих да против строя тяжелой пехоты — никаких шансов. Элда же могла неплохо биться в поединке и в пешем строю. Но не одна же — против строя. Для такого нужна не только быстрота, но и сила. Рубануть тяжелым нурманским топором так, чтобы развалить щит и опрокинуть щитоносца,— это не для женской руки. И все же недооценивать Машега и Элду было ошибкой. И будь пред ним настоящие враги, Духарев непременно этим воспользовался бы.

А до настоящих врагов было не так уж далеко. Всего лишь за двадцать верст от них, подминая степные травы, катилось вперед пятитысячное войско великого хана Балы. Воины печенежского племени цур, предоставив старикам, детям и женщинам неспешно двигаться на запад, утром перешли мелкую речушку и двинулись на юг. К Сурожи, к Днепру, к богатым славянским поселениям. Они шли по чужим землям, но Бала точно знал, что Куркутэ ушел выколачивать дань из ромеев, да и хакан Игорь тоже наверняка ушел к ромеям, а значит, в Дикой Степи никто не сможет остановить Балу. Поэтому воины цур спустятся к Днепру, а затем поднимутся вверх по реке, откармливая коней сочными днепровскими травами и молодыми всходами славянских полей. Бала дойдет до самого Киева, выметет предместья, но брать город не станет ни штурмом, ни измором. Воины соберут добычу, пленников, повернут на север, прочешут железной щеткой копий славянские земли и погонят полон на восток. Хузары, ромеи, угры, арабы, все они охотно покупают славянских рабов. А киевский князь, когда вернется... Пусть попробует отыскать цур в Великой Степи!

Бала не знал, что дружина великого князя киевского стоит прямо у него на пути всего лишь в двадцати верстах. Малая дружина...

Глава сорок третья

«Нам нужно это золото!»

Совещание на высшем уровне кончилось, и Серега сотоварищи были вновь поставлены перед великим князем и его ближниками.

Говорить предоставили Скарпи. Ничего хорошего это не предвещало.

— Вижу: трое из вас — варяги, хотя кое-кого и варягом-то назвать стыдно! — заявил нурман и сплюнул под ноги Машегу.

Может, он рассчитывал, что хузарин обидится и бросит вызов? Тогда выбор оружия остался бы за Скарпи, а в пешем рукопашном бою худощавый невысокий хузарин в легкой броне не имел бы никаких шансов против громилы-нурмана. Но Машег улыбнулся. В жилах его предков уже не один век текла голубая кровь. Для него презрение нурмана было — как собачий брех.

— Великий князь киевский, ваш господин, желает, чтобы я учинил вам спрос, и я сделаю это с большой охотой. И начну с самого молодого, который даже и не варяг, верно? А остальные пусть поглядят и подумают о своем будущем.

Серега не успел ответить. Элда сдернула шлем, и две толстые косы упали ниже боевого пояса.

— Всем известно, что тебя хватает только на то, чтобы мучить женщин! — звонко крикнула она.— Твой отец Атли стоял на носу корабля рядом с моим отцом! Твоего деда Торгейра звали Убийцей Мужей. Там, в Валхалле, он будет рад услышать, что внука его именуют Убийцей Жен! Скальды сочинят вису о том, как Скарпи, сын Атли Большой Ноги, призвал на помощь воинов, чтобы справиться с Элдой, дочерью Эйвинда Белоголового!

Физиономию Скарпи надо было видеть! Наверное, так выглядит пес, ухвативший сочную мозговую кость... Оказавшуюся вырезанной из дерева.

— Элда? Ты? А где же твой муж, Халли? Почему ты не с ним?

— Халли мертв,— сухо ответила Элда.

Среди дружинников возникло некое шевеление.

Вероятно, Халли здесь знали. И Элду тоже.

— И кто его убил? — кривя рот, спросил Скарпи.— Эти варяги?

— Ты не родич мне,— спокойно ответила Элда.— Я не буду тебе отвечать.

— Так ответь своему князю,— негромко произнес Игорь.

Женщина взглянула на великого князя:

— Его убили печенеги.

— А Таган?

— Таган отбит. Они его отбили,— Элда показала на Духарева.

Князь окинул Сергея долгим оценивающим взглядом.

— Мне следует похвалить тебя, варяг Серегей,— сказал он.— Хотя я не стану этого делать. Но я сумею отблагодарить тебя. Если ты вернешь то, что мне принадлежит.

— У меня нет ничего твоего! — отрезал Духарев.

— Подойди ближе!

Сергей подошел.

Князь наклонился к нему.

— Варяг, нам нужно это золото! — медленно, внятно произнес Игорь, и Духарев неожиданно почувствовал, что это не алчность говорит, а нужда.— Верни его нам, варяг!

Это был уже не приказ — просьба. Если бы великий князь произнес эти слова раньше, до поединка, до угроз... Впрочем, великий князь на то и великий князь. Он просто не способен просить о том, что полагает возможным взять силой.

Возможно, Сергей отдал бы золото. Возможно, он и сейчас уступил бы, если бы рядом с князем не было Локи-Скарпи.

— Кому — нам? — все же спросил Духарев.

— Мне, Киеву, Руси.

Сказано было негромко, но ближайшие дружинники услышали своего князя, и Духарев явно ощутил их одобрение. Потому что русь — это именно они. Не кривичи, древляне, поляне и прочий славянский люд, а всего лишь несколько десятков тысяч личных слуг и воинов Игоря. Даже не киевляне, а только чать и дружина великого киевского князя.

Слово было сказано, и князь ждал ответа, а Сергей глядел на него снизу вверх — и молчал.

Сергей молчал, но молчал он не потому, что не желал отвечать. Просто в сознании его все вдруг сложилось, как элемен-

ты мозаичной картинки, и со всей отчетливостью всплыли слова, прочитанные много лет назад... Зазвучали так четко, словно некий чтец произносил их вслух внутри Серегиной головы.

В год 6453 сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружьем, и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв же дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь...

И увидел Сергей смерть, огромным ящером нависшую и над князем, и над его боярами. И понял, что год 6453 от Сотворения Мира, о котором сказано в летописи,— этот. И понял Сергей, что не отдаст золота. И то, что он не отдаст ромейского золота Игорю, послужит той смерти, что висит над киевским князем. И не из мести или ненависти не отдаст он золота. Неприязнь, которую Сергей испытывал к Игорю, куда-то ушла. Было настоящее, и было будущее. И была великая держава, которая творила сама себя, и в этом творении поседевший в княжьих трудах сын Рюрика был уже не подспорьем, а помехой, старым колесом, из-за которого телега тащится в хвосте, замедляя ход каравана. А сам Духарев был всего лишь камнем, который вытолкнет втулку в колесе этой телеги. Чтобы на очередном ухабе втулка вылетела, и колесо, соскочив с оси, сломалось. Караван остановится, на ось насадят новое колесо, и все покатятся дальше. Быстрее.

Все это Сергей осознал почти мгновенно, и почти мгновенно это осознание вышло из него, оставив лишь тень-воспоминание. Но этого было достаточно.

— К чему тебе деньги, княже? — произнес Духарев незнакомым глухим голосом.— Разве мертвому нужны деньги?

Будто тень проскользнула над ними.

Сергей встрепенулся, его зрение снова обрело четкость. Тень ушла от него, но осталась на лице киевского князя.

— Что ты сказал? — мрачно, с угрозой произнес Асмуд, а Скарпи хищно оскалился и потянулся к мечу. Дружина тоже подалась вперед. Дай князь знак — и варяга изрубят на куски.

Но Игорь знака не дал. Он чувствовал, должен был чувствовать, что слова Свенельдова воина — не угроза. Много лет прошло с тех пор, как был убит Олег. Но Игорь не забыл, почему того звали Вещим. Не забыли, впрочем, и Скарпи с Асмудом. И тоже узнали тот самый голос. Но очень уж им не хотелось верить...

— Ты что же — ведун? — напрямик спросил великий князь.

— Иногда,— последовал честный ответ.

— Если убить ведуна, пророчество не исполнится! — прошипел Скарпи, поглаживая рукоять меча.

— Вздор! — отмахнулся киевский князь.— Все мы умрем в свой срок. Я не боюсь смерти. Что еще ты видел, варяг? Говори!

— У тебя есть сын,— неторопливо, тем же особым, глухим голосом произнес Сергей.— Он станет великим воином... И слава будет его, и удача... До тех пор, пока будет рядом с ним, наставником, твой воевода Свенельд.

— Ха! — воскликнул Скарпи, сын Атли.— Слышу голос Свенельдова гридня!

Киевский князь упер в Духарева угрюмый взгляд. Но молчал. Думал. Долго. До тех пор, пока сквозь ряды воинов не протолкался запыленный разведчик.

— Степняки идут, батька! — выкрикнул он, и пронзительный голос его после долгой тишины резанул по ушам.— Степняки идут! Печенеги! Ой много!

— Это то, о чем ты сказал? — еще более темнея лицом, медленно произнес Игорь.

Духарев покачал головой, и великий князь неожиданно улыбнулся. Он участвовал во множестве битв и в каждой мог погибнуть. Все-таки приятно, когда тебе заранее известно, что выйдешь из сечи живым.

Глава сорок четвертая

Вызов

Дружина князя, привычно разобравшись по сотням, строилась к битве. Впереди — лучшие гридни, большей частью нурманы, в полных доспехах, с большими щитами. Пешие. За ними — тяжелая кавалерия, тоже в броне, с вытянутыми крепкими щитами, закрепленными на плече, с добрыми луками. Будь это не малая дружина, а полная — за опытными гриднями стояли бы воины не в стальной броне, а попроще, но тоже с луками. А будь это все киевское войско, то к нескольким тысячам дружинных прибавились бы десятки, а то и сотни тысяч простых воев, ополченцев. Часть — на селянских лошадках, часть — на своих двоих. Но в открытом поле от ополченцев проку немного. Печенежские стрелы били их, как град — молодые всходы.

На флангах войска русов вертелись на долгогривых лошадках союзные князю степняки. Было среди них и несколько десятков печенегов из племени гилеева, подданные Куркутэ, отпавшие от своего хана, поддавшись на посулы киевских бояр, а может, и не просто отпавшие, а соглядатаи, засланные Волком к временным союзникам. Но поскольку против русов нынче стояли не гила, а другое племя, то и эти печенеги вряд ли переметнутся к врагу.

Серегу с друзьями оставили поблизости от князя. Им даже вернули коней. Игорь пожелал, чтобы ведун с товарищами был рядом. Конечно, за ними присматривали. Но по молчаливому соглашению все менее срочные проблемы были отложены на потом.

— К нам шли! — проворчал Асмуд, разглядывая тьмы всадников врага.

— Хорошо — встретились!

Скарпи явно был другого мнения, но на этот раз промолчал.

От массы степняков отделились два всадника. Оба скакали, демонстративно раскинув в стороны руки: мол, без оружия идем, мирно.

— Поди узнай, чего им надо! — велел Игорь сыну Атли.

Нурман сделал знак одному из своих: сопровождай. И поехал навстречу парламентерам.

Встретившись посреди поля, представители двух армий разговаривали недолго. Спустя время, достаточное, чтобы напоить коня, Скарпи с сопровождающим прискакали обратно.

— Это хан Бала,— сообщил Скарпи.— Идет к Днепру. Говорит, на их выпасах трава высохла, а в Приднепровье трава хорошая. Надо, мол, скот подкормить. Мирно, говорит, идем.

— Мирно, как же! — буркнул Асмуд.— Ни стад больших, ни возов. Одни конные воины.

— Ты напомнил, что это земля Куркутэ? — спросил Игорь.

— А как же!

— Что ответил посол?

— Ответил: Куркутэ и Бала — братья. Но Бала не станет бить русов за то, что они ходят по земле его брата Куркутэ. Он знает, что русы — данники Волка.

— Сын змеи,— процедил Игорь.

— Я не стал с ним спорить,— заметил Скарпи.— Они позволят нам уйти, хотя их и больше. Давай пропустим их, князь! И пошлем за подмогой. Они пограбят полян немного, невелика беда. Зато мы соберемся и ударим их всей силой!

— Нельзя так, батька! — вмешался Асмуд.— Мы с полян кормимся. Они нам дань за то платят, чтоб мы их обороняли!

— Они нам дань платят, потому что мы сильней! — возразил Скарпи.

— Потеряем силу — и дани не будет! Давай их пропустим, батька! Мало нас!

— Нет! — отрезал Игорь.— Они нас на крепость проверяют. Решат, что слабы,— сами ударят. Иди, скажи им: пусть уходят. Или будем биться.

Скарпи ускакал.

На этот раз переговоры заняли большее время. Зато Скарпи прискакал, очень довольный.

— Печенеги предложили сначала витязям биться. Их и нашему. Я сказал: хорошо. Наш ихнего побьет.

— Ты так уверен?

— Я уверен! — самодовольно ответил нурман.— Мне право выбора дали. Я сказал: врукопашную. Без луков. А без лука печенег — тьфу!

— И они согласились? — спросил Асмуд.

— Согласились.

— Плохо!

— Наоборот, хорошо! Что ж тут плохого?

— А то они не знают, что мы в рукопашной сильнее!

— Может, и не знают. Это же гила! Мы с ними еще не бились.

— Довольно,— остановил бояр князь.— Что спорить? Поглядим, что они за витязя выставят.

Поглядели.

Поединщик на черном коне выехал из печенежских рядов, проехал ровно полпути между войсками и остановился.

Степняк был огромен. Даже если брать по нурманской мерке. А уж о печенегах и говорить нечего. Духарев даже представить не мог, что среди них встречаются такие громадины. Серега покосился на Скарпи. Атлисон, мрачный, глядел под копыта коня. Этого он не ожидал. Вдобавок к великаньим размерам, степной богатырь был еще и весь, от макушки до пяток,— в железе. Даже штаны, даже сапоги — в блестящей кольчужной сетке. Такая же сетка, свешиваясь со шлема, падала на стальную чешую панцыря. И конь печенега, черная громадина, тоже был прикрыт двумя длинными и широкими полотнищами плетеной стали. Он шел неторопливо, но ровно. Как будто и не нес на себе четверть тонны.

Выехав вперед, башнеподобный всадник остановился и опустил копье.

Вот тебе и «только рукопашный бой»! Поистине день был сегодня неудачен для хитроумного Скарпи!

— Кто готов с ним сразиться? — четко произнес князь.

Ответом ему было молчание.

В трех сотнях шагов от киевского князя, неподвижный, ждал гигант-печенег.

Но никто из гридней Игоря не рвался на смертный бой.

Молчание затягивалось.

— Похоже, это дело для меня,— без всякого удовольствия проворчал Асмуд и опустил шлем в боевое положение.

— Нет! — отрезал князь.— Не ты, Асмуд! Кто?

— Я! Я! — раздалось несколько голосов.

Пример боярина устыдил дружинников.

Но особого энтузиазма в голосах не слышалось.

Игорь поочередно оглядел вызвавшихся.

— Я ценю храбрость,— сухо произнес он.— Но нужна мне победа.

Машег негромко засмеялся. Князь повернул голову и неодобрительно поглядел на него.

Хузарин блеснул белыми зубами.

— Вели, княже,— и эта куча железа отправится обратно к кузнецу! — совершенно серьезно предложил он и погладил лук.

Среди гридней раздались смешки, Элда одарила Машега восхищенным взглядом. Она не сомневалась, что хузарин отвечает за свои слова. Да в общем-то никто из тех, кто знал Машега, в этом не усомнился бы.

Духареву показалось, что великий князь борется с искушением...

— Такое будет бесчестьем,— глухо проговорил Скарпи.— Мне ты не можешь сказать «нет», батька...

— Могу,— перебил князь.— Ты привык биться пешим. Асмуд лучше тебя. Но вы нужны мне. Оба. Я не знаю, на что способен этот печенежский богатырь. И не стану вами рисковать.

Великан печенег, устав ждать, выкрикнул что-то. Голос у него был под стать росту.

— Что он сказал? — спросил князь.

— Кричит, если мы боимся его копья, то он может проткнуть нас тем, что у него между ног,— любезно перевел Машег.

— Пес,— мрачно пробормотал Скарпи.

— Это мы — псы,— брезгливо процедил Асмуд, оглядывая ровный строй гридней.— Шавки!

Его взгляд остановился на Духареве, и Серегу будто что-то толкнуло.

— Князь! — громко произнес он.— Я думаю, ты не станешь особенно дорожить мной?

Глава сорок пятая

Поединок

— Ты? — Не похоже, что князь киевский был особенно удивлен.— Что ж, попробуй. Или твой дар уже поведал тебе, кто победит?

— Нет,— ответил Духарев.— Но надеюсь, что я, а не он.

И мягко послал Пепла вперед. Княжьи гридни расступились, пропуская...

— Стой! — рявкнул Асмуд.

Духарев остановился.

— Бронь у тебя знатная,— проворчал боярин.— И меч. А щит — дрянь. Возьми мой!

Скарпи презрительно сжал губы. Щит у Сереги был действительно так себе, но предложение имело еще и символический смысл: Асмуд берет Свенельдова варяга под свою защиту. Если после поединка будет кого защищать.

— Благодарю, боярин! — произнес Духарев, закидывая щит на спину.

— А копье свое мне дашь?

Асмуд молча кивнул, и отрок подал Сергею тяжелое копье с широким, отточенным по краям пером и железной оковкой по древку.

Такие редко использовали в сече: узкий наконечник пробивал доспехи куда эффективней. Зато при случае подобным копьем можно было орудовать, как японской нагинатой: и колоть, и рубить, и резать.

— Не тяжело? — спросил боярин.

— То что нужно!

— Лучше бы тебе топор взять,— заметил Асмуд.

Духарев покачал головой. Он не очень жаловал топоры.

Движение колен — и Пепел вынес своего хозяина из строя гридней.

Гигант-печенег опять что-то заорал. Печенеги тоже его услышали: завыли, заухали.

Духарев обернулся.

— Говорит: ты, рус, мог бы и помельче осла взять. Падать ниже! — перевел Машег.

— Он верно заметил, варяг,— сказал князь.— Конь у тебя легок. Может, возьмешь другого?

— Этого я сам учил,— возразил Сергей.

Он пустил Пепла рысью, попутно изучая место битвы. Иной раз сусличья нора может стоить жизни. Нет, место было правильное. Ровное, с короткой, пожелтевшей уже щеткой травы.

В четверти версты растянулось степное конное воинство. На передовых посверкивали металлом доспехи.

Пепел нес Духарева ровной мерной рысью, постепенно набирая темп.

Серегин противник тоже стронулся с места, точно так же неторопливо наращивая скорость. Они были еще слишком далеко друг от друга и берегли силы коней.

Духарев оглянулся.

Киевлян было ощутимо меньше, чем печенегов. Но выглядели они грозно. Ровная шеренга тяжелой конницы, длинные щиты, острые шлемы с яркими султанами и флажками. В центре, за первой линией, подрагивали на слабом ветру стяги великого князя киевского, хакана тмутараканского и алое, собственное, знамя Игоря.

Печенег приближался. Он уже начал горячить своего огромного коня — тот взял галопом.

Духарев не спешил. Может, противник и рассчитывал закончить дело в первой же сшибке, но Серега на такое не надеялся.

От богатырского поединка зависело многое. Воины по обе стороны поля верили, что его результат определяется свыше. Если Серега будет убит, русы падут духом, а степняки, наоборот, воспрянут. А дух — это половина победы.

Копыта печенежского скакуна гулко били в плотную землю. Он уже разогнался на полную. Закованная в сталь живая башня стремительно надвигалась. Гигант пригнулся к гриве, плотно прижал к лошадиной шее опущенное копье, прикрылся щитом с длинным острым торчем.

Духарев опустил копье, перекинул щит в левую руку. В общем, сделал вид, что собирается встретить противника лоб в лоб. Пепел тоже пошел галопом, но далеко не в полную силу. Тем не менее всадники сближались, и сближались стремительно.

Раз, два, три!

Печенег заревел, привстал на стременах, замахнулся огромным копьем, словно легким дротиком... Только в этот миг Серега осознал, насколько его враг громаден. На краткий миг степняк навис над почти двухметровым Духаревым, как медведь над оскалившимся волком...

Выкрик, движение колен — и великолепно обученный Пепел прыгнул в сторону не хуже серого волка.

Копье печенега впустую вспороло воздух. Духарев услышал рев, мощи которого мог бы позавидовать рассерженный

тур... Но черный жеребец уже унес гиганта-печенега прочь. Развернув коня, Серега увидел непомерной ширины спину в чешуйчатой стали. Блин! Какая мишень! Сейчас бы залудить бронебойной! С двадцати шагов! Практически в упор! Ей-богу, прошиб бы!

Печенег развернул коня, заорал что-то. Не понравилось ему «уклончивое» поведение соперника.

Вороной жеребец взрыл землю широкими копытами и опять ринулся в бой.

Черные ленты, украшающие заостренный шлем степняка, змеились на ветру. Хороший шлем, с личиной до рта, ниже — кольчужная сетка. У Сереги шлем проще, открытый, со стрелкой. Зато и видно лучше.

Ну, давай!

Духарев изо всех сил ударил Асмудовым щитом по древку печенегова копья, целя своим жалом степняку в голову.

Ха-а!

Пепел аж всхрапнул от мощи удара. Серега едва не вылетел из седла. Руку с копьем отнесло в сторону — степняк тоже принял удар на щит. Собственное копье Сереги наверняка разлетелось бы от такого удара, но Асмудово — выдержало. Правда, никакого урона врагу не нанесло.

Разминулись. Сошлись снова. На этот раз Духарев ухитрился даже чиркнуть по печенегову шлему. Но это стоило ему щита. Копье степняка зацепило бронзовую оковку. Деревянная основа хрустнула. Расколотый щит вырвало из Серегиной руки. Хорошо, хоть руку не оторвало.

Печенег зарычал. Решил: хана русу! Ладно, бычара!

Духарев развернулся и на этот раз погнал жеребца по-настоящему.

Ну, давай!

Всадники стремительно сближались.

В последний момент Духарев бросил Пепла влево. Но степняк уже знал этот приемчик, вынес копье дальше — железко едва не срезало Пеплу ухо...— и опять вспороло воздух. Духарев, крепко зажав под мышкой собственное копье, низко свесился с седла. Он не бил, но относительная скорость всадников достигла почти ста километров в час, и стальное перо Асмудова копья зацепило что-то... Серега успел услышать характерный звук рвущегося кольчужного полотна, черная мас-

са пронеслась над Духаревым, он рывком поднялся, развернулся.

Есть!

Кольчуга на бедре печенега была разорвана, а по смазанному жиром чешуйчатому вальтрапу [1] струилась алая змейка.

Но гигант, похоже, и не заметил раны. Развернул коня и ринулся в новую атаку. Настойчивый, однако, бычара!

Надо признать, в начале поединка Духарев испытывал не то чтобы страх, но некую неуверенность. Слишком велик и бронирован противник. Теперь полегчало. Серега проделал в броне маленькую брешку. И выяснил, что подвижность дает ему некоторое преимущество. Его противник привык к другой технике. Более прямолинейной. Печенег привык, что, когда он скачет на врага, враг тоже скачет на него, а не шарахается в сторону.

А Серега шарахался, и шарахался довольно ловко. Спасибо старику Рёреху, выбравшему Духареву коня и вдолбившему в Серегину голову значение хорошей выездки.

На этот раз, увильнув от гиганта-степняка, Серега не стал ждать, пока тот развернется. Духарев помчался следом, без особого труда догнал печенега и ударил копьем в бок.

Панцырь выдержал, а массивный противник даже не покачнулся.

Черный жеребец заржал, резко осаженный всадником. Но развернуться к себе лицом Духарев печенегу не позволил. Управляя Пеплом одними коленями, Серега перехватил копье двумя руками, напал сбоку. Степняк не мог использовать щит, попытался прикрыться древком, но Духарев изловчился и ткнул печенега в лицо. Удар вышел несильный, да и кольчужная сетка частично смягчила его, тем не менее Серега врага достал.

Печенег взвыл, вздернул жеребца на дыбы. Духарев подал назад, уворачиваясь от молотящих по воздуху копыт...

В следующее мгновение невероятная сила рванула копье у него из руки. Не разожми Сергей пальцев — самого вырвало бы из седла.

Вот дьявол!

Печенег отшвырнул свое собственное копье и выхватил у Сереги из рук оружие Асмуда! Силища у степняка была — как

[1] Броня, прикрывающая бок коня.

у подъемного крана. И он уже праздновал победу! Повернулся к своим и заревел, потрясая отобранным копьем.

У Сереги оставался меч. Один меч — против полного боевого комплекта печенега. Конечно, и мечом можно прорубить печенегову броню. Если отобрать у степняка все остальное оружие, а самого крепко привязать к дереву...

Следующее движение Духарева вряд ли можно было назвать обдуманным. Скорее это был жест отчаяния. Одним движением Духарев бросил тело вверх, встал на седло и, оттолкнувшись, прыгнул на круп черного жеребца.

Если бы Серега промахнулся, это был бы абзац. Но Духарев сегодня оказался невероятно удачливым. Вцепившись в шиш печенегова шлема, Серега сумел удержаться. В следующее мгновение он свободной рукой выдернул из голенища засапожник, вздернул подзор бармицы [1] и полоснул кривым острым ножом по могучей шее.

Печенег взревел, сжал, как тисками, Серегино запястье, с нечеловеческой силой дернул, оторвал от себя варяга, едва не вывихнув ему руку.

Духарев ощутил, как взлетает в воздух (будто опять тур рогом поддел!), в следующее мгновение желтая травяная щетка метнулась навстречу, треснула по плечу, земля и небо раз десять поменялись местами — и Серега распростерся носом вниз, совершенно потеряв представление об окружающем мире...

Лошадиная морда пихнула в ушибленное плечо. Духарев взвыл — и пришел в себя. Вскочил так резко, что Пепел шарахнулся.

Должно быть, Серега совсем недолго пробыл в отрубе, поскольку черный печенегов конь, скакавший галопом к рядам степняков, все еще скакал. Но всадника на нем уже не было.

Гигант-печенег лежал шагах в ста от Духарева, солнце весело играло на железной броне.

Серега замер в каком-то ступоре, а черный конь врезался в ряды степняков, и орда поглотила его. И от этого малого толчка словно волна прошла по степному воинству. Тысячи всадников пришли в движение.

---

[1] Край кольчужной сетки, защищавшей шею и ту часть головы, которую не прикрывал собственно шлем.

Серега вцепился в повод Пепла, готовый прыгнуть в седло... Но остался на земле.

Темная масса всадников стронулась с места, покатилась... Но не к Сереге, а от него.

Печенеги уходили.

Глава сорок шестая

Парс

Треснувшись о землю, Серега здорово ушиб бедро. Поначалу не заметил, даже встал сам, на коня взобрался. А когда, подъехав к князю, стал спешиваться — упал. Ему тотчас помогли: подняли. Причем те же гридни-нурманы, что недавно глядели презрительно. Еще бы! Серега им всем честь спас. А может, и жизнь. Как бы все обернулось, если бы битва была.

И будто из сочувствия к Сереге, светлое небо потемнело, закапал дождик.

— Шатер ему! Лекаря! — распорядился князь.

— Да я ничего, нормально,— пробормотал Духарев, опираясь на плечи нурманов, поглядывая то на князя, то на оттесненных дружинниками друзей.

— Отдыхай, витязь,— уронил Игорь.— Завтра поговорим. Иди!

Серега не успел ничего сказать. Гридни приняли его на мускулистые руки, повели-понесли прочь. Духарев не сопротивлялся.

Поставили шатер, внутри натянули на раму парусину, кинули овчину сверху — вот и кровать. Роскошная по походным меркам. Серегу внесли, уложили, помогли разоблачиться. Чуть позже приволокли знакомые переметные сумы с серебром, сложили грудой. Мол, видишь, варяг, ничего киевский князь не присвоил! А ты?

Пришел лекарь. Громила семь на восемь с рожей палача, но руками на удивление мягкими. Помял, пощупал, смазал где требуется, напоил сладко-горьким отваром, сказал уважительно:

— Поспи, витязь. Кости у тебя целы. День-два — и снова в седло сядешь.

Ушел. Все ушли. Духарев слушал, как снаружи шумит воинский стан, как по-нурмански переговаривается у тонкой стенки шатра Серегина стража. Серега задремал...

И проснулся от легкого дуновения.

Входной полог шатра чуть приподнялся, и внутрь бесшумно проскользнул человек. Замер, привыкая к темноте. Сон слетел с Сереги вмиг. Меч лежал справа от кровати. Серега нашарил рукоять... Тело вялое, как опавший пенис, бедро ноет...

«Ну-ка ша!» — скомандовал Духарев изношенному организму, и организм перестал скулить. Почувствовала требуха, чем дело пахнет.

Кто это может быть? Ясно, что враг. Друг не вошел бы украдкой. Враг, которого пропустила стража. Кто? Убийца, посланный Скарпи? Очень похоже.

Неизвестный двигался неслышно: трава скрадывала звук.

«Как только подойдет — я ударю»,— подумал Духарев. Он очень надеялся, что сумеет ударить достаточно быстро, чтобы опередить убийцу. Вряд ли Скарпи отрядил бы на такое дело кого попало. У нурманов это — в порядке вещей. Серега слышал сагу о нурманском парне, который как-то ночью пробрался в дом своего кровника, отыскал в абсолютной темноте врага, прирезал его и так же бесшумно смылся. «Подвиг», достойный ниндзя. Чтобы это оценить, надо видеть нурманский «длинный» дом, где люди лежат вповалку, а от трофейного барахла просто ступить некуда. Правда, очень возможно, что «ястребы лебединых дорог» так перепились пива, что скандинавский «ниндзя» шагал прямо по спящим.

Все это прокрутилось в Серегиной памяти в те несколько секунд, пока убийца неторопливо преодолевал те три метра, что отделяли вход от опорного шеста, за которым стояло низкое Серегино ложе.

У шеста убийца остановился.

«Ну же, давай!»— мысленно торопил его Духарев.

А убийца взял и сел на землю. Увидел, что Серега не спит? Или решил выждать?

Духарев ждал в напряжении, чувствуя, как бесполезно утекает аварийный запас сил. А убийца все сидел. Сереге было не

видно, как тот сидит. А это было важно. От позы зависела скорость внезапного броска...

Убийца глубоко вдохнул... Чуть слышно.

«Сейчас...» — подумал Сергей, сжимая повлажневшую рукоять.

— Ты не спишь, демон,— сказал убийца.

Серегины пальцы разжались, и слабость тут же тяжеленным зверем навалилась на него.

— Что входишь, как тать, черт тебя подери! — хрипло проговорил Духарев.

— Не хотел тебя будить,— отозвался парс.— Я забыл, что демоны не спят. Извини.

— Я не демон,— буркнул Духарев.— Что надо?

— Меня ваш князь послал,— ответил парс.— Я же еще и лекарем сказался.

— ...И чародеем,— проворчал Духарев.

— И чародеем,— легко согласился парс.— Князь велел тебя осмотреть, помочь, если получится...

— ...И заодно вызнать, куда я ромейское золото спрятал.

— Верно,— подтвердил парс и подсел к Сереге ближе.

— Ну и как, будешь вызнавать? — усмехнулся Духарев.

— Да мне ни к чему,— совсем тихо отозвался парс.— Я ведь с вами был, когда вы золото прятали.

Вот подонок!

— Места ты все равно не знаешь! — хрипло проговорил Духарев.

— Захочу — найду,— возразил парс.— Достаточно *примерно* знать. А найти... Видал, как воду лозой ищут? Так же и клады можно искать.

«Вот дьявол! Правильно парни уговаривали его прирезать! — подумал Духарев.— Может, еще не поздно?»

Рука, словно бы сама собой, опять нашарила меч...

— Не надо меня рубить, демон,— спокойно произнес парс.— Я ничего не сказал князю. И не скажу.

— Что тебе нужно? — голос Духарева дрогнул от сдерживаемого гнева.

Парс сидел рядом, смотрел сверху на лежащего Серегу. Видел он его лицо или нет — сказать было трудно.

— Я помню твои слова, демон,— сказал парс.— «Мертвым деньги не нужны». На вашем князе — печать Смерти. Не ты

один ее видишь. Кому нужны мертвые покровители? Кому нужен враг-демон?

— Я не демон! — прорычал Духарев.

Парс засмеялся. Очень мелодично.

— Я смеюсь не над тобой,— пояснил он тут же.— Я смеюсь, потому что смех прогоняет страх. А я тебя очень боюсь... варяг.

И тут же, без всякой логики, попросил:

— Возьми меня к себе служить! Я мудр. И умею многое...

— Угу. Клады искать, например...

— Мне не нужны деньги,— возразил парс.— Я буду служить тебе не за плату.

— А за что? — Серега не верил в бескорыстие этого человека.

— Мне ведомо, а ты увидишь,— уклончиво ответил парс.— Я буду верен тебе... варяг.

— Допустим,— Серега еще колебался, но чаша весов склонялась в пользу парса. Он очень заинтересовал Духарева.— Допустим. Как, кстати, тебя зовут, парс?

— Артак!

Ответ последовал почти мгновенно, и так же мгновенно Серега понял, что парс соврал. Зачем, интересно?

— Если ты хочешь служить мне,— строго произнес он,— то должен назвать мне свое настоящее имя.

— Да, господин,— пробормотал парс.— Я знаю, что тебя невозможно обмануть...

— Я жду,— напомнил Духарев.

— Я... Мое имя Валарш,— чуть слышно прошептал парс.

Сереге это ровным счетом ничего не говорило. Ничего, со временем выяснится, почему парс так не хотел называть свое настоящее имя. Что это — настоящее, Духарев не сомневался.

— Я буду звать тебя — Артак,— милостиво произнес он.— Ты мой слуга.

— Да, господин,— почтительно ответил парс.— Ты *видишь*.

— Да,— важно подтвердил Духарев, которого очень развлекала эта игра.— А теперь займись тем, для чего тебя прислали.

— Чем именно, господин?

— Ты же назвался лекарем — вот и лечи. Или тебе свет нужен?

— Зачем? — удивился парс.— Чтобы читать тело, мудрому свет не обязателен. Это же не рукопись.

Парс взял Серегино запястье, подержал...

— Ты силен, варяг,— сказал он.— Княжий костоправ поил тебя маком, но ты оказался сильнее отвара. Сердце у тебя — как у лошади. Я скажу князю, что ты не брал его золота.

— Лучше не говори ничего,— возразил Сергей.— Как думаешь, он нас отпустит?

— Ты ведь и сам знаешь, господин.

— Да. Он неплохой человек, Игорь,— Серега вздохнул.— Если бы он меньше слушал нурманов...

— Не обманывай себя, господин. Князь слушает того, кого хочет. Он плохой правитель, и ты это знаешь. Ты был бы лучшим.

— Почему ты так считаешь?

— Ты готов положить жизнь за своих, а он — нет. Потому он вынужден идти, куда они хотят. У вас ведь воины сами выбирают себе вождя. Если они узнают, каков он, то уйдут к другому.

— А деньги?

— Вот именно, господин. Деньги укрепляют верность, но верность за деньги не купишь. Он отпустит тебя и твоих друзей, господин. Ты прославил себя и один принес ему победу. Я шепнул кое-кому из воинов, что печенеги убежали не потому, что ты победил, а потому, что победил ты. Завтра об этом будут говорить, и слава твоя вырастет. Видишь, я могу быть полезным, господин.

— Вижу,— согласился Духарев.— А теперь, можно, я немного посплю?

— Спи. Я побуду здесь до утра. Князь знает.

Глава сорок седьмая,

в которой Духарев отказывается ехать с князем в Тмутаракань...

Войско стояло два дня. Ждали, пока вернутся разведчики, посланные следить за отступающей ордой. Вернувшиеся доложили: печенеги ушли на Дон, к своим кочевьям..

На второй день Серегу вызвали к Игорю. Скарпи с князем не было.

Из бояр — только Асмуд.

Князь расспрашивал о печенегах, которые пожгли городок. Серега сказал: те самые, от которых Духарева с друзьями выручили княжьи дружинники. Почему степняки привязались к варягам, объяснил так: обиделись за то, что побили их родичей в Тагане. Вранья тут не было, только умолчание. Еще Духарев рассказал о ромейской галере. И саму галеру описал так подробно, как мог, и толстого ромея, что на ней военачальником. Князь спросил про Халли. Серега худого о нурмане-командире говорить не стал. Похвалил воина. Расписал, как бился отважно, как стрелы ему добывал, как погиб, сражаясь один против дюжины. Не забыл сказать и об Элде.

Сразу после этого разговора в Таган был отправлен воинский отряд: поддержать беззащитный городок.

О золоте не было сказано ничего. И о будущем Игорь тоже не спрашивал. Может, ждал, что Серега сам об этом речь заведет? Но Духарев уже сказал все, что хотел. И даже больше.

После князя Серегой «завладел» Асмуд. Увел в свой шатер, угостил вином, расспрашивал про Рёреха.

Духарев с охотой рассказывал. Как встретились. Как Рёрех чуть его не пристрелил, но потом смилостивился и взялся делать из лоха воина...

— Напрасно ты от него ушел,— заметил Асмуд.— Рано. Но это судьба. Скажи, Серегей, что ты про князя сказал... Переиграть нельзя?

Духарев покачал головой.

— Жаль. Люблю я его. С малых лет вместе.

Асмуд печалился так искренне, что Серега все же дал совет:

— Пусть не ходит в Искоростень. Не вернется.

— Свенельд?

Духарев опять отрицательно качнул головой:

— Судьба. Отговоришь — может, и жив останется.

— А может, и нет?

— А может, и нет. Будущее не за ним, за сыном.

— Он же малой!

— Вырастет.

Поговорили еще немного, добили бурдючок.

— Мы в Тмутаракань пойдем,— сказал Асмуд.— Айда с нами!

— Спасибо, но нам в другую сторону. Если князь отпустит.

— Отпустит. Но лучше бы вам — с нами.— Добавил искусительно: — Время будет — покажу, чего даже Рёрех не знал, чему у ромеев научился. И серебро ваше в сохранности будет, и сами целы. А то ведь, сам знаешь, в степи нынче беспокойно. Напоретесь опять на копченых — помощи уже не будет.

— Ничего, отобьемся! — легкомысленно заявил Духарев.

Вчетвером в степи ему казалось безопасней, чем под охраной княжьей дружины, но поблизости от Скарпи. Может, сейчас Игорь, помня о выигранном поединке, и не напоминает о золоте, но со временем Серегины заслуги могут и забыться, а вот у золота такое свойство, что о нем правители не забывают никогда.

На третий день войско стронулось в одну сторону, а Серега с друзьями — в другую.

Артак к ним не присоединился. Сказал тихонько, что найдет их в Киеве. Сейчас, мол, нельзя ему показывать, что служит Духареву.

Серега не возражал: найдет — хорошо, не найдет... Тоже хорошо. Не очень-то он Духареву симпатичен. Темный человек.

Глава сорок восьмая,

в которой Серега горько жалеет о том, что отказался от предложения Асмуда

Три дня они шли по тракту без происшествий. А на четвертый вышли к Днепру. Верст на десять пониже устья реки Орель [1]. Здесь степь уже не была сплошным травяным морем. Кое-где стояли островки-рощицы, а по ту сторону Орели темнела полоска настоящего леса. На левом, высоком берегу речки можно было разглядеть укрепленный городок, ставленный еще до Олега. Здесь кончалось Дикое Поле и начинались обжитые полянские земли. Конечно, и их время от времени за-

[1] Приток Днепра.

хлестывала разбойная Степь. Но здесь можно было уже не опасаться внезапного набега. Народ между Орелью и Ворсклой [1] обитал сторожкий. Чуть что — исчезал в схоронках, а на круглых макушках курганов вырастали дымные хвосты.

Варяги остановились на днепровской круче, отвесной скале, нависшей над синей водой. Слева и справа берег зарос камышом, а под скалой место чистое, глубокое. Над такими местами обычно ставили идолов, но на этом из человечьих следов — только черная плешь старого кострища.

На радостях, что дошли, решили встать, не дожидаясь вечера. Расседлали коней, выкупали, сами выкупались в теплой днепровской водичке. Машег с Элдой наловили рыбы. Ловили так: Машег, с берега, бил стрелой, а нурманка, ныряя, вытаскивала подбитую рыбину, добивая, если требовалось, ножом. Плавала она, как русалка, наблюдать за ней было — одно удовольствие. Но Серега решил: нехорошо глазеть на обнаженную женщину, если это женщина твоего друга, а своей под рукой нет. Мысли от этого возникают неправильные.

Поэтому Серега тоже занялся делом: набил перепелов на уху. По ухе мастером считался Устах. И заслуженно. Наелись так, что даже дышать трудно. Бездельничали, болтали о том о сем. Когда начало смеркаться, Машег с Элдой куда-то испарились. То есть понятно куда, и зачем — тоже понятно.

— Что ты решил? — спросил Устах.— Пойдешь к Свенельду?

— Пойду,— ответил Духарев.— После того что было, врагов у меня в Киеве прибавится, но это уже не важно. Без Игоря я даже Скарпи не боюсь, а Игорево время кончается. Этой осени он не переживет.

— Именно осени?

— Да.

Устах кивнул. Его друг — ведун. Раз он так говорит — значит, так и будет.

— А ты? — спросил Духарев.— Пойдешь со мной к Свенельду?

— Он меня не звал,— сказал Устах.

— Я зову!

[1] Приток Днепра.

— Коли так — пойду. Привык я к тебе, Серегей,— варяг усмехнулся,— заскучаю без тебя. А с тобой весело. То бежишь от кого, то с великим князем сваришься. Ни дня без драки.

— Зато и прибыль,— резонно заметил Духарев.

— В этом ли дело? — Устах махнул рукой.

— А в чем?

Из темноты донесся голос Элды. Машег с нурманкой возвращались.

— А вот в них хотя бы,— сказал синеусый варяг.— Понравилась хузарину твоя женщина — ты и отдал.

— Машег — мой друг, а Элда — вовсе не моя женщина! — запротестовал Серега.

— Халли ее тебе поручил, сам же сказал! — возразил Устах.— По закону она твоя была. А ты отдал. Это, брат, истинно княжья повадка. Помнишь, как мы с тобой в лесу встретились? Как ты с Гораздом дрался, а потом я тебе бороду брил?

— Помню, конечно!

— Помнишь, как ты спросил: а голову?

— А ты сказал: «Пока так походишь!» Голову, мол, вожди бреют,— засмеялся Духарев.

— Верно,— кивнул Устах.— А теперь говорю: пора тебе голову брить.

— Только не сейчас, ладно?

Теперь засмеялся Устах:

— Голову тебе пусть Свенельд бреет! Я для того статью не вышел.

Машег и Элда, держась за руки, возникли из темноты, присели к костру. Так же держась за руки.

— Слышь, хузарин, что главное для вождя? — спросил Устах.

— Доблесть! — ни на секунду не задумавшись, ответил Машег.

— А ты, Элда, что скажешь?

Нурманка поглядела на Машега, словно спрашивала разрешения. Хузарин ей улыбнулся. Глаза у них были почти одинаковые — синие. Только у Элды немного светлей.

— Храбрость, слава — это для воина важно,— очень серьезно ответила нурманка.— А для вождя главное — удача. У отца моего дальний родич есть, Грим Лысый, сын Кведульва. Он —

великий воин. Сильней его, говорят, только сын его, Эгиль. Но поссорился Грим с конунгом Харальдом Прекрасноволосым, которого раньше Косматым звали. И покинул дом свой Грим и бежал в Исландию. Потому что, хоть и не уступает Грим конунгу храбростью, а силой даже и превосходит, но удача Харальда больше.

И опять поглядела на Машега: хорошо ли сказала?

Хузарин кивнул: хорошо. И Элда вспыхнула улыбкой.

— Все это правильно,— сказал Духарев.— Однако спать пора. Чья первая стража будет?

— А вот сейчас жребий потянем и узнаем,— ответил Устах, обрывая травинки.

Сереге выпала последняя стража, перед рассветом. Уснул мгновенно, несмотря на лягушачий концерт.

Снилось опять прошлое. Где он тоже спал, но проснулся один, в незнакомой квартире. За окном уныло тиликала сигнализация. Сон ушел. Серега, не настоящий, из сна, встал с постели, зажег сигаретку, подошел к окну... услышал за спиной мягкие шаги, начал оборачиваться и упал...

Вокруг опять была теплая южная ночь. Лягушки умолкли, слышно было, как плещет в реке рыба... И еще мягкие шаги!

Серегу будто бросило вверх, меч сам прыгнул в руку.

— В-ви-и-и-и! — пронзительно, как заяц, заверещал враг. И захлебнулся кровью.

И тут же появились еще...

Серега завертелся волчком, сбил петлю, достал еще одного...

Услышал, как Машег кричит: «Прыгай, прыгай!» Кинулся на звук, споткнулся обо что-то, покатился по траве, вскочил, увидел, как птицей метнулась с кручи светлая фигурка, услышал чей-то вопль, тонкий свист Машеговой сабли, звук прорубаемой плоти, еще один вопль. Впереди возник враг. Серега ударил — и в лицо ему полетел светлый ком. Серега отмахнулся, но ком оказался тряпкой, накрывшей руку с мечом. И тут же на шею упал аркан. Серега успел перехватить крученый из конского волоса канатик, но из-под ног рванулась земля, и Духарев полетел на спину, прямо на подброшенную сеть. Кто-то кинулся сверху, и Серега принял его на меч. Хлынула кровь. Рукоять вывернулась из руки. Серега потянулся к засапожни-

ку, забыв, что босой, жесткие пальцы вцепились в Серегину правую руку. С левой не ударить, левая — держала аркан: отпустишь — задушит. Ноги спутаны сетью. Серега все же извернулся, достал коленом. Чужие пальцы соскользнули с окровавленной руки... Черный молот ударил из темноты в лоб — и Серега вырубился.

Очнулся с ноющей головой и вкусом рвоты во рту. Конечно, спутанный по рукам и ногам.

Поблизости горел костерок. У костерка, на корточках, сидел Албатан. Лицо его было замотано черной от крови тряпкой, но глаза так и сияли от удовольствия. Хан сделал знак, Серегу грубо ухватили за волосы, усадили. Было больно, зато Духарев теперь видел больше. Например, он увидел запеленутого, как мумия, Машега и спутанного арканом Устаха с заплывшим глазом и лицом, залитым кровью из разбитого виска.

«Связан, значит, жив»,— утешил себя Духарев, огляделся в поисках Элды, не обнаружил нурманки, вспомнил метнувшуюся с обрыва фигурку и обрадовался. Ушла Элда!

Глаза хана злобно прищурились: варяг улыбается!

Албатан сделал знак: к Сереге подскочил степняк, разорвал на нем рубашку, ударил по губам.

Хан недовольно заворчал, взял короткую пику, сунул в огонь. Покопался за пазухой, извлек золотую монету, показал Духареву, сделал вопросительный жест.

— Не понимаю,— нагло заявил Серега.— Ты словами скажи!

Албатан зашипел. Один из степняков схватил Серегу за ухо.

— Золото! Где? — выкрикнул он по-славянски.

Воняло от него, как от старого козла.

— Иди заправь своей кобыле! — посоветовал ему Духарев.

Печенег выхватил нож, намереваясь отмахнуть Сереге ухо, но хан снова зашипел, и его воин с большой неохотой спрятал нож. Второй степняк отпустил Серегины волосы.

Пленников на время оставили в покое. Печенеги отошли подальше, переговаривались по-своему. Наконечник пики постепенно заливался красным. Было довольно легко догадаться о его предназначении.

— Ты как, Машег? — негромко спросил Духарев.

— «Пока неплохо»,— падая, сказала мышка, которую нечаянно выронил ястреб.

Машег тихо засмеялся.

— Ловко они нас взяли,— сказал он.— Устах проворонил.

— Я, может, тоже проворонил бы,— отозвался Духарев.— Расслабились мы. Полянские земли. До Орели рукой подать. Леса! Что теперь делать будем, Машег?

— Что делать? Умирать. Медленно.

— Про золото будем молчать?

— А какая разница? Скажем — не скажем, все равно мучить будут. Так лучше уж их без поживы оставить. А то, может, и Элда моя подмогу приведет. Надейся, Серегей! Бог тебя любит.

— Слыхал я историю,— произнес Духарев.— Про иудея вроде тебя.

Раз он со скалы упал, да успел за край зацепиться. Висит, держится из последних сил. Молится: «Помоги, Господи! Жил я праведно, заповеди соблюдал, молился вовремя, жертвовал щедро! Помоги, Господи!»

И слышит Голос:

«Ладно, коли ты такой праведный, помогу, не бойся. Отпускай руки!»

— Выходит, он спасся, этот праведный,— совершенно серьезно заявил Машег.— Раз сумел об этом рассказать.

Духарев, изумленный хузарской трактовкой анекдота, даже не нашелся, что ответить.

А пика все калилась. Наконечник — точно такой же, каким варяги жгли печенега в Тагане.

Духарев попытался вспомнить: каково это было, когда он на глазах князя протыкал себе ножом руку? Мало, что не больно, так еще и рана заросла менее чем за сутки. Даже шрама не осталось. Может, и с каленым железом получится?

«Стыдно тебе трусить, Серега! — сказал он сам себе.— Вон, Машег не боится!»

Тут он был не прав. Хузарин боялся. Но одно дело — бояться, другое — выказать страх.

Печенеги поговорили. Албатан подсел к костру, вынул пику. Показал знаком: ты мне язык попортил, а я твой сейчас выжгу.

Серегу схватили, сунули в зубы железную ложку, развели челюсти. Жаркий красный лист наконечника приблизился к лицу. Серегу держали крепко. Духарев терпел. Не станет хан

ему язык жечь, если хочет услышать, где золото спрятано. Но глаз — вполне может. Жалко глаз. Хотя мертвому глаза не нужны. Как и золото.

Пика отодвинулась. Ложку тоже убрали. Хан пристально глядел в лицо варягу: испугался, нет?

Сереге хотелось верить, что страха на его лице не видно. А что вспотел, так это от жара.

Быстрым, точным движением хан уколол Духарева в грудь. Боль ожгла до костей. Зашипел, сгорая, волос, зашипела, взошла и лопнула пузырем кожа.

— А-а-а-ха-ха-ха! — зарычал Сергей, ухитрившись как-то превратить в подобие смеха первый животный вопль.

Хрен вам!

Веселая ярость накатилась, заглушая боль. Нет, боль осталась. Такая же нестерпимая. Но это уже не имело значения. Главное: показать этой твари, что он — варяг! Варяг!

И смех его уже звучал не натужно, а искренне.

В глазах хана мелькнуло удивление...

Каленый наконечник уже остыл в живом мясе, но Албатан забыл его убрать. Он был в замешательстве. Это было, как если бы он взгромоздился на свою жену... И не обнаружил необходимого отверстия. Албатан столько раз жег людей железом, что, как ему казалось, знал об этом все. В этой схватке Албатан побеждал всегда. Проклятый славянин, лишивший хана возможности говорить, украл у него и радость мести. И радость победы тоже украл. Понятно, почему он не боялся: боль не трогала славянина. Но почему?

Албатан сунул пику обратно в костер, велел принести сумку. Его не поняли. Пришлось идти самому.

Кровь на деревянном теле бога обратилась в черную липкую пленку. Албатан сдвинул повязку, прижал бога к порванной щеке, попросил беззвучно: помоги.

Снова взял пику — наконечник уже нагрелся...

Серега увидел, как печенег вытащил черного деревянного уродца, перемазанного какой-то дрянью, сдвинул в сторону повязку. На щеке хана обнаружился неровно заштопанный рубец. Албатан прижал уродца к воспалившейся ране. О санитарии хан явно не имел никакого понятия.

Губы хана зашевелились. Затем он бережно отложил уродца и вынул из костра пику.

Серегу озарило.

— Давай жги! — громко сказал он.— Ты нем! Твой бог тебя не слышит! А мой Бог сильнее твоего.

Печенег, понимавший по-славянски, перевел Серегины слова. Албатан ощерился, показав осколки зубов и распухшую сардельку языка. И ткнул Серегу раскаленным острием. Снова шипение, вонь, боль... Но на этот раз Серега был готов и сумел защититься, отделить себя от боли.

— Твой бог тебя не слышит, хан! — крикнул Духарев и захохотал.— Или бог оглох, или ты онемел!

Албатану очень хотелось воткнуть пику прямо в сердце славянина, и, чтобы удержаться, он отшвырнул ее прочь. На миг стало совсем тихо, только костер потрескивал. И в этой тишине троюродный брат и старый соперник Албатана, тот самый, который собирался отрезать Сереге ухо, громко произнес:

— А ведь славянин прав: Албатан онемел, и бог его больше не слышит.

Албатан выпрямился, как отпущенная пружина. Шикнула выдернутая из ножен сабля, вспыхнул багрянец на дымчатом клинке, а поперек живота родича, сквозь стеганую, шитую бляшками куртку лег ровный чистый разрыв. Миг — и печенег страшно закричал, кровь хлынула из расходящейся раны.

Албатан махнул саблей — брызги полетели на пленников — бросил ее в ножны, подхватил с кошмы деревянного бога...

Больше он ничего не успел. Другой печенег, как близнец похожий на раненого, махнул рукой — узкий пояс змеей выпрыгнул из рукава, обвился вокруг Албатановой шеи. Печенег поймал его второй конец, перехватил накрест, потянул, упершись ногой в спину хана. Албатан захрипел, замахал руками. Зашитая рана на щеке разошлась, показав обломки зубов.

Остальные степняки, их осталось дюжины две, не больше, не вмешивались. Ждали, чья возьмет — того и удача. Взял душитель.

Ремешок скользнул обратно в рукав, а безжизненное тело Албатана осело на траву. Убийца отстегнул пояс хана, с доро-

гой синдской саблей, надел на себя, поверх собственного. Затем вырвал из пальцев мертвеца (так и не отпустил) деревянного бога, подошел к тому, кому Албатан вспорол живот, раздвинул края раны и запихнул в кровавое чрево. Раненый завопил совершенно немыслимо, содрогнулся и умер.

Печенеги довольно заворчали, сочли эту быструю смерть благоприятным знаком: бог взял жизнь.

Победитель поднес к лицу перепачканного кровью и слизью бога, пошептался с ним и изрек нечто.

Духарев глянул на Машега: хузарин был доволен.

— Что он сказал?

— Говорит: кумир велел ему ждать восхода. А с восходом увозить нас в степь. Говорит: там, на правильной земле, твой бог ослабеет.

— Угу,— пробормотал Духарев.— А чему ты радуешься?

— Неужели не видишь? Бог уже помогает нам! Нас не будут пытать, пока не увезут. Да и увезут ли? Я буду молиться. И ты молись! Бог уже вмешался. Вмешается еще раз!

— Блажен кто верует,— пробормотал Духарев.— Почему бы Ему не вмешаться чуть пораньше?

Ожоги на груди болели нестерпимо.

Кочевники копались в сумках, делили серебро, препирались.

На пленников не обращали внимания. Серега поглядел на костер... Нет, пережечь ремни нереально. Руки сгорят раньше. А вот ноги... Можно попробовать. Вон уголек подходящий. Серега, будто невзначай, вытянул спутанные ремнями ноги, накрыл откатившийся уголек. Нормально получилось. Теперь — ждать.

Степняки поделили серебро. Половина залегла спать, остальные болтали по-своему. Один, проголодавшийся, понюхал котел с ухой. Не понравилось. Достал что-то из своей сумки, стал жрать. Еще один вдруг вскочил, выкрикнул что-то. Остальные на него зашикали, опасливо поглядели на спящих товарищей.

— Что? — спросил Духарев.

— Хорошо,— ответил Машег.— Этот бычий глист вспомнил: у Албатана — два бурдюка с кумысом. Остальные говорят: чего кричишь? Два бурдюка на всех делить — ничего не останется.

Припаленный угольком сыромятный ремень ощутимо вонял. Но не больше, чем труп зарубленного Албатаном родича. И от самого Албатана тоже несло будь здоров. Вопреки известной поговорке, что, мол, труп мертвого врага всегда пахнет приятно. Вряд ли ноздри печенегов уловят и опознают вонь тлеющего ремешка.

Заворочался и застонал Устах.

— Я бы тоже кумыса выпил,— сказал Машег.— А еще лучше — вина.

— Знаешь, я бы и обычной водой удовлетворился,— заметил Духарев.

Двое печенегов вскочили, заспорили.

— Скоро светать начнет,— заметил Духарев.— Хорошо бы эти ублюдки перепились.

— Хорошо бы их после выпивки на развлечения не потянуло,— мрачно отозвался Машег, который, в отличие от Сереги, понимал базар печенегов.

— Это ты к чему?

— Знаешь, о чем они ругаются?

— Ну?

— Один говорит: кожу лучше сначала с ног сдирать, а второй утверждает, что со спины. Если пеплом присыпать, говорит, то крови меньше уходит.

— Понятно. Я бы их всех...

— Чш-ш-ш! — перебил Машег, прислушиваясь.

— Кони их забеспокоились,— сказал он после паузы.

— Ну и что?

— Это или зверь, или...

— Или?

— Или не зверь. Молись, Серегей, чтобы это был не зверь. И чтобы эти ничего не услышали.

Серега молился. От ремней, связывавших его ноги, поднимался заметный дымок. Печенеги спорили...

Все изменилось внезапно. По обе стороны от лагеря одновременно появились люди. И бросились на степняков. Их было не так уж много, но печенегов застали врасплох.

Спорщики сразу прекратили дискуссию и схватились за оружие. Зазвенело железо. Топот, глухие выкрики, удары... Привычные звуки боя, в котором Серега, вопреки обыкновению, играл крайне пассивную роль. И это было грустно, по-

тому что степняки, опомнившись, явно брали верх. Вот один из нападавших, подбитый, полетел через костер, рухнул прямо на Духарева, свалив его на траву. Вертанувшись туловищем, Серега спихнул его. Бородатый мужик, славянин. Мертвый.

Убивший его печенег перемахнул через костер: пасть раззявлена в вопле, сабля над головой...

Духарев не стал ждать — врезал степняку промеж кривых ног так, что тот даже вверх подлетел. Приземлился. Сабля до половины воткнулась в почву, сам степняк воткнулся мордой в землю, волчья шапка — в костер. Духарев стриганул ногами — есть! Свободен! Печенег выл, держась рукой за гузно. Но второй, сука такая, тянулся к сабле.

Серега сделал ему анестезию — пяткой по башке. Сел спиной к сабле, примерился... Молодец, копченый. В порядке клинок держит — острый. Два движения — и ремешки поехали.

Руки немного затекли — секундное дело. Машег? Хузарин уже повернулся спиной, подставляя скрученные кисти.

Есть контакт!

Духарев кинул ему печенежскую саблю. Дальше хузарин сам справится. Серега еще раньше заприметил, где лежит его славный варяжский меч.

Вот он, голубчик!

Серега почувствовал себя хищной птицей, которая порушила тесную клетку и наконец расправила крылья... Он стал таким легким и быстрым, что, кажется, вот-вот взлетит. Быстрее и легче Сереги был только его меч. Печенеги казались набитыми тряпьем куклами — такие вялые и медлительные. Но, получив клинком, прыскали кровью вполне реально. Вот так, твари! Это вам не шкуру с пленников драть! Это вам — полный кабздец!

Серега даже запел от восторга!

Все как будто оцепенели. Застыли нападавшие — их осталось всего-то человек пять, закоченели печенеги. Почти все. До пары-тройки наконец доперло, что их мочат: кинулись к лошадям. Поздно пить боржом, мальчики! Серега в три прыжка догнал. Хлестнул мечом одного, второго... Третий повалился сам — ножка подкосилась. Не сама подкосилась. Элда-умница! В одной рубахе, босая, зато с секирой в руках.

Серега развернулся, взлетел в три прыжка обратно на кручу... Только здесь уже все закончилось.

Здесь стояли Машег с окровавленной саблей, пятеро воев-славян, натуральных кривичей (надо же!) и живописная куча нашинкованных печенегов. Вот черт! Даже обидно!

Глава сорок девятая

Добры молодцы — кривские купцы

Подмогу привела все-таки Элда. Прыгнув с десятиметровой кручи, нурманка сразу поплыла вниз по течению и совсем скоро наткнулась на ставшие к берегу торговые лодьи. Сборная купеческая флотилия, возвращавшаяся от болгар.

К сожалению, к вышедшей из реки женщине торговые люди отнеслись несерьезно, а вспыльчивая Элда, забыв, что пришла за помощью, тут же заехала кому-то по зубам. Зубы уцелели. Но симпатии к нурманке поубавились. Обижать ее, конечно, не стали: такое не в обычае, и прочь не погнали. Но и разговаривать не захотели. Элда уж и извинялась, поправ гордость, и упрашивала, и награду обещала и... чего только не обещала. Но славянские купцы — народ гордый. Да и не верили ей. Может, и вовсе не человек она, а перекинувшаяся русалка? Заманивает честных людей...

— Ну глядите! — воскликнула отчаявшаяся нурманка.— Будет вам и от Свенельда, и от Роговолта князя!

Вот тогда один из купцов и не стерпел:

— Я,— сказал степенно,— Роговолту-князю верен! И ты, баба, зря не болтай!

— А раз верен, так помоги его дружинникам!

— Врешь небось?

Элда поклялась, что говорит правду.

— Ладно,— сказал купец.— Пошли глянем. Далеко идти-т?

— Версты три! — обрадовалась Элда.

— Пошли!

Остальные загалдели протестующе, но кривич заявил:

— Я слово сказал!

По его знаку поднялись восьмеро воев.

— Это мало! — запротестовала Элда.— Не справимся.

— Это мои,— сказал купец.— Другим я не указ. Ничё, управимся. Сама-т с нами или как?

— С вами. Топор дай.

— Тебе зачем? — удивился купец.— Чего рубить будешь?

— Печенегов.

Все дружно загоготали, а когда притихли, приказчик, который получил по зубам, сказал:

— Ты дай ей топор, Осянник! Десница у ней подходящая.

Теперь толстый бородатый купец Осянник то (не без опаски) глядел на громадного босого варяга, то на дикую бабу, простоволосую, в чужой кровище, всхлипывающую на плече невысокого, но такого же злого в бою воина, то — на посеченных степняков. Глянув на мертвецов, он вспомнил, как начали печенеги брать верх,— и тут Осянника затрясло. Не думая, купец взял большой котел с вкусно пахнущей ухой и, прижав к себе закопченным боком, стал быстро сёрбать густое варево. Выел четверть — маленько полегчало.

Костер вспыхнул ярче.

— Как ушица? — Здоровенный варяг, уже в сапогах, рукоять меча шишкой торчит из-за левого уха, возвышался над Осянником, как вставший на дыбки мишка.

— А? Чего? — смутился купец.

— Спасибо тебе! — с чувством сказал варяг.— Спас!

— Да чего там,— еще больше смутился Осянник.— Свои ж. Как баба-т сказала: полоцкие, так я сразу... Не соврала баба?

— Не соврала. А я ведь тебя помню, купец.

— Встречались, что ли?

— На тракте, под Витебском. Две зимы тому назад. Я еще к тебе в охрану хотел наняться, да ты не взял. Вперед отправил, к торжсковскому Горазду.

— И что Горазд? Взял? — спросил Осянник.

Варяг засмеялся:

— Взял, взял!

Из спасителей насмерть побили двоих. Еще двое были ранены. Из печенегов не ушел ни один. Но некоторые были еще живы. По приказу Духарева их по-быстрому прирезали, хотя кое у кого было желание позабавиться с пленниками на их

собственный лад. Трупы ободрали. Все ценное Серега отдал кривичам. Только саблю Албатана оставил себе Машег. На память. И еще потому, что сабля была хороша, а Машег, как и Серега, был обучен обоерукому бою. Сверх добычи Духарев добавил кривским от себя тридцать гривен — семьям убитых. Он бы и больше дал, но Осянник сказал: довольно. Храбрость купцов была достойна восхищения. Напасть на вдвое превосходящих числом матерых степняков — это поступок!

Расстались с рассветом. Трупы степняков оставили так. Вороны да волки приберут. Деревянного божка бросили в огонь — горел отлично!

Глава пятидесятая

Киев. Осень

Большая боевая лодья с синим парусом и длинноволосой летучей девой, простершей над форштевнем сильные крылья, проскользнула между широкими купеческими насадами, повинуясь умелой руке кормчего. Уронив вниз парус, лодья на остатках хода подошла к причалу и мягко прижалась крашеным бортом к набитым стружкой мешкам-кранцам. Двое отроков тут же соскочили на причал и закрепили концы. Широкие сходни упали на доски причала, едва не прибив зазевавшегося парнишку-холопа. Один из отроков успел выдернуть пацана и отвесить ему хорошего пинка. А по сходням, топоча копытами и звеня золотом узды, уже спускался серый боевой жеребец. Воин, что вел его за собой, был так высок, что его можно было бы принять за нурмана, если бы не гладко выбритый, бледный, не успевший как следует загореть череп с единственным клоком светлых волос в пядь длиной.

Спустившись, воин передал повод отроку, легко взбежал обратно, подхватил правой рукой небольшого росточка женщину, а левой — мальчонку годов двух, сбежал вниз по сходням, поставил женщину на доски, а мальчонку усадил в седло жеребца. Пацаненок крепко вцепился в луку и огляделся с большой важностью.

Следом за вождем начали высаживаться воины. Многие прыгали прямо с борта, словно в бою. Сводили коней, сносили вещи. Толпа любопытствующих глядела издали.

Иные спрашивали: «Это кто?»

Им отвечали: «Серегей, сотник Свенельдов!»

«Неужто тот самый?»

«Он, он!»

«А мальчонка — сын?»

«Сын, кажись. Женка — его!»

«Ой, махонька! А золота на ней сколь!»

— А ну разошлись, разошлись! — зычно выкрикнул безусый молодцеватый отрок.— Да в стороны, дурни! Потопчем же!

Конные гридни, попарно, не спеша двинулись наверх. Первым — сам сотник с сыном впереди седла, рядом с сотником — синеусый варяг в сдвинутом на затылок шлеме.

За всадниками — пешие, за пешими — тут же нанятые носильщики из киевлян, приехавшая с варягами челядь. Замыкала колонну маленькая женщина на рослом белом, князю под стать, иноходце. В седле она сидела ловко, словно степнячка, властно покрикивала на носильщиков: что, мол, ползут, будто опарыши под дохлой козой? Носильщики отшучивались. У киевлян, известно, языки подвешены получше, чем у всяких там полочан да новгородцев.

Серега с удовольствием наблюдал знакомую киевскую суету и многолюдье. Наслаждался теплом — в Полоцке уже прохладно.

— Ко мне поедем? — спросил он Устаха.

— Нет,— качнул головой Устах.— Я — с парнями. Присмотрю. Узнаю заодно, как твой парс Гололобу руку лечит. Ежели плохо — пришлю обоих к твоей Сладиславе. Пускай судит: лекарь этот парс или просто чародей темный.

— Присылай,— разрешил Серега.— Можешь и так прислать. Гололобу я всегда рад, а Артак — челядин мой. Сам знаешь, я его при гриднице не потому оставил, что в моем доме ему места нет.

— Знаю.— Жеребец Устаха недовольно фыркнул, обогнув разлегшуюся посреди улицы свинью. Его всадник слегка наклонился и вытянул свинью плетью. Животина, взвизгнув, ми-

гом очистила дорогу.— Ты к Свенельду когда пойдешь? — спросил Устах.

— Когда позовет. Ему небось доложат, что мы вернулись.

— Дело твое. Понятко!

— Я! — звонко отозвался молодой варяг.

— Возьмешь свой десяток — и с сотником.

— До встречи, Серегей!

— До встречи!

Устах махнул рукой, и дружина повернула на Подол. А сам сотник с десятком воинов, челядью и носильщиками поехал к Горе, обители киевской боярской знати, богачей и Власти.

Серега теперь и сам числился хоть и не княжьим, а воеводы Свенельда, но боярином. И дом у него был, Свенельдов дар,— на Горе, внутри стен. Рядом со Свенельдовым подворьем.

У внутренних ворот княжьи отроки, вместо того чтобы как положено спросить, кто да зачем,— молча салютовали сотнику. И даже старший стражи, нурман, приветствовал Серегея поднятой рукой. Серегей сдержанно кивнул — как равному. Ну, почти равному.

А у собственных ворот его уже ждали. Управляющий, привратник, ключница, конюшие... Чертова прорва народу! Вечные какие-то разборки. И еще из Полоцка челяди навезли. Одно приятно: теперь это не его проблемы. Теперь здесь Слада.

«У нее не поворуют!»— подумал он не без гордости.

Серега придержал коня.

— Ну как, нравится?

— Очень! — Нежная улыбка на пухлых губках— только для него.

— Наличники и петухов новгородец резал! — похвастался Серега.

— Вижу! Очень красиво!

Еще бы не красиво! Три этажа, коньки на крыше, резьба на всем, даже на надворотной кровле, двор вымощен, сараи да конюшни выбелены. Тесновато немного, да ведь это — Гора. Тут с местом всегда проблемы.

Управляющий сунулся было: доложить. Духарев отмахнулся: потом, к ней — и показал на жену. Банька истоплена? Комнаты готовы? Коней — кормить, чистить. Дружинников — поселить в гостевых.

— Понятко, вы как? Трапеза сначала — или банька?

— Банька!

— Но после нас!

— Да ясно! Только вы, это, не очень долго... размывайтесь! — подмигнул Сладе.

— Болтун ты, Понятко! — сказала Серегина жена.

Понятке позволялось многое: друг. Почти младший брат. Хотя, если по годам, то молодой воин постарше красавицы-булгарки. Но старшинство — не только от возраста. А серебро Поняткино — у Сладиславы в распоряжении. Пока в бочонке, а весной в дело пойдет. Прибыль пополам. Убыток, ежели что,— тоже пополам. По-свойски.

Отдохнуть Сереге не дали. Едва лишь из бани вышли — гости. И какие гости! Горазд с Мышом!

За тот год, что не виделись, Горазд еще немного раздобрел. И седины прибавилось. А Мыш вымахал на голову выше сестры, в плечах раздался, костлявый, тощий, жилистый.

Брат!

Обнялись. Полюбовались друг другом.

— Вижу-вижу! Кто тебе голову брил? Свенельд?

— Он!

— Любо! Племяша покажи!

Сын сестры — это серьезно. По родовым законам брат матери — ближе отца.

— Успеешь, налюбуешься!

— А правду говорят, что ты самого Асмуда побил?

— Врут!

— Жалко! А я, Серегей, ой ловок на мечах стал! Скажи, Горазд? Любого гридня сделаю! Я у ромеев учился! Показать?

— Успеешь!

— А правда, ты князю киевскому смерть предсказал?

— Слушай, Мыш, остановись! Успеем еще наговориться!

— Да ну тебя! И запомни, я нынче не Мыш, а Мышата!

— Кто-о?! — Серега расхохотался, а Мыш обиделся.

Выручил Горазд.

— Мышата — это я придумал! Не гоже такого тароватого купца мелким зверьком кликать!

— Что, такой толковый?

— Не сказать, какой толковый! Слов нет!

Мыш тут же надулся от гордости.

Но тут вовремя возник управляющий, шепнул что-то Сладе: сообразил, под кем ходить будет.

— К столу! — скомандовала Сладислава.— Яства стынут!

Глава пятьдесят первая

Серегей, Перунов Гром

Когда заморили червячка, Серега улучил момент, отозвал Горазда в сторонку:

— Утварь драгоценную поможешь продать?

— Ясно, помогу. Чья утварь-то?

— Больше ромейской работы. И... лучше ее продавать подальше отсюда.

— А поглядеть можно?

— Не сейчас. Сейчас она в земле схоронена.

— А-а-а...— Горазд поглядел, прищурясь.— Значит, правду говорят про ту... дань?

— Что говорят? Кто?

— Успокойся. Не народ. Так, меж своими слухи ходят. Я болтать не буду, ты знаешь.

— А что еще говорят?

Вместо ответа Горазд позвал:

— Мышата!

Серегин названый брат что-то очень серьезно толковал желтоголовому, как одуванчик, племяннику. Маленький Рад дядю слушал, но времени даром не терял: грыз медовый пряничек.

— Мышата, поведай, сынок, что слыхал о герое нашем! — Горазд хлопнул Серегу по спине.

— Это можно,— степенно отозвался Мышата.— Только, брат, чур, уговор. Я те — слухи, ты мне — правда то иль брехня. По рукам?

— Ах ты торгаш хитрый! — Духарев сгреб Мыша в охапку.

— Пусти, медведь! — затрепыхался Мыш.— Ребры поломаешь!

— А будешь со мной рядиться? — грозно вопросил Духарев.

— Не буду, не буду!

— Тогда живи,— Серега разжал объятия, Мыш отряхнулся, поправил одежку, вернул на место сдвинутую золотую гривну.

— Говорят: ты сын Олегов! — Мыш ухмыльнулся, показав редкие зубы.

— Чего?!

— Того! — Очень довольный Мыш подбоченился.— Говорят, родил тебя Олег тайно от полюбовницы, девы небесной, и спрятал до времени, поручив тебя ведунам да чудищам лесным. И сидел ты в дупле дубовом тридцать лет и три года, а нынче вышел.

— Что за бред? — изумился Духарев.

— Кому бред, а кому и сказка красная!

— И что, этому верят?

— На торгу народ к красному слову доверчив! — Мыш осклабился.— Я-то помню, какой ты дурачок был, когда мы встретились, но люди-то не знают и всякие басни плетут. Вона в Переяславле на торгу про тебя пели.— Мыш взял в руки невидимые гусли, затянул тенорком.— Повстречал князь наш Игорь-батюшка во поле войско несчислимое, печенежское. И вело то войско чудище страшное, само сплошь железное да на железном коне...

— Слушай, давай простыми словами,— попросил Духарев.— У меня от твоего пения уши болят.

— Можно и без пения,— согласился Мыш и продолжил: — ...И явился князю нашему витязь великий, именем Серегей, прозвищем Перунов Гром, и говорил, что один лишь он то чудище побить может. И велел князь боярину Асмуду проверить витязя — и побил тот Асмуда. Но пожалел, не стал жизни лишать. А потом выступил против чудища степного железного, да схватил его, да вырвал из седла и грянул оземь, так что лопнуло железо и вышел из чудища дух огненный. И бежали в ужасе печенеги, побросав богатства, прежде добытые. И забрал князь те богатства, говоря: мое это, по княжьему праву.

И сказал тогда Серегей-варяг, Перунов Гром слово заветное. И по слову тому кануло в землю сыру печенежское злато-серебро.

И рассердился было князь-батюшка, да утишил гнев. И рек так: «Иди ко мне, Серегей, Перунов Гром! Одесную будешь сидеть, из чаши моей пить!»

Но отвечал ему воин Перунов: «Не тебе, но сыну твоему служить буду, коли поставишь пестунами ему Свенельда, воеводу славного, да Асмуда-боярина».

И сказал князь: «Быть по сему, коли вернешь ты мне злато-серебро печенежское».

И рек тогда Серегей, Перунов Гром: «Почто тебе богатство печенежское, неисчислимое, княже? Дни твои исчислены. Мертвому злато — без нужды».

— Во как закручено! — не без восхищения произнес Духарев.— И кто же это, интересно, певцов тех надоумил?

Мыш с Гораздом переглянулись.

— Понимает дело! — одобрительно отметил Горазд.

— Угу! И не скажешь, что варяг!

— Ты на варягов бочку не кати! — огрызнулся Духарев.— Говори, что думаешь!

— А что тут думать! Песни те тебя славят да Свенельда. Ну ты хоть печенега убил, а Свенельд — что? Смекаешь?

— Угу. Ладно, увижу — спрошу.

Ну воевода! Ну хитрая лиса!

Свенельд знал все. И про золото — тоже. Духарев рискнул: доверился. Шила в мешке все равно не утаишь. Слишком многие знают об этом кладе. Вернется Игорь в Киев — что будет? Пойдет слух, что некий варяг золото у князя отнял — Игорь «потеряет лицо». Придется тогда князю брать Серегу в оборот.

«Ты не тревожься,— сказал Сереге Свенельд.— Ты теперь — мой. И послужил мне как никто. Вот и ты теперь положись на меня. Плыви себе в Полоцк, привози своих. Я позабочусь.— И на прощание напомнил: — Десятая доля — мне. По уговору. Не забыл?»

«Бери хоть половину!»— щедро пообещал Духарев.

«Десятую долю,— строго сказал Свенельд.— Мне лишку не надо, я не Игорь. Мне люди верные нужны. Такие, как ты. А злата еще добудем!»

С тем Серега уехал.

И теперь убедился: воевода Свенельд просто так языком не треплет, за базар отвечает четко.

Пока Серегу знакомили с новостями, за столом народ продолжал веселиться. Бочонок греческого пришелся как нельзя кстати. Серегины девки-челядинки, с молчалового согласия хозяйки, мостились рядом с распоясавшимися дружинниками, звонкоголосый Понятко, опростав рог, затянул на пробу: «Как во славном граде Киеве...»

Отрок-вестник, которого надлежало встретить еще у ворот, стоял на пороге трапезной. Оглядывался, ища хозяина.

Духарев махнул ему рукой.

— Свенельд-воевода велит пожаловать к нему,— сказал отрок.

— Прямо сейчас? — спросил Духарев.

— Немедля.

— Еду,— коротко ответил Духарев.

Глава пятьдесят вторая

«Я ему говорил...»

— Я говорил ему,— рассказывал Асмуд.— Напомнил твои слова, Серегей. Но он только посмеялся: вот мы в Искоростене. И кто нам посмеет помешать? Князя их, Мала, в поруб посадил. Велел дружинникам ходить по дворам, вытрясать из ларей, а кто противиться станет — бить. Много собрали. Вы видели, что я привез. А ему все мало было. Говорит: надо дочиста подобрать, чтоб тебе, Свенельд, не досталось. А Скарпи его еще подзуживал. Я говорю: довольно! Беда будет! А он: ты уж говорил, Асмуд, что нам у древлян беда будет! А у нас полны возы. Вот поеду, еще такой беды наберу. А ты в Киев езжай, к Свенельду, князю древлянскому и уличскому, от Мала-князя, из поруба, привет передай!

И поехали.

А на другой день догнал нас вестник. Говорит: как мы уехали, городские Мала из поруба выпустили. И вышел Мал навстречу князю: уходи, говорит. Вымел уж все подчистую!

Игорь велел: опять его в поруб, но свои за Мала вступились, навалились кучей. Дружину — кого побили, кого повя-

зали. Князя нашего тож. Спросили Мала: что делать? А тот и говорит: коли повадился волк к овцам, так не успокоится, пока всех не перережет. Так и этот. Если не убьем его, всех нас погубит.

И убили.

Асмуд вздохнул. Выглядел он неважно. Словно враз постарел лет на десять.

— Не убивайся ты,— сказала ему Ольга.— Судьбу не обойти. У мужа моего с древлянами с самого начала неладно было. Едва княжить стал — они уже в сторону от Киева тянули. Потому их под Свенельда и отдал. Вольно ему было со смертью играть! Не мальчик. Седьмой десяток разменял. Что делать будем, бояре?

— Я им покажу, как княжью кровь проливать! — скрипнул зубами Асмуд.— Только вели: завтра ж возьму дружину и древлян этих...

— Погоди! — остановил его Свенельд.— Побить древлян — можно. Но торопиться — не следует.

— А чего ждать? Пока дружина разбежится?

— Пусть бегут,— спокойно ответил Свенельд.— Такие, кто бежит, когда бедой запахло, нам ни к чему.

— Кому это — нам? — сразу ощетинился Асмуд.

— Мне,— сказала Ольга.— И сыну моему, Святославу, которому ты — кормилец названый.

— Искоростень — град крепкий,— сказал Свенельд.— Под его стенами многих положим. Нехорошо это. Подождем. Вызнаем про планы их, что сможем. А древлян я знаю. Им страх праздно сидеть не даст. Они еще себя покажут: высунут свой лисий нос... А тут и мы!

— А ты, Серегей, что скажешь? — княгиня поглядела на Духарева.— Что скажешь, ведун?

Нет, мало она похожа на вдову, только что потерявшую любимого мужа.

— Скажу, что полюдье для народа вообще не очень хорошо,— заметил Духарев.— Лучше, когда каждый знает, сколько с него причитается, и уверен, что лишнего не возьмут. Хочется ли человеку наживать добро, если все равно отнимут.

— Я беру то, что требуется,— возразил Свенельд.— Мне лишнего не надо.

— Скажи это древлянам,— ответил Серега.— Ты взял, Игорь взял, и еще раз взял бы, если бы смог.

— Раз взял, значит, было что брать! — проворчал Свенельд.

— А если отдавать нечего? Что тогда остается? Убивать?

— Ты что же, за древлян вздумал заступаться? — с угрозой произнес Асмуд.

— Не о древлянах речь,— возразил Духарев.— Речь о Правде. Скажи мне, светлая княгиня, ты на своих землях тоже берешь сколько удастся?

— Вижу, к чему ты клонишь,— сказала Ольга.— Слова твои — верные, но я ведь не о том тебя спрашивала. Идти ли нам на древлян немедля или выждать, как говорит Свенельд?

— Да,— сказал Духарев.— Воевода прав.— И, уже чувствуя, как снисходит на него божественная ясность, произнес четко: — Древляне себя покажут, княгиня. Да так, что даже ты удивишься!

Когда, вместе с Асмудом,— Свенельд остался в Вышгороде — возвращались в Киев, Асмуд сказал строго:

— Ты, Серегей, много больно о Правде печешься да о племенах всяких. Ты теперь не кривич, не варяг — ты теперь во перву голову стал — рус. И не забывай об этом.

— Да вообще-то я им родился,— пробормотал Духарев.

— Что ты сказал? — не расслышал боярин.

— Да это я так, себе. Все верно, Асмуд. Я не забуду.

Глава пятьдесят третья

Шуйца великого князя

Внизу, на торгу, шумели. Гора притихла. Киев ждал, как поступит княгиня. Болтали всякое. Слухи расползались по киевской земле и дальше. Убийство князя так или иначе задевало всех. В воздухе висела угроза. В народе по Игорю не плакали. Но все равно боялись перемен, боялись усобицы, степняков, ромеев... Земля без князя казалась голой. Дружина Игоря затворилась в Детинце, точила мечи. Их тоже не любили. Поды-

мется вече, вспомнит старые обиды... И задавит славных витязей, навалясь по сто на одного. Нехорошо было в Киеве. Потому что никто ничего толком не знал. Кроме самой княгини, сидевшей в своем городке Вышгороде, и больших бояр Асмуда и Свенельда. Да свежеиспеченного сотника Сереги Духарева.

Древляне объявились сами. Как и предполагалось.

На Серегин двор прибежал посыл: древлянская лодья пристала у Боричева. Свенельд зовет.

Духарев медлить не стал, велел седлать коней, кликнул с собой пару гридней: для почета, не для охраны. В Киеве сотника Серегея знали и даже, можно сказать, любили. Как всякого героя, о котором «официально» объявлено: Герой! Благо, и внешность у Духарева — подходящая: рост саженный, плечищи — на двоих хватит, зубы ровные, на губах улыбка играет. Все правильно. Герой — он должен быть счастливым, иначе какой из него образец для подражания?

Серега и был счастливым, какие могут быть сомнения?

Бережно обнял жену, поцеловал нежно:

— Люблю тебя, маленькая!

Сбежал с крыльца, легко вспрыгнул на тонконогого вороного жеребца...

— Господин!

Артак.

— Господин! Будь осторожнее! Берегись!

Серега только усмехнулся, тронул варяжские светлые усы.

— Пусть враги мои берегутся! — отозвался весело.

Гридни тоже заухмылялись, расправили плечи: как верно сотник сказал.

— Господин! — парс ухватился за стремя.— Послушай меня! Я вижу!

Духарев согнал с лица улыбку, глянул сверху в темные блестящие глаза парса...

— Верю,— произнес он негромко.— Что?

— Не знаю,— тоже вполголоса проговорил Артак.— Зло тебя ищет. Я чую недоброе...

Серега покосился на Сладу: жена все слышала — и тень страха легла на ее милое лицо.

— Я не боюсь зла,— четко произнес Сергей.— Но для тебя...

Через четверть часа он снова был в седле. Но на этот раз под ним был не легконогий вороной, а верный Пепел, а на плечах не ромейский бархат, а надежная сталь. Жарковато нынче в шлеме да в подкольчужнике, но можно потерпеть. Ради того, чтобы жена, ждущая его ребенка, не волновалась. А кто посмеет сказать, что Серега Духарев боится... Пусть скажет — а мы повеселимся.

Челядинцы отворили ворота, и сотник Серегей, сопровождаемый полным десятком дружинников, выехал на мощеную прямую улицу. По левую руку от сотника — Понятко. Цепкий взгляд, под рукой, в притороченном к седлу саадаке — хузарский лук с натянутой тетивой и тут же — разноцветные оперенья стрел. Звонкий тяжкий топот подков по мостовой, блеск солнца на гладкой стали. Походный строй, попарно, стремя в стремя, идеальная выучка, что у коней, что у всадников. Для стороннего наблюдателя — красота. Для того, кто понимает, предупреждение: «Даже и не думай! Сунешься — умрешь!»

Киевские улочки почти пусты. Все, кто празден, сбежали к пристани: древлян встречать. Молодцам-дружинникам даже обидно. Никто не восхищается, никто не жмется в страхе к заборам. Девок нет, даже и покрасоваться не перед кем...

Переняли их уже под самой стеной. Человек десять слаженно перемахнули через ограду и заступили путь. И еще столько же — позади.

Понятко выдернул лук... Но остановился. Поглядел на Духарева вопросительно.

Для полного десятка обученных бойцов разогнать пару дюжин разбойников — плевое дело. Но *не этих*.

Ощетинив копья, из дыр закрытых нурманских шлемов глядела смерть.

Справа — городская стена. Слева — подворье какого-то купеческого братства. Окованные медью ворота, забор в две сажени. Чтобы спрыгнуть с такого в полной броне и на ногах устоять, немалый навык нужен.

Тринадцать — впереди, двенадцать — сзади. Щит к щиту, бороды, у кого — светлая, у кого — рыжая, у кого — гуще позолота, у кого — доспехи ценнее, но — с первого взгляда видно: матерые, один к одному. Не поросята — вепри.

— Стой,— бросил Духарев, хотя его отряд уже и так остановился. Сказано на тот случай, если кто из лихих парней надумает кинуться в драку «поперед батьки».

— Ну! — Серега двинул Пепла на полкорпуса вперед.— Что нужно?

Калиточка в богатых воротах открылась, и на улицу шагнул еще один нурман. В полном доспехе, со щитом. И толстая золотая цепь — поверх панцыря. Старый знакомый.

— А я думал, боярин, что тебя древляне убили,— холодно проговорил Духарев.— Вместе с *твоим* князем.

— Не повезло тебе, варяг,— процедил Скарпи.— Я живой, как видишь.

— А я могу это исправить! — перебил Духарев, глядя на нурмана с высоты седла.

Он нисколько не сомневался в намерениях Скарпи. Ну молодец парс! Кабы поехал Серега всего с парой молодых ребят, пришлось бы им кисло. Хотя... все равно кисло. Нурманов раза в полтора побольше, и все сплошь битые волчары: по тому, как стоят, видно. Битые. У многих броня посечена, у одного вон на запястье — тряпка, черная от крови. Должно быть — из тех, кого древляне не дорезали.

— Ну! — повторил Духарев.— Чего ты хочешь, нурман? Скажи, не стесняйся!

— Ухожу я,— сказал Скарпи, поглаживая рукоять меча.— Ухожу из Киева. Хочу вот попрощаться с одним дерзким варягом. В прошлый-то раз и не поговорили толком...

«Что уходишь, это я верю,— подумал Духарев.— Тут тебе не жить. Без Игоря. Слишком многим ты насолил, жадный нурман. А мне что делать? На узкой улочке верхами не очень-то и побьешься. С таким противником. Да и больше их. С другой стороны, время играет на меня. Донесет кто нашим, что сотника Серегея нурманы переняли... Нет, на это надеяться нельзя. Ни Свенельду, ни Асмуду сейчас не до меня. У них — послы древлянские...

...Если ударить с маху, может, и удастся опрокинуть нурманский строй. А может, и не удастся. Нурманские копья — страшное оружие. Очень эффективное».

Не хотелось Сергею бежать. Стыдно. Даже если сам уйдет, дружину на прорыве побьют всю. Варяг нурмана не слабее. Но их, варягов, только двое: Понятко да сам Серега. Остальные —

молодые все. Против лучших бойцов Скарпи, в рукопашной... Эх, будь рядом хоть Устах!..

Прорываться нельзя — посекут. Биться? Тоже посекут.

Духарев взглянул на Скарпи.

Боярин убитого князя ждал. Не просто ждал — наслаждался. Мысли Серегины как с листа читал. Опытный, гад! Всё продумал, всё рассчитал. Время выбрал, место...

«Чаще бывает: не ты выбираешь битву, а она — тебя,— как будто въявь услышал Серега голос старого Рёреха.— Но место для битвы воин выбирает сам».

Скарпи — воин. И он выбрал. А для Сереги Духарева выбора не осталось, так? Топором в живот или сулицей в спину — это не выбор. Это иллюзия выбора.

Иллюзия — это когда видишь ненастоящее, а настоящего не видишь...

Скарпи ждал. Спокойный, обманчиво расслабленный.

Если есть иллюзия, значит, есть и то, что на самом деле. Что?

За Серегиной спиной напряженно ждали гридни. Так же им страшно, как ему сейчас?

Скарпи все продумал, но он тоже рисковал. В бою всякое может случиться... Хитрый, как лис, нурман Скарпи. Хитрый и жадный. В чем твоя выгода здесь? Почему тебе так нужно прикончить дерзкого варяга? Или это и впрямь дело не выгоды, а чести? Или твоя дружина перестала верить в твою удачу, и тебе срочно нужно восстановить авторитет, разделавшись с тем, кто там, в Поле, плюнул тебе в лицо?

Тогда князь сказал «Нет!» — и ты повиновался. Честь и долг — неразделимы. Сейчас князя нет, и ты...

Ага! А вот это уже похоже на правду!

Серега поглядел на сомкнутый строй нурманов.

Как узнать, что творится в этих косматых головах под круглыми железными шлемами?

«Если я прав,— подумал Духарев,— то конфликт с вашим вожаком — это наше личное дело. Если покончить с оскорбителем — личное дело Скарпи, то привлекать дружину, чтобы восстановить *личное* достоинство... Ха! Смыть оскорбление кровью обидчика, пролитой чужими руками,— это по-ромейски, а не по-нурмански. Если это твоя личная честь, изволь и защищать ее *лично*, боярин Скарпи! И попробуй увильнуть! Что тогда скажут тебе твои гордые нурманы?»

Серега оживился. Конечно, еще не факт, что ему удастся завалить Скарпи, но это уже шанс. Серьезный шанс... Черт! Слишком уж у Духарева все хорошо в последнее время. Когда все так хорошо, не хочется жизнью рисковать. А все-таки придется...

Скарпи ждал. За спиной Духарева фыркнул чей-то конь. Издалека, с пристани, доносился гул толпы. Со стороны перегородивших улочку нурманских шеренг — ни звука. Замерли — не шелохнутся. До времени.

«Какие воины! — не без зависти подумал Духарев.— Мне бы таких... Хотя чем мы хуже? По крайней мере — я!»

— Точно,— сказал Серега, перекинул ногу через спину Пепла и соскочил на землю.

— Не поговорили мы, Скарпи. Давай потолкуем. Если не станешь за чужие спины прятаться, как раньше прятался за слово своего князя!

Сергей отцепил от седла щит, надел на руку.

Молчание.

«Хитрый лис Скарпи! Ну скажи что-нибудь, отреагируй, выдай себя!»

— Неужели ты больше не боишься меня, нурман? — нагло осведомился Духарев.— Я ведь тот самый Серегей, который вашим ульфхеднарам голыми руками шеи сворачивает.

— Ты это девкам своим рассказывал бы,— спокойно произнес Скарпи.

— Они бы тебе верили, пес варяжский.

Боярин мертвого князя повернулся к Духареву спиной и двинулся к своим.

По ближнему строю нурманов прошло нечто. Не шевеление, некое незримое напряжение, предшествующее действию. Духарев понял, что его время заканчивается. Сейчас Скарпи станет в общий строй, и железные челюсти нурманских шеренг сомкнутся и перемелют...

— В девках ты точно разбираешься,— медленно проговорил Духарев в широкую спину Скарпи.— Должно, тебя древлянские девки крепко скалками угостили, если ты, своего князя бросив, сбежал позорно. А, боярин?

Скарпи остановился на полушаге. Сергей как будто увидел, как напряглись мышцы нурмана, как вздулись и окаменели под кольчужной бармицей мускулы могучей шеи...

— Ты извини, боярин,— с деланным сочувствием проговорил Серега.— Нету у меня скалки, чтоб тебя гонять. Что ж мне меч теперь марать о тебя... предателя.

Он не знал, что так у них было, в Искоростене древлянском. Но должно быть — было. Потому что Скарпи прыгнул, как бешеный пардус. Разворачиваясь уже на лету, на лету выдергивая меч. Так стремительно, что даже предельно собранный Духарев еле успел отразить удар. Но все же успел и тут же сильным толчком щита отбросил нурмана назад.

— Ага! — удовлетворенно выдохнул Сергей.— Вижу: ты и впрямь хочешь со мной поговорить на мужском языке, Скарпи Атлисон! Я не против. Только ты и я. До самой смерти. Так, нурман?

— Так,— хрипло подтвердил Скарпи.— Ты и я. Поговорим. До самой смерти. Твоей смерти.

И мгновенно обуздал свой гнев, толкнувший его на первый, яростный, бросок.

Теперь оба неторопливо двигались, высматривая, выжидая, пока противник даст возможность нанести удар.

«Сумеешь ли ты достать врага — зависит от твоего врага,— снова вспомнился Сереге старый Рёрех.— А вот сумеет ли враг достать тебя — это уже от тебя зависит».

Мир перестал существовать для Духарева. Силуэты воинов, своих и чужих, окруживших поединщиков, потеряли четкость. Все, что осталось от большого мира, это сотня квадратных метров хорошо утоптанной земли и прикрывающийся поцарапанным щитом нурман в вороненом шлеме и пыльных кожаных штанах, заправленных в такие же пыльные сапоги. И невидимая упругая струна, натянутая между ними, соединившая их намертво, в одно целое, так что ни один из них не мог и полшага сделать отдельно от другого. Все чувства куда-то ушли, осталось только немного азарта и ощущение некоей великой игры, в которой они оба, нурман и варяг, равные партнеры, и которая невозможна без одного из них и неминуемо прервется, когда...

Более опытный игрок, Скарпи ухитрился-таки получить преимущество: развернул Духарева лицом к солнцу. Но, как часто бывает, противник нурмана сумел превратить оплошность в выигрыш. Кончик его меча поймал солнечный блик и послал его, безобидный солнечный «зайчик», прямо в

овальную глазную прорезь нурманского шлема. Скарпи дернул головой, уклоняясь, а Серегин клинок прыгнул вперед и вниз, под нурманский щит, целя в ногу Скарпи. Но опыт есть опыт. Тридцать лет войны — и воин хоть с завязанными глазами угадает, откуда последует удар. Щит нурмана перехватил и отбросил меч варяга. Серега еле успел принять на собственный щит клинок Скарпи. Руку пронзила короткая боль. Отсеченный край щита, кусок дерева с медной оковкой, ударился о стену. И новый удар, тоже принятый Сергеем на содрогнувшийся щит. Еще удар... Духарев не успевал контратаковать. Скарпи полностью захватил инициативу. Его меч порхал в воздухе, как крыло бабочки, и сек так быстро, словно топор плотника, прорубающего паз в опорном столбе. Но каждый молниеносный удар отзывался болью в руке и жалобным треском деревянной основы щита. Сергей тоже мог бы вот так, изящно и стремительно, когда не рука ведет меч, а меч увлекает за собой руку... Но для этого нужно было перехватить правило поединка. На долю секунды сбить серебристое крыло нурманова меча. Крохотный миг, десятая доля секунды... Но Скарпи не давал противнику этого мига. Закаленная сталь кромсала Серегин щит. Левая рука Духарева почти онемела. Еще один удар — щит рассыплется, и тогда...

Серега все-таки сделал попытку встречной атаки.

Скарпи легко, играючи, свел ее на нет, выиграв лишние полсекунды,— размахнулся, длинно, с доворотом... Превосходный нурманский клинок с шипением разорвал воздух, выходя на завершающий удар, после которого от щита его противника останется куча бесполезной щепы, и хорошо, если только от щита...

...Духарев уже чувствовал этот, последний, удар, неотвратимый и сокрушительный. Сергей ждал его и уже почти принял... Но в самый последний момент словно какая-то сила толкнула его вверх. Духарев подпрыгнул на добрый метр (это в полном доспехе!), воины, нурманы и славяне, дружно ахнули... когда меч Скарпи с яростным шипением пропорол воздух под ногами Духарева. Хитрый нурман и не собирался доламывать щит. Хитрый нурман! Он был куда более опытным бойцом, чем Серега. Более опытным и более умелым, но удача изменила ему.

Инерция собственного замаха развернула Скарпи боком к противнику. На какой-то миг Сергей словно завис в воздухе — потрясающее зрелище! — затем булатный клинок сам провернулся в Серегиной кисти на обратный хват, и Сергей ударил сверху, с прыжка, будто копьем — повыше золотой «змеи», в кольчужный ворот нурманского панцыря. Вложив в удар не только свою немалую силу, но и сотню с четвертью килограммов облаченного в железо падающего тела. Брызнули в стороны лопнувшие кольчужные кольца, хрустнула кость, всхлипнула живая плоть, распадаясь, разрываясь под напором стального жала в три пальца шириной...

Духарев приземлился на спружинившие ноги, круглый щит соскользнул с руки нурмана, прокатился по земле и упал, задребезжав металлом оковки.

Нурман и варяг стояли напротив друг друга, глаза в глаза. Пальцы Духарева — на запястье правой, оружной руки Скарпи, а тот еще силился вырваться, ударить, хотя сердце его было разорвано надвое булатным варяжским клинком...

Светлые глаза нурмана подернулись дымкой. Он открыл рот, силясь что-то сказать, но вместо слов изо рта хлынула кровь, запятнав штаны и сапоги победителя.

Духарев аккуратно, почти бережно опустил обмякшее тело на землю, поднатужившись, вытянул из раны меч, обтер его, вернул в ножны и только после этого поднял глаза на закаменевшую шеренгу нурманов. И сразу, не колеблясь, свистом подозвал Пепла, взял повод и спокойно двинулся прямо на ощетинившиеся копья.

И стена расступилась. Сергей прошел между нурманами, ни на кого не глядя, неспешно, уверенно. И следом за ним вытек из западни весь десяток, один за другим, аккуратно объезжая мертвое тело, не отнимая ладоней от оружия... Но обошлось. Победа Духарева, его харизма стала щитом, который не просечь нурманской секире.

Потом, недели через две, большая часть этих нурманов придет к Духареву. Не с местью — проситься под его руку, в его сотню. Но это будет позже, а сейчас все, кто видел последний бой Скарпи, просто почувствовали: произошло нечто. Что-то изменилось в мире, который уже не будет прежним. Словно до

всех наконец дошло: умер. Нет, не боярин Скарпи Атлисон, верная шуйца князя, а сам великий князь киевский Игорь, сын Рюрика. Умер. Что дальше?

Глава пятьдесят четвертая

Посольство

А дальше были древляне.

Когда Духарев с гриднями, растолкав люд, пробились поближе, между древлянской лодьей и народом уже стояли двумя цепями серьезные Свенельдовы гридни.

Устах тоже был тут. Заметил кровь на Серегиной одежде, спросил: «Откуда?»

— Потом,— бросил Духарев.— Где Свенельд?

— Да вон он! Этих встречает,— Устах сплюнул в пыль.— Моя б воля...

Но воля была не его. И древляне прибыли не абы какие. Полномочное посольство от князя Мала — к вдове князя Игоря. Человек двадцать. Важные, блин. Шапки в полметра, бляхи на грудях золотые — в полщита.

Разговаривал с ними Свенельд. Асмуд от такой чести попросил его избавить. Сказал: «Не удержусь. Порублю».

И точно, не удержался бы. Послы вели себя с невероятной наглостью. Со Свенельдом, киевским воеводой, о деле говорить отказались. Но дали понять, что не каяться приплыли, а с деловым предложением. Но изложат его исключительно княгине. Ах, княгиня в Вышгороде? Ну так пусть пожалует в Киев. Недалек путь.

— Может, вас еще к княгине в терем на руках отнести? — с иронией спросил Свенельд.

— Можно и на руках,— с важностью отвечали послы.— А лучше прямо в лодье. И нас почтите, а пуще — князя нашего, прежде немалую обиду от вашего Игоря принявшего.

Серега слушал и никак не мог понять: всерьез это или шутка?

Оказалось, никакая не шутка. Но Свенельд держался железно: как будто так и должно быть.

— Можно и в лодье,— ответил он.— Только я сначала должен княгиню известить. Грамотку к ней дадите — с чем приехали? А уж она, слово даю, примет вас с тем почетом, какой вам подобает.

Тут глаза воеводы нехорошо сверкнули, но древляне этого не заметили.

Составили грамотку, вручили Свенельду. Главный посол воеводе даже подарок сделал: браслет золотой с птицами. Словно девке.

Воевода его потом Сереге сунул: жене отдашь.

У древлянской лодьи поставили стражу и поехали в Вышгород.

Грамотка оказалась знатная.

Никаких извинений и сожалений. «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил. И все ваши князья варяжские такие, а вот наши князья хорошие, потому что берегут Древлянскую землю. Так что иди, княгиня, замуж за князя нашего Мала, и станет он тебе мужем добрым, а Киеву судьей справедливым. Тут и распре нашей конец будет, и все станет ладом».

— Я этого Мала живьем в землю зарою! — яростно бросил Асмуд!— Сватов прислать вздумал, собачий сын! Варяжские князья ему плохие! Совсем взбесились, собачьи дети! Они еще не знают, что такое варяги! Узнают!

— Хотелось бы и мне это знать,— медленно проговорила Ольга.— Только ли от глупости они такие наглые. Или за этим еще что-нибудь есть?

— Есть,— мрачно подтвердил Свенельд.— Мне сообщили: Мал этот ссылался уже с уграми. Посулил за помощь под их руку отойти. Да не только древлянскими, но и полянскими землями, и моими уличскими. К нему в Искоростень сейчас отовсюду недовольные нами идут. Большая сила там собирается.

— Говорил я: надо было сразу ударить! — в сердцах воскликнул Асмуд.— А вы — подождать! Вот и дождались!

— Не кричи,— строго одернула его княгиня.— Что угры ответили, Свенельд?

— Еще не знаю. Но буду знать. Ну что, поднимаем войско?

— Нет,— качнула головой Ольга.— Сначала сватов примем.

— Да... ты... всерьез ли это говоришь, матушка? — в один голос воскликнули Свенельд и Асмуд. Ольга стояла к ним спиной, и они не видели ее лица. А Серега видел. Сватам можно было только посочувствовать.

— Ты, воевода, вроде обещал, что их на лодье ко мне понесут, с почетом великим? — спросила княгиня.

— Это я к слову...

— А велика у них лодья?

— Да нет. На шесть весел.

— Вот и хорошо. Распорядись, чтоб так и было. Собери людей, сколько требуется. Почтим гостей дорогих. И у меня их почтим. Особо...

Смотреть, как несут древлянских послов, сбежалось пол-Киева. Так что в добровольных помощниках недостатка не было. Но понесли их не на Гору, а на большой княгинин двор, располагавшийся за городскими стенами. Пронесли с почетом до ворот. У ворот же добровольцев от лодьи оттеснили княгинины люди. Лодью внесли во двор, и ворота, к немалому огорчению любопытных, затворились...

Лодья тихонько раскачивалась на плечах носильщиков. Словно по морю шла.

Древлянские послы, важно избоченясь, восседали на лавках. Во дворе, шеренгами, стояли дружинники.

Лодья замерла. На высоком крыльце появилась великая княгиня. Подняла руку, будто здороваясь... И уронила.

Сотни луженых глоток разом выкрикнули приветствие...

И прочная палуба, словно в шторм, полетела вниз, из-под ног древлян, в ужасе вцепившихся в борта.

Вопль их канул в реве воинов.

Так же, как хруст крепких корабельных досок.

Княгиня неторопливо подошла к глубокой яме, заглянула вниз.

— Что? — спросила.— Хороша ли для вас честь? Должно ли я величаю убийц князя моего? Сладко ли вам?

— Горько, княгиня,— ответили из ямы.

— То-то! — Ольга повернулась к своим, бросила коротко: — Засыпайте!

Тем же утром в Искоростень полетели гонцы из стольного града Киева.

Везли они грамоту от великой княгини старшине древлянской. Сказано было в грамоте: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди».

А в киевском Детинце оставшаяся без главы дружина Игоря приносила присягу его юному сыну Святославу.

У юного князя были лицо и рост мальчишки, но сложение и повадка мужа. А в седле он сидел так, словно конская спина была продолжением его собственного тела.

Пока Асмуд и Свенельд разбирались с дружиной, Серега с двумя десятками гридней оставался при князе.

— Ты — тот Серегей, который предсказал смерть моего отца? — спросил его мальчик.

— Да,— подтвердил Духарев.

— А мою смерть ты сможешь предсказать?

— Ты еще слишком юн, мой князь, чтобы думать о смерти,— снисходительно, как ребенку, ответил ему Сергей.

— Если древляне возьмут верх, они меня убьют,— спокойно ответил Святослав, и Духареву стало стыдно. Святослав был мальчишкой, но он был князем. И это было важнее того, сколько ему лет.

— Мы побьем их,— сказал Серега.— А ты вырастешь и прославишься.

— Я спросил: сможешь ли ты в назначенный час предсказать и мою смерть? — строго произнес мальчик.

— Если я скажу: да?

— Тогда я велю тебе всегда быть рядом со мной.

— Это честь,— сказал Духарев.— Но я хотел бы сражаться рядом с тобой и без этого.

— Так и будет,— выбритая головенка с одной-единственной светло-русой прядью величественно кивнула.— Что еще ты предсказал моему отцу?

— Еще то, что слава и удача будут с тобой, князь, пока рядом с тобой будет твой воевода Свенельд.

— А Асмуд?

— О нем я ничего не могу сказать. Только то, что он — лучший воин из тех, кого я знаю. Хотя ему уже немало лет.

— Свенельд будет рядом со мной,— сказал юный князь.— И Асмуд. И ты.

Глава пятьдесят пятая

«Князь уже начал...»

Древляне прислали новых послов. Лучших мужей со всей земли древлянской. Как просила Ольга.

Княгиня встретила их по-княжески. Пригласила в баньку с дороги...

Из баньки дорогие гости не вышли. Пожар в баньке случился, а двери — беда какая! — оказались на запоре. Так и сгорели гости в одночасье.

А из Киева в Искоростень новое послание полетело:

«Вот уже иду к вам. Готовьте медов поболее в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю по нем тризну».

И, взявши с собой одних лишь отроков своих да еще сотни полторы гридней, княгиня бесстрашно отправилась на древлянскую землю.

И Асмуд, и Свенельд пытались ее отговорить, но без толку.

— Вы, главное, сами не опоздайте! — заявила Ольга и отбыла.

Две недели Серега дома почти и не бывал, ночевал в гриднице — слишком дел много было. Но последнюю ночь перед отправлением решил провести дома.

Дома, надо отметить, вполне обходились и без него. Челядь ходила по струнке, зато во дворе толклись какие-то оборванцы, прикармливаемые Сладой, по христианскому обычаю. Ближе к вечеру появлялись более почтенные гости: из киевских больших людей. Непременно — Горазд с Мышом.

Большим успехом пользовался Артак. Как предсказатель. У Слады он завоевал полное доверие и право целыми днями бездельничать, что официально называлось: «Артак предается размышлениям». Расходы на парса, впрочем, были невелики: ел он, как птичка.

Серегу дома встретили фанфарами, гвардейским построением и троекратным «Ура!». Однако торжественного мероприятия «Большой хозяин вернулся» не получилось. Духарев, уже навострившийся командовать, с ходу бросил Мышу:

— Ты сегодня за старшего! — подхватил Сладу и увлек ее в спаленку, где они и провели вечер, ночь и даже ухитрились захватить кусочек следующего за ночью утра.

С рассветом бравый киевский сотник отбыл, прихватив с собой популярного парса (лекарь) и счастливого Мыша (набираться боевого опыта).

Мыша, правда, ему отдавать не хотели, но Серега клятвенно обещал Сладе, что глаз с брата не спустит, да и остальные его ребята присмотрят, чтоб не побили новобранца. Мыш в это время скромно стоял в сторонке, но едва отъехали, тут же заявил, что сам с усам, и никакого присмотра ему не требуется.

— Так,— сказал Духарев.— Ты, парень, забудь, как мне перечить. Это я тебе дома брат был. А теперь я — твой сотник. Скажу «бей» — бьешь. Скажу «беги» — бежишь. Скажу: спусти портки и за задницу себя ущипни — спустишь и ущипнешь. Не нравится — шагом марш обратно. Ну?

— Не нравится,— буркнул Мыш.— Но обратно не поеду. Ты — сотник. Буду делать, что скажешь.

— Молча!

— Молча.

— Вот и хорошо. А теперь — в галоп. Опаздываем!

* * *

Киевское войско, верней, не просто киевское, а киевского князя Святослава Игоревича, разворачивалось по южному краю поля. По северному строились, подтягиваясь, древлянские полки. Были тут не только древляне, но и иные племена, хотя пришлых было намного меньше, чем могло быть. И угорский король обещанную помощь не подал. Не успел. За спиной у древлян стоял крепкий город Искоростень, в котором вполне можно было отсидеться, но разъяренные древляне не стали отсиживаться за стенами, вышли в открытое поле.

Коварный план Ольги сработал.

Увидав, что княгиня приехала на тризну всего лишь с малым войском, древляне расслабились.

Немного насторожило их отсутствие среди спутников Ольги их собственных послов, но княгиня успокоила тем, что, мол, едут послы с почетом вместе с киевскими лучшими людьми.

От радости, что все получается по-ихнему, древляне выкатили немерено и выпивки, и закуски. Наиболее достойных Ольга пригласила на тризну. «Наиболее достойных» оказалось под тысячу. Во главе с будущим женихом, князьком древлянским Малом. В этом скопище пирующих древлян княгиня осталась одна-одинешенька. Если не считать ее отроков, прислуживавших на пиру... А когда древляне перепились настолько, что перестали соображать, княгиня скромно удалилась, отроки достали мечи и вместе с подоспевшими гриднями быстренько перерезали сотрапезников. Проблем у киевлян не возникло никаких, поскольку пировать на тризне полагается без оружия.

Вероятно, кого-то недорезали. Потому что утречком весь древлянский народ уже был в курсе происшедшего. В Искоростене стояли плач и ор, побежали гонцы в другие древлянские городки. Но разъяренные древляне не стали ждать, пока соберется вся их сила. Старейшины подняли дружину Мала (и поднимать особо не требовалось — ребята и так были очень сердиты), подняли ополчение и, не мешкая, устремились в погоню за коварной вдовой.

Не мешкая — это значит ближе к полудню. Смерть Мала лишила древлян единого командования, а дисциплиной ополченцы и так никогда не отличались. В общем, сборное воинство прошло верст десять — и получило весть, что к Искоростеню идет княжеское войско.

Движение застопорилось. Половина тут же закричала, что надо уходить за стены. Вторая требовала немедленной мести.

Орали до самого вечера. Притомились и решили, что утро вечера мудренее.

Утром древляне увидели русь.

И воспряли духом. Древлян было больше. Притом — существенно больше. И все время подтягивались новые силы. Киевляне же, которые могли ударить с ходу, почему-то выжидали. Это тоже было воспринято как признак слабости. Сборное войско воодушевилось. Только военные вожди отдельных ро-

дов продолжали пререкаться, деля командование. Главного так еще и не выбрали, когда увидели, что русы начинают выстраиваться для битвы...

Это Свенельд решил дать древлянам еще немного времени. Что, к врагу подходят подкрепления? Вот и замечательно.

— Я их знаю,— сказал воевода Святославу.— Чем больше их соберется, тем меньше у них будет порядку. Чем больше мы их разом прихлопнем, тем меньше потом придется выковыривать из-за стен.

Со Свенельдом не спорили. Древляне были — его. Он с ними и дрался, бывало, и дань с них собирал. В общем, выждали, сколько требовалось.

Серега стоял во главе второй сотни первой тысячи, то есть слева от центра и совсем рядом с военачальниками: Святославом, Свенельдом, Асмудом. Справа от Сереги восседал на коне Устах, слева — Понятко. За ним здоровяк Клёст держал личное Серегино знамя: белый стяг с вышитым синим соколом. Сокола придумал Серега, а вышила Сладислава.

Дальше, глубоким четким строем — конные тысячи объединенных дружин. Еще дальше — обоз и возок княгини с охраной.

Пепел нетерпеливо перебирал ногами — чувствовал общее нетерпение. Серега ласково поглаживал спинку лука, косился на командиров. Командиры не торопились.

По ту сторону поля, во всю длину, вытянулась шеренга лучших всадников. За ними — ополчение, густая шевелящаяся щетина пик, редкие стяги, родовые знаки. От древлян шел грозный низкий гул. Но русов это не пугало.

Так же как и то, что на одного киевского дружинника приходилось чуть ли не по десятку противников.

Серега, впрочем, чуточку нервничал. Это была первая его по-настоящему крупная битва. Зато ощущать за собой слитную мощь сотен и тысяч (при том, что одна сотня — лично твоя) — это было кайфово!

Свенельд наклонился к Святославу, шепнул ему что-то.

Юный князь поднял сулицу, раскачал и изо всех сил метнул в сторону вражеского войска.

Сулица улетела недалеко, но никто из русов не счел это неудачей. Отличный бросок для столь юного воина!

Свенельд привстал на стременах.

— Русь! — закричал он громовым голосом.— Князь уже начал — последуем за князем!

— Последуем за князем, братья! — туром заревел могучий Асмуд.— Русь!!! Перун!!!

— Перун! — подхваченный общим порывом, закричал Духарев, вскидывая лук.— Русь!

И пестрое облако стрел затмило солнце.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВАРЯГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Кулак как орудие выживания

Глава первая, в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки ... 7

Глава вторая, в которой почти ничего не происходит, зато у Духарева появляется ощущение, что у кого-то поехал шифер: или у него самого, или у всего окружающего мироздания ... 11

Глава третья, в которой выясняется, кто крут, а кто — не очень ... 15

Глава четвертая, в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз ... 19

Глава пятая, в которой говорится о местных законах, судопроизводстве, правах граждан и бесправии всех остальных ... 23

Глава шестая, в которой Серега Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом ... 26

Глава седьмая, где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство ... 30

Глава восьмая, в которой Серега Духарев размышляет о мистическом 34

Глава девятая, в которой не происходит ничего существенного 35

Глава десятая, где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея 38

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами 41

Глава двенадцатая, где оказывается, что Серега Духарев заработал на хлеб с маслом, а Чифаня понятия не имеет о том, что такое тотализатор 45

Глава тринадцатая, в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок 50

Глава четырнадцатая, в которой в очередной раз доказывается, что напиться можно чем угодно, даже слабым домашним пивом. Главное — выпить побольше 53

Глава пятнадцатая, в которой внешний вид Сереги Духарева наконец-то приводится в соответствие со здешними нормами 55

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев лично участвует в собственном шоу, а чуть позже делает два полезных вывода 59

Глава семнадцатая, в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-что из классики 61

Глава восемнадцатая, в которой у Слады появляется жених, а Серега Духарев совершенно неожиданно для себя принимает жизненно важное решение 65

Глава девятнадцатая, в которой Сереге Духареву неоднократно предлагается связать себя брачными узами, Чифаня приобретает транспортное средство, а в заключение ставится под сомнение славянское происхождение Духарева 69

Глава двадцатая. Без названия, но зато с эпиграфом 73

Глава двадцать первая, из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка 76

Глава двадцать вторая, в которой подтверждается старое правило: если дела идут хорошо — жди неприятностей, если дела идут очень хорошо — жди больших неприятностей 78

Глава двадцать третья, в которой друзья строят планы на будущее 84

Глава двадцать четвертая. Канун Дажьбогова праздника 87

Глава двадцать пятая. Плохая ночь 93

Глава двадцать шестая, в которой Серега Духарев изготовляет страшное оружие, перенятое японскими ниндзя у китайцев, а теми — у дикарей Суматры, или — наоборот, но очень скоро убеждается, что, к сожалению, в существующих условиях оно оказывается не более эффективным,чем ТТ без патронов ... 98

Глава двадцать седьмая, в которой спокойная полоса в жизни Сереги Духарева заканчивается большими неприятностями 100

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что прилежный холоп ложится спать сытым 104

Глава двадцать девятая, из которой можно узнать, что «свободный» — еще не значит «сытый» 108

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подходящий материал для изготовления клинка

Глава первая. Священный дуб и его обитатели 113

Глава вторая. Что такое «ведун» 118

Глава третья. Проблемы обработки железа, изготовленного сыродутной плавкой 120

Глава четвертая. Лесная «учебка» 123

Глава пятая. Сильное место 125

Глава шестая, где сначала говорится о богах и прочих высоких материях, а потом Сереге предоставляется возможность вываляться в грязи 129

Глава седьмая, в которой Серега Духарев узнает много интересного, например: почему старый варяг поселился в дубовом дупле 131

Глава восьмая. О скрадывании 136

Глава девятая. Посетители 138

Глава десятая, в которой Серега прогуливается по лесу и размышляет о том о сем 143

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев осваивает очередную воинскую игрушку 145

Глава двенадцатая. «Мы идем в Смоленск!» 147

Глава тринадцатая. Ярмарка 150

Глава четырнадцатая. Лошадь — друг человека 154

Глава пятнадцатая, в которой Серега Духарев заглядывает в омут и обнаруживает у себя дар ясновидения 155

Глава шестнадцатая. Туманные тропы предназначения 159

Глава семнадцатая. Медвежья охота 160

Глава восемнадцатая. Стрельба по живым мишеням 164

Глава девятнадцатая. В пути 166

Глава двадцатая. Лось 168

Глава двадцать первая. Волохова обитель 171

Глава двадцать вторая. Банька 173

Глава двадцать третья. Карнавал по-волоховски 175

Глава двадцать четвертая. Жертвоприношение 178

Глава двадцать пятая. Гулять так гулять! 183

Глава двадцать шестая, в которой Серега Духарев снова глядит в воду и узнает довольно неприятные новости 186

Глава двадцать седьмая. В путь! 189

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Варяг

Глава первая. Старые знакомые... 193

Глава вторая. ...И старые друзья 196

Глава третья, в которой Сереге представляется возможность на собственном опыте убедиться, что бывают случаи, когда хороший меч эффективней хороших законов 201

Глава четвертая, в которой Серега стал значительно богаче, но к цели приблизился ненамного 206

Глава пятая. Приятные новости 207

Глава шестая, в которой Серега узнает кое-что о местных локальных конфликтах и еще кое о чем, касающемся его самого 210

Глава седьмая, в которой Серега настигает-таки караван Горазда 214

Глава восьмая, где наконец выясняется, кто круче 217

Глава девятая, в которой Серега, помимо всего прочего, узнает, почему в Полоцке больше нет церкви 221

Глава десятая. Новые друзья 225

Глава одиннадцатая. Нурманы 229

Глава двенадцатая, в которой кулачные навыки Сереги Духарева получают заслуженное признание 235

Глава тринадцатая, в которой Серегу Духарева производят в высшее воинское сословие 240

Глава четырнадцатая, в которой Серега узнает кое-что полезное о политике и выслушивает еще одну версию гибели Вещего Олега 244

Глава пятнадцатая. Смоленск 247

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев знакомится с городом Смоленском, вернее, с его окрестностями 252

Глава семнадцатая, в которой знакомство с городом Смоленском продолжается 257

Глава восемнадцатая, в которой у Сереги Духарева появляются основания предполагать, что его пребывание в этом славном мире может внезапно оборваться... 259

Глава девятнадцатая. Без названия 265

Глава двадцатая, в которой Серега Духарев встречает кровного врага 268

Глава двадцать первая. Правосудие по-варяжски 279

Глава двадцать вторая, в которой Серега Духарев сначала лишается вида на жительство в городе Смоленске, потом имеет личную беседу с посадником Фрелафом и, наконец, получает приглашение на постоянную работу 286

Глава двадцать третья. Сборы 289

Глава двадцать четвертая. Когда-нибудь... 291

Послесловие от автора, не обязательное для чтения, но по-своему интересное 294

МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ

Глава первая. Удачное утро для варяжской охоты 299

Глава вторая, в которой выясняется, что даже удача может оказаться чересчур большой 307

Глава третья, в которой десятник варяжский Сергей применяет хитрость, именуемую «два зайца» 315

Глава четвертая. Стычка 319

Глава пятая. Неожиданная «находка» 327

Глава шестая. Ночь у неведомой реки 332

Глава седьмая. Ночь у неведомой реки (продолжение) 337

Глава восьмая. Ночь у неведомой реки. Совет 343

Глава девятая. Русы 348

Глава десятая. Соляной тракт 352

Глава одиннадцатая, особая, в которой повествуется о том, как Духарев с Устахом прошлой осенью славно потрудились в княжестве Черниговском, и еще кое о чем весьма замечательном 357

Глава двенадцатая, в которой снова — соляной тракт. Чумаки 401

Глава тринадцатая. Сон 403

Глава четырнадцатая. Печенеги 410

Глава пятнадцатая. Налет 417

Глава шестнадцатая. Албатан 420

Глава семнадцатая. Преследование 424

Глава восемнадцатая. Мышеловка под названием «Дикое Поле» 431

Глава девятнадцатая. Великий князь киевский и его дружина ... 434

Глава двадцатая. Парс, астрология, демоны и мрачные предсказания 437

Глава двадцать первая. Немного прошлого 441

Глава двадцать вторая. Таган 450

Глава двадцать третья. В горящей башне 459

Глава двадцать четвертая, в которой описывается частный случай отмороженности, который называется отвагой 463

Глава двадцать пятая. Уличный бой по-варяжски 470

Глава двадцать шестая. Уличный бой по-варяжски (продолжение) 474

Глава двадцать седьмая. Плоды победы 481

Глава двадцать восьмая. Плоды победы (продолжение) 484

Глава двадцать девятая, в которой герой, после трудов ратных и иных, более приятных, видит чрезвычайно странный сон ... 488

Глава тридцатая. Зомби 490

Глава тридцать первая. Сурожская степь 497

Глава тридцать вторая. Хан Албатан 502

Глава тридцать третья. Орда 503

Глава тридцать четвертая. Албатан. Удачное утро для печенежской охоты 507

Глава тридцать пятая, в которой Серега Духарев неожиданно узнает о том, что его считают мудрым 511

Глава тридцать шестая, в которой Серега в очередной раз видит скверный сон 517

Глава тридцать седьмая. Ловушка 520

Глава тридцать восьмая. Охота по-печенежски. Финал 525

Глава тридцать девятая. Великий князь киевский Игорь Рюрикович. Свои и чужие 528

Глава сороковая. «Не хочу!» 533

Глава сорок первая. Варяжская Правда 535

Глава сорок вторая. Асмуд, сын Стемида 539

Глава сорок третья. «Нам нужно это золото!» 548

Глава сорок четвертая. Вызов 552

Глава сорок пятая. Поединок 555

Глава сорок шестая. Парс 561

Глава сорок седьмая, в которой Духарев отказывается ехать с князем в Тмутаракань... 565

Глава сорок восьмая, в которой Серега горько жалеет о том, что отказался от предложения Асмуда 567

Глава сорок девятая. Добры молодцы — кривские купцы ... 578

Глава пятидесятая. Киев. Осень 580

Глава пятьдесят первая. Серегей, Перунов Гром 584

Глава пятьдесят вторая. «Я ему говорил...» 587

Глава пятьдесят третья. Шуйца великого князя 589

Глава пятьдесят четвертая. Посольство 598

Глава пятьдесят пятая. «Князь уже начал...» 602

Литературно-художественное издание

Александр Мазин

ВАРЯГ
ВАРЯГ. МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Ответственный редактор *А. О. Бельтюков*
Художественный редактор *О. М. Бегак*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой, В. В. Третьяка*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

Римляне считали их кровожадными дикарями, но сами они называли себя Славными и превыше силы ценили в вождях удачливость

История величайшего государства мира — Римской империи глазами двух наших современников

в авантюрно-приключенческом романе

АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

ВАРВАРЫ

В результате кратковременного сбоя работы бортовых систем космический корабль «СОЮЗ-ТМ-М-4» производит посадку в третьем веке.

Два русских космонавта оказываются среди варваров.

В одной из битв старшего из космонавтов, подполковника Черепанова, берут в плен, и его друг остается один на один с чужим миром. Ум, хладнокровие и удачливость помогают ему выжить, заслужить уважение варваров и даже стать одним из вождей будущих покорителей Рима.

Третий век от Рождества Христова. Великая Римская империя накануне великих потрясений. Скоро, истощенная гражданскими войнами, беззаконием и коррупцией, она рухнет под ударами варваров. Но сейчас, за год до того, как первый из «солдатских» императоров Максимин Фракиец облачился в царский пурпур, Рим — все еще величайшая империя в мире, грозная и могучая.

Второй роман «римского цикла»

АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

РИМСКИЙ ОРЕЛ

Один из героев романа «Варвары» — бывший подполковник ВВС России Геннадий Черепанов, вместе со своим другом, первым центурионом Гонорием Плавтом Антусом, вырвавшись из плена, преодолев сотни километров вражеской территории, выходят к Дунаю. А на том берегу — Великий Рим...

Серия: фантастика настоящего и будущего

Фантастический триллер
АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

СЛЕПОЙ ОРФЕЙ

Демон из тьмы веков — на улицах современного Санкт-Петербурга

Он тысячу лет скрывался в лесах, довольствуясь случайными жертвами и прячась от тех, кого называли ведунами.

И вот наступило время, когда его уже некому остановить.

Серия: «Этот мир — наш!»

Фантастика нового поколения!

АЛЕКСАНДР МАЗИН И АННА ГУРОВА

МАЛЫШКА И КАРЛССОН

Ее зовут Катя. Ей — семнадцать.

Она приехала в Питер из Пскова — поступать в университет.

Его зовут Карлссон. Его возраст неизвестен.

Он ловит руками голубей, знает староанглийский язык и умеет лазать по вертикальным стенам.

Сначала она думает: он — киллер...

Потом: он — сотрудник некоей секретной службы...

Действительность оказывается намного страшнее...

И намного интереснее...

Серия: «Фантастика настоящего и будущего»

Конец двадцать первого века. Российская империя — монархия и одна из ведущих мировых держав. Но в целом дела у человечества плохи. Природа обиделась на людей и реагирует на достижения человеческой науки землетрясениями, эпидемиями и прочими планетарными катастрофами.

Но ученым и военным не впервой расплачиваться чужими жизнями.

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Артем Грива, бывший сотрудник Департамента внешней разведки Российской империи, теперь — сотрудник международного комитета по пресечению запрещенных научных исследований. Во время обычной полевой операции — зачистке одного из секретных научных центров Пентагона, Артем Грива сталкивается с существом, контакт с которым был смертелен для любого человека. Но Артем выжил...

Серия: «Фантастика настоящего и будущего»

Фантастический триллер
АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

УТРО СУДНОГО ДНЯ

Двадцать первый век. Ближайшее будущее. Мир — накануне глобальных перемен. Планетарные катастрофы, беспричинное безумие, овладевающее людьми, зловещая тень мировой войны... Если мир погибнет — не уцелеет никто, даже могучая Российская империя...

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

АННА ГУРОВА

ЛУННЫЙ ВОИН

Мальчишка из рыбачьей деревеньки готовится стать помощником местного жреца. Однако ему уготована другая судьба: полоса суровых испытаний на грани между жизнью и смертью, жестокие и могущественные враги...

Совсем иначе могла сложиться жизнь наследника Лунной династии, если б имперская политика не вынудила родителей держать в тайне его рождение. Но придет время, тайное станет явным и Лунный воин силой возьмет то, что принадлежит ему по праву.

Новые потрясающие авантюрные боевики

АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

Грубая силовая борьба и высокие технологии. Наемники олигархов против элитных спецподразделений...

И семнадцатилетний парень, который делает то, что не под силу подполковнику ФСБ.

ЧЕРНЫЙ СТРЕЛОК
ЧЕРНЫЙ СТРЕЛОК 2

УАлексея Шелехова, еще недавно — студента элитного английского колледжа, наследника промышленной империи, опекун-олигарх отнял все: родителей, наследство, любимую девушку. Но не успел отнять жизнь и рассудок. Алексей сумел вырваться на свободу и вступил в неравную схватку со своим бывшим покровителем. Союзниками и друзьями Шелехова стали члены полупреступной группы, состоящей из пары бывших сотрудников спецслужб, пары киллеров, двух наемников и одного старшины роты ГРУ, бывшего начальника охраны Шелехова-старшего. У каждого из них свой счет к опекуну Алексея, и все они — такие крутые мужики, что круче, кажется, некуда. Но Алексей — круче...